

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

КНИГА VIII.

МОСКВА.

1899.

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered 3/29/69

сва, типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°.

Циженевская улица, собствен. домъ.

Digitized by Google

AP50
R 875
v. 20:8
MAIN

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ВСТРѢЧА. Романъ. — И. Н. Потапенка <i>Продолженіе</i>	1
II. ВЪ МАСТЕРСКОЙ. Бытовые очерки. — И. Данилина. <i>Продолженіе</i> .	38
III. СОПЕРНИКИ. Романъ Фредерика Вертольда. — М. Н. Р. <i>Окончаніе</i> .	67
IV. ДАЛЕКІЕ ДНИ. — Вл. Ладыменскаго	114
V. БРАТЪЯ. Новелла Элизы Ожешковой. Переводъ съ польскаго. — В. М. Л. <i>Окончаніе</i>	129
VI. СТИХОТВОРЕНІЕ. — В. Полтавцева.	170
VII. ИЗЪ ЖИЗНИ Б. Д. КАВЕЛИНА ВО ФРАНЦІИ И ГЕРМАНИИ ВЪ 1862—1864 гг. (По его перепискѣ за это время). — Д. А. Корсакова. <i>Продолженіе</i> .	1
VIII. О РАЗВОДѢ ПО ОБЩЕ-ГЕРМАНСКОМУ УЛОЖЕНІЮ. — А. И. Загоровскаго.	15
IX. СЕРВИТУТНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ ЗАПАДНОМЪ КРАѢ. — Л. С. Личкова. <i>Продолженіе</i> .	57
X. ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНЫЯ ЭКСКУРСІИ ПО ГОРАМЪ. — М. И. Венюкова.	82
XI. ЗЕМСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ НЕЗЕМСКИХЪ ГУБЕРНІЯХЪ. — В. В. Бирюковича.	88
XII. БОМАРШЕ И ЕГО ГЕРОЙ. — П. С. Когана.	107
I ВОЗМОЖНАЯ РЕОРГАНИЗАЦІЯ ВОЕННОЙ ЮСТИЦІИ И ВОЕННО-ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ. — Н. П. Хитрово.	123
X МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ А. И. ГЕРЦЕНА. — Н. Бѣлзернаго	146

852250

XV. ПИСАТЕЛЬ-ГОЛОВОТЯПЦЪ. В. В. Розановъ «Религія и культура». Спб., 1899 г. <i>Онъ же</i> «Сумерки просвѣщенія». Спб., 1899 г. <i>Онъ же</i> «Литературные очерки». Спб., 1899 г. М. А. Протопопова	155
XVII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — В. А. Г.	172
XVI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Высочайшее повелѣніе. — Мѣропріятія по министерству народнаго просвѣщенія: циркуляръ объ установленіи комплекта учащихся для первыхъ курсовъ университетовъ и объ ограниченіи учащихся въ выборѣ университета для продолженія образованія; циркуляръ объ организаціи практическихъ занятій для студентовъ, студенческихъ курсовъ и общежитій; циркуляръ о надзорѣ за учащимися въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; новый проектъ систематическихъ общедоступныхъ курсовъ; циркуляръ объ университетской инспекціи. — Проектъ новаго продовольственнаго устава. — Отчетъ о дѣятельности Московскаго общества грамотности за 1896 и 1897 гг. — Два принципиальныхъ разъясненія по вопросамъ земской жизни. — Закрытіе Московскаго юридическаго общества	181
XVIII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика. — Публицистика. — Философія, логика — Исторія, мемуары, біографіи. — Политическая экономія и статистика. — Юридическія книги. — Сельское хозяйство. — Учебники, пособия, дѣтскія книги. — Справочныя книги. — II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», <i>юль</i> . — «Мірѣ Божій», <i>юль</i> . — «Русскій Вѣстникъ», <i>юль</i> . — «Дѣтское Чтеніе». — «Родникъ». — «Дѣтскій Отдыхъ». — «Всходы». — «Майскія пушкинскія книжки». — III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 іюля по 1 августа 99 г.	273
XIX. ОБЪЯВЛЕНІЯ	1

ВСТРѢЧА *)

Романъ.

IV.

Всѣ въ домѣ еще спали, когда Варвара Васильевна поднялась, быстро одѣлась, тихонько вышла въ столовую, сварила себѣ кофе на спиртовой лампочкѣ, выпила его безъ сливокъ, которыя не были еще приготовлены, потомъ, не заходя въ свою комнату, надѣла коротенькую шубейку и вышла изъ дома. Было восемь часовъ утра. На улицѣ стоялъ небольшой морозецъ, снѣгъ едва только побѣлѣлъ мостовую, но извозчики выѣхали на дрожкахъ. Она взяла перваго попавшагося и поѣхала по направленію къ Невскому, а на Невскомъ взяла путь налѣво.

Она велѣла извозчику ѣхать тихо и по дорогѣ внимательно смотрѣла на вывѣски у подъѣздовъ, видимо, прочитывая ихъ. На самомъ углу Невского, у площади, она попросила извозчика повернуть направо и остановилась у подъѣзда. Надъ дверью была надпись: «меблированныя комнаты, посуточно и помѣсячно». Варвара Васильевна поднялась въ третій этажъ, позвонила и спросила вышедшую пожилую даму, очевидно, хозяйку, есть ли свободныя комнаты?

— Это для васъ, сударыня? — спросила хозяйка, видимо, не довѣряя наемщицѣ безъ чемодана или безъ какого бы то ни было узла.

— Нѣтъ, не для меня. Со скорымъ поѣздомъ пріѣдетъ мой родственникъ. Такъ для него, — отвѣтила Варвара Васильевна.

Хозяйка оживилась. Со скорымъ поѣздомъ... это—въ порядкѣ ей. Хозяева меблированныхъ комнатъ не любятъ нанимателей

изъ города. Это непременно люди съ какой-нибудь исторіей. Отважали въ квартирѣ за неплатежъ денегъ, а то еще хуже—рѣшившіе покончить съ собой. Но когда наниматель является съ вокзала и именно въ тотъ часъ, когда приходитъ поѣздъ, они бывають рады ему.

— А, для прїѣзжаго! Есть. Хорошая комната есть, со спальней. Вамъ въ какую цѣну?

— Во всякомъ случаѣ недорогою...

— У насъ дешево. Комната со спальней — одинъ рубль семьдесятъ пять веспѣскъ. Это—даромъ...

Варвара Васильевна посмотрѣла комнату. Одно окно выходило на Невскій, драпировка, альковъ съ кроватью. Въ комнатѣ все необходимое, чтобы прожить нѣсколько дней, и довольно чисто. Варвара Васильевна поторговалась, сказала, что жилецъ спокойный и аккуратный, ей уступили четвертагъ. Она взяла комнату и поѣхала обратно домой.

Когда она прїѣхала, Сергѣй уже напился чаю, а Надя кончала свой туалетъ.

— Какъ? Вы уже выѣзжали? — съ удивленіемъ воскликнулъ Сергѣй.

Онъ думалъ, что Варвара Васильевна еще спитъ, и что онъ всталъ раньше всѣхъ.

— Но какъ же? Развѣ ты забылъ, что сегодня прїѣзжаетъ Григорій Петровичъ?

— Дядя Гриша прїѣхалъ? Вы его встрѣтили?

— Нѣтъ, я только пріискала для него комнату... Иначе онъ влѣзетъ въ первую попавшуюся трущобу и съ него сдерутъ, сколько захотятъ...

— Комнату? — съ недоумѣніемъ спросилъ Сергѣй.

Они шли рядомъ по коридору и дошли до своей маленькой гостиной. Надя была готова, чтобъ идти въ столовую, и они встрѣтились въ дверяхъ. Сергѣй обратился къ ней:

— Какъ странно, Надя! Сегодня прїѣдетъ дядя Гриша и Варвара Васильевна наняла гдѣ-то для него комнату... Какъ будто онъ не можетъ у насъ помѣститься...

— У насъ негдѣ...—сказала Варвара Васильевна.—Вѣдь всѣ комнаты имѣють опредѣленное назначеніе...

— Онъ могъ бы спать въ кабинетѣ у отца... Или я перешелъ бы туда, а ему уступилъ бы свою комнату...

— Я могла бы переселиться къ вамъ или къ мамѣ!—проговорила Надя.—Да, это въ самомъ дѣлѣ странно!

— Нѣтъ, это все неудобно и тутъ нѣтъ ничего страннаго! — возразила Варвара Васильевна. — При всѣхъ этихъ комбинаціяхъ были бы маленькія жертвы, и это сознание постоянно стѣсняло бы Григорія Петровича. Притомъ же онъ любитъ свободу и немножко разгильдяй. Онъ здѣсь будетъ чувствовать себя связаннымъ...

— И все-таки странно, что папа не предложилъ ему...

— Папа? Но онъ ничего не знаетъ о пріѣздѣ Григорія Петровича.

— Не знаетъ? Почему же вы ему не сказали?

— Зачѣмъ? Вѣдь Григорій Петровичъ не ему, а мнѣ прислалъ телеграмму. Еслибъ онъ хотѣлъ, чтобы зналъ Валерьянъ Петровичъ, онъ прислалъ бы телеграмму ему... Не правда ли?

— Можетъ быть и правда, только во всемъ этомъ есть что-то тяжелое... — сказала Сергѣй.

— Нѣтъ, просто онъ не хочетъ затруднять его и притомъ не любить торжественныхъ встрѣчъ, — объяснила Варвара Васильевна, очевидно, не желая сосредоточивать ихъ вниманія на этомъ предметѣ. — Онъ пріѣдетъ и явится въ домъ и Валерьянъ Петровичъ будетъ очень радъ его пріѣзду. Хотите, поѣдемте сейчасъ и встрѣтимъ его вмѣстѣ? На вокзалѣ и познакомитесь.

Сергѣй и Надя съ живостью откликнулись на это предложеніе. Надя быстро пошла въ столовую и торопливо выпила чай. Ни Валерьянъ Петровичъ, ни Ольга Андреевна еще не выходили.

Въ домѣ Стаховыхъ день начинался довольно поздно. Утро тянулось долго, потому что всѣ поодиночкѣ приходили въ столовую и пили чай и кофе. Начинала день обыкновенно Варвара Васильевна, потомъ появлялся Сергѣй; Надя иногда спала долго, но все же выходила раньше Валерьяна Петровича, который ѣздилъ на службу поздно и потому не торопился съ утреннимъ завтракомъ. Если даже онъ просыпался рано, то долго еще оставался въ постели, читая книгу или пробѣгая газету. Ольга Андреевна совсѣмъ не являлась въ столовую; ей подавали кофе въ спальню и она пила его въ постели. Безъ этого она не могла подняться. Вообще, вся ея жизнь, благодаря слабому здоровью, была постояннымъ нарушеніемъ домашняго порядка.

Экипажъ не былъ заказанъ, а времени оставалось мало. Надо было торопиться. Поэтому было рѣшено взять извозчика. Дамы поѣхали вдвоемъ, а Сергѣю пришлось ѣхать отдѣльно. Они пріѣхали вокзалъ минутъ за десять до прихода поѣзда.

Встрѣчающей публики было немного и у всѣхъ были мрачныя лица. Видимо, всѣхъ тяготила обязанность встрѣчать родственни-

ковъ и друзей, имѣющихъ обыкновеніе сообщать телеграммами о своемъ пріѣздѣ.

Показавшійся невдалекѣ поѣздъ не вызвалъ замѣтнаго движенія въ публикѣ. Къ нему отнеслись равнодушно. Легкій морозецъ чувствовался здѣсь сильнѣе. Зябли руки и ноги.

Поѣздъ сталъ подходить. Стаховы избрали наблюдательнымъ пунктомъ мѣсто у выходной двери, чтобы не пропустить пріѣзжаго.

— Можетъ быть его трудно будетъ узнать. За столько лѣтъ онъ долженъ былъ сильно измѣниться! — сказала Варвара Васильевна.

— А мнѣ кажется, что я сразу узнаю его! — промолвила Надя.

— Ты? Но ты никогда не видала его!

— Да, но мнѣ онъ рисуется... какъ-то неуловимо. И вотъ по этимъ неуловимымъ чертамъ я его узнала бы...

Локомотивъ подошелъ къ платформѣ, потомъ стали пододвигаться одинъ за другимъ вагоны, все медленнѣе и медленнѣе и, наконецъ, совсѣмъ остановились. Публика зашевелилась; изъ вагоновъ вылѣзали пріѣзжіе, носильщики отнимали у нихъ чемоданы. Варвара Васильевна смотрѣла во всѣ глаза и ей казалось, что все смѣшалось и всѣ на одно лицо.

— Боюсь, что мы его прозвваемъ! — съ безпокойствомъ сказала она.

— А вонъ смотрите... Это не дядя Гриша? — спросила Надя, указывая на выходъ изъ вагона второго класса какъ разъ противъ нихъ.

Тамъ изъ вагона вышелъ и внимательно смотрѣлъ по сторонамъ высокій худощавый господинъ съ очень смуглымъ и вдобавокъ еще загорѣлымъ лицомъ, съ довольно длинной черной бородой, окаймленной по краямъ густыми сѣдинами. Одежда у него была странная для Петербурга: длинная шуба на черномъ овчинномъ мѣху, крытая синимъ сукномъ, высокіе сапоги, сивая барашковая шапка. Въ правой рукѣ онъ держалъ чемоданъ, въ лѣвой — большой дождевой зонтикъ и пальто. Тонкія черты его лица со строгимъ, какъ будто не совсѣмъ русскимъ профилемъ, сразу отличали его среди другихъ пріѣзжихъ. Онъ точно прибылъ изъ далекой чужой страны.

— Это онъ! — сказала Варвара Васильевна. — У тебя, Надя, поразительное чутье!

И они всѣ трое быстро направились къ пріѣзжему.

— Мы здѣсь, Григорій Петровичъ! — громко сказала ему Варвара Васильевна, и онъ вдругъ повернулся къ ней, радостно засмѣялся и показалъ свои отличные бѣлые зубы.

— А! Такъ здравствуйте, здравствуйте! Я немножко-таки рассчитывалъ на это!... — произнесъ онъ не сильнымъ, но довольно густымъ и хорошо слышнымъ голосомъ.

Онъ снялъ шапку, нагнулся и поцѣловалъ руку Варвары Васильевны, а она отвѣтила ему поцѣлуемъ въ голову, украшенную густыми, наполовину бѣлыми волосами.

— Ну, вотъ я и въ Петербургѣ!—прибавилъ онъ и при этомъ вопросительно посмотрѣлъ на молодыхъ людей, можетъ быть догадываясь, кто они.

— А племянниковъ вы не признаете?—спросила Варвара Васильевна.—Вѣдь это они. Вотъ Сергѣй Валерьяновичъ, а вотъ Надя. Глаза Григорія Петровича сдѣлались вдругъ большими.

— Вотъ какіе они!—воскликнулъ онъ и съ какой-то непосредственной искренностью и простотой расцѣловалъ обоихъ.—Ну, милые, милые! Просто сразу видно, что милые! Да и то сказать: побывали въ такой отдѣлкѣ, какъ ваша!... Отецъ здоровъ? Впрочемъ, онъ никогда не болѣетъ,—надѣюсь, и теперь, какъ прежде? У насъ у обоихъ здоровое тѣло. А мать? Больна, конечно, больна всегда, бѣдняжка!... Однако, надо убираться отсюда и поискать пристанища...

— Оно готово для васъ. Я уже наняла, тутъ, въ десяти шагахъ! — сказала Варвара Васильевна.

— Ну, на такую предупредительность я ужъ вовсе не рассчитывалъ!... Хорошо имѣть давнихъ и вѣрныхъ друзей. Такъ пойдете!

И онъ обѣими руками захватилъ свои вещи, которыя положилъ было на платформу.

— Развѣ у васъ нѣтъ большого багажа? — спросила Варвара Васильевна.

— О, нѣтъ, я попрежнему, по-студенчески ѣзжу... И вѣдь не надолго, всего на двѣ недѣли. Таковъ срокъ моего отпуска...

Они вышли на площадь. Сергѣй отнялъ у него чемоданъ и понесъ. Григорій Петровичъ шелъ впереди, рядомъ съ Варварой Васильевной, а Сергѣй и Надя вслѣдъ за ними. Меблированные комнаты были очень близко, такъ что извозчикъ былъ ненуженъ. Варвара Васильевна спрашивала его, зачѣмъ онъ пріѣхалъ, есть ли рѣдѣнная цѣль, или такъ себѣ?

— Именно такъ себѣ, лучше и нельзя охарактеризовать мою ѣзду!—отвѣтилъ Григорій Петровичъ.—Просто, соскучился по уютности. У насъ, вѣдь, не только въ деревнѣ, но даже и въ бернскомъ городѣ, она лишь въ самомъ зачаточномъ состояніи.

Есть старыя связи, надо ихъ возобновить, потому что имъ грозитъ опасность, за неиспользованиѣмъ, атрофироваться. А это будетъ жаль. Хорошаго всегда жаль... И, благодареніе Богу, никакихъ дѣлъ! Это самое пріятное! Въ Петербургъ ѣхать съ дѣлами значить—идти на вѣрную муку...

Сергѣй и Надя смотрѣли на него и слушали его и испытывали одинаковыя ощущенія. Чѣмъ-то совсѣмъ новымъ, невиданнымъ, не пережитымъ еще, вѣяло на нихъ отъ пріѣхавшаго родственника. Удивительная простота движеній и прямота рѣчей, заключающаяся не столько въ самыхъ словахъ его, сколько въ глазахъ и въ пріемахъ, сразу пріучала къ нему, освоивала съ нимъ, дѣлала его своимъ, какъ будто давно уже близкимъ, и вызывала на довѣріе.

Они проводили его до мебелированныхъ комнатъ, поднялись вмѣстѣ съ нимъ въ третій этажъ и увидали довольно скромную обстановку, отъ которой, однако-жъ, Григорій Петровичъ пришелъ въ восторгъ.

— Сейчасъ же два ведра воды изведу!—воскликнулъ Григорій Петровичъ.—Варвара Васильевна, вотъ вы, навѣрное, не поставили въ условіе найма—гомерическое количество воды! Я истребляю ее въ несмѣтномъ количествѣ. Кажется, я по ошибкѣ родился млекопитающимъ, а по настоящему мнѣ слѣдовало родиться рыбой...

— Но вы совсѣмъ не годились бы для рыбьей жизни!... Я думаю, что это условіе не встрѣтитъ препятствій. Ну, мы васъ оставимъ а за обѣдомъ встрѣтимся на Бирочной, неправда ли?

— Непремѣнно! обязательно!

У него былъ нѣсколько утомленный видъ и къ тому же онъ объявлялъ, что вторымъ дѣломъ послѣ мытья онъ завалится спать. Они простились съ нимъ.

Дамы поѣхали домой, а Сергѣй отправился въ университетъ. Впечатлѣнія встрѣчи съ Григоріемъ Петровичемъ не долго владѣли имъ. Они были пріятны, но поверхностны. Дядя Гриша несомнѣнно хорошій человекъ; онъ не похожъ на Валеріана Петровича, ни на другихъ людей этого круга. Но все это походило какъ бы на предисловіе къ повѣсти, а самая повѣсть вся еще впереди. Его положительные качества выяснятся впоследствии. Восторженнаго мнѣнія о немъ Варвары Васильевны еще недостаточно. Въ ней, можетъ быть, говорить голосъ старой дружбы, и она мыслить о немъ какъ о человекѣ прежняго времени. А съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ и онъ могъ измѣниться.

Скептицизмъ, который проснулся въ Сергѣѣ Стаховѣ въ послѣднее время, неизбѣжно долженъ былъ коснуться и дяди Григо-

рія Петровича. Люди, въ которыхъ онъ вѣрилъ безъ малѣйшей тѣни сомнѣнія, дискредитировали себя въ его глазахъ. Въ ихъ числѣ былъ его отецъ. Можетъ ли онъ послѣ этого что-нибудь или кого-нибудь принять на вѣру?

Имъ овладѣли другія мысли. Онъ шелъ на Васильевскій островъ. Онъ не былъ слишкомъ усерднымъ студентомъ. Его факультетъ—юридическій—позволялъ ему часто обходиться безъ профессорскихъ лекцій.

Въ этотъ день онъ съ утра, какъ только открылъ глаза, началъ испытывать безпокойство. И теперь ему хотѣлось поскорѣе встрѣтить Маркуева.

Съ Маркуевымъ у него не было никакой близости. Напротивъ, онъ относился къ нему холодно; сначала даже презрительно, не потому, однако же, что Маркуевъ не принадлежалъ къ его кругу и старался всячески втереться въ него, а потому, что этотъ молодой человекъ казался ему пустымъ и ординарнымъ. Они встрѣчались только на товарищескихъ пирушкахъ, гдѣ Маркуевъ всегда чѣмъ-то умѣлъ себя пристроить и уже приучить всѣхъ къ мысли, что онъ тутъ необходимъ.

И тѣмъ не менѣе Сергѣй Стаховъ очень хотѣлъ сегодня встрѣтиться съ нимъ. Ему надо было провѣрить вчерашнія впечатлѣнія Маркуева. Осторожный, недовѣрчивый, онъ сомнѣвался въ его полной искренности. И это его тревожило. Вчерашняя встрѣча, это внезапное, феерическое сближеніе съ дѣвушкой, которая казалась ему тайной, наполняла его душу.

Въ университетѣ онъ поднялся въ аудиторію, такъ какъ зналъ, что въ этотъ часъ для его курса читаются лекціи. Ему пришлось выслушать лекцію, но Маркуева тамъ онъ не нашелъ. Потомъ онъ слонялся по коридору и встрѣтилъ одного изъ бывшихъ въ тотъ вечеръ на Брестовскомъ. Но о таинственной незнакомкѣ всѣ давно забыли и ничего не говорили о ней.

Затѣмъ онъ спустился внизъ и направился въ буфетъ. Онъ зналъ, что у Маркуева была привычка постоянно закусывать. Этотъ человекъ скучалъ, когда нельзя было что-нибудь ѣсть или пить. И въ самомъ дѣлѣ здѣсь онъ нашелъ Маркуева въ тотъ моментъ, когда онъ побѣдоносно занесъ ножъ надъ парой вареныхъ сосисекъ.

Увидавъ Стахова, Маркуевъ почему-то весь просіялъ.—Ахъ, какъ радъ я тебя видѣть!—воскликнулъ онъ, съ жаромъ пожимая го руку.

— Почему?... спросилъ Стаховъ.

— Ты мнѣ живо напоминаешь вчерашній сонъ!

— Сонъ?—Какой сонъ?

— Вечеръ у Лавинскихъ! О, это дивно видѣніе! Эта дѣвушка точно спустилась съ неба!

— Ты находишь?—спросилъ Стаховъ и насмѣшливо посмотрѣлъ на него.

— О, да! Ты вчера вѣдь рано уѣхалъ, а я оставался до послѣдней возможности! И знаешь, я потомъ еще разъ встрѣтился съ нею...

— Ну, и что же?

— Какой ты счастливецъ Стаховъ!—восторженно воскликнулъ Маркуевъ.

— Почему это я счастливецъ?

— Она сказала: мы со Стаховымъ старые друзья! Неужели ты не влюбился въ нее?

— Нисколько! Развѣ влюбляются въ старыхъ друзей?

— О, пустяки! Такъ я тебѣ и повѣрилъ! А скажи пожалуйста, какое у нея имя? Странное какое-то!

— Ее зовутъ Діонисіей Александровной...

— Діонисія! Никогда не встрѣчалъ такого имени! И отчего это у оригинальныхъ женщинъ непременно бываетъ и оригинальное имя?

— Въ чемъ же она оригинальна?—подозрительно взглянувъ на него спросилъ Стаховъ.

— Ну, такъ... Въ ней что-то есть... Въ глазахъ!... Я сегодня же сдѣлаю имъ визитъ. А ты?

— Я не сдѣлаю визита!—отвѣтилъ Сергѣй.

— Ну, да... Впрочемъ, тебѣ и не надо, потому что ваши дома давно знакомы, а мнѣ еще надо завязать знакомство... Мой отецъ бываетъ у Лавинскаго по дѣламъ.

Заводить знакомства и связи—это было маніей Маркуева. Хотя онъ и довольно свободно обращался въ обществѣ, но въ глубинѣ души чувствовалъ себя въ немъ чужимъ. Отецъ давалъ ему большія средства, но создать ему положеніе онъ не могъ. Въ этомъ мѣшало ему мѣщанское происхожденіе, печать котораго онъ всюду носилъ съ собою. И молодой Маркуевъ самъ долженъ былъ создавать себѣ это.

— Но знаешь, чего я хотѣлъ бы больше всего на свѣтѣ?—говорилъ Маркуевъ, мечтательно просовывая кусочекъ сосиски въ ротъ:—чтобы меня пригласили бывать у нихъ...

— Почему же ты думаешь, что тебя не пригласятъ? Это дѣ-

лается очень просто, даже безъ особеннаго желанія, просто изъ вѣжливости...

— Я знаю... Пусть бы хоть изъ вѣжливости, я все равно воспользовался бы... Но въ томъ-то и дѣло, что на другой день послѣ бала визитеръ обыкновенно не застаётъ хозяевъ дома и принужденъ ограничиваться оставленіемъ карточки. О, я знаю это, потому что сто разъ это испыталъ...— Стаховъ внутренне усмѣхнулся, и эта усмѣшка слабо отразилась въ его глазахъ... «Экій ты бѣдняга!—думалъ онъ, глядя на своего товарища:—сколько ты встрѣчаешь препятствій на своемъ жизненномъ пути! Да, получить приглашеніе въ домъ не такъ легко, какъ попасть на парадный вечеръ... Кого только не встрѣчаешь на такого рода вечерахъ! Огромное большинство этихъ гостей извѣстны хозяевамъ только по имени. Но если бы представить себѣ, что всѣ эти люди сдѣлались бы обычными гостями въ домъ, то это несомнѣнно былъ бы самый несчастный домъ.

Кажется, Маркуевъ надѣялся, что Стаховъ предложитъ ему свою помощь въ дѣлѣ водворенія его въ домъ Лавинскихъ, но Стаховъ ничего не предложилъ. Онъ поднялся и сталъ прощаться.

— Ты уходишь?—съ видимымъ сожалѣніемъ спросилъ Маркуевъ.

— Да. Кажется, сегодня нѣтъ ни одной интересной лекціи, заслуживающей вниманія лѣвтяевъ...

— Ну, прощай!

«Мнѣ нечего тревожиться. Онъ хорошо подчиняется внушенію!»—подумалъ Стаховъ и вышелъ изъ буфета, потомъ надѣлъ пальто и оставилъ университетъ.

Проходя по Невскому, онъ встрѣтилъ свою коляску. Владиміръ Петровичъ ѣхалъ на службу. «Какъ странно!—подумалъ онъ, вспомнивъ о пріѣздѣ дяди Гриши:—родной братъ пріѣхалъ послѣ столькихъ лѣтъ разлуки, и, кажется, искренно любимый... И оказывается, что онъ еще не долженъ знать его... Вотъ къ чему обязываетъ большой чинъ и высокое положеніе»...

У.

Изъ университета Сергѣй не пошелъ прямо домой. Ему надо было зайти въ нѣсколько мѣстъ, и онъ вернулся на Кирочную только около шести часовъ.

Онъ въ передней узналъ, что Григорій Петровичъ здѣсь, но его шинной шубы не было на вѣшалѣхъ,—онъ явился въ пальто.

— А отецъ пріѣхалъ?—спросилъ онъ у горничной.

— Нѣтъ, еще не пріѣхали!

Впрочемъ, Валеріанъ Петровичъ никогда не пріѣзжалъ раньше семи часовъ. На службу онъ являлся поздно, а оттуда отправлялся прокатиться передъ обѣдомъ. Какова бы ни была погода, онъ считалъ своимъ долгомъ съѣздить на острова, тамъ выйти изъ экипажа и полчаса ходить, набирая въ легкія какъ можно больше сравнительно свѣжаго островного воздуха. Онъ считалъ это необходимымъ условіемъ продолжительной жизни.

Сергій вошелъ въ столовую и услышалъ говоръ, происходившій очевидно въ будуарѣ Ольги Андреевны. Онъ туда и направился.

Онъ бѣглымъ взглядомъ осмотрѣлъ всѣхъ присутствующихъ и сейчасъ же убѣдился, что здѣсь пріятно проводить время. У Ольги Андреевны было удивительно благодарное выраженіе лица, что случилось очень рѣдко, такъ какъ по большей части она бывала разстроена. Это значило, что дядя Гриша ей очень пріятенъ. Въ глазахъ у Нади тихо сіяла улыбка, и это значило, что она въ хорошемъ настроеніи. Варвары Васильевны здѣсь не было, она была у себя.

Григорій Петровичъ былъ въ черномъ сюртукѣ, который, хотя былъ сшитъ порядочно, точно отказывался сидѣть на немъ, вполнѣ какъ слѣдуетъ. Но все же онъ теперь не имѣетъ того старостуденческаго вида, въ которомъ вышелъ изъ вагона. Онъ даже видимо постарался прижать къ темени свои непокорные волосы. И, вообще, видно было, что, идя въ этотъ родственннй домъ, онъ принялъ всѣ мѣры, чтобы не выдѣляться въ немъ своей угловатостью.

Григорій Петровичъ посмотрѣлъ на Сергія съ выраженіемъ одобренія и сказалъ, обращаясь къ Ольгѣ Андреевнѣ.

— Вотъ какіе они молодцы у васъ! И какой у нихъ отличный гувернеръ!

— О, да!—воскликнула Ольга Андреевна:—бѣда имъ была бы безъ Варвары Васильевны при моемъ ужасномъ здоровьи. Они были бы предоставлены самимъ себѣ или какой-нибудь миссъ изъ комиссіонерскаго бюро, у которой неизвѣстно что на душѣ. Вѣдь отецъ такъ занятъ всегда былъ, что не могъ бы ими заниматься. Да, Варвара Васильевна спасла ихъ души, а меня освободила отъ страшной тяжести. Съ нею я не только могу спокойно жить, но и умереть спокойно, а это гораздо... о, гораздо важнѣе! Вѣдь жизнь тянется изо дня въ день, а смерть приходитъ одинъ только разъ, на одно мгновеніе и навсегда...

При этих словах выражение ее глазъ сдѣлалось грустно-мечтательнымъ. Она слишкомъ часто думала и говорила о смерти и, какъ казалось, безъ страха, а скорѣе съ упованіемъ. Бесполезность ее существованія тяготила и раздражала ее.

Она сидѣла въ глубокомъ низкомъ креслѣ, въ кружевномъ пенюарѣ, въ которомъ засталъ ее Григорій Петровичъ. Ноги ее лежали на скамейкѣ и были прикрыты чернымъ пледомъ. Въ сущности у нея никогда не было никакой опредѣленной болѣзни, но она вѣчно чувствовала себя больной. Врачи сказали, что это у нея «на нервной почвѣ» и, хотя исправно лѣчили ее, но всегда давали понять, что съ этимъ ничего нельзя подѣлать.

— Ты, кажется, въ этомъ году кончаешь курсъ?—спросилъ Григорій Петровичъ, обращаясь къ Сергѣю.—Что же, сейчасъ и на службу?

— Право не знаю. Я никогда еще объ этомъ не думалъ. Я не знаю, чѣмъ я буду!—отвѣтилъ Сергѣй.

— Будешь тѣмъ, чѣмъ будешь!—сказала Ольга Андреевна.

— Чѣмъ будешь. Вотъ отличное слово!—воскликнулъ Григорій Петровичъ:—я всегда былъ «чѣмъ будешь». Случалось переносить много тяжелого и горькаго. Но когда вспомнишь, то чувствуешь, что жизнь была интересна, жизнь съ внутреннимъ движеніемъ...

— А развѣ возможна жизнь безъ внутренняго движенія?—спросилъ Сергѣй.

— Но какъ же? Есть жизнь съ однимъ только движеніемъ по службѣ... Это жизнь петербургскаго чиновника. Она вся заключена въ этомъ заколдованномъ кругѣ. Петербургскій чиновникъ не служить для того, чтобы жить, а напротивъ: рождается для того, чтобы служить. И для службы онъ дѣлаетъ все. Для службы онъ учится въ гимназіи и въ университетѣ, для его службы профессора рожются въ ученыхъ книгахъ, составляютъ и читаютъ лекціи; для его службы печатаются на толстой бумагѣ кандидатскіе дипломы. Для службы же онъ женится, потому что ему нужны домашнія удобства и исправный желудокъ, чтобы не манкировать службѣ. Ближайшая его цѣль—повышеніе на слѣдующій чинъ, окончательная цѣль—выйти въ отставку въ такомъ чинѣ, который даетъ право на наибольшую пенсію! Вотъ это и есть жизнь безъ внутренняго движенія, а съ однимъ лишь движеніемъ въ службѣ... За эта спокойная жизнь, она течетъ тихо, какъ маленькій ручеекъ. Жизнь съ внутреннимъ движеніемъ всегда бываетъ полна опасностей... А Надя... Вѣдь ты готовишься въ виртуозы?

— Нѣтъ, я это оставила!—отвѣтила Надя.

— Почему же? Мнѣ писали о твоихъ большихъ успѣхахъ.

— Успѣхи были. Но таланта большого не оказалось. А съ маленькимъ не стѣитъ надрываться. Вѣдь тогда только изъ-за хлѣба, а хлѣбъ у меня есть.

— Скажите, дядя,—спросилъ Сергѣй,—развѣ вы не любите Петербурга?

— Напротивъ, я его предпочитаю всѣмъ нашимъ городамъ!—отвѣтилъ Григорій Петровичъ.

— Такъ почему же вы не живете въ немъ?

— Дядя Гриша думаетъ, что тамъ онъ приноситъ ббльшую пользу...—сказала Ольга Андреевна.

— Съ чего вы взяли, что я такъ думаю?—возразилъ Григорій Петровичъ.—Ахъ, да, это отголоски прошлаго. Да, было такое время, когда такъ думали. И всѣ, кто хотѣлъ наибольшей пользы, бѣжали въ деревню. И я раздѣлялъ это заблужденіе...

— Заблужденіе?—спросилъ Сергѣй.

— Да, я думаю, что это заблужденіе. Насъ даже посылали и теперь еще посылаютъ,—есть вѣдь такая версія учиться жизни у мужика. Но я достаточно наглядѣлся на него и пришелъ къ заключенію, что у него можно научиться развѣ только одному, дѣйстви-тельно изумительному, искусству—не помирать, не ѣвши!... А больше нечему...

— Такъ, можетъ быть, его можно кое-чему научить?

— И научить ничему нельзя, потому что... «кому на умъ пойдеть на желудокъ пѣтъ голодный?»... Какъ я его буду учить, когда онъ ѣсть хочетъ? А вѣдь онъ никогда не бываетъ сытъ. Напихать полное брюхо какого-то мѣсива съ квасомъ еще не значитъ быть сытымъ... И до тѣхъ поръ, пока мужикъ не будетъ накормленъ, какъ слѣдуетъ, ничему толкомъ его не научишь... И если кто хочетъ ему добра, такъ долженъ смотрѣть вверхъ, вотъ сюда, въ вашъ Петербургъ. Тутъ дѣйствиительно можно кое-чему научить...

— Кого?

— Какъ кого! Чиновниковъ вашихъ. И наука-то несложная: рассказать имъ, что такое есть настоящій живой мужикъ, настоящая Россія, а не бумажная. Вѣдь они тутъ толкуютъ о разныхъ типахъ школъ, объ общинѣ, о томъ и о семъ, и все потому, что изучали Россію по географическимъ картамъ. И не знаютъ они, что все это вопросы второго порядка. Нѣтъ, я ничего не имѣю противъ Петербурга, потому что волею судебъ онъ держитъ въ

рукахъ все благополучіе моей родины!... Да и какъ игнорировать городъ, отъ котораго все, рѣшительно все зависитъ?

— Почему же въ такомъ случаѣ вы не перейдете въ Петербургъ?—спрашивалъ съ любопытствомъ Сергѣй.

— Да такъ... Здѣсь надо обо всемъ просить, а я этого не люблю,—сказалъ Григорій Петровичъ.

— Но, я думаю,—замѣтила Ольга Андреевна,—что Валерьяну Петровичу это легко сдѣлать.

— Это только такъ кажется. Если онъ попроситъ за меня, то для него, конечно, сдѣлають, но зато онъ получитъ десятокъ встрѣчныхъ просьбъ, которыя долженъ будетъ исполнить. Здѣсь у васъ ничто не дѣлается даромъ и здѣсь все такъ: за зубъ—дюжина зубовъ. При томъ же Петербургъ легко дается тому, кто пріѣхалъ, какъ я, на двѣ недѣли; но жить въ немъ, зарабатывая трудами средства, слишкомъ трудно. Того и гляди, всѣ силы и время уйдутъ на это. А ради того только, чтобы кормиться, не стоить наваливать на себя эту пріятную тяжесть...

— Да, здѣсь и очень важныя особы работаютъ по 18 часовъ въ сутки. Вотъ, напримѣръ, Лавинскій, кажется, большая птица.

При упоминаніи этой фамиліи Сергѣй слегка вздрогнулъ и насторожилъ вниманіе. Григорій Петровичъ перебилъ рѣчь Ольги Андреевны.

— Лавинскій? Это тотъ, у котораго жена такая красивая?

— Да, и эта красота ему стоитъ восемнадцать часовъ въ сутки труда!

— Что-жь! За обладаніе красотой надо платить!—замѣтилъ Григорій Петровичъ.

Ольга Андреевна не отозвалась на это замѣчаніе. Нѣсколько секундъ помолчали и вдругъ Надя неожиданно для Сергѣя спросила:

— Мама, ты знаешь дочь Лавинскаго?

— Знаю. Очень красивая дѣвушка,—отвѣтила Ольга Андреевна.

— И это все, чѣмъ она замѣчательна?

— Я слышала что-то про ея эксцентричности, но не дала этому никакой вѣры...

— Какія же эксцентричности?—спросилъ Сергѣй и лицо его три этомъ было блѣднѣе обычнаго.

— Я даже не замѣтила ихъ,—настолько мало придаю значенія вѣтскимъ сплетнямъ. Развѣ въ нашемъ обществѣ найдется человѣкъ, о которомъ не говорятъ дурно? А въ особенности, если у него

есть какое-нибудь преимущество, какъ умъ или красота. У мадемузель Лавинской, кажется, есть и то, и другое...

Этотъ неожиданный поворотъ разговора, въ началѣ такъ далекаго отъ дѣвушки, которая такъ его занимала, сильно взволновалъ Сергѣя и онъ, конечно, не прекратилъ бы его, если бы не помѣшало внѣшнее обстоятельство. Раздался звонокъ, и всѣ рѣшили, что пріѣхалъ Валерьянъ Петровичъ.

Такъ это и было. Валерьянъ Петровичъ тихо подымался по лѣстницѣ, когда звонокъ швейцара предупредилъ объ этомъ лакея, который уже отворилъ дверь и ждалъ. Валерьянъ Петровичъ вошелъ и, въ то время, когда съ него снимали шубу, замѣтилъ въ передней присутствіе чужого пальто.

— У насъ кто-нибудь есть?—спросилъ онъ.

— Такъ точно, ваше превосходительство!—отвѣтилъ лакей, обыкновенно со всѣми говорившій по-человѣчески, но почему-то считавшій долгомъ Валерьяну Петровичу отвѣчать на военный манеръ.

— Кто же? Должно быть, у Сергѣя?

— Нѣтъ, это Григорій Петровичъ пожаловали!

— Какой Григорій Петровичъ?—спросилъ Валерьянъ Петровичъ, которому даже въ голову не пришла мысль о пріѣздѣ брата.

— Григорій Петровичъ, т.-е. вашъ братецъ, ваше превосходительство!...

— Что-о? Братъ, Григорій Петровичъ?—съ изумленіемъ воскликнулъ Валерьянъ Петровичъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство! Они изволятъ быть у барыни, въ будуарѣ-съ!

«Братъ, Григорій! Вотъ новость!»—думалъ Валерьянъ Петровичъ, направляясь въ будуаръ, и почему-то сердце у него билось не отъ одной только радости, такъ какъ онъ, дѣйствительно, любилъ и уважалъ брата, но и отъ смущенія. Въ теченіе многихъ лѣтъ не могъ онъ избавиться отъ этого чувства неловкости, виноватости, какое онъ всегда ощущалъ въ присутствіи младшаго брата.

Это чувство было бессознательное и потому непобѣдимое. Для него теперь, можетъ быть, совсѣмъ не было основаній въ его жизни; напротивъ, въ давнее время, этихъ основаній было слишкомъ достаточно.

Пріѣзжая со службы, Валерьянъ Петровичъ обыкновенно торопиво шелъ къ себѣ, мѣнялъ свой виць-мундиръ на пиджакъ и тогда только встрѣчался и вступалъ въ сношенія съ домашними.

Но теперь онъ позабылъ объ этомъ и явился въ будуаръ въ вице-мундирѣ, со звѣздой.

Григорій Петровичъ быстро поднялся и на лицѣ его появилась широкая, ясная улыбка удовольствія.

— Да неужели ты и настоящій, неподдѣльный?—воскликнулъ Валерьянъ Петровичъ и раскрылъ свои объятія.

— Я самъ! Какъ есть я!—отвѣтилъ Григорій Петровичъ, и они обнялись и расцѣловались.

— Да его и поддѣлать нельзя!—сказала Ольга Андреевна.— Онъ—chose unique!

— Ну, садись! Погляжу на тебя! Буда моложе меня! А лѣтами вѣдь всего на два года! Ахъ, я радъ, радъ, что вижу тебя!—съ волненіемъ говорилъ Валерьянъ Петровичъ, осматривая брата.

Потомъ начались разспросы, какими судьбами, надолго ли? Сергѣй тотчасъ же, какъ только вошелъ отецъ, сталъ въ наблюдательное положеніе. Онъ такъ основательно былъ уже подготовленъ къ этой встрѣчѣ, и его такъ глубоко занимали отношенія этихъ двухъ людей между собой, что онъ уже не могъ быть простымъ, непосредственнымъ зрителемъ.

Валерьянъ Петровичъ, очевидно, очень искренно обрадовался пріѣзду брата. Встрѣча была трогательная. У него даже глаза сдѣлались влажны. Но онъ нисколько не удивился тогда, что братъ не извѣстилъ его о своемъ пріѣздѣ, что онъ встрѣтился у себя въ домѣ, какъ уже съ готовымъ фактомъ. Это казалось страннымъ Сергѣю. Отецъ такъ любовно смотрѣлъ на пріѣхавшаго брата и ни на минуту не жалѣлъ, что ему не пришлось встрѣтить его.

— Хорошо это у васъ устроено!—говорилъ Григорій Петровичъ,—пріѣхалъ и безъ хлопотъ, прямо съ вокзала въ меблированную комнату, да въ постель мягкую и спать! И я теперь чувствую себя такъ, точно и не ѣхалъ трое сутокъ...

И опять со стороны Валерьяна Петровича ни удивленія, ни упрёка. Онъ только спросилъ:

— А ты гдѣ же остановился?

— А тамъ же, около самаго вокзала. Точно для меня нарочно устроено, и только меня и поджидали,—смѣясь отвѣтилъ Григорій Петровичъ.

— Ахъ, да! Это очень удобно!—сказалъ Валерьянъ Петровичъ, и это было все, что онъ сказалъ по этому поводу.

Скоро позвали въ столовую, и туда пошли всѣ, не исключая и Ольги Андреевны и Варвары Васильевны, которая пришла изъ своей комнаты. Григорій Петровичъ былъ, конечно, героемъ обѣда.

Онъ разсказывалъ о своемъ житьѣ-бытьѣ. Удивительно, что въ его жизни не было ничего веселаго, но онъ разсказывалъ такимъ тономъ, съ такой беззаботной улыбкой, что исторіи его казались веселыми.

Послѣ обѣда онъ «отпустилъ» Валерьяна Петровича и Ольгу Андреевну отдыхать, а самъ забрался въ «дѣтское отдѣленіе», какъ до сихъ поръ еще называли комнаты Сергѣя, Нади и Варвары Васильевны, и здѣсь просидѣлъ часа два. Здѣсь ужъ онъ ничего не разсказывалъ, а была просто веселая болтовня, отъ которой всѣмъ было весело. Съ нимъ скоро, почти сразу освоились и чувствовали себя такъ, точно давно уже и близко знали его. Надя даже почувствовала «настроеніе», сѣла за піанино и сыграла нѣсколько коротенькихъ вещицъ.

— Вотъ тутъ, должно быть, хорошо живется, въ этомъ маленькомъ сѣтѣ! — сказалъ Григорій Петровичъ.

— До сихъ поръ жилось хорошо! А какъ будетъ дальше — это знаетъ! — отвѣтила Надя и при этомъ мелькомъ взглянула на Сергѣя.

Она замѣтила его сегодняшнюю нервность и чуткость и объяснила все это вліяніемъ его вчерашней встрѣчи съ Лавинской. Сильное впечатлѣніе, произведенное на ея брата этой дѣвушкой, почему-то не нравилось ей. Она сама не знала, почему это. Можетъ быть, это была особаго рода братская ревность, а можетъ быть и до нея долетали отголоски отзывовъ о Лавинской. Кромѣ того, и то, что говорилъ отецъ про эту семью, не казалось ей благопріятнымъ. И въ глубинѣ души ея было смутное и ни на чемъ не основанное предчувствіе, что это увлеченіе Сергѣя внесетъ холодъ въ ихъ дружбу.

Часовъ въ десять Григорій Петровичъ перешелъ въ кабинетъ Валерьяна Петровича. Валерьянъ Петровичъ въ этотъ вечеръ былъ свободенъ. Освѣженный сигарой и недолгимъ сномъ въ креслѣ, онъ съ новымъ удовольствіемъ встрѣтилъ брата и у нихъ завязался непринужденный разговоръ, состоявшій большею частью изъ воспоминаній и возобновленій въ памяти прежнихъ событій и лицъ.

Сергѣй въ продолженіе всего вечера никакъ не могъ отвести свои мысли отъ замѣчанія, высказаннаго Ольгой Андреевной по поводу Лавинской. Объ ея эксцентричностяхъ говорятъ въ обществѣ. О какихъ же? Онъ имѣетъ основаніе вѣрить, что она способна на эксцентричности, но онъ знаетъ только одну, и ему извѣстно, что это было только одинъ разъ. Онъ зналъ это отъ нея, но онъ ни отъ кого другого не хочетъ слышать про нее, какъ только отъ нея самой. Онъ ей вѣритъ. Почему онъ не вѣрилъ бы ей? Она безъ вся-

нихъ исканій съ его стороны приблизила его къ себѣ. Она открыла ему доступъ къ своей душѣ. Въ ея словахъ онъ чувствовалъ правду.

Онъ встрѣтилъ ее при такой обстановкѣ, которая способна разбить всякую вѣру въ человѣка, и онъ все-таки повѣрилъ ей. Безъ сомнѣнія, эти свѣтскія сплетни, если бы даже онъ ихъ зналъ, и какъ бы онѣ ни были ужасны, не могли бы поколебать его вѣру, и не подозрительность руководила имъ, когда онъ хотѣлъ допытаться относительно ихъ у матери.

Это былъ страхъ за репутацію дѣвушки, которая была ему близка. Ему надо было знать, чтобъ уберечь ея имя отъ клеветы, отстранить отъ нея комья грязи, которые такъ охотно бросаютъ въ обществѣ въ того, кто смѣетъ чѣмъ бы то ни было не походить на всѣхъ. И вотъ почему онъ весь этотъ вечеръ испытывалъ тревогу.

Тревожное чувство усиливалось еще отъ странныхъ взглядовъ, которые видала на него Надя. Какъ только заходила рѣчь о чемъ-нибудь, могущемъ намекнуть на его увлеченіе, она начинала подчеркивать слова и что-то холодное становилось въ ея глазахъ.

Когда Григорій Петровичъ ушелъ въ кабинетъ, Сергѣй тотчасъ же удалился въ свою комнату и притворилъ дверь, какъ бы желая этимъ дать понять, что хочетъ остаться одинъ. И у нихъ ужъ было такое правило—никогда не врываться въ комнату другъ къ другу, если дверь притворена. Надя и не вошла къ нему, но когда она зашла въ комнату Варвары Васильевны и та взглянула на нее, то сейчасъ увидала на ея лицѣ тѣнь недовольства, которая рѣдко появлялась на этомъ безоблачномъ лицѣ, а потому была замѣтна.

— Что у тебя съ братомъ вышло?—спросила Варвара Васильевна, которая всегда ставила имъ обоимъ вопросы прямо.

— Съ братомъ, ничего. Я съ нимъ не говорила!—отвѣтила Надя.—Онъ ушелъ къ себѣ и притворилъ дверь.

— Ну, что - жь, значить, онъ хочетъ быть одинъ. Можетъ быть, у него есть работа!

— Я ничего не говорю противъ этого!

— Да, но твои глаза противъ чего-то.

— Мои глаза? Они ужасно болтливы!...

— Если ты не хочешь, чтобъ я читала въ нихъ, такъ я от-вернусь...

Н: на это не сказала ни слова, постояла съ минуту у окна, потомъ подошла къ креслу, въ которомъ сидѣла Варвара Васильевна, и опустилась на ручку его. Варвара Васильевна, слишкомъ хорошо знавшая духовный механизмъ своей воспитанницы, тот-

часть же поняла, что у нея что-то есть на душѣ, и она чувствуетъ потребность высказать.

— Вы знаете Лавинскую?—спросила Надя.

Варвара Васильевна съ удивленіемъ посмотрѣла на нее. Она мысленно связала тѣнь на ея лицѣ съ этимъ вопросомъ и подумала: неужели у нихъ съ братомъ размолвка на этой почвѣ? Тутъ же припомнился ей и разговоръ съ Сергѣемъ, когда онъ рассказывалъ ей о своей странной встрѣчѣ.

— Почему ты о ней думаешь теперь?—проговорила она.

— Я хочу только знать, встрѣчали ли вы ее когда-нибудь.

— Да, я ее встрѣчала...

— Вы говорили съ нею?

— Немного.

— Вы составили себѣ мнѣніе о ней?

— Конечно, какъ обо всемъ, что вижу. Но, разумѣется, поверхностно...

— Какое же впечатлѣніе она произвела на васъ?

— Какъ ты странно допрашиваешь! Не просто, а какъ будто въ ней для тебя есть особый интересъ...

— Да, есть! Я вамъ потомъ скажу, когда вы мнѣ отвѣтите.

— Она произвела на меня благопріятное впечатлѣніе. У нея очень замѣчательное лицо.

— Чѣмъ?

— Оно умное, и этотъ умъ какъ-то странно составляетъ часть его красоты. Я хочу сказать, что еслибъ оно вдругъ перестало быть умнымъ, то тотъ же часъ перестало бы быть и красивымъ. Это рѣдко бываетъ, что красоту въ такой значительной степени дѣлаетъ умъ, и эту красоту надо считать цѣнной.

— Такъ что вы... вы довѣряете ей?

— Я не имѣла случая проявить къ ней ни довѣрія, ни недо-
вѣрія...

— Но если бы такой случай явился?

— Мнѣ кажется, что я скорѣе довѣрила бы ей. Но почему тебя это такъ волнуетъ?

— Я вамъ скажу, она вчера произвела сильное впечатлѣніе на Сергѣя. Онъ очень много говорилъ съ нею.

— Да? Ну, и что же?

— Я не знаю... Но меня что-то въ этомъ тревожитъ...

— Я скажу тебѣ, что это. Ты, можетъ быть, и сама не знаешь, гдѣ и что, но ты навѣрно что-нибудь слышала въ обществѣ

про Лавинскую... Есть люди, которые въ другихъ вызываютъ злобу. Она принадлежитъ къ такимъ...

— Но почему именно она? Неужели безъ причины?

— Причина та, что она красивѣй и умнѣй многихъ. Это всегда бываетъ причиной злобы... Поэтому успокойся...

Надя ушла отъ нея, но Варвара Васильевна задумалась надъ тѣмъ, что узнала отъ нея. Она никогда не думала о людяхъ дурно раньше, чѣмъ они чѣмъ-нибудь не доказали это. Она презирала свѣтскіе разговоры и приговоры. Она хотѣла думать о человѣкѣ даже лучше, чѣмъ онъ стоитъ. Но та встрѣча Сергѣя съ Лавинской, гдѣ-то на островахъ, въ трактирной обстановкѣ... Нельзя же на это смотрѣть какъ на ничто. Можетъ быть, только теоретически, но эта дѣвушка, очевидно, пережила много. Да и ея семейныя условія таковы, что она должна была много перечувствовать. А Сергѣй такъ еще молодъ сердцемъ, онъ такъ еще недавно «пронюлся». Онъ привыкъ ходить на помочахъ и только въ послѣднее время умъ его началъ протестовать и самостоятельно доискиваться «правды вещей».

И она подчинить его себѣ безъ труда при помощи своей опытности, ума и красоты. Она подчинить его. Но что она изъ себя представляетъ въ дѣйствительности, добро или зло? Вѣдь этого она не знаетъ.

А Надя такая чуткая и она испытываетъ тревогу. Это нехорошо. Надя можетъ заблуждаться, но можетъ быть и права... Надя заразила ее своей тревогой.

А Сергѣй долго сидѣлъ на диванѣ въ своей комнатѣ, потомъ рѣшительно всталъ, подошелъ къ столу, сѣлъ, придвинулъ къ себѣ листъ почтовой бумаги и принялся писать.

«Дина, не считите это за чрезмѣрную смѣлость, но помимо простаго желанія видѣть васъ мнѣ еще нужно поговорить съ вами объ одномъ маленькомъ дѣлѣ. Маленькое дѣло можетъ оказаться большимъ, но, можетъ быть, вы рѣшите, что это пустяки. Итакъ, не откажите дать мнѣ возможность повидать васъ какъ можно скорѣе, если не хотите, чтобы я переживалъ безпокойство. Жду отвѣта съ большимъ нетерпѣніемъ. Сергѣй Стаховъ».

Онъ запечаталъ письмо, написалъ адресъ, потомъ вышелъ. Когда онъ шелъ по коридору его изъ маленькой гостиной облинула Надя.

— Сергѣй, ты въ кабинетъ къ отцу?

Онъ остановился.

— Нѣтъ, я выйду...

— Такъ поздно?

— Я всего на пять минутъ... я сейчасъ вернусь.

Ему не понравился этотъ опросъ. Въ прежнее время онъ охотно сообщалъ Нади о томъ, куда идетъ. Но сегодня у Нади были такіе пытливые и подозрительные глаза, и потому ея вѣшательство въ его жизнь раздражало его. Впрочемъ, онъ ничего не прибавилъ и, одѣвшись въ передней, вышелъ, сказавъ лакею, чтобы тотъ оставилъ дверь открытой.

VI.

На другой день Сергѣй никуда не пошелъ, поджидая отвѣтное письмо. Подозрительность Нади отъ этого еще больше усилилась. Вчера она поняла, зачѣмъ выходилъ братъ. Около 11 часовъ ночи, на пять минутъ—зачѣмъ же, какъ не зачѣмъ, чтобы опустить письмо въ почтовый ящикъ. Если бы ему надо было что-нибудь купить, то онъ послалъ бы за этимъ прислугу. Но письмо онъ не захотѣлъ довѣрить никому. Значить, это было письмо, которое нельзя было никому довѣрить.

Странное чувство овладѣвало Надей. Оно было результатомъ слишкомъ долгаго, спокойнаго дѣтства подъ крылышками Варвары Васильевны. Всѣ вопросы, приходившіе въ голову ей и Сергѣю, ставились вслухъ и рѣшались подъ ея руководствомъ. Она давала направление ихъ уму, подсказывала то или другое освѣщеніе и въ сущности все рѣшала, только ихъ устами.

Сама она не была довольна такимъ порядкомъ вещей. Она хотѣла отъ нихъ самостоятельности и всегда съ нѣкоторою досадою говорила: Ахъ, Боже мой! Когда же вы перестанете быть дѣтьми?

Но такъ какъ они все не переставали быть дѣтьми, несмотря на то, что Сергѣй давно уже сдѣлался студентомъ, а Надя выдержала послѣдній экзаменъ при гимназiи (она училась дома и каждый годъ держала экзаменъ), то Варвара Васильевна не могла же отказать имъ въ помощи.

Но ея рѣшенія всегда были слишкомъ мягки и примирительны. Она снисходительно смотрѣла на слабости людей и всегда и во всемъ искала чего-нибудь такого, за что можно было бы простить.

И Надя свыклась съ этимъ положеніемъ. Она свыклась съ нимъ больше, чѣмъ Сергѣй, который раньше, чѣмъ она, сдѣлался взрослымъ и началъ протестовать. Его протестъ вначалѣ изумлялъ Надю. Но такъ какъ онъ дѣлилъ его съ нею и всегда старался и ее привлечь на свою сторону, что ему часто и удавалось, то она легко мирилась съ этимъ.

А теперь Сергѣй видимо «отдалялся» отъ нея и даже, можетъ-быть, отъ Варвары Васильевны, и этого она не могла равнодушно перенести. Она чувствовала, что въ ихъ маленькомъ кружкѣ, прочно сплотившемся въ четырехъ комнатахъ, отдѣленныхъ отъ остальной квартиры, что-то разрушалось, и ожидалось что-то новое, но безъ ея участія. И это перемѣнило выраженіе ея глазъ. Они уже не были заоблачны, они были подозрительны и тревожны.

Григорій Петровичъ въ это утро не пришелъ. За завтракомъ была вся семья, но Валерьянъ Петровичъ торопился, и даже, какъ казалось, былъ чѣмъ-то разстроенъ.

— Надѣюсь,—сказалъ онъ, обращаясь къ Ольгѣ Андреевнѣ,— ты пригласила Григорія обѣдать у насъ каждый день?

— Развѣ его надо приглашать?—съ удивленіемъ воскликнула Ольга Андреевна.—Я думаю, мы можемъ надѣяться, что Григорій Петровичъ будетъ являться къ намъ за-просто, когда ему захочется.

— Я только этого и хотѣлъ бы, ты знаешь, но я не увѣренъ, что это такъ будетъ!—со вздохомъ сказалъ Валерьянъ Петровичъ.

Этотъ вздохъ не ускользнулъ отъ вниманія Сергѣя. Что онъ означалъ? Быть можетъ, раскаянье въ томъ, что были созданы причины, мѣшавшія Григорію Петровичу быть въ ихъ домѣ за-просто? Что-то тягостное было въ отношеніяхъ двухъ братьевъ и именно въ ихъ несомнѣнной и искренней любви другъ къ другу. Казалось, что будь этой любви поменьше—и тяжесть уменьшилась бы. Любовь была, она не подлежала сомнѣнію—съ обѣихъ сторонъ, но что-то мѣшало ей проявляться съ тою простотой и ясностью, какія свойственны искреннему чувству.

Со стороны Григорія Петровича чувствовалось какъ бы неполное довѣріе и потому осторожность, а въ старшемъ братѣ проглядывала нерѣшительность, какъ будто неувѣренность въ томъ, что его чувство примутъ за чистую монету. Эта тягость создавалась, конечно, не вдругъ, а накоплялась въ продолженіе многихъ лѣтъ.

Часа въ три, наконецъ, Сергѣю подали письмо. Онъ внимательно посмотрѣлъ на почеркъ адреса. Что-то удивительно своеобразное и твердое было въ этихъ крупныхъ, замѣтныхъ и въ то же время, благодаря своей оригинальности, не вполне ясныхъ буквъ. Онъ никогда не видалъ ея почерка, но у него ни на мгновеніе не было сомнѣнія въ томъ, что письмо отъ нея.

Онъ распечаталъ и прочиталъ: «Это хорошо, что вы обо мнѣ заботитесь, иначе было бы больно моему самолюбію, потому что я въ сѣнь думала о нашихъ странныхъ трехъ встрѣчахъ. Какъ это

сдѣлать, чтобы намъ встрѣтиться? Еслибъ это было въ январѣ или послѣ, я просто позвала бы васъ въ нашъ домъ. Тогда моя мать въ Ниццѣ, и я сама по себѣ. Теперь же она усиленно отдаетъ дань своему материнству, которое такъ запустила. Она очищаетъ свою совѣсть. У меня есть одинъ способъ, которымъ я должна воспользоваться, хотя и неохотно. Помните ту мою родственницу, съ которой... ну, остальное вы знаете. Она живетъ на Мойкѣ, въ домѣ 114, зовутъ ее Вѣрой Михайловной Увальевой. Я буду у нея сегодня часовъ около пяти (надѣюсь, что вы раньше получите мое письмо). Такъ вотъ туда и приходите. Не люблю я этого, потому что это напоминачіе свиданій, какія описываются въ романахъ, а я терпѣть не могу романовъ. Впрочемъ, это не относится къ дѣлу, ни къ большому, ни къ тому, которое можетъ оказаться пустяками, не правда ли? Приходите. Дина».

Сергѣй почувствовалъ настоящую радость по поводу того, что получилъ отъ нея отвѣтъ, а еще больше оттого, что увидить ее. Около пяти часовъ онъ ѣхалъ по направленію къ Мойкѣ. Падалъ снѣгъ, дулъ вѣтеръ, погода была прескверная, но это, разумѣется, не могло остановить его. Онъ только боялся, что погода помѣшаетъ ей пріѣхать.

Домъ, въ которомъ жила Вѣра Михайловна Увальева, былъ большой домъ, съ безчисленнымъ множествомъ маленькихъ квартиръ. Населяли его небогатые люди. Увальева жила во дворѣ, въ четвертомъ этажѣ, по узкой, не особенно чистой лѣстницѣ. Сергѣй поднялся и позвонилъ. Дверь отворилась и передъ нимъ стояла сама Вѣра Михайловна, которую онъ тотчасъ же узналъ, но ничѣмъ не проявилъ этого.

— Простите, пожалуйста, — сильно смутившись, промолвилъ Сергѣй, — мнѣ очень надо бы повидать мадемуазель Лавинскую. — Не находится ли она случайно у васъ?

— Еще нѣтъ, — отвѣтила Увальева.

— Нѣтъ? — разсѣянно спросилъ Стаховъ.

— Но если вы имѣете свѣдѣнія, что она будетъ сегодня, то подождите. Она, значить, будетъ.

— Я боюсь, что погода помѣшаетъ.

— Не думаю! Развѣ что другое, домашнее... А погода — нѣтъ. Погода ей не помѣшаетъ. Такъ зайдите!

— Благодарю васъ... Если только не обезпокою.

Стаховъ снялъ пальто, повѣсилъ его на вѣшалку и, еще разъ поклонившись хозяйкѣ, вошелъ въ дверь, на которую она ему указала. Онъ совсѣмъ не подумалъ о возможности такого случая,

когда онъ придетъ раньше Лавинской и ему предложить дожидаться. И предложеніе Увальевой застигло его врасплохъ. Но, разумеется, онъ не могъ отказаться отъ него.

Комната, въ которую онъ вошелъ, была не велика, въ одно окно, выходившее во дворъ. Обстановка въ ней была казенная, обычная въ квартирахъ чиновничьихъ вдовъ, живущихъ скромною пенсіей или отдающихъ въ наемъ меблированныя комнаты. Все было стариннаго фасона, довольно потертое; видно было, что все осталось отъ прежняго умѣреннаго благополучія.

Хозяйка не вошла вслѣдъ за нимъ и Стаховъ былъ ей за это благодаренъ. Еслибъ она вошла, его смущеніе могло бы принять слишкомъ замѣтные размѣры и формы.

Онъ же самъ остановился у окна и безъ вниманія глядѣлъ на то, что дѣлалось во дворѣ. Посреди двора была навалена огромная куча дровъ, сверху засыпанная снѣгомъ. Тутъ же помѣщалась устроенная по новымъ правиламъ гигиены черная яма, надъ которой каждую минуту кто-нибудь изъ жильцовъ дома приподнималъ крышку, и его обдавало тогда теплымъ паромъ.

Все это едва видѣлъ Сергій Стаховъ, чутко прислушивавшійся къ каждому шороху въ квартирѣ и на лѣстницѣ. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ Лавинскую, безъ которой его положеніе въ этомъ незнакомомъ домѣ могло сдѣлаться совершенно глупымъ.

Ему показалось, что Увальева не совсѣмъ дружелюбно посмотрѣла на него, и это ухудшало его положеніе.

Но прошло минутъ десять ожиданія и Стаховъ мало-по-малу освоился съ своимъ положеніемъ. Онъ началъ внимательно разсматривать обстановку, припоминалъ то, что говорила о ней Лавинская, и, наконецъ, пришелъ къ мысли, что здѣсь онъ собственно не у Вѣры Михайловны, а у Лавинской. По крайней мѣрѣ было очевидно, что здѣсь все къ ея услугамъ.

И когда онъ подумалъ такимъ образомъ, у него почему-то явилось непріязненное чувство къ Увальевой. «За кого она меня принимаетъ, это мнѣ рѣшительно все равно, — размышлялъ Стаховъ, — но я могу себѣ представить, что она думаетъ о Лавинской... Наверно, самыя опредѣленныя и, конечно, самыя пошлыя умозаключенія...»

И онъ теперь понялъ, почему Лавинская такъ неохотно пользовалась этимъ способомъ для свиданія съ нимъ.

Въ квартирѣ была тишина. Присутствія въ ней хозяйки совсѣмъ не было слышно. Сергію показалось, что съ лѣстницы доносится слабый звукъ шаговъ. Черезъ минуту раздался звонокъ.

Въ переднюю, тяжело ступая, вошла Увальева, щелкнулъ замокъ и раздался звукъ поцѣлуя.

— Тебя ждуть! — сказала Увальева.

— Я вижу! Вѣшалка раньше тебя сообщила мнѣ объ этомъ, — какимъ-то необыкновенно здоровымъ, полнымъ жизни и энергіи голосомъ произнесла Лавинская, потомъ прибавила громче: — надеюсь, это вы, Сергѣй Валерьяновичъ?

Сергѣй быстро пошелъ къ передней и остановился въ дверяхъ. — Это я! Конечно, это я! — съ волненіемъ отвѣтилъ онъ, и взглянулъ на нее.

Увальева снимала съ нея коротенькую мѣховую кофту, а она смотрѣла на него слегка прищуренными глазами и въ лицѣ ея было столько счастливой веселости, что и онъ невольно улыбнулся.

— Я боялся, что погода помѣшаетъ вамъ! — сказалъ онъ.

— Она старалась, но ей это не удалось! Это надо цѣнить!

— Это уже оцѣнено!

— Здравствуйте! — сказала она, протянувъ ему руку и, виѣстъ съ тѣмъ, входя въ комнату. — Я ужасно рада, что вы извлекли меня изъ дому. И рада, что вижу васъ. Право рада! Можете не вѣрить, если вамъ угодно!

— Нѣтъ, я предпочитаю вѣрить! И хотѣлъ бы видѣть доказательство въ томъ, что вы откликнулись на мой призывъ.

— А я думаю, это — доказательство! Впрочемъ, вы порядочно заинтриговали вашимъ важнымъ дѣломъ. Давайте, садимте и будемъ обсуждать его.

Они сѣли другъ противъ друга, и Сергѣй началъ уже чувствовать, что ему очень трудно будетъ рассказать ей свое дѣло, такъ какъ оно состояло главнымъ образомъ изъ страховъ и опасеній. И притомъ оно слишкомъ близко касалось его, и онъ не чувствовалъ себя въ правѣ обнажать ей душу.

Но она сразу вывела его изъ затрудненія.

— Знаете ли что? Я почти убѣждена, что знаю ваше дѣло! — сказала она.

— Вы знаете?

— Мнѣ кажется. Тутъ не надо геніальной догадливости. Если, повидимому, отъ меня зависитъ, чтобъ оно сдѣлалось большимъ или неважнымъ, то, значить, оно близко мнѣ. А если близкое мнѣ дѣло тревожитъ васъ настолько, что вы извлекаете меня изъ моего дома, то, принявъ во вниманіе, что вы немножко расположены ко мнѣ...

— О, гораздо больше!

— Тѣмъ лучше... Да, такъ принявъ все это во вниманіе, — видите, какой у меня ученый стиль. — Я думаю, что дѣло касается моей злосчастной репутаціи... Угадала?

— Поразительно!

— Итакъ, вы хотите, чтобъ я оправдалась передъ вами?...

— Боже сохрани. Если вы хоть на минуту подумали такъ, то только въ этомъ должны оправдаться... Я хотѣлъ только, чтобъ вы знали то, что говорятъ про васъ...

— Другъ мой! Я это знаю! Я навѣрно знаю, больше, чѣмъ вы. Про меня говорятъ, что я слишкомъ опытна, что я знаю то, чего дѣвушка въ моемъ возрастѣ не должна и не можетъ знать, про меня говорятъ еще такія дурныя вещи, которыя я не хочу повторять передъ вами.

— Но вѣдь это должно доставлять вамъ страданія.

— Нѣтъ! Если они такъ говорятъ, то, значить, не могутъ иначе! Такъ устроены ихъ души. Безполезно было бы пытаться противодѣйствовать. Они только подумали бы тогда, что я дорожу ихъ мнѣніемъ, а мнѣ, если говорить правду, до ихъ мыслей нѣтъ никакого дѣла. Вѣдь я никого не уважаю, никого, никого!... Я не уважаю даже своего отца... Но васъ я сама не знаю почему... Я къ вамъ питаю уваженіе и потому хочу, чтобы вы думали обо мнѣ хорошо. И я говорю вамъ, только вамъ: они лгутъ!

— Мнѣ не надо! Не надо! Я знаю это!... Ни одного сомнѣнія! — воскликнулъ Стаховъ.

— Можетъ быть! Я вамъ вѣрю. Я вѣрю, что теперь это такъ. Но если вы слишкомъ часто будете слышать про меня дурныя вещи, то это можетъ произойти невольно, помимо васъ... Есть такой физическій законъ, по которому предметы бросаютъ тѣнь отъ себя. Онъ въ этомъ не виноватъ... А я не хочу этого... Я боюсь этого... Вы еще не знаете моей жизни, моихъ условій, и не понимаете, какъ и почему мнѣ важно сохранить нашу, можетъ быть, и странную, но прекрасную дружбу... И вотъ я теперь говорю вамъ, что они лгутъ, и прошу васъ всегда, когда вы услышите про меня что-нибудь новое дурное, прямо спрашивайте у меня, правда это или ложь, и даю вамъ слово отвѣчать правдиво! Я думаю, что самое главное условіе настоящей дружбы, это, чтобы люди никогда ни въ чемъ не лгали другъ другу. Давайте пообщаемъ никогда ни въ чемъ не лгать другъ другу!

— Это ясно безъ общаній! — воскликнулъ Стаховъ.

— Нѣтъ, мы все-таки пообщаемъ. Тогда будетъ больше стыда, когда одинъ изъ насъ скажетъ не правду!... Я общаю!

— Я тоже!

— На этомъ будетъ держаться нашъ союзъ, и первая лопь одного изъ насъ разрушитъ нашъ союзъ. Ну, теперь торжественная часть кончена. Давайте поговоримъ о простыхъ дѣлахъ!—съ улыбкой проговорила она:—какъ вы провели минувшій день?

— Я былъ все это время подъ впечатлѣнiемъ нашей встрѣчи.

— Это хорошо! Это очень хорошо!

— Поэтому я былъ очень невнимателенъ даже къ своимъ прямымъ обязанностямъ. Напримѣръ, я слишкомъ мало занимался однимъ родственникомъ, который прiѣхалъ вчера утромъ. А между тѣмъ онъ очень интересный человѣкъ.

— Интересный? Развѣ есть на свѣтѣ интересные люди, кромѣ насъ съ вами?—смѣясь, замѣтила она.

— Бажется, что есть. Но они всегда бываютъ какъ-то въ тѣни. Въ самомъ дѣлѣ, я это замѣтилъ. Люди, стоящіе на виду, почти всегда шаблонны, а чтобы отдѣлить интереснаго человѣка, надо долго рыться и искать... Это какъ въ археологическихъ раскопкахъ: разныхъ ненужныхъ костей, мѣдяшекъ, пуговокъ, сколько угодно, стоитъ только копнуть лопатой, а чтобы добыть какую-нибудь рѣдкую вазу, надо рыться въ землѣ мѣсяцы и годы. Это—мой дядя! Пока я про него знаю только изъ чужихъ словъ, но я стану изучать его. И если правда, что онъ интереснѣе и лучше другихъ, то я вамъ его покажу... Онъ когда-то былъ въ ссылке, а теперь учителемъ въ провинціи. Отъ него на меня повѣяло чѣмъ-то свѣжимъ. Слушайте, Дина, чувствуете ли вы, какъ я чувствую, что мы живемъ въ спертomъ воздухѣ, что насъ точно накрыли огромнымъ стекляннымъ колпакомъ, который закрываетъ отъ насъ небо?... Не кажется ли вамъ, что насъ заставляютъ вѣрить въ людей, которые не внушаютъ вѣры, и что мы должны сами, во что бы то ни стало, отыскать для себя то, во что надо вѣрить?

— Ахъ, какъ хорошо, что вы это говорите и что вы такъ думаете!—съ радостнымъ выраженiемъ воскликнула Лавинская.—Я какъ-то не умѣла этого себѣ сказать... Ну, да, я совсѣмъ не умѣла и я говорила не то... Я думала и говорила себѣ, что мнѣ скучно и что я имѣю право искать чего-нибудь необыкновеннаго... Вѣдь это не то! Это низменно! Страдать отъ скуки... это—такъ мелко. И вотъ почему я дѣлала такіе шаги, отъ которыхъ вѣяло пошлостью... Я чувствовала, что мнѣ надо куда-то идти и чего-то искать, потому что то, что у меня есть, нигуда не годится, но я имѣла неосторожность идти туда, гдѣ тѣ же самые люди, и искать

у нихъ же... Понятно, я могла встрѣтиться съ пошлостью... Слушайте, Стаховъ, я сейчасъ должна уѣхать.

— Неужели сейчасъ?

— Да, въ объѣду надо быть дома. Я же вамъ говорю, что теперь мною занимаются. Но вы, вѣроятно, довольно скоро захотите повидаться съ своимъ союзникомъ?

— Еще бы! Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ разстанусь.

— Не говорите такъ. Это похоже на влюбленныхъ. А мы вѣдь не влюблены. Насъ связываетъ что-то другое.

— Мы союзники!—сказалъ Стаховъ.

— Да, союзники во имя правды, потому что всѣ лгутъ на каждомъ шагу, въ большомъ и въ маломъ... Итакъ, вы захотите повидаться со мной, я не хочу назначать свиданія, въ особенности здѣсь... Вѣдь Вѣра Михайловна мыслить такъ же, какъ и всѣ, и я думаю, что, несмотря на свою искреннюю привязанность ко мнѣ, она считаетъ меня самою дурною дѣвушкой во всемъ Петербургѣ.

— Я такъ подумалъ.

— И она менѣе всѣхъ въ этомъ виновата... Ахъ, да знаете ли что я вамъ скажу? Въ сущности они даже во многомъ правы!

— Они правы? Но въ чемъ же?—воскликнулъ Стаховъ.

— Они правы только въ словахъ. Они говорятъ, что я знаю больше, чѣмъ слѣдуетъ знать дѣвушкѣ. Они разумѣютъ подъ этимъ что-то дурное, что-то преступное. Но, конечно, я больше знаю, потому что я больше думаю и ищу. И я знаю много дурного, но знать дурное развѣ дурно? Я знаю очень много дурного. Я до двѣнадцати лѣтъ была подъ непосредственнымъ наблюденіемъ своей няньки, а потомъ при мнѣ перебивало три французенки, двѣ англичанки и нѣсколько нѣмогъ и каждая считала своимъ священнымъ долгомъ передать мнѣ все дурное, что она знала, конечно, съ оговоркой, что его надо бояться и избѣгать. И я знала очень, очень много дурного. Но они думаютъ, что я, зная дурное, и люблю дурное, какъ они сами, вотъ это ложь. Я не знаю почему, но я всегда чувствовала отвращеніе ко всему тому, что сообщается только тихонько, на ушко. У меня всегда было такое чувство, что если надо говорить тихонько, то, значить, нельзя сказать громко, а слѣдовательно, это—гадость... Ну, вы успокоились насчетъ моего дурного?

— Но я и не безпокоился. Я все равно, еслибы даже вы увѣрили меня въ этомъ, не могъ бы допустить относительно васъ ничего дурного. Ваша душа мнѣ представляется какъ бы горниломъ,

въ которомъ все очищается, и даже порокъ, если бы онъ нашелъ себѣ тамъ мѣсто, сдѣлался бы прекраснымъ.

— О, вамъ надо отвыкать отъ этого гиперболическаго стиля! — смѣясь, сказала Лавинская. — Я въ васъ это замѣтила... Вы, должно быть, много читали романовъ, тамъ все такъ, даже въ самыхъ лучшихъ. Но возвратимся къ главному. Я думаю, что вамъ слѣдуетъ просто пріѣхать къ намъ. Васъ приметъ моя мать, навѣрно приметъ, потому что отецъ дорожить хорошими отношеніями съ вашимъ домомъ, а она, когда бываетъ здѣсь, старается сдѣлать ему какъ можно больше пріятнаго. А затѣмъ ужъ вы просто будете пріѣзжать къ намъ и мы будемъ болтать, сколько намъ будетъ угодно. Въ сущности вѣдь только дѣлаютъ видъ, что занимаются иной, а на самомъ дѣлѣ до меня никому нѣтъ дѣла.

— Какъ? И отцу?

— Ахъ, отецъ! Ему некогда! Онъ весь состоитъ изъ дѣлъ и того, что не относится прямо къ его дѣламъ, онъ даже не понимаетъ... Ну, такъ вотъ. Вы просто пріѣзжайте. Хорошо?

— Отлично, я завтра же буду у васъ.

— Пріѣзжайте въ два часа, когда мать навѣрно дома; я тоже буду дома, разумѣется...

— Ахъ, да! Скажите, у васъ былъ вчера Маркуевъ, мой товарищъ, — помните, я вамъ его представилъ?

— Я видѣла его карточку!

— Бѣдняга! Онъ такъ этого боялся!

— Чего?

— Что ему придется ограничиться оставленіемъ карточки.

— Да развѣ онъ заслуживаетъ чего-нибудь большаго?

— Не думаю. Я думаю, что онъ надоѣлъ бы въ полчаса.

— Онъ уже это сдѣлалъ очень добросовѣстно и гораздо быстрее... Послѣ того, какъ вы уѣхали, онъ говорилъ со мной не больше десяти минутъ и я уже стала искать глазами кого-нибудь, кто спасъ бы меня отъ него... Но ему трудно къ намъ попасть еще по другой причинѣ. Отецъ какъ-то говорилъ о его отцѣ, что его нужно держать въ респектѣ, иначе онъ зазнается. У нихъ тамъ какія-то особыя соображенія... Я ѣду! Но вы уходите сейчасъ. Въ этомъ домѣ меня уже немного знаютъ... До свиданья, можетъ быть до завтра?

Она встала и подала ему руку. Онъ тоже поднялся, простился и вышелъ въ переднюю. Увальевой здѣсь не было и она не вошла. Стаховъ надѣлъ пальто, еще разъ пожалъ руку Лавинской и вышелъ на лѣстницу.

Погода еще больше испортилась. Онъ сѣлъ въ извозчичьи дрожки и поднялъ воротникъ. Когда онъ пріѣхалъ домой, то нашелъ въ маленькой гостиной, около своей комнаты, Варвару Васильевну, Григорія Петровича и Надю. Ольга Андреевна расхворалась и около ея спальни ходили на цыпочкахъ; Валерьянъ Петровичъ еще не пріѣхалъ.

— Вотъ кого намъ не доставало!—воскликнулъ Григорій Петровичъ, когда онъ появился въ комнатѣ.

— Ты такъ поздно изъ университета?—спросила его Надя съ заранѣе приготовленною ироническою усмѣшкой.

— Нѣтъ, я не былъ въ университетѣ сегодня... Такъ, было дѣло!

Надя ничего не сказала, но ироническая усмѣшка долго не сходила съ ея устъ.

VI.

Повидимому, до прихода Сергѣя общество проводило время очень весело. Сергѣй, идя по коридору, слышалъ громкій смѣхъ Нади. Но послѣ того, какъ онъ вошелъ, смѣхъ больше ни разу не повторился. Надя змолчала, и хотя Григорій Петровичъ, далекій отъ пониманія тонкой перемены въ ея настроеніи, продолжалъ въ прежнемъ тонѣ комически описывать свое путешествіе, она уже даже не улыбалась.

Съ нимъ на каждомъ шагу происходили недоразумѣнія, такъ какъ онъ былъ разсѣянъ и постоянно попадалъ не въ тѣ вагоны и даже не въ тѣ поѣзда.

— Вы знаете, иногда это ведетъ къ благополучію!—говорилъ Григорій Петровичъ. — Я, напримѣръ, въ Блину, напившись чаю въ буфетѣ, по ошибкѣ попалъ въ первый классъ, тогда какъ билетъ у меня—второго. Я самъ не обратилъ на это вниманія, кондуктору тоже не пришло въ голову провѣрить мой билетъ и я сладко проспалъ до самой Любани. Здѣсь, послѣ утренняго чая, я уже отправился въ надлежащій вагонъ, въ которомъ и доѣхалъ до Петербурга.

Онъ до страсти любилъ путешествовать, но средства не позволили ему часто пользоваться этимъ удовольствіемъ. Теперь у него была мечта поѣхать за границу. Онъ всегда мечталъ объ этомъ, но теперь у него было накоплено четыреста рублей, которые онъ считаетъ достаточной суммой, чтобъ изъѣздить весь свѣтъ.

— На четыреста рублей съѣздить за границу—это невозмож-

но! — сказала Надя, привыкшая всё стоимости представлять въ преувеличенномъ размѣрѣ.

— Это какъ кому! Другому этой суммы не то что мало, а просто даже какъ бы и вовсе ничего нѣтъ. А я съѣзжу, насмотрюсь, да еще тебѣ подарокъ привезу, — отвѣтилъ Григорій Петровичъ. — Вѣдь мнѣ только попасть въ благоустроенныя земли; а тамъ я надѣну сапоги на тройныхъ подошвахъ и пойду пѣшкомъ. А надо, надо!

— Зачѣмъ? — спросилъ Сергѣй.

— Какъ зачѣмъ? Умереть, не увидавъ, какъ живутъ люди, въ теченіе вѣковъ боровшіеся за лучшія идеи и въ извѣстной степени добившіеся ихъ, — безсовѣстно! Вѣдь мы питаемся крупцами отъ стола богача, крохами отъ той трапезы ума, до которой онъ дошелъ многовѣковой тяжелой работой... Я, положимъ, не у дѣлъ, мнѣ уже не предстоитъ никакой активной роли. А вотъ ты, Сергѣй, ты кончаешь ученье и будешь, конечно, служить. Ты будешь держать въ рукахъ конецъ хоть одной изъ милліона нитей, соединяющихъ Россію съ ея головой — Петербургомъ. Такъ тебѣ ужъ не грѣшно, прежде чѣмъ приняться за это смѣлое дѣло, побывать тамъ и поглядѣть на то...

— Я еще Россіи не видалъ, какъ слѣдуетъ... — возразилъ Сергѣй.

— Ну, это ничего не стоящая отговорка! Россію повидать... это — надо отѣхать триста верстъ отъ Петербурга и посмотрѣть какое-нибудь бѣдственное сельцо, торчащее у опушки лѣса, на берегу болота. Разгляди его хорошенько и ты увидишь всю Россію. Смотрѣть нечего. «Бѣдность да бѣдность, да несовершенства жизни», все тѣ же самыя, что Гоголь описывалъ. Только тогда въ нихъ были виноваты помѣщики, а теперь — не разберешь кто. Ну, я довольно насмотрѣлся и бѣдности, и несовершенствъ жизни, и я жажду увидать что-нибудь другое. Увидишь что-нибудь получше и прикинешь умомъ; можетъ, что-нибудь можно, какъ говорятъ музыканты, транспонировать и для нашего голоса... Вотъ весной, если удастся получить отпускъ (а не удастся, и такъ уйду), я и двинусь туда, и исхожу пѣшкомъ всю Европу... Не хочешь ли мнѣ компанію сдѣлать? Ты тогда уже будешь гражданиномъ, а?

— Не знаю! — задумчиво отвѣтилъ Сергѣй.

Всѣ эти вопросы для него были новы, и его возраженіе Григорію Петровичу не было продуктомъ его глубокаго убѣжденія. Россіи онъ, дѣйствительно, не зналъ. Всю сознательную жизнь онъ провелъ въ Петербургѣ, за исключеніемъ короткихъ каникулъ, которыя онъ

проводилъ въ деревнѣ. Но на деревню онъ смотрѣлъ, какъ на мѣсто отдыха, дѣтскихъ игръ и не уклонялся очень отъ усадьбы. То, что онъ тамъ видѣлъ, было дѣйствительно блѣдно и сѣро, но эти мимо-летныя и случайныя наблюденія онъ не считалъ знаніемъ, и у него не было никакого взгляда на этотъ предметъ.

Обѣденный часъ оживился необыкновеннымъ визитомъ. Еще до прибытія Валерьяна Петровича, пришелъ лакей и у него почему-то было взволнованное лицо. Варвара Васильевна слышала звонокъ, но объяснила его возвращеніемъ со службы Валерьяна Петровича.

— А что, зовутъ обѣдать? — спросила она.

— Нѣтъ еще. А пріѣхали ихъ превосходительства — Бузьминские...

— Какъ? Старики? Въ такой часъ? Это невѣроятно! — воскликнула Варвара Васильевна.

— Да-съ. Гаврилъ Ивановичъ и Раиса Орестовна. И, притомъ, видно, что останутся обѣдать...

Варвара Васильевна, какъ бы вмѣстѣ съ новостью получивъ отъ лакея и его волненіе, тоже, видимо, встревожилась.

— Но почему это васъ такъ волнуетъ? — съ удивленіемъ спросилъ Григорій Петровичъ. — Бузьминские — Гаврило Ивановичъ и Раиса Орестовна... Я ихъ отлично помню. Они намъ родственники по Ольгѣ Андреевнѣ и, кажется, не особенно дальніе... Почтенные старики. Онъ любилъ рассказывать анекдоты безъ дамъ... Любилъ острить, всегда неудачно и всегда самъ очень смѣялся своимъ остроумамъ...

— Ахъ, это все было давно. Теперь ужъ ничего этого не осталось, — ни анекдотовъ, ни остротъ, ни смѣха. Теперь имъ обоимъ больше чѣмъ по восьмидесяти лѣтъ...

— У нихъ была дочь, кажется, Дарья Гавриловна... Тогда ей было что-то лѣтъ двадцать восемь, и на лицѣ ея былъ написанъ постоянный страхъ — остаться старой дѣвой.

— Она пошла въ монашки! — сообщила Варвара Васильевна.

— Да что вы? Неужели теперь еще ходятъ въ монашки?

— Надя, можетъ быть ты займешь ихъ, пока мы соберемся?...

Мнѣ надо распорядиться...

Надя охотно пошла въ большую гостиную. Варвара Васильевна елѣла лакею послать къ ней горничную Асю.

— Я все-таки не понимаю, почему вы придаете такое большое значеніе этимъ старцамъ! — сказалъ Григорій Петровичъ.

— Но вы ничего и не поймете, пока не увидите ихъ близко. Еслибъ это было не въ обѣденное время, то еще куда ни шло. Но

ужь разъ они прѣхали обѣдать, то, значить, у нихъ случилось что-нибудь необыкновенное. Эти два полуразвалившіяся существа страшно дорожатъ жизнью. Если мы считаемъ мѣсяцы, недѣли и дни, то они считаютъ часы и минуты, такъ какъ имъ осталось жить немного. Поэтому они особенно важное значеніе придаютъ кухнѣ. У нихъ старый поварь, такой же старый, какъ они; онъ знаетъ всѣ ихъ вкусы и привычки, знаетъ слабости ихъ желудковъ, знаетъ, какой продуктъ какъ дѣйствуетъ на желудокъ Гавріила Ивановича и какъ отражается на пищевареніи Раисы Орестовны. И онъ всякое кушанье приготовляетъ съ вѣсами въ рукахъ, чтобы какъ-нибудь не ошибѣвъ не положить больше, чѣмъ слѣдуетъ, соли или кардамону. Но, по всей вѣроятности, съ нимъ что-нибудь случилось, и онъ сегодня не можетъ отправлять своихъ обязанностей. А они ни одному ресторану въ мірѣ не довѣряютъ, и даже изъ знакомыхъ вполне вѣрятъ только нашему дому и нашей кухнѣ. Такъ подумайте, какая отвѣтственность!

Пришла горничная и Варвара Васильевна очень долго и подробно давала ей порученіе для кухарки. Надо было сдѣлать нѣсколько дополнительныхъ блюдъ, какую-то скобленую котлету, что-то изъ овсяной крупы, что-то изъ сильно разваренной груши.

— Отъ вашихъ заказовъ вѣтъ тлѣніемъ! — сказалъ Григорій Петровичъ.

— Но это все, что имъ осталось! — замѣтила Варвара Васильевна.

— Не слѣдуетъ доживать до такого возраста, когда всѣ интересы жизни сосредоточиваются въ вопросахъ пищи и питья! — замѣтилъ Сергѣй, до сихъ поръ довольно разсѣянно слушавшій ихъ разговоръ.

— Ахъ, вотъ кстати, ты напомнилъ о питьѣ. Надо приобрести бутылку хиннаго вина Рафаэль...

— Это даютъ слабымъ дѣтямъ!

— Но они слабѣе дѣтей!

Горничная ушла, и они тоже рѣшили перейти въ большую гостиную. Сергѣй пошелъ къ себѣ и сказалъ, что онъ выйдетъ прямо къ обѣду. Варвара Васильевна на минуту зашла къ себѣ, чтобы поправить прическу. Когда они вошли въ гостиную, Нади посмотрѣла на нихъ съ благодарностью. У нея было утомленное лицо. Очевидно, разговоръ со старцами стоилъ ей большихъ усилій.

Гавріиль Ивановичъ Бузьминскій всегда славился своимъ личнымъ ростомъ, статностью и красивой манерой держаться. Онъ никогда не былъ военнымъ, но держался такъ, какъ будто боль

шую часть жизни провелъ въ строю. Въ свое время это стоило ему большихъ заботъ. Это было очень давно, когда онъ, въ качествѣ молодого свѣтскаго льва, побѣждалъ рѣшительно всякое женское сердце, попадавшееся ему на дорогѣ. И онъ долженъ былъ поддерживать и совершенствовать свою наружность. Для этого онъ предавался физическимъ упражненіямъ—фехтоваль, плавалъ, ѣздилъ верхомъ и въдобавокъ носилъ корсетъ. Можетъ быть все это помогло ему остаться такимъ же тонкимъ и стройнымъ, какимъ онъ былъ въ молодости. Теперь уже онъ не фехтоваль, не плавалъ и не ѣздилъ верхомъ, боясь, что отъ малѣйшаго неосторожнаго движенія у него лопнетъ какая-нибудь дряхлая жилка, и это положить предѣлъ его драгоцѣнному существованію. Но привычка носить корсетъ у него осталась и, благодаря этому, онъ и теперь, когда годы нагибали его къ землѣ, держался совершенно ровно и стройно.

Лицо его было совершенно выбрито. Его байроновскій профиль, конечно, потерялъ свою свѣжесть, носъ удлинился, губы слегка ушли внутрь рта, подбородокъ выдался впередъ, на щекахъ появилась одутловатость; но все же въ чертахъ оставались намеки на прежнюю красоту. Волосы на головѣ, низко остриженные, совершенно бѣлые, сохранились отлично, и это давало ему право подсмѣиваться надъ лысыми, въ особенности, если они были молоды.

Онъ не сдѣлалъ блестящей служебной карьеры. Насколько онъ всегда первенствовалъ въ обществѣ, въ особенности тамъ, гдѣ играли роль женщины, на которыхъ онъ дѣйствовалъ неотразимо, настолько скромное положеніе занималъ онъ въ службѣ. Не обладая администраторскими способностями, онъ въ то же время былъ лишенъ и ихъ, такъ сказать, эквивалента—умѣнья воспользоваться обстоятельствами и людьми, втереться и сдѣлаться необходимой фигурой. Занятый своими побѣдами, въ тѣ годы, когда кладется фундаментъ служебной карьеры, онъ прозѣвывалъ всѣ удобные случаи, у него выхватывали изъ-подъ носу лучшія назначенія, которыя онъ, благодаря своимъ связямъ, могъ бы легко получить и безъ труда выдвинуться. Когда же ему пошелъ пятый десятокъ, онъ остепенился, женился, почувствовалъ равнодушіе къ свѣтской нѣ и, пожалуй, не прочь былъ бы заняться своей служебной карьерой, но ужъ это было нѣсколько поздно, — поздно для того, чтобы класть фундаментъ, а безъ фундамента строить зданіе не мло. О немъ уже составилъ взглядъ, что онъ превосходный малъ, отличный собесѣдникъ, душа общества, все, что угодно, но

плохой чиновникъ. И онъ продолжалъ службу лѣнливо, какъ бы стараясь оправдать эту репутацію. Кое-какъ дотянулъ онъ до пенсiи, получилъ тайнаго совѣтника, въ видѣ утѣшенiя въ старости, и вышелъ въ отставку. У него было свое порядочное состоянiе, которое онъ не растратилъ, но и не увеличилъ. Въ общемъ, у него были достаточныя средства, чтобы жить прекрасно, ни въ чемъ себѣ не отказывая. Но старыя связи оставили ему почетное мѣсто въ обществѣ. У него былъ вѣсъ и его слово много значило.хлопотать о чемъ-нибудь черезъ Бузьминскаго — значило дѣйствовать почти навѣрняка.

Такимъ образомъ, онъ представлялъ собой человѣка, сильнаго для другихъ и не сумѣвшаго воспользоваться своей силой для себя. Таковъ былъ Гаврилъ Ивановичъ Бузьминскiй. Ольгъ Андреевнъ онъ приходился довольно близкою родней. Онъ былъ двоюроднымъ братомъ ея матери. Она называла его дядей.

Раиса Орестовна сдалась гораздо раньше своего мужа. На ней явственно лежали всѣ печати времени, хотя она была лѣтъ на восемь моложе Гавриила Ивановича. Сухощавая, слегка сгорбленная, со сморщеннымъ лицомъ, она была совсѣмъ старушка и единственный интересъ, какой у нея былъ въ жизни, это — забота объ удобствахъ для Гавриила Ивановича. Только на это ея хватало, ко всему же остальному она была глуха и слѣпа.

Она никогда не была красива. Напротивъ, черты лица ея обладали такими погрѣшностями, что даже она сама не могла заблуждаться, и не только другiе, но и она сама считала себя некрасивой. На кругломъ лицѣ у нея былъ слишкомъ маленькiй носъ и слишкомъ широкии ротъ. Небольшия глазки прятались гдѣ-то въ глубинѣ орбитъ. И ко всему — на лицѣ у нея остались довольно замѣтныя слѣды оспы.

Въ свое время всѣ удивлялись тому, что Гаврилъ Ивановичъ Бузьминскiй, патентованный красавецъ, который могъ бы выбрать себѣ жену красивую — выборъ у него былъ огромный — женился на самой некрасивой изъ своихъ поклонницъ. Насколько это было видно, семья Раисы Орестовны была небогата. Отецъ ея былъ усердный чиновникъ, съ нѣкоторымъ вѣсомъ, но никакого состоянiя у него не было. Онъ былъ чиновникъ стараго типа, уцѣлѣвшiй на службѣ послѣ реформъ, плохо образованный, но отлично знавшiй «дѣло».

И чтобы какъ-нибудь объяснить столь нелогичный поступокъ Бузьминскаго, стали, было, говорить (конечно, тѣ, у кого были

злые языки), что у отца Раисы Орестовны есть тайное состояніе, которое онъ приобрѣлъ, можетъ быть, еще въ дореформенное время, когда, какъ извѣстно, всѣ брали взятки. И вотъ, говорили тѣ, у кого были злые языки, Кузьминскій и рѣшилъ этой женитьбой поправить свои дѣла.

Но скоро всѣ увидѣли, что это не могло быть правдой. Молодые Кузьминскіе жили очень скромно, проживая то, что давали состояніе и служба Гавріила Ивановича.

Дѣло объяснялось совсѣмъ иначе. Гавріиль Ивановичъ видѣлъ на своемъ вѣку слишкомъ много красивыхъ женщинъ и бывалъ очень близокъ къ нимъ и жизнь мало-по-малу сдѣлала его скептикомъ по части женской красоты. Онъ убѣдился, что красота и вѣрность — естественные враги и что они очень рѣдко уживаются.

И, разумѣется, это было не то, чтобы Гавріиль Ивановичъ, придя къ такому взгляду, сталъ бы искать во что бы то ни стало себѣ въ жены самую некрасивую женщину. Это было бы глупо, а Гавріиль Ивановичъ совсѣмъ не былъ глупымъ человѣкомъ. Нѣтъ, дѣло было совсѣмъ не такъ.

Раиса Орестовна давно уже, въ пору самой цвѣтущей славы Гавріила Ивановича, тайно питала къ нему неузротимое чувство. Зная недостатки своей наружности и то, какъ легко достаются Гавріилу Ивановичу побѣды надъ красавицами, она, конечно, не смѣла открыть ему свое чувство, но онъ видѣлъ и зналъ объ этомъ. Трудно было не видѣть, потому что чувство было слишкомъ пылкое, чтобъ его можно было скрывать, и Гавріиль Ивановичъ видѣлъ, но не обращалъ вниманія, потому что ему было не до того.

Но когда наступило отрезвленіе, когда онъ позналъ всю тщету свѣтскихъ увлеченій и успѣховъ, онъ обратилъ вниманіе на Раису Орестовну. Онъ оцѣнилъ ея характеръ и главное — ея постоянство. Несмотря на то, что онъ никогда не давалъ ей никакой надежды и она имѣла основаніе думать, что ея чувство никогда и не будетъ замѣчено, чувство это сохранилось въ полной неприкосновенности, и при малѣйшемъ благосклонномъ взглядѣ со стороны Гавріила Ивановича, оно вспыхнуло съ неудержимой силой, и она поглялась ему въ вѣчной вѣрности. Тогда она еще не допускала мысли, что можетъ сдѣлаться его женой и сказала, что на всю жизнь останется инокой.

Такая привязанность тронула Гавріила Ивановича и онъ, послѣ некотораго размышленія, предложилъ Раисѣ Орестовнѣ руку и сердце и состоялся ихъ бракъ. Отъ этого брака была у нихъ дочь,

Дарья Гавриловна, которая, къ несчастью, получила наружность не отъ Гавріила Ивановича, а отъ Раисы Орестовны и была вся въ нее. Это помѣшало ей своевременно выйти замужъ и она изъ гордости, чтобы не оставаться старой дѣвой у всѣхъ на виду, пошла въ монастырь, не имѣя, впрочемъ, къ тому никакого призванія.

Гавріиль Ивановичъ не сдѣлалъ ошибки. Вся жизнь Раисы Орестовны была посвящена уходу за нимъ. Правда, самъ онъ не сдержалъ своего обѣщанія и раза два, подъ вліяніемъ воспоминаній о своихъ былыхъ успѣхахъ, уклонился отъ семейной добродѣтели. Но Раиса Орестовна не произнесла даже ни одного упрека, а безмолвно простила ему. Тогда ему сдѣлалось стыдно и онъ далъ себѣ самому крѣпкую клятву во всю остальную жизнь быть ей вѣрнымъ мужемъ.

Гавріиль Ивановичъ прищурилъ глаза и нѣкоторое время глядѣлъ на Григорія Петровича взглядомъ безразличія, какъ смотреть на совершенно незнакомаго человѣка.

— Неужели вы меня не узнаете, Гавріиль Ивановичъ?—спросилъ Григорій Петровичъ.

Тутъ въ глазахъ Кузьминскаго появилось воспоминаніе. Слухъ теперь гораздо больше служилъ ему, чѣмъ зрѣніе. Онъ узналъ его по голосу.

— Но какъ же? Какъ же? Я васъ узналъ!—воскликнулъ онъ.— Раиса, помнишь Григорія Петровича? Это братъ Валерьяна Петровича; помнишь?

Раиса Орестовна помнила. Оба они, повидимому, встрѣтили Григорія Петровича съ удовольствіемъ. Было въ ихъ воспоминаніяхъ что-то такое, что вызывало на ихъ лицахъ улыбку. Но это можно было объяснить простой свѣтской любезностью. Не могла, однако, Надя понять, почему Григорій Петровичъ такъ горячо пожималъ имъ руки и, вообще, выказывалъ имъ исключительную почтительность. Не могъ понять этого и Сергѣй, когда вышелъ къ обѣду и наблюдалъ ихъ.

А между тѣмъ и это просто объяснялось. Въ ту пору, когда у Григорія Петровича вышло «недоразумѣніе», изъ-за котораго онъ долженъ былъ покинуть Петербургъ и ѣхать въ далекія мѣста, никто другой, какъ Гавріиль Ивановичъ, хлопоталъ о немъ, и не будь его вліянія, Григорію Петровичу пришлось бы уѣхать гораздо дальше. Въ то время, какъ Валерьянъ Петровичъ, дорожа своимъ служебнымъ положеніемъ, не только не рѣшился даже заикнуться въ пользу брата, но считалъ необходимымъ принимать его съ чер-

наго хода, Гавріилъ Ивановичъ, нѣсколько даже рискуя своимъ положеніемъ, ѣздилъ куда только возможно, и добился для него облегченія.

Такимъ образомъ, между Григоріемъ Петровичемъ и этими слишкомъ долго засидѣвшими на землѣ старцами была тѣсная связь. Когда же пріѣхалъ Валерьянъ Петровичъ и, выйдя въ гостиную, увидалъ Бузьминскихъ, бесѣдующихъ съ его братомъ, онъ остановился на порогѣ, какъ бы охваченный какимъ-то тяжелымъ чувствомъ смущенія.

Онъ вспомнилъ вдругъ о томъ времени, и о томъ, какъ были тогда распределены роли.

И. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ МАСТЕРСКОЙ*).

Бытовые очерки.

У.

Вечеромъ, получивъ деньги, рисовальщики гурьбой отправились на «Балканъ». Въ залъ для «простонародья» сидѣли уже другіе рабочіе заведенія Мохова.

— Все свои! Раздолье, ребята! — съ безшабашной удалью проговорилъ Свищевъ, окидывая комнату взглядомъ.

Рисовальщики прошли въ «дворянскій залъ», гдѣ и заняли большой столъ у органа.

— Ну-ка, заведи! — первымъ долгомъ распорядился Свищевъ, показывая на машину.

— Что прикажете? — почтительно осведомился половой.

Свищевъ задумался, выбирая.

— Попури изъ русскихъ пѣсенъ, — рѣшилъ онъ.

— Голубчикъ, лучше маршь изъ «Фауста», — упрашивалъ Боптевъ. — Торжественнѣе будетъ!

— Ну, «Фауста»! — согласился Свищевъ.

— Ты, братъ, ветчину-то не забудь! — напомнилъ ему Мотылевъ.

— Удивляюсь, какъ это ты, Мотыль-Мотылевичъ, а любишь такія матеріальныя вещи. Что тебѣ ветчина? Тебѣ лилію нужно! — отшучивался Свищевъ.

Аккуратный Бураковъ вступилъ въ объясненіе.

— Братцы, я могу израсходовать только на чай и полбутылку! Мнѣ за вами не угоняться, вы народъ вольный!

— Знаемъ, знаемъ! — замахали на него руками.

— Ты у насъ вряжь прижимистый! — съехидничалъ Бостюха.

*) *Русская Мысль*, кн. VII, 1899 г.

— Хорошо тебѣ, калмыкъ, ты какъ перстъ, весь тутъ, а у меня на шеѣ четыре рта, — отпарировалъ Бураковъ.

Костюха, комично дѣлая невозможно внимательную фізію, сталъ осматривать его шею.

— Не вижу ни одного рта! — важно проговорилъ онъ послѣ изслѣдованія.

Всѣ захохотали.

— Еслибы ты былъ поумнѣе, ты бы за комика сошелъ! — похвалилъ его Мотылевъ.

Часа черезъ два подъ шумъ и гамъ, царившій въ трактирѣ, и подъ звуки несмолкавшаго органа выпившіе пріятели изливались другъ другу въ любви.

— Ты думаешь, я не понимаю, — нѣжно обнявъ Буракова, увѣрялъ Мотылевъ, — я, братъ, понимаю, что тебѣ трудно! Да и всѣмъ намъ трудно! Тебѣ, пожалуй, въ нѣкоторомъ отношеніи еще лучше нашего жить. У тебя семья, есть опредѣленная забота, нѣчто близкое, дорогое тебѣ! А мнѣ и остальнымъ и того хуже, ничего кромѣ обыденной жизни и каторжнаго труда, съ восьми до восьми, въ теченіе цѣлой недѣли. Поневоля одурь возьметъ, и по праздникамъ, а особенно въ получку, будешь напиваться! Развѣ это жизнь человѣка, вѣдь это жизнь рабочаго вола! И если бы не книги, право, совсѣмъ бы сталъ безсмысленнымъ животнымъ! А вѣдь я могъ бы быть другимъ человѣкомъ! Кончилъ я первымъ, и меня учителя тащили въ семинарію. Былъ бы тоже учитель, жилъ бы въ деревнѣ! Хорошо, вѣдь, въ деревнѣ лѣтомъ! — и Мотылевъ погрузился въ мечты, тихо бормоча: — солнце, птицы, просторъ, свобода, опьяняющій воздухъ, а кругомъ маленькіе ребятишки! — и онъ грустно поникъ головой, оцѣнивъ всю прелесть деревенской жизни въ сравненіи съ его теперешней городской.

— Эхъ, братъ, дуракъ я! А? дуракъ, вѣдь, что не сталъ учиться въ семинаріи? — снова обратился онъ къ Буракову.

— Конечно, дуракъ! — согласился тотъ.

— Да, дуракъ! — въ раздумьи проговорилъ Мотылевъ. — Ну, выпьемъ за пропавшаго учителя! — и онъ потянулся съ рюмкой къ Буракову, чтобы чокнуть.

— Э, братъ, міръ ничего не потерялъ, что какой-нибудь Коптевъ или Мотылевъ не стали тѣмъ, чѣмъ имъ теперь хочется быть, — проговорилъ прислушивавшійся къ словамъ Мотылева Коптевъ. — Лучше выпьемъ за тѣхъ, кто нашелъ свою дорогу и неугобно, и твердо идетъ по ней! А на твое нытье я замѣчу, что

при желаніи, такимъ, какъ ты, не поздно стать тѣмъ, чѣмъ хочешь, слѣдуетъ только не нюнить, а напречь силы да поработать!

— Да какъ работать-то?—спросилъ Мотылевъ.

— Очень просто! Засядь за учебники, повтори старое, подготовься и держи экзаменъ при округѣ!

— Ну, объ этомъ мы съ тобой трезвые поговоримъ! Это дѣло требуетъ разсудка здраваго и виномъ не затуманеннаго,—засмѣялся Мотылевъ.

А за другимъ концомъ стола Рѣдькинъ, поблѣднѣвшій и растрепанный, уже приставалъ къ Свищеву.

— Нѣтъ, ты скажи: какого ты обо мнѣ мнѣнія?

— Отстань, я уже говорилъ!—отмахивался тотъ.

— Нѣтъ, ты повтори!—настаивалъ Рѣдькинъ.

— Изволь! Только отстань послѣ этого! — согласился Свищевъ.—Ты хорошій товарищъ!

— Это что? Нѣтъ, ты скажи обо мнѣ, какъ о работникѣ.

— Работникъ ты плохой!—отрѣзалъ Свищевъ.

— За такія слова я бы могъ тебя скотомъ обозвать,—резонировалъ Рѣдькинъ,—потому что ты судишь по жалованью, а мнѣ на жалованье наплевать! Вонъ Бостюха и больше получаетъ, да что толку.

— Ты меня оставь!—взъерепенился Бостюха.—Потому въ работѣ тебѣ до меня далеко! Ты еще мелко плаваешь, ты сортъ-то по шести мѣсяцевъ мажешь, а я въ два кончаю! Вотъ тебѣ и Бостюха, а то еще говоришь...

— Мотыль, полетимъ на зеленое поле!—предложилъ Боптевъ.

— Полетимъ!—радостно отозвался тотъ, но биллиардъ оказался занятъ, и пріятели вернулись раздосадованными.

Въ первомъ часу ночи компанія, изрядно вкусившая отъ благъ земныхъ, направлялась къ дому.

Бостюха, предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, выписывалъ довольно замысловатые зигзаги и всевозможныя углоденія отъ прямой линіи. Ему казалось, что земля подъ его ногами постепенно становится отвѣсной, какъ будто вдругъ вырастаютъ крутыя горы, и онъ смѣшно закидывалъ ногу, желая преодолѣть представлявшіяся препятствія и, не справившись съ трудной задачей, валился на землю къ общему удовольствію слѣдовавшихъ за нимъ товарищей. Его дружески поднимали и пускали снова въ отважное путешествіе. Рѣдькина велъ подъ руку Бураковъ и всячески старался охладить охватившій его воинствен-

ный пылъ и желаніе поколотить Костюху за то, что тотъ не признаетъ его таланта.

Костюха же, совершенно не подозрѣвая злобы Рѣдькина, самымъ добродушнѣйшимъ образомъ разсуждалъ съ собою, что онъ любить, когда все по-хорошему, всё чисто равные, по-дружескому!

Придя домой, Рѣдькинъ и Костюха, какъ излишній балластъ, обременяющій надсмотржъ, были сданы на руки ученикамъ, чтобы тѣ уложили ихъ спать. Оставшіеся усѣлись бражничать, такъ какъ заботливый Свищевъ постарался захватить водки съ собой изъ трактира.

Ребятишки собрали ужинъ рисовальщикамъ. Тѣ были сыты и пожертвовали его въ пользу учениговъ.

— Ну, наѣлись и ложитесь спать!—проговорилъ Коптевъ.— Нечего на насъ пьяныхъ смотрѣть!

— Пусть жизнь наблюдаютъ!—вступился за мальчиковъ Мотылевъ.—Вѣдь это наша смѣна! Они должны блюсти наши завѣты. Колька!—обратился онъ къ мальчугану— у тебя рожица смышленная, а потому, когда вырастешь большой, помни завѣтъ: «въ горѣ жить, не кручинну быть!» Работай по буднямъ, и гуляй до отвалу по праздникамъ! Будешь?

— Буду,—отвѣтилъ Коля.

— Ну и молодець! Вотъ тебѣ двугривенный, — ораторствовалъ Мотылевъ,—и знай, что даю тебѣ не за услуги, а за твою красивую и смышленную мордочку. Мотылевъ уродъ, но онъ любить цѣнить красоту!

Ребятишки ушли спать, а рисовальщики сидѣли до разсвѣта, и чѣмъ дольше они сидѣли, тѣмъ болѣе бесѣда ихъ принимала задушевный характеръ.

— Эхъ, родной! Зачѣмъ ты бросилъ живопись, искусство? Съ нами ли тебѣ быть!—говорили размякшіе друзья Коптеву.

— Чудаки, чудаки, какъ въ васъ еще мало собственнаго достоинства. Да понимаете ли вы, что съ вами быть лучше, чѣмъ гдѣ-либо? У васъ и чувство чище, и отношенія проще, а потому сердечнѣе. Съ вами легче дышать, нѣтъ лжи, нѣтъ условной вѣжливости, за которую люди прячутъ и брезгливость, и холодъ души, и зависть. Живопись, искусство! Но жизнь для искусства имѣетъ смыслъ только у такихъ людей, которые творятъ этимъ искусствомъ, дѣйствительно, что-нибудь полезное, чистое, святое. Вотъ хоть бы мой профессоръ, такъ тотъ и говорилъ: «кто хочетъ быть истиннымъ художникомъ, долженъ быть творцомъ». Для того нужно читать, мыслить, изучать творенія другихъ, особен-

но литературу, и на ней воспитывать свое сердце, потому что слово—великая вещь; оно дѣйствуетъ сильнѣе красокъ и рисунка! Онъ говорилъ: «мало рисовать, нужно стараться проникнуть въ святая-святыхъ того, что рисуешь, и тогда только можно достигнуть художественности. А для этого нужно, чтобы ни одинъ предметъ не ускользнулъ, не отразившись въ васъ, какъ въ зеркалѣ». Вотъ чѣмъ долженъ быть художникъ! А такихъ развѣ много? Тѣ же, кто называютъ себя художниками, но изъ искусства дѣлаютъ доходный промыселъ, услаждая вкусъ богатыхъ купцовъ или баръ,—право, не лучше насъ. Вѣдь это не художники, а ремесленники; ремесленники и мы, но для меня, наприимѣръ, прятнѣе работать грошевыя картинки для мужика, которому онѣ доставятъ наслажденіе. Онъ отдастъ за нихъ трудовой грошъ, но, вѣдь, этотъ грошъ—его потъ и кровь и, право, онъ дороже сотенъ рублей пресыщеннаго богача. А уже если быть ремесленникомъ, то не все ли равно, гдѣ ни жить, въ хорошо ли обставленной квартирѣ или здѣсь съ вами. Для меня здѣсь, потому что среди васъ меньше зависти, меньше гадости, хотя кругомъ есть и грязь, но реальная, которой можно запачкать только платье, но не душу. Я еще съ дѣтства питаю неуваженіе къ богатству и, бывало, въ школѣ, никогда не продавалъ своихъ картинъ обычнымъ меценатамъ, хотя всегда имѣлъ покупателей!

И Боптевъ не лгалъ. Онъ былъ выдающимся ученикомъ, гордостью профессоровъ и ихъ надеждой. Онъ былъ бѣденъ и одно время жилъ у профессора, любившаго поддерживать молодыхъ, талантливыхъ, но бѣдныхъ учениковъ. Этого-то профессора онъ и называлъ: «мой профессоръ». Къ этому профессору-другу у Боптева осталось глубокое чувство благодарности и уваженія, и чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе Боптевъ научался понимать его. Онъ скорбѣлъ, что поздно оцѣнилъ великую, свѣтлую и безкорыстную душу профессора. Тогда, давно, онъ умышленно грубилъ и подчеркивалъ пренебрежительное отношеніе къ его авторитету. Въ этомъ онъ находилъ тогда особое молодечество, котораго онъ не можетъ простить себѣ теперь. При воспоминаніи о школѣ, на Боптева, какъ волна, нахлынулъ рой картинъ прошлаго. Все воскресало съ отчетливой ясностью. Онъ размякъ, поддакъ обаянію и сталъ рассказывать о прошлой жизни, о товарищахъ и о своемъ профессорѣ.

— Это былъ чудный человѣкъ!—взволнованно и восторженно говорилъ Боптевъ. — Какъ онъ цѣнилъ чужое мнѣніе! Онъ, профессоръ, первый осмысленный творецъ русскаго жанра, уважалъ

мнѣніе даже такихъ мальчугановъ, какимъ былъ въ то время я! Не могу забыть, какъ онъ позвалъ насъ смотрѣть свою только что оконченную картину стариковъ на могилѣ сына. Насъ въ то время жило у него трое. Тѣ двое восхищались, а мнѣ не понравилась экспрессія лицъ, и отъ всей картины на меня вѣяло сочиненностью. Я стоялъ, молчалъ и думалъ, и когда онъ спросилъ мое мнѣніе, я откровенно сказалъ, что думалъ. Какъ сейчасъ помню, какъ вытаращили на меня глаза мои товарищи, которыхъ одна мысль о критикѣ профессора повергала въ ужасъ. Одинъ изъ нихъ, съ пѣной у рта, сталъ доказывать мнѣ, что я говорю чушь. Профессоръ смотрѣлъ на насъ и слушалъ, а потомъ протянулъ мнѣ руку и проговорилъ: «Я очень радъ, слыша ваше искреннее мнѣніе. Имѣйте мужество всегда говорить то, что думаете и чувствуете!» — и, повернувъ картину къ стѣнѣ, онъ ушелъ, а черезъ недѣлю я увидалъ вмѣсто картины два великолѣпные этюда. Онъ разрѣзалъ ее по моему совѣту!

— Ну! — воскликнули слушавшіе рисовальщики, и въ голосѣ ихъ послышалось нѣкоторое недовѣріе.

Въ простотѣ душевной они думали, что если такой художникъ, какимъ былъ учитель Боптева, картинами котораго они восхищались въ галлерей, разъ что-нибудь написалъ, то все должно быть хорошо. И страннымъ казалось имъ, что онъ могъ придать значеніе словамъ ученика.

— Вы мнѣ можете не вѣрить, но это—фактъ,—проговорилъ Боптевъ на ихъ сомнѣніе.—Это и Сухаревъ вамъ подтвердитъ!

— Ну, а почему ты не сталъ учиться дальше? Ты бы, вѣдь, могъ въ академію поступить, а тамъ за границу на казенный счетъ уѣхать! — спросилъ Мотылевъ.

— Почему? Это трудно сказать. Должно быть потому, что талантливый ученикамъ школы трудно стать талантливыми художниками. А, кажется, почему бы не быть? Вѣдь, не зря восторгаются профессора, не зря ставятъ первые номера и даютъ медали! И, мнѣ кажется, это потому, что одной талантливости для начинающаго мало, нуженъ упорный трудъ, а его-то и не любятъ молодежь! Похваляясь раждаютъ самоувѣренность, думаешь, что стоить присѣсть и напишешь не хуже Рембрандта! Такъ, по крайней мѣрѣ, было со мной и съ Сухаревымъ: насъ захвалили. Мы перестали работать, начали пить. Пьянствовать на квартирѣ профессора было небезопасно, тогда я перебрался на свою, такъ сказать, всталъ на свои ноги. Присядешь, бывало, настроишь что-нибудь въ магазинъ и тамъ гуляешь. И когда я сталъ писать картину на большую ме-

даль по одобреннымъ эскизамъ, то изъ чувства мальчишескаго задора и гордости не посоветовался съ профессоромъ. Написалъ я недурно, но навралъ въ перспективѣ. Медали мнѣ не дали. Во мнѣ заговорило оскорбленное самолюбіе. Эхъ, это самолюбіе! Оно казнить меня до сихъ поръ злой казнью за мальчишескую выходку мою! Кажется, чего бы яснѣе—навралъ, и дать медаль не за что. Такъ нѣтъ! Во всемъ представляются злыя козни, и слова дѣйствительно сочувствующихъ лицъ кажутся злой насмѣшкой. И когда профессоръ посоветовалъ написать мнѣ новую картину и не торопясь нарисовать ее, а неудачную предложилъ устроить за хорошую сумму одному меценату, я, вмѣсто благодарности за его участіе, оплатилъ злымъ оскорбленіемъ. Я зналъ, что у этого мецената много его картинъ, и сказалъ, что слишкомъ велика честь моему неудачному творенію висѣть на одной стѣнѣ съ его шедеврами, и что свою душу я не отдамъ богачу, и на его глазахъ разрѣзалъ картину! Онъ нахмурился, и мы разстались, не простившись. Теперь бы я все, все отдалъ, чтобъ исправить эту гнусную мальчишескую выходку. Она гложетъ меня до сихъ поръ и встаетъ всегда первымъ воспоминаніемъ изъ прошлой жизни! — заключилъ Боптевъ, опуская голову.

— Э, что тужить!—воскликнулъ Свищевъ.—Нѣтъ худа безъ добра, и не случись съ тобой этого, почемъ знать, можетъ быть ты не былъ бы съ нами, и мы не были бы такими. Тамъ что ни говори, а ты, братъ, въ нашу среду внесъ просвѣщеніе, о многомъ поразсказалъ, на многое открылъ глаза. Побольше бы вашего брата шло къ намъ, и намъ бы полегче жилось!

Отзвонили къ заутрени. Заблаговѣстили къ ранней обѣднѣ.

— Братцы, сейчасъ «самъ» за мной придетъ. Какъ быть?—встрепенулся Бураковъ.

«Самъ» посѣщалъ раннія обѣдни, Бураковъ былъ тоже богомольный, и «самъ» всегда заходилъ за нимъ.

— Ну, куда ты такой пойдешь! — смѣялись пріятели. — Сходишь въ другой разъ!

— Экіе нечестивцы! — проговорилъ, появившись на порогѣ, «самъ». — Никакъ всю ночь пили?

— Не только пили, а и бесѣдовали! — отвѣтилъ Боптевъ.

— Ну художники народнаго просвѣщенія! — иронизировалъ «самъ», покачивая головой. — Люди добрые къ обѣднѣ собрались а они еще все винище лакаютъ!

— Вкушаемъ, а не лакаемъ! — поправилъ «самого» Свищевъ

Слово «лагають» ему не понравилось. «Что мы, собаки, что ли?» — подумалъ онъ.

— Ну, Андрей Алексѣвичъ, показнымъ-то благочестіемъ нечего хвалиться передъ нами, — проговорилъ Боптевъ. — Христось сказалъ, что «если не будете какъ дѣти, не войдете въ царство небесное», а вамъ до чистоты и непорочности ребенка — ухъ, какъ далеко! Вѣдь вы, небось, не раздадите нищимъ того, что приобрѣли, даже и передъ смертью?

— Зачѣмъ же раздавать, коли у меня дѣти есть? Тогда зачѣмъ было и наживать? — отвѣтилъ Моховъ.

— Ну, а если вы такъ говорите, то вамъ такъ же трудно быть въ царствѣ небесномъ, какъ верблюду трудно сквозь игольные уши пройти. Это сказалъ Христось! — отвѣтилъ Боптевъ.

— Это Христось говорилъ для подвижниковъ, — протянулъ «самъ», смущенный словами Боптева. — А намъ, грѣшнымъ, врядъ только законъ соблюдать! Ну, что-жъ, Павелъ, не пойдешь къ обѣднѣ? — обратился онъ къ Буракову.

— Нѣтъ ужъ, гдѣ ужъ! — вздохнулъ Павелъ и виновато улыбнулся.

«Самъ» ушелъ, разошлись спать и рисовальщики.

VI.

Рѣдькинъ, Костюха и Свищевъ кончали «сорта». Надо было начинать новые абриса, но работы «самъ» еще никому не давалъ.

Костюхѣ надоѣло передѣлывать старые сорта «простовика». На такой работѣ негдѣ было показать талантъ и выдвинуться. Онъ просилъ у «самого» что-нибудь посерьезнѣе, втайнѣ надѣясь, что «самъ» дастъ ему сортъ «пѣсенъ» съ акварельныхъ оригиналовъ Боптева.

Боптевъ только что кончилъ четыре рисунка, два изъ Некрасова: «Что такъ жадно глядишь на дорогу» и «Генераль Топтыгинъ», одинъ изъ Пушкина: «Подъ вечеръ осенью ненастной», и «Хуторокъ» Кольцова. Акварели были роскошныя и давно распаляли желаніе Костюхи заполучить ихъ работать. Одною онъ боялся, что ихъ переберетъ у него Свищевъ.

— Ты, небось, себѣ пѣсни возьмешь? — съ завистью спросилъ Костюха, подходя къ Свищеву.

— Буду просить. Очень, братъ, вещи по сердцу! — отвѣтилъ Свищевъ.

— Съ хорошихъ-то оригиналовъ всѣмъ по сердцу работать, на чемъ талантъ выдвинуть, — проговорилъ Костюха.

— Что, иль завидно? Проси, можетъ тебѣ дадутъ! — отвѣтилъ Свищевъ.

Свищевъ былъ хорошій работникъ и получалъ вчетверо болѣе Костюхи. Онъ былъ на положеніи старшаго мастера, но своимъ вліяніемъ не пользовался, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, когда товарищи обращались къ нему за совѣтами чисто-техническими, которые онъ всегда давалъ охотно. И Костюха зналъ, что если Свищевъ спроситъ себѣ «пѣсни», ему и дадутъ, «потому, лучшій мастеръ и отъ хозяина уваженіе имѣеть!» Ему было страшно досадно, что вотъ такіе Свищевы ему мѣшаютъ выдвинуть свой талантъ. Онъ проворчалъ себѣ подъ носъ что-то, по его мнѣнію, ядовитое, и злой усѣлся на свое мѣсто.

Пришелъ «самъ» и принесъ цѣлую груду рисунковъ. Тутъ были и иллюстраціи изъ журналовъ, и заграничныя олеографіи, и божественныя картины съ мѣдныхъ досокъ. Онъ положилъ рисунки на столъ и позвалъ рисовальщиковъ выбирать сорта.

— Я бы, Андрей Алексѣвичъ, пѣсни желалъ сдѣлать! — заявилъ Костюха. — Мнѣ надоѣло старье работать!

— Что-жь, Коптевъ, отдать Костюхѣ пѣсни? — проговорилъ «самъ», которому было безразлично, хорошо или дурно сортъ выйдетъ въ литографированномъ видѣ.

Коптевъ почувствовалъ себя крайне неловко. Онъ не любилъ обострять отношенія и задѣвать самолюбіе въ вопросахъ работы, такъ какъ онъ хорошо зналъ, что самыя лучшіе пріятели изъ рисовальни насчетъ работы во взглядахъ не сходятся, и каждый въ глубинѣ души считаетъ себя лучшимъ мастеромъ, несмотря на то, какъ его цѣнитъ хозяинъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ему было жаль свое дѣтище отдавать Костюхѣ. Костюха былъ слабъ въ рисункѣ и еще неопытенъ въ краскахъ и могъ изуродовать его рисунки въ конецъ, «додѣлать до ручки», подумалъ онъ выраженіемъ принятымъ въ мастерской.

Свищевъ же, наоборотъ, былъ очень способный и талантливый рисовальщикъ, и, хотя, благодаря условію литографской работы, и не могъ передать оригинала, но зато онъ сдѣлаетъ его похожимъ на дѣло.

И Коптевъ, стараясь выйти изъ затруднительнаго положенія мягко предложилъ отдать «пѣсни» Свищеву.

— Онѣ у меня еще не закончены, да и Свищевъ не сегодня кончитъ, а Константинъ уже кончилъ, и ему слѣдуетъ дать олеографіи, а то онъ жалуется, что талантъ его пропадаетъ!

— А то бы, право, отдать пѣсни Костюхѣ! Сортъ ходовитыѣ

какъ плохо ни одѣлай, все продается, стало быть не зачѣмъ и дѣлать хорошо! А тутъ онъ дешевле стоитъ будетъ!—разсчитывалъ самъ и тутъ же пригнулъ въ умъ, насколько сортъ Костюхи стоитъ дешевле сорта Свищева.

Коптевъ воспротивился уже энергичнѣе.

— Ну, какъ хочешь! — согласился хозяинъ. — Выбери тогда ему изъ заграничныхъ. Пусть его не ноетъ!

Коптевъ выбралъ двѣ картины. Костюха угрюмо взглянулъ на олеографіи, досадуя, что у Свищева съ Коптевымъ «спѣто», но постепенно въ немъ загорался огонь и желаніе показать себя и на этомъ, тѣмъ болѣе, что все-таки будетъ дѣлать съ олеографіи.

Рѣдькину дали «Божество» съ черныхъ рисунковъ.

— Ты ему покрась, Коптевъ, абрисъ, — проговорилъ самъ, — да краснаго пусти побольше, чтобы поцвѣтнѣе были сорта, походитѣе!

— Тебя опять простовикомъ угостили, а мнѣ такъ олеографіи дали!—проговорилъ Костюха, желая доказать свое превосходство, хотя Рѣдькинъ и безъ того видѣлъ, что дали Костюхъ.

— Не дали, а ты изъ глотки вырвалъ!—пренебрежительно отвѣтилъ Рѣдькинъ, въ душѣ страшно злясь на фанфаронство «калыга».

— Попробуй-ка вотъ ты вырви!—усмѣхнулся Костюха, и въ его усмѣшкѣ яснѣе словъ промелькнуло: «гдѣ тебѣ, еще мелко плаваешь!»

Самъ выбралъ Павлу съ Мотылевымъ какихъ-то безсодержательныхъ пастуховъ съ пастушками, дѣвицъ въ лодочѣхъ и цѣлующихся французскихъ жнецовъ.

— Потомъ мы стихи подъ нихъ подведемъ какіе ни то, оно и пойдетъ за мило!—разсуждалъ самъ.

Коптевъ посмотрѣлъ на картинки и поморщился.

— Лучше бы, Андрей Алексѣевичъ, что-нибудь свѣтское изъ нашей російской жизни... ну, историческое или бытовое! Вотъ я думаю нарисовать: двѣнадцатый годъ, Суворова и Петра I, — проговорилъ Коптевъ.

Самъ подумалъ.

— Что-жь, 12-й годъ это хорошо! Во весь листъ, это пойдетъ, Суворовъ тоже, а Петра не знаю... Ну, да рисуй, только во весь мѣсяцъ! Попробуемъ, ты у насъ дошлый и вкусъ народа знаешь! вотъ этихъ жнецовъ - то, Павелъ, когда будешь работать, одѣнь красныя рубахи и голубые халаты, они понаряднѣе будутъ, а они какіе-то сѣрые. Ты, Мотылевъ, барышень-то обряди поцвѣт-

нѣе, и ты, Костюха, не забудь, передѣнь пастушку изъ коричневаго въ красное платье, благо у ней шляпка на головѣ! — наказывалъ самъ, поклонникъ краснаго.

— Вотъ какъ у насъ фабрикуются украшенія деревенскихъ избъ! — проговорилъ Коптевъ по уходѣ самого. — Покраснѣй да поглубѣй, а на содержаніе наплевать! И такая-то дребедень расходуется въ десяткахъ тысячъ! Нарядятъ какое-нибудь цѣлующееся французское чучело въ красную рубашку и вали, ребята! Ты, рыжий, хоть лицо-то обрусил на своемъ сортѣ! — обратился онъ къ Павлу.

— У насъ все такъ точно будетъ! — смѣясь отвѣтилъ Бураковъ.

— Это удивительно, до чего наши хозяева равнодушны къ изданіямъ. Идетъ товаръ и ладно, больше имъ ничего не надо. Я ихъ всѣхъ знаю, у всѣхъ переработалъ, и всѣ они таковы! Скверно ли, хорошо ли сортъ сработанъ, это ихъ не интересуетъ. Весь вопросъ: продается ли? Я ни въ комъ не замѣтилъ желанія улучшить картины, хотя бы съ внѣшней стороны, — говорилъ Свищевъ.

— Если бы мы лично не старались работать, если бы въ насъ не горѣло желаніе получше сработать сортъ, литографіи такъ бы и стояли на первобытной точкѣ, — согласился Мотылевъ. — Хорошо, что въ насъ зависть есть и желаніе перещеголять другъ друга.

Такое издательство «украшеній избъ», какъ выражался Коптевъ, въ которомъ единственнымъ требованіемъ было: «побольше краснаго да попестрѣе», безъ какого бы то ни было содержанія, страшно не нравилось ему. Онъ всѣми силами старался, чтобы народу преподносили что-нибудь болѣе осмысленное, чѣмъ французскіе пастухи и пастушки, или дѣвицы въ лодочкахъ или дѣвицы съ голубками или барашками и тому подобные сюжетцы, которые въ лубочныхъ изданіяхъ, потерявъ гармонію красокъ и рисунокъ оригинала, выходили ужасно скверными. Онъ сталъ рисовать народныя картины изъ исторіи и на литературныя темы. Картины его не залеживались. Это составило ему репутацію знатока народнаго вкуса, хотя самъ онъ никогда не винилъ себя въ подобномъ грѣхѣ. Съ народомъ онъ столкнулся только здѣсь, въ мастерской. Коптевъ всѣми силами старался привить свои взгляды на болѣе содержательныя картины и рисовальщикамъ. Это ему удалось. Мотылевъ, Свищевъ и Бураковъ были люди не глупые. Они поняли его мысль и всячески старались поддерживать ее. Впрочемъ, поддерживать мысли Коптева имъ было пріятно и потому, что Коптевъ всегда рисовалъ на эти темы оригиналы рисунковъ акварелью, с

которой каждому рисовальщику было пріятнѣй работать, чѣмъ прямо съ черныхъ рисунковъ и самому намѣчать тона буквами или же повторять старые сорта.

— Ты братъ, Коптевъ, больше на счетъ литературы проходишь!—совѣтоваль Мотылевъ.

И Коптевъ «проходилъ», хотя не всё его литературныя иллюстраціи проходили невредимо черезъ горнило цензуры.

VII.

У Свищева завязался романъ. Чаше и чаще онъ сталъ пропадать, не пояснивъ, какъ бывало прежде, пріятелямъ, куда и за чѣмъ. Раньше за нимъ этого не водилось. Онъ былъ человекъ артельный, а потому отсутствіе его было очень замѣтно. Когда къ нему стали приставать съ разспросами, онъ отвѣчалъ неохотно и увлочно, что былъ у товарищей.

— Смотри, чортъ, ужь не въ юбкѣ ли этотъ товарищъ щеголяетъ?—спрашивалъ Павелъ, плутовато поглядывая на смутившаго Свищева.—Прощай тогда вольная головушка! Ты ужь сознайся, отъ насъ нечего таить!

Посмѣивались надъ Свищевымъ и остальные. Только Коптевъ какъ будто ничего не замѣчалъ, видя, какъ не нравятся Свищеву замѣзанія въ ту часть души, которую онъ бы желалъ сохранить для одного себя.

Исчезновенія Свищева участились. Онъ сталъ пропадать уже не послѣ шабаша, а во время работы и по цѣлымъ суткамъ.

Въ мастерской терялись въ догадкахъ, не зная, чему все приписать. Даже самъ сталъ ворчать на отсутствіе Свищева.

— Вотъ тутъ и плати жалованье помѣсячно! А они точно графы разгуливаютъ! А тутъ сорта нужны, торговать нечѣмъ!

Послѣ прогулокъ Свищевъ возвращался мрачный, ни съ кѣмъ не заговаривалъ, даже пересталъ трунить надъ Бостюхой. Его оставили въ покоѣ и даже не обращались за совѣтами по работѣ, въ чемъ раньше Свищевъ никогда не отказывалъ. Услыхавъ ворчотню самого на прогулы, Свищевъ угрюмо проговорилъ:

— Полоса такая вышла! Ничего не подѣлаю съ собой!—и махнулъ рукой.

— Да вѣдь работа-то стоитъ! Легче что ли мнѣ отъ этой полосы!—проворчалъ хозяинъ.

Свищевъ озлился. Онъ никакъ не думалъ, что ему поставятъ вину такой, по его мнѣнію, пустякъ; тѣмъ болѣе онъ считалъ

себя обиженнымъ, что явился послѣ прогула не съ похмѣлья и работаль, какъ воль.

— Не нравится, не держите! Есть о чемъ разговаривать! — сердито проговорилъ онъ, влады рейсфедеръ и закрывая бумагой камень.

Видя, что дѣло приняло дурной оборотъ, и зная, что такого мастера, какъ Свищевъ, не скоро найдешь, хозяинъ послѣшилъ на уступки.

— Чего дурачишься, — проговорилъ онъ, — я развѣ въ сурьезъ? Знаешь, чай, что за прогулы не вычитаю. Такъ я только, сортовъ нѣтъ, торговать нечѣмъ!

Но хозяину эта уступка не нравилась.

«Дай имъ поблажку, они на шею сядутъ!» — думалъ онъ.

Злясь на себя и желая хоть на комъ-нибудь сорвать кипѣвшую въ немъ злость, онъ обратился къ Рѣдькину, какъ къ самому безответному.

— Ты, Рѣдькинъ, какую краску дѣлаешь? — спросилъ онъ

— Тѣльную!

— Такъ! — протянулъ ядовито Моховъ. — Стало быть, сплошную краску вторую недѣлю мажешь! Ты, братъ, пожалуй, и камень-то мнѣ насквозь прорисуешь, шлифовать нечего будетъ!

Бостюха фыркнулъ, довольный выговоромъ.

Непріятности и выговоры отъ «самого» другимъ, особенно по работѣ, доставляли ему наслажденіе и поднимали въ немъ гордость за самого себя и за свою работу.

— Это вы зря говорите, Андрей Алексѣевичъ, — вступился Свищевъ, — эту краску всякій другой раньше недѣли не сдѣлалъ бы!

Свищевъ былъ не только артельный человѣкъ, онъ былъ горячій защитникъ товарищей и любилъ постоять за правду, не соображая, что это невыгодно для него. Разъ онъ слышалъ несправедливыя нападки, онъ какъ съ цѣпи срывался и, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, доказывалъ ихъ несостоятельность. Эта горячая защита стоила ему дорого и обходилась бы еще дороже, еслибъ онъ былъ мастеръ изъ слабыхъ. Бъ счастью, онъ былъ лучшей работникъ въ Москвѣ и имъ невольно дорожили.

— Будетъ болтать-то! — проговорилъ «самъ». — Ты вѣчно за лодырей заступаешься!

Свищевъ вспыхнулъ и закусилъ губу. Очевидно, что-то очень злое вертѣлось у него на языкѣ, но онъ сдерживалъ себя.

— Чтобъ обзывать лодыремъ, надо самому уметь работать,

а, слѣдовательно, тонко понимать все. Вы никогда въ рукахъ карандаша не держали, а разсуждаете съ увѣренностью мастера. Слава Богу, у насъ здѣсь нѣтъ лодырей, а работники всѣ одинаковы быть не могутъ, вы, вѣдь, и платите-то не всѣмъ одинаково. Рѣдъкину-то вы платите грошъ, а нарвите выжать съ него на рубль!— усмѣхаясь кривою ироническою улыбкой, заключилъ Свищевъ.

— Это я-то выжимаю!—освирѣпѣлъ «самъ».—Ну, пусть его поищеть, гдѣ ему больше заплатятъ!

— Вы на него-то не сворачивайте!—проговорилъ Свищевъ.—Говорилъ-то вѣдь я, а онъ молчалъ, и нечего посылать его искать, гдѣ больше заплатятъ. Я не хочу, чтобы за мои слова страдали другіе.

Рѣдъкинъ, въ полномъ недоумѣніи, безпомощный, сидѣлъ и не зналъ, что ему дѣлать: уходить ли послѣ словъ «самого» или, не обращая вниманія, продолжать работать, благо онъ молчалъ. Но оставаться тоже не улыбалось: вдругъ «самъ» скажетъ: «Что же ты не убираешься?»

— Что-жъ мнѣ уходить, что-ль?—наконецъ проговорилъ онъ, ни къ кому собственно не обращаясь.

«Самъ» насутился и молчалъ.

— Пойдемъ ужъ вмѣстѣ! Что тебѣ въ чужомъ пиру похмѣлье получать!—проговорилъ Свищевъ.

— Съ вами попросту говорить нельзя!—проговорилъ самъ.—Вы сейчасъ и на неприятность повернете... И горячка же ты, Свищевъ,—заговорилъ Моховъ уже болѣе мягко, обращаясь къ Свищеву.—А я было думалъ поручить тебѣ смотрѣть за литографіей. Самъ я старѣю и думалъ: поставлю свѣдущаго человѣка, тогда и отдохнуть можно будетъ.

— Такъ, значить, желали изъ меня палку-погонялку сдѣлать,—усмѣхнулся Свищевъ.—Нѣтъ ужъ, благодарю за честь! У васъ сынъ есть, пусть ужъ онъ это дѣлаетъ.

— Сынъ у меня по городу, въ лавкѣ, когда же ему здѣсь смотрѣть? А ты ужъ сейчасъ и палка! Что-жъ, я-то нѣшто палка?—обидѣлся «самъ».

— Вы—хозяинъ, вамъ это къ лицу, а мнѣ рабочему, да надъ имъ же братомъ распоряжаться не подѣ статься!—отвѣтилъ Свищевъ.

— Ты что же отказался, намъ бы за тобой хорошо было,—говорилъ Бураковъ, когда «самъ» ушелъ.

— Да мнѣ-то бы дурно было. Теперь ты мнѣ въ глаза и за

глаза одно и то же говоришь, а тогда, пожалуй бы, по-разному заговорилъ.

— Это вѣрно, друже, не отягчай свою душу излишнимъ бременемъ чиновъ! — посоветовалъ Боптевъ.

УШ.

Послѣ разговора съ «самимъ» Свищевъ пропалъ на трое сутокъ. Явился онъ поздно вечеромъ и пошелъ отыскивать Боптева. Тотъ былъ въ одиночествѣ на своемъ излюбленномъ углу.

— Баста! — проговорилъ Свищевъ. — Получилъ отказъ въ чистую!

— Что такое? — изумился Боптевъ, подумавъ, что Свищеву отказалъ хозяинъ.

— А вотъ пропалъ-то я. Тутъ, братъ, длинная исторія. Я тебѣ по порядку сейчасъ все разскажу. Только ты не смѣйся, это со всякимъ можетъ быть!

И онъ разсказалъ, какъ, шатаясь по значнымъ мѣстамъ, столкнулся съ одною дѣвицей, сразу завладѣвшей всѣмъ его сердцемъ и помышлениями.

— Сколько, братъ, шлялся раньше, а никогда ничего подобнаго не было! — говорилъ онъ. — Что-то въ ней было такое, что мнѣ стало такъ стыдно всего, какъ было стыдно только въ первый разъ! А потомъ эта пѣсня, которую она спѣла, безумная какая-то, отчаянная, взяла меня за сердце. Ахъ, какъ она ее пѣла! И чьи это слова, ты не можешь ли мнѣ сказать? Вотъ начало:

Не кори меня въ развратѣ,
Но лобзай меня скорѣй,
Поздно думать о возвратѣ
Свѣтлыхъ отроческихъ дней!

Боптевъ отвѣтилъ, что не знаетъ.

— Ахъ, какъ бы я хотѣлъ знать! — пожалѣлъ Свищевъ. — Ну, такъ вотъ. Сталъ я ее просить, чтобъ она ушла отсюда... Знаешь, хотѣлъ жениться на ней. А она смѣется! «Рада, — говоритъ, — что нравлюсь, но мнѣ и здѣсь хорошо. Это, — говоритъ, — пѣсня, которую я тебѣ пою, про меня сложена».

Онъ замолчалъ; молчалъ и Боптевъ.

— Эхъ, чортъ возьми! — вздохнулъ Свищевъ. — Въ первый разъ испыталъ любовь, странную, безпутную, и тутъ съ горемъ столкнулся! Видно виситъ надо мной проклятье!

— Слушай, вѣдь это хорошо, что она такъ поступила, — проговорилъ Коптевъ, — стало быть, она человекъ съ сердцемъ. Ну, посуди, что съ тобой бы было, еслибъ она прельстилась на вѣнецъ, а потомъ бы старыя дрожжи отрыгнулись?

— Убилъ бы тогда! — мрачно проговорилъ Свищевъ.

— Ну, вотъ видишь, ты не злой человекъ, а о такомъ звѣрствѣ замыслилъ! Это нехорошо! Вѣдь, она, просто, можетъ быть, не могла бы справиться съ распущеннымъ организмомъ, привычкой. Нѣтъ, братъ, ужъ лучше ты позабудь объ этой исторіи, впереди еще жизнь не малая, по-моему съ тридцати лѣтъ человекъ только еще уравниваться начинаетъ и болѣе сознательно относиться къ себѣ и къ окружающему, особенно въ нашей средѣ, гдѣ жизнь монотонна, однообразна и почти вся уходитъ на работу для хозяина. Для себя намъ остается праздникъ, въ который, естественно, хочется погулять, то-есть кутнуть, такъ какъ другого ничего не представляется, — проговорилъ Коптевъ.

— Отъ однообразной жизни это все и происходитъ, — вздохнувъ, согласился Свищевъ, — возьметъ одурь и захочется чего-то другого, неиспытаннаго. Хоть въ адъ, да въ другой!

— Да, другъ, и мнѣ надоѣла эта безшабашная жизнь и безпросвѣтная работа на хозяина, — помолчавъ, снова заговорилъ Коптевъ. — Потянуло поработать и для себя. И я думаю перебраться на свою квартиру изъ хозяйскихъ палатинъ. Въ свободное время займусь живописью и буду рисовать иллюстраціи въ журналы.

— Это, братъ, хорошо! — воскликнулъ Свищевъ. — Что тебѣ погибать съ нами! Знаешь что? Возьми и меня къ себѣ на квартиру, мѣшать я тебѣ не буду, а около твоего искусства и у меня меньше пустоты будетъ. Я чтеніемъ займусь, а то оно у меня въ послѣднее время въ загонѣ!

— Что-жъ, попробуемъ, — согласился Коптевъ. — Да я тебѣ не говорилъ, — прибавилъ онъ, — у насъ исторія безъ тебя открылась. Оказывается, Костюхина дѣвица ходитъ теперь мимо оконъ съ заплаканными глазами, а онъ, животное, гогочетъ, прыгаетъ, какъ возель, отъ удовольствія, что добился своего и похваляется. Не могу безъ отвращенія смотрѣть на такого мерзавца!

— Экій скоть! — возмутился Свищевъ. — Неужели все рассказываетъ?

— Все до цинизма!

Свищевъ покачалъ головой.

— Знаешь что? Надо его женить! — предложилъ онъ.

— Ну, вряд ли на это онъ пойдетъ!—усомнился Коптевъ.— Вѣроятно, ему только того и хотѣлось, чего онъ добился.

— Попробуемъ повести политику. Онъ трусь, припугнемъ его, можетъ и удастся! А она дѣвица хорошая, скромная, не то, что ея товарка,—разсуждалъ Свищевъ.

На утро, когда всё усѣлись за работу, Свищевъ повелъ политику.

— Ну, Костюха,—началъ онъ,—говорять, ты добился своего у Матрешки, и она ходитъ съ заплаканными глазами.

Костюха самодовольно улыбнулся, и глаза его засвѣтились плотояднымъ блескомъ.

— А ты почему знаешь?—спросилъ онъ.

— А ты думалъ утаить! Нѣтъ, братъ, это всё знаютъ!—отвѣтилъ Свищевъ.

— Что, иль завидно?—задорно спросилъ Костюха.

— Можетъ, и завидно, только, конечно, не по отношенію къ твоей особѣ,—спокойно отвѣтилъ Свищевъ.

— Экій мерзавецъ! Обманулъ дѣвицу и зубы скалить,—сердито проговорилъ Бураковъ.—Да за такія художества въ деревнѣ тебѣ бы ребра переломали!

— Какъ бы не такъ! За что?—нагло освѣдомился Костюха.

— А за то, что не порочь честную дѣвушку, а коли грѣхъ случился, скорѣе прикрой его! А онъ, накося, еще похваляется, зубы скалить!

— Это ужъ наше дѣло!—усмѣхнулся Костюха.

— Нѣтъ, Костюха, ты скандала не заводи, а женись—и баста! Дѣвица она хорошая, въ дурномъ не замѣчена, тебя любить, какъ еще заживешь-то!—проговорилъ Свищевъ.

— Ну, это мы еще посмотримъ! Что мнѣ зря въ хомутъ-то лѣзть съ женитьбой!—отвѣтилъ Костюха.

— Смотрѣть-то теперь некогда! Вонъ отецъ ея на тебя въ судъ хочетъ подать. А за такія дѣла въ острогѣ насидишься, а жениться все-таки заставятъ,—проговорилъ Свищевъ.

— Что-жь, она маленькая что-ль, не соглашайся!—отвѣтилъ оробѣвшій Костюха.

— А ты не соблазни! Тебѣ, братъ, вѣры не будетъ,—вступился Бураковъ.—Скажетъ, что общалъ жениться.

— А чѣмъ она докажетъ, что это я?—задорился Костюха.

— Слышите, господа!—обратился Бураковъ къ рисовальщикамъ,—каковъ огарокъ-то!

И обращаясь, къ Костюхѣ, онъ проговорилъ:

— Нѣтъ, братъ, врешь! Ты здѣсь при всѣхъ хвалился-то, мы въ свидѣтели пойдемъ! Я икону сыму, вотъ тѣ крестъ!—и онъ перекрестился въ доказательство своихъ словъ.

Костюха задумался. Храбрости его хватило только до первой угрозы.

— На мое жалованье не проживешь съ женой,—упавшимъ голосомъ проговорилъ онъ.

— Работать вдвоемъ будете, хозяинъ жалованья прибавить, на квартиру выдать, — ободрялъ Кошечевъ, — женись, я тебѣ на свадьбу столъ и подюжины стульевъ подарю!

— Въ самомъ дѣлѣ,—подхватилъ Свищевъ, — женись, и я самоваръ и посуду пожертвую.

Костюха улыбался отъ удовольствія.

— Вотъ развѣ подарите мнѣ всей этой муры, а то сколько вѣдь на нее денегъ надо, а гдѣ ихъ взять!—весело проговорилъ онъ.

— Правда, братцы, сдѣлаемъ ему обстановку,—предложилъ Свищевъ.—Чортъ съ нимъ, пусть живетъ на здоровье, а мы всего лишній разъ въ трактиръ не сходимъ. Ты какъ на этотъ счетъ думаешь, Мотылевъ?—обратился онъ къ Мотылеву.

— Идетъ!—Рѣдькинъ, давай пополамъ кухонныя принадлежности купимъ,—предложилъ Мотылевъ.

— И моя копейка не щербата!—проговорилъ Бураковъ, поглаживая бороду.—Я лампу куплю.

— Тебя въ отцы посаженные по твоей солидности!—засмѣялся на него Рѣдькинъ.

— Это, братъ, ты мысль подалъ!—отвѣтилъ Бураковъ.—Только не меня, а мы «самого» запряжемъ,—у него карманъ толстый, пусть отдувается!

— Правда женюсь!—засмѣялся Костюха.—Вотъ только съ ней переговорю. А вы не надуете, братцы?—усомнился онъ.

— Ну, вотъ еще!—успокоилъ его Свищевъ.

И Костюху общими усилиями женили. Товарищи устроили все такъ, какъ обѣщали. Хозяинъ отъ чести быть отцомъ посаженнымъ отказался, поручивъ это Буракову, но со своей стороны далъ на свадьбу сорокъ рублей.

Костюха ликовалъ, и, глядя на него, Свищеву становилось обидно за свою неудачу, и въ то время, когда остальные веселились шумно желали новобрачнымъ благъ земныхъ, онъ угрюмо пилъ юмку за рюмкой, стараясь скорѣе захмѣлѣть.

IX.

— А, вѣдь, у насъ, господа, поэтъ завелся!—однажды за обѣдомъ объявилъ Бураковъ.

— Ну! кто же это?—заинтересовались остальные.

— Кто—скажу послѣ, а сначала я прочту его сочиненія, можетъ вы и сами догадаетесь,—и Бураковъ вынулъ изъ кармана тетрадку, всталъ и прочиталъ:

Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе сомнѣній
Въ грядущихъ дняхъ намъ жизнь несетъ,
Печаль и бездну горькихъ ощущеній
Для сердца мудрость намъ даетъ!
Пытливый умъ успѣлъ понять
Безцѣльность толчен—базара суету,
И въ жизненной борьбѣ онъ началъ угасать,
Не видя мысли въ ней, а только пустоту!

Окончивъ чтеніе, Бураковъ обвелъ всѣхъ плутоватымъ смѣющимся взглядомъ, какъ бы говоря:—«вотъ де мы какъ умѣемъ высокимъ слогомъ выражаться!»

— Ну, ну!—проговорилъ Свищевъ и широко, точно чего испугавшись, открылъ глаза.—Я осатанѣлъ отъ такихъ стиховъ! Что-нибудь здѣсь есть—или очень умно, или очень глупо. Я въ такомъ дѣлѣ не судья. Вотъ что Коптевъ скажетъ,—онъ по этой части маравуетъ!

— Кто же это пишетъ?—воскликнулъ Коптевъ.

— Вотъ загадку-то задалъ!—смѣялся Бураковъ.—Ну ка, отгадайте! Что, не догадываетесь? Ну, я еще одно прочитаю, можетъ и уразумѣете.—И онъ снова всталъ и началъ:

Давно усталъ пытливый умъ...

Мотылевъ рванулся съ своего мѣста и весь красный, съ трясущимися руками, потянулся къ Буракову, отнимая тетрадку.

— Голубчикъ, Мотылевъ, такъ это ты такими художествами занимаешься!—воскликнулъ Свищевъ.—Ну, ужъ, другъ, нѣтъ! Я тебя очень люблю, только если ты самъ скромничаешь, пусть Бураковъ посвятить насъ въ твое вдохновеніе!—и онъ, плотно обнявъ, усадилъ на мѣсто рвавшагося Мотылева.

— Рыжій, отдай тетрадку,—вопилъ Мотылевъ.—Это подловить чужія вещи!

— Ну, ужъ это ты, братъ, врешь!—смѣялся рыжій.—Я твою

тетрадку не вороваль, а она сама съ твоей выши ко мнѣ свалилась, когда ты слѣзаль, только ты не замѣтилъ!

— Пререканія послѣ, послѣ и разсудимъ, кто виновать, а пока, если ужъ читать, такъ дочитывай до конца,—предложилъ Боптевъ.

— Читай, читай, Бураковъ!—просили остальные.

— Видишь, какъ интересуются, а ты лаешься!—назидательно проговорилъ Бураковъ, обращаясь къ Мотылеву, который сидѣлъ, какъ на горячихъ угольяхъ, придерживаемый крѣпкими руками Свищева.

— Стоитъ ли читать-то, братцы?—спросилъ Бураковъ.—Я его, можно сказать, на люди вывелъ, а онъ сердится!

— Читай, читай!—кричали товарищи.

Бураковъ началъ снова:

Давно усталъ пытливый умъ
Подъ бременемъ тяжелыхъ думъ,
Давно познанья камень безпощадный
Меня манить къ могилѣ хладной!...

Боптевъ съ большимъ любопытствомъ посмотрѣлъ на Мотылева, точно передъ нимъ былъ не человѣкъ, котораго онъ зналъ нѣскольго лѣтъ, а совершенно новое, незнакомое ему лицо.

— А вотъ, господа, стихотвореніе посвящается табакурамъ,—продолжалъ Бураковъ чтеніе:

Табачный дымъ
Сердце отравляетъ бисеніемъ,
Легкія гвѣніемъ,
Грудь волненіемъ,
Мозги отупѣніемъ.

Мотылевъ, улучивъ минуту, когда Свищевъ выпустилъ его, вырвалъ у Буракова тетрадку.

— Ну, рыжій, я тебѣ припомню!—пригрозилъ онъ.

— Я, Мотылевъ, ей Богу не виновать, тетрадка упала ко мнѣ сверху, я только поинтересовался. А такъ какъ другіе нарочно пе-
аюють стихи, чтобы ихъ читали, я и разсудилъ, прочитать ихъ
бликѣ,—оправдывался Бураковъ.

Долго товарищи донимали Мотылева насчетъ его стихоплетеній. Слово и не къ слову они задѣвали его, и чѣмъ бы разговоръ ни
чался, кончался обыкновенно стихами Мотылева.

Только Боптевъ щадилъ «молодой талантъ», какъ на первыхъ

порахъ онъ обозвалъ Мотылева, и на всѣ приставанія товарищей, какого онъ мнѣнія о новомъ поэтѣ,—отвѣчалъ:

— Пусть пишетъ, коли есть охота!

Мотылевъ сначала сердился, когда рѣчь заходила объ его стихотворствѣ, а потомъ, какъ говорится «вошелъ во вкусъ», и ему даже нравилось, что онъ приобрѣлъ нѣкоторую популярность, а названіе «поэтъ» ему даже льстило. Онъ уже съ нѣкоторымъ апломбомъ сталъ произносить сужденія о стихахъ и фельетонахъ газеты, которую они читали.

— Чушь, ерунда, стихи, какъ дерево! — резюмировалъ онъ, когда Бураковъ оканчивалъ чтеніе газеты вслухъ. Его даже стало огорчать, что Коптевъ такъ сухо относится къ его «поэтическимъ вольностямъ» и не скажетъ ничего отъ души. Онъ считалъ Коптева единственнымъ человѣкомъ въ мастерской, который могъ бы понять и оцѣнить его; мнѣніемъ его онъ дорожилъ, и молчаніе Коптева, какъ камень, тяготило Мотылева.

«Хоть обругалъ бы, по крайней мѣрѣ я бы видѣлъ, что не нравится, — думалъ онъ — а то молчить, какъ пень!» Наконецъ, онъ не выдержалъ. Оставшись съ Коптевымъ вдвоемъ, онъ завелъ разговоръ о поэзіи и какъ бы вскользь спросилъ, что онъ думаетъ о его стихахъ.

Коптевъ улыбнулся. Онъ понялъ, что Мотылевъ подбирается къ нему, и отвѣтилъ:

— Какъ тебѣ сказать! Я не поэтъ самъ и судить не могу. Одно думаю, что ко всякаго рода творчеству можно приложить слова моего учителя профессора; говорилъ я ихъ не разъ, пожалуй и теперь повторю. Онъ говорилъ: «писать нужно то, что перечувствуешь, передумаешь, перестрадаешь!» Такую точку зрѣнія усвоилъ и я себѣ. Теперь подумай, много ли ты жилъ, чувствовалъ и страдалъ, и то ли ты чувствовалъ, что написалъ. Надо быть мудрымъ человѣкомъ, надо многое знать и отъ многого вкусить, чтобы сказать, что тебя печальный умъ манитъ къ могилѣ холодной, что ты понялъ базарную суету жизни, вѣдь вздоръ все это! Чушь, нелѣпица! Что такое ты? Человѣкъ, работающій за плату то, что даютъ и велятъ. Тебѣ не знакомы ни убѣжденія и идеи, ни сознательная работа на пользу другихъ, ни жизнь для людей. Знаели ты, что были и есть люди, пытливымъ умъ которыхъ не угасала отъ борьбы и приводилъ ихъ не къ «могилѣ холодной», а къ мученичеству, къ смерти за идею. Они знали впередъ, что ихъ ждетъ, и шли съ восторгомъ и душевнымъ удовлетвореніемъ, умирали за дорогое дѣло не потому, что имъ была сладка «могила холодная»

потому, что смерть ихъ давала вѣру и вливала силы въ новыхъ борцовъ! Какъ же ты могъ писать такія слова?! Ты, вѣдь, читалъ Гоголя, ну такъ припомни: тамъ Петрушка, слуга Чичикова, занимался чтеніемъ не для того, чтобы понимать прочитанное, а такъ, только для того, чтобы складывать буквы и чтобы изъ этого что-нибудь выходило, и чортъ знаетъ, что изъ этого выходило, но это ему и нравилось. Ну, такъ вотъ ты такой же поэтъ, какъ Петрушка чтець. Нравится тебѣ, что у тебя что-то выходитъ, ты и валяешь, только это, братъ, гадко! Какой ни-на-есть, а у тебя все-таки есть умишко, и его употреблять на такія вещи скверно! И если говорить, что твой умъ сталъ угасать, и тебя манить могила, то нужно описать, почему и отчего, нужно подумать объ этомъ и доказать, а то набралъ возвышенныхъ словъ, а о сути - то и не подумалъ!

Въ концу рѣчи Коптевъ разгорячился и дѣлалъ рѣзкіе жесты рукой, брови его пахмурились, и въ глазахъ было столько суровости, что не выдавшему его никогда такимъ Мотылеву становилось жутко.

— Я что-жь, я вѣдь это такъ, я больше не буду, я баловался!— смущенно залепеталъ онъ, въ душѣ посылая себя ко всѣмъ чертямъ, что самъ же завелъ объ этомъ разговоръ. Одно лишь его нѣсколько радовало, что разговаривалъ онъ съ Коптевымъ «съ глазу на глазъ».

«Ну кабы онъ такъ раздѣлалъ меня при товарищахъ,—ужасался Мотылевъ,—вѣдь, безъ ножа зарѣзалъ бы!»

— Ну, такъ знай, что не всѣмъ можно баловаться!—назидательно прибавилъ Коптевъ.—Есть вещи, которыя надо уважать, а не баловаться ими.

Послѣ разговора съ Коптевымъ Мотылевъ, какъ только возвратился домой, сейчасъ же изорвалъ свою заветную тетрадь и, осторожно, чтобы никто не замѣтилъ, отнесъ ее въ литографію и тамъ запряталъ ее въ стоявшій въ темномъ коридорѣ кулъ, въ который собирали рваную бумагу и обрѣзки отъ картинъ и картона. Но потомъ его постепенно начало глотать сомнѣніе: хорошо ли онъ сдѣлалъ, что принялъ на вѣру слова Коптева. Онъ принимался обсуждать сказанное ему Коптевымъ, но разобраться и придти къ какому-нибудь определенному выводу не могъ. Ясное логическое сужденіе было не по силамъ его недисциплинированному уму. Съ болѣе отдавался разгоравшемуся чувству. Самолюбіе его было съ нимъ задѣто сравненіемъ съ Гоголевскимъ Петрушкой. Это оскорбляло его тѣмъ болѣе, что Петрушкой онъ самъ ругалъ Костюху,

когда тотъ принимался пересказывать прочитанное. Костюха читать не любилъ и того, что читалъ, не понималъ и не запоминалъ. Въ мастерской иногда, потѣхи ради, его заставляли что-нибудь прочитать, а потомъ рассказать своими словами. Костюха начиналъ нести такую ахиною, что слушатели надрывались отъ хохота. И вотъ съ такимъ-то «олухомъ», живымъ Петрушкой, сравнивали его, Мотылева! Это его злобило, и онъ старался найти въ Коптевѣ что-нибудь такое, чѣмъ можно бы осмѣять и его.

«Носится съ своимъ профессоромъ, какъ курица съ яйцомъ, — думалъ Мотылевъ по адресу Коптева. — Что-жъ профессоръ-то, конечно, былъ очень умный человекъ и работалъ, можетъ быть, для идеи, а самъ-то Коптевъ, какъ и всѣ мы, не только не задаромъ работаетъ, но и жизнь-то ведетъ такую же, какъ и мы, грѣшны!»

И Мотылеву больше и больше казалось, что Коптевъ прямо позавидовалъ ему, только не хотѣлъ сознаться, а напустилъ на себя «ученость». Ему стало жаль уничтоженной тетрадки, онъ сдѣлалъ новую, въ душѣ вляня свою поспѣшность, и принялся восстанавливать изорванные стихи. Но и тутъ его постигла неудача: изъ всѣхъ стихотвореній, которыя онъ зналъ наизусть, онъ вспомнилъ только одно, которое и записалъ, старательно разрисовавъ каждую заглавную букву новой строфы. Въ остальныхъ онъ перезабылъ нѣкоторыя слова, и стихи не выходили. Пробившись понапрасну долгое время надъ неблагодарной работой, онъ бросилъ ее и сталъ ждать новаго вдохновенія. Къ Коптеву отношенія его измѣнились. Онъ уже не вѣрилъ его словамъ слѣпо, какъ вѣрилъ раньше, но, боясь его остраго языка, сталъ съ нимъ неискренень и холоденъ. Когда же въ мастерской заходила рѣчь о чемъ-нибудь болѣе возвышенномъ, то Мотылевъ всякій разъ скептически относился къ идеальнымъ взглядамъ Коптева на жизнь и людей.

— Знаемъ мы этихъ работниковъ во имя блага! — задорно и увѣренно говорилъ онъ. — Всѣ они, возьми хоть самаго разобраннаго, какъ окончатъ университетъ, такъ только и заботы о выгодномъ мѣстѣ, да хорошемъ заработкѣ!

Къ Мотылеву присоединялись остальные, и получался очень дружный и многоголосый хоръ, противъ котораго всѣ аргументы Коптева оказывались совершенно безсильными, заглушенными.

Коптевъ чувствовалъ неприязнь къ нему Мотылева, но долгое время не могъ догадаться объ ея причинѣ, пока наконецъ у Мотылева не вылилось это въ болѣе грубой формѣ.

X.

Это было въ получку. По обыкновенію рисовальщики, покончивъ работу, отправились въ трактиръ. На этотъ разъ это было тѣмъ болѣе необходимо, что, по установленному закону мастерской, слѣдовало «омыть лапки» и, такимъ образомъ, официально признать вышедшаго изъ ученья Володю равноправнымъ товарищемъ и мастеромъ. «Омовеніе лапокъ» — попросту угощеніе, долженъ былъ выставить Володя за свой счетъ. Онъ уже съ мѣсяцъ какъ вышелъ изъ ученья, и хозяинъ положилъ ему жалованье, но до сихъ поръ онъ его еще не получалъ. Сегодня его первая получка, и онъ чувствовалъ себя именинникомъ. Рисовальщики предлагали ему отсрочить обрядъ «посвященія», но онъ не пожелалъ, сказавъ, что не можетъ чувствовать себя равноправнымъ, не исполнивъ «закона».

— Молодецъ! Ай да молодое поколѣніе! — шумно одобрилъ его слова Свищевъ. — Завѣты мастерской нужно хранить всегда и во всемъ!

И посвященіе Володи отпраздновали весело.

Счетъ оказался великъ для скромнаго жалованья мальчугана, и Свищевъ съ Коптевымъ хотѣли было заплатить половину расходовъ, но Володя изъ всѣхъ силъ воспротивился этому.

— Вотъ, нельзя человѣка въ свою среду принять, сейчасъ перечить начинается! — смѣялся Свищевъ на упорство.

— Нельзя, порядокъ, я плачу! — горячился Володя, стуча кулакомъ. — Это значитъ не уважать человѣка!

— Правда, правда, — согласился Коптевъ, — это героично и красиво у тебя выходитъ, но все-таки мнѣ жаль твоего кошелька!

— Э, — брезгливо протянулъ Володя и спокойно, и величественно кинулъ полученные двадцать рублей на счетъ.

— Ну, братъ, ты будешь должно быть настоящимъ товарищемъ! — говорилъ ему дорогой восхищенный Свищевъ. — Какъ, братъ, у тебя это ловко вышло, когда ты швырнулъ деньги, точно у князя! Ну, молодецъ, дай я тебя поцѣлую! — и онъ облобызалъ Володю.

А легкомысленный юноша хотя и сталъ безъ копейки, но чувствовалъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Ему не только не было жаль денегъ, но онъ сожалѣлъ, что не могъ предложить ничего болѣе.

— Ахъ, милый! Всегда будь такимъ артельскимъ человѣкомъ! аша жизнь вѣдь что? Почти каторга, только добровольная! Да если

еще не будет хороших товарищеских отношений, вѣдь, право, идиотомъ можно сдѣлаться, машиной, — работай, спи да ѣшь, чтобы снова работать!

Отъ лгующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви.

напѣвалъ между тѣмъ Коптевъ, шагая впереди компаніи.

— Коптевъ изъ Некрасова жарить, — умилился Бураковъ. — Вѣдь вотъ какъ онъ его всего наизусть знаетъ, экая башка!

— Что толку-то? Пѣть-то мы поемъ возвышенные слова, а къ чему? Кабы дѣлали что! — замѣтилъ Мотылевъ.

— Ну, это ты тово! Коптевъ, братъ, насколько можетъ, старается для мужика. Сколько онъ нарисовалъ хорошаго! Поди-ка, посмотри, что въ другихъ литографіяхъ издается!

— Что-жь, мужику-то отъ картинокъ-то легче что-ль? — усмѣхнулся Мотылевъ.

— Оно конечно, — протянулъ Бураковъ, не находя возраженія, — только онъ все-таки старается! — снова прибавилъ онъ.

— А вамъ письмо, Палъ Павлычъ, — проговорилъ, отворивши дверь, Колька.

— Изъ деревни, значить! Гдѣ-жь оно?

— Я къ вамъ на камень положилъ! — отрапортовалъ Колька и тотчасъ же принесъ его.

— Ну-ка, какія новости? — приготовился Бураковъ къ чтенію.

— Плюнь, завтра прочтешь, чай денегъ просятъ! Вѣдь одна пѣсня можетъ быть изъ деревни! — проговорилъ Свищевъ. — Давайте лучше что-нибудь хоромъ споемъ!

Бураковъ все-таки сталъ читать письмо, а компанія запѣла:

Въ полдневный жаръ въ долину Дагестана
Съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я...

— Мы, братцы, дѣйствительно, съ винцомъ! — съострилъ Свищевъ, и компанія дружно прервала пѣсню и громко расхохоталась. Среди веселаго смѣха какимъ-то диссонансомъ вдругъ прозвучал вырвавшийся изъ груди Буракова вопль.

Всѣ невольно притихли.

— Господи! За что-жь такое наказаніе? — рыдая проговорил Бураковъ.

Его обступили съ разспросами.

— Сгорѣлъ я, домъ сгорѣлъ! Вотъ пишутъ! — всхлипывая, говорилъ онъ.

Стали читать письмо. Жена Буракова писала, что они сгорѣли ночью, и что она только и успѣла вытащить дѣтей. «Теперь живемъ въ сараѣ, — писала она, — и то благодареніе Богу, что онъ цѣлъ остался, а у другихъ и того нѣтъ, кои живутъ прямо на полѣ, кои по чужимъ угламъ разбрелись. Въ сараѣ у меня живетъ Аграфена прядильщица, а то ей и дѣваться некуда!»

Письмо произвело на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе. Хмѣля какъ ни бывало, исчезла и веселость. Всѣ молчали. Рѣдькинъ хотѣлъ было утѣшить Буракова, но слова были такъ ничтожны и шаблонны, что даже онъ самъ замѣтилъ это и какъ-то неловко, на полусловъ, умолкъ.

— Что-жь мнѣ теперь дѣлать? — среди общаго молчанья плакался Бураковъ. — Гдѣ дѣтишки будутъ жить? Ну, пока тепло — поживутъ въ сараѣ, а тамъ что?

— Какъ ни то, Богъ дастъ! — заикнулся Костюха.

— Не тужи, Бураковъ! — проговорилъ Мотылевъ. — Вотъ завтра хозяину скажешь, онъ впередъ дастъ, а можетъ и такъ поможетъ! Погоди, утро вечера мудренѣе. А пока на вотъ, я тебѣ дамъ отъ себя въ долгъ, насколько хочешь, красненькую. Хоть десять лѣтъ не плати, не спрошу! Я хоть и не поучаю никого жить для другихъ, а въ нуждѣ готовъ помочь, чѣмъ могу!

— Те, те, те! Вотъ она въ чемъ штука-то! — протянулъ Коптевъ, берясь за голову. И тутъ же ему стало ясно, почему отношенія Мотылева къ нему измѣнились.

Слова Мотылева ударили его какъ хлыстомъ по лицу. Онъ покраснѣлъ и точно отъ жары распахнулъ на себѣ жилетъ. Ему было совѣстно, что онъ не нашелъ способа помочь товарищу въ несчастіи, и, желая искупить свою забывчивость и доказать Мотылеву, что онъ не только любитъ поучать, но при случаѣ можетъ и дѣло дѣлать, онъ проговорилъ, кладя руку на плечо Буракова:

— Не тужи, товарищъ! Поправимся! На вотъ тебѣ на память обо мнѣ! — и онъ сунулъ ему свою получку. — Стройся, на будущее лѣто я къ тебѣ въ гости приѣду.

— Что ты, Богъ съ тобой! — изумился Бураковъ.

— Молчи, Коптевъ всю свою жизнь живетъ съ вами, — живетъ и пропиваетъ все, такъ ему ли разсуждать о деньгахъ!

— Да вѣдь тутъ сто рублей! — воскликнулъ Бураковъ.

— Ну такъ что-жь!

— Ты... ты не шутишь? Дашь сто рублей? — говорилъ Бура-

ковъ и въ голосъ его звучали: и радость, и недоверіе, и безумная восторженная благодарность.

— Голубчикъ! Когда-то въ меня сѣяли хорошія сѣмена, такъ неужели я все такъ затопталъ въ себѣ, что позволю смѣяться или шутить надъ человѣкомъ въ несчастьѣ?— съ горечью проговорилъ Коптевъ.

Мотылевъ исчезъ, исчезли Рѣдгинъ и Костюха.

Около Буракова остались Коптевъ, Свищевъ и Володя.

— Коптевъ, ты, ты!... Эхъ, что говоритъ! Дай, я тебя поцѣлю!— лепеталъ Свищевъ, заключая Коптева въ объятія.— Рыжий, я тоже тебѣ помогу, не по-Коптевски, конечно, ну, а вотъ, что могу!... На вотъ двадцать рублей! Нѣтъ, на еще пять, пятерку оставлю себѣ!

— Братцы, да что же вы?— заплакалъ Бураковъ.— Вѣдь вы тоже работаете!

— Голубчикъ, перестань вздоръ говорить!— усовѣщевалъ Буракова Коптевъ.— Ты посуди: я, Мотылевъ и Свищевъ, мы въ счастливыхъ условіяхъ живемъ, мы всё тутъ! Нѣтъ у насъ ни роду, ни племени, ты это знаешь, такъ о чемъ и говорить. Я хотѣлъ со Свищевымъ на квартиру переселиться, а теперь на мѣсяцъ отложимъ. Весь и разговоръ-то въ пустякахъ! Ну, спать, Свищевъ, идемъ!— скомандовалъ Коптевъ.

— А вѣдь все Мотылевъ, его идея!— говорилъ Свищевъ, когда они улеглись.

— Да,— согласился Коптевъ,— онъ далъ мнѣ хорошій урокъ.

— Какой урокъ?— коснѣющимъ соннымъ языкомъ спросилъ Свищевъ.

— Спи, знай!— пробурчалъ Коптевъ.

Коптевъ не могъ уснуть: слишкомъ сильно были возбуждены его нервы, слишкомъ больно хлестнулъ его Мотылевъ, чтобъ уснуть. Ему не было жаль денегъ, онъ не сожалѣлъ о томъ, что погорячился,—наоборотъ, онъ чувствовалъ на душѣ такую легкость и радость, какой никогда не ощущалъ. И онъ дѣйствительно былъ доволенъ тѣмъ, что Мотылевъ далъ ему урокъ. Безъ него, очень можетъ быть, кончилось бы все просто аханьемъ и «платоническимъ сожалѣніемъ», отъ котораго Бураковъ ничуть бы не поправился. И на Мотылева онъ не сердился. Онъ заключилъ, что, слѣдовательно, Мотылевъ помнилъ и думалъ надъ его словами, хотя, очевидно, не то понималъ въ нихъ, что хотѣлъ сказать онъ. Ему было пріятно, что онъ далъ толчокъ мысли. «Да, онъ славный парень,—думалъ Коп-

тебѣ, — надо съ нимъ только по душѣ поговорить, объясниться и тогда черныя кошки между нами не будутъ бѣгать».

На другой день Бураковъ все еще думалъ, что товарищи шутятъ, хотя за ночь, въ которую онъ не сомкнулъ глазъ, онъ не только сжился съ этою шуткой, но даже до мельчайшихъ подробностей распредѣлилъ всѣ деньги. И какъ только усѣлись за утреннй чай, онъ сталъ ихъ отдавать назадъ.

— Вы, можетъ, братцы, вчера такъ, сгоряча, — говорилъ онъ, — такъ возьмите, я какъ ни то обойдусь!

— Ты опять за старое! — спокойно проговорилъ Колтевъ. — Успокойся, если бы мы и погорячились, то отъ этой горячки никому худо не будетъ.

— А то возьмите! — предлагалъ Бураковъ.

— Даютъ — бери, а бьютъ — бѣги, — пошутилъ Свищевъ по словицей.

И Бураковъ просіялъ.

— Ну, а «самому» говорилъ? — освѣдомились товарищи.

— Говорилъ послѣ обѣдни, просилъ за мѣсяцъ впередъ жалованье, да отпустить меня на недѣлю распорядиться.

— Что-жь онъ?

— Сказалъ: «ужо потолкуемъ», да вотъ онъ идетъ! — проговорилъ Бураковъ.

— Чай да сахаръ! — привѣтствовалъ «самъ».

— Просимъ милости! — отвѣтили рисовальщики.

— Ну, что же, присяду, черепушечку выпью. А Павелъ-то погорѣлъ, — началъ самъ, — плохи дѣла! — и, обращаясь къ Буракову, прибавилъ: — Ну, что-жь, поѣзжай на недѣлку, распорядись тамъ, сдѣлай наказъ женѣ, да возвращайся поскорѣе, — работа нужна. Вотъ тебѣ жалованье за мѣсяцъ! Хорошему человѣку я всегда помочь готовъ, это вотъ только Свищевъ на меня нападаетъ, — прибавилъ «самъ», поглядывая на Свищева, и было видно, что онъ таилъ нѣчто такое, чѣмъ хотѣлъ всѣхъ удивить.

— Мало ли что бываетъ, — тряхнувъ головой, отвѣтилъ Свищевъ.

— Это вѣрно, все бываетъ, — согласился «самъ», — а только я се-таки цѣню своихъ людей и помочь всегда готовъ, когда нужно! Впередъ я даю жалованье это само собой, а вотъ тебѣ, въ видѣ награды, тридцать рублей! Это, значить, на крышу! Такъ-то! — проговорилъ «самъ», очень довольный собою и обвелъ всѣхъ испугующимъ взглядомъ: «вотъ де мы какъ!»

— Очень благодаренъ, Андрей Алексѣевичъ, — радостно вос-

всплинул Бураковъ. — Теперь мнѣ что! Вся изба въ карманѣ! Вѣдь всего стало двѣсти рублей съ моими!

— Ну?—удивился «самъ»:—откуда же у тебя такія деньги? Это цѣлый домъ!

— Да вонъ товарищи облагодѣтельствовали вчера, одинъ Коптевъ всю получку отдалъ!

— Сто рублей?! — воскликнулъ «самъ», широко отерывая глаза.

— Да!

«Самъ» долго оставался въ застывшемъ изумленіи и, наконецъ, придя въ себя, покачалъ головой и проговорилъ:

— Да, везетъ тебѣ, Павелъ! Ну, а самъ-то ты съ чѣмъ остался?—обратился онъ къ Коптеву.

— Съ собой!—отвѣтилъ тотъ.

— Безъ копейки?—задорилъ «самъ».

— Зачѣмъ мнѣ копейки, мнѣ сейчасъ хозяинъ рублей дастъ!— усмѣхнулся Коптевъ.

— И чудагъ же ты, Коптевъ, — снова закачалъ головой «самъ»,—никакой практичности въ тебѣ нѣтъ. Ну, сколько тебѣ надо?

— Пятерку!

— На, лыцарь!—проговорилъ «самъ», усмѣхаясь и коверкая слово. — И чудагъ этотъ Коптевъ! — твердилъ онъ уходя и покачивая головой.

И. Данилинъ.

СОПЕРНИКИ).

Романъ Фредерика Бертольда.

XXII.

Открытое море, ночь, погода отвратительная, волны швыряютъ и качаютъ немилосердно океанскій пароходъ, идущій изъ Марсели въ Алжирь.

Открытое море—вода и небо; ни берега, ни островка, необозримое пространство, однообразное, унылое, подавляющее. День мрачный и сѣрый; утро, полдень, вечеръ одинаково тусклы, ночью тьма непроглядная. Ни звука кругомъ, кромѣ воя вѣтра въ снастяхъ и страшнаго шума волнъ, яростно бьющихъ борты корабля.

А онъ, сущее «ничтожество», построенное и управляемое людьми, мечется и прыгаетъ, раскачивается изъ стороны въ сторону, работаетъ безъ устали винтомъ. Надъ нимъ едва мерцаетъ нѣскольکو затуманенныхъ звѣздъ въ просвѣтахъ между тучами, гонимыми сѣвернымъ вѣтромъ, который то поднимаетъ волны горами, то роетъ огромныя пропасти среди нихъ.

Внизу, въ каютахъ, всѣ изнемогаютъ подъ гнетомъ двухъ чувствъ: страданія и страха. Море отплачиваетъ за себя: человѣкъ властвуетъ надъ нимъ, оно дѣлаетъ человѣка смѣшнымъ и немощнымъ.

Г-нъ и г-жа Вильяръ наканунѣ покинули Марсель и отправились въ Алжирь на пароходъ *Евгенія Перейра*.

Лежа въ каютѣ, закрывши глаза, неподвижная, едва живая, Елена не могла ни ѣсть, ни спать, ни думать. Она даже къ опасности относилась безучастно, не сознавала ничего, кромѣ своихъ страданій, стонала безпомощно, съ какимъ-то тупымъ отчаяніемъ въ душѣ. Время тянулось убійственно медленно часъ за часомъ.

*) *Русская Мысль*, кн. VII, 99 г.

Не лучше было и Вильяру. На такого нервнаго человѣка, какъ онъ, море дѣйствовало такъ же сильно. Онъ пытался прибодриться, —напрасныя старанія, черезъ минуту онъ падалъ обезсиленный.

— Будеть ли этому конецъ?—ныла Елена, чуть не плача.

— И это называютъ путешествіемъ ради удовольствія, деньги за это платять!—вослициалъ Вильяръ въ короткія минуты передышки.

А тѣмъ временемъ черный дымъ вырывался изъ трубы густыми клубами, пароходъ разсѣкалъ волны, автоматически пыхтѣлъ, вздрагивалъ и бѣжалъ впередъ, равнодушно унося грузъ и пассажировъ.

XXIII.

Алжиръ, милое видѣніе, восхитительное пристанище послѣ ужаснаго кошмара тяжелаго переѣзда, съ какимъ радостнымъ вздохомъ облегченія всѣ привѣтствуютъ тебя, съ какимъ наслажденіемъ вступаютъ на твой берегъ, залитый солнцемъ и совершенно бѣлый отъ пыли!

Супруги Вильяръ сошли съ парохода и тотчасъ же приказали вести себя въ гостиницу *Оазисъ*. Тамъ, еще совсѣмъ больные, изнеможенные, они потребовали мадеры и бисквитъ, и, не будучи въ силахъ дѣлать что-нибудь, ни говорить, ни даже думать, легли спать.

На слѣдующій день, отдохнувши, оправившись, они встали бодрые раннимъ утромъ. Елена, первая, срыгнула съ постели и побѣжала открыть окно. Яркій блескъ солнца ворвался въ комнату, изумилъ молодую женщину, почти ослѣпилъ ее. Приглядѣвшись мало-по-малу къ необычному свѣту, она разсмотрѣла дивную панораму алжирскаго залива и, пораженная прелестью вида, воскликнула:

— Боже, какъ хорошо! Жагъ, иди скорѣе!

Въ свою очередь, Вильяръ поднялся, и оба они въ теченіе нѣсколькихъ минутъ не могли отвести глазъ отъ этой очаровательной картины. Небо, безъ малѣйшаго намека на какой-либо туманъ, раскинулось необъятнымъ наметомъ синяго бархата съ невыносим для глазъ сверкающимъ дискомъ солнца. Необозримая гладь вод Средиземнаго моря, столь злобнаго наканунѣ, казалась въ это утро гигантскимъ сапфиромъ, усыпаннымъ золотыми блестками солнечныхъ лучей. Ближе, направо и налево, подъ темною зеленою пальмъ, поднимались уступами бѣлые дома Мустафы и Сентъ-Ежъ.

на *)); а еще ближе у мечети и на набережной сновали толпы народа, среди котораго преобладали сѣроватые тоны арабскихъ бурнусовъ...

Окончивши свой туалетъ, наши путешественники весело отправились осматривать городъ. Они обходили послѣдовательно лучшіе и плохіе кварталы, останавливались передъ окнами магазиновъ улицы *Лиры*, съ интересомъ засматривались на элементы арабскіе, попадавшіеся на каждомъ шагу, взобрались на Базба, бродили по тамошнимъ узкимъ переулкамъ, потомъ, послѣ полудня въ тотъ же день, ѣздили въ экипажѣ по окрестностямъ, побывали у *Рва дикой женщины*, въ Акклиматизаціонномъ саду, и на обратномъ пути сдѣлали восхитительную поѣздку къ Водопроводамъ.

Жакъ и Елена, казалось, совершенно преобразились. Перемѣна мѣста и привычекъ, полное отрѣшеніе отъ обычныхъ заботъ оказывали на нихъ прекраснѣйшее вліяніе, дѣлали ихъ другими людьми. Въ молодой женщинѣ, нарядной, весело улыбающейся, радостно идущей подъ руку съ мужемъ, никто не узналъ бы Елену, которая, всего два мѣсяца назадъ, охваченная эгоистическою гордостью, говорила въ тиши своей комнаты горькія и злобныя слова: «Я буду г-жею Вильяръ, но, клянусь въ томъ, лишь въ интересахъ моей будущности!»

Равно нельзя было узнать и Жака Вильяра. Его глаза, всегда подернутые скорбнымъ выраженіемъ меланхоли, были теперь ясны и блестящи, его лобъ, еще недавно омраченный тяжелыми думами, былъ горделиво поднятъ. Счастье молодило романиста, онъ чувствовалъ себя совсѣмъ инымъ человѣкомъ, въ полномъ смыслѣ слова — блаженствовалъ. Смотрѣть, восхищаться, наслаждаться прекрасною погодой, любить, жить настоящимъ, ѣсть и спать, — такова была ихъ жизнь съ момента отъѣзда изъ Парижа. И кто бы повѣрилъ чуду? — эти два существа, одно — себялюбивое, тщеславное и холодное, другое — печальное, разочарованное, больное, превратились вдругъ въ идеальныхъ, типически-благополучныхъ новобрачныхъ, переживающихъ въ путешествіи свой «медовый мѣсяцъ».

XXIV.

— Завтра мы съѣздимъ въ ущелья Шиффе, — условливались они, ложась спать.

*) Названія частей города Алжира.

На бѣду, поутру, когда они встали, ясная лазурь вчерашняго дня уступила мѣсто сплошнымъ сѣрымъ облакамъ.

— Что же дѣлать?—спросила Елена мужа.

— Навѣрное прояснится, — отвѣтилъ онъ, — здѣсь не бываетъ ненастныхъ дней.

И они поѣхали.

Жакъ Вильяръ ошибся: по мѣрѣ ихъ приближенія къ Блидѣ, небо темнѣло, превращалось изъ сѣраго въ совсѣмъ черное, густой туманъ завалякивалъ горы. Дождя не было, однако, и супруги, выйдя изъ вагона, отправились въ гостиницу.

Тамъ, въ низкой и узкой залѣ, дыша сыримъ воздухомъ, они отлично покушали. А наружи тучи все больше сгущались. Въ часъ, выйдя изъ за стола, супруги озаботились присканиемъ экипажа и добыли единственный, да и тотъ открытый, — за неимѣніемъ лучшаго, пришлось удовлетвориться и этимъ.

Только что коляска выбралась на большую дорогу, пошелъ дождь. Подняли верхъ, но напрасно, дождь превратился въ ливень и, при встрѣчномъ вѣтрѣ, принялся немилосердно бить въ лица Вильяра и его жену, закрылъ весь пейзажъ сплошною сѣрою завѣсой такъ, что ничего нельзя было различить въ нѣсколькихъ шагахъ.

— Вотъ такъ прогулка!—проговорила Елена сердитымъ тономъ.

Дождь, впрочемъ, скоро прекратился, лишь по небу ползли низкія грозовыя тучи. Экипажъ началъ взбираться по извилинамъ дороги на холмъ и въѣхалъ въ знаменитое ущелье. Въ такомъ освѣщеніи красоты видовъ имѣли мрачный и странный характеръ, почти устрашающій. Изрѣдка попадались навстрѣчу то старый арабъ верхомъ на заморенномъ и жалкомъ ослѣ, то босоногія мальчишка-бедуинъ, просившій милостыню, и ни души больше.

Подъѣхали, наконецъ, къ остановкѣ, называемой *Трактмирз* у *Ручья Обезьянъ*. Путники вышли на нѣсколько минутъ изъ экипажа. Бучеръ предложилъ имъ полюбоваться на трехъ или четырехъ обезьянъ, живущихъ будто бы на волѣ; онѣ сидѣли на фиговомъ деревѣ и ѣли его плоды. Елена, иззябшая въ этой сырости, перепачканная грязью, прошептала, вздрагивая:

— Жакъ, уѣдемъ скорѣе, прошу тебя.

Они вернулись въ Блидѣ. Дождь полилъ съ новою силой, и они рады-радѣшенки были, когда къ шести часамъ добрались до вагона, чтобы возвратиться въ Алжиръ.

Во всю дорогу Елена не проговорила ни слова. Этот хмурый, ненастный день и совершенно неудавшаяся поѣздка нагоняли на нее томительную тоску. Молодая женщина чувствовала себя какъ бы потерянной въ далекой и непривѣтливой странѣ, и въ этотъ вечеръ относилась съ видимымъ недовольствомъ къ ухаживаніямъ мужа, который съ удивленіемъ задавалъ себѣ вопросы о причинахъ ея дурного расположенія духа.

XXV.

Черезъ день они покинули Алжиръ и отправились въ Бискру. Поѣзда ходятъ тамъ настолько медленно, что физически невозможно сдѣлать этотъ переѣздъ въ одинъ день. А потому они въ первый же вечеръ остановились въ Сетифѣ, переночевали и лишь на слѣдующій день пріѣхали въ главный городъ Эзъ-Зибана.

Если въ Алжирѣ жизнь арабовъ, довольно-таки офранцузившихся въ настоящее время, занимала и восхищала Жака Вельяра и его жену, когда они посѣщали маленькія селенія, смазанныя изъ глины въ оазисахъ Сахары, то здѣсь уже было непрерывное очарованіе, восторги ежеминутные.

Наблюдательность и любопытство писателя такъ и впивались въ эти первобытные нравы. Вильяръ часто и подолгу задумывался надъ фатализмомъ масульманъ. «Быть можетъ, они одни только достигли истинной мудрости?—разсуждалъ онъ, глядя на арабовъ, сидящихъ у порога своихъ хижинъ, молча курившихъ, невозмутимо спокойныхъ, ко всему безучастныхъ... Что толку въ нашей европейской суетѣ, лихорадочной, съ вѣчными стремленіями, съ постоянною борьбой? Развѣ вся-то наша жизнь не исчерпывается двумя словами: Усилія и Ничто?»...— снова, вопреки его воли, на него находила его прежняя томительная тоска.

— Съ этимъ, должно быть, ничего не подѣлаешь,—шептала онъ уныло,—такимъ я навсегда останусь... Отлегнуть на нѣскольکو дней, и опять возвращается и неумолимо захватываетъ то же сознаніе ничтожества жизни, собственной бесполезности, — слово, хронической тоски.

Что же касается Елены, то она увлекалась новизной такой жизни, наслаждалась сладкимъ *far niente*, интеллигентнымъ, съ которымъ познакомилась со дня своей свадьбы, и доходила до того, что сама удивлялась тому, какъ могла она такъ долго думать, будто тяжела жизнь замужней женщины и окажется для нея невыносимой. Надо сказать правду, — Жакъ былъ необыкновенно милъ

съ своею женой: нравственно, они были скорѣе друзьями, добрыми товарищами, чѣмъ законными супругами.

Въ Бискрѣ они пробыли недѣлю, цѣлыми днями гуляли и катались, ѣздили въ маленькій оазисъ Шетма, въ шести километрахъ отъ города. При переправѣ вбродъ черезъ небольшую рѣчку, они смѣялись, какъ школьники, когда коляска прыгала по камнямъ, лежащимъ на днѣ, и чуть не опрокидывалась, мчались въ бѣшеной скачкѣ по песчанымъ холмамъ во всю прыть пары небольшихъ арабскихъ лошадокъ, усердно подгоняемыхъ кучеромъ-негромъ; потомъ сдѣлали экскурсію въ Сиди-Обба, — двадцать четыре километра въ пустыню, — гдѣ, имѣя рекомендательныя письма, были по-королевски приняты мѣстнымъ шейхомъ, помѣстившимъ ихъ въ собственномъ саду и подарившимъ Еленѣ множество цвѣтовъ. Въ самой Бискрѣ они, какъ очарованные, гуляли подъ гигантскими пальмами, подолгу упивались теплымъ и душистымъ вѣтеркомъ въ громадныхъ аллеяхъ, обсаженныхъ кассіями и мимозами, съ интересомъ засматривались на пеструю суету базара и на пригонъ стада вечеромъ, какъ только покажутся первыя звѣзды.

Эту недѣлю они провели восхитительно.

XXVI.

Всему, однако, наступаетъ конецъ, и имъ надо было уѣзжать домой. Они направились къ сѣверу и остановились на два дня въ Бонстантинѣ.

Городъ, самъ по себѣ довольно заурядный, лишь имѣетъ видъ орлинаго гнѣзда, господствующаго съ большой высоты надъ роскошными зелеными равнинами. Но что въ немъ есть ни съ чѣмъ несравнимое, единственное въ своемъ родѣ, это — чудныя ущелья Руммели.

Когда Жакъ и Елена вѣхали въ нихъ въ первый разъ, то не криги восторга вырвались изъ ихъ устъ, не изумленіе отразилось на ихъ лицахъ, нѣтъ, они оба сосредоточенно и благоговѣйно молчали. Открывшійся передъ ними видъ настолько поражалъ своею необычайною, величественною красотой, что впечатлѣніе, имъ производимое, оказалось непередаваемымъ никакими словами и фразами.

Бурный потокъ, вздувшійся отъ прошедшаго наганунѣ ливневъ и грохоталъ на днѣ ущелій, по обѣ стороны которыхъ принимались почти отвѣсныя скалы. Надъ ними, въ ихъ расщелинахъ, видна была лишь узкая полоса темно-лазурнаго неба, гдѣ безп

рывно мелькали бѣлыми точками ястреба, носившіеся надъ пропастью. Наконецъ, на вершинахъ обрывовъ видѣлись весело блестяшіе на солнцѣ крошечные домики одного изъ предмѣстій Константины.

Господинъ и госпожа Вильяръ не могли достаточно налюбоваться этою картиной, за два дня пребыванія въ городѣ они три раза прїѣзжали туда и, много времени спустя, покинувши эти мѣста, они сохранили живое воспоминаніе объ этомъ чарующемъ видѣніи.

XXVII.

Въ Тунисѣ Елену ожидало письмо отъ Сесили.

Парижъ, 21 апрѣля, 189... г.

«Вотъ уже скоро мѣсяць, какъ вы насъ покинули, сударыня, и отъ васъ нѣтъ ни строчки, ни одного словечка. Но я за это не претендую на тебя, милая Елена, я понимаю, угадываю причину, — точно вижу васъ обоихъ въ этой дивной Африкѣ, слышу ваши возгласы восторга передъ волшебными картинами, и теперь еще проносящимися передъ моими глазами... Я тоже видѣла Алжиръ, Бискру, Константины и Тунисъ во время моей свадебной поѣздки; эти четыре города я обходила подъ руку съ моимъ милымъ Марселемъ, съ моимъ дорогимъ другомъ! То было счастливое время, когда во мнѣ все просыпалось. Въ этихъ чудныхъ пейзажахъ я, — какъ маленькая ученица, — видѣла только предметъ развлечения, красивые и новые сюжеты для этюдовъ, тогда какъ онъ жадно всматривался въ контрасты тоновъ, въ великую гармонію красокъ и изучалъ ихъ. Нерѣдко случалось, что въ какіе-нибудь полчаса, дѣлая лишь простой эскизъ, передъ моими восхищенными глазами, онъ создавалъ почти *chef d'oeuvre*. О! эти мгновенія, эти минуты опьяненія, въ которыя я чувствовала, какъ моя душа сливается съ душою Марселя, когда я радостно отдавала ему всѣ мои думы, мечты, мою волю, и, сознавая, насколько его талантъ выше моего, я уступала ему первенство. Вотъ тогда-то понявши, какъ смѣшны мои претензіи на живопись, обольщавшія меня до свадьбы, я забросила свои кисти и стала только его настоящею женой.

И такіе-то чудные, благодатные часы, переживаешь, конечно, и ты въ настоящее время съ своимъ Жакомъ, чувствуешь себя совсемъ маленькою и невыразимо счастливою вблизи такого выдающагося человѣка, каковъ твой мужъ. А твое писательство, твои фантазіи... Боже! какъ все это должно быть далеко теперь!... Но болтаю и болтаю, а надо же сообщить тебѣ кое-что о Парижѣ и

его обитателяхъ. Марсель только что кончилъ большую картину, заказанную ему господиномъ Хюре, и принужденъ уже засѣсть за двѣ репродукціи своего *Родника*, выставленнаго въ настоящую минуту въ *Салонъ*. У насъ все идетъ хорошо, мой мальчикъ растетъ и совершенно здоровъ. Матап болѣе, чѣмъ когда-либо, увлечена вихремъ свѣтскихъ удовольствій и у насъ появляется, только какъ метеоръ. Что сказать тебѣ о другихъ? Анри Демонсъ становится съ каждымъ днемъ все злѣе, если это возможно. Пьеръ Дамуа возится съ своими мраморами... А вотъ, впрочемъ, новость: Жофруа Крисусть женится, — угадай на комъ? — На молоденькой дѣвушкѣ изъ Дижона, ни капельки не склонной къ символизму, но зато приносящей ему реальнѣйшимъ образомъ триста тысячъ приданнаго... Пора кончать и идти одѣваться, — мы ѣдемъ сегодня въ театръ.

«Прошу тебя, моя дорогая, сойди на минуту съ пьедестала своего счастья, — я, кажется, впадаю въ лирику, — возьмись опять за перо, которое ты, навѣрное, далеко забросила, сдѣлайся для твоей Сесили хоть на минуту снова писательницей, даже поэтось, какимъ была когда-то.

«Скоро получишь отъ меня длинное письмо, а пока цѣлую тебя и, — не вздумай ревновать, — обнимаю также твоего мужа.

Искренно любящая тебя

Сесиль Бланъ».

При чтеніи этого письма, на лицѣ Елены отразилось недовольство. Что писала Сесиль? что ея писательство, ея мечты должны быть оставлены, ея перо заброшено?... О, этого никогда не будетъ!

Ея гордость и тщеславіе, какъ бы дремавшія со времени ея замужства, вдругъ пробудились, при мысли, что Жакъ Вильяръ былъ для нея, въ сущности, лишь ступенькой, средствомъ для достиженія желанной цѣли. Изъ-за этого только она и замужъ-то пошла за него. Обстоятельства на короткое время отвлекли ее, вотъ и все, а цѣли своей она все-таки достигнетъ. Бросить литературу! Да это было бы безуміе! Сесиль можетъ довольствоваться пустяками, примириться съ второстепенною ролью. А ей... ей нужна иная будущность!

Елена дала Жаку прочесть письмо мадамъ Бланъ и спросила иронически:

— Какого ты объ этомъ мнѣнія?

— Я такого мнѣнія, что Сесиль прелестнѣйшая изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ женщинъ, — отвѣчалъ онъ, — ея чувства трогательны и просты...

— Да, просты,—прервала его Елена,—это самое вѣрное опредѣленіе. Ея самоотреченіе превосходно, можетъ быть. А я къ этому не способна, и она глубоко ошибается, воображая, будто я откажусь отъ моихъ литературныхъ стремленій.

Оба смолкли. Тѣнь грусти побѣжала по лицу писателя, потомъ онъ сказалъ, пытаясь улыбнуться:

— Всякій поступаетъ, какъ ему угодно, милая Елена... а затѣмъ время многое измѣняетъ...

— Что ты хочешь этимъ сказать?—спросила она удивленно.

— Такъ, ничего,—отвѣтилъ Жакъ Вильяръ.

Наступилъ вечеръ, и они пошли обѣдать.

XXVIII.

Тунисъ былъ послѣднею остановкой въ ихъ путешествіи. Они пробыли тамъ нѣсколько дольше.

Жакъ и Елена, проведя восхитительно мѣсяць, рады были остановить время, насладиться еще, хотя немного, прелестью бродячей жизни, безъ тревогъ и заботъ, прогуливаясь вдвоемъ вдали отъ надоедливаго люда, испытывая новыя и необычныя впечатлѣнія. А съ тѣмъ вмѣстѣ ихъ охватывало и совершенно особое чувство, трудно опредѣлимое.

Когда человѣкъ покидаетъ свой край, свой уголокъ, на нѣсколько дней, въ немъ очень живо сознаніе, что онъ скоро увидитъ свои обычныя мѣста, свое небо, друзей и знакомыхъ, и эта мысль въ значительной мѣрѣ ослабляетъ печаль, всегда неразлучную съ отъѣздомъ. Когда же, наоборотъ, приходится разставаться съ чужими краями, съ ихъ обитателями, среди которыхъ вы провели не много дней, которые вамъ нравились и интересовали васъ и которыхъ вы, по всей вѣроятности, увидите не скоро опять, быть можетъ, никогда уже не увидите, тогда ваше сердце наполняется невольною грустью, какимъ-то смутнымъ сожалѣніемъ. Вы на все смотрите и ко всему прислушиваетесь внимательнѣе; этотъ народъ, возбуждавшій только ваше любопытство, представляется уже милымъ вамъ народомъ; его костюмы, его жилище, которые скоро исчезнутъ изъ вашихъ глазъ, кажутся вамъ особенно дорогими, и пейзажи, видимые вами въ первый и послѣдній разъ, вырываютъ вздохъ изъ вашей груди.

Вотъ такія-то ощущенія и переживали молодые супруги, не сознавая въ томъ себѣ самихъ,—пожалуй, даже не умѣя опредѣлить ихъ точно.

Они осматривали городъ во всѣхъ подробностяхъ, точно опасаясь, какъ бы не ускользнула отъ нихъ какая-нибудь черта таинственнаго экзотизма. Они обходили обширные крытые базары, гдѣ кипитъ торговая дѣятельность Туниса, охотно вмѣшивались въ толпу, разступавшуюся передъ раскачивающимся верблюдомъ и укрывавшуюся въ дверяхъ лавокъ отъ его объемистыхъ вьюковъ. Супруги надолго останавливались передъ художественными выставками еврейскихъ лавокъ, покупали, чтобы увезти во Францію, ожерелья, браслеты, шелковые издѣлія.

Побывали за городомъ въ Бардо, гдѣ Елена забавлялась тѣмъ, что считала во множествѣ собранные тамъ часы, — въ иной комнатѣ ихъ было до дюжины, — потомъ они гуляли въ апельсиновой рощѣ, окружающей дворецъ.

Но Жакъ Вильяръ и его жена не отдавались уже такимъ большимъ восторгамъ, какъ въ первые дни своего путешествія, — они восхищались и интересовались все менѣе и менѣе, — думы о возвращеніи во Францію закрадывались, вопреки ихъ воли, въ ихъ души, какъ бы покрывало какое набрасывали на послѣдніе часы ихъ пребыванія въ Африкѣ.

XXIX.

По мѣрѣ того, какъ проходили дни и приближалось время, когда Жаку и Еленѣ предстояло начать правильную и осѣдлую совмѣстную жизнь, въ нихъ совершалась важная переимѣна; забывая прошлое и настоящее, они уже задумывались о будущемъ...

Былъ конецъ апрѣля, и они порѣшили прожить до осени въ хорошенькой виллѣ Жака Вильяра въ Сень-Рафаэлѣ. Тамъ они оба всецѣло отдадутся работѣ.

У писателя давно уже назрѣвалъ въ головѣ планъ новаго романа, — вѣрнѣе, психологическаго этюда о нравственной эволюціи, переживаемой невѣжественнымъ и грубымъ человѣкомъ, достигающимъ, единственно силою воли и упорнымъ трудомъ, до самаго высшаго умственнаго уровня.

Счастливымъ тѣмъ, что можетъ, наконецъ, довѣриться существу, способному понимать его, можетъ высказать свои мысли, раскрыть душу, Вильяръ помолодѣвшій, полный воодушевленія и надеждъ, становился прежнимъ Вильяромъ, — тѣмъ, который днемъ преподавалъ философію въ лионскомъ лицейѣ и безъ усталости проводилъ почти всѣ ночи напролетъ за писательствомъ у своего рабочаго стола. Его уныніе и утомленіе исчезли, улетучились, ихъ — какъ не бывало!

Онъ дѣлился съ Еленой своею идеей, передавалъ ей основныя положенія задуманнаго произведенія.

— Надо сдѣлать изъ этого человѣка цѣльный и яркій типъ, — говорилъ Жагъ. — Онъ является въ полгъ, едва умѣя читать и писать; потомъ мало-по-малу его захватываютъ товарищи, огромный городъ, вліянія развитыхъ людей, — жизнь дѣлаетъ свое дѣло, даетъ направленіе его уму, вселяетъ въ него жажду знанія, и разъ вкусивши науки, онъ уже не можетъ отъ нея оторваться, принимается за ученіе съ страстнымъ увлеченіемъ, съ какимъ-то самоабвеніемъ. Со дня на день онъ растетъ интеллектуально, «добиться высшихъ знаній» становится его неотступною мечтой... и онъ достигаетъ, наконецъ, своей цѣли, выдерживаетъ экзамены, получаетъ степень доктора, предъ нимъ открывается широкая дорога, онъ становится знаменитостью, дѣлаетъ важныя открытія... А! Елена, понимаешь ли, до какихъ тонкостей необходимо изучить душу человѣка, какъ глубоко надо проникнуть въ ея тайники, аналитировать ее, такъ сказать!...

Елена слушала разсѣянно, едва отвѣчала на пылкія рѣчи мужа. Она тоже задумала написать романъ, только настоящій романъ, со множествомъ дѣйствующихъ лицъ, въ основѣ котораго будетъ пламенная любовь.

Но, болѣе сдержанная и скрытная, чѣмъ Жагъ, она не пускалась въ откровенности, и только разъ сказала: — «Когда мы приѣдемъ въ Сень-Рафаэль, я начну писать мой романъ»...

Надо правду сказать, не романъ занималъ первое мѣсто въ ея головѣ. Общей идеи произведенія еще не было, самый сюжетъ едва намѣчался. Но дни и ночи она думала объ одномъ, и постоянно объ этомъ выпрашивала у романиста, — объ именахъ издателей, о подробностяхъ выпуска въ свѣтъ, о вліятельныхъ критикахъ, о возможности создать успѣхъ и т. под., — словомъ, обо всемъ, что слѣдуетъ «за написаніемъ» книги, о славѣ, выпадающей на долю счастливаго и ловкаго автора. Только это ее интересовало.

Жагъ Вильяръ еще совсѣмъ не зналъ свою жену и не подозрѣвалъ причины ея разспросовъ. Онъ наивно принималъ ихъ за ребячество съ ея стороны и охотно отвѣчалъ на нихъ.

XXX.

Въ послѣдній день пребыванія въ Тунисѣ они, какъ заранѣе было, отправились въ Баррагенъ.

то говорится только: «Ѣхать въ Баррагенъ», — на самомъ

же дѣлѣ было правильнѣе сказать: ѣхать на то мѣсто, гдѣ когда-то былъ Кареагенъ, такъ какъ отъ славнаго города Дидоны ничего не осталось.

Жакъ Вильяръ и его жена, увлеченные исторіей, настроенные воспоминаніями, остались совершенно разочарованными передъ голымъ пустыремъ, который ихъ проводникъ торжественно назвалъ «Мѣстомъ древняго Кареагена».

— Но я не вижу никакихъ развалинъ, — сказалъ романистъ, — ни малѣйшаго признака!

— Остались только цистерны, — отвѣтилъ проводникъ, — идите за мной.

Они втроемъ прошли минуту десять.

На берегу моря, на самомъ дѣлѣ, стояли кареагенскія цистерны, гордые и нетронутыя временемъ. Громадные своды весьма внушительныхъ очертаній покрывали бассейны, наполненные водой. Это имѣло видъ грандіознаго монастыря, гдѣ тихое журчаніе воды смѣнило собою неторопливые шаги иноковъ. Все въ этомъ памятникѣ, сооруженномъ ради общественной пользы, дышало античнымъ величіемъ.

Жакъ и Елена остановились на минуту въ изумленіи.

— Что значать наши теперешнія сооруженія въ сравненіи съ постройками людей древнихъ временъ? — проговорилъ писатель задумчиво.

— И это все? — спросила Елена, уже соскучившаяся смотрѣть на эти строгія массы камня.

Проводникъ отвѣтилъ:

— Мы можемъ еще осмотрѣть маленькій музей, въ которомъ хранятся предметы, добытые при раскопкахъ.

Музей этотъ, небольшой на самомъ дѣлѣ, былъ полонъ рѣдкостей и драгоценностей, въ высшей степени любопытныхъ для такого любознательнаго и всѣмъ жадно интересующагося человѣка, какъ Вильяръ. На бѣду, его молодая супруга была особенно нервно настроена въ этотъ день и не находила никакого удовольствія въ разсматриваніи статуэтокъ, — по ея мнѣнію, — безобразныхъ, обломанныхъ лампъ, заржавленныхъ монетъ и медалей. И супруги, послѣ бѣглого взгляда на все это, вышли изъ музея къ крайнему неудовольствію Вильяра.

Едва усѣвшись въ экипажъ, писатель воскликнулъ:

— Ты, моя милая, очень нелюбезно обошлась со мною: ты видѣла, насколько меня интересуешь музей, и во что бы ни стало захотѣла увести меня... Вѣдь это же нехорошо.

— Мнѣ стало скучно, — отвѣтила молодая женщина просто.

Вильяръ не возражалъ, и вплоть до Туниса они не обмѣнялись ни словомъ.

То было первое облачко, пробѣжавшее между супругами. Но съ этого дня Вильяръ понялъ свою жену: «Эгоистка она и ничего болѣе», рѣшилъ онъ и опять ошибся... тщеславная, — слѣдовало добавить къ этому.

XXXI.

Когда супруги Вильяръ пріѣхали въ Сень-Рафаэль, май мѣсяцъ разогналъ уже оттуда посѣтителей, являющихся на зиму искать тамъ солнца и, съ тѣмъ вмѣстѣ, тишины, которой не могутъ дать Ницца и Банны, два центра удовольствій.

Маленькій городокъ, освободившись отъ чужеземцевъ, принялъ свой обычно-спокойный видъ лѣтняго сезона, единственное время года, когда романтикъ любилъ тамъ пожить. И на выраженіе удивленія по этому поводу пріятелей и знакомыхъ онъ отвѣчалъ:

— Вы не понимаете, какъ я могу жить въ Сень-Рафаэль съ мая по октябрь? Вѣдь, это же настоящій сезонъ Юга, зимою тамъ все поддѣльное, образъ жизни и природа. Лѣтомъ тамъ свобода, тишина и покой, и хотя это можетъ показаться парадоксомъ, — Югъ даетъ больше свѣжести, чѣмъ какая-либо другая страна въ ганигулярное время. Воздухъ, постоянно охлаждаемый бризой моря, всегда чистъ, дышится легко, никогда не бываетъ грозъ, ни тучъ, насыщенныхъ электричествомъ, которое давить васъ и душишь...

Сказать по правдѣ, Елена раздѣляла предразсудки большинства и относилась очень недовѣрчиво къ разсужденіямъ своего мужа. Перспектива лѣтняго житья на берегу Средиземнаго моря шла въ разрѣзъ со всѣми ея идеями и далеко не улыбалась ей.

Однако, въ первый же день по пріѣздѣ, она принуждена была начать отступаться отъ слишкомъ рано сложившагося предубѣжденія и признаться самой себѣ, что картина совсѣмъ не такъ мрачна, какъ она воображала.

Вилла, принадлежащая Жаку Вильяру и названная имъ «Цвѣтцѣй уголокъ», была расположена на берегу моря; домъ былъ не роскошный, но вполне комфортабельный. Садъ былъ наполненъ цвѣтными растеніями и цвѣтами, множествомъ розъ, темно-красныхъ, почти черныхъ, желтыхъ, бѣлыхъ, розовыхъ, гортензіями, маргаритками, гераніями и др. Все это ютилось подъ зе-

ленью пальмъ, хамеропсовъ, финиковыхъ и цикасовъ. По части деревьевъ были платаны, фиги, тамаринды, мимозы...

«Цветущій уголокъ» былъ не великъ, — настоящій уголокъ, но уголокъ ароматный, прохладный, замѣчательно красивый, поэтичный и покойный. Въ дополненіе очарованія, съ верхней террасы виллы открывался чудеснѣйшій видъ на горы и на необъятную лазурь моря.

Первая недѣля по прїѣздѣ была посвящена устройству житья на новомъ мѣстѣ и посѣщенію окрестностей. Елена скоро наняла кухарку и горничную. Вилла приняла обитаемый и уютный видъ, погода стояла превосходная, море было тихое, воздухъ свѣжій, и мадамъ Вильяръ стала сознавать, что можно жить на Югѣ и въ то время, когда трещать кузнечики.

XXXII.

Устроившись и осмотрѣвшись, — когда жизнь вошла въ обычную колею, — Жакъ Вильяръ и его жена незамѣтно принялись за излюбленные каждымъ изъ нихъ занятія.

Романистъ, методическій работникъ, человѣкъ порядка, распредѣлилъ свой день очень разумно: онъ вставалъ въ шесть часовъ, одѣвшись и съѣвши первый завтракъ, бралъ газеты и книгу и располагался въ тѣнистомъ углу сада. Въ девять часовъ онъ оставлялъ чтеніе, запирался въ своемъ кабинетѣ и принимался за работу. Въ двѣнадцать былъ завтракъ, всегда короткій, проходившій въ молчаніи. Въ часъ — опять работа до шести часовъ. И съ этой минуты романистъ уже весь принадлежалъ исключительно женѣ. До обѣда они дѣлали длинныя прогулки, а послѣ обѣда весь вечеръ отдавали бесѣдѣ на берегу моря или занимались музыкой, то выбирая что-нибудь изъ новостей, то вспоминая старину, грустные *ноктюрны* Шопена, нѣжныя *берсѣзы* Мендельсона.

Эта мирная жизнь, сложившаяся изъ работы и отдыха вдвоемъ, изъ плодотворнаго одиночества и душевныхъ разговоровъ, возвращала писателю спокойствіе, давно утраченное, восстанавливала его нравственное здоровье. Вильяръ жилъ себѣ, не спѣша, не особенно напрягая мысль, и не спѣша работалъ, счастливый и довольный. Его жена была очень мила, прекрасно образована, умна и глубоко вдумчива, могла судить обо всемъ... Въ жизни Жака Вильяра то былъ первый отдыхъ, первый оазисъ, встрѣченный имъ среди пустыни сѣрыхъ и безотрадныхъ дней.

Елена, съ своей стороны, въ соприкосновеніи съ такою интел-

легтуальностью, съ высшею умственной дѣятельностью, съ творческою мыслью, съ упорною и неслабѣющею волей, снова почувствовала необходимость принятыя тоже за дѣло. Ее охватила потребность, лихорадочная жажда труда. Молодая женщина, наконецъ-то, начала свой романъ и каждый день посвящала ему по многу часовъ. Теперь, когда имя мужа открывало ей всѣ пути, когда успѣхъ былъ, почти навѣрное, обезпеченъ, и оставалось лишь закончить произведеніе, Елена чувствовала необыкновенную бодрость, работала попрежнему легко, писала торопливо, въ одиночествѣ, съ воодушевленіемъ и почти столько же, какъ самъ Вильяръ.

Въ одномъ была между ними разница: насколько онъ высказывался откровенно въ ежедневныхъ бесѣдахъ, разбиралъ свои мысли, дѣлился ими съ женою, раскрывалъ передъ нею всѣ подробности своей работы и детали исполненія, настолько она упорно молчала обо всемъ, относившемся до ея произведенія. Не сознавая въ томъ себѣ самой, она боялась критики писателя и неодобренія мужа, боялась также совѣтовъ, противъ которыхъ возмущалась бы ея своевольная натура, опасалась и нѣкоторыхъ общихъ мнѣній, идущихъ въ разрѣзъ съ ея проектами. А она уже своимъ женскимъ чутьемъ угадывала, что затѣя ея должна оказаться не по-душѣ Жаку Вильяру.

XXXIII.

Май, іюнь и часть іюля прошли безъ особыхъ перемѣнъ въ правильной и трудовой жизни Жака и Елены Вильяръ.

По мѣрѣ того, какъ его книга подвигалась впередъ, романтистъ чувствовалъ себя все болѣе въ своей сферѣ и, какъ бы побуждаемый какою-то таинственною силой, занимался безъ перерывовъ. Онъ, лихорадочно увлекаясь, съ наслажденіемъ, писалъ по восьми часовъ въ день, и когда Елена приходила звать его на обычную прогулку, отрывался отъ письменнаго стола со вздохомъ сожалѣнія.

А Елена, наоборотъ, чувствовала все возрастающее утомленіе. Въ концу перваго мѣсяца она писала уже не такъ усердно, потому начали наступать перерывы въ работѣ, стали пропадать безъ толку дѣльные дни, и, наконецъ, романъ, на двѣ трети написанный, совсѣмъ остановился. Елена впала въ то же уныніе, какое испытывала до замужества. Жакъ, никогда серьезно не относившійся къ затѣямъ жены, нисколько этому не удивился, и жизнь супруговъ продолжала течь мирно, несмотря на скрытый разладъ, усиливавшійся со дня на день между супругами.

Елена втайнѣ завидовала успѣшности работы Вильера. Когда, послѣ удачнаго трудового дня, писатель отдыхалъ, веселый и довольный, а она, истомленная и раздраженная, осыпала себя упреками за лѣнь и безсиліе, ея приниженная гордость возмущалась противъ этого человѣка, точно дразнившего ее упорствомъ своей воли. И еще не малыя страданія причинялъ ей становившійся все болѣе радостнымъ видъ Жака, по мѣрѣ того, какъ исчезала въ ней женщина писательница и оставалась только настоящая женщина, хозяйка дома. Въ то время, какъ мужъ былъ просто доволенъ тѣмъ, что его жена входитъ въ свою естественную роль доброй супруги, ничуть не опускаясь умственно, — она видѣла въ его радости лишь проявленіе его торжества надъ нею, злорадство сильнаго человѣка надъ слабымъ.

По внѣшности, впрочемъ, все шло хорошо и гладко, какъ въ первые дни ихъ пребыванія въ Сень-Рафаэль.

XXXIV.

Парижъ, 23 іюля 189...

«Дорогой Жакъ,

«Жара здѣсь удушающая, можно яйца варить на солнцѣ... Миѣ необходимъ свѣжій воздухъ, ѣду къ тебѣ.

«Твой старый другъ

Поля Миньяръ».

Такую записку получилъ Вильеръ по почтѣ 25 іюля.

Прочитавши ее, онъ поморщился: «Миѣ жарко, ѣду къ тебѣ!» — довольно безцеремонно! Въ одно мгновеніе Жакъ Вильеръ увидалъ всѣ свои привычки нарушенными этимъ непрощеннымъ гостемъ: теперь прощай спокойствіе, тишина, работа, бесѣды вдвоемъ!...

Онъ позвалъ Елену.

— Что такое? — отозвалась она недовольнымъ тономъ.

— Прочти.

— Отъ твоего друга Поля, того, что смотрѣлъ на меня въ бинокль въ театрѣ? — спросила она.

— Отъ того самаго, — отвѣтилъ Вильеръ, которому такое воспоминаніе жены показалось неприятнымъ.

— Когда прійдетъ?

Жакъ сдѣлалъ жестъ, означавшій, что ему это неизвѣстно.

— Ну, все равно, — одушевленно продолжала Елена. — Я сейчасъ же прикажу приготовить для него комнату... — и вышла.

Романистъ, оставшись одинъ, прошелся по кабинету, потомъ сѣлъ опять къ столу и принялся разбирать почту.

XXXV.

Поль Миньяръ не заставилъ себя ждать. Тѣмъ же днемъ, въ четыре часа, свѣжій и бодрый, несмотря на двадцать часовъ, проведенныхъ въ вагонѣ, онъ звонилъ у дверей виллы.

Елена, которой прїѣздъ парижанина сулилъ на нѣсколько дней развлеченіе и вносилъ нѣкоторое разнообразіе въ ея слишкомъ регулярную жизнь, приняла его очень любезно. А Вильяръ, хотя и холоднѣе жены, все же хорошо встрѣтилъ стараго друга, и три часа спустя, они сидѣли втроемъ подъ тѣнью платановъ и весело разговаривали.

— А, друзья мои!—воскликнулъ Поль, откидываясь къ спинкѣ бресла-качалки.—Вотъ рай-то земной! Счастливыцы вы. Парижъ—сущее пекло... я тамъ изжарился...

— Что тамъ подѣлывается?—спросила Елена.

— О, мадамъ, почти ничего не подѣлывается... сплетничаютъ, веселятся, а всего больше изнываютъ отъ скуки... А вы, счастливые смертные, упиваетесь дивнымъ воздухомъ, прислушиваетесь къ тому, какъ цвѣты растутъ, настолько тихо въ этихъ обворожительныхъ мѣстахъ! Вы дышите іодистыми испареніями моря... Ты, неустанный работникъ,—обратился онъ къ Жаку Вильяру,—какъ проводишь время? Что пишешь?... А, впрочемъ, что же я, кажется, съ ума сошелъ! Держу пари, что съ такою подругой,—онъ взглянулъ на Елену,—твоя бумага блещетъ чистотою, а перо давно заржавѣло...

— И очень ошибаетесь, — вступилась Елена, не давая мужу отвѣтить: — Жакъ силенъ, не допускаетъ ни минуты слабости, идетъ своею заранѣе опредѣленною дорогою, никогда не оступаясь. А! какъ хорошо быть такимъ.

Елена проговорила это настолько рѣзкимъ тономъ, что мужчины переглянулись въ удивленіи.

— Эге!—подумалъ Миньяръ.—Это что же значить? Надо заняться, должно быть, позабавимся,—добавилъ онъ съ обычною холодной злостью.

Съ минуту длилось тяжелое молчаніе, потомъ Вильяръ попробовалъ заговорить:

— Я пишу книгу, которая меня очень занимаетъ и на которую я возлагаю большія надежды...

Вдругъ онъ смолкъ, замѣтивши, что его не слушаютъ: Елена упорно смотрѣла на землю, ничего не видя, казалась глубоко за-

думавшеюся; Поль Миньярь, повидимому, преслѣдовалъ какую-то затаенную мысль.

Всѣмъ троицъ стало еще болѣе неловко, чѣмъ минутою раньше, послѣ горькихъ словъ молодой женщины.

Необходимо было выйти изъ такого положенія. Елена встала и сказала:

— Господа, солнце садится, не прогуляться ли намъ?

Обрадованные возможностью избавиться отъ непріятнаго чувства, мужчины поспѣшили согласиться. Черезъ двѣ минуты они, втроемъ, шли по берегу моря и непринужденно разговаривали.

XXXVI.

Спусти два дня, пріатели, вставши ранѣ Елены, сидѣли на террасѣ.

— Ну, какъ? Ты счастливъ теперь?—спросилъ Миньярь, желая вызвать романиста на откровенность попрежнему.—Мрачныя мысли разсѣялись? Неудовлетворенность улетучилась? Жизнь уже не кажется безцѣльною?

— А, Поль,—тихо отвѣтилъ Вильярь,—все завяситъ отъ собственнаго настроенія... Зимой я былъ боленъ, нервенъ, и мысли были мрачныя, все казалось противнымъ. Да, теперь мнѣ лучше, во мнѣ больше равновѣсія, многое, раздражавшее меня, проскальзываетъ почти незамѣтно, мысли, терзавшія день и ночь, вызываютъ лишь сладкія страданія... И знаешь, мнѣ стыдно признаваться въ этомъ, — до чего сложна натура человѣка, — на меня находятъ минуты, когда мнѣ жаль бывшихъ мученій. То было тяжелое, удручающее пониманіе жизни, но пониманіе это было отчетливѣе, глубже, я чувствовалъ, что живу сознательно, тогда какъ теперь я живу растительною жизнью... Неужели нужно быть больнымъ, чтобы жить по-настоящему?... Дѣло, видишь ли, въ томъ, — продолжалъ онъ, перескакивая, по своему обыкновенію, къ иному ряду мыслей,—размышленіе убиваетъ дѣятельность, чѣмъ больше думаешь, тѣмъ меньше въ состояніи что-либо дѣлать. Въ настоящее время я думаю мало, зато я работаю. Только ночами, при моей обычной безсонницѣ, все еще не повидающей меня, моя фантазія разыгрывается опять... Я, вѣдь, странный человѣкъ! Есть люди, живущіе настоящимъ, это — беззаботные счастливцы, он одни наслаждаются жизнью. Другіе живутъ лишь прошлымъ и только сокрушаются о немъ... И есть, наконецъ, фантазеры, вѣче думающіе о будущемъ. Въ этомъ-то послѣднимъ я и принадлеж

Я такъ упорно думаю о томъ, что я сдѣлаю «впослѣдствіи», что когда это «впослѣдствіи» наступаетъ, мнѣ все уже представляется когда-то видѣннымъ, пережитымъ, какъ будто прошедшимъ... Настоящее для меня не существуетъ, я живу сожалѣніями и желаніями, жажду будущаго и сокрушаюсь о прошедшемъ. Все такой же я, какимъ былъ: заберется мнѣ въ голову мысль, часто нелѣпная, — ну, и пошло! — начну я съ нею носиться, все мнѣ представляется чернымъ, я разстраиваю себѣ нервы. Исчезнетъ эта идея, на смѣну является другая, и повторяется то же самое и т. д... Жизнь складывается изъ ряда мелкихъ страданій, опредѣлить ихъ нѣтъ возможности, но они непрерывно терзаютъ сердце и умъ... Счастливы невѣжды: чѣмъ меньше знаешь, тѣмъ ограниченнѣе желанія и тѣмъ лучше живется на свѣтѣ!... А съ тѣмъ виѣстѣ во мнѣ крѣпко сидитъ оптимизмъ, который твердитъ: тебѣ не на что жаловаться, случай, удача, тебя балуютъ и всегда будутъ баловать. Да и на самомъ дѣлѣ, я никогда не былъ несчастливъ, въ подлинномъ смыслѣ этого слова, и мнѣ кажется, что никогда этого не будетъ со мной. А между тѣмъ, мой пессимизмъ заставляетъ меня видѣть только все мрачное, дурное, гибельное. Каждый день я испытываю минуты истиннаго счастья и минуты жестокой тоски, каждый день, Поль, меня терзаютъ мысли о смерти и о безцѣльности жизни... Да и весь свѣтъ сталъ какой-то странный въ наше время: почти стыдно поддаваться иллюзіямъ и увлеченіямъ, надъ этимъ насмѣхаются. Я не люблю общества, предпочитаю ему покой у себя дома, раздумье въ тихомъ уголкѣ, — словомъ, я человекъ... самъ не знаю я, что я за человекъ! Не знаю, что мы дѣлаемъ тутъ на землѣ, зачѣмъ мы существуемъ!

Поль Миньяръ далъ вылиться этому потоку почти безсвязныхъ фразъ, потомъ сказалъ:

— А твоя жена?

— Моя жена? — отвѣтилъ Вильяръ, какъ бы очнувшись. — Гм... жена?... Не знаю... развѣ могу я знать? Когда себя самого не знаешь, какъ же знать другихъ?

— Вѣдь, ты же счастливъ?

— Да, конечно, счастливъ, насколько для меня возможно. Елена умна, образована, серьезна...

— Любить тебя?

— Не знаю... Она такъ холодна и такъ горда!...

— Завтрагъ поданъ! — раздался голосъ Елены, оборвалъ неконченную фразу Жюба и прекратилъ разговоръ двухъ пріятелей.

Они быстро оглянулись, опасаясь, что молодая женщина слы-

шала послѣднія слова своего мужа. Къ счастью, этого не случилось. Хозяйка, веселая, красивая и нарядная, любезно приглашала ихъ слѣдовать за нею.

Они успокоились и пошли къ дому. Поль Миньяръ разсуждалъ про себя: «Съ однимъ покончено, примемся за другую, ее поисповѣдуемъ».

XXXVII.

Задача, за которую взялся Поль Миньяръ, — изслѣдовать душу Елены, вывѣдать ея затаенныя мысли, — оказалась сложнѣе и труднѣе, чѣмъ ему казалось вначалѣ.

Мадамъ Вильяръ не такъ была экспансивна, какъ ея мужъ, къ тому же и Миньяра она знала слишкомъ мало, была съ нимъ очень сдержана и, за рѣдкими исключеніями, обмѣнивалась съ нимъ самыми заурядными, незначительными фразами.

Поль внутренне досадовалъ. Всякій разъ, оставаясь съ нею наединѣ, онъ старался сводить разговоръ на интересующую его тему, спрашивалъ о занятіяхъ Вильяра, о ихъ предположеніяхъ на зиму, любопытствовалъ узнать ея мнѣнія по вопросамъ искусства, ея взгляды на ту или иную идею... Пытался этими способами изучить и выяснить себѣ характеръ молодой женщины, по ея отвѣтамъ, по направленію ея мыслей.

Мало-по-малу его постоянное вниманіе, неослабѣвающій интересъ къ ней разрушили ту нравственную преграду, за которую она укрывалась. Пришелъ, наконецъ, день, когда Елена призналась ему въ своемъ недовольствѣ. Немного спустя, высказала свои надежды, затаенныя желанія, лихорадочныя мечты о славѣ, потомъ заговорила о разочарованіяхъ, объ опасеніяхъ и ненависти, которую вызываетъ въ ней могучая способность къ труду ея мужа, эта своего рода скрытая борьба мужчины-художника съ женщиной-художницей, причемъ она усматривала злорадное торжество сильнаго надъ слабѣйшимъ. Елена высказала Миньяру также свое отвращеніе отъ обязанностей хозяйки, вынужденной входить въ мерзкія пререканія съ прислугой и торговцами, къ чему она не приучена. Она жаловалась на безцѣльность своей жизни, со дня на день въ мелкихъ заботахъ, вырваться отъ которыхъ у нея не хватаетъ силы!..

Поль Миньяръ выслушивалъ ее, не говоря ни слова, ограничиваясь выраженіемъ сочувствія, потомъ, исподволь, незамѣтно, началъ оказывать свое влияніе, внушать ей новыя мысли и, въ особенности, угрѣплять прежнія. Онъ прямо признавалъ ея пра

возмущаться поведеніемъ мужа, одобрялъ ея мечты объ успѣхѣ, находилъ вполне законнымъ стремленіе возвыситься надъ уровнемъ обыкновенныхъ женщинъ, погруженныхъ въ низменные хлопоты по хозяйству, льстилъ ей, говоря, что было бы глубоко прискорбно, если бы женщина такого интеллигентнаго развитія снизошла до грубыхъ занятій, лишенныхъ всякаго смысла. Еще осторожнѣе, но болѣе предательски, онъ принялся подкапывать подъ Жака Вильяра. Онъ, несомнѣнно, отличный малый, очень способный человѣкъ, имѣющій право претендовать на высшія почести. Но онъ человѣкъ нервный, больной, немножко тронутый умственно, слишкомъ легко поддающійся впечатлѣніямъ!... Потому у него есть чувствительная струнка, его самолюбіе, онъ не допускаетъ мысли, чтобы кто-нибудь могъ быть равнымъ ему... И Миньяръ восхитился проникательностью молодой женщины, угадавшей, съ какимъ наглымъ наслажденіемъ ея мужъ относится къ ея сравнительной слабости, принялся тихонько побуждать ее не уступать ему, взялся поусерднѣе за работу, чтобы дразнить его гордость. При чтеніи неоконченной рукописи Елены, Поль провозгласилъ ея произведеніе образцовымъ и сулилъ ей несомнѣнный и огромный успѣхъ.

Въ теченіе двухъ недѣль онъ такъ настраивалъ молодую женщину, что довелъ ее, наконецъ, до того состоянія, какое ему было желательно, и, считая свою задачу въ достаточной мѣрѣ выполненною, заговорилъ объ отъѣздѣ. Августъ подходилъ къ концу, и ему необходимо было возвратиться въ Парижъ, гдѣ его уже заждались, — добавлялъ Миньяръ, не безъ фатовства.

За это время Елена привыкла къ угодливому собесѣднику, раздѣлявшему всѣ ея взгляды, постоянно ободрявшему ее и охотно поддерживавшему. О его скоромъ отъѣздѣ она узнала съ большимъ неудовольствіемъ и попыталась удержать его. Напрасныя старанія! Миньяръ отвѣтилъ ей тоже, что Жаку Вильяру, уговаривавшему его остаться еще:

— Я уѣду со скорымъ поѣздомъ послѣзавтра.

XXXVIII.

— Теперь за работу!—воскликнули почти въ одинъ голосъ къ Вильяру и Елене, оставшись одни, по отъѣздѣ Поля Миньяра.—Съ завтрашняго утра, за работу!

— Ты представить себѣ не можешь, какъ благодѣтельно дѣйствуетъ работа,—говорилъ романистъ, обращаясь къ женѣ.—То-

мечь ли уныніе, нападетъ ли физическій или нравственный упадокъ силъ, единственное и вѣрнѣйшее средство—работа. Благодаря ей, проходитъ и исчезаетъ притупленность, какъ бы сонливость, нашихъ способностей. Надо подавить слишкомъ напряженную и чрезмѣрно обостряющуюся мысль невропата...

Работа—дивное лѣкарство! Конечно, необходимо преодолѣть трудности, не останавливаться ни передъ какими усилиями. Реагировать, непрерывно реагировать,—вотъ девизъ, который надо себѣ поставить. Бываютъ часы страшной угнетенности, когда ничто не ладится, нападаетъ боязнь собственного безсилія, руки опускаются... Тутъ-то и надо работать, во что бы то ни стало. Сколько разъ случилось въ моей жизни, что цѣлый день, отъ зари до ночи, меня занимаетъ, захватываетъ мысль. Чтобы понять, что это такое, надо пережить подобные моменты. Все въ человѣкѣ сосредоточено на одной идеѣ, она влѣпилась въ васъ, какъ спрутъ, неотступно слѣдуетъ повсюду, на улицѣ, въ обществѣ... Идешь и ничего не видишь, ничего не слышишь, для другой идеи нѣтъ мѣста въ головѣ, человѣкъ изнемогаетъ, раздражается, становится самъ не свой... А слова для выраженія идеи на умъ не идутъ, фразы не складываются, точно кошмаръ душитъ, страдаешь невыносимо, и все-таки страданія становятся еще тяжелѣе, если что-нибудь разсѣетъ тѣ мученія... Потомъ вдругъ, неожиданно, какъ молнія, является подходящее слово, выливается необходимая фраза, наступаетъ полное успокоеніе, но человѣкъ совершенно разбитъ.—А! Елена,—продолжалъ онъ,—если писательство дастъ большое удовлетвореніе, болѣзненный процессъ творчества все-таки не окупается. Я отдыхаю немного только между двумя произведеніями, когда одно кончено, а другое еще не начато. Безъ этого мученія были бы непрерывными!... А между тѣмъ, въ работѣ лишь спасеніе... Мое убѣжденіе таково, что жизнь не можетъ быть на самомъ дѣлѣ занимательною и счастливою, въ полномъ смыслѣ слова, а потому надо дѣлать ее интересною, въ мѣру нашихъ силъ.

Елена слушала пылкій диамрамъ мужа, не говоря ни слова. Не испытавши никогда такихъ мучительныхъ наслажденій и сладостныхъ страданій творчества, какими ихъ изображалъ Вильяръ, она растерялась, не знала, что отвѣтить. Большая часть идей писателя были ей совсѣмъ чужды. Представленіе о работѣ, какъ господствующемъ и властно руководящемъ началѣ въ жизни, и могло сложиться въ ея душѣ, слишкомъ жадной на внѣшнія и быстро дающіяся радости. Въ то время, какъ Жакъ говорилъ, она удивленно смотрѣла на него и про себя думала, что никогда, ни при е-

нихъ условіяхъ, они не могутъ сойтись во взглядахъ. Различіе было до крайности рѣзкое, совершенно неизгладимое.

Однако же, сѣмя, заброшенное въ нее Миньяромъ, дало такіе сильные ростки, что и по отъѣздѣ Поля она не забыла даннаго себѣ самой обѣщанія довести свой трудъ до конца, и не упускала изъ вида своихъ трехъ цѣлей: своего произведенія, своей славы и побѣды надъ мужчиной.

— Нѣтъ болѣе мужа, нѣтъ жены, — думала она, поглядывая на Жака, — есть только «соперники», два бойца, стоящіе лицомъ къ лицу.

И на завтра каждый изъ нихъ усердно и бодро принялся за свое писаніе.

XXXIX.

Наступилъ сентябрь, промежуточный мѣсяць, когда лѣто кончено, а осень еще не началась, но она уже приближалась быстрыми шагами.

Само собою разумѣется, что при различіи характеровъ Вильяра и Елены они не могли одинаково относиться къ осени. Первая половина сентября, занятая работой, прошла для обоихъ почти незамѣтно. Но когда тотъ и другая поставили заключительныя точки на послѣдней страницѣ произведенія, оба они сразу увидели, что лѣто прошло, дни стали короче, а ночи длиннѣе, что листья начали желтѣть.

Елена, которую ничто не привязывало къ Сень-Рафаэлю, желала теперь, окончивши свою книгу, извлечь изъ нея, какъ можно скорѣе, всѣ славные результаты своего труда, страстно мечтала о Парижѣ и находила, что въ цвѣтущемъ уголкѣ очень скучно.

— Когда мы уѣзжаемъ отсюда? — спросила она какъ-то разъ мужа.

— Зачѣмъ уѣзжать? — отвѣтилъ онъ. — Развѣ намъ плохо здѣсь? Намъ нечего торопиться въ шумную дрянную столицу.

— А твоя книга? — проговорила молодая женщина несмѣло.

— Что же моя книга... книга подождетъ!... Ей отъ этого ничего плохого не сдѣлается, да и мнѣ тоже, — добавилъ онъ, улыбаясь.

Елена не возражала, такъ какъ она стѣснялась мужа, все-таки немного побаивалась его, а затѣмъ считала нужнымъ приберегать его, не раздражать, въ виду того, что ей понадобится его поддержка въ рѣшительную минуту выпуска въ свѣтъ ея произведенія.

Но съ этого дня ее охватила смертоносная скука. Дни были такъ похожи одинъ на другой, между ними такъ мало было разницы, что Еленѣ казалось, будто тянется все одинъ день, тянется безъ конца. Проснувшись утромъ и вспомнивши, что предстоитъ еще цѣлый день, ничѣмъ незанятой, убійственно тоскливый, она въ бѣшенствѣ закрывала глаза и куталась въ одѣяло, стараясь снова сократить время. Прогулки казались ей отвратительными и доводили ее до отчаянія, но всего невыносимѣе были вечера, послѣ шести часовъ, когда зайдетъ солнце, наступающая темнота возвѣститъ конецъ нелѣпаго дня и начало еще болѣе нелѣпаго вечера.

— О, вотъ она—цѣпь замужства, супружеское ярмо!—шептала Елена, смотря на мужа.—Еслибъ я была свободна!...

А онъ, въ это время, нисколько не подозрѣвая того, что происходитъ въ душѣ молодой жены, преспокойно наслаждался въ сладкомъ бездѣльи прелестями своего любимаго сезона. Освобожденный отъ тяжести творческой идеи, отъ обязательнаго ежедневнаго труда, пользуясь временнымъ успокоеніемъ своего нервнаго темперамента, онъ бродилъ по саду и по берегу моря, читалъ, курилъ и мечталъ. Жакъ любилъ сидѣть на террасѣ до глубокой ночи, смотрѣть, какъ загараются звѣзды на небѣ, какъ, при лунномъ свѣтѣ, искрится море... Бороче сказать, какъ всегда и во всемя, представлявшееся ему очаровательнымъ казалось ей омерзительно-скучнымъ, и, наоборотъ, все, нравившееся ей, Вильяръ, равнодушный и разочарованный, считалъ надоѣдливымъ и суетно-пустымъ.

XI.

По мѣрѣ того, какъ однообразные дни проходили за днями, Елена утрачивала способность скрывать долѣе то, что ее томило, становилась раздражительною до крайности, изъ-за пустяковъ впадала въ самое дурное расположеніе духа. Очень часто она запиралась, надувшись, въ своей комнатѣ, протестуя тѣмъ противъ деревни и оставляя въ одиночествѣ мужа, спокойный и довольный видъ котораго выводилъ ее изъ себя.

Мужъ замѣтилъ, наконецъ, ея маневры, догадался, чего ей хочется, и разъ сказалъ за завтракомъ:

— Вотъ и октябрь, пора, кажется, подумать объ отъѣздѣ изъ Сень-Рафаэля.

Едва онъ это выговорилъ, какъ лицо молодой женщины ментально измѣнилось.

— Когда мы ѣдемъ?—спросила она оживленно.

— Сколько нужно тебѣ времени, чтобъ уложиться?

— Часъ... черезъ часъ я буду готова, — отвѣтила она, не раздумывая, увлеченная радостью.

— Черезъ часы! Это невозможно!... Завтра, если хочешь? Завтра можемъ уѣхать со скорымъ поѣздомъ:

— Такъ рѣшено, завтра! — и она вышла изъ-за стола. — Я сейчасъ все уложу!...

— Всѣ онѣ одинаковы! Удивительно легкомысленны женщины! — прошепталъ романистъ, когда Елена затворила за собою дверь. — Даже тѣ, которыхъ считаешь выдающимися, ни что иное какъ дѣти, способныя развлечься всякимъ пустягомъ, забавляться ничтожнѣйшею переминой!...

Потомъ онъ снова впалъ въ свою обычную задумчивость, а весь домъ дрожалъ отъ бѣготни взадъ и впередъ Елены и служанокъ, отъ хлопанья дверями и отъ перетаскиванія сундуковъ и чемодановъ.

Вечеромъ за обѣдомъ Елена была неузнаваема: она болтала безъ умолку, громко хохотала, вспоминая дни, проведенные въ «Цвѣтущемъ уголѣ», который ей теперь, передъ отъѣздомъ, почти жаль было покидать; она строила волшебные замки, фантазировала о томъ, какъ она дивно устроить свою жизнь въ Парижѣ... и говорила, говорила лихорадочно, какъ бы изъ удовольствія слушать собственный голосъ и опьянять себя словами.

Жакъ Вильяръ не терялъ хладнокровія, слушалъ, смотрѣлъ, — можно сказать даже — изучалъ ее. Ея характеръ, въ которомъ ярко оказывались два контраста, мужское честолюбіе и женская слабость, интересовали очень такого психолога, какимъ былъ нашъ писатель. Будучи женатъ уже шесть мѣсяцевъ, живя съ женою изо дня въ день, онъ понялъ, что не сбылась его мечта найти въ женѣ задушевнаго товарища, сократилъ свои запросы и довольствовался тѣмъ, что слѣдилъ за эволюціей души Елены, наблюдалъ, какъ дилетантъ, за ея странностями, за идеями, возвышавшими ее надъ общимъ уровнемъ и въ то же время дѣлавшими ее во многихъ отношеніяхъ совершенно одинаковою съ большинствомъ ничтожнѣйшихъ женщинъ. Съ одной стороны, онъ видѣлъ стремленіе возвыситься, стать особнякомъ интеллектуально, быть оригинальной, относиться презрительно къ вульгарности, къ зауряднымъ удовольствіямъ и, въ особенности, добиться славы, съ другой — неспособность къ какимъ-либо усиліямъ, отсутствіе послѣдовательности, непостоянство, измѣнчивость подъ вліяніемъ впечатлѣній, часто покорность предрассудкамъ, подчиненность тому, что принято, — словомъ, все совсѣмъ по-женски. И Жакъ Вильяръ, съ своею нервною чувствительностью, начиналъ сожалѣть о томъ, что женился.

— Хотя бы ребенокъ родился! — вздыхалъ онъ иногда, — все бы нашлось примѣненіе ея энергіи... и тогда настоящая, естественная потребность тратить свои силы развивалась бы, устранила бы все искусственное и напускное въ ея характерѣ!...

И вотъ, мало-по-малу, со дня на день, откровенность романиста съ женою становилась все рѣже, на него чаще нападала его безотчетная тоска, онъ упорно молчалъ, замыкался въ себѣ самомъ и страдалъ попрежнему. Говорить съ женой было не о чемъ. Когда мысль готова была вылиться въ словахъ, онъ сдерживался и, махнувши рукой, думалъ про себя: «Къ чему это? Все равно она не пойметъ меня».

Елена, съ своей стороны, была по большей части тоже молчалива, и лишь такое экстраординарное событіе, какъ отъѣздъ, сдѣлало ее оживленною и чрезмѣрно говорливою. Въ этотъ вечеръ она чуть не задыхалась отъ счастья, сыпала фразами, готова была облизиться съ мужемъ, дѣлилась съ нимъ всякими мелочами, причѣмъ воспоминанія переплетались съ надеждами.

На слѣдующій день, хотя возбужденіе и улеглось немного, она все-таки радостная и сіяющая вошла въ вагонъ, тогда какъ Вильяръ, сильно привязывавшійся къ извѣстной мѣстности, съ глубокою грустью бросалъ прощальный взглядъ на прекрасные виды Сень-Рафаэля и шепталъ:

— Вотъ и миновало еще одно лѣто... Удивительно, какъ прошедшее представляется мнѣ нереальнымъ, чего уже нѣтъ, кажется мнѣ никогда не существовавшимъ!...

XII.

Когда въ Парижѣ всѣ хлопоты по устройству квартиры были покончены и жизнь вошла, наконецъ, въ свою обычную колею, Елена отдалась всецѣло единственной и неотступной думѣ о своей книгѣ. День и ночь она только о книгѣ и думала, только изъ-за нея и волновалась, нѣсколько разъ пыталась навести разговоръ на эту тему. Но Вильяръ, неизмѣнно, либо дѣлалъ видъ, будто не придаетъ этому серьезнаго значенія, либо заговаривалъ о чемъ-либо другомъ, точно его стѣсняла бесѣда о книгѣ жены, — такъ что, при каждой новой попыткѣ, молодая женщина, очень возбужденная вначалѣ и полная надеждъ, кончала тѣмъ, что умоляла, обозлившись на холодность мужа. И странно, она до сихъ поръ не дала мужу прочесть свою рукопись.

А время шло.

Разъ утромъ, въ то время, когда Жакъ писалъ письма, Елена, рѣшившись внезапно, вошла въ его кабинетъ, положила на столъ толстую тетрадь и, слегка конфузясь, проговорила:

— Вотъ мое произведеніе, прочти...—и скрылась моментально, точно изъ боязни, что романистъ тотчасъ же начнетъ критиковать и укорять ее.

Жакъ Вильяръ, удивленный неожиданнымъ появленіемъ жены, взявъ рукопись и вслухъ прочелъ заглавіе: *Какъ въ жизни!*

— *Какъ въ жизни!* Довольно странно!...—продолжалъ онъ, тише и слегка пожимая плечами. По его губамъ скользя улыбка жалости и ироніи. Не договаривая своей мысли, онъ принялся за чтеніе произведенія Елены.

Завтракали они вдвоемъ, но ни онъ, ни она не обмолвились ни словомъ о книгѣ; какъ бы по молчаливому соглашенію, они говорили о постороннихъ предметахъ.

Вечеромъ, однако, Елена, настроенная въ высшей степени нервно, не могла выдерживать долѣе и, послѣ двухъ-трехъ пустыхъ фразъ, спросила дрожащимъ голосомъ:

— Прочелъ ты мою книгу?

— Да, прочелъ до конца,—отвѣтилъ онъ умышленно равнодушнымъ тономъ, обдавшимъ молодую женщину ледянымъ холодомъ.

— И... твоё мнѣніе о ней?—едва выговорила Елена, силясь улыбнуться.

— Моё мнѣніе?—тихо сказалъ онъ, съ видимою нерѣшительностью.—Ты не разсердишься?

— Нѣтъ,—хватило у нея еще силы сказать, чуть не задыхаясь отъ сердобіенія:

— Видишь ли, бѣдное дитя, моё мнѣніе таково, что въ нашемъ мірѣ можно говорить лишь о томъ, что доподлинно знаешь, въ чемъ увѣренъ вполнѣ. Ты хотѣла изобразить жизнь. А что тебѣ извѣстно изъ жизни? Не въ двадцать два съ половиной года берутся писать такія книги, какъ эта. Мнѣ вотъ скоро сорокъ четыре, я пожилъ довольно, и то едва ли счелъ бы себя способнымъ!—и онъ махнулъ рукой.

Елена была ошеломлена.

— Твои дѣйствующія лица ни на что не похожи, это не живые люди,—продолжалъ онъ,—это—фантоши, дѣланные фигуры, ни одной типической черты... твой стиль... да, стиль еще, пожалуй, лучшее, что есть въ книгѣ, хотя онъ очень манерный, претенціозный, слишкомъ женскій, однимъ словомъ...

— Слишкомъ женскій! А, вотъ въ чемъ все преступленіе!— воскликнула она, вскакивая съ мѣста, воодушевляясь всею своею энергіей. — Женскій! Для васъ, мужчинъ, этимъ все сказано, недостатки, достоинства, все исчезаетъ за этимъ однимъ словомъ... Еслибъ эту рукопись прислалъ тебѣ какой-нибудь г. Х., котораго ты совсѣмъ не знаешь, ты бы прочелъ ее, потрудились бы разобрать. Но это писано мною, существомъ низшаго порядка! О! тогда и разсуждать нечего, дѣйствующія лица—фантоши, стиль—претенціозный, забава маленькой дѣвчонки... надъ этимъ смѣются минутъ пять, потомъ бросаютъ въ печку...

Елена стояла, дрожа отъ негодованія. Она продолжала рѣзкимъ и злымъ голосомъ:

— Стало быть, рѣшено, ты не будешь говорить обо мнѣ съ твоимъ издателемъ? Ты заставишь меня издавать книгу на мой счетъ?

— погоди, успокойся и слушай,—заговорилъ писатель, удивленный такимъ взрывомъ гнѣва, тѣмъ новымъ освѣщеніемъ, въ которомъ видѣлъ свою молодую жену въ первый разъ. — Быть можетъ, я прочелъ плохо,—добавилъ онъ примиряющимъ тономъ,— а затѣмъ я не берусь судить,—я не достаточно безпристрастенъ... Скажи, ты чего хочешь? Чтобы твое произведеніе было передано моему издателю? Изволь, завтра я отвезу ему мою рукопись и твою. Довольна ты?

— Да, — отвѣтила Елена, все такъ же злобно. — По крайней мѣрѣ недоразумѣній не будетъ, пусть онъ одинъ судить... Быть можетъ, онъ-то ничего предвзятаго противъ меня не имѣетъ!

Вильяръ не отвѣтилъ на это личное нападеніе, помолчалъ немного, потомъ заговорилъ о вещахъ менѣе раздражающихъ, и вечеръ прошелъ, хотя и не особенно пріятно, но все же спокойно.

XLII.

Вѣрный обѣщанію, Жакъ Вильяръ отправился на слѣдующее утро къ своему издателю и передалъ ему обѣ рукописи.

Когда онъ вернулся домой, Елена встрѣтила его молча, зато глаза ея такъ и горѣли любопытствомъ. Мужъ ограничился тѣмъ, что проговорилъ:

— Все сдѣлано, отвѣтъ получимъ черезъ двѣ недѣли.

Онъ ушелъ въ свой кабинетъ, и въ теченіе двухъ недѣль супруги избѣгали всякаго разговора объ этомъ предметѣ.

Разъ утромъ, когда швейцаръ принесъ письма и Жакъ распе-

чатываль ихъ въ то время, какъ Елена наливала чай, который они пили, по обыкновенію, вмѣстѣ за первымъ завтракомъ, Вильяръ прочелъ вслухъ одно изъ нихъ.

Парижъ, 19 ноября 189...

«Дорогой учитель,

«Я, не отрываясь, прочелъ вашу чудесную книгу. Позвольте мнѣ, первымъ дѣломъ, выразить вамъ мой искренній восторгъ. Никогда еще вашъ талантъ не достигалъ такой высокой степени совершенства, нигдѣ тонкость психологическаго анализа не выказывалась съ такою силой, какъ въ этихъ, по-истинѣ, мастерскихъ страницахъ, отъ которыхъ вѣетъ гениальностью. Это въ полномъ смыслѣ слова *chef-d'oeuvre*. Отъ души васъ поздравляю и предсказываю заслуженный успѣхъ, того болѣе — блестящій триумфъ!

«Мы сейчасъ же примемся за дѣло, чтобы выпустить первое изданіе черезъ пять недѣль, т.-е. въ началѣ января.

«На-дняхъ вы получите корректуры.

«Душевно преданный вамъ

Жоржъ Z., *издатель*».

— А я-то? — спросила Елена, когда письмо было прочтено до конца. — О моей книгѣ ни слова? ничего?

Она вырвала письмо у Вильяра и быстро пробѣжала его глазами.

— Ничего! — повторила она глухимъ голосомъ.

— Да, странно это, — сказалъ романистъ. — Забылъ, навѣрное, — добавилъ онъ спокойно и равнодушно.

При этихъ словахъ злой огонекъ мелькнулъ въ глазахъ молодой женщины.

— Забылъ, забылъ, только всего! — вскричала она, пытаясь еще подавить свой гнѣвъ. Потомъ вдругъ заговорила съ извѣтливѣйшею ироніей: — Какъ бы ни было, если о произведеніи жены забыто, зато иное отношеніе къ произведенію мужа: «Блестящій триумфъ!... Дорогой учитель!... *Chef-d'oeuvre!*...» А о моей книгѣ ни слова, ни одного слова! Да и вправду, что такое книга, написанная женщиной?... Таковую и читать не стѣдуетъ!...

— Елена!...

— Ахъ, оставь меня! Ты во всемъ виноватъ, вотъ что, — да, ты виноватъ! Ты, навѣрное, высказалъ этому господину свое мнѣніе. Я убѣждена въ томъ, точно своими ушами слышу: «Это моя жена писала... получайте... если найдется свободная минута, прочтите, какъ ребячье писанье, даже довольно любопытно!...» И вотъ всегда-то такъ, чувствуешь въ себѣ призваніе сдѣлать что-нибудь, работаешь, хочешь подняться своимъ дарованіемъ, стать извѣстной ве-

личиною... но ты одинока, слаба, нѣтъ поддержки, и ты должна бороться со всѣмъ и со всѣми... всюду преграды, ироническое недобріе, всякія помѣхи со стороны близкихъ, даже родныхъ! О, вѣра въ себя! Надо имѣть ее очень крѣпкою, чтобы выдерживать всѣ нападенія!... Но ты-то, Жакъ, ты-то меня знаешь, я замужемъ за тобою болѣе семи мѣсяцевъ, ты знаешь, что я не пустая женщина, не дѣвочка, забавляющаяся игрою въ писательство... Ты достигъ знаменитости, такъ проводи же меня, носящую твое имя, раскрывай для меня двери!...—Потомъ, окончательно взбѣшенная невозмутимымъ молчаніемъ Вильяра, она прямо нагнулась на него:— Ты, стало быть, испугался конкуренціи? боишься дать ходъ сопернику?

Онъ пожалъ плечами.

— Знаешь, ты препотѣшная особа! — воскликнулъ онъ, тоже выходя изъ себя.

Это оскорбленіе ударило Елену прямо въ сердце, ея лицо побавровѣло, потомъ поблѣднѣло, на глазахъ выступили слезы, всю ее передергивало.

— Жакъ, это жестоко, — шептала она, — ты не хочешь помогать мнѣ? Хорошо же, я одна пробьюсь, только, можетъ быть, тебѣ придется раскаиваться!

— Это что же еще, угрозы?

— Пожалуй, угрозы! — и, не въ силахъ будучи оставаться съ нимъ долѣе, она убѣжала въ свою комнату, заперла дверь и рыдалась.

XLIII.

На слѣдующій день послѣ этой сцены супруги Вильяръ справляли новоселье.

Приглашенія были разосланы за недѣлю, обѣдъ заказанъ. Несмотря на ссору, Жакъ и Елена все тщательно готовили къ приему гостей и, не сговариваясь даже, намѣревались разыгрывать передъ приглашенными, насколько хватить силъ, роли добрыхъ супруговъ, въ особенности заботился объ этомъ романистъ, такъ какъ терпѣть не могъ показывать постороннимъ свои домашнія неприятности.

Приглашены были только близкіе люди и родные: г. Жиро и мадамъ де-Марвейль, а затѣмъ мадамъ де-Сидализъ, Марсель Бланъ Сесиль, Поль Миньяръ, котораго Елена встрѣтила съ большимъ удовольствіемъ, Бертенъ, аквафортистъ, Пьеръ Дамуа, Анри Де-

монсь, и изъ обычныхъ посѣтителей г-жи Марвейль по средамъ одинъ только Жильберъ Ноэль, полинявшій водевилюсть, первые успѣхи котораго тоже лияли все болѣе и болѣе, и, наконецъ, Франсуа Лассеръ, вліятельный критикъ, человѣкъ въ высшей степени почтенный, глубоко уважаемый во всемъ литературномъ мірѣ.

— Милая моя, ваша гостиная прелестна, вся отдѣлана съ отличнымъ вкусомъ, — говорила мадамъ де-Сидализъ Еленѣ, черезъ нѣсколько минутъ по пріѣздѣ.

— Вы находите?—отвѣтила хозяйка дома, съ принужденнымъ видомъ, прислушиваясь къ долетавшимъ до нея отрывкамъ фразъ, которыми Вильяръ обмѣнивался съ Франсуа Лассеромъ.

— Дорогой мой, — говорилъ критикъ, — вчера я видѣлъ Z., онъ въ восторгѣ, ваша послѣдняя книга настоящій chef-d'oeuvre, повидимому!...

Елена разслышала эти слова, и ея пальцы судорожно сжали вѣеръ.

— Да, — продолжалъ критикъ, — нечего скромничать, съ этой минуты вы, несомнѣнно, нашъ единственный мастеръ по части психологій въ романѣ... при первой ваганціи васъ ждетъ кресло въ академіи!...—и его голосъ затерялся въ гулѣ общаго разговора.

Перешли въ столовую. За обѣдомъ Елена сидѣла между Франсуа Лассеромъ и Жаномъ Бертенъ, была нервна, говорила отрывистымъ и ироническимъ тономъ.

Общій разговоръ, какъ всегда, сначала касался всего понемногу, переходилъ отъ послѣдняго сенсационнаго процесса къ пьесѣ, имѣвшей успѣхъ, отъ вчерашней дуэли къ скандалу, ожидаемому завтра, и остановился, наконецъ, на темѣ о посредственностяхъ, разносящихъ генія.

Каждый вставлялъ, разумѣется, свое слово, со всѣхъ сторонъ слышались забавные анекдоты, воспоминанія, любопытные рассказы про невѣждъ, обругивающихъ безъ смысла и толка художественнѣйшія произведенія искусства.

— Какая потребность, какая страсть дилетантизма охватила нашихъ современниковъ, — воскликнулъ вдругъ Жакъ Вильяръ, — всё, отъ мала до велика, лѣзутъ въ знатоки и въ судьи. И забавнѣе всего самоувѣренность, поразительная авторитетность, съ которою эти люди судятъ, рядятъ, изрекаютъ приговоры!... Вѣками установилась слава!... Они знаютъ ничего не хотятъ, — имъ не нравится, этого довольно, и они, не стѣсняясь, заявляютъ, что вѣка ошибались. Я держусь правила — ничего не утверждать категори-

чески, для этого надо быть черезчуръ увѣреннымъ въ себя!... Нѣтъ, видѣть некомпетентнаго человѣка, опредѣленно заявляющаго свое мнѣніе, — это смѣшно, потѣшно! Еслибъ онъ взглянулъ на себя, вникнулъ въ смыслъ своихъ фразъ, онъ самъ бы устыдился!...

— Потѣшно, можетъ быть, немного рѣзкое слово, — возразилъ Бланъ, смѣясь.

— Не спорьте: «потѣшно» — любимое выраженіе моего мужа, — отвѣтила Елена, подчеркивая слова, потому сдѣлала видъ, будто занята оживленнымъ разговоромъ съ своимъ сосѣдомъ аквафортистомъ.

Однако, рѣзкая фраза молодой женщины обвѣяла нѣкоторымъ холодомъ все общество. Вильяръ взглянулъ на жену, вздохнулъ и заговорилъ съ художникомъ и Мильяромъ на ту же тему, но безъ прежняго воодушевленія. Обѣдъ окончился безъ иныхъ инцидентовъ.

XLVI.

— Что съ вами? Вы, повидимому, очень нервны сегодня? — спросилъ Поль Миньяръ Елену, вернувшись изъ курительной комнаты въ гостиную.

— Правда, уже нѣсколько дней мои нервы не въ порядкѣ, — отвѣтила она слегка раздраженнымъ голосомъ.

— Пройдемте сюда, удобнѣе будетъ разговаривать, — сказалъ Миньяръ, уводя Елену въ ея будуаръ.

Тамъ они сѣли рядомъ на маленькомъ диванчикѣ.

— Итакъ, дорогой собратъ, въ какомъ положеніи вашъ трудъ? — началъ Миньяръ игривымъ тономъ.

— А! не шутите, прошу васъ. Мнѣ совсѣмъ не до шутокъ!

— Да, что же, однако, съ вами? — спросилъ онъ на этотъ разъ уже серьезно.

— Что со мной?... что со мной?... Со мною то, что мнѣ гадко, всюду эгоизмъ, свои выгоды!...

— Неужели сегодняшній обѣдъ нагналъ на васъ такую мизантропію? — продолжалъ Миньяръ.

— Сказать по правдѣ, было чѣмъ огорчиться или надъ чѣмъ посмѣяться. Я, признаюсь, выбираю всегда послѣднее и вездѣ отлично забавляюсь. — Что вы хотите сказать?

— Замѣтили вы преклоненіе всѣхъ предъ критикомъ? Маленькій Демонсъ, всегда такой зазорный, притихъ и съежился, смот-

рѣтъ смѣшно было, а Жильберъ Ноэль, идохнуть не смѣлъ. Самъ олимпіецъ, высокочтимый Бертенъ склонилъ свою сѣдую голову, и благоговѣнно умилялся каждымъ движеніемъ Лассера... сущая комедія! А за тѣмъ перейдемъ къ другому сюжету: замѣтили вы, что Вильяръ начинаетъ становиться воинственнымъ? Довольно - таки рѣзки его взгляды на современный дилетантизмъ... Вы что ли такъ измѣнили моего друга? Да кстати, что вы хотите сказать фразой: «Потѣшно—любимое выраженіе моего мужа»? Гм... Это уже войною отзывается.

— Ахъ, оставьте меня!—сказала Елена, вставая съ недовольнымъ видомъ.

— Вы сердитесь?—продолжалъ Миньяръ.—Хорошо, не надо. Поговоримъ лучше о вашей книгѣ. Окончена она?

— Разумѣется.

— И прекрасно! Что же теперь вы намѣрены дѣлать? Надо обратиться съ нею къ издателю.

— Она у издателя.

— Bravo! и когда выйдетъ?

— А вотъ этого - то я и не знаю!—воскликнула она съ нервнымъ и рѣзкимъ смѣхомъ.

— Какъ такъ? А что же говорить о ней Жакъ?

— О! да, Жакъ!... Послушайте, мосье Миньяръ, вы мой другъ, не правда ли? Я могу вамъ вполне довѣрять?—Поль отвѣтилъ жестомъ.—Такъ я вамъ все скажу, и все вамъ будетъ ясно.

— Говорите,—прошептала ложный другъ романиста, крайне заинтересованный, на его губахъ появилась улыбка удовлетворенной злобы.

Тогда глухимъ голосомъ, въ которомъ слышались гнѣвъ и готовая хлынуть слезы, Елена рассказала Полю Миньяру про чтеніе рукописи Вильяромъ и про послѣднюю сцену съ мужемъ.

— Вотъ я въ какомъ положеніи,—продолжала она.—Что дѣлать? Посоветуйте!...

Поль слушалъ ее, стоя и молча, ни одинъ мускулъ не дрогнулъ въ его лицѣ. Выслушавши ее до конца, Миньяръ проговорилъ нѣсколько неопредѣленныхъ фразъ.

— Зависть, да, все возможно... и предвзятое мнѣніе... Впрочемъ, онъ давно понялъ Вильяра. Чувство, руководившее его въ этомъ случаѣ, простая боязнь соперника. А все же книга Елены идетъ въ свѣтъ съ именемъ Вильяра...—и рассчитывая на крайнюю неопытность молодой женщины, вмѣсто того, чтобы выяснитъ что романъ, подписанный женой, не можетъ имѣть никакого

отношенія къ другому роману, вышедшему съ именемъ мужа, Миньяръ пустился въ длинныя разглагольствованія на начатую имъ тему.

Елена, имѣвшая по этой части—очень смутныя и слабыя понятія, совсѣмъ ожила отъ его увѣреній.

— Да, и въ самомъ дѣлѣ... —шептала она.—Конечно, вы правы. Но, въ такомъ случаѣ, что же мнѣ нужно сдѣлать? Что вы посоветуете?

— Объявить войну! Вильяръ не мужъ вамъ больше, онъ обратъ по писательству, соперникъ. И надо относиться къ нему, какъ къ сопернику.

— Но, вѣдь, я никого не знаю. Если я пойду къ тому издателю, онъ навѣрное приметъ сторону Жака противъ меня?

— Я знаю Z... поговорю съ нимъ. Еще лучше, если хотите, отправимтесь къ нему вмѣстѣ... Послѣ-завтра, въ десять утра, удобно будетъ для васъ?

Елена выпрямилась, сіяющая.

— Правда, вы сдѣлаете это для меня?—воскликнула она.— О, благодарю! Послѣ-завтра, да, вы заѣдете за мной...

— Заѣхать за вами?—прервалъ онъ ее, потомъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ, какъ бы подыскивая слова, онъ договорилъ:— мнѣ кажется, дорогой другъ, что было бы лучше сойтись намъ гдѣ-нибудь... изъ-за Жака, понимаете. Лучше, чтобы онъ не подозрѣвалъ ничего... а то начнетъ, пожалуй, намъ палки въ колеса подсовывать... Приходите въ десять часовъ на бульваръ Гаусмана, я буду ждать противъ статуи Шекспира.

— Хорошо... и мы—союзники, не такъ ли?

— Союзники!—Потомъ онъ сказалъ:—Я боюсь, какъ бы не замѣтили въ гостиной нашего отсутствія. Не пройти ли туда?

Брѣвно пожавши другъ другу руки, они встали и вернулись къ гостямъ.

Елена, преобразившаяся, настолько радостная теперь, насколько она казалась хмурою за обѣдомъ, подошла къ Сесили, игравшей на рояли съ водевиллистомъ Ноэлемъ, а Миньяръ обратился къ Жаку Вильяру:

— Что у тебя за плачевная фізіономія для завтрашняго триумфатора! Будь же повеселѣй немного!—и на печальный жестъ писателя добавилъ:—Что съ тобой? Подѣлись горемъ со мной, какъ въ старые дни! Ты знаешь, что я—твой единственный и настоящій другъ!

— Да, на дняхъ какъ-нибудь, но не сегодня, когда мой салонъ

положь гостей, — отвѣтилъ Вильяръ упавшимъ голосомъ, и, чтобы отогнать свою меланхолю, подошелъ къ Лассеру и началъ съ нимъ какой-то очень сложный споръ.

XLV.

Туманъ, желтоватый, густой, пронизывающій, застилалъ весь Парижъ. Дождя не было, но по мостовой мазалась грязь, тротуары были мокры и скользки. Несмотря на то, что былъ десятый часъ утра, во многихъ лавкахъ горѣлъ газъ, небо казалось покрытымъ копотью, улицы и бульвары представлялись наглухо задернутыми сѣрыми занавѣсками; холодно не было, лишь едва замѣтный паръ вылеталъ изъ устъ прохожихъ. Стояло декабрьское утро, какихъ проходить множество прежде, чѣмъ установится сухой холодъ и прогнать нездоровые туманы гнилого сезона.

Елена, съ замирающимъ сердцемъ, съ блестящими глазами, шла, не обращая вниманія на туманъ и сырость; она шла, ничего не видя, занятая только своею преобладающею мыслью. На перекресткѣ улицы Мессины и бульвара Гаусмана ее встрѣтилъ Поль Миньяръ.

— Здравствуйте. Ровно десять, точность замѣчательная, — сказалъ онъ, пожимая ей руку.

— Какою дорогой идти? — спросила она лихорадочно. — По бульвару до Оперы?

— Какъ угодно, — коротко отвѣтилъ Миньяръ.

Во всю дорогу они говорили мало. Онъ наслаждался внутренно своею предѣлкой, которою компрометировалъ жену Вильяра и подкапывался подъ его семейное счастье. Она трепетала и торопилась, нисколько не сознавая важности своего поступка. Поль Миньяръ былъ для нея только «средствомъ», такимъ точно, какого она искала, выходя замужъ за Вильяра, въ погонѣ за своею цѣлью. Тотъ уклонялся, она пользовалась другимъ, — вотъ и все. Такъ шли они, лишь изрѣдка обмѣниваясь немногими и мало значущими словами.

Дойдя до дома Z..., молодая женщина слегка поблѣднѣла и приостановилась на секунду, точно въ нерѣшительности.

— Что съ вами? — спросилъ Миньяръ.

— О, ничего, — отвѣтила она, уже оправляясь, — такъ... волненья немного.

— Раскаиваетесь въ вашей рѣшимости?

— Нисколько, идемте, — сказала она, вполне овладѣвши собой. Поль Миньяръ послалъ свою карточку издателю, и черезъ двѣ

минуты ихъ обоихъ ввели въ кабинетъ Жоржа Z..., сына Z... и наследника большой издательской фирмы Z... и Б°.

Хозяинъ нѣсколько удивился, когда Миньяръ представилъ ему мадамъ Вильярк. Потомъ, когда Поля объяснилъ въ короткихъ словахъ, по какому дѣлу они явились, издатель сказалъ:

— Да, госнодинъ Вильярк передалъ мнѣ рукопись... подъ заглавiемъ «Какъ въ жизни», если не ошибаюсь?

— Совершенно вѣрно, — живо отвѣтила Елена.

— Сожалѣю, сударыня, что не могу отвѣтить ничего положительнаго. Ваша рукопись въ чтенiи, но черезъ нѣсколько дней я за удовольствiе почту извѣстить васъ...

— Я приду сама, если позволите, — прервала его молодая женщина.

— Какъ вамъ угодно. Черезъ недѣлю прошу пожаловать.

— Такъ и будетъ! — отвѣтила она.

Они встали и простились. На порогѣ Миньяръ пропустилъ впередъ Елену, а самъ быстро вернулся, дѣлая видъ, будто забылъ что-то, и прошепталъ на ухо издателю.

— Какъ бы ни былъ приговоръ читающаго, издавайте, дорогой мой, издавайте, во что бы ни стало. Если нужно, я принимаю расходы на себя.

И онъ вышелъ.

Очутившись на улицѣ, онъ обратился къ Еленѣ:

— Довольны вы?

— Не знаю, какъ вамъ выразить...

— О, говорить не стоить, — возразилъ онъ и посмотрѣлъ на часы. — Одинадцать! мнѣ необходимо васъ покинуть... до свиданья, дорогой другъ мой! — потомъ, вернувшись, онъ добавилъ: — Разумѣется, ни слова объ этомъ Жаку, не такъ ли?

— Въ этомъ можете быть увѣрены.

И они разошлись въ разныя стороны.

XLVI.

Дни шли за днями, недѣля за недѣлей, но ни Вильярк, ни его жена не заговаривали о книгѣ и объ изданiи.

Между тѣмъ Елена, то одна, то въ сопровожденiи Поля Миньяра, побывала нѣсколько разъ у Z... При свиданiи черезъ недѣлю, — какъ условлено было въ день перваго знакомства, — ужасающая тревога смѣнилась вдругъ отъ первыхъ словъ издателя неописуемымъ счастьемъ. Послѣ этого визита молодая женщина вышла с

всѣмъ отуманенная радостью. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ посѣщеній, то ради исправленій или подписей къ печати, или обмѣна мнѣніями, причѣмъ ея тщеславіе ликовало триумфально, или для прочтенія корректуръ.

Елена жила, наконецъ, въ теченіе мѣсяца такою жизнью, о какой она давно и пламенно мечтала. Для нея это было какое-то непрерывное опьяненіе, отъ котораго голова кружилась, силы удваивались... По ночамъ ее была нервная лихорадка, отъ постоянного возбужденія она спать не могла.

Романистъ, озабоченный скорымъ выпускомъ въ свѣтъ своей книги, былъ тоже очень занятъ и не имѣлъ времени особенно наблюдать за женой. Однажды, впрочемъ, замѣтивши частыя отлучки Елены, онъ спросилъ ее. Она дала небрежно какія-то неопредѣленные объясненія, мужъ ими удовольствовался, и на нѣкоторое время спокойствіе оставалось не нарушеннымъ въ ихъ домѣ.

На бѣду, какъ-то вечеромъ, когда уже стемнѣло, Марсель Бланъ встрѣтилъ на площади Оперы Елену Вильяръ въ сопровожденіи Поля Миньяра. Художникъ, сильно заинтересованный этимъ, поклонился имъ и прошелъ мимо. Спустя нѣсколько дней, Вильяръ былъ у Бланъ. Тотъ не выдержалъ, выразилъ изумленіе своему другу и спросилъ его, куда ходили въ тотъ вечеръ Елена и Поль.

Жакъ очень удивленно отвѣтилъ:

— Право, не знаю... Елена ничего мнѣ не говорила! — и онъ заговорилъ о другомъ.

Выйдя отъ Марселя, онъ, однако, задумался надъ тѣмъ, что тотъ ему передалъ, и, вернувшись домой, спросилъ у горничной:

— Мадамъ у себя? — и, получивши утвердительный отвѣтъ, прошелъ къ Еленѣ.

— Откуда ты возвращалась въ четвергъ вечеромъ? — рѣзко спросилъ онъ.

— А тебѣ уже извѣстно! — сказала она, нисколько не смущаясь. — Ахъ! да, Бланъ, вѣрно! — добавила она слегка насмѣшливымъ голосомъ.

— А ты отвѣчай!... въ особенности, не лги, я ненавижу ложь.

Елена была слишкомъ счастлива для того, чтобы сердиться. Въ мужа не пугалъ ее, а только забавлялъ. Она отвѣтила:

— Надобности не имѣю лгать. Такъ тебѣ желательна правда?

— Да, и сполна!

— Вотъ она, вся сполна: мы шли, я и г. Миньяръ, отъ «моего ателя», — и она отгѣнила эти два слова. — Да, твой другъ дѣлалъ для меня то, что ты долженъ былъ сдѣлать, на что я расчи-

тывала. Онъ представилъ меня, рекомендовалъ Жоржу Z..., и, благодаря ему, мой милый, книга моя принята, набрана, скоро выйдетъ.

— И ты уходила изъ дома только за тѣмъ...

— За чѣмъ и вы уходили, любезный собратъ, за чтеніемъ корректуръ, за подготовкою изданія...

Вильяръ былъ сраженъ всею этою махинаціей, которой онъ не подозрѣвалъ даже, и которую ему подстроилъ за одно съ его женою человекъ, считавшійся его лучшимъ другомъ. Бромъ того, ему прискорбно было упорство Елены. Его выбивало изъ колеи и огорчало сознаніе, что никогда она не будетъ его интеллигентною подругой, скромною и доброю женою, каковую онъ предполагалъ найти, жениась на ней. Неужели она никогда не пойметъ, что тихая жизнь неизмѣримо лучше, чѣмъ борьба, и такъ навсегда останется женщиной-писательницей, надутой самомнѣіемъ!... И Вильяръ, человекъ до брайности впечатлительный, жестоко страдалъ отъ этого. Однако же, успокоенный относительно ея нелѣпныхъ походовъ, онъ заговорилъ болѣе спокойно:

— О, сумасшедшая, неосторожная женщина! Какъ ты не сообразила, что рискуешь своею репутаціей?

— Какъ такъ?

— Да подумай только, разсуди сама: вѣдь эти прогулки съ Полемъ были неприличны до послѣдней степени и...

— Почему? Мы съ нимъ друзья, товарищи и только,—прервала она мужа.

— Вѣрно. Но мнѣніе свѣта... разговоры въ обществѣ. Что съ ними подѣлаешь?

— Мнѣніе свѣта! Очень мнѣ нужны ихъ разговоры! Знать я не хочу этого свѣта!—воскликнула Елена, громко смѣясь.

— А надо хотѣть знать, Елена, разговоры превращаются въ сплетни, въ клеветы, распространяются быстро...

— О, этотъ свѣтъ, этотъ мерзкій свѣтъ, злой и бессмысленный, ненавижу я его!—говорила она, на этотъ разъ, очень серьезно и горячо.—Нельзя ни шагу сдѣлать, ни слова сказать, мужчина и женщина не могутъ быть друзьями безъ того, чтобъ этотъ свѣтъ не заподозрилъ гадости и только гадости!... Любовь! Но, Боже мой! неужели ужъ, кромѣ-то этого, ничего нѣтъ въ мірѣ!

— Успокойся, я ни въ чемъ не упрекаю тебя, я только предостерегаю, предупреждаю. И вотъ,—продолжалъ онъ, взявши ее за руку,—къ чему стремиться къ почестямъ, почему, моя милая, не оставаться просто женщиной, доброю хозяйкой дома...

— Прислугой!

— Ну, вот, ты опять преувеличиваешь! Я вовсе не хочу сказать это... Посмотри на Сесиль, она художница и отказалась от своего искусства, чтобы посвятить себя мужу и ребенку. Но это нисколько не мѣшает ей быть очень умною и отлично развитою женщиной, всёми интересоваться...

— О, да, Сесиль! — вспыхнула Елена и оборвала фразу мужа. — Такъ издавна повелось, что мнѣ постоянно эту Сесиль въ носъ тычать! Я была ребенкомъ, мой отецъ и тетка непрерывно мнѣ твердили: смотри, какъ Сесиль трудится, какое у нея дарованіе, какіе успѣхи... и кончили тѣмъ, что я возненавидѣла мою лучшую пріятельницу... Она замужъ вышла, мнѣ принялись повторять: Сесиль благоразумная, а ты все оригинальничаешь... и т. п. Теперь наступила твоя очередь: Сесиль посвятила себя семьѣ, Сесиль отказалась отъ живописи... Сесиль, Сесиль, вѣчно Сесиль!...

Помолчавши немного, она опять заговорила:

— Послушай, Жакъ, у всякаго своя натура: я хочу извѣстности, мнѣ необходима жизнь артистическая и тревожная, необходима, какъ воздухъ, которымъ я дышу. Ты хотѣлъ имѣть жену-хозяйку. Я не могу быть такою. Я надѣялась найти въ тебѣ товарища, помощника, ты не желаешь... Мы оба ошиблись, вотъ и все.

Писатель не отвѣтилъ, вздохнулъ, медленно поднялся съ мѣста и ушелъ въ свой кабинетъ.

XLVII.

Въ первую недѣлю послѣ Новаго года издатель выпустилъ новый психологическій романъ Жака Вильяра и въ тотъ же день, какъ просила его Елена, ей книгу *Какъ въ жизни*.

Въ этомъ случаѣ, когда все для молодой женщины было новымъ и неожиданнымъ, когда ея неопытность наталкивалась непрерывно на непредвидѣнныя препятствія, Поль Миньяръ оказался снова драгоценнѣйшимъ для нея помощникомъ. Съ неослабнымъ терпѣніемъ, съ величайшею предупредительностью другъ романиста поддерживалъ мадамъ Вильяръ въ ея первомъ литературномъ дебютѣ, не щадя хлопотъ, ни даже собственныхъ денегъ, не говоря ей объ этомъ. Онъ пустилъ объявленія во всѣхъ крупныхъ газетахъ, озаботился разсылкою книги критикамъ, тщательно наблюдалъ за раздачею на комиссію книгопродавцамъ.

Елена сіяла.

Но, когда миновало лихорадочное возбужденіе первыхъ дней и оставалось лишь терпѣливо и благоразумно ждать приговора прес-

сы и публики, время потянулось для Елены невыносимо медленно. Каждое утро, трепеща всёми существомъ своимъ, она развертывала разные ежедневные листы, которые получала ея мужъ, и жадно, съ дрожащими руками, затуманеннымъ взглядомъ, разыскивала въ ихъ столбцахъ единственный интересующій ее отдѣлъ: литературную критику, библиографическія замѣтки, хронику новыхъ книгъ... но—ничего, ничего ровно! Бромъ рекламъ, оплаченныхъ вначалѣ, никто не сказалъ ни слова о ея романѣ.

И, наоборотъ, каждую минуту такъ и лѣзло въ глаза имя Жака Вильяра. Всюду восхваленія, диэирамбы, цѣлыя статьи, посвященные его книгѣ. И все это она прочитывала нервно, съ бѣшеною злостью въ сердцѣ. «Что же это такое? Заговоръ противъ меня, северный умыселъ?»—говорила она сама съ собой.

Долѣе она уже не могла выдерживать, ее душила ненависть къ мужу, видѣть его не могла... Къ столу она уже не выходила, и Вильяръ, зная причину, не настаивалъ на томъ. Отношенія между ними становились все болѣе натянутыми, чаша переполнялась, не доставало капли для того, чтобъ она пролилась.

Такая капля не заставила себя ждать долго.

Елена и Жакъ принимали по вторникамъ вечеромъ. Въ первый вторникъ, слѣдовавшій за выходомъ книги, молодая женщина явилась торжествующею въ ожиданіи похвалъ и привѣтствій и осталась лишь слегка недовольна молчаніемъ посѣтителей, утѣшаясь такими доводами: «На все нужно время, конечно. Они не успѣли прочесть мой романъ. Подождемъ, увидимъ!»—и веселая, счастливая, она съ увлеченіемъ исполняла роль милой хозяйки. Но она ждала и не дождалась. Въ слѣдующій вторникъ то же молчаніе, ея недовольство превратилось въ горькую досаду. Въ третій вторникъ разразилась, наконецъ, гроза.

Въ этотъ вечеръ народу у нихъ было множество. Похвалы роману такъ и сыпались со всѣхъ сторонъ, звучали настоящимъ торжественнымъ хоромъ. А Жакъ, скромный и благодушный, терялся немного, не находилъ, что отвѣчать, и, зная непомерную и, въ данномъ случаѣ, сильно уязвленную гордость жены, въ глубинѣ души своей страдалъ за нее. Она переживала настоящую пытку, переходя попеременно отъ сдерживаемой холодной злости, къ тяжелому горю, отвѣчала на обращенные къ ней восторги передъ произведеніемъ ея мужа голосомъ, сдавленнымъ слезами, либо беззвучнымъ отъ безумной зависти, металась изъ стороны въ сторону, говорила отрывистымъ, неприятнымъ тономъ. Къ довершенію бѣды, не пріѣхалъ Поль Миньяръ, единственный человѣкъ, умѣвшій поддержать

ее, подбодрить, воодушевить надеждой. Опасаясь наступления рѣшительнаго момента, не сомнѣваясь въ исходѣ борьбы и боясь всего болѣе упрековъ, слезъ и криковъ, онъ въ теченіе двухъ недѣль глазъ не показывалъ подѣ различными предлогами.

Наконецъ, прошелъ этотъ злополучный вечеръ. Какъ только дверь затворилась за послѣднимъ гостемъ, Елена выбѣжала, задыхаясь, изъ гостиной, заперлась въ своей комнатѣ, одѣтая упала на постель и закрыла глаза.

— О! спать, скорѣе спать, никогда не просыпаться!—шептала она.—Ничего не видать... Ничего не слышать... все забыть!—и она зарылась головой въ подушки.

Но и уснуть ей не удалось, до самаго утра она каждые полчаса слышала тоскливый бой часовъ въ удручающей тишинѣ, окружавшей ее.

XLVIII.

Бъ семи часамъ, утомленная до изнеможенія, она заснула не надолго. А когда проснулась, отчаянное уныніе, сразившее ее наканунѣ, исчезло безъ слѣда. Бъ ней вернулась обычная ясность ея ума, и молодая женщина, по природѣ своей подвижная и заносчивая, соскочивши съ постели, чувствовала себя рѣшившеюся и готовою продолжать борьбу съ тѣмъ бѣльшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ труднѣе было добиться успѣха.

Елена быстро собралась съ мыслями, подумала, рассчитала средства, какими можетъ воспользоваться для достиженія своей цѣли, откинула тотчасъ же непримѣнимыя, долго взвѣшивала большую или меньшую пригодность другихъ, и порѣшила, наконецъ, вотъ на чемъ: повидать какъ можно скорѣе Франсуа Лассера, вліятельнѣйшаго критика, заручиться отъ него во что бы то ни стало статьей, если не въ пользу ея книги, то, по крайней мѣрѣ, такую, которая въ надлежащемъ и опредѣленномъ видѣ ухлопала бы романъ Жака Вильера.

Елена была въ такомъ состояніи неистоваго раздраженія, когда люди уже не останавливаются ни передъ какою гадостью, которую они могутъ сдѣлать другому человѣку. Она готова была пожертвовать собственною славой, столь давно желанною, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы извѣстность ея мужа была подорвана и разбита въ прахъ.

Не отдавая себѣ отчета въ настоящемъ значеніи своей затѣи, не понимая, насколько бессмысленно и даже смѣшно подобное обра-

щеніе къ критику, она одѣлась, не сказала никому изъ своихъ ни слова и отправилась къ человѣку, на котораго возлагала свои послѣднія надежды.

Черезъ десять минутъ она была уже въ улицѣ Марсо и послала свою карточку Франсуа Лассеру.

Критикъ, въ высшей степени удивленный столь раннимъ и необъяснимымъ визитомъ жены романиста, вопреки своему обычаю методическаго работника не принимать никого до двѣнадцати часовъ, сдѣлалъ исключеніе въ пользу Елены и вышелъ къ ней въ арабскую курильную, рядомъ съ его кабинетомъ.

— Какой счастливый случай? — воскликнулъ онъ входя. — Простите, сударыня, что я принимаю васъ здѣсь, какъ старый холостякъ, не привыкшій къ такимъ милымъ посѣщеніямъ.

Эти слова, отзывавшіяся заурядною любезностью, съ которою каждый мужчина считаетъ своею обязанностью обращаться ко всякой хорошенькой женщинѣ, неожиданно являющейся къ нему, напомнили Еленѣ ея настоящее положеніе и крайне ей не понравились. Она рѣзко оборвала фразу критика и заговорила:

— Я къ вамъ вотъ по какому дѣлу... — но тутъ она вдругъ растерялась и безсвязно повторила: — по дѣлу... вотъ по какому...

— Я васъ слушаю.

Совсѣмъ смутившись, но все-таки храбрясь, Елена быстро, рѣзкимъ голосомъ, нервно смѣясь, какъ всѣ конфузующіеся люди, рассказала Лассеру про свое соперничество съ мужемъ, про надежды, съ которыми она выходила замужъ, дальнѣйшія разочарованія, про несходство ихъ взглядовъ на жизнь и, наконецъ, про послѣднюю борьбу, обострившую ихъ взаимныя отношенія.

— Мой романъ хорошъ, — закончила она, — его издастъ Жоржъ Z... доказательство убѣдительное. Но никто не говоритъ о моей книгѣ, ее не покупаютъ. Это дѣлается уже на зло... Мой мужъ пользуется вліяніемъ, дѣйствуетъ противъ меня...

Критикъ слушалъ, живо заинтересованный психологическою драмой, которую Елена раскрывала передъ нимъ. Но онъ очутился въ крайне затруднительномъ положеніи, когда мадамъ Вильяръ прямо заявила ему:

— И вотъ я, покинутая... безпомощная... рѣшилась обратиться къ вамъ, надѣялась... думала: господинъ Лассеръ все можетъ, стоитъ ему слово сказать и весь этотъ заговоръ будетъ уничтоженъ... и я пришла къ вамъ.

— Что же вы хотите, чтобы я сдѣлалъ? Чего ждете отъ меня? — спросилъ онъ.

— Чего жду?—сказала она тихо, какъ бы колеблясь.—Я просила бы, чтобы въ вашей статьѣ... не похвалъ просила бы моей книгѣ,—добавила она быстро.—Нѣтъ, я бы желала только, чтобы вы мало-по-малу разрушили нахальную славу моего мужа, развѣнчали бы наглаго триумфатора, подбили бы крылья, уничтожили... чтобы вы...

— Да это же безумно, что вы требуете!—прервалъ онъ ее, вставая.—Посудите сами, г. Вильяръ признанный и чтимый талантъ, онъ гордость нашей современной литературы, человѣкъ очень большого ума, и вы хотите, чтобы изъ-за семейной ссоры, такъ какъ, въ сущности, все дѣло въ этомъ...—Елена сдѣлала негодующее движеніе.—Да, да, сударыня, я настаиваю на томъ, что сказалъ...—говорилъ онъ, оживленно,—чтобы изъ-за семейной ссоры, я, Франсуа Лассеръ, вздумалъ бы!... Это безумно, повторяю я, это бессмысленно...—онъ пожалъ плечами.—Даже если бы вопросъ касался только моей репутаціи, то и тогда я не могъ бы заговорить дурно о Вильярѣ. Меня сочли бы за помѣшаннаго... или за подкупленнаго!... Нѣтъ, сударыня, вы сами видите, это невозможно. Успокойтесь.

— Довольно,—сказала Елена отрывистымъ и рѣзкимъ голосомъ,—извините мою наивность. На самомъ дѣлѣ, съ моей стороны было безуміемъ думать, что въ чемъ-нибудь мы съ вами можемъ согласиться. Я забыла, что никогда не мѣняють удачника на дебиюнта.

— Сударыня...

— Прощайте. Идти сюда, кажется?—добавила она сухо и направилась къ двери, не дожидаясь, чтобъ ее проводили. Она вышла изъ дома, дрожа всѣмъ тѣломъ, блѣдная, но твердою походкой, гордо поднявши голову.

XLIX.

Полчаса спустя, она была въ своей комнатѣ.

— Ты желала говорить со мной?—спросилъ жену Жакъ Вильяръ, входя къ ней, и, видя ее въ перчаткахъ, въ шляпѣ и въ теплой нагидкѣ на плечахъ, онъ добавилъ:—Ты идешь куда-то?

— Да, мнѣ надо поговорить съ вами,—сказала она, отгнѣвая ращеніе на «вы».—Выслушайте меня, пора бросить притворство объясниться въ послѣдній разъ: жизнь, которую мы ведемъ, не носима, лучше намъ разстаться.

Слова эти были сказаны отрывисто, чуть не повелительно, то-

номъ, не допускавшимъ возраженія. Жакъ Вильяръ отвѣтилъ въ томъ же духѣ:

— Хорошо. А такъ какъ это послѣднее объясненіе, то я хочу, чтобъ оно было искреннее и полное. Въ чемъ вы меня упрекаете?

— Я васъ никогда не любила, можете спросить объ этомъ у кого угодно. Замужство мнѣ всегда внушало отвращеніе. Когда Сесиль передала мнѣ ваше предложеніе, я возмутилась, рассердилась и крикнула ей: Нѣтъ, сто разъ нѣтъ! Я согласилась, однако, скажете вы. Да, согласилась, но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ вы можете предполагать. Сама же Сесаль, которую вы считаете такимъ совершенствомъ, одною фразой рѣшила нашу судьбу. Увлеченная литературой, жаждою извѣстности, я хотѣла остаться свободною. Но что я могла сдѣлать одна? Сесиль сказала: «Сдѣлаться мадамъ Вильяръ—это-то, быть можетъ, и создастъ тебѣ будущность!» Эта фраза запала мнѣ въ умъ, я все взвѣсила, все рассчитала и... вамъ извѣстно остальное. Но вотъ чего вы не знаете, что въ самый день нашей свадьбы, когда все мнѣ было такъ отвратительно, одна мысль поддерживала меня: «Я мадамъ Вильяръ, но клянусь въ томъ, что допустила это лишь въ своихъ интересахъ».

Вильяръ молчалъ, совсѣмъ убитый.

— Вначалѣ, вы это сами могли замѣтить: полная довѣрія и надеждъ, я улыбалась всей природѣ, даже вы начинали мнѣ нравиться, а потомъ... о, потомъ глаза мои открылись, я увидала васъ такимъ, каковъ вы въ дѣйствительности, и мои надежды разлетѣлись.

— Такъ я былъ для васъ только средствомъ,—вышелъ, наконецъ, изъ себя Жакъ Вильяръ,—какою-то подставкой!

— Совершенно вѣрно.

Съ минуту длилось тяжелое молчаніе, потомъ Елена заговорила снова:

— Я думала, что найду въ васъ, такомъ извѣстномъ, знаменитомъ, поддержку, помощь, руководителя, и нашла только соперника! Согласитесь же, что разочарованіе было жестокое...

— Тогда вы воспользовались Миньяромъ. Бѣ несчастью,—продолжалъ онъ, иронически,—выборъ вашъ оказался опять неудачнымъ. Онъ, говоря попросту, бросилъ васъ!

Елену всю передернуло.

— А я,—говорилъ романистъ,—я рассчитывалъ найти въ васъ интеллигентную подругу, вѣрную и добрую, прекраснѣйшее существо, передъ которымъ легко душу свою раскрыть, которое пойметъ меня и утѣшитъ. О, Боже мой! Я могу тоже крикнуть, повто-

ря вашъ доводъ: вмѣсто милой жены, подруги сердца и ума, най-ти зауряднаго соперника, по вашему выраженію, — соперника, ненавидящаго, прибѣгающаго къ разнымъ ухищреніямъ, согласитесь, что это тяжело!

Онъ приблизился къ Еленѣ и заговорилъ:

— О, безумная, создавшая себѣ идеалъ изъ славы, ищущая счастье въ извѣстности! Если бы ты знала, какъ все это ничтожно, какъ жизнь пуста, когда для ея наполненія остается только кое-какое удовлетвореніе мелочнаго самолюбія!... Оставь все это, заживемъ попржежнему, какъ въ первое время въ Алжирѣ, потомъ въ Сенъ-Рафаэлѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно, я не въ состояніи, — отвѣтила она глухо. — Я возвращаюсь къ отцу. Мы найдемъ какое-нибудь средство, чтобы развестись. Прощайте!

И уже съ порога она крикнула:

— Какъ бы ни было, хорошо высказать, что думаешь, всю свою мысль сполна. На душѣ легче.

И Елена ушла.

Л.

Слѣдующимъ утромъ Вильяръ, все еще ошелемленный сценой, происшедшей наканунѣ и неожиданнымъ уходомъ жены, ходилъ по кабинету, какъ автоматъ. Никакой злобы въ душѣ его не было, личной ненависти къ женѣ онъ не чувствовалъ, только глубже презиралъ все человѣчество.

Вдругъ въ прихожей раздался звонокъ.

Явилась мадамъ де-Марвейль.

Наканунѣ, бѣдная баронесса чуть не заболѣла отъ разсказа племянницы. Разспрашивая Елену, почтенная дама узнала, что та хочетъ разводиться изъ-за простого недоразумѣнія, изъ-за какого-то страннаго соперничества, причемъ молодая женщина, очевидно, не совсѣмъ права.

— Съ чего же ты взяла разводиться! — воскликнула баронесса. — По какому поводу? Въ этомъ смысла нѣтъ. Завтра же по-ду къ твоему мужу.

— Но, позвольте, тетушка...

— Молчи, полоумная, твоему мнѣнію тутъ мѣста нѣтъ!

И на слѣдующій день мадамъ де-Марвейль пріѣхала къ роман-исту.

Въ первую минуту Вильяръ не хотѣлъ ее принимать, но, оду-

навпшись, рѣшилса: лучше переговорить съ теткой, доказать, что моеи вины тутъ нѣтъ, а то съ такою сумасшедшею, какъ Елена, можно всего ждать. Онъ пошелъ навстрѣчу гостѣ.

Мадамъ де-Марвейль начала печальнымъ тономъ:

— Милый другъ, что же это такое?

— Что говорила вамъ Елена?—живо спросилъ Вильяръ.

— Вотъ,—продолжала баронесса и передала писателю разсказъ племянницы, со множествомъ вставокъ и своихъ разсужденій.

Когда она кончила, Вильяръ сказалъ:

— Во всемъ этомъ есть много преувеличеній. Весьма естественно, что Елена отвела себѣ лучшую роль въ этомъ дѣлѣ. Это само собою разумѣется. Но я разскажу всю правду, какъ можно безпристрастнѣе. Да, я никогда не одобрялъ писательскихъ претензій моеи жены. Я не изъ тѣхъ людей, которые желаютъ, чтобы жена была ниже мужа. Нѣтъ, по моему, необходимо равенство. Вотъ объ этомъ-то я и мечталъ, жениась на вашей племянницѣ. Нельзя прожить холостякомъ до сорока трехъ лѣтъ и не видать, не наблюдать и не изучать женщинъ, въ особеннота будучи писателемъ и увлекаясь психологійей. И я зналъ женщинъ всякаго рода и сорта: педантокъ, болтуній, простыхъ, глупыхъ, кокетокъ, ипогритокъ, притворщицъ, претенціозныхъ и мало ли еще какихъ... Но ни одной не встрѣчалъ, про которую могъ бы сказать: вотъ эту я бы желалъ имѣть подругою жизни. А Елена, образованная, умная, понравилась мнѣ сразу. Я зналъ, конечно, что молодую дѣвухой она занималась писательствомъ, даже хвалилъ ея опыты. Но я думалъ, что, разъ она станетъ моею женою, благодаря ея возвышеннымъ вкусамъ, мнѣ очень симпатичнымъ, мы заживемъ прекрасно въ задушевномъ и интеллектуальномъ общеніи!... Я нахожу, что какими бы дарованіями ни обладала женщина, выйдя замужъ, она должна оставаться въ своей роли супруги; если же она этимъ удовлетворяться не можетъ, то пусть остается свободною, устраиваетъ свою жизнь, какъ ей нравится; она будетъ, вѣроятно, счастлива, и я не отрицаю того, что она можетъ создать выдающіяся и прекрасныя произведенія!... А Елена,—чему я никогда бы не повѣрилъ,—затѣяла цѣлую кампанію противъ меня, пользуясь моими же друзьями, вступила со мною въ соперничество, очень смѣшное и совсѣмъ неразумное.

Вильяръ говорилъ такъ спокойно и логично, что мадамъ де-Марвейль, явившаяся отстаивать племянницу, не могла не согласиться съ его доводами.

Все-таки она сдѣлала попытку въ пользу Елены:

— Я признаю, что вы правы, все, вами сказанное, совершенно вѣрно, но, добрый другъ мой, не можете же вы развестись изъ-за такихъ пустяковъ, подумайте... Хоть бы ради свѣта! А затѣмъ все можетъ уладиться...

Вильяръ не отвѣчалъ.

— Вы, можетъ быть, не допускаете рѣшительно никакого приглашенія...

— Я? Да ничуть не бывало! — воскликнулъ романтистъ. — Вчера же я сказалъ Еленѣ: «Оставь это, проживемъ попрежнему, какъ въ первое время». Она отвѣтила: «Нѣтъ, невозможно... я не въ состояніи»... Судите сами.

Мадамъ де-Марвейль смогла въ свою очередь, потомъ заговорила въ полголоса:

— А она, вѣдь, добрая и хорошая... воспитаніе ей дано странное: мой зять, ея отецъ, далъ ей съ дѣтства слишкомъ много воли, пріучилъ не знать ни въ чемъ препятствій, ея гордая натура не видала никакихъ сдержекъ, и молоденькая дѣвушка сдѣлалась романтичною, своевольною, эгоисткой... и вотъ... вотъ какое несчастье... — баронесса глубоко вздохнула. — Жакъ, позвольте мнѣ еще разъ назвать васъ такъ, я понимаю васъ и вѣрю вамъ. Я и сама подозрѣвала, что во всемъ виновата моя племянница. На бѣду, она непреодолимо упорна и въ своей винѣ никогда не сознается. Извините въ томъ, что безпокоила васъ, мнѣ остается только удалиться.

Три мѣсяца спустя былъ придуманъ какою-то подходящей поводомъ, и судъ утвердилъ разводъ Жака Вильяра, литератора, съ его женою, принявшею снова фамилію Жиро.

Выходя изъ суда, молодая женщина воскликнула:

— Уфъ! наконецъ-то я избавилась отъ ужаснаго имени Вильяра, душившаго меня, связывавшаго, точно цѣпь тяжелая. Теперь за дѣло, чтобы прославить имя Жиро!

Говоря это, она бросила значительный взглядъ на бывшего своего мужа.

А онъ невозмутимо застегивая свое пальто сходилъ съ дѣстлицы суда, разговаривая съ Марселемъ Бланâ и не обращая ни малѣйшаго вниманія на Елену.

М. Р.

ДАЛЕКІЕ ДНИ.

I.

Въ дорогѣ.

Кажется, нѣтъ времени, которое проходило бы такъ скоро, какъ ганигулы. Мы съ братомъ были совершенно согласны въ этомъ, несмотря на то, что каждый день передъ обѣдомъ насъ два часа занималъ м-г Флейшманъ, необыкновенной аккуратности нѣмецъ, а послѣ обѣда мы два часа разговаривали съ m-elle Гедовицъ, пріѣхавшей для этого изъ Швейцаріи.

— Увѣрю васъ, намъ не о чемъ говорить, — пробовалъ протестовать братъ.

Но m-elle Гедовицъ была несогласна. Поэтому мы говорили о томъ, что братъ надѣлъ сюртукъ и пошелъ гулять къ берегу моря; что у этой бѣдной женщины нѣтъ хлѣба и мяса, но есть сахаръ, и что народы, повинующіеся Богу, окружены счастьемъ.

Но зато весь остальной день былъ въ нашемъ распоряженіи. Охота, рыбная ловля, поѣздки по вечерамъ верхомъ и на дрожгахъ — какъ это все хорошо, и даже воспоминанія объ этомъ пробуждаются радостныя, словно озаренныя кроткимъ свѣтомъ тихаго счастья... Сидишь себѣ въ камышахъ, на берегу рѣчного затона, и смотришь. На противоположномъ берегу бѣгаютъ кулички и по-свистываютъ. Изрѣдка доносятся голоса изъ отдаленнаго села черезъ гумна. Вода неподвижна и въ рѣкѣ, и въ затонѣ. Да и все кругомъ неподвижно: не дрогнуть прибрежные кусты, неподвиженъ камышъ, неподвиженъ воздухъ до самаго дна неба въ его голубой безднѣ...

— Пойдемъ ужинать, ѣсть хочется, — говоритъ братъ. — А дядя Алеша опять сегодня должно быть будетъ обращать m-elle Гедовицъ въ христіанство.

Дѣйствительно, по неудержимой живости своего характера, дядя Алеша увѣрялъ молоденькую и хорошенькую m-elle Гедовицъ, что въ Россіи есть такой законъ, по которому молоденькихъ иностранокъ полагается перекрещивать, и что онъ самъ будетъ ея воспріемникомъ отъ купели. Увлекавшійся дядя такъ живо рисовалъ подробности своего воспріемничества, что m-elle Гедовицъ краснѣла и смущалась окончательно, а бабушка, Елизавета Петровна, плохо понимавшая по-французски, рѣшительно замѣчала:

— Перестань ты про свои безстыдности разговаривать.

— Да мы теперь уже про воспитаніе.

— И про воспитаніе перестань.

Дядя переставалъ. Тихая, чуть-чуть прохладная лѣтняя ночь спускалась вслѣдъ за короткими сумерками. Изъ-за пруда, съ противоположнаго пригорка, на которомъ раскинулось село, доносилась протяжная пѣсня. Казалось, будто эта пѣсня не можетъ окончиться: то она угасала, то вновь разгаралась и снова звенѣла въ ночной тишинѣ. Тихо бывало по вечерамъ и у насъ въ домѣ. М-г Флейшманъ уходилъ наверхъ, на антресоли второго этажа, надѣвалъ зачѣмъ-то себѣ на голову вязанный колпакъ, который вся дворня называла «дурацкимъ», и молча по цѣлымъ часамъ сидѣлъ передъ открытымъ окномъ. Изъ окна, впрочемъ, въ эту пору рѣшительно ничего не было видно: степь, начинавшаяся сейчасъ за усадьбой, лежала окутанная глубокимъ, непроницаемымъ мракомъ. Можетъ быть м-г Флейшманъ вглядывался въ далекія, яркія звѣзды, или прислушивался къ несмолкаемой переключкѣ перепеловъ въ темной степи. Внизу тоже царила тишина, изрѣдка нарушавшаяся позвякиваньемъ посуды (это Степанъ накрывалъ на столъ къ ужину), да возгласами бабушки изъ диванной.

— Буплю!

— Въ тrefахъ. Хотя и плохи картишки-съ, но все-таки тrefы, — отвѣчалъ ей неизмѣнный партнеръ, отецъ Аркадій.

Бабушка величественно и строго глядѣла сквозь очки на отца Аркадія и говорила тономъ, въ которомъ звучала непреклонная рѣшимость.

— Бубны!

— Подержу-съ, подержу-съ! Хотя и безъ картишекъ-съ! — говорилъ покорнымъ тономъ, точно его кто-нибудь принуждалъ къ тому, о. Аркадій.

А мы, предоставленные самимъ себѣ, любили сидѣть въ такіе ихіе вечера въ сосѣдней, неосвѣщенной гостиной. И, — странное вло, — не день, полный впечатлѣній, весь залитый блескомъ солн-

ца и блескомъ природы, давалъ содержаніе для нашихъ безконечныхъ разговоровъ, а этотъ тихій вечеръ должно быть заставлялъ работать дѣтское воображеніе,—и мы сочиняли и рассказывали другъ другу фантастическія исторіи. И дядя Алеша, и его вѣрный камердинеръ Илья, и лохматая, отличавшаяся глупостью ссбака Илья, по имени Проворка,—всѣ поочередно дѣлались героями нашихъ фантастическихъ повѣстей. Мы добросовѣстно переживали то печальное, то радостное настроеніе нашихъ героевъ, до того входя въ ихъ положеніе, что въ отворенную дверь освѣщенной диванной переставали видѣть величественную фигуру бабушки въ чепцѣ съ бѣлоснѣжными лентами и широкую лысину отца Аркадія, дававшего рѣшительно всему уничтожительныя названія. Увлеченные нелѣпой, нами самими придуманной продѣлкой Проворки, мы заливались вдругъ неудержимымъ хохотомъ.

— Чему вы тамъ смѣетесь, дѣтишки?—раздавался вдругъ голосъ бабушки Елизаветы Петровны.

Мы сконфуженно замолкали, но черезъ нѣсколько минутъ вновь начинали придумывать и рассказывать другъ другу свои фантастическія повѣсти.

И все это, — тихіе вечера съ сочиненіемъ повѣстей и длинные лѣтніе дни съ суетливой бѣготней по усадьбѣ, съ поѣздками и первыми радостными охотами,—все это должно было скоро кончиться, потому что ничто не проходитъ такъ быстро, какъ каникулы.

Степанъ уже начиналъ собирать сундуки и чемоданы, заспанный кучеръ Сысой сталъ чаще показываться во дворѣ съ клоками сѣна въ растрепанныхъ волосахъ, да и самое лѣто кончалось; стоялъ уже августъ мѣсяць. Ночи дѣлались длиннѣе и холоднѣе, но оживленнѣе. Теперь въ раскрытыя окна антресолей всю ночь доносился скрипъ колесъ и слабый запахъ дегтя,—это возили снопы съ поля. Бругомъ, въ безмолвномъ иракѣ окружающихъ нашъ домъ полей, горѣли близкіе и далекіе, безчисленные костры. То были огни, которые всегда зажигаютъ на ночь ночлежники, выѣзжающіе молотить гречиху, и, казалось, что цѣлое непріятельское войско расположилось станомъ въ темной степи... Все ближе и ближе подходила къ намъ осень, а съ нею неизбѣжный отъѣздъ. Совершенно неожиданному обстоятельству суждено было ускорить это событіе.

Какъ-то утромъ, принеся сапоги въ нашу комнату, довольно загадочно возвѣстилъ намъ объ этомъ Степанъ.

— Бабинька приказали быть сегодня молебну, а завтра назна-

чень отъѣздъ. Потому что у насъ въ домѣ неблагополучно, — прибавилъ онъ, помолчавъ немного, таинственно понижая голосъ.

— Какъ неблагополучно, что случилось? — тревожно спрашивалъ братъ.

— Нѣмецъ влюбимшись! — проговорилъ сурово Степанъ и даже рукой махнулъ въ знакъ невѣроятности подобнаго приключенія.

Мы узнали потомъ, что м-г Флейшманъ сдѣлалъ, какъ говорили у насъ въ домѣ, «сцену» дядѣ Алешѣ. Подробности этой сцены, кажется, не были выяснены съ точностію, но кончилась она тѣмъ, что м-elle Гедовицъ проплакала цѣлый день, запершись въ своей комнатѣ, а нашъ отъѣздъ былъ рѣшенъ немедленно разгнѣванной бабушкой.

— Скажите пожалуйста, гувернеришка, а влюбился! — говорилъ съ удивленіемъ о. Аркадій, приготовляясь служить для насъ молебень «въ путь шествующимъ».

Огорченная бабушка молча вздыхала, словно покоряясь несчастію, посланному неизбѣжной и неотвратимой судьбой.

На слѣдующій день наши первыя каникулы кончились. Степанъ, посадивши бабушку, м-elle Гедовицъ и насъ въ четырехмѣстную карету, — крикнулъ: «пошелъ!» и оглянулся назадъ, гдѣ въ углу тарантаса приютилась одинокая фигура м-г Флейшмана. Сысей зачмокалъ губами, «фалеторъ» Авдошка заболталъ локтями, — и нашъ поѣздъ медленно тронулся. Промелькнуло село съ его лохматыми соломенными крышами, съ его тощими, хрипло-лающими собаками и низко кланяющимися мужиками, и пошла гладкая и ровная, по большей части уже распаханная и засѣянная степь. Кругомъ желтѣла жнива сведенной ржи, стояло просо въ крестцахъ, и надъ изумрудной зеленью озимей дрожали въ ясномъ воздухѣ цѣлые десятки соколовъ-кобчиковъ. Въ каретѣ было душно и жарко несмотря на открытое съ одной стороны окно, а въ тарантасѣ, къ опальному м-г Флейшману, насъ не пускали. Мы съ братомъ начинали свучать и уже придумывали способы, чтобъ улечься и заснуть въ тѣсной каретѣ. Но вдругъ, при одномъ поворотѣ, направо показался красивый, стальной изгибъ рѣки, а за нею дремучій, вѣвовой сосновый лѣсъ. Однообразіе степи исчезло, и мы жадно вглядывались въ змѣей извивавшуюся красавицу-рѣку съ ея ярко-желтымъ песчанымъ берегомъ съ одной стороны и дремучимъ боромъ съ другой. Впереди видѣлось село со старинной каменной церковью. Передъ ней мы остановились и вышли изъ кареты по приказанію бабушки. Недалеко отъ алтаря церкви мы увидѣли за полуразвалившейся рѣшеткой старинный памятникъ, заросшій кра-

пивой. Пока бабушка послала Степана за священникомъ, чтобы отслужить литію, мы съ братомъ прочли на одной сторонѣ памятника полуистертыя временемъ слова:

«Здѣсь лежить прахъ убіенныхъ рабовъ Божіихъ бригадіра Ивана Чавкина съ женой Наталіей и дочерію Анной».

А на другой сторонѣ слѣдующіе стихи:

«Всегнусный Пугачевъ, безбожный возмутитель,
 Черезъ палача вкусилъ безвременный конецъ,
 А бригадиръ съ семьей пребудетъ неба житель,
 Понеже воспріялъ мученія вѣнецъ».

Въ этомъ селѣ, у священника, мы и ночевали, причемъ м-г Флейшманъ помѣщенъ былъ у дьячка. Послѣ долгаго чаепитія, когда, наконецъ, въ маленькомъ «залѣ» священническаго дома, украшеннаго по стѣнамъ выпѣвѣнными и блѣдными фотографіями архіереевъ, съ безчисленнымъ количествомъ орденовъ на груди, матушка вмѣстѣ съ м-лле Гедовицъ принялись взбивать перины для бабушки, я вышелъ на улицу и присѣлъ на распатанныхъ ступеняхъ крыльца.

Ясный и необыкновенно тихій вечеръ медленно надвигался на село, точно падая откуда-то сверху. Теперь неподвижная сталь рѣки мѣстами дымилась туманомъ, и этотъ туманъ словно ластился къ подножію вѣкового бора, далекаго вершины котораго горѣли въ золотѣ заходившаго солнца. Съ конца улицы надвигалось желтое облако пыли, и доносились нестройные голоса: это шло стадо. Въ такія минуты можно ни о чемъ не думать, всматриваясь въ развернувшуюся передъ вами картину, и словно забытья. Я бы такъ, вѣроятно, и сдѣлалъ на распатанной ступени крыльца, если бы не услышалъ почти рядомъ съ собой голоса Степана. Онъ вышелъ изъ калитки двора по другую сторону крыльца, остановился въ тѣни и, повидимому, продолжалъ давно начатый разговоръ съ работницей священника. Эта работница, здоровая и красивая дѣвушка лѣтъ двадцати, съ туго-перетянутымъ надъ грудью передникомъ, стояла теперь въ самой калиткѣ, и на лицо ея падалъ блѣдный свѣтъ вечера.

— Такъ-то вотъ и ходилъ онъ, душегубъ окаянный, замѣсто антихриста, — говорилъ Степанъ.

— Какъ же, Степанъ Потанычъ, онъ, сказываютъ, народъ отъ господъ стбиралъ и на волю пушалъ? — нерѣшительно возразила дѣвушка.

— Эхъ, ты, необразованность деревенская! — презрительно

замѣтилъ Степанъ. — Пуцалъ! На волю пуцалъ! Это Пугачевъ-то окаянный! Одно слово — Пугачъ, а ты вдругъ этия слова!

— Да я, Степанъ Потапычъ, ничего, а только что такъ у насъ здѣсь баяли, — конфузливо сказала дѣвушка.

— То-то вотъ баяли! Деревенщина вы и есть. Какъ есть ничего понимать не можете.

— Ну, это кому какое Богъ пониманіе дастъ, — отвѣтила дѣвушка и вдругъ поглядѣла на Степана долгимъ, насмѣшливымъ взглядомъ.

— А я тебѣ на это вотъ что скажу...—началъ было Степанъ, но вдругъ, увидѣвъ меня, замолчалъ.

Молчаніе однако длилось не болѣе нѣсколькихъ секундъ. Дѣвушка попрежнему стояла въ калиткѣ, освѣщенная мягкимъ свѣтомъ зари, красивая, улыбающаяся.

— Пошла вонъ!—сурово крикнулъ на нее Степанъ, и дѣвушка исчезла за калиткой все съ той же улыбкой, передъ которой оказался безсильнымъ гнѣвный возгласъ Степана.

— Вы, сударь, не извольте слушать ихнихъ глупыхъ рѣчей, — заговорилъ онъ наставительно, обращаясь ко мнѣ.—Все отъ необразованности ихней какъ есть происходить. Потому безъ понятія.

Разговоръ этотъ привелъ Степана окончательно въ очень дурное расположеніе духа. Онъ ворчалъ и тогда, когда приготовлялъ мнѣ и брату постель на телѣгѣ, подъ навѣсомъ двора, а въ насъ, наоборотъ, этотъ ночлегъ возбуждалъ веселье и сглаживалъ даже до нѣкоторой степени тягостное чувство близкой разлуки, бывающее всегда при отъѣздѣ. Въ самомъ дѣлѣ, ужасно хорошо и пріятно засыпать, укрывшись потеплѣе въ тихую и погожую августовскую ночь подъ навѣсомъ двора, прислушиваясь къ жеванію и фырканью лошадей, стоящихъ тутъ же, да вглядываясь сквозь прорѣху соломенной крыши въ яркія звѣзды темной бездны неба...

На другой день я проснулся рано, еще до солнца, слѣзъ съ телѣги, служившей намъ съ братомъ постелью, и пошелъ на крыльцо умываться изъ висѣвшаго тамъ глинянаго кувшина-умывальника. Рѣка дымилась теперь сплошнымъ туманомъ, и боръ за нею казался угрюмымъ. Село только что начинало просыпаться. Стая нахохлившихся воробьевъ, ночевавшая тутъ же на дворѣ, на гучѣ хвоста, лѣниво чиркала, и вдругъ, сорвавшись съ короткимъ и рѣзкимъ шумомъ, рассыпалась по землѣ, у просыпаннаго подъ навѣсомъ овса. Я поднялъ камень и бросилъ его въ воробьевъ. Стая слетѣла и съ шумомъ облѣпила хворость, но черезъ минуту снова рассыпалась подъ навѣсомъ. Я снова бросилъ въ нее камень, и

снова воробьи съ шумомъ облѣпили хворостъ, а черезъ минуту разсыпались подь навѣсомъ. Я опять поднялъ камень и затаилъ дыханіе. Охотничья страсть охватила безраздѣльно все мое существо. Я замеръ въ ожиданіи и помню теперь навѣрное, что слышалъ біеніе своего сердца. Въ вискахъ у меня начало стучать и я не помню уже, какъ я прицѣлился и пустилъ камнемъ.

На этотъ разъ одинъ воробей остался на мѣстѣ. Я бросился къ нему съ торжествомъ и принялся разглядывать свою жертву. Старый, темногрудый воробей съ желтымъ клювомъ, изъ котораго сочилась капля крови, лежалъ на моей рукѣ и судорожно дергалъ ногами, борясь со смертью. Одинъ глазъ его былъ открытъ и выржалъ, какъ мнѣ казалось, такой ужасъ страданія, что мнѣ сдѣлалось стыдно и страшно. Я принялся дуть на воробья въ надеждѣ, что онъ оживетъ, и раскачивать его на ладони, но понялъ тутъ же, что это совсѣмъ бесполезно: на моей рукѣ лежалъ теплый еще трупъ воробья, все еще съ открытымъ глазомъ, но совсѣмъ уже неподвижный. Я оглянулся кругомъ. Во дворѣ никого не было. Братъ спалъ на телѣгѣ, отвернувшись отъ меня въ противоположную сторону. Я подошелъ къ плетню, выкопалъ первой попавшейся палкой маленькую ямку и, перекрестившись три раза, бережно закопалъ воробья. Никто не видалъ ни убійства, совершеннаго мною, ни похоронъ, устроенныхъ моею жертвѣ, но на душѣ у меня было все-таки тягостно. Я сдѣлался молчаливымъ, и мнѣ было скучно. Угрюмо сидѣлъ я за чайнымъ столомъ въ домѣ священника, угрюмо и молча собирался въ дальнѣйшій путь, и только когда къ полудню показалась крошечная станція одной изъ степныхъ желѣзныхъ дорогъ, съ миниатюрнымъ, словно игрушечнымъ садикомъ, съ неизбѣжной стриженной акаціей въ немъ и дымящимся въ отдаленіи паровозомъ, я не вытерпѣлъ и прошепталъ брату:

— Знаешь, я вѣдь убилъ сегодня воробья!

Братъ поглядѣлъ на меня съ удивленіемъ, но ничего не отвѣтилъ. На горизонтѣ показался дымокъ поѣзда, который долженъ былъ насъ оторвать отъ всего намъ родного и близкаго и везти насъ въ невѣдомую и потому страшную даль. Что-то ждетъ насъ тамъ, впереди?...

II.

Пансіонъ Шмидта.

Миша Алзаковъ облокотился на подоконникъ и вглядывался въ сумерки наступающаго осенняго вечера.

Газовые фонари еще не были зажжены, съ темной улицы откуда-то снизу доносился грохот извозчичьихъ пролетокъ; казалось, весь Петербургъ потонулъ въ безпросвѣтномъ уныломъ и дождливомъ сумракѣ, и только напротивъ, въ аптекѣ, два красныхъ стеклянныхъ шара свѣтились, какъ два кровавые глаза... Алзаковъ задумался. Поэтому онъ не слышалъ, какъ шумѣли, разговаривая въ той же комнатѣ, товарищи, не слышалъ, какъ его окликнулъ Судовичъ. Тогда Судовичъ тронулъ его за плечо.

— Что тебѣ?—спросилъ Алзаковъ.

— Дай пять рублей.

Алзаковъ попрежнему задумчиво посмотрѣлъ на товарища, досталъ изъ кошелька деньги и заговорилъ укоризненно.

— Знаешь, что я тебѣ скажу. Ты постоянно съ Петровымъ бѣгаешь въ трактиръ, и если объ этомъ узнаетъ нашъ Шмидтъ...

— Очень это ему нужно!—презрительно замѣтилъ Судовичъ. — Сегодня къ нему собираются гости, и онъ цѣлую ночь будетъ пѣть имъ изъ «Фауста» по-французски, а нѣмки сочувственно ахать. Ну, его къ чорту!—заклучилъ онъ весело, отходя отъ окна.

Какъ разъ въ это время прозвенѣлъ колокольчикъ. Надо было идти въ классъ готовить заданные уроки. Въ классъ было сравнительно тихо: шепотъ нѣсколькихъ десятковъ голосовъ умѣрялся взглядомъ м-г Лябуля, чернаго какъ жукъ швейцарца, посаженнаго на кафедре для того, чтобы оставлять безъ объѣда младшихъ воспитанниковъ за излишнюю рѣзвость. А такъ какъ Шмидтъ держалъ одинаково впроголодь всѣхъ своихъ воспитанниковъ, и старшихъ, и младшихъ, то Лябуля всѣ ненавидѣли, какъ орудіе пытки. Теперь это орудіе сидѣло спокойно на кафедрѣ, и въ классъ шелъ тихій разговоръ шепотомъ.

— Ахъ, какая тоска!—сказалъ мнѣ сидѣвшій рядомъ со мною Алзаковъ.—Если бы можно было убѣжать отсюда куда-нибудь, или хоть какъ-нибудь перестать совсѣмъ думать.

— Зачѣмъ же не думать? Давай говорить про деревню,—сказалъ я, зная, что Алзаковъ, какъ и многіе изъ насъ, жилъ дорогами ему воспоминаніями.

— Знаешь, мнѣ кажется, что я очень боленъ,—тихо проговорилъ Алзаковъ.—У меня болитъ грудь, и мнѣ отъ всего больно—и отъ этого сѣраго неба, и отъ нашего Шмидта... Я бы непременно убѣжалъ отсюда, уѣхалъ бы домой, если бы не мама. У насъ теперь хорошо: стоятъ свѣтлые дни, съ поля снопы возятъ, пахнетъ свѣжей соломой, и батюшка теперь нашъ тоже снопы возитъ въ бѣлой рубахѣ, и волосы себѣ заплелъ косичкой, ужасно смѣшной.

Алзаковъ оживился и на его худомъ и блѣдномъ лицѣ показался румянецъ.

— Слушай,— заговорилъ онъ немного помолчавъ,— ты любишь рыбную ловлю?

Я сказалъ, что люблю, и съ опасеніемъ посмотрѣлъ на Лябуля. Лябуль сидѣлъ неподвижно и читалъ книгу, а младшіе воспитанники на переднихъ партахъ были сегодня очень спокойны.

— Ее нельзя не любить, вотъ я тебѣ расскажу,— заговорилъ тихонько Алзаковъ, и было видно, что весь онъ унесся далеко-далеко, въ ту глухую деревушку, откуда привезли его въ пансіонъ Шмидта.— Есть у насъ маленькій горбатый старичокъ изъ бывшихъ крѣпостныхъ садовниковъ. Въ садахъ онъ однако рѣшительно ничего не понимаетъ, но рыболовъ страстный. Зовутъ его Антономъ. Вотъ съ нимъ мы и ходимъ все лѣто. Разбудить онъ меня рано-рано, еще до солнышка, и я бѣгу въ кухню наскоро чай пить. И идемъ мы съ нимъ къ рѣкѣ задами и гумнами только что начинающаго пробуждаться села. Дымъ трубъ столбами стоятъ въ неподвижномъ воздухѣ, кругомъ бѣлѣетъ роса, а Антонъ все торопится, какъ бы не опоздать. Встрѣтится баба, идущая на гумно, поклонится и остановится, чтобы не перейти намъ дорогу.

— Развѣ нельзя бабамъ переходить дорогу?—спрашиваю я.

— Разумѣется, нельзя,— увѣренно отвѣчаетъ Алзаковъ.— Антонъ заругался бы, да и всѣ бабы сами знаютъ, что охотникамъ переходить дороги не надо: удачи не будетъ... А тутъ же сейчасъ за селомъ ольховые кусты, и пойма, и берегъ рѣки. Рѣка вся въ дыму, туманъ стелется по поймѣ, дѣпляется за кусты. Мы страхъ какъ торопимся на свое мѣсто, Антонъ бросаетъ приваду, и мы сидимъ неподвижно. Въ крутыхъ берегахъ начинаютъ просыпаться стрижи, зимородки перелетаютъ надъ рѣкой съ мѣста на мѣсто, около привады по водѣ пошли пузыри: сейчасъ клѣвъ начнется. Лещъ, тотъ тихонько потрогаетъ поплавокъ и потащитъ его въ бокъ, тутъ ужъ зѣвать некогда. И такъ до самаго солнышка, до тѣхъ поръ, покуда оно краснымъ шаромъ не выкатится изъ-за рѣки и не станетъ «въ полдрева», какъ говоритъ Антонъ. Тутъ ужъ всякая рыба перестаетъ клевать, пора и домой, до вечерней зари...

— Ah, diable!— закричалъ вдругъ Лябуль и вслѣдъ затѣмъ поднялась у насъ невообразимая суматоха.

Младшіе воспитанники на переднихъ партахъ кричали, топали ногами, визжали,—это они дѣлали «бенефисъ» Лябулю. Бенефисъ состоялъ въ томъ, что при помощи очень хитрой летательной машины, гдѣ главную роль играла резина, въ задумавшагося Лябуля

былъ пущенъ шаръ, сдѣланный изъ пропускной бумаги и начиненный пескомъ и чернилами. Шаръ этотъ попалъ въ бѣлую грудь рубашки Лябуля и обрызгалъ ему и фракъ и лицо. Теперь бенефициантъ одной рукой размазывалъ по лицу чернила, а другой трепалъ за ухо подвернувшагося ему воспитанника. Остальные неистово кричали, что непременно требовалось бенефисными правилами.

— Господи! За что они его мучать, — прокричалъ мнѣ опять поблѣднѣвшій Алзаковъ.

Шумъ внезапно утихъ, и мы увидѣли на каедрѣ Шмидта. Маленькаго роста, полный, съ рыжими бакенбардами, несмотря на взволнованность, — онъ все-таки многимъ казался смѣшнымъ. Теперь онъ держалъ къ намъ рѣчь. Онъ выражалъ совершенную увѣренность въ томъ, что мы, мальчики благородные, предназначенные исключительно для привилегированныхъ учебныхъ заведеній (совершенно вѣрно! — басомъ замѣтилъ Петровъ). Далѣе онъ выражалъ другую увѣренность, которую мы, впрочемъ, нѣсколько разъ уже слышали раньше, что подобные беспорядки въ его пансіонѣ больше не повторятся, и въ заключеніе лишалъ вечерняго чая съ булкой пятерыхъ воспитанниковъ, извѣстныхъ ему своимъ дурнымъ поведеніемъ. Такимъ образомъ, происшествіе исчерпывалось совершенно, Шмидтъ пошелъ къ гостямъ, а мы попарно направились къ чаю.

— Пойдемте прощенія просить у Лябуля за наказанныхъ, — сказалъ подходя къ намъ Судовичъ.

Мы остановили нашего гувернера у дверей столовой, и Судовичъ обратился къ нему отъ лица старшихъ воспитанниковъ.

— Пожалуйте ихъ, м-г Лябуль. Простите ихъ хотя въ послѣдній разъ, вѣдь они голодные!

Лябуль постоялъ нѣсколько минутъ въ нерѣшительности и, наконецъ, произнесъ:

— Я не сержусь на этихъ дурныхъ дѣтей и прощаю ихъ. Скажите имъ это. Но я бѣденъ, очень бѣденъ, и у меня есть мать, а они испортили мое платье.

Мы бросились сочувственно пожимать ему руки. У Алзакова на глазахъ блестя искрениа слезы.

— А теперь мой будетъ съ удовольствіемъ гулять на трактиръ, — сказалъ вдругъ ломанымъ языкомъ Судовичъ.

Лябуль, не понимавшій ни слова по-русски, поглядѣлъ на него съ недоумѣніемъ и, заподозривъ какую-нибудь злую шутку, отошелъ отъ него въ сторону, пожимая плечами.

Поздно вечеромъ, когда все утихло и мы размѣстились въ дортуарахъ по своимъ койкамъ, ко мнѣ подошелъ Алзаковъ и сказалъ:

— Мнѣ не хочется спать. Я лягу рядомъ съ тобой на пустую постель Судовича. Давай о чемъ-нибудь говорить, а то меня тоска мучить.

— Мнѣ самому не хочется спать. Только зачѣмъ ты такъ тоскуешь?—спросилъ я.

— Я и самъ не знаю,—отвѣтилъ Алзаковъ.—И я здѣсь болѣнъ, и все мнѣ противно. Знаешь, мнѣ кажется иногда, что я скоро умру... Только бы умереть мнѣ хотѣлось въ деревнѣ, а не здѣсь, не въ лазаретѣ у Шмидта. Господи, какая тоска! И чего они всѣ лгутъ здѣсь кругомъ? Вѣдь не можетъ же не знать Шмидтъ, что швейцаръ за сорокъ копеекъ пускаетъ воспитанниковъ по трактирамъ, что намъ голодно съ его бутербродами къ завтраку, что дѣло здѣсь у него не въ ученѣ... И онъ лжетъ, и учителя лгутъ, и мы лжемъ. И нельзя никуда уйти, потому что какъ же быть? Говорять, отъ него легче всего поступить въ учебное заведеніе, откуда онъ приглашаетъ учителей. А я бы и въ это училище ни за что не пошелъ. Учился бы я себѣ гдѣ-нибудь поближе къ дому, а потомъ сталъ бы жить въ деревнѣ. Ребятъ бы крестьянскихъ началъ учить, я вѣдь ихъ всѣхъ до одного знаю. Славно было бы, право!

Наступило молчаніе. Въ плохо освѣщенномъ дортуарѣ пансіона слышно было ровное дыханіе спящихъ, да черезъ площадку лѣстницы, изъ противоположной квартиры, занимаемой нашимъ директоромъ, доносились басовыя рулады. Это Шмидтъ пѣлъ изъ «Фауста» по-французски.

— Есть у насъ на селѣ,—заговорилъ опять, помолчавъ немного Алзаковъ,—есть у насъ на селѣ человекъ одинъ. Онъ изъ бывшихъ дворовыхъ и большой пріятель нашему Антону. Мы съ нимъ иногда по утрамъ чай пьемъ передъ сборами на рыбную ловлю. Господи, чего только не видалъ на вѣку своемъ человекъ этотъ! Онъ самъ рассказывалъ, какъ его свѣгли за какую-то сбѣжавшую собаченку. Просто слушать страшно, морозъ подираетъ по кожѣ. А онъ ничего, живетъ себѣ, веселый такой, никогда не тоскуетъ. Набьетъ свою трубку махоркой, закуритъ, улыбнется и говоритъ мнѣ: «Главная причина—любовь имѣть надо. Всѣ помирать когда-нибудь будемъ. И вы, баринъ, любите, не брезгайте нашимъ братомъ, мужикомъ корявымъ... Я такъ полагаю, что и травку Божію, которая въ полѣ, и птичку лѣсную—всѣхъ любить надо.

Всякое дыханіе да хвалить, — вотъ какъ я полагаю» — и засмѣется. Отъ любви его ему весело, и мнѣ весело, мнѣ всегда весело дома.

Алзаковъ спустилъ ноги съ постели, уронилъ руки на колѣни и глубоко задумался. По лицу его видно было, что воспоминанія о далекой, заброшенной въ глухой степи деревушкѣ, той деревушкѣ, гдѣ все ему мило, отъ старенькой церкви съ покосившейся колокольней до коряваго ивоваго куста на берегу рѣчного затона — проходятъ теперь передъ нимъ одно за другимъ. Не даромъ же онъ подходилъ ко мнѣ постоянно, чтобы подѣлиться впечатлѣніями изъ русской хрестоматіи: вотъ это описано совсѣмъ какъ у насъ, вотъ этотъ куликъ, про котораго рассказываетъ Аксаковъ, у насъ по берегу рѣчки теперь бѣгаетъ и посвистываетъ и т. д. Да и не одинъ онъ тогда, конечно, изъ собранныхъ въ пансіонѣ Шмидта подростковъ, жилъ роднымъ прошлымъ, а не чуждымъ для насъ настоящимъ. Нѣсколько минутъ мы молчали, потомъ Алзаковъ досталъ изъ кармана пиджака смятые листочки бумаги и заговорилъ снова:

— Я знаю, что ты мнѣ другъ. У меня не будетъ отъ тебя никакихъ секретовъ. Только ты дай мнѣ честное слово никогда ни въ чемъ не проговориться товарищамъ. Ты по крайней мѣрѣ поймешь, — могу ли я жить для себя, могу ли я вырваться отсюда и убѣжать, ты узнаешь, — можетъ ли мнѣ быть весело. Вотъ слушай, я тебѣ прочту, что пишетъ мнѣ мама.

Я привсталъ на постели, облокотившись на столикъ, и Алзаковъ въ тускломъ освѣщеніи нашей спальни началъ читать, разбирая иногда слово за словомъ:

«Милый и дорогой мой мальчикъ Миша! Я давно не послала на почту, вотъ уже почти съ недѣлю, и потому давно не имѣю о тебѣ вѣсточки. Я знаю, что ты обо мнѣ помнишь, мой дорогой мальчикъ, знаю, что мой посланный, навѣрное, привезетъ твое письмо, но я все-таки тоскую и иногда ропщу, — хоть это большой грѣхъ, — на нашу разлуку и на то, что я не могу каждый день посылать на почту. Что дѣлать! Ты самъ знаешь, что до почты тридцать верстъ, а время теперь стоитъ рабочее, и всѣ люди и лошади нужны дома. Я не могу тебѣ написать ничего хорошаго и утѣшительнаго относительно нашихъ домашнихъ дѣлъ. Теперь идетъ уборка съ полей, но ты знаешь, что еще и лѣтомъ были плохіе виды на урожай, и я не знаю, какъ Богъ намъ поможетъ прожить, а въ банкъ въ этомъ году совсѣмъ нечѣмъ будетъ платить. Ржи становится по четыре, по пяти, иногда и по три телѣги съ деся-

тины, яровые хлѣба всё погорѣли и дай Богъ, чтобы воротили съмена. Но отчаяваться никогда не нужно: Богъ беретъ то, что Онъ же даетъ. Я знаю, милый Миша, твой благородный, но увлекающійся характеръ, отъ котораго тебѣ бываетъ иногда скучно учить латинскую грамматику. Что дѣлать! Переломи себя, помни, что у меня на старости ты остаешься единственной надеждой, такъ же какъ и для сестры, которую неизвѣстно еще, выболотируютъ ли въ институтъ. Слава Богу, что ты по рожденію своему имѣешь право на такое учебное заведеніе, которое при протекціи даетъ варьеру, но и безъ протекціи не заставитъ тебя искать куска хлѣба. Ради Бога, не увлекайся ничѣмъ, милый мой мальчикъ, сдерживай себя всегда и во всемъ, помни, что отъ твоего благоразумія зависитъ спокойствіе любящихъ тебя людей. Главное же, дорогой Миша, береги себя, помни, что здоровье у тебя слабое. Напиши мнѣ, пожалуйста, но напиши правду, продолжаетъ ли у тебя иногда побаливать грудь? Я сегодня же напишу м-г Шмидту, чтобы онъ посоветовался относительно тебя съ петербургскими докторами. Теперь, когда я пишу тебѣ это письмо, твой любимецъ Антонъ проситъ меня написать, что онъ тебѣ очень кланяется и цѣлуетъ руку и еще пристаётъ съ разными глупостями своими: проситъ написать, что начали ловиться окуни, которыхъ онъ, правда, приноситъ много. Сестра твоя и няня тебя цѣлуютъ, батюшка нашъ, отецъ Николай, тоже тебѣ велѣлъ очень кланяться. Будь здоровъ, дорогой мой и милый мальчикъ. Не подумай, чтобы я хотѣла надѣдать тебѣ правоченіями, но, зная твой живой характеръ, я не могу не повторить тебѣ, что отъ твоего терпѣнія будетъ зависѣть и твое благосостояніе, и благосостояніе твоихъ близкихъ. Думай объ этомъ почаще, какъ я думаю здѣсь о тебѣ каждую минуту. Будь здоровъ, милый Миша, пиши мнѣ какъ только возможно тебѣ будетъ; пусть благословитъ тебя Заступница наша Богородица, которой я молюсь за тебя каждый день. Молись Ей и ты, не забывай Бога и искренно тебя любящую и благословляющую мать Н. Алзакову».

— Вотъ видишь, — заговорилъ нервно Алзаковъ, поспѣшно пряча листочки письма въ карманъ пиджака, лежавшаго рядомъ на стулѣ, — вотъ видишь! Ты теперь все знаешь. Приходится думать о дурномъ, подлаживаться къ этому дурному, потому что отъ этого все зависитъ. Все — ученье, и Шмидтъ, и эта страшная тоска — ради куска хлѣба, ради какого-то, — я ужъ и самъ не знаю какого, — мѣста. Эта мысль, кажется, когда-нибудь меня окончательно замучитъ.

— Ба, ба, ба! Соколы съ мѣста, ворона на мѣсто! — сказалъ, подходя къ намъ, Судовичъ и грузно опустился на кровать рядомъ со мной.

Онъ имѣлъ очень усталый видъ, и было видно, что онъ выпилъ и былъ теперь на-веселѣ. Онъ сидѣлъ на кровати, помахивая рукой и растерянно улыбаясь и вдругъ началъ говорить жалобнымъ тономъ:

— Вѣдь это, наконецъ, чортъ знаетъ что такое! Швейцару я теперь долженъ болѣе двадцати рублей, въ ресторанахъ что-то очень порядочно. Тамъ такая книга есть, — «Книга живота» называется, — такъ вотъ по этой книгѣ... А мой фатеръ не ѣдетъ, предводительствомъ занять. Хотѣлъ бы я знать, какъ это предводительствуютъ, — вотъ какъ у Купера, что ли, — предводитель Гуроновъ, наприимѣръ. Это я понимаю. А впрочемъ, теперь стоитъ осень, трудно и отъ охоты уѣхать. Если бы вы, господа, знали, какія у моего фатера гончія... Лучше всякой оперы итальянской. Въ особенности выжловка одна...

Судовичъ замолчалъ и вновь принялся размахивать рукой и растерянно улыбаться. Ни я, ни Алзаковъ ему ничего не отвѣтили. Алзаковъ собиралъ свое платье, намѣреваясь уйти на свою койку.

— То-то вотъ оно и есть! — задумчиво, растягивая слова, проговорилъ Судовичъ, отвѣчая себѣ на свои мысли. — Хорошо играть Петровъ на билліардѣ, и славный изъ него гусаръ выйдетъ, — хор-р-р-ошій товарищъ. А вы здѣсь, господа, небось, поэзіей и философіей занимались? И любите же вы ныть, господа! И какая вамъ философія, чтобы жить? Во-первыхъ, надо имѣть средства, а во-вторыхъ — положеніе, чинъ, безъ этого невозможно, — position sociale, — вотъ и все. А безъ этого что-жь? Конечно, бываютъ люди хорошіе вездѣ, но вѣдь мы говоримъ про общество, — что-жь такое безъ средствъ, безъ положенія — un homme declassé, что-жь... вѣрно?

Le veau d'or est toujours debout!

донесли къ намъ въ эту минуту басовыя ругады Шмидта, пѣвшаго изъ «Фауста» по-французски. Точно онъ словами мефистофельской бравады хотѣлъ подтвердить для насъ только что сказанное Судовичемъ.

— Экъ его, нѣмецъ оретъ! И хотѣлъ бы я знать, почему именно по-французски? — все еще продолжая растерянно улыбаться, говорилъ Судовичъ, ложась въ постель и кутаясь одѣяломъ.

Алзаковъ молча отошелъ отъ насъ, но не сразу пошелъ на свое

мѣсто. Онъ подошелъ къ окну, легъ грудью на подоконникъ и о чемъ-то задумался. Миѣ показалось, что ему, должно быть, невыносимо тяжело. Поэтому я надѣлъ туфли и подошелъ къ нему. Онъ не оглядывался. Я положилъ ему на плечо руку. Онъ вдругъ зарыдалъ, глотая слезы, глухими, сдержанными рыданіями.

— Миша! Родной мой, голубчикъ, не плачь, вѣдь не стоить! — шепталъ я, обнимая его.

Бругомъ насъ все было безмолвно. Судовичъ уже спалъ; басовыя рулады не доносились теперь изъ квартиры директора. Въ окно на насъ глядѣла ненастная, безпріютная, чужая намъ петербургская ночь, да противоположная аптека свѣтилась своими кровавыми глазами...

Вл. Ладименскій.

БРАТЬЯ).

Новелла Элизы Ожешковой.

II.

Въ тотъ же самый часъ, въ которомъ Горничіи вчера обѣдали въ атмосферѣ, отравленной кислотой и уныніемъ, за тѣмъ же самымъ столомъ сегодня слышались веселые и оживленные голоса. Зенонъ Горничъ могъ бы найти въ этомъ тему для размышленія надъ элементомъ жизни, который всегда наиболѣе поражалъ его умъ, именно надъ измѣнчивостью всего въ жизни. Но теперь онъ не размышлялъ ни о чемъ, потому что всѣ его внутреннія движенія слились только въ одну радость и нѣжность, всѣ чувства—въ одно только чувство зрѣнія, да и при его помощи онъ не видалъ никого, кромѣ брата. Онъ только что привезъ его со станціи желѣзной дороги и почти прямо изъ брички повелъ къ столу. Онъ рѣшительно не хотѣлъ слушать протестовъ Виктора, не желавшаго показаться дамамъ въ дорожной и запыленной одеждѣ, громко и добродушно смѣялся и утверждалъ, что его жена и свояченица не дамы, а женщины, да вдобавокъ еще деревенскія, не знакомыя со свѣтскимъ этикетомъ.

— Но я еще не имѣю удовольствія знать твоей жены и свояченицы, а показываться имъ въ первый разъ въ такомъ неавантажномъ видѣ...

Онъ не окончилъ своихъ словъ. Его почти насильно втащили въ комнату, гдѣ онъ очутился въ присутствіи Сабины, донельзя перепуганной, и Розалии, серьезной, но предупредительной. Анелька и Казя, принаряженные ради пріѣзда дяди, стояли за матерью и теткой. Викторъ поцѣловалъ руку у обѣихъ женщинъ и выразилъ

*) *Русская Мысль*, кн. VII, 1899 г.

радость по поводу знакомства съ ними, ласково обнялъ дѣтей, заглянулъ въ испуганные и перебѣгающіе съ предмета на предметъ глаза Сабины и сказалъ еще нѣсколько ловкихъ и милыхъ любезностей. Потомъ всё сѣли за столъ.

Всякому, незнакому съ обоими братьями, должно было казаться невѣроятнымъ, чтобы Викторъ былъ старше Зенона. Это былъ шатень, средняго роста, съ легкимъ зачаткомъ толщины, но съ молодыми и эластическими движеніями. Лобъ у него былъ бѣлый и открытый, усы элегантно закрученные надъ выдающимися губами и прекрасные сѣрые глаза, веселые и оживленные. Говорилъ онъ легко и плавно, а по его манерѣ вести себя можно было заключить, что это человѣкъ дѣловой, ловкій, который сумѣетъ найтись при всякихъ обстоятельствахъ. Платье, въ которомъ онъ не хотѣлъ показываться дамамъ, дѣйствительно, немного запылившееся въ дорогѣ, поражало изяществомъ покроя и высокимъ достоинствомъ матеріала. Настолько же поразителенъ былъ и звукъ его голоса, полный мягкости и симпатичнаго тепла, которыя также отражались въ его взглядѣ и улыбкѣ.

Усѣвшись за столъ, онъ повязалъ вокругъ шеи салфетку и съ аппетитомъ ѣлъ супъ, который превосходно удался Маріаннѣ. Рассказъ Виктора о различныхъ приключеніяхъ во время его длинной дороги былъ такъ интересенъ и забавенъ, что даже Сабина перестала бояться незнакомаго человѣка и тревожиться за достоинство подаваемыхъ блюдъ и съ удовольствіемъ слушала его. Зенонъ навивно и совершенно по-дѣтски раздражался громкимъ смѣхомъ при всякомъ, сколько-нибудь остроумномъ словѣ брата, но чрезвычайно важная особенность, что хотя онъ смѣялся искренно, громко, глаза его въ глубинѣ оставались грустными. Онъ подливалъ гостю пиво и вино, которое сегодня поспѣшно выписалъ изъ города, угощалъ разными кушаньями, наклонялся къ нему и просто глядѣлъ ему въ глаза. Викторъ почти не обращалъ вниманія на порывистую, страстную ласковость брата. Онъ ѣлъ много, пилъ мало, разговаривалъ, смѣялся, больше всего смотрѣлъ на Розалію и чаще всего обращался къ ней съ рѣчью. Она также, главнымъ образомъ, поддерживала бесѣду съ гостемъ, потому что Сабина, вообще немногорѣчивая, въ присутствіи незнакомаго человѣка умолкала, какъ рыба. Зенонъ былъ безцѣльно взволнованъ, чтобы затѣять какой-нибудь серьезный разговоръ. Павелекъ, сегодня также сидящій за столомъ, былъ заинтересованъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и смущенъ дѣти, понятно, молчали и смотрѣли на незнакомаго дядю, какъ на святую икону. Розалія одна оставалась спокойной и самоуверенной.

ной; она задавала гостю вопросы, которыми ловко подстрегала его остроуміе, на его вопросы отвѣчала ловко и свободно, при угощеніи исправляла неловкости испуганной сестры и взволнованнаго зятя. Въ черномъ платьѣ, съ черными волосами, причесанными просто, но изящно, со стройнымъ станомъ и правильными чертами лица, она казалась олицетвореніемъ женской прелести уже отцвѣтающей, но еще завлекательной. Викторъ присматривался къ ней незамѣтно, но съ интересомъ. Потомъ взглядъ его переходилъ на невѣстку, на брата, и въ глазахъ его пробѣгало выраженіе не то удивленія, не то легкой насмѣшки. Разговоръ вертѣлся вокругъ путешествія, которое долженъ былъ совершить Викторъ, и вокругъ путешествій вообще. Розалія сегодня была ясна и любезна со всѣми, за исключеніемъ Павелка, съ которымъ даже не поздоровалась и сдѣлала видъ, что не замѣчаетъ его. И только въ половинѣ обѣда она метнула въ его сторону ироническій взглядъ и съ такимъ же ироническимъ смѣхомъ сказала гостю:

— А между нами есть кто-то, кто также собирается ѣхать за золотымъ руномъ!

Викторъ посмотрѣлъ на мальчика, который покраснѣлъ, какъ піонъ, и съ видимымъ неудовольствіемъ опустилъ глаза. Онъ еще ничего не говорилъ своему хозяину и благодѣтелю о своихъ намѣреніяхъ, и публичное заявленіе о нихъ ставило его въ затруднительное положеніе. Зенонъ Горничъ тотчасъ же понялъ это и, несмотря на обиду, которую нанесъ ему воспитанникъ, почувствовалъ къ нему сожалѣніе. Зачѣмъ его такъ конфузить? Бесѣда, которая произойдетъ между ними, должна происходить съ глазу на глазъ. И для того, чтобы вывести Павелка изъ непріятнаго положенія, онъ тотчасъ же громко и подробно началъ рассказывать брату о Гуркевичѣ, о сущности и выгодахъ мѣста, которое онъ получилъ и ради котораго покидаетъ здѣшнія страны, объ его пристрастіи къ агрономіи и широкому хозяйству, о томъ, что это именно побуждаетъ его къ отъѣзду больше, чѣмъ матеріальныя выгоды. Розалія поддакивала словамъ зятя. Гуркевича она считала человѣкомъ очень развитымъ и образованнымъ. Такой человѣкъ всюду можетъ сдѣлать много для себя и для другихъ. Викторъ, которому братъ представилъ Павелка, какъ своего воспитанника и помощника, ласково посмотрѣлъ на молодого человѣка и спросилъ:

— Ваше предполагаемое путешествіе стоитъ въ связи съ отъѣздомъ пана Гуркевича?

Вмѣсто Павелка отвѣтила Розалія:

— Да, панъ Павелъ также ѣдетъ дѣлать карьеру. Это намѣреніе созрѣло у него уже два мѣсяца, а мой зять и мы узнали объ этомъ только вчера, да и то со стороны. Но тутъ удивляться нечему, потому что, во-первыхъ, какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ...

— Вы отлично примѣняете пословицы! — засмѣялся Викторъ.

Розалія докончила:

— А во-вторыхъ, куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней.

Она говорила это свободно, весело, такъ, какъ будто ей и въ голову не приходило уязвить кого-нибудь этими словами. Тѣмъ не менѣе, Павелекъ имѣлъ видъ человѣка, подвергающагося пыткамъ. Зенонъ Горничъ возмутился за него и важно сказалъ:

— Что касается коней и раковъ, то никогда нельзя утверждать съ полною увѣренностью, кто конь и кто ракъ. Тайнственность же можно объяснить только раздумьемъ и колебаніемъ будущаго путешественника.

При послѣднихъ словахъ онъ съ дружелюбной шуткой подмигнулъ Павелку, который не спускалъ съ него удивленныхъ и восторженныхъ глазъ. Викторъ обратился къ молодому человѣку съ такой же дружеской фамиллярностью, сквозь которую просвѣчивала симпатія.

— Я привѣтствую вашу предприимчивость и энергію. Очень хорошо, очень удачно вы попали на выгодное мѣсто и возможность работать подъ началомъ такого предприимчиваго и энергичнаго человѣка, какимъ, насколько я могу судить, долженъ быть панъ Гуркевичъ. Прежде всего, энергія и предприимчивость! Нужно всегда обезпечивать себѣ будущность.

— Но, — вставилъ Зенонъ, — обезпеченіе будущности не зависитъ исключительно отъ болѣе или менѣе выгоднаго мѣста и большихъ доходовъ.

— А отъ чего же больше? — спросилъ Викторъ.

Зенонъ, съ отбѣнкомъ удивленія въ голосъ, отвѣтилъ:

— Да вѣдь передъ молодымъ человѣкомъ открывается будущность двоякаго сорта, — матеріальная и моральная.

Викторъ засмѣялся и поспѣшилъ согласиться.

— Конечно, само собою разумѣется, объ этомъ и говорить не стоить! Пятая заповѣдь: не убій! шестая: не укради!

Зенонъ также поспѣшно прервалъ его:

— Это ужъ чѣрезчуръ элементарно! Понятно, что говорить

нравственности, за отступление от которой караетъ уголовный кодексъ, говорить не стоить. Но и за нея предѣлами лежитъ очень широкое поле обязанностей и добродѣтелей.

Викторъ съ минуту посмотрѣлъ на брата, подумалъ и отвѣтилъ:

— Да, есть, несомнѣнно есть, — не знаю, такое ли широкое, какъ говоришь ты, но есть. Но по немъ ходить только сестры милосердія и другіе агнцы изъ Божьяго стада. Ну, и пусть себѣ ходить на здоровье! Для насъ же, мірскихъ возлищъ, предприимчивость, практичность, энергія — прежде всего! Конечно, не разбойничать по дорогамъ, не врать, не поддѣлывать векселя, потому что на семь свѣтѣ за это можно попасть въ острогъ, а на томъ, какъ говорить богословы, еще въ худшее учрежденіе...

Онъ закончилъ смѣясь, потомъ сдѣлался серьезнымъ.

— А propos de острогъ, — вы слышали что-нибудь о громкомъ финансовомъ скандалѣ и возникшемъ отсюда процессѣ, который разбирался на дняхъ?

А такъ какъ жители Заполянки ничего объ этомъ дѣлѣ не слышали и только мелькомъ знали его по газетамъ, то Викторъ началъ излагать его обширно и съ подробностями. Это была одна изъ финансовыхъ плутней на широкую ногу, съ послѣднимъ актомъ, разыграннымъ въ судебной залѣ. Когда онъ окончилъ, Зенонъ воскликнулъ:

— Вотъ видишь, Викторъ, до чего иногда доводятъ предприимчивость и энергія, проводимыя въ жизнь съ исключеніемъ тѣхъ добродѣтелей, по пути которыхъ ходятъ сестры милосердія и другіе агнцы изъ Божьяго стада!

Викторъ посмотрѣлъ на брата недоумѣвающими глазами.

— Какую же связь одно имѣетъ съ другимъ? За то, что нѣсколько мошенниковъ разворовало банкъ, я не имѣлъ бы права нажить себѣ состояніе честнымъ путемъ?

— Права этого никто у тебя не отнимаетъ, только очень трудно набивать сундукъ, не опоражняя сердца.

Викторъ слушалъ внимательно, но слова брата разсмѣшили его.

— Что? не опоражняя сердца? — воскликнулъ онъ, смѣясь, — да совсѣмъ напротивъ, дорогой мой, совсѣмъ напротивъ! Только тогда, когда сундукъ полонъ, сердце и можно наполнять... разными хорошими вещами.

— Я не знаю, о какихъ хорошихъ вещахъ ты говоришь, — со смущеніемъ вставилъ Зенонъ.

— Всякаго рода, дорогой мой, всякаго рода: о развлеченіяхъ, удовольствіяхъ, весельѣ, а въ особенности... въ особенности—о лучшей изъ всѣхъ вещей—о любви. Только съ полнымъ сундукомъ можно доставлять себѣ всѣ эти излишества, въ особенности послѣднее, потому что оно дороже всѣхъ остальныхъ...

Говоря о любви, онъ бросилъ взглядъ на Розалію, которая шутливо замѣтила:

— Мой зять, вообще, врагъ всякихъ излишествъ...

Викторъ повернулся къ брату и заглянулъ ему прямо въ лицо.

— Что? Ты врагъ излишествъ? Эхсъ-артистъ? Не вѣрю! А что ты выдѣлывалъ въ Мюнхенѣ, помнишь? Но объ этомъ говорить неудобно...

Онъ игриво посмотрѣлъ на Сабину, которая страшно переконфузилась. Зенонъ слегка омрачился, но, усиливаясь, подладиться подъ тонъ брата, также шутливо отвѣтилъ:

— Былъ молодцу не укоръ. Это старая исторія, а я уже съ давнихъ поръ...

— Ты уже съ давнихъ поръ сдѣлался трапистомъ! ха, ха, ха! Онъ, смѣясь, обнялъ брата и поцѣловалъ его въ обѣ щеки.

Обѣдъ былъ уже конченъ, но Сабина, какъ это съ ней всегда бывало при гостяхъ, забыла подать знакъ, что пора вставать изъ-за стола. Ея голова была такъ набита тѣмъ, что гость ѣлъ и будетъ ѣсть, оживленная бесѣда такъ перепутала ея мысли, что она просидѣла бы за столомъ до вечера, еслибъ ее не выручила Розалія. Она обмѣнялась съ сестрой знакомъ и встала со стула.

Въ гостиной, комнатѣ довольно большой, съ низкимъ потолкомъ и старомодною мебелью, Викторъ схватилъ пробѣгавшую мимо него Анельку и началъ распрашивать ее объ играхъ и занятіяхъ, причемъ незамѣтно оцѣнивалъ подробности наружности подростка, который унаслѣдовалъ отъ матери круглое, розовое личико.

— Пойдемъ пройдемся, Викторъ, — предложилъ Зенонъ, — воображаю, какъ тебѣ хочется вновь увидеть занеманское небо и землю. Послѣ восемнадцати лѣтъ...

— Конечно, конечно! — скоро согласился гость, но тотчасъ же обратился къ дамамъ:

— Конечно, и вы не лишите насъ своего общества?

Онъ говорилъ во множественномъ числѣ, но смотрѣлъ только на одну Розалію. Сабина сдѣлала безпокойное движеніе и залепетала что-то о недостаткѣ времени и необходимости остаться дома. А Розалія улыбнулась и отвѣтила:

— Мы не хотѣли бы своимъ присутствіемъ мѣшать вашей интимной бесѣдѣ. Вы такъ долго не видались другъ съ другомъ.

— Но, Боже мой!— воскликнулъ гость, — у насъ нѣтъ тайнъ, которыя мы должны были бы скрывать отъ кого-нибудь. Вѣдь мы не нѣжные любовники. Правда, мой милый трапистъ?

Онъ снова обнялъ Зенона и потрепалъ его по плечу. Розалія тѣмъ не менѣе рѣшительно отказалась принимать участіе въ прогулкѣ, и братья вдвоемъ пошли въ садъ.

Этотъ садъ былъ дѣломъ рукъ, утѣхою и гордостью Зенона, и онъ прежде всего хотѣлъ показать его брату. Тамъ были старыя аллеи, полныя воспоминаній о ихъ младенческихъ лѣтахъ, но живописныя группы, прекрасныя газоны, фруктовый садъ — все это для Виктора будетъ самымъ лучшимъ сюрпризомъ, который, вѣроятно, доставитъ ему много удовольствія. Всякому пріятно видѣть родное гнѣздо въ такомъ порядкѣ, приукрашенное и обогащенное. Зенонъ молчалъ и блестящими глазами отыскивалъ на лицѣ брата первыя проявленія удивленія и волненія. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ крыльца, Викторъ повернулся къ нему и сказалъ въ полголоса:

— Твоя свояченица, хотя и не первой молодости, еще очень интересна. Она должно быть была капитально красива, да и теперь еще, ого! въ глазахъ сидятъ чертенята! Притомъ и разговоръ умѣетъ вести. Что ты скажешь на это?

Онъ плутовато улыбнулся и заглянулъ брату въ глаза. Для Зенона такое начало разговора было совершенной неожиданностью. Онъ могъ только пробормотать:

— Да, это правда! Розалія была очень красива, и умѣетъ говорить.

— Что ты такъ равнодушно говоришь о ней? Ну, признайся, что, живя съ такой женщиной подъ одной кровлей, цѣлый день вмѣстѣ... въ деревнѣ... Не можетъ быть, чтобъ между вами не было чего-нибудь...

Зенонъ остановился, какъ вкопанный, и широко раскрылъ глаза.

— Что? между мною и Розаліей?— проговорилъ онъ, когда прошло его остоленіе. — Да вѣдь она сестра моей жены.

— Ну, да, да, конечно, — не переставалъ улыбаться Викторъ, — но на свѣтѣ бываютъ разныя вещи. Случаются и такія... да, и такія ли еще! Я думалъ, что ты остался прежнимъ Зенономъ, полнымъ фантазіи и слегка сумасброднымъ.

Зенонъ уже оправился отъ удивленія и заговорилъ спокойно:

— Жизнь—лучшій докторъ отъ фантазій и сумасбродствъ. Но, и въ то время, о которомъ ты говоришь, я хотя и былъ сумасброднымъ, но не испытывалъ влеченія къ вещамъ, омерзительнымъ физически или морально... А то, что ты предполагаешь, было бы омерзительнымъ со всѣхъ точекъ зрѣнія.

— Конечно, конечно,—подтвердилъ Викторъ,— но бываютъ искушенія, противъ которыхъ иногда и самый добродѣтельный человѣкъ устоять не можетъ.

— Могу тебя завѣрить, что въ данномъ случаѣ я даже не испытывалъ никакихъ искушеній. Розалія не принадлежитъ къ числу излюбленныхъ мною женскихъ типовъ...

Онъ старался говорить шутливымъ тономъ, но въ глубинѣ души съ невыразимымъ отвращеніемъ думалъ:

— О чемъ же это мы разговариваемъ!

Виктора же видимо этотъ разговоръ интересовалъ.

— Не принадлежитъ къ числу излюбленныхъ тобою типовъ,—повторилъ онъ.—А каковъ же твой излюбленный типъ? Ага, блондинки! Твоя жена блондинка? Очень милая женщина. Только та мнѣ кажется флегматичной. Должно быть у нея страшно флегматическій темпераментъ. Съ блондинками всегда бываетъ такъ: или огонь, или вода. Однако, вспомни, что твой мюнхенскій идеалъ, по которому ты такъ безумствовалъ, и который такъ позорно тебя одурачилъ, была совершенною брюнеткой. Правда, а?

— Я ужъ не помню,—тихо отвѣтилъ Зенонъ, а его назойливая мысль становилась еще болѣе противною: «О чемъ же это мы разговариваемъ!» Онъ остановился и, широкимъ жестомъ указывая брату на окружающее пространство, сказалъ:

— Посмотри же, Викторъ! Посмотри хоть минуту, на дѣло рукъ моихъ.

Они прошли уже мимо Старыхъ аллей и влумбъ изъ красивыхъ густарниковъ. На Виктора онъ не произвели никакого впечатлѣнія. Онъ можетъ быть и произвели бы, еслибъ онъ смотрѣлъ на нихъ, но онъ весь былъ занятъ разговоромъ съ братомъ. Теперь они находились въ центрѣ довольно большого фруктоваго сада. Тамъ еще много было деревьевъ, вѣтви которыхъ сгибались подъ тяжестью ягодъ, красивыхъ, какъ рубины, золотистыхъ грушъ и фіолетовыхъ сливъ. Зенонъ, сіяющій сердечною радостью, говорилъ:

— Съ той минуты, когда я получилъ твое письмо, я все мечталъ о томъ, какъ я тебѣ покажу мой садъ. Вещь небольшая, но настолько родная мнѣ! Помнишь, какъ восемнадцать лѣтъ назадъ все

это было запущено! У бѣднаго отца въ послѣднее время уже не было ни энергіи, ни охоты ухаживать за землею. А за землею, дорогой мой, нужно не только смотрѣть, но и ухаживать, какъ за матерью, чтобъ поддерживать ея силы, какъ за ребенкомъ, чтобъ онъ набирался силъ, и, если хочешь, какъ за сестрою, чтобъ она становилась красивѣй съ каждою минутой. Ибо землею, милый мой, можно сдѣлать не только урожайной, но и прекрасной, и она можетъ быть не только кормилицей, но и утѣшительницей. Помнишь этотъ кусокъ земли, какъ онъ весь былъ заваленъ сушнякомъ и насколько заросъ бурьяномъ. Тогда онъ былъ не только бесполезнымъ, но и отвратительнымъ, унылымъ. А теперь что? Здѣсь сѣялъ и сажалъ все я, съ помощью двухъ подростковъ, потому что на наемъ большого числа у меня не было денегъ. Я ничего не понималъ въ садоводствѣ, нужно было научиться. Я зачитывался садоводческими книгами, прибѣгалъ за совѣтами къ опытнымъ сосѣдямъ. Ну, я и сдѣлалъ кое-что, кое-что у меня есть. Посмотри только. Съ одной стороны это приноситъ значительную пользу, а съ другой—сколько здѣсь красокъ, линий, бликовъ, полутоновъ, полутѣней! Это—картина, и я, вмѣсто того, чтобы рисовать ее на полотнѣ, нарисовалъ на землѣ, которая породила меня на свѣтъ. Я, какъ могъ, отблагодарилъ ее за жизнь...

По мѣрѣ того, какъ Зенонъ говорилъ, съ нимъ происходила кабая-то метаморфоза. Спина его распрямилась, морщины совершенно исчезли съ его лица, глаза засверкали юношескимъ энтузіазмомъ.

Викторъ разсматривалъ роскошный садъ и, когда Зенонъ замолкъ, сказалъ:

— Да, да, очень хорошъ. Сколько даетъ доходу?

Зенонъ назвалъ довольно значительную цифру и, утопая въ довольствѣ, взялъ брата подъ руку.

— Но ты не замѣтилъ моихъ боскервовъ и цвѣтныхъ ковровъ. Хотя теперь уже время позднее, но они все еще хороши, даже можетъ быть лучше, чѣмъ въ другую пору года. У насъ осень—дивная! Поди, посмотри, какіе у меня великолѣпные сумахи. Я сажалъ ихъ вмѣстѣ съ серебристыми ивами, и теперь получился удивительный эффектъ: на кровавомъ фонѣ потоки расплавленного серебра!

По дорожкамъ, пробѣгающимъ вдоль фруктовыхъ деревьевъ, онъ провелъ брата въ ту часть сада, на которую онъ раньше не обратилъ вниманія. Викторъ шелъ охотно и весело болталъ:

— Ты всегда былъ и останешься поэтомъ. О садѣ ты гово-

ришь словно о любвицѣ. Но я не удивляюсь этому. Свой трудъ всякому миль. Вотъ и у меня теперь дѣло, къ которому я рвусь всею душой. Представь себѣ, дѣло идетъ о перемѣнѣ системы огромной отрасли производства. Ты понимаешь ли хоть немного, что такое значить винокурный механизмъ? Нѣтъ? Ну, слушай, я сейчасъ объясню тебѣ, въ чемъ дѣло.

И онъ началъ объяснять. Онъ говорилъ о назначеніи различныхъ машинъ и аппаратовъ, о металлахъ, изъ которыхъ они дѣлаются, о приѣмахъ, энергіи и размѣрахъ энергіи, съ которыми вліяютъ на обрабатываемый матеріалъ различныя силы природы: вода, паръ, теплота, треніе и т. п. Это была цѣлая лекція механики, со множествомъ комментарій, почерпнутыхъ изъ физики, химіи и минералогіи. Говоря обо всемъ этомъ, Викторъ Горничъ преобразовывался въ челоуѣка серьезнаго, и не только серьезнаго, но и преисполненнаго знаніями и энтузіазмомъ. Было видно, что онъ хорошо знакомъ съ предметомъ, о которомъ говоритъ, и относится къ нему съ большою любовью. Говорилъ онъ легко, не переставая ни на минуту, такъ, что въ его рѣчь нельзя было вставить ни одного слова. Но Зенонъ и не думалъ прерывать его, потому что въ этомъ потокѣ словъ и техническихъ терминовъ большая часть оставалась для него непонятной, а то, что онъ понималъ, не складывалось въ его умѣ въ опредѣленную форму. Конечно, механику онъ не изучалъ никогда и понятія о ней имѣлъ самыя элементарныя. Только одинъ разъ онъ подумалъ: «Какой онъ странный! Вѣдь долженъ же онъ знать, что никто, безъ долгой подготовки, никто не можетъ ни понимать такихъ вещей, ни разговаривать о нихъ!» Но Викторъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на отчаянную некомпетентность своего слушателя. Съ жаромъ челоуѣка, который попалъ на свою любимую тему, онъ все говорилъ и говорилъ о системахъ винокурной фабрикаціи, такихъ, какими онѣ были, какими есть теперь, какими будутъ и должны быть въ разныхъ европейскихъ государствахъ. Говоря, онъ не выпускалъ руки брата и прохаживался съ нимъ по старымъ аллеямъ, полнымъ воспоминаній объ ихъ младенческихъ лѣтахъ, мимо клумбъ, составляющихъ радость и гордость ихъ творца, не обращая вниманія ни на что окружающее. Зенону начало надоѣдать это бессмысленное блужданіе изъ аллеи въ аллею, съ дорожки на дорожку, и рѣчь о вещахъ, почти непонятныхъ для него. Въ первый разъ онъ прервалъ брата:

— Сядемъ. Ты можешь говорить, а я сидя могу слушать такъ же хорошо, какъ и стоя.

Понятное дѣло, они ходили только для того, чтобъ вмѣстѣ любоваться великолѣпнымъ садомъ, а коли они не любятъся имъ... Притомъ, скамья, на которую Зенонъ усадилъ брата, стояла на такомъ прелестномъ и живописномъ мѣстѣ, что Викторъ хотъ теперь-то обратитъ на него вниманіе и перестанетъ говорить о своихъ машинахъ. Тамъ-то именно росли знаменитые сумахи и серебряныя ивы, на газонахъ цвѣли большіе кусты лиловыхъ и бѣло-снѣжныхъ флоксовъ, а просѣка, нарочно продѣланная между деревьями, открывала видъ на лугъ, залитый золотистыми лучами заходящаго солнца. Взглядъ Виктора случайно упалъ на этотъ лугъ.

— А!—воскликнулъ онъ,—это тотъ самый лужокъ, по которому мы бѣгали босикомъ по росѣ, когда были ребятами. Но это можно было продѣлывать только лѣтомъ, весной и осенью тамъ была тѣнь. Какъ теперь хорошо, можно осушать даже самыя большія болота! Ты знаешь, какимъ способомъ осушена почти половина полѣсскихъ болотъ?

Какъ прежде о винокуренной фабрикаціи, такъ теперь онъ распространился объ осушеніи болотъ, причемъ въ его разсказѣ огромную роль играла гидравлика, любимый предметъ его занятій. Въ этой области знанія онъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сдѣлалъ одно открытіе, допускающее возможность пользованія такою комбинаціей силъ, которая до сихъ поръ считалась невозможной. Теперь онъ разсказывалъ объ этомъ открытіи съ мельчайшими подробностями, а Зенонъ, хотя понималъ наполовину, слушалъ, и глаза его сверкали отъ радости. Успѣхъ брата и слава, осіявшая его, приводили его въ восторгъ. Въ концѣ онъ сказалъ тихо:

— Да, это правда! Что значить мой милый, муравьиный трудъ, въ сравненіи съ твоимъ! Тѣмъ не менѣе, для меня единственное утѣшеніе, когда я подумаю...

Викторъ съ живостью перебилъ его:

— Конечно, мой милый! Мы живемъ въ эпоху великой науки и великой промышленности.

Онъ началъ говорить подробно и очень умно, какъ наука поддерживаетъ промышленность и расширяетъ ее, а промышленность облегчаетъ и украшаетъ человѣческую жизнь, открывая все новые и новые источники заработка, удобствъ и всесторонняго пользованія.

Сумерки уже начинали опускаться на сумахи и ивы, на газоны и флоксы, когда прибѣжала Анельга и, вся раскраснѣвшаяся, дрожащимъ голосомъ объявила, что «мама проситъ пить чай».

За чайнымъ столомъ, украшеннымъ цвѣтами, Розалія сказала гостю:

— Зенонъ должно быть хвалился передъ вами своимъ садомъ. Это, дѣйствительно, дѣло его рукъ, и хорошо удалось ему.

— Да, да,—согласился гость,—отличный садъ, только я-то не обладаю способностью восхищаться... сырою зеленью.

— Вы занимаетесь такъ много и вещами такими важными, что у васъ, должно быть, не было времени внимательно присмотрѣться къ природѣ,—любезно замѣтила Розалія.

Гость заспорилъ.

— О, нѣтъ, напротивъ, я часто бывалъ въ деревнѣ и за границей, бывалъ въ мѣстахъ, которыя славятся своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ. Но я какъ-то не понимаю всего этого. Холмигъ, травка и ручеекъ—вотъ для меня и вся природа. Больше, меньше, но всегда одно и то же,—холмигъ, травка и ручеекъ...

— Можетъ быть тебѣ и море кажется ручейкомъ? — спросилъ Зенонъ.

— Скука! — воскликнулъ Викторъ.— Ахъ, мой милый, какая это скучная вещь море! Я не разъ бывалъ на его берегахъ, плавалъ по немъ и говорю тебѣ, что если бы на пароходахъ не съ кѣмъ было играть въ винтъ, да подчасъ не являлся бы какой-нибудь ангель-утѣшитель въ образѣ красивой и милой дамы, то можно было бы умереть съ тоски. На театральныхъ декораціяхъ оно производитъ большое впечатлѣніе, но въ природѣ — вода, вода и вода! А что дѣйствительно прекрасно и поразительно, такъ это подводный телеграфъ...

— Что онъ поразителенъ, я согласенъ, — съ отгѣнкомъ неудовольствія перебилъ Зенонъ, — что онъ полезенъ, это также несомнѣнно, но чтобы какой-нибудь телеграфъ могъ быть прекраснымъ...

— Не только прекраснымъ, но просто чуднымъ! — разгорячился Викторъ.— Наука и промышленность въ этомъ дѣлѣ совершили истинное чудо...

И, обратившись къ дамамъ, онъ началъ имъ объяснять способъ устройства подводныхъ телеграфовъ краснорѣчиво, пространно и довольно удобопонятно. На лицѣ Сабины, которая почти совсѣмъ ничего не понимала, тѣмъ не менѣе отражалось удивленіе передъ мудростью шурина; Розалія слушала съ интересомъ, понимала многое, хотя и не все, и видимо заинтересовывалась гостемъ. Зенонъ уже не пламенѣлъ отъ радости и не заглядывалъ брату въ глаза, какъ это было за обѣдомъ, тѣмъ не менѣе было замѣтно, что онъ

доволенъ его присутствіемъ, ученостью и только отъ времени до времени омрачался, опускалъ глаза и убѣгалъ мыслью далеко отъ подводныхъ телеграфовъ.

Послѣ чаю Викторъ подошелъ къ фортепяно.

— Вы играете? — спросилъ онъ у Розаліи.

Она играла, играла много и съ любовью. И теперь она также сѣла за инструментъ. Викторъ помѣстился съ ней рядомъ, оперся головою на руку и слушалъ. Зенонъ усѣлся на диванчикѣ въ углу гостиной и ему раза два показалось, что его братъ только притворяется, что слушаетъ внимательно, а думаетъ совсѣмъ не о музыкѣ. Ему лично музыкальный талантъ Розаліи доставлялъ и великое наслажденіе и огорченіе, потому что своевольная и непостоянная женщина играла не тогда, когда это ему бывало наиболѣе нужнымъ, а только тогда, когда сама хотѣла играть.

Иногда подъ ея музыку онъ проводилъ сѣрые вечерніе часы, полные грустнаго обаянія и мыслей, убѣгающихъ въ обитель идеаловъ, но чаще, когда его наиболѣе грызла тоска одинокой и мелочной жизни, Розалія находилась въ дурномъ настроеніи и ни за что бы не сѣла за фортепяно, единственно изъ-за того, чтобы не вызвать ему своего расположенія. Бѣдная Сабина когда-то играла слабо, но недурно, но давно уже забросила музыку. Теперь Зенонъ немного сердился на Розалію за то, что она своею игрой такъ долго отнимаетъ у него брата, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ конца, но когда Розалія встала изъ-за фортепяня, Викторъ всталъ также. Они начали ходить по комнатѣ и оживленно разговаривали объ операхъ, которыя онъ видѣлъ на большихъ европейскихъ сценахъ, и о которыхъ Розалія умѣла умно судить, хотя и не видала ихъ. Они были очень заняты другъ другомъ и Викторъ только одинъ разъ обратился къ брату:

— Ты былъ на «Аидѣ», да? Помнишь ты эту сцену... море народа... жрецы...

Зенонъ расхохотался.

— Милый мой, какимъ же образомъ я могъ бы видѣть «Аиду» на сценѣ? Я вотъ уже восемнадцать лѣтъ какъ не былъ ни въ одномъ большомъ городѣ.

— Жалко! — бросилъ Викторъ и, вновь обратившись къ Розаліи, началъ рассказывать ей анекдоты изъ жизни разныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ.

Зенонъ, смотря на прогуливающуюся пару, подумалъ:

«А вѣдь онъ на самомъ дѣлѣ заинтересовался Розаліей. Можетъ

быть и женится на ней? Кто знаетъ... По лѣтамъ они подходятъ другъ къ другу».

Розалія вовсе не была легкомысленна и не обладала смѣшною особенностью, свойственною старымъ дѣвамъ, видѣть во всякомъ мужчинѣ обожателя или жениха. Но, тѣмъ не менѣе, тактика гостя могла льстить ея самолюбію и даже наводить на нѣкоторыя предположенія. Она становилась все болѣе и болѣе веселою и разговорчивою, а Викторъ къ концу вечера подсѣлъ къ Сабинѣ и совершилъ настоящее чудо,—развеселилъ и ее и заставилъ говорить. Начала она съ тревогой и колебаніемъ, потомъ начала рассказывать о дѣтяхъ, о домѣ, о своемъ времяпровожденіи и, наконецъ, расщебеталась и оживилась, поощряемая остротами и разспросами шуррина. А такъ какъ въ этой шутливой, дружеской бесѣдѣ принимала участіе и Розалія, то маленькое общество, сидящее за столикомъ со старыми альбомами, проводило время очень весело.

Часъ былъ уже поздній, когда Зенонъ всталъ съ своего дивана.

— Можешь быть ты хочешь отдохнуть послѣ дороги?—сказалъ онъ, подходя къ брату.

Викторъ былъ, дѣйствительно, утомленъ дорогой, поэтому охотно согласился, весело поцѣловалъ руку невестки, а желая Розаліи доброй ночи, многозначительно посмотрѣлъ ей въ глаза. Спустя нѣсколько минутъ братья были одни въ маленькой комнаткѣ наверху, чистой, веселой, со свѣжими занавѣсками на окнахъ и съ большимъ букетомъ разноцвѣтныхъ флоксовъ, стоящимъ на столѣ, заваленномъ книгами и газетами. Зенонъ внимательно слѣдилъ, какое впечатлѣніе произведетъ на его брата эта комната. Когда-то они, въ ихъ школьное время, жили здѣсь вдвоемъ, здѣсь послѣ смерти отца, когда тѣло покойнаго стояло внизу въ парадной комнатѣ, провели двѣ ночи въ тихой бесѣдѣ о понесенной ими утратѣ и о разныхъ своихъ горестяхъ и надеждахъ. Здѣсь Зенонъ повѣдалъ брату о томъ, какъ онъ разочаровался въ обожаемой имъ женщинѣ, а Викторъ рассказывалъ о своемъ счастьѣ съ молодой женой. Тогда онъ еще не былъ богатымъ, не имѣлъ такого значенія и самоувѣренности; на-ряду съ домашнимъ счастьемъ ему пришлось переживать много заботъ и неприятностей. Сколько дней протекло послѣ этой ночи! Сколько перемѣнъ произошло въ ихъ положеніи и настроеніи! И какимъ внезапнымъ, оживляющимъ воспоминаніемъ раннихъ и дополуденныхъ часовъ жизни долженъ повѣять на его сердце видъ этой комнаты!

Лампа была уже зажжена, на стулѣ возлѣ стола стоялъ дорож-

ный несессеръ, въ которому Викторъ подошелъ сразу, и, отпирая его, заговорилъ вполголоса:

— Скажи мнѣ, Зенекъ, почему эта ваша Розалія не вышла замужъ? Какая великолѣпная женщина! Или ее никто не оцѣнилъ, или она сама была черезчуръ разборчива, или можетъ быть случилось какое-нибудь маленькое несчастіе, а?

При послѣднихъ словахъ онъ обратилъ лицо къ брату, плутовато подмигнувъ ему и началъ вынимать изъ несессера туалетныя принадлежности и всякую мелочь. Зенонъ съ минутой не отвѣчалъ ничего. Онъ опустилъ глаза, брови его угрюмо нахмурились. Наконецъ, сядя на стулъ, придвинутый къ столу, онъ проговорилъ:

— Несчастье было, дѣйствительно, но не такое, какое ты предполагаешь. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ у Розаліи былъ женихъ, но умеръ скоропостижно за нѣсколько дней до свадьбы. Розалія была въ отчаяніи и хотя ей потомъ представлялась не одна подходящая партія, не захотѣла выйти замужъ.

— Дура! — воскрикнулъ Викторъ, и, выпрямившись, началъ причесывать гребнемъ усы и коротко остриженные волосы. — А кажется такую разсудительною, даже умною! Остаться старою дѣвой изъ-за того, что какой-то тамъ женихъ, Богъ вѣсть сколько лѣтъ тому назадъ, умеръ! Ходить же еще по свѣту такіе сантименты и романы! Но это, дѣйствительно, настоящая причина, а? Скажи по совѣсти.

— Я могу завѣрить тебя честнымъ словомъ, что это настоящая и единственная причина, почему Розалія не вышла замужъ. Кромѣ того, долженъ тебѣ признаться, что это постоянство чувства, которое не убила даже смерть, всегда возвышало ее въ моихъ глазахъ.

— Можетъ быть и очень возвышенно, но непрактично, — сказалъ Викторъ. — Ну, и что же вышло изъ этого постоянства? Покойника она не воскресила, а сама, вмѣсто того, чтобы осчастливить какого-нибудь живущаго смертнаго, увядаетъ въ положеніи старой дѣвы. Это — великая непрактичность, а что непрактично, то ни къ чорту не годится. А жаль ее! Она была бы достойна лучшей участи.

По лицу Зенона проскользнула ироническая улыбка.

— Я замѣчаю, что она очень заинтересовала тебя. Ты въ состояніи исправить ее судьбу, надъ которой ты соболъзнуешь. Попробуй, можетъ быть она уже забыла, можетъ тебѣ удастся заслонить передъ нею тѣнь съ того свѣта.

Викторъ, который уже облекся въ elegantный халатъ и чистилъ

себѣ ногти какимъ-то блестящимъ инструментомъ, поднялъ на брата глаза, полные изумленія.

— Я?—воскликнулъ онъ.—Но я уже провинція завоеванная, покоренная, на вѣки вѣчные поступившая въ обладаніе самой прекраснѣйшей ручки въ мірѣ. У меня есть невѣста, мой милый. Мы теперь съѣдемся съ ней въ Вѣннѣ, тамъ обвѣнчаемся и будемъ вмѣстѣ совершать дальнѣйшее путешествіе. Чудесно сложилось, ты замѣчаешь? Свадебную поѣздку все равно пришлось бы совершить, я ее и совершу, но одновременно съ обязательною командировкой, въ которую меня назначило начальство. Ты, можетъ быть, хочешь видѣть, какова моя невѣста? Вотъ ее портретъ, очень похожій. Хороша, правда?

Зенонъ долго смотрѣлъ на большую фотографію, съ которой ему улыбалось лицо женщины лѣтъ тридцати, дѣйствительно прекрасное, умное, полное предести и кротости. Онъ смотрѣлъ долго, потому что на него вѣяло великимъ очарованіемъ отъ ея умныхъ и добрыхъ глазъ, отъ ея задумчивой улыбки, отъ богатыхъ волосъ, красиво собранныхъ надъ открытымъ и благороднымъ лбомъ. И только отдавая назадъ фотографію, онъ сказалъ брату:

— Ты счастливъ, Викторъ. Ты второй разъ переживешь эту поѣму жизни. Я, который не пережилъ ни одной...

— Да, да,—прервалъ Викторъ,—союзъ съ такою женщиной поистинѣ можно назвать счастьемъ.

И, усѣвшись возлѣ брата, онъ началъ пространно перечислять красоты и достоинства своей невѣсты. Онъ не скупился на подробности и разбиралъ передъ своимъ слушателемъ любимую женщину какъ физически, такъ и морально. Онъ разгорячился и впалъ въ восторгъ до такой степени, что въ его рѣчь то и дѣло влетали восторженныя и поѣтические выраженія. Глаза его засверкали, на щекахъ выступилъ румянецъ. Говорилъ онъ долго и въ концѣ называлъ имя своей невѣсты.

То была молодая женщина, которая не любила перваго мужа; у нея было состояніе, а это никогда и ни въ чемъ помѣшать не можетъ; разница въ ихъ лѣтахъ немного велика, но это не возбуждаетъ въ немъ ни малѣйшаго опасенія, потому что онъ чувствуетъ себя здоровымъ, сильнымъ и еще молодымъ, а потомъ хорошо знаетъ, кого беретъ за себя и насколько совершенно можетъ рассчитывать на правоту, благородство и привязанность этой женщины.

Зенонъ слушалъ это признаніе, закрывъ глаза рукою, какъ будто ослѣпленный развертывающейся передъ нимъ картиной ве-

ликаго счастья. Когда, наконецъ, Викторъ умолкъ, онъ отнялъ руку отъ глазъ и проговорилъ слегка подавленнымъ голосомъ:

— А съ чѣмъ я больше всего поздравляю тебя, Викторъ, такъ это съ тѣмъ, что ты будешь находиться на одномъ умственномъ уровнѣ съ женой. Я могъ бы, даже хотѣлъ бы сказать тебѣ, какъ далеко разладъ во вѣсѣхъ и мысляхъ губительно дѣйствуютъ на сторону чувства.

— Но Амелія очень хорошо образована, — съ живостью прервалъ Викторъ, — она много читаетъ, въ обществѣ занимаетъ блистательное положеніе. Да иную я бы не взялъ. Назвать подругою жизни гусыню или курицу — благодарю! Въ домѣ — скука, передъ людьми — срамъ...

Онъ снова заговорилъ объ умственныхъ и общественныхъ достоинствахъ своей будущей жены. На этотъ разъ то былъ уже совершенный монологъ, потому что Зенонъ, послѣ двукратной неудачной попытки «открыть душу» передъ братомъ, замкнулъ ее и молчалъ, какъ стѣна. Но и краснорѣчіе Виктора слабѣло, блѣднѣло, два раза онъ моргнулъ, какъ человѣкъ, борящійся со сномъ.

Зенонъ посмотрѣлъ на часы.

— Тебѣ пора уже спать. Доброй ночи.

Онъ подаль брату руку и хотѣлъ было ограничиться однимъ пожатіемъ, но Викторъ притянулъ его къ себѣ и нѣсколько разъ поцѣловалъ въ щеки.

— Я радъ, — съ изліяніемъ сказалъ онъ, — невыразимо радъ, что вижу тебя здоровымъ, довольнымъ, счастливымъ, что у тебя все идетъ хорошо. Доброй ночи, дорогой мой! Доброй ночи!

Рѣсницы неудержимо спадали ему на глаза. Было видно, что онъ лишь довалится до подушки, то заснетъ, какъ убитый. Зато усердная и отвѣтственная профессиональная работа пріучила его вставать рано.

Зенонъ засталъ его на слѣдующее утро не только уже одѣтымъ, но и за работой. Онъ сидѣлъ передъ изящнымъ пертфелемъ, наполненнымъ бумагою и конвертами разныхъ сортовъ, и такъ погрузился въ свое занятіе, что сразу не замѣтилъ прихода брата и лишь черезъ нѣсколько минутъ коротко сказалъ ему:

— Добраго утра, Зенекъ! Прикажи, милый, принести мнѣ сюда аю. Мнѣ этого писанья хватитъ еще часа на два. Какъ только я ончу, то тотчасъ же сбѣгу къ вамъ внизъ...

Спустя нѣсколько минутъ Филипекъ шелъ наверхъ съ подносомъ, обремененнымъ всѣми закусками, которыя могутъ сопровождать ранній деревенскій чай, а за нимъ бѣжала Сабина и слѣдила,

какъ бы онъ не уронилъ что-нибудь по дорогѣ или не разбилъ бы чего-нибудь.

Зенонъ ходилъ вдоль сараевъ и амбаровъ и разговаривалъ съ гуменщикомъ, когда къ нему приблизился Павелекъ и повелъ рѣчь о какомъ-то хозяйственномъ вопросѣ. Дѣло шло о двухъ рабочихъ лошадяхъ, изъ которыхъ одна захромала и на время должна была оставаться дома, тогда какъ пахота подъ весенній посѣвъ была еще далеко не закончена. Новое затрудненіе. Что тутъ дѣлать? Послать за ветеринаромъ, чтобъ онъ осмотрѣлъ больную лошадь? И, потомъ, почему она захромала? Не по винѣ ли рабочаго, который обыкновенно пахалъ на этой парѣ?

Раздраженный этою неудачей, а еще больше чѣмъ-то таинственнымъ и для самого него не особенно яснымъ, Зенонъ отвѣтилъ Павелку рѣзко и нетерпѣливо, но потомъ замѣтилъ, что мальчикъ былъ ужасно блѣденъ, избѣгалъ его взгляда, и смягчился. Тогда онъ заговорилъ съ нимъ дружескимъ тономъ, наконецъ опустилъ руку на плечо воспитанника и спросилъ:

— Что съ тобою? Я никогда еще не видалъ тебя такимъ блѣднымъ и несчастнымъ. Можетъ быть, ты нездоровъ? Въ такомъ случаѣ, не ѣзди сегодня въ поле, отдохни...

Онъ еще не окончилъ этихъ словъ, какъ Павелекъ схватилъ его руку и горячо прижалъ къ своимъ губамъ. На глазахъ его вернулись слезы.

— Я здоровъ и сейчасъ же поѣду въ поле. Я для васъ готовъ ѣхать хоть на край свѣта...

Павелекъ быстро повернулся и черезъ нѣсколько минутъ уже скакалъ по направленію къ пахарямъ, за работой которыхъ долженъ былъ наблюдать. Зенонъ вышелъ за ворота и направился въ ближайшій лѣсъ, откуда съ сегодняшняго дня начали возить дрова на зиму. Нужно было взять оттуда пару лошадей и послать пахать вмѣсто той пары, которая стала неспособна къ работѣ. По дорогѣ онъ думалъ:

«Если бы все суетныя человѣческія слова занимали столько мѣста въ пространствѣ, сколько занимаютъ во времени, то они столкнули бы человѣчество съ лица земли. Онъ готовъ для меня ѣхать хоть на край свѣта! Дѣйствительно, поѣдетъ на край свѣта, только не для меня, а для денегъ. Однако, это ему стоить кое-что, потому что онъ даже похудѣлъ за эти два дня. Впрочемъ, кто знаетъ, по этой ли причинѣ онъ похудѣлъ? Можетъ быть, ему просто нездоровится».

Потомъ Зенономъ завладѣли мысли совсѣмъ другого характера.

Вчера въ эту пору онъ ѣхалъ за братомъ на желѣзнодорожную станцію. Вотъ одинъ день ужъ и прошелъ, пройдетъ скоро и другой и унесетъ съ собою то, чему онъ радовался, чего ожидалъ съ такимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. У него было намѣреніе проводить Виктора къ лѣсу, чтобы показать школу сѣяныхъ сосенъ, которыя удались отлично и густой щеткой покрывали нѣсколько морговъ земли. Въ этомъ лѣсу есть интересныя дорожки, по которымъ онъ часто ходилъ одинъ. А теперь ему хотѣлось пройти по нимъ съ братомъ. Что-жъ дѣлать, если Викторъ цѣлое утро долженъ посвятить писанію писемъ. Человѣкъ занятой, очень занятой! Бъ тому же онъ не любитъ... сырой зелени.

Черезъ два часа, возвращаясь изъ лѣса, Зенонъ услышалъ веселые голоса и смѣхъ, которые доносились изъ фруктоваго сада. Онъ пошелъ по этому направленію и увидалъ чрезвычайно веселую и оживленную сцену. Подростокъ огородникъ сидѣлъ на большой сливѣ и, потрясая деревомъ, сбрасывалъ съ него градъ фруктовъ, которые со смѣхомъ и рѣчами, прерываемыми смѣхомъ, собирали и складывали въ корзины трое взрослыхъ людей и двое дѣтей. Это веселое общество щеголяло своими одеждами. Зенонъ ужъ и не помнилъ, когда видѣлъ жену тагъ старательно одѣтою и причесанною, — на ея талии красовался даже какой-то поясъ, а въ свѣтлыхъ волосахъ легкомысленный бантигъ. На черной одеждѣ Розалии блестяли украшенія, Анелька, вся въ бѣломъ, и Казя, въ матросской рубашкѣ, казались принцами, въ сравненіи со своимъ обычнымъ видомъ. Но Викторъ затмѣвалъ всѣхъ остальныхъ своимъ видомъ. Принужденный вчера остаться въ дорожномъ и запыленномъ костюмѣ, онъ сегодня нарядился *à quatre épingles*, въ черную, тонкую визитку, на которой видѣлся серебряный инженерскій знакъ. Когда же онъ вступалъ въ кругъ солнечнаго свѣта, на его особѣ загорались два радужные огонька, — одинъ подъ шеей, другой на мизинцѣ. То были брилліанты булавки галстука и кольца, должно быть обручальнаго.

Неподвижный, золотистый воздухъ былъ чистъ, какъ кристаллъ; полосы солнечнаго свѣта и полосы тѣней, неровныя, изломанныя, ложились на землю, усѣянную красными и желтыми опавшими листьями. А на эти листья, шелестящіе при каждомъ прикосновеніи, градомъ сыпались зрѣлыя венгерки, фіолетовыя, съ золотыми каплями воска и съ лиловымъ налетомъ.

Онъ сыпались не только на траву и сухіе листья, но часто на головы и плечи людей, которые бѣгали вокругъ дерева и то нагибались, то распрямлялись. Все это вызывало веселый смѣхъ.

Зенонъ, приближенія котораго никто не замѣтилъ, сѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ на маленькую скамейку и, смотря на брата, думалъ, что такая веселость, какъ его, особенность очень цѣнная, даръ почти чудесный, который даже пугливую и взерошенную насѣдку обращаетъ въ легкомысленную и оживленную бѣлку, а угрюмую тучу въ легкокрылую бабочку. Онъ, Зенонъ, хотѣлъ бы быть такимъ же веселымъ, но не можетъ; онъ очень хотѣлъ бы бѣгать, смѣяться, собирать сливы и, вмѣсто того, чтобы въ корзинку, бросать ихъ въ спину женщинъ и дѣтей и прикрываться отъ ихъ паденій руками, сверкающими радужнымъ огнемъ брилліантовъ. Нѣтъ, не можетъ. Онъ чувствуетъ себя тяжелымъ. Что-то заставляетъ его спину горбиться и приковываетъ его ноги къ землѣ. Вѣдь не старость же это! Викторъ старше его на четыре года. Разница въ темпераментѣ, въ настроеніи ума... Зенонъ черезъ минуту прибавилъ: разная судьба. Всѣ эти различія существовали несомнѣнно, и онъ самъ не зналъ, какая изъ нихъ была самою важною. Достаточно, что они существовали, причемъ всѣ преимущества были на сторонѣ Виктора, а на его сторонѣ вся невыгода. Тамъ — здоровье тѣла и духа, трезвость, энергія, веселость, ободряющая робкихъ, развлекающая угрюмыхъ; здѣсь — мрачныя мысли и вѣчно ненасытимыя чувства, которыя съ голоду тайкомъ грызли сердце, страдающее тоской по невозможномъ, неосуществимымъ мечтаніямъ, сомнѣніемъ въ цѣнности всего на свѣтѣ и своей собственной цѣнности. Однимъ словомъ — безсиліе. Тамъ энергія, тутъ безсиліе. И, размышляя такъ, Зенонъ почувствовалъ себя въ сравненіи съ своимъ блестящимъ братомъ необычайно малымъ и ничтожнымъ.

Забава вокругъ сливнаго дерева длилась долго, потомъ перешла подъ грушу. Но тутъ плоды нужно было уже не стряхивать, а снимать при помощи соотвѣтственнаго снаряда. Викторъ тотчасъ вооружился длинной палкой съ врючкомъ и сѣткой на концѣ. Обхватывая вокругъ дерева, онъ выбиралъ самые лучшіе плоды и, съ преувеличенной осторожностью, которая до слезъ смѣшила женщинъ и дѣтей, снималъ ихъ съ вѣтокъ. Но вдругъ онъ замѣтилъ Зенона и тотчасъ же подбѣжалъ къ нему.

— Ты уже управился по хозяйству? Ну, какъ поживаешь? Давно сидишь здѣсь?

Онъ помѣстился рядомъ съ братомъ. Женщины, даже и подростокъ огородникъ съ корзинами фруктовъ пошли вглубь сада. Викторъ, отирая лобъ надушеннымъ платкомъ, восторженно воскликнулъ:

— Что за прелестная вещь деревня! Свѣжій воздухъ, движеніе, свобода, обиліе всего...

— Если ты не любишь «сырой зелени», то какъ же можешь любить деревню? — усмѣхнулся Зенонъ.

— Не надолго, милый мой, не надолго. Сколько разъ я ни пріѣзжалъ въ деревню на нѣсколько дней, на двѣ недѣли, то всегда наслаждался, какъ ребенокъ, и приходилъ въ восторгъ. Но жить такъ круглый годъ, — нѣтъ! Я не могу обойтись безъ общества, музыки, театра, наконецъ безо всѣхъ тѣхъ впечатлѣній, которыя можетъ доставлять только городъ.

Онъ повернулся лицомъ къ брату.

— А ты, счастливый человѣкъ, живешь себѣ здѣсь, какъ въ раю. Такая милая деревня, такія милыя женщины, красивыя дѣти... въ сорочкѣ родился!...

Зенонъ медленно отвѣтилъ:

— Почему ты думаешь, что то, безъ чего ты не могъ бы обойтись, и для меня не такъ же желательно? И неужели ты думаешь, что какой-нибудь домъ и въ будни имѣетъ такой же видъ, какъ въ праздникъ?

— Все это, милый, имѣетъ восхитительный видъ, и еслибъ я былъ на твоемъ мѣстѣ, то считалъ бы себя счастливѣйшимъ изъ людей. Хотя и я не могу жаловаться на то, съ чѣмъ мнѣ приходится встрѣчаться... Мнѣ везетъ и на службѣ, и въ дѣлахъ, и... еще въ чемъ-то болѣе важномъ... Угадай, какое у меня состояніе?

— Не могу угадать. Скажи самъ.

Викторъ назвалъ крупную цифру и тотчасъ же началъ рассказывать о двухъ аферахъ, которыя принесли ему самыя значительныя выгоды. Это стояло въ связи съ постройкой желѣзныхъ дорогъ и публичныхъ зданій и снова вызвало обширный и подробный техническій докладъ. Снова одинъ изъ братьевъ говорилъ долго, краснорѣчиво и съ такимъ энтузіазмомъ, съ какимъ обыкновенно человѣкъ говоритъ о вещахъ, принесшихъ ему славу и выгоду; другой молчалъ и слушалъ.

Когда Викторъ остановился на минуту, Зенонъ началъ:

— Что касается моихъ имущественныхъ дѣлъ, то я не могу сказать, чтобъ они были въ плачевномъ состояніи, но нужны большая бдительность и осторожность...

— Конечно, — перебилъ Викторъ, — какъ же они могутъ быть въ плачевномъ видѣ... Заполанка — хорошее имѣніе, а ваши потребности такъ ограничены. Въ большомъ свѣтѣ дѣло совсѣмъ иное. Если бы ты зналъ, какая роскошь царствуетъ теперь вездѣ. А въ

этому необходимо нужно приспособляться, потому что иначе нельзя обзавестись связями, значеніемъ, вліяніемъ.

Онъ разсказалъ брату, какой образъ жизни ведетъ онъ, на какой ногѣ держитъ домъ, какая мебель у него въ гостиной и какая въ кабинетѣ, сколько онъ проживаетъ въ годъ, какія у него знакомства и въ той столицѣ, и въ другой, и въ третьей, какіе клубы и театры онъ посѣщаетъ наиболѣе охотно, сколько времени посвящаетъ работѣ и сколько удовольствіямъ. Когда онъ, наконецъ, кончилъ, Зенонъ спросилъ:

— А твоя дочь?

— Дочь? Костюна? Правда, я забылъ тебѣ сказать о ней. Ей уже восемнадцать лѣтъ, и вокругъ нея вертится множество жениховъ. Дѣвочка красивая, милая, талантливая.

— Какъ мнѣ пріятно слышать это! — воскликнулъ Зенонъ съ глазами сверкающими отъ радости и съ большимъ интересомъ началъ разспрашивать о незнакомой племянницѣ.

Викторъ, какъ всегда, не шадилъ подробностей, а когда вопросъ былъ уже исчерпанъ, Зенонъ заговорилъ въ свою очередь:

— Что касается меня, то я немного беспокоюсь за моего старшаго мальчика.

— Ахъ, да, вѣдь у тебя есть старшій сынъ! — спохватился Викторъ. — Гдѣ онъ?

— Уѣхалъ въ свое время въ гимназію. Мальчикъ способный и съ добрымъ сердцемъ, но... съ нѣкотораго времени въ немъ начала развиваться непомѣрная склонность къ щегольству, къ комфорту, къ желанію во что бы то ни стало выставить свою особу.

— Чему же это мѣшаетъ? — съ изумленіемъ спросилъ Викторъ.

— Какъ чему? Я боюсь, какъ бы суетность и пристрастіе къ роскоши не обратили его въ мелкаго человѣка, единственною цѣлью котораго...

— Да это смѣшно, мой милый! — весело воскликнулъ Викторъ, — напротивъ, они будутъ ему помогать становиться все крупнѣе и крупнѣе. Если мальчикъ хорошо одѣвается, то тѣмъ лучше, потому что по платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ. Всякій съ большимъ уваженіемъ отнесется къ человѣку въ тонкомъ сюртукѣ, чѣмъ къ человѣку въ грубомъ зипунѣ, хотя бы подъ сюртукомъ была худая рубашка, а подъ зипуномъ цѣлая, но посконная. Это одно. А другое, если мальчикъ чувствуетъ потребность выдѣлиться изъ толпы, то будетъ изо всѣхъ силъ взбираться все выше, а на свѣтѣ, милый мой, только тотъ можетъ стать высоко, кто умѣетъ хорошо работать локтями. Скромность и покорность въ жизни ни

на что непригодны и, желая имѣть въ глазахъ людей бѣльшую цѣнность, нужно высоко цѣнить самого себя. У тебя, милый Зенекъ, нѣтъ ни малѣйшаго повода безпокоиться о судьбѣ сына. Изъ того, что ты сказалъ о немъ, если только у него нѣтъ недостатка въ умственныхъ способностяхъ, я вижу, что мальчикъ имѣетъ передъ собою будущность.

— Я боюсь, какъ бы онъ не захотѣлъ погупать ее цѣною совѣсти, — угрюмо закончилъ Зенонъ.

— Это—преувеличеніе. Почему непременно цѣною совѣсти? Вѣдь онъ же красть не будетъ, ни поджигать, а съ эlegantностью, амбиціей и маленькой легкомысленностью зайдетъ дальше и добудетъ больше, чѣмъ еслибъ былъ тюфякомъ и ходилъ бы по свѣту тихими шагами, съ опущеннымъ носомъ. Да, наконецъ, у тебя трое дѣтей. Одинъ не удастся, — удастся другой и всегда будетъ хорошо. Счастливый ты человекъ, Зенекъ, и я такъ радуюсь этому, что мнѣ просто хочется плакать.

Онъ обнялъ и нѣсколько разъ поцѣловалъ брата, причемъ глаза его дѣйствительно увлажнились. Но не прошло минуты и онъ заговорилъ о томъ, что дочь не доставляетъ ему ни малѣйшихъ неприятностей. Прежде всего, она одна, во-вторыхъ, существуетъ тѣтка, сестра ея матери, которая обучаетъ дѣвочку и держитъ ее почти постоянно у себя, наряжаетъ, ласкаетъ и, по всей вѣроятности, скоро выдастъ замужъ. Эта тѣтка истинная его благодѣтельница, потому что, еслибъ не она, на него свалилась бы масса заботъ, связанныхъ съ подрастающей дѣвушкой. Отъѣзжая часто въ командировку и почти никогда не бывая въ домѣ, очень трудно заниматься воспитаніемъ дѣвушки и почти совсѣмъ невозможно вывозить ее въ свѣтъ. Но все это взяла на себя тѣтка, а онъ только даетъ деньги на расходы дочери, иногда навѣщаетъ ее, а порою, въ свободное отъ спѣшныхъ занятій время, беретъ къ себѣ недѣли на двѣ или на мѣсяцъ. Викторъ обо всемъ этомъ рассказывалъ со свойственной ему живостью, но поминутно бросалъ взглядъ на дорожку, ведущую къ дому. Было замѣтно, что онъ не прочь бы былъ присоединиться къ болѣе многочисленной компаніи. Зенонъ увидаль это, всталъ и предложилъ возвратиться домой. По дорогѣ имъ встрѣтился запыхавшійся Казя, который, какъ кубарь, подвигался къ ногамъ отца и дяди и едва могъ только проговорить: «мама проситъ обѣдать». Викторъ подхватилъ его подъ мышки, высоко поднялъ кверху, громко поцѣловалъ и поставилъ на землю.

— Я очень силенъ, — сказалъ онъ, — такого девятилѣтняго мальчика могу забросить на крышу, какъ перышко. Я очень много

работалъ въ жизни, но работа никогда не вредила мнѣ,—напротивъ, поддерживала во мнѣ энергію и здоровье. Съ огорченіями и разными неприятностями, съ которыми я, какъ и всякій другой, сталкивался не разъ, я поступалъ такъ: загородять онѣ мнѣ дорогу, я сейчасъ схватываю ихъ и валяю на землю, нѣтъ—обхожу ихъ и иду далѣе, только всегда практически и энергично, безъ излишнихъ размышленій, отчаянія, меланхоліи и разныхъ вещей, которыя вредятъ здоровью и ничему не помогаютъ. И ты, Зенекъ, дѣлаешь точно также? Правда? Да иначе и нельзя. Раздражать себя всякимъ пустякомъ, задумываться надъ всякою вещью, отказывать себѣ въ удовольствіяхъ жизни,—да это значитъ раньше времени запрятать себя въ могилу или, самое меньшее, стать калѣкой, тягостью для себя и для другихъ. Ну, развѣ не правда?

— Святая правда, — съ убѣжденіемъ подтвердилъ Зенонъ и черезъ минуту прибавилъ: — жаль только, что такія или другія способности зависятъ не отъ воли человѣка, а отъ его темперамента и ума, а отчасти и отъ обстоятельствъ.

— Какъ же зависятъ? — возмутился Викторъ. — Все зависитъ отъ воли человѣка. У кого есть разумъ и воля, тому должно быть хорошо на свѣтѣ. Ты видишь примѣръ на самомъ себѣ. Еслибъ тогда, восемнадцать лѣтъ тому назадъ, ты не принудилъ бы себя порвать связь съ коварнымъ мюнхенскимъ идеаломъ и поселиться въ Заполяніѣ, вѣдь тебѣ не было бы такъ хорошо, какъ теперь, да?

Зенонъ посмотрѣлъ на брата и въ далекой глубинѣ его глазъ загорѣлся ироническій огонекъ. Но онъ ничего не сказалъ и вмѣстѣ съ Викторомъ вошелъ въ столовую, гдѣ ихъ за накрытымъ столомъ уже ждали женщины и дѣти. Викторъ тотчасъ же началъ маневрировать такъ, чтобы занять мѣсто между Сабиной и Розаліей. Дамы смѣялись, дѣлали видъ, что хотятъ сѣсть рядомъ, но Викторъ настоялъ на своемъ и, расправляя на груди салфетку, подмигнулъ брату:

— Ну, что, Зенекъ? Видишь, что значитъ воля!

Симпатія, которую онъ сразу почувствовалъ къ Розаліи, казалось, возрастала съ каждымъ часомъ, но тѣмъ не менѣе онъ занимался и Сабиню, поминутно оказывалъ ей услуги, говорилъ комплименты, касающіеся домовыхъ порядковъ, дѣтей, даже ея сегоднешняго туалета. Зенонъ, не принимавшій никакого участія въ разговорѣ, подумалъ:

«Еслибъ та не была такою отцвѣтшею и малоинтересною, онъ непремѣнно кружилъ бы ей голову, какъ Розаліи».

Но вскорѣ онъ съ изумленіемъ замѣтилъ, что Сабина не счи-

тала себя такою отцвѣтшею и малоинтересною, какою онъ считалъ ее, и какою она была на самомъ дѣлѣ. Услужливость и любезность шурина приводили ее въ восторгъ, въ голубыхъ, еще довольно красивыхъ глазахъ, заиграли жизнь и блескъ, и нѣсколько разъ она даже кокетливо улыбнулась сосѣду. Насѣдка пробовала взлетать и въ половинѣ обѣда тоненькимъ голоскомъ заговорила о своемъ пристрастїи къ музыкѣ, танцамъ и нарядамъ.

— Да для васъ и теперь это время еще не прошло!—воскликнулъ Викторъ.—Вы лишили себя всякихъ удовольствій. Возможно ли это? По отношенію къ обѣимъ дамамъ это величайшая несправедливость. Зенекъ, нужно во что бы то ни стало, чтобы ты постарался оживить домъ и не бѣгать отъ общества... Вѣдь должно же тутъ быть какое-нибудь сосѣдство. Почему вы не навѣщаете ихъ, не собираете ихъ у себя?

Женщины молчали. Зенонъ отвѣтилъ:

— Во-первыхъ, сосѣдство не многочисленно и не интересно; во-вторыхъ, еслибъ мы начали навѣщать ихъ и собирать ихъ у себя, то Заполянка улетѣла бы по вѣтру, какъ пушинка.

Онъ проговорилъ это рѣзкимъ тономъ, какимъ почти никогда не говорилъ, и тотчасъ же пожалѣлъ объ этомъ, но напрасно, потому что Викторъ, видимо, не имѣлъ склонности къ мелочной наблюдательности.

— Что?—воскликнулъ онъ,—Заполянка улетѣла бы по вѣтру! Да этого быть не можетъ! У кого дѣла въ такомъ блестящемъ состояніи, какъ у тебя, мой милый...

— Ты не спрашивалъ меня о моихъ дѣлахъ, значить и не знаешь, въ какомъ состояніи они находятся.

— Какъ это не знаю! Вѣдь знаю же я Заполянку и вижу, что для такой жизни, какую вы ведете, она даетъ достаточно.

— Я не говорю, что недостаточно,—отвѣтилъ Зенонъ,—но для другого образа жизни, болѣе широкаго, конечно, было бы недостаточно.

— Хватило бы на все, милый Зенекъ, увѣряю тебя, что совершенно хватило бы! Отъ времени до времени какой-нибудь приемъ, вечерокъ, маленькій вояжикъ въ столицу, за границу... что значить все это? И потомъ, много ли все это будетъ стоить?

— Больше, чѣмъ я могъ бы затратить, не обижая людей и землю... У меня есть маленькіе долги.

— Что тамъ за долги! Если и есть, то раньше или позже уплатятся какъ-нибудь.

— Само собою? безъ всякаго моего участія?—съ насмѣшкой спросилъ Зенекъ.

Викторъ безъ малѣйшаго затрудненія отвѣтилъ:

— Ихъ уплатить Заполянка, а тѣмъ временемъ ты могъ бы скрасить и свою жизнь и своихъ дамъ.

— Это было бы грѣхомъ противъ практичности, добродѣтели, которую ты цѣнишь выше всего.

— Правда, что практичность я цѣню очень высоко, но вести монашескую жизнь тоже не практично,—можно сдѣлаться нелюдимымъ и одичать.

— Вѣрнѣе мнѣ, Викторъ, у кого сердце веселое, тотъ никогда не сдѣлается нелюдимымъ и не одичаетъ. Но если выбирать одно изъ двухъ золь, то я предпочитаю скорѣе быть одичалымъ, нелюдимымъ, чѣмъ пускаться на вѣтеръ землю, честь, будущность дѣтей...

— Фу, какія великія слова!—засмѣялся Викторъ.—Какое отношеніе имѣетъ одно къ другому? Развѣ земля и честь требуютъ жертвъ?

— Требуютъ,—рѣшительно сказалъ Зенонъ.

— Я не понимаю и увѣренъ, что эти вещи можно примирить, еслибъ поступить съ ними...

— Практически и энергично...

— Ну, да, и безъ малѣйшей экзальтаціи и преувеличенія. Но ты всегда былъ экзальтированнымъ.

— Я уже почти остылъ и мало-по-малу остываю еще болѣе,—докончилъ Зенонъ.

Они оба были раздражены,—Зенонъ больше, Викторъ меньше, въ воздухѣ чувствовалось, что вотъ-вотъ немного, и послѣдуетъ столкновеніе натуръ, совершенно противоположныхъ другъ другу. Розалія съ огромнымъ тактомъ придала разговору другое направленіе и попросила Виктора объяснить нѣкоторые архитектурическіе термины, которые ей были непонятны и съ которыми она часто сталкивалась при чтеніи. Это тотчасъ же вовлекло Виктора въ теченіе, по которому онъ могъ плыть безъ конца. Въ числѣ предметовъ, соприкасающихся съ его профессіей, между прочимъ была и архитектура. Онъ даже воздвигъ, съ весьма большою выгодой для себя, два общественныхъ зданія. Теперь онъ принялся объяснять, рассказывать, слегка жаловался на трудъ, который потратилъ на эти предпріятія, слегка хвастался совершенствомъ исполненнаго имъ дѣла и выгодами, которыя они принесли ему. Онъ снова сталъ

сіяющимъ, любезнымъ, самодовольнымъ. Зенонъ слушалъ молча и не безъ интереса, но вдругъ въ головѣ его промелькнула мысль:

— Онъ полонъ собою и своимъ!

Черезъ минуту онъ добавилъ про себя:

— Настолько полонъ собою и своимъ, что въ немъ уже ничто другое не можетъ помѣститься.

Однако, послѣ обѣда, недовольный и искренне сожалѣющей, что поспорилъ съ братомъ, Зенонъ подошелъ къ нему и завелъ разговоръ о томъ, что только могло интересовать его. Викторъ если и испыталъ недавно неприятное чувство, то забылъ уже о немъ, а предложеніе Сабины отправиться въ лѣсъ за рыжиками привело его въ восторгъ. Зенонъ остолбенѣлъ отъ удивленія. Его жена предлагала проектъ прогулки и дѣлала это съ робостью и румянцемъ шестнадцатилѣтней дѣвочки! Съ давнихъ поръ Сабину никакими уговорами и просьбами нельзя было вытащить изъ дому. Ей то не хватало времени, то она чувствовала себя утомленною хлопотами по хозяйству. А теперь она и съ хозяйствомъ успѣла управиться, и съ младенческою радостью побѣжала своими коротенькими шажками въ чуланъ за корзинами. Викторъ захопалъ въ ладоши.

— Собираніе грибовъ—видъ спорта! А я ужасно люблю всѣ виды спорта!

Онъ обратился къ Розаліи.

— Мы будемъ вмѣстѣ собирать рыжики, хорошо? Возьмите меня, бѣднаго, неопытнаго въ этомъ отношеніи человѣка, подъ свое покровительство!

— О, нѣтъ!—въ шутку защищалась Розалія,—кто, какъ вы, умѣетъ быть самостоятельнымъ во всемъ, тотъ долженъ и самостоятельно искать рыжики!

Но въ концѣ она все-таки сжалилась и начала его учить, какъ, гдѣ, вокругъ какихъ деревьевъ и кустовъ, въ какихъ мхахъ и травахъ чаще всего растутъ рыжики. Вышла Сабина съ корзинами, а за нею совершенно ошарашенныя дѣти. Все было готово, только Зенонъ отказался принять участіе въ удовольствіи, отговариваясь неотложными хозяйственными дѣлами.

Это не было неправдою,—дѣйствительно, ему нужно было узнать, хорошо ли дѣйствуетъ молотилка, —утромъ она была слегка попорчена,—какъ идетъ пахота, въ полѣ ли Павелекъ, и почему онъ не пришелъ обѣдать, потому что нездоровый видъ мальчика начиналъ его беспокоить. Конечно, онъ могъ бы отложить все это до вечера, еслибъ думалъ, что его присутствіе можетъ на что-нибудь пригодиться ему или его гостю. Но онъ зналъ заранѣе, что

Викторъ неустанно будетъ держаться компаніи женщинъ, а ему придется эти два часа потерять на блужданіе по лѣсу, потому что къ собиранію рыжиковъ онъ не питалъ ни малѣйшаго пристрастія. Да, наконецъ, остальной компаніи будетъ хорошо и безъ него; они ушли, весело болтая, а онъ первымъ долгомъ направился въ ригу.

Какъ это всегда бываетъ въ хозяйствѣ, вмѣсто двухъ или трехъ вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію, Зенонъ наткнулся на цѣлый десятокъ и вернулся домой, опечаленный молотилкой, которая испортилась вплотную, и встревоженный видомъ Павелка, который теперь показался ему еще болѣе блѣднымъ и несчастнымъ, чѣмъ утромъ. Онъ дотронулся до головы мальчика и почувствовалъ въ ней жаръ. Обо всякихъ обидахъ онъ забылъ окончательно и тревожился лишь, чтобы мальчикъ не расхворался окончательно, тѣмъ болѣе, что обѣдать онъ не захотѣлъ, а въ ближайшей деревнѣ свирѣпствовала какая-то заразительная болѣзнь. Завтра непременно придется посылать за врачомъ для Павелка, за ветеринарнымъ для захромавшей лошади и за механикомъ для молотилки. Въ домъ еще никого не было, только Филипекъ вносилъ въ столовую самоваръ, извергающій клубы дыма, да Базя, горничная, устанавливала на столъ тарелки съ заранѣе приготовленными добавленіями къ чаю. Зенонъ вышелъ на садовое крыльцо и собирался направиться въ сторону лѣса, какъ вдругъ услышалъ голоса Виктора и Розаліи, доносящіеся изъ-за цвѣточной клумбы. Общество возвращалось съ прогулки, а эта пара опередила Сабину и дѣтей и по извилистымъ дорожкамъ блуждала мимо клумбъ. До Зенона долетали только отрывки разговора, впрочемъ, довольно громкаго. Викторъ просилъ у Розаліи фотографическій портретъ, Розалія говорила, что портрета у нея нѣтъ, но когда требованія Виктора становились болѣе настойчивыми, обѣщала дать тотъ, который находится въ альбомѣ Сабини. Въ ея голосѣ чувствовалось волненіе, замаскированное легкимъ смѣхомъ. Черезъ минуту они показали изъ-за кустовъ. Зенонъ видѣлъ, какъ Викторъ, завладѣвъ обѣими руками своей спутницы, долго прижималъ ихъ къ губамъ, потомъ они оба, вмѣсто того, чтобы идти къ дому, свернули на боковую тропинку и исчезли въ сгущающихся сумеркахъ. Въ Зенонѣ что-то закипѣло. Нѣсколько чувствъ одновременно поднялось въ немъ волною горечи и гнѣва... Прежде всего онъ подумалъ:

— Онъ окончательно вскружить ей голову и на вѣкъ отравить расположеніе духа. Что же? она еще не старуха и должна сознавать, что красота ея еще сохранилась. Она готова повѣрить его

любезностямъ, влюбиться, а потомъ мнѣ придется бѣжать изъ дому отъ ея кислоты и гримасъ.

Потомъ ему пришла на память фотографія женщины съ добрыми и умными глазами, со счастливою улыбкой, съ благороднымъ лбомъ... Вѣдь это невѣста Виктора, женщина, на которой онъ вскорѣ долженъ жениться, которая вѣритъ ему, думаетъ, можетъ быть, о немъ въ эту минуту, надѣется, что онъ любить ее глубоко и вѣрно! А тѣмъ временемъ глубина и вѣрность его чувства таковы, что не могутъ устоять противъ искушенія первой встрѣчной старой дѣвы, еще сохранившей остатки красоты и остроумія! Онъ, Зенонъ, давно уже не питаетъ къ женѣ никакихъ чувствъ, кромѣ уваженія и привязанности, но и онъ никогда не позволилъ бы себѣ хоть на шагъ сойти съ прямого пути. Сколько это стоило ему, знаетъ онъ одинъ, но въ немъ жили правота и состраданіе, которыя не позволяли ему ни обманывать, ни причинять страданія ближнему. А вотъ теперь оба эти чувства подверглись оскорбленію. Его охватила жалость къ той незнакомой ему женщинѣ, которую уже забыли, которой ужъ измѣнили... а она казалась ему такою идеальной, если только ея душа была сходна со своею оболочкой. А человѣкъ, которому предстояло вскорѣ овладѣть этимъ чарующимъ существомъ, и уже въ позднихъ лѣтахъ зажить всею полнотою юношескаго счастья, еще гоняется за какими-то крупицами утѣхи, за ничтожнымъ удовольствіемъ, купленнымъ дѣной измѣны той, смущеніемъ ея покоя.

Онъ настолько привыкъ всматриваться въ самого себя и перетрачивать свою совѣсть, что не могъ не замѣтить, что въ горькихъ и гнѣвныхъ чувствахъ, какія онъ испытывалъ за оскорбленіе святыхъ для него устоевъ, на-ряду съ сочувствіемъ къ обманутой женщинѣ и къ той, которую вводили въ заблужденіе, въ немъ отзывалась небольшая, а можетъ быть и большая доля зависти. То, чего ему, главнымъ образомъ, не доставало, развертывается передъ Викторомъ и сулитъ ему длинный рядъ упоеній, а ему все мало! Почему же для однихъ чаша жизни черезъ край переполнена радостями и блаженствомъ, а для иныхъ и маленькая капля счастья разбавлена ведрами горечи?

Онъ зналъ хорошо, что его чувства и мысли были дурны и хотѣлъ отогнать ихъ отъ себя, но не могъ. Лицо женщины, прекрасное, доброе, умное, какъ зачатое, стояло передъ его глазами, а въ его мозгу вилась мысль и колола, какъ острая игла: «Ему и этого мало!» Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ къ себѣ презрѣніе. Онъ презиралъ себя за то, что завидовалъ брату, и все-таки не могъ

не завидовать, оправдывая себя тѣмъ, что Викторъ и Розалія все еще продолжали свою прогулку. Сабина давно уже пришла, осмотрѣла столъ, заварила чай, а ихъ все еще не было.

Зенонъ сидѣлъ за столомъ, освѣщеннымъ лампой, и думалъ: «какова же будетъ судьба этой женщины, если и теперь она подвергается такому позору!»

Въ молодости онъ былъ очень несдержанъ, но потомъ побѣдилъ въ себѣ этотъ недостатокъ силой убѣжденія и воли и почти совершенно излѣчился отъ него. Теперь, подъ вліяніемъ злой страсти, которая заползла въ его сердце, старый порокъ выходилъ изъ угла, куда онъ загналъ было его. Когда, наконецъ, Викторъ и Розалія вошли въ столовую и сѣли за столъ, оба съ глазами блестящими болѣе, чѣмъ обыкновенно и съ принужденными улыбками на устахъ, Зенонъ обратился къ брату съ вопросомъ:

— День твоей свадьбы съ пани Амеліей еще не назначенъ окончательно?

Слова эти произвели настоящій *coup de théâtre*, который, впрочемъ, продолжался только одну минуту. Викторъ смутился страшно, по выразительному лицу Розаліи пробѣжала нервная дрожь, Сабина выронила на блюдце чайную ложечку и испугалась такъ, что глаза ея начали растеряно бѣгать. Но не прошло и минуты, какъ Розалія, любезно обращаясь къ Виктору, спросила со спокойной улыбкой:

— У васъ есть невѣста?

— Да, — медленно и съ колебаніемъ въ голосъ отвѣтилъ Викторъ, — это старая исторія, конца которой еще нельзя предвидѣть.

Въ первый разъ за все время его пребыванія въ Заполянскѣ, на его лбу появилась морщина, онъ бросилъ на брата почти гнѣвный взглядъ и цѣлые полчаса оставался угрюмымъ. Тогда Розалія очень мило заговорила о сегодняшней прогулкѣ, о лѣсѣ и прекрасномъ вечерѣ, а Зенонъ, чувствуя себя глубоко несчастнымъ при видѣ морщины на лбу брата, напрягалъ всѣ усилія, чтобъ говорить о вещахъ, которыя могли быть пріятны и занимательны для него. Дѣйствительно, лобъ Виктора вскорѣ разгладился, и онъ принялъ участіе въ общемъ разговорѣ, но уже не съ такимъ остроуміемъ и охотой. Онъ не казался сердитымъ, но былъ смущенъ и недоволенъ. Тотчасъ же послѣ чая онъ взялъ брата подъ руку и потащилъ его въ садъ.

— Зенонъ, чего ради ты бухнулъ дамамъ о томъ, что я скоро женюсь? Ты поставилъ меня въ такое затрудненіе, что я не зналъ, что сказать. И нужно же этому случиться! Какъ разъ передъ этимъ

я говорилъ Розалии, что до знакомства съ нею мое сердце было свободно, какъ птица, и что только она лишила его свободы. А черезъ пять минутъ послѣ этого признанія и соотвѣтственно долгаго лобзанія ручекъ ты выѣзжаешь со срокомъ моей свадьбы. Ну, ну!...

Онъ говорилъ это съ какою-то странною смѣсью упрека со смѣхомъ. Зенону также захотѣлось смѣяться,—такъ его потѣшалъ способъ обращенія съ предметомъ, которому онъ приписывалъ огромное значеніе. Но вскорѣ онъ настроился на серьезный ладъ.

— Милый Викторъ,—началъ онъ,—я не сумѣю даже сказать, какъ меня огорчаетъ то, что я причинилъ тебѣ непріятность, и я искренно прошу у тебя прощенія. Но, сказать правду, можно ли такъ безцеремонно обращаться съ чужимъ сердцемъ? Вѣдь твоя невѣста любить тебя и вѣрить въ твою любовь.

— Да, вѣдь и я люблю ее!—воскликнулъ Викторъ,—но какое же отношеніе имѣеть одно къ другому? Тамъ—любовь, а тутъ—игра. Какой вредъ Амеліи можетъ принести то, что я, за двѣсти миль отъ нея, проведу нѣсколько пріятныхъ минутъ съ другой женщиной?

Зенонъ, самъ не зная, смѣяться ли ему или сердиться, отвѣтилъ:

— Ты готовъ не только за двѣсти миль, но и за два шага отъ нея проводить пріятныя минуты съ другой женщиной. Но, вѣдь, и та другая можетъ повѣрить и полюбить тебя...

— А съ нею - то что же бы сдѣлалось отъ этого?—удивился Викторъ.—Нѣсколько пріятныхъ минутъ прервало бы скучное теченіе жизни старой дѣвы, она помечтала бы немного, а потомъ у нея до самой смерти осталось бы воспоминаніе о чемъ-то болѣе свѣжемъ, чѣмъ ея покойный женихъ. Ты посмотрѣлъ съ трагической стороны на самую обыкновенную вещь, и если это грѣшокъ, то неслыханно обиденный и микроскопическій, просто-на-просто уловленіе на лету забавы, которая пролетала мимо носа и отъ которой отказался бы развѣ какой-нибудь дуракъ.

Зенонъ, какъ эхо, повторилъ:

— Дуракъ!

А потомъ онъ прибавилъ:

— Правда ли, что тѣ, которые не доставляютъ себѣ удовольствія, какою бы цѣною они не окупались,—дураки?

Викторъ не отвѣчалъ. Они шли подъ руду по широкой дорожкѣ, пересѣкающей садъ по всей его длинѣ. На небѣ свѣтилъ серебряный серпъ, окруженный звѣздами, и озарялъ землю слабымъ полу-

свѣтомъ только что народившейся луны. Послѣ долгаго молчанія, Зенонъ отозвался первый.

— Часто я задумывался надъ тѣмъ, кто дѣйствительно правъ, и кто ошибается: свѣтскіе ли, веселые люди, усиливающіеся стряхнуть съ себя, насколько возможно, всѣ тернія жизни и цѣной чего бы то ни стало вкушать ея радости, или тѣ, которые взваливаютъ себѣ на спину бремя долга, бдительно слѣдятъ, чтобы не сронить ни малѣйшей частички его и, засмотрѣвшись на далекую звѣзду, словно слѣпцы, обходятъ цвѣты и попадаютъ въ тернистыя заросли. Какой изъ этихъ двухъ сортовъ людей, дѣйствительно, можно назвать умными, и какой глупыми?

— Мнѣ кажется, что въ этомъ, какъ и во всемъ, самое лучшее это разумная середина. Трудиться нужно, потому что безъ труда человѣкъ обращается въ тряпку, всѣми презираемую и ни на что негодную. Честность и добровѣстность въ денежныхъ дѣлахъ—это дѣло чести, лишившись которой, человѣкъ обращается,—съ твоего позволенія,—въ свинью. Я до извѣстной степени цѣню даже и благотворительность, потому что человѣческія страданія, когда я ихъ вижу, возбуждаютъ во мнѣ состраданія, и я былъ бы послѣднимъ эгоистомъ, еслибъ не уменьшилъ его какой-нибудь крохой, которая въ концѣ концовъ для меня почти ничего не значить, но страдающему можетъ въ данномъ случаѣ принести значительную поддержку и облегченіе. Но на этомъ и конецъ, и я положительно не знаю, чего разумный человѣкъ могъ бы требовать отъ себя кромѣ этого?

Они сѣли на скамью, освѣщенную иглистымъ свѣтомъ луны, и Зенонъ съ живостью заговорилъ:

— Будто на томъ и конецъ? Будто правда, что въ рамкахъ, сбитыхъ изъ трехъ дощечекъ,—труда, чести и дешевой благотворительности,—и виѣщается разрѣшеніе той загадки, какою представляется назначеніе человѣка на землѣ? Для меня эта загадка—бездна. Съ начала міра надъ ней склоняются благороднѣйшія головы и не могутъ взоромъ достигнуть ея дна. Ты точно также не разъ долженъ былъ задумываться надъ вопросомъ: для какой цѣли человѣкъ неизбежно страдаетъ и умираетъ? Неизбѣжность страданія и смерти была бы ужасающей выходкой, какой-то адски ужасной силы, еслибъ она не имѣла цѣли, непонятной бѣдному человѣческому уму, потому что наши бѣдныя чувства ничего не могутъ повѣдать намъ о ней. Но цѣль несомнѣнно существуетъ. Могла ли бы природа, которая не терпитъ физической пустоты, выносить такую моральную нелѣпость, какъ бесполезное терзаніе неисчис-

лимыхъ милліардовъ существъ? Я пришелъ къ убѣжденію, что за предѣлами нашихъ чувствъ, въ пространствѣ и времени, совершается какое то гигантское и совершенное дѣло, для котораго потребны какія - то существованія, страдапія, смерти, а также можетъ быть созидается и наше совершенство. Но это совершенство не умѣщается въ одномъ только трудѣ, чести и въ бросаніи нищимъ ненужныхъ намъ крохъ съ нашего стола. Правильно или ошибочно, но я усматриваю его въ очищеніи жизни хотя бы отъ мельчайшихъ человѣческихъ несправедливостей, въ любви къ землѣ и къ людямъ,—любви, доведенной до пожертвованій, хотя бы они сопровождалась самыми тяжелыми страданіями. Не знаю, ясно ли я выражаюсь. Я не привыкъ говорить вообще, а въ особенности о такихъ вещахъ. Но что касается, по крайней мѣрѣ, меня, то я напрягаю всѣ свои силы къ тому, чтобъ имѣть насколько возможно чистое сердце и оказывать посильныя услуги землѣ и людямъ. Мнѣ кажется, что только такимъ способомъ я достигну цѣли, для которой родился на свѣтъ. Но все это—результаты моихъ одинокихъ размышленій... можетъ быть они ошибочны. Что ты думаешь обо всемъ этомъ?

Во время своей рѣчи Зенонъ смотрѣлъ въ пространство, освѣщенное мгlistымъ свѣтомъ только что народившейся луны, но при послѣднихъ словахъ повернулъ лицо къ брату и съ трудомъ удержался отъ смѣха. Рѣсницы Виктора были сомкнуты и только при звукѣ его имени приподнялись и безпокойно затрепетали, какъ вспугнутыя птицы. Во время длинной тирады брата его начала охватывать непобѣдимая дремота, которую онъ, однако, пересилилъ, не безъ труда улавливая нѣкоторыя слова и опредѣленія. Теперь онъ провелъ рукою по глазамъ и отвѣтилъ на то, что ему удалось услышать:

— Милый Зенекъ, все то, о чемъ ты говорилъ, находится въ вѣдѣніи поповъ. Пусть ужъ они опредѣляютъ разныя степени людскихъ грѣховъ и угадываютъ, что можетъ встрѣтить человѣка на томъ свѣтѣ. Это теологія. Я вѣрю въ Бога и каждый день читаю молитвы, потому что меня такъ научила мать и потому что это уже вошло въ мою кровь и въ мои привычки. Но я не ломаю себѣ голову надъ непонятными вещами,—для этого у меня нѣтъ ни времени, ни охоты. Что же касается смерти, то, мой милый, это вещь до такой степени непріятная, что лучше о ней и не думать. Придетъ она,—что-жъ дѣлать? А пока не приходитъ, не будемъ вызывать изъ лѣса отвратительнаго волка. Такова моя философія. Дина-

мику, гидравлику, статику я знаю хорошо, а о безсмертіи души рѣшительно ничего не знаю. Да и не нужно. Что Господь Богъ захочетъ, то и сдѣлаетъ съ моей душой, а покуда я живъ, — *vive la vie!* А теперь пойдемъ домой, потому что становится холодно, да, кажется, и спать пора. Какъ ты думаешь?

Не прошло часа, какъ въ домѣ всѣ уже спали или, по крайней мѣрѣ, легли спать. Лишь одинъ Зенонъ ходилъ по длинной дорожкѣ, пересѣкающей садъ. Какъ только онъ приближался къ тому концу, который упирался въ поле, спящее подъ луннымъ свѣтомъ, такъ останавливался, смотрѣлъ на ясный серпъ и задавалъ себѣ вопросъ:

— Неужели я ошибался? Неужели задаромъ потратилъ жизнь? О, источникъ всякой жизни и единственная сокровищница всякого познанія, каковы въ дѣйствительности твои законы и повелѣнія? Таковы ли они, что дѣлаютъ людей, подобныхъ моему брату, энергическими и счастливыми или таковы, что, исполняя ихъ, человѣкъ преждевременно старѣется, какъ я, и становится печальнымъ, только ты одинъ знаешь, насколько я печаленъ.

А какъ онъ доходилъ до противоположнаго конца дорожки, то поднималъ глаза къ огню брата и мысленно спрашивалъ:

— Кто изъ насъ глупъ и кто уменъ: онъ или я?

III.

Зенонъ Горничъ отвезъ брата на станцію желѣзной дороги и отправился въ ближайшій городокъ, откуда долженъ былъ захватить механика для починки испорченной молотилки. Въ городѣ онъ пробылъ довольно долго, потому что долженъ былъ повидаться съ ветеринаромъ, переговорить съ купцомъ, которому продавалъ хлѣбъ и купить кое-что для дома. Возвратился онъ вечеромъ, слѣзъ около риги и пошелъ по направленію къ дому съ низко-опущенной головой и нахмуренными бровями. Въ эту пору дворъ былъ пустъ, въ домѣ царило молчаніе, лишь издали, изъ глубины сада, гдѣ были устроены качели, доносились дѣтскіе голоса.

Можетъ ли быть, чтобы то, чего онъ ожидалъ съ такой горячностью въ головѣ и сердцѣ, что не дало ему спать цѣлую ночь, уже миновало и отошло въ область прошедшаго? Что оно прошло, — это вѣрно, и тутъ нѣтъ ничего неестественнаго, но было ли оно вообще? Дѣйствительно ли его братъ былъ здѣсь и про-

велъ съ нимъ двое сутокъ? Какъ же! Сюда прїѣзжалъ и въ его домъ провелъ двое сутокъ кто-то умный, блестящій, веселый, милый, но не его братъ,—напротивъ, какой-то человѣкъ, совершенно непохожій на него, съ которымъ его не соединяло ничто, даже воспоминанія, потому что, поглощенный подвижной и счастливой дѣйствительностью, тотъ человѣкъ не нуждался въ воспоминаніяхъ.

И было, и не было. То самое, чего онъ жаждалъ и такъ горячо ожидалъ, а на самомъ дѣлѣ совсѣмъ другое. Зенонъ Горничъ еще разъ удостовѣрился, что существуетъ огромная разница между мечтой и дѣйствительностью, между формою вещи, остающейся такою же, какъ и прежде, и ея совершенно измѣнившейся сущностью. Какъ и прежде, онъ и Викторъ были дѣтьми однихъ и тѣхъ же родителей, носили одну и ту же фамилію, но гдѣ же, въ чемъ и какое братство между ними?

Простились они не такъ сердечно, какъ здоровались. Последнее рукопожатіе длилось долго,—инстинктъ братства существовалъ у обоихъ, хотя и въ далеко неравной степени. Но у цивилизованныхъ людей инстинктъ не единственный господинъ, а все другое, что жило въ нихъ, взаимно отталкивалось и безъ словъ говорило о бесполезности дальнѣйшихъ сношеній.

— Когда же мы увидимся опять?—спросилъ Викторъ, и тотчасъ же добавилъ:—я почти не могу располагать своимъ временемъ.

— Да,—отвѣтилъ Зенонъ,—должно быть увидимся не скоро.

И онъ добавилъ въ глубинѣ души:

— Да и зачѣмъ?

Они обмѣнялись этими словами съ инстинктивнымъ сожалѣніемъ, но вѣсть съ тѣмъ и съ убѣжденіемъ, что иначе быть не можетъ, да и зачѣмъ?

Когда локомотивъ свиснулъ, и поѣздъ началъ удаляться отъ станціи, Зенонъ ощутилъ грызущее чувство только-что перенесенной утраты. Онъ утратилъ брата. Медленно подвигающійся впередъ рядъ вагоновъ казался ему погребальною процессіей. Похороны бываютъ различныя, и не менѣе прискорбны тѣ похороны, во время которыхъ человѣкъ поетъ «вѣчная память» одиноко, да и то лишь въ глубинѣ своего сердца. Теперь видъ двора и дома воскресилъ передъ его глазами мечтанія о прїѣздѣ Виктора и картины того, что произошло потомъ.

Въ мысли онъ повторялъ пословицу, которою уже не разъ ка-

раалъ себя въ подобныхъ случаяхъ за свое необузданное воображеніе:

— Ахъ, старый воробей, опять далъ себя поймать на мякинѣ!

Но тотчасъ же ему въ голову пришло, что это была не одна только мябина. Напротивъ, такіе люди, какъ Викторъ, конечно, были здоровымъ и красивымъ зерномъ челоѣчества, а плевелими такіе, какъ онъ, и нужно ихъ ссыпать въ домъ сумасшедшихъ, въ закромъ, предназначенный для душъ, обуянныхъ идеями, не имѣющими никакого курса на жизненной биржѣ.

Передъ тѣмъ, какъ войти въ домъ, Зенонъ заколебался и остановился на мѣстѣ. Онъ чувствовалъ, что лобъ его покрытъ морщинами и что, встрѣтившись съ кѣмъ-нибудь, онъ долженъ будетъ принять болѣе веселый видъ. Ему было некому ни рассказать, ни показать того, что онъ чувствовалъ. Онъ предпочиталъ оставаться одинокимъ, и мускулы своего лица оставить въ покоѣ. И онъ сѣлъ на крыльцѣ. Въ открытое окно доносились голоса Розаліи и Сабины. Собственно, Сабина отозвалась только одинъ разъ, коротко и такъ тихо, что Зенонъ не слышалъ ея словъ. Розалія же отвѣчала громко, сухимъ и поучительнымъ тономъ, который свидѣтельствовалъ о томъ, что вмѣстѣ съ отъѣздомъ гостя на ея небѣ кончились прекрасные дни Аранхуэса, а тяжелыя тучи снова начали нагромождаться. Она говорила такъ, какъ будто ея сестра была маленькой дѣвочкой, во всѣхъ отношеніяхъ подчиненной ея власти:

— Ты всегда преувеличиваешь, Сабина, и впадаешь только въ однѣ крайности. Всю жизнь ты обожала мужа и покорялась ему, какъ раба, а теперь ни съ того, ни съ сего, тебѣ взбрело въ голову жаловаться на свою печальную участь. Думаю, что съ такимъ челоѣкомъ, какъ панъ Викторъ, ты была бы веселѣй, потому что твой мужъ, моя милая, — мечтатель, очень благородный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень непрактичный. Такіе люди не скрашиваютъ жизни ни себѣ, ни другимъ. Но послѣ семнадцати лѣтъ замужства уже не время такъ пылко восхищаться достоинствами посторонняго челоѣка...

Зенонъ не хотѣлъ слушать дальше, вскочилъ со скамьи и, быстро пройдя дворъ, вышелъ за ворота. Вотъ тебѣ и на! Даже Сабина плакалась на свою печальную судьбу и пылко восхищалась достоинствами Виктора! Это возбуждало въ немъ гнѣвъ, близкій къ бѣшенству.

Пусть бы она попробовала быть женою или хотя бы невѣстой

Виктора! Зенонъ рѣшительно и совершенно ясно сказалъ самому себѣ, что, въ свою очередь, онъ, въ союзѣ съ нею, несмотря на ея мягкость и семейныя добродѣтели, чувствуетъ себя совершенно несчастнымъ, но это ужь его вина. Онъ черезчуръ идеализировалъ ее передъ свадьбой... какъ брата передъ его прїѣздомъ. Онъ всегда принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые лѣпятъ людей по своему образу и подобию, а когда глина подъ вліяніемъ времени рассыпается, то замѣчаютъ, что она заключаетъ въ себѣ совѣмъ не то, что они предполагали. Это случалось съ нимъ нѣсколько разъ въ жизни, случилось и теперь. Теперь онъ узналъ, что и жена его также разочарована и недовольна. Она признавалась въ этомъ сестрѣ, — онъ никогда не раскрывался ни передъ кѣмъ. Правда, онъ хотѣлъ раскрыться передъ братомъ, но оказалось, что у него нѣтъ брата.

Его все болѣе и болѣе захватывали въ свои лапы самыя страшныя чудовища въ мірѣ, — безбрежное одиночество и полное сомнѣніе въ себѣ самомъ. Онъ шелъ съ опущенной головой и спиною, сгорбленною болѣе, чѣмъ обыкновенно, и думалъ о томъ, что дѣйствительно сгубилъ свою жизнь. Еслибъ онъ не бросилъ своей артистической карьеры ради Заполянки, то можетъ быть теперь былъ бы знаменитымъ, уважаемымъ, какъ Викторъ, веселымъ и дѣятельнымъ. Что у него не было большого художественнаго таланта, въ этомъ онъ былъ увѣренъ, обладай онъ золотомъ, онъ и здѣсь могъ бы творить произведенія искусства, но развѣ люди проторяютъ себѣ дороги на свѣтѣ исключительно только при помощи великихъ талантовъ? И онъ съ своимъ небольшимъ дарованіемъ проторилъ бы себѣ дорожку, еслибъ, по словамъ Виктора, умѣлъ бы хорошо работать локтями и назначилъ бы себѣ высокую цѣну, лишь выбился бы изъ толпы. Но въ немъ всегда жила склонность къ сомнѣнію въ самомъ себѣ и въ томъ, что въ немъ заключалось, онъ не рассчитывалъ, не умѣлъ спекулировать...

За нимъ послышались поспѣшные шаги и онъ обернулся. То былъ Павелекъ, который давно уже гнался за нимъ, а теперь остановился, страшно смущенный, но съ рѣшительнымъ выраженіемъ блѣднаго и худого лица.

— Простите, что я задержалъ васъ на дорогѣ, — началъ онъ, — но я не могу дольше выдерживать. Позвольте мнѣ нѣсколько минутъ поговорить съ вами.

— Конечно, конечно, — отвѣтилъ Зенонъ, — только отчего у тебя такой видъ, что ты какъ будто только сегодня оправился отъ тяжелой болѣзни?

При видѣ страданія, вырисовывающагося на лицѣ мальчика, Зенонъ забылъ о своихъ мрачныхъ мысляхъ и тяжелыхъ ощущеніяхъ. Павелекъ стремительно прервалъ его:

— Потому что я три дня мучаюсь такъ, что не могу ни спать, ни ѣсть, а по временамъ мнѣ хочется провалиться сквозь землю отъ стыда и горя.

На его темныхъ глазахъ навернулись слезы, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нихъ отразился почти бѣшенный гнѣвъ.

— Еслибъ я могъ, то билъ бы самого себя, толкалъ, кусалъ, въ острогъ бы запряталъ...

— Но, Бога ради, чего ты такъ отчаиваешься!—воскликнулъ Зенонъ, который никакъ не могъ удержаться отъ улыбки, потому что отчаянные жесты мальчика, показывающаго, какъ бы онъ билъ, толкалъ и кусалъ себя, были преисполнены наивной и комической живости. Но Павелекъ вдругъ успокоился и проговорилъ рѣшительнымъ голосомъ:

— Потому что я съ паномъ Гуркевичемъ не поѣду!

— Не поѣдешь? Почему? Вѣдь я не уговаривалъ тебя, чтобы ты остался?

Павелекъ съ минуту то ли думалъ, то ли колебался, наконецъ, отвѣтилъ съ несвойственной ему серьезностью:

— Вы меня не уговаривали, — доброта ваша уговорила.

— Что такое? Объясни мнѣ, что ты говоришь?

— Да что тутъ объяснять? Вы меня изъ нужды вытащили, воспитывали, любили, учили, человѣкомъ сдѣлали, а я не только что хотѣлъ бросить васъ и поступить какъ разъ наоборотъ тому, что вы всю жизнь вбивали мнѣ въ голову, но еще и скрывалъ отъ васъ, какъ отъ врага, свои намѣренія. Я думалъ, что вы возненавидѣли меня и презираете, какъ собаку... А тутъ за обѣдомъ, когда панна Розалія такъ осрамила меня предо всѣми и предъ вашимъ братомъ и хотѣла меня уязвить, какъ это она умѣетъ дѣлать, вы заступились за меня и подмигнули, какъ другу... А потомъ опять, при каждомъ свиданіи, вы обращались со мной добро, какъ будто ничего не случилось. Только и всего: что съ тобой, Павелекъ? Отчего ты такъ похудѣлъ? Я думалъ, что пропаду отъ горя и угрызенія совѣсти. Я не могъ говорить съ вами, пока у васъ жилъ гость, но теперь, когда увидалъ, что вы одни идете въ поле, и побѣжалъ за вами. Дорогой мой, золотой, милый, забудьте о моей глупости и дозвольте, чтобъ я остался при васъ.

Последнія слова онъ проговорилъ прерывающимся голосомъ и

припалъ къ колѣнамъ Зенона, живой, какъ искра, растроганный, какъ ребенокъ, сокрушенный, какъ грѣшникъ, возненавидѣвшій свой грѣхъ.

Зенонъ обнялъ его, поцѣловалъ въ лобъ и все время смѣялся, хотя глаза его были влажны. Ему не трудно было успокоить мальчика, который только и желалъ, чтобъ его простили, оставили въ Заполянскѣ и относились попрѣжнему, дружески. Потомъ Зенонъ отправилъ его домой, а самъ пошелъ по своей излюбленной дорожкѣ къ холму, поросшему соснами. Онъ чувствовалъ, что ноги его передвигаются легче, спина не такъ сильно горбится и что мракъ, окутывающій его мозгъ и сердце, мало-по-малу разсѣвается. Вскорѣ онъ очутился на подъемѣ холма, среди рѣдкихъ сосенъ, подножія которыхъ тонули въ густомъ слоѣ мховъ сѣрыхъ, желтыхъ и еще зеленыхъ, какъ изумрудъ. Онъ сѣлъ, осмотрѣлся вокругъ и заглядѣлся на развертывающуюся передъ нимъ картину.

Вокругъ огромными клумбами росли темные и свѣтло-оранжевые папоротники, вился хмѣль, съ листьями красными, какъ лепестки столиственной розы, возвышались кроваво-ржавые мозжевельники. Посреди сосенъ стояли березы, всѣ облитыя золотомъ, а отдаленныя глубины лѣса, гдѣ мракъ уже начиналъ сгущаться, кое-гдѣ еще свѣтились солнечнымъ лучомъ, колыхающимся на подвижной пурпурной волнѣ увядшей брусники и ежевики. По обѣимъ сторонамъ полевой тропинки, вьющейся у подножія холма, торчали стебли растенія безъ цвѣтовъ, часто даже безъ листьевъ, но зато увѣшанныхъ семенами, различныхъ формъ и величинъ. А поля, вспаханныя или покрытыя желтымъ жнивьемъ, волнообразною линіей уходили далеко-далеко, до самаго края неба, усѣяннаго разноцвѣтными облаками.

На западѣ пылала вечерняя заря и ея румяные и золотистые огни ложились на поля и плыли по воздуху надъ полями, надъ лѣсами, разбросанными по холмамъ, надъ заполянскою усадьбой, которая казалась пейзажемъ, нарисованнымъ на золотисто-розовомъ фонѣ. Напротивъ, на восточной сторонѣ, длинная, сѣрая деревня уже окуталась лиловымъ туманомъ и выбрасывала къ небу клубы дыма.

Во всей этой картинѣ было спокойствіе вечера и печаль осени, но была и рѣдкая прелесть вещей простыхъ, но великихъ.

Зенонъ смотрѣлъ на землю, на небо и мало-по-малу его чувства и душа начали погружаться въ нихъ такъ, что онъ начиналъ терять сознание своего одиночества. Онъ былъ не одинъ, потому что обладалъ тѣмъ, что любилъ.

Чѣмъ больше онъ смотрѣлъ, тѣмъ сильнѣе и явственнѣе переживалъ тотъ процессъ, который восемнадцать лѣтъ тому назадъ связалъ его на вѣки съ этимъ уголкомъ міра. Ему казалось, что онъ вбираетъ его въ себя и, въ свою очередь, поглощается имъ, становится его частицей, тѣсно спаянный съ другими его частицами. Онъ чувствовалъ, что въ мірѣ не было такой силы, которая смогла бы вырвать его отсюда, что всѣ его страданія и всѣ наслажденія должны быть здѣсь, а не гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, какъ капля воды заключается въ ручѣ, какъ въ солнечномъ лучѣ заключается частичка свѣта. И онъ подумалъ, что для этого уголка онъ несомнѣнно былъ каплею воды и частичкою свѣта, — вода же даетъ жизнь землѣ, а свѣтъ разгоняетъ мракъ.

Не вдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ, находилась гуча сухого мха, перемѣшаннаго съ хвоею и со спутанными стеблями еще неотцвѣтшихъ растений. Зенонъ склонилъ свою голову такъ низко, что щека его коснулась лиловаго атласа цвѣтковъ вереска. Тогда до его уха долетѣлъ странный шумъ и шелестъ, словно подо мхомъ ползали червячки, словно между засохшими листьями трепетали какія-то маленькія крылышки, словно то медленно, то быстро струились какіе-то маленькіе, узенькіе ручейки. Эти послѣдніе были соки земли, плывущіе подъ ея скорлупою и разбѣгающіеся во всѣ стороны, подъ поля, подъ лѣса, подъ заполянскую усадьбу, вырисовывающуюся на фонѣ вечерней зари, подъ деревушку, что сѣрымъ поясомъ протянулась вдоль восточнаго конца неба. Зенонъ Горничъ прислушивался къ этому шуму внимательнымъ и жаднымъ ухомъ и вскорѣ уразумѣлъ рѣчь земли, ибо издавна жилъ съ ней въ союзѣ, скрѣпленномъ великою любовью. Въ этой рѣчи заключалось многое: жалобы, благодареніе, тихій плачь, протяжная пѣсня, похожая на ту, которую няньки поютъ надъ колыбелью больного ребенка. Въ этомъ голосѣ земли, кромѣ шума и шепота, слышалось доходящее изъ недоступныхъ глубинъ бѣненіе могучаго пульса, трепетаніе сердець, которые жили, работали, страдали и наслаждались...

Долго длилось это, а Зенонъ Горничъ все прислушивался къ этому шуму и говору и вбиралъ ихъ въ себя, какъ пустыня, истомленная зноемъ полудня, вбираетъ въ себя вечернюю росу.

А когда онъ, оторвавъ ухо отъ мха и вереска, всталъ и выпрямился, то увидалъ надъ заполянскимъ домомъ восходящій серпъ луны. Изъ-за кровли показывался только одинъ рожокъ, но и онъ озарялъ лицо смотрящаго на него человѣка яркимъ, почти солнеч-

нымъ свѣтомъ. Спина этого человѣка уже не была сгорблена, лицо освободилось отъ морщинъ. Станъ его былъ прямъ, а глаза съ благодарностью обращены къ небу.

Онъ молился:

— О, источникъ всякой жизни и единственная сокровищница всякаго познанія, теперь я уже не сомнѣваюсь въ Твоемъ могуществѣ, ибо чувствую, что любовь моя велика, и я не жалѣю ничего, хотя я очень печаленъ. Съ почтительною любовью я преклоняюсь передъ грустью въ Твоемъ всесозданіи и съ благоговѣніемъ приѣмлю ее на свои плечи, ибо она — учитель, который научить людей понимать, каковы суть Твои законы и веленія!

В. Л.

Въ паркѣ.

Севозь узоръ зеленой сѣти
Свѣтъ струился голубой,
И безпечные, какъ дѣти,
Въ немъ тонули мы съ тобой.

Трепеща въ привѣтной ласкѣ,
Лились лунныя струи
И на зелень, и на глаза,
И на локоны твои.

И, вливая свѣтъ дрожащій
Севозь узорчатую сѣть,
Я забылъ, что тамъ, за чашей,
Надо мыслить и скорбѣть.

В. Полтавцевъ.

Изъ жизни К. Д. Кавелина во Франціи и Германіи въ 1862—1864 гг. *).

(По его перепискѣ за это время).

III.

Опять въ Парижѣ.

Мрачное настроеніе духа Кавелина.—Его письмо къ Э. Л. Галаховой.—Графъ Д. Н. Влудовъ и его дочь, графиня Ант. Дм. Влудова.—Разказы И. П. Арапетова.—Переписка К. Д. Кавелина съ баронессой Э. О. Радевъ по „польскому вопросу“.

15 (27) іюля Кавелинъ вернулся въ Парижъ и остановился въ той же «остиницѣ», гдѣ жилъ раньше. Въ это вторичное пребываніе свое въ «столицѣ міра» онъ скучалъ и хандрилъ еще болѣе, чѣмъ въ первое. Его терзаетъ разрывъ съ Герценомъ, и беспокоятъ все болѣе и болѣе не радостныя вѣсти, приходящія изъ Россіи: онъ очень взволнованъ ходомъ дѣлъ въ Польшѣ, петербургскими пожарами и арестомъ Чернышевскаго. Изъ Монтрё Кавелинъ получаетъ тревожныя извѣстія о болѣзни дочери и собирается ѣхать туда, но, къ счастью, тревога оказывается напрасной, болѣзнь въ дѣйствительности является не опасной, и онъ остается въ Парижѣ.

Кавелинъ еще болѣе, чѣмъ прежде, ощущаетъ отсутствіе въ Парижѣ близкихъ ему людей. Н. И. Тургеневъ съ семьей уѣхалъ на воды, Н. А. Милютинъ съ женой находились на о. Уайтѣ; Кавелинъ видался только съ мало знакомыми ему пріѣзжими русскими, въ числѣ которыхъ были: состоявшій въ вѣдомствѣ министерства иностранныхъ дѣлъ Андр. Фед. Гамбургеръ, Викт. Гавр. Варенцовъ, бывшій въ 50-хъ гг. профессоромъ русской словесности въ Казанскомъ университетѣ, а въ это время директоръ самарской гимназіи, и только что начинавшій свое специальное научное поприще, тогда еще молодой славистъ, Вл. Ив. Ламанскій. Изъ болѣе близкихъ своихъ знакомыхъ Кавелинъ имѣлъ случай видѣться въ Парижѣ лишь съ Егор. Петр. Ковалевскимъ. Жалобы на недостатокъ интимнаго кружка, на нравственное одиночество, выражаетъ Кавелинъ въ письмѣ отъ 18 (30) августа къ Зип.

*) *Русская Мысль*, кн. V, 1899 г.

Львовѣ Галаховой, женѣ Алексѣя Дмитр. Галахова. «... Чтобы быть эмигрантомъ безъ права возвратиться на родину, — пишетъ онъ, между прочимъ, — нужно имѣть желѣзный характеръ и закаленное сердце, а у меня нѣтъ ни того, ни другого. Но не желая быть эмигрантомъ, я все-таки не стану очень слѣпнуть возвратомъ, а постараюсь помаленьку вызывать сюда пріятелей. Оставили вы или нѣтъ намѣреніе ѣхать за границу будущимъ лѣтомъ? Если нѣтъ, то я буду этому очень радъ, потому что, вѣроятно, останусь еще здѣсь, т.-е. въ Европѣ: въ Парижъ, вырвавшись разъ изъ него, я едва ли возвращусь скоро». Онъ чувствуетъ потребность излить душу передъ своими старыми друзьями и пишетъ Герцену и Огареву длинныя письма, снова желая побывать на «томъ берегу» у Герцена, который, повидимому, выразилъ и съ своей стороны на этотъ разъ согласіе повидаться съ нимъ и объясниться лично.

Въ половинѣ августа пріѣхалъ въ Парижъ графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ съ дочерью, графиней Антониной Дмитріевной, встрѣча съ которой имѣла большое вліяніе на умиротвореніе взволнованнаго духа Кавелина.

Графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ (р. 5 апр. 1785 г., † 19 февр. 1864 г.) дипломатъ, министръ, стоявшій во главѣ разныхъ министерствъ въ царствованіе императора Николая I, главноуправляющій II отд. собственной Е. И. В. канцеляріей, редакторъ «Свода Законовъ», президентъ академіи наукъ и государственнаго совѣта, при императорѣ Александрѣ II, — въ молодости былъ близокъ съ Карамзинимъ, Александр. Ив. Тургеневымъ и Жуковскимъ и находился въ числѣ основателей пріятельскаго литературнаго общества «Арзамасъ». Здѣсь онъ сошелся съ отцомъ Кавелина, Дмитріемъ Александровичемъ Кавелинымъ, котораго ввелъ въ «Арзамасъ» Жуковский, его школьный товарищъ по московскому Благородному пансіону. Конст. Дм. Кавелинъ не любилъ графа Блудова и даже избѣгалъ его. Порицалъ Кавелинъ Блудова за редакцію «Свода» и не раздѣлялъ его воззрѣній на освобожденіе крестьянъ. Иначе относился онъ къ дочери его, *графини Антонинѣ Дмитріевнѣ Блудовой* (р. 1812 г., † 7 апр. 1891 г.), въ которой высоко цѣнили сердечность и искреннюю религіозность. Будучи на шесть лѣтъ моложе ея, Кавелинъ, по отношеніямъ своей семьи къ Блудовымъ, былъ знакомъ съ ней еще въ молодости, и въ 50-хъ гг. нерѣдко навѣщалъ ее въ Петербургѣ, и такъ какъ графиня Антонина Дмитріевна жила съ отцомъ, то Кавелинъ невольно попадалъ въ общество и стараго графа Блудова. То же произошло и въ Парижѣ въ 1862 году. «Она добрѣйшая женщина въ мірѣ, а мнѣ было какъ-то особенно скорбно и тяжело», — писалъ Кавелинъ о графинѣ Блудовой баронессѣ Раденъ 9 (21) сентября 1862 г. — Я ей обязанъ нѣсколькими хорошими минутами, которыя такъ рѣдки. Само собою разумѣется, что во мнѣніяхъ мы страшно расходимся, но мнѣ нужно было не сходство мнѣній. И съ вами, Эдита Федоровна, если пересчитать по пальцамъ, немного найдется предметовъ, въ которыхъ мы совершенно согласны; гораздо больше такихъ, въ которыхъ мы совершенно расходимся. Однако, я чувствую потребность писать вамъ левіаановскія письма». Въ другомъ

болѣе позднѣе письмо къ баронессѣ Раденъ (отъ 15 (28) января 1863 г.) Кавелинъ снова вспоминаетъ, что обязанъ графинѣ Блудовой въ Парижѣ «нѣсколькими отличнo-хорошими минутами» и пишетъ далѣе: «Она—добрѣйшее существо въ мiрѣ. Меня ставить къ ней въ ложное и тяжелое положенiе только то, что у ней папаша Д. Н. Блудовъ, котораго я ни съ какой стороны уважать не могу и съ которымъ долженъ былъ каждый день видаться, только чтобы видѣться съ нею. Я цѣню ея золотое сердце, потому что нашъ образъ мыслей и наша оцѣнка нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ умершихъ личностей раздѣляетъ насъ на нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Въ Парижѣ я былъ очень взволнованъ, когда она прiѣхала; мнѣ нужна была сочувствующая душа, и она приняла на себя эту благодѣтельную роль: этого я никогда не забуду».

Съ 1862 г. у Кавелина возникаетъ переписка съ графиней Блудовой, и изъ ея позднѣйшихъ къ нему писемъ можно видѣть, какого рода были «тѣ хорошия минуты», которыми былъ ей обязанъ Кавелинъ въ 1862 г. Такъ изъ писемъ графини Блудовой къ Кавелину за 1864 годъ мы узнаемъ, что въ бесѣдахъ съ графиней Блудовой въ Парижѣ Кавелинъ, при тогдашнемъ его душевномъ настроенiи, уходилъ воспоминанiями въ мiръ прошлаго, и многое забытое изъ этого мiра воскресало передъ нимъ воочию. Онъ не затрогивалъ самой тяжелой своей сердечной раны—преждевременной смерти нѣжно любимаго сына, но графиня Блудова очень хорошо понимала полунамеки Кавелина, вродѣ его восклицанiя: «что онъ безсиленъ передъ своимъ горемъ!», или замѣчанiя: «что какъ ни ожидаешь бури,—она все-таки приходитъ внезапно», и старалась облегчить его душевную муку христиански-религiозными утѣшенiями. Въ одну изъ такихъ задушевныхъ бесѣдъ, графиня Блудова показала Кавелину носимое ею кольцо съ голубою змѣей и припомнила при этомъ слова Сень-Мартена: «Je porte en moi un serpent dont la tête est dans mon coeur et la queue est dans ma tombe!» Этотъ афоризмъ дѣйствительно впился какъ змѣиное жало въ большую душу Кавелина: слишкомъ образно передавалъ онъ его собственныя скорбныя чувства. Онъ вспылывалъ и чуть не поссорился съ графиней, понявъ, что она разглядѣла именно то, что онъ старался глубоко скрыть въ тайникѣ своего сердца.

Кавелинъ стремится пайти облегченiе своему душевному состоянiю въ усиленныхъ учено-литературныхъ занятiяхъ. Онъ продолжаетъ писать статьи о «французскомъ университетѣ» для *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенiя* и создаетъ планы для послѣдующихъ работъ по философи, которыя вылились у него въ окончательную форму 10—15 лѣтъ спустя въ монографiяхъ о задачахъ психологiи и этики. Онъ подробно излагаетъ свои планы въ недошедшемъ до насъ письмѣ къ Огареву; о нихъ же сообщаетъ онъ Герцену въ письмѣ отъ 6 (18) августа. «Задумано много,—пишетъ Кавелинъ.—Въ связи съ тѣми мыслями, которыя я набросалъ Огареву, находится мысль: провѣрить по методу естественныхъ наукъ операцiи мышленiя и воли. Работы Локка и Канта устарѣли, а послѣ нихъ только строили

на результатахъ, которые они дали. Надо провѣрить эти результаты. Мнѣ вѣжется, тутъ ключъ къ выходу изъ дуалистическихъ воззрѣній въ новый міръ. Лѣтъ шесть, какъ эта мысль меня занимаетъ, но успѣю ли изложить ее, какъ бы хотѣлось — не знаю. Все некогда *)).

Въ сентябрѣ расположеніе духа Кавелина уравнивается. Вслѣдъ за графиней Блудовой около него мало-по-малу образуется кружокъ его старинныхъ друзей, и въ общенія съ ними онъ находитъ дальнѣйшее облегченіе своимъ душевнымъ недугамъ. Въ сентябрѣ пріѣзжаетъ въ Парижъ съ острова Уайта Ник. Ал. Милютинъ съ женой; въ это же время являются въ Парижъ шуринъ Милютина Ал. Агг. Абаза и давнишній пріятель Кавелина Ив. Павл. Арапетовъ. Кавелина очень заинтересовали рассказы Арапетова, только что прибывшаго изъ Петербурга, — о ходѣ крестьянскаго дѣла, о восторженномъ отношеніи освобожденныхъ крестьянъ къ императору Александру II въ Новгородѣ, во время празднованія тамъ тысячелѣтія Россіи, 8 сентября 1862 г., и Кавелинъ, по свойственной ему впечатлительности, приходитъ въ восторгъ отъ такихъ благопріятныхъ извѣстій, видя въ нихъ задатки лучшаго будущаго. Подъ вліяніемъ рассказовъ Арапетова онъ выражаетъ свои восторги въ письмѣ къ баронессѣ Эд. Фед. Раденъ 24 сентября (6 октября): «Крестьянскій вопросъ, — пишетъ Кавелинъ, — идетъ блистательно, какъ не ожидали даже самые смѣлые идеалисты. Изъ ста тысячъ уставныхъ грамотъ составлено уже семьдесятъ тысячъ. Народъ сталъ стоворчивѣй; идеальныя надежды на новую волю поблѣднѣли... Передавъ съ увлеченіемъ приведенные выше рассказы Арапетова, Кавелинъ восклицаетъ: «... Vous voyez, il y a de l'étoffe pour l'autocratie! Припомните наши разговоры. Не твердилъ ли я этого сто разъ? И не думайте, чтобъ это былъ энтузіазмъ аѳинскій или французскій. Эта вѣра сидитъ глубоко въ народѣ; какъ только есть благопріятный поводъ, она и высказывается. Это почва свѣжая, здоровая, не разращенная междуусобіями. Развитіе пойдетъ очень, очень медленно, потому что будутъ развиваться не одни верхніе слои, а весь народъ. Зато это развитіе будетъ очень прочно... Правда, что мы живемъ въ великое время для Россіи!»

Тогдашнія польскія дѣла, наоборотъ, очень смущаютъ Кавелина. Польскій вопросъ наканунѣ повстанія 1863 г. составляетъ главное содержаніе переписки К. Д. Кавелина съ баронессой Э. Ф. Раденъ съ 3 (15) августа до начала октября 1862 г. Приводимъ эту переписку, лишь съ незначительными выпусками **).

Кавелинъ баронессѣ Э. Ф. Раденъ, 3 (15) августа 1862 г.

«... Вѣсти изъ Россіи и Польши очень неутѣшительны. Сверху и снизу никакъ не могутъ понять другъ друга — въ этомъ все зло и все несчастье.

*) Письма Кавелина къ Герцену, стр. 81.

***) Всѣ письма баронессы Раденъ, какъ эти такъ и послѣдующія, писаны на французскомъ языкѣ; здѣсь они помѣщаются въ переводѣ. — Э. Ф. Раденъ находилась въ то время при в. кн. Еленѣ Павловнѣ, проживавшей въ Германіи и Швейцаріи до начала 1862 г. (Подробн. см. „Русск. Мысль“ 1899 г., май, отд. II, с. 40.).

Старые приемы и старые люди портятъ все дѣло. Польшу можно бы успокоить, принявъ съ ней другой путь. Я здѣсь выдаю много поляковъ, молодежи изъ царства Польскаго, и скажу вамъ, что удивился самымъ пріятнымъ образомъ ихъ взгляду и образу мыслей. Другіе взгляды, другія понятія проторгаются и тамъ, какъ и у насъ; были бы элементы для другихъ условій быта, но что прикажете дѣлать, когда правительство, въ благонадежности котораго я ни мало не сомнѣваюсь, не понимаетъ положенія, не умѣетъ взяться за дѣло, и все надѣется провести хорошее подъ заржавѣлыми формами, посредствомъ отжившихъ людей, при помощи устарѣлыхъ приемовъ».

Баронесса Раденъ Кавелину, 4 (16) августа.

«... Представьте себѣ, что часъ тому назадъ великая княгиня (Елена Павловна) получила телеграмму изъ Варшавы. На маркиза Вельпольскаго произведено вторичное покушеніе отравленнымъ кинжаломъ. Богъ спасъ его опять! Что сказать, что думать о такой гнусности! И я васъ спрашиваю, не лучше ли охраняется человѣческое достоинство *какимъ бы то ни было* правительствомъ, чѣмъ партией, исполнители которой дѣйствуютъ теперь? Объ остальномъ я не говорю. Поляки не довѣряютъ великому князю *)? Возможно ли въ нѣсколько мѣсяцевъ передѣлать систему, почти столѣтнюю? Не говорятъ ли въ пользу маркиза, кромѣ его самаго просвѣщеннаго патріотизма, наилучшимъ образомъ доказанныя способности? Чего уже онъ не достигъ для Польши! Почему не сгруппироваться вокругъ этого центра, добросовѣстно помогать ему въ веденіи дѣлъ, вмѣсто того, чтобы пребывать въ позорной инерціи. Я говорю о способныхъ, *однакъ модныхъ*. Можно ли предаваться мелкимъ, личнымъ побужденіямъ, когда представляется возможность воскресить свою страну? Я отсюда слышу возгласы нашихъ петербургскихъ друзей: «вотъ до чего довела маркиза его система законности». А со свойственнымъ намъ смѣшеніемъ понятій можно идти далеко, развивая эту тему. Будемъ справедливы. Возможно ли снять теперь военное положеніе? Нѣтъ. Но если бы всѣ честные люди сплотились, если бы всѣ благоразумные патріоты, вмѣсто того, чтобы подкупать *Journal des Debats* для помѣщенія въ немъ исполненныхъ ненависти и лжи статей,—вернулись бы въ Польшу и поступили бы на службу для приложенія къ дѣлу прогрессивныхъ мѣропріятій,—не думаете ли вы, что тогда анархисты-убійцы струсили бы, обратились бы въ бѣгство, или же были бы скоро всѣ перехвачены? А кто были бы истинные патріоты? На этотъ вопросъ не можетъ быть двухъ отвѣтовъ: увы, умѣютъ ли поляки жить, или они умѣютъ только умирать? Въ настоящее время ихъ способность жить представляется мнѣ весьма проблематическою: гораздо эффектиѣе, гораздо пріятнѣе для ихъ, столь хорошо намъ извѣстнаго, ложнаго самолюбія изображать изъ себя жертву или конспиривовать въ тѣни, чѣмъ облечься въ вицундиръ и незамѣтно ни для кого посвятить свою жизнь на нравственное, а слѣдовательно, и полн-

*) Константину Николаевичу.

тическое, преуспѣяніе своей страны? Но гдѣ героизмъ? Также не можетъ быть двухъ отвѣтовъ. Я такъ возмущена, что не могу говорить ни о чемъ другомъ. Маркизь—*единственный* человекъ, котораго мы имѣли въ Польшѣ.

Кавелингъ баронесса Раденъ, 5 (17) августа.

«Ваше письмо съ извѣстіемъ о Вельепольскомъ такъ меня поразило, что не могу воздержаться отъ немедленнаго отвѣта, хотя, вѣроятно, рискую надобѣсть вамъ моими частыми и длинными посланіями. Что дѣлать: отъ избытка сердца говорить уста.

«Я совершенно раздѣляю ваше негодованіе... Но ваше негодованіе заставляетъ васъ быть несправедливой. Обобщая покушеніе убійцъ, вы распространяете вину на всѣхъ поляковъ, и это-то именно заставляетъ меня писать вамъ тотчасъ же, не откладывая.

«Величайшая ошибка, которую дѣлають и радикалы, и консерваторы, это та, что они каждое событіе, каждый фактъ обобщають. Правительство сдѣлаеть ошибку, или даже поступить дурно,—изъ этого тотчасъ выводятся радикалами, что оно никуда негодно, что оно преступно и злонамѣренно. Изъ радикальной партіи вырвется глупость или негодное дѣло,—цѣлая партія гуртомъ предается проклятію.

«Я знаю много, очень много поляковъ, здѣсь вижу ихъ довольно, особенно пріѣзжихъ и учащейся молодежи, бывшихъ моихъ студентовъ (эмигрантовъ вижу мало) и скажу вамъ, положи руку на сердце, какъ честный человекъ, что вы въ большемъ заблужденіи насчетъ поляковъ. Между ними теперь столько же партій, мнѣній и оттѣнковъ, сколько и у насъ. Изъ того, что были между русскими глупцы, которые писала пошлыя программы и воззванія, что напхались злодѣи, которые поджигали и злоумышляли противъ государя, вы не будете же выводить заключенія, что всѣ мы, русскіе, или глупцы, или злодѣи. Повѣрьте моей совѣсти, что такое заключеніе также ошибочно и несправедливо въ примѣненіи къ полякамъ. Не только между людьми среднихъ лѣтъ, но между безбородыми юношами есть множество, которые очень хорошо понимаютъ положеніе, также какъ вы и я, и съ убѣжденіемъ примыкають къ знамени порядка и законности, видя въ немъ единственный исходъ изъ теперешняго печальнаго положенія; повѣрьте, что и въ Польшѣ есть эти темные, самоотверженные труженики, которые, любя родину выше всего, не считаютъ никакого самоотрицанія довольно большимъ, чтобы служить Польшѣ безъ шума и выставки на-показъ. Въ Польшѣ, какъ и въ Россіи, есть разныя партіи, и вы видите только партію, ищущую революціи, во что бы то ни стало, ждущую всего только отъ нея. Другія партіи не выступаютъ на сцену, потому то вы ихъ и не знаете. А отчего же, спросите вы, эти хорошія партіи молчатъ, отчего же онѣ тоже пассивны? Я спрошу васъ въ свою очередь, отчего же онѣ тоже пассивны и въ Россіи? Причины тѣ же. Прошедшее не поощряло ихъ дѣйствовать, устроиться; напротивъ, всѣ партіи, дурныя и хорошія, волей-неволей становились подъ знамя революціи. Мы, русскіе, радовались нашему униженію въ Крымскую войну сквозь слезы. Мы даже забыли нашу народную

славу и честь, въ надеждѣ, что хоть этимъ путемъ мы придемъ къ лучшему будущему. Что-жъ должно было происходить въ душѣ поляковъ?...

«Я возвращаюсь къ этимъ горькимъ и страшнымъ воспоминаніямъ только для того, чтобъ объяснить вамъ, что революціонные элементы точно нарочно воспитывались у насъ и въ Польшѣ. Теперь они только выступили и дѣйствуютъ. Этимъ же объясняется сонность, робость консервативныхъ партій. Чтобъ онѣ могли образоваться, нужно время и довѣріе..., увѣренность въ сегодня и завтра. А его-то и нѣтъ и не можетъ быть»...

Далѣе Кавелинъ останавливается на неустойчивости правительственныхъ мѣропріятій въ царствѣ Польскомъ, на отсутствіи въ нихъ всякой системы... «Вѣдь большинство не знаетъ, да и не можетъ знать, личныхъ и другихъ смягчающихъ обстоятельствъ. Да и какое ему до нихъ дѣло, сказать по правдѣ? Благонамѣренность не дѣлаетъ порядокъ дѣлъ, несправедливый и произвольный, легче и споснѣе.

«Итакъ, мы приходимъ вотъ къ чему. Крайнія партіи воспитываются какъ будто нарочно, а для сформированія консервативныхъ ничего не дѣлается»...

«Итакъ, Эдита Ѳеодоровна, не будьте несправедливо-строги ни къ полякамъ, ни къ намъ... Повѣрьте, и русскіе, и поляки, видя безобразіе радикальныхъ партій и ихъ стремленій, ухватились бы, какъ утопающій за соломенку, за правительство, особенно при теперешнихъ обстоятельствахъ, если бы была къ этому малѣйшая возможность. Но этой возможности нѣтъ, и потому все спитъ, все въ разбродѣ, только волки рыщутъ по полю и говорятъ: вы видите сами, чего вамъ ждать?... Всѣ благомыслящіе, честные люди... повѣся голову, прячутся въ норахъ, предоставляя судьбѣ, случаю, или исторіи и провидѣнію,—каждый по своей вѣрѣ,—устроить дѣла такъ или иначе.

«Я долго ходилъ около мысли создать за границей независимый, честный, консервативный журналъ, который и въ русскихъ, и польскихъ вопросахъ противодействовалъ бы крайнимъ партіямъ и мнѣніямъ, стоялъ бы за законный порядокъ въ Россіи и въ Польшѣ, за династію, отдавалъ бы полную справедливость тому, что правительство дѣлаетъ хорошаго, и безъ злобы и заднихъ мыслей, спокойно, умѣренно и честно, указывалъ бы на ошибки и промахи и ложныя мысли и начала... «Казалось бы, можно издавать такой журналъ. Но, раздумавъ хорошенько, я отказался отъ этой мысли. Слишкомъ, слишкомъ часто пришлось бы краснѣть за то, что у насъ дѣлается, и передъ разъяренными нападеніями крайнихъ партій молчать, склоня голову»...

«Вотъ судьба умѣренныхъ партій и мнѣній у насъ, и вотъ ихъ положеніе. Не вините же слишкомъ строго. Ихъ условія самыя несчастныя и безвыходныя при теперешнемъ порядкѣ дѣлъ. Имъ остается: или идти въ кабалу... или молчать и быть въ тѣни и полномъ бездѣйствіи на политической аренѣ. Каждый и выбираетъ ту или другую дорогу, смотря по вкусу.

«Когда-нибудь все это совершенно выяснится для всѣхъ. Дай Богъ, чтобъ это когда-нибудь не пришло слишкомъ поздно!»

Баронесса Раденъ Кавелину, 10 (22) августа.

«... Какъ прекрасно быть литераторомъ, направлять свою мысль и слово съ одинакимъ талантомъ убѣдительности! Это я думала, читая васъ, и думаю снова, перечитывая васъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, я говорю «да» на каждый изъ вашихъ доводовъ, — они очень справедливы, очень ясны, совершенно неопровержимы. Но позвольте мнѣ сдѣлать два исключенія: прежде всего, я далека отъ мысли, что вся польская нація состоитъ сплошь изъ убійцъ. Напротивъ, я быть можетъ слишкомъ много интересовалась поляками, — интересовалась до того, что увѣрилась въ ихъ политическихъ способностяхъ. Но я скорблю о томъ, что страна не выражаетъ открыто и твердо вполне естественнаго порицанія *преступленію*. Положимъ, что поляки не доверяютъ нашему правительству, положимъ, что они считаютъ тотъ путь, по которому идетъ маршизмъ, ошибочнымъ, — имъ остается только *воздержаться*; но кто протестовалъ противъ убійства, какая газета, какая партія выразила свое омерзеніе къ подобнымъ средствамъ? И не думаете ли вы, что простое, но единодушное заявленіе со стороны прессы гораздо легче уничтожило бы позорные происки убійцъ, чѣмъ всѣ власти міра? Я осуждаю *всѣхъ поляковъ* за то, что они на дѣлѣ легко относятся къ тому, что порицаютъ на словахъ. Это нехорошо и, слѣдовательно, составляетъ политическую ошибку, за которую они заплатятъ рано или поздно. Между зломъ и несчастіемъ существуетъ роковая и для меня совершенно ясная связь: тиранъ никогда не совершитъ безнаказанно *мерзостей*, несмотря на временный успѣхъ; и для необузданной черни наступитъ день, когда она явится отвѣтственной за безчинства, производимыя ею въ страстномъ увлеченіи. Нѣтъ ни слабости, ни подлости политической, которыя бы не были отомщены, — только года являются минутами исторіи, и тѣ, которые присутствовали при началѣ, не бываютъ иногда очевидцами кары, наступающей при концѣ. Придетъ время, когда поляки раскаются, что не умѣли *поотрять* во-время. Ихъ довѣрчивое содѣйствіе (правительству) въ настоящее время, при участіи всѣхъ живыхъ силъ страны, было бы ббльшей гарантіей въ будущемъ, чѣмъ всѣ официальные документы въ мірѣ. Тѣ же разсужденія я прилагаю и къ Россіи. Какіхъ гарантій хотять?...

«... Вы (т.-е. интеллигентные люди) заставляете правительство впадать въ реакцію, лишая его вашего содѣйствія, — продолжаетъ баронесса Раденъ. — Развѣ возможна была бы реакція при участіи во всѣхъ отрасляхъ управленія просвѣщенныхъ и разумно-прогрессивныхъ людей? Разумѣется, нѣтъ. Но если спѣшать оставлять отечество при первомъ *разочарованіи*, если *не умираютъ въ трудѣ*, само собою поступательное движеніе будетъ затруднено или даже совсѣмъ прекратится. Нужно умирать на своемъ посту. Всякое живое дѣло должно имѣть своихъ мучениковъ; менѣ блестящи, но болѣе велики тѣ, которые трудолюбиво воздѣлываютъ неблагоприятную ниву будущей свободы, которые не видятъ даже всходовъ посѣянныхъ ими сѣмянъ, но которые *спрятъ*, не видя, и уже не оборачиваются назадъ, разъ они взяли за рукоятку плуга. Умоляю васъ, *отреть!*»

Кавелинъ баронессъ Раденъ, 9 (21) сентября.

«Убѣжденные люди, Эдита Федоровна, самые несносные, нестерпимые люди въ мірѣ! Вы имъ скажете слово, они къ нему привяжутся; все для нихъ серьезно; они имѣютъ наивность думать, что ихъ убѣжденія — сама истина, и держатся за нихъ зубами, отступая не иначе, какъ послѣ горячаго боя. Словомъ, это самый неудобный народъ въ мірѣ! Вы, вѣроятно, думали, что, прочитавъ ваше послѣднее письмо, я имъ совершенно удовлетворился и перешелъ, какъ говорится на парламентскомъ языкѣ, къ очереднымъ занятіямъ. Если вы это думали,—вы въ большомъ заблужденіи! Напротивъ, я замолчалъ только для того, чтобы запасть новымъ оружіемъ противъ васъ, и теперь, собравъ значительныя силы, выступаю противъ васъ снова.

«Въ послѣднемъ вашемъ письмѣ меня особенно поразило одно мѣсто. Вы говорите: «если поляки считаютъ путь, которымъ идетъ маркизъ, ошибочнымъ,—пусть воздержатся; но кто же возражалъ противъ убійства? Какой журналъ, какая партія заявили свое омерзеніе къ подобнымъ средствамъ?» Въ самомъ дѣлѣ, подумалъ я, что же дѣлаетъ польская пресса? Неужели не нашелся хоть одинъ голосъ, который бы выразилъ извѣстное мнѣ убѣжденіе многочисленной умѣренной польской партіи? Справки выпали совершенно въ мою пользу и противъ васъ. Вы въ заблужденіи. Передо мной лежатъ польскія газеты съ передовыми статьями, энергически выражающими негодованіе, доказывающими, что такія средства безчестятъ и губятъ Польшу и поляковъ, достигая противоположной цѣли, чѣмъ та, которой должны были служить. Эти газеты вотъ какія: краковская *Czas*, № 153; познанская—*Dziennik Poznansky*, №№ 155 (особенно сильная), 183 и 200; варшавская—*Gazeta Warszawska*, № 187. Кромѣ того, въ томъ же смыслѣ, говорятъ, есть статьи въ варшавской газетѣ *Gazeta Polska*, въ лембергской—*Dziennik Polski*, въ познанской—*Надвислянинъ*, но я самъ ихъ не читалъ и потому не смѣю о нихъ говорить съ такою увѣренностью, какъ о тѣхъ, которыя были у меня подъ руками и которыя я называю съ нумерами.

«Несчастливая Польша и несчастные поляки! Чѣмъ они глубже пали, тѣмъ больше мое сердце болитъ за нихъ, и вы, какъ женщина съ сердцемъ, не можете этого не понимать. Они проходятъ теперь страшную минуту! Теперь рѣшается для нихъ вопросъ: быть или не быть, потому что, очевидно, не тотъ народъ имѣетъ будущность, который умѣетъ храбро умирать въ битвахъ, на вислицѣ и въ каторгѣ, а тотъ, который умѣетъ переродиться и вынести реформу. Я не хочу изукрашать факты. Нехорошее останется нехорошимъ, какъ бы остроумно ни доказывалось противное. Но я вѣрно стою на одномъ: говоря о Польшѣ, нельзя говорить вообще,—въ ней множество партій. Есть въ Польшѣ многочисленная консервативная партія, которая держится вдали, пассивно и не скоро выступитъ, потому что пока сомнѣвается и не вѣрять, хотя вовсе не сочувствуетъ крайнимъ партіямъ.

Если правительство... твердо, хотя и медленно, пойдет путем реформъ въ Польшѣ, и будетъ въ ней водворять законный порядокъ вмѣсто того, что было до маркиза,—вѣрьте, и эта партія понемногу окрѣпнетъ и выдвинется впередъ, я знаю,—и это, ручаюсь вамъ, изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ,—что положеніе недовольныхъ партій въ Польшѣ самое критическое. Высшіе классы висятъ и въ Царствѣ, и въ Литвѣ на воздухѣ... Народъ въ Польшѣ и Литвѣ вѣритъ только въ Царя и ни въ кого больше. При такихъ задаткахъ и при нѣкоторомъ благоразуміи можно все сдѣлать. Вы видите, что средства, за которыя берутся крайнія мнѣнія, доказываютъ ихъ слабость и немощь. Сила выражается иначе.

«Простите, что я такъ длинно говорю вамъ о предметѣ, который не можетъ вамъ быть приятенъ. Да кому же онъ и приятенъ? Для меня вопросъ польскій особенно интересенъ по глубокой его связи съ русскими вопросами и съ будущностью Россіи, въ которую я вѣрю больше всего на свѣтѣ. Кромѣ того, зрѣлище тяжко больного народа надрываетъ душу. Разсчитать съ прошедшимъ, а можетъ быть и съ жизнью, тяжелое раздумье, которыми и то и другое сопровождается и у народовъ, и у людей,—все это не оставляетъ мѣста негодванію, досадѣ или озлобленію,—напротивъ, оно рождаетъ въ душѣ забвеніе дурного прошлаго и примиреніе или скорбь. Я жилъ и теперь живу душа въ душу со многими поляками, еще несравненно больше ихъ видалъ и знаю. Кто заглядывалъ глубоко и пристально внутрь поляка, не принося предубѣжденій и національныхъ нерасположеній,—вѣрьте мнѣ, у того не повернется языкъ, чтобы осудить или осмѣять его. Надъ ними и надъ ихъ прошлымъ совершается судъ исторіи, передъ которымъ долженъ замолчать нашъ судъ.

«Я оставляю Парижъ недѣли черезъ двѣ,—и это навѣрное. Столько времени поглотилъ у меня Парижъ, что я долженъ отказаться, по крайней мѣрѣ теперь, отъ поѣздки въ Бельгію, и прямо отсюда отправлюсь странствовать по нѣмецкимъ университетамъ. Если до конца января успѣю объѣздить наиболѣе замѣчательные изъ нихъ, то поѣду въ Брюссель; если же нѣтъ, то съ конца января или начала февраля похоронюсь заживо гдѣ-нибудь въ Германіи или Швейцаріи и стану работать для себя, отказавшись оковчательно отъ міра и его суеты».

Баронесса Раденъ Кавелину, 15 (27) сентября.

«Ваше письмо было для меня настоящимъ милымъ гостемъ въ Баденѣ,—я его нашла по возвращеніи на моемъ столѣ,—и доставило мнѣ чрезвычайное удовольствіе. Все въ немъ было мнѣ приятно,—до самыхъ побѣдоносныхъ вашихъ доказательствъ, направленныхъ лично противъ меня,—но одно исключеніе все-таки есть, и я его сейчасъ коснусь. Тѣмъ лучше, если польскія газеты заклеили преступленіе и осудили убійство,—этимъ я удовлетворена, какъ по отношенію къ полякамъ, такъ и относительно общественной нравственности; но обвиненіе падаетъ, въ такомъ случаѣ, отчасти на нѣмецкую и французскую прессу, которая столь неточно и неудачно

воспроизвели негодование польскихъ газетъ, что вы сами должны были производить, какъ бы я выразилась, ученые изслѣдованія для доказательства моей неправды. Я всего болѣе стараюсь избѣгать субъективности въ общихъ вопросахъ. Несмотря на всѣ мои симпатіи къ маркизу и даже удивленіе ему, я признаю, что онъ можетъ ошибаться, можетъ произвести дѣянія достойныя сожалѣнія, но я нахожу также, что въ такое время, какъ наше, когда образуется ткань исторіи, слѣдуетъ судить о людяхъ и событіяхъ исторически, по ихъ общему значенію, во всей совокупности, а не по мелкимъ происшествіямъ ихъ ежедневной жизни...»

Кавелинъ баронессѣ Раденъ, 24 сентября (6 октября).

«... Здѣсь, въ Парижѣ, я, наконецъ, слышалъ гимнъ польскій, въ польской школѣ на актѣ. Онъ поется на удивительный мотивъ, который нельзя слушать безъ глубокаго потрясенія. Этотъ мотивъ—старинный, церковный, католическій, созданный во времена живой вѣры,—гимнъ, исполненный скорби и возвышенной религиозной покорности и смиренія. Такіе мотивы я знаю только изъ первыхъ временъ протестантизма,—тоже, когда протестанты еще вѣрили. Слова сочинены Феллинскимъ, дядей варшавскаго архіепископа, въ 1815 году, когда императоръ Александръ I далъ Польшѣ конституцію. Слова такъ же спокойны и прекрасны, какъ мотивъ. Послѣ къ нимъ придѣланы новыя строфы съ французскими возгласами противъ тираніи и т. п. Въ первоначальномъ текстѣ, который одобренъ гнѣзненскимъ архіепископомъ для пѣнія въ церквахъ, ничего подобнаго нѣтъ. Этотъ первоначальный текстъ, въ томъ видѣ, какъ написалъ Феллинскимъ, былъ напечатанъ при императорѣ Александрѣ I и пѣлся въ его честь, какъ возобновителя Польши. Странная судьба гимновъ! Теперь это революціонное знамя*»).

Раньше этого письма, а именно 23 сентября (5 октября), Кавелинъ писалъ баронессѣ Раденъ о причинахъ, заставляющихъ его оставаться за границей.

«... Вамъ, говорите вы, не понравилось мое намѣреніе не ѣхать теперь въ Россію, а остаться за границей. Скажите, положи руку на сердце, что бы вы могли мнѣ присовѣтовать другое, еслибъ я спросилъ вашего совѣта? Я рѣшился, и рѣшился очень твердо, подумавши долго и взвѣсивъ всѣ доводы за и противъ. Знаете ли вы или нѣтъ, что данное мнѣ за границу порученіе было только благовиднымъ предлогомъ, чтобы выжить меня изъ Петербурга? Знаете ли вы, что Александръ Васильевичъ**), который, по примѣру тысячи русскихъ государственныхъ людей, ставитъ Богу свѣчку,

*) Извѣстный польскій національный гимнъ, начинающійся такъ:

„Boże coś Polskie przez tak długie wieki
Otoczał blaskiem potęgi i chwały“,—

первоначально, когда написанъ онъ былъ въ честь императора Александра I, имѣлъ припѣвъ: „Cesarza (Króla) Alexandra gasz ochraniać Panie“; этотъ припѣвъ впоследствии передѣланъ былъ въ слѣдующій: „Ojczyznę i wolność gasz pamił wrogów Panie“.

**) Головининъ.

а чорту—кочергу, уже *два* раза предлагалъ мнѣ черезъ моихъ знакомыхъ ѣхать профессоромъ въ Одессу? Можетъ быть, онъ желаетъ мнѣ всякаго добра и, любя меня, изъ угоды великимъ міра сего, гонить меня въ ссылку, но, скажите по совѣсти, неужели мнѣ добровольно принять эту ссылку, достигнувъ почти 45-ти лѣтъ, бросить все — друзей, привычки, войти въ большія издержки, чтобы поселиться въ новомъ мѣстѣ, между новыми людьми и черезъ полгода посориться съ какимъ-нибудь генералъ-губернаторомъ, попечителемъ... съ какими-нибудь провинціальными кумушками и вслѣдствіе того быть, на старости лѣтъ, выгнану съ позоромъ? Стоять подъ пушкой не такъ страшно: бомба летитъ черезъ голову; издали она убиваетъ. Это не только артиллерійская, но и бытовая, житейская истина. *Les absents ont toujours tort*, а особливо у насъ...

«Je ne me laisse jamais rien dire deux fois. Я бы очень лицемѣрилъ передъ вами, что аваніи *), которыми такъ щедро надѣляла меня жизнь, меня не оскорбляютъ и сбѣгаютъ какъ съ гуся вода. Тяжело, горько, обидно до смерти, да вѣдь дѣлать-то нечего! Чашу, которую подносить жизнь, надо пить, пока она у губъ. Двадцать лучшихъ лѣтъ жизни я боролся съ судьбой, съ обстоятельствами—и въ чему же я пришелъ лично для себя? Къ круглому нулю! Вы поймете, что при такихъ условіяхъ мнѣ было бы мучительно-тяжело опять возвращаться въ Петербургъ, надѣвать вицмундиръ, надѣвать чиновничью маску, серьезно выслушивать всякій вздоръ, всякія нелѣпости и по крошкамъ собирать здравый смыслъ тамъ, гдѣ его нѣтъ, чтобы какой-нибудь новый Тамерланъ, или Тохтамышъ, въ лицѣ какого-нибудь новаго Путятина № 2, вмигъ разсѣялъ по воздуху то, надъ чѣмъ я скопидомничалъ и трудился цѣлые годы. Повторяю, было бы мучительно тяжело продѣлывать все это сызнова, но еще можно было бы на это рѣшиться, еслибъ васъ на это вызывали. А вамъ подають карету и строятъ золотой мостъ, чтобы сбыть только какъ-нибудь съ рукъ. Тутъ, слѣдовательно, все соединяется, чтобы вмѣсто Одессы жить гдѣ-нибудь въ Вевѣ. Къ этимъ кореннымъ побужденіямъ присоединяются и многія другія, очень важныя. Въ Европѣ жить дешевле и лучше, чѣмъ въ Одессѣ. Здѣсь я здоровъ, много работаю, потому что много досугу. У меня много начатыхъ любимыхъ работъ, которыя я могу кончить безъ помѣхи, а мнѣ бы не хотѣлось умереть, не кончивши ихъ. Безъ всякой нужды навязываться, хлопотать о томъ, на что можно согласиться только скрѣпя сердце, выказывать усердіе, котораго никто не желаетъ, предлагать услуги, которыя никому не нужны,—все это не въ моихъ нравахъ и кажется мнѣ унижительнымъ. Я люблю свое отечество больше всего на свѣтѣ, но думаю, что могу ему служить и инымъ образомъ, чѣмъ на каедрѣ и нося вицмундиръ. Потерю своего достоинства и чести я не принесу ему пользы. Сообразя все это, я рѣшился—и рѣшился теперь безвозвратно. Мечтаю о минутѣ, когда

*) *Avanie*—обида, притѣсненіе.

мое порученіе кончится, и затѣмъ такъ же усердно примусь за свои любимыя труды и работы, какъ работаю теперь для министерства. Прежде говаривалось — *noblesse oblige*; насъ — *conviction oblige*. Мы должны твердо, неуклонно нести знамя своей чести и своихъ убѣжденій, сохранить себя совершенно чистыми до конца, до гробовой доски, потому что только этимъ способомъ можно спасти свое знамя и свою доктрину. И какъ бы ни было оскорбительно, обидно, больно и тяжело сносить несправедливости, — надо ихъ нести съ достоинствомъ, съ честью, оставаясь себѣ вѣрными, пока живѣ. Допуская всякія сдѣлки въ общихъ вопросахъ, потому что на сдѣлкахъ вертится жизнь, я ригористъ самый безусловный въ личныхъ вопросахъ и готовъ вынести все, только не поклонюсь и не согнусь никогда, ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ...

«Я надѣюсь, что мои объясненія удовлетворятъ васъ. Мнѣ горько, но я говорю безъ злости, безъ всякаго ожесточенія. Меня утѣшаетъ, что люди, во сто кратъ болѣе меня достойные, терпѣли горя гораздо больше меня. Что дѣлать! Это, видно, общая судьба, общій законъ. Наука даетъ мнѣ силы забыть тяжелую существенность и несправедливость людей; въ занятіяхъ буду искать развлеченій.

«Лестнѣе было бы для моего самолюбія драпироваться въ такихъ случаяхъ героємъ. Я не хочу и не могу этого сдѣлать, ни передъ собою, ни передъ вами. Лжи и безъ того въ мірѣ слишкомъ много. Узнайте же слабыхъ и сильныхъ мои стороны, смотрите мнѣ въ душу. Горе и неудачи меня не сломили, но сосредоточили мысль, выработали крѣпче убѣжденія, привязали къ правдѣ передъ собой и передъ другими».

На эти два письма *баронесса Раденъ* отвѣчала *Кавелину*, 9 (21) октября:

«Что скажу я вамъ на множество прекрасныхъ доводовъ, которые вы приводите для объясненія вашего намѣренія остаться за границей? Я прихожу къ заключенію, что вы правы. Удалитесь въ настоящую минуту, но не раздражайтесь въ вашемъ одиночествѣ: соблюдайте вашу душу въ томъ истинномъ спокойствіи, которое господствуетъ надъ людьми и обстоятельствами, которое помогаетъ достичь объективной ясности сужденія, сохраните себя для будущаго, если настоящее васъ отталкиваетъ, но не покидайте окончательно пути, по которому, — я вамъ это предсказываю, — вы еще далеко пойдете на благо вашего отечества.

...«Мы *) выѣзжаемъ изъ Бадена 15-го, 26-го будемъ вѣроятно въ Варшавѣ, гдѣ проведемъ нѣсколько дней. Я стану наблюдать тамъ все очень серьезно и внимательно. Я не хочу быть несправедливой къ полякамъ, еще менѣе расположена глумиться надъ ихъ дѣйствительными несчастіями, но когда я вижу, что такіе люди, какъ графъ Замоискій и его единомышленники, предлагаютъ раздѣль Россіи и хладнокровно могли бы подать голось за отчужденіе части ея территоріи, прикрываясь общественной

*) Т.-е. Вел. Княг. Елена Павловна съ баронессой Е. О. Раденъ.

пользой,—я не могу не прийти къ заключенію, что они не умѣютъ управлять сами собой и лишены здраваго смысла—этой главной основы политической правоспособности. Я читаю съ живѣйшимъ интересомъ книгу *De la Rive* о графѣ Кавурѣ; чтобъ оцѣнить, какъ слѣдуетъ, поразительное сходство его изображенія, я увидала потомъ этого великаго государственнаго человѣка. Чтеніе *De la Rive* поглощаетъ меня почти столько же, какъ чтеніе дипломатическихъ документовъ Венеціи, обнародованныхъ Арманомъ Баршѣ (Armand Barchet). Прощайте, я не докончу письма, если буду продолжать... Сохраните ко мнѣ ту дружбу, которую вы мнѣ оказываете».

Это письмо уже не застало Кавелина въ Парижѣ,—17 октября н. ст. онъ уѣхалъ въ Монтрѣ къ своей семьѣ.

Д. Корсаковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О разводѣ по обще-германскому уложенію.

Вопросъ о расторженіи брака по справедливости считается однимъ изъ труднѣйшихъ законодательныхъ вопросовъ. Въ самомъ дѣлѣ, при разрѣшеніи его, законодателью приходится считаться, во-первыхъ, съ тѣмъ, что бракъ по существу своему есть союзъ пожизненный, а слѣдовательно, расторженіе его является своего рода аномаліей; во-вторыхъ, съ тѣмъ, что разводы особенно пагубно вліяютъ на судьбу дѣтей, лишая ихъ семьи,—этого естественнаго, даннаго самою природою, питомника ихъ; въ-третьихъ, тѣмъ, что при разводѣ въ особенности трудно бываетъ опредѣлить, при комъ же изъ разведенныхъ родителей должны быть дѣти—при отцѣ или матери, исключительно ли при невинномъ въ разводѣ родителѣ или же, при извѣстныхъ условіяхъ, и при виновномъ или даже при постороннемъ лицѣ. Съ другой стороны, законодатель не можетъ не принимать во вниманіе, что если разводъ есть зло, то едва ли не большее зло сохраненіе брака только формально, когда онъ уже внутренне разрушенъ, что такіе подневольные браки способствуютъ нарушенію супружеской вѣрности, появленію незаконнаго потомства, что, при сохраненіи такихъ браковъ quand même общество больше страдаетъ, нежели при расторженіи ихъ, что иногда и для дѣтей лучше бываетъ лишиться такой полной соблазна семьи, нежели жить въ ней.

Затрудненія еще болѣе увеличиваются, когда законодатель встрѣчаетъ на пути своемъ религіозныя постановленія или слишкомъ строгія, или слишкомъ снисходительныя по отношенію къ разводу. Оставить безъ вниманія правила религіи въ такомъ вопросѣ, какъ въ вопросѣ о разводѣ, было бы въ высшей степени неудобно; христіанская религія есть основа общественной морали. Но вмѣстѣ съ тѣмъ даже христіанскія вѣроисповѣданія существенно разногласятъ между собой въ этомъ вопросѣ, и примирить ихъ почти невозможно: достаточно сказать, что католическая религія совсѣмъ не признаетъ разводовъ, а протестантскія вѣроисповѣданія допускаютъ ихъ въ весьма широкихъ размѣрахъ.

Одновременно съ этимъ государству невозможно оставить этотъ важный вопросъ безъ разрѣшенія, отдавъ его всецѣло въ руки церкви: бракъ—

учрежденіе столько же государственное, сколько и религиозное. Съ другой стороны, отдать бракоразводныя дѣла въ руки церкви значитъ крайне стѣснить расторгненіе браковъ разновѣрныхъ супруговъ.

Вотъ почему весьма и весьма нелегко законодателю избрать правильный путь при начертаніи правилъ о разводѣ. А въ виду этого не можетъ не интересоваться всякаго образованнаго человѣка появленіе новаго пути въ этой области, тѣмъ болѣе это должно интересоваться русскаго образованнаго человѣка и въ особенности юриста, такъ какъ и нашему законодателю предстоитъ (и лавно) поискать такого пути для упорядоченія нашего «ветхаго денни» бракоразводнаго права. Въ силу этого, ознакомленіе съ постановкой вопроса о разводѣ въ новомъ обще-германскомъ уложеніи представляетъ для насъ особый интересъ.

Занимаясь начертаніемъ правилъ о разводѣ, составители проекта новаго уложенія имѣли въ своемъ распоряженіи значительный законодательный матеріалъ, проверенный опытомъ, въ лицѣ разныхъ германскихъ уложеній и французскаго кодекса. Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, что особенно много пользовались авторы проекта въ этомъ случаѣ прусскимъ и саксонскимъ уложеніями. Поэтому мы начнемъ изложеніе съ указанія поводовъ къ разводу по этимъ двумъ кодексамъ.

Обратимся сначала къ прусскому уложенію. Это уложеніе допускаетъ очень обширную схему поводовъ къ разводу весьма неоднаковой важности; даже разводъ по обоюдному соглашенію супруговъ не воспрещается этимъ уложеніемъ. Поводы эти, коренящіеся въ нарушеніи физической либо моральной стороны брака, слѣдующіе:

1. Нарушеніе супружеской вѣрности (а при извѣстныхъ условіяхъ даже одно подозрѣніе въ нарушеніи ея).

2. Содомія и другіе противоестественные пороки подобнаго рода.

3. Злонамыренное оставленіе однимъ супругомъ другого и вообще намыренное и противоправное прекращеніе совмѣстной супружеской жизни. Жена считается злонамыренно покинувшей мужа и въ томъ случаѣ, когда она, несмотря на перемину мужемъ мѣстожителства, откажется безъ основательной причины слѣдовать за нимъ; мужъ считается злонамыренно оставившимъ жену, когда онъ безъ основательныхъ причинъ откажется принять жену къ себѣ.

Дальше идетъ рядъ поводовъ, такъ сказать, второго, низшаго порядка, истекающихъ также изъ нарушенія физическаго или нравственнаго элемента брака, какъ-то:

4. Упорный, продолжительный и безпричинный отказъ выполнять супружескую обязанность (старость—причина законная).

5. Полная и неизлѣчимаая неспособность къ исполненію супружескихъ обязанностей и неизлѣчимые тѣлесные недостатки, возбуждающіе отвращеніе и брезгливость или совершенно препятствующіе исполненію цѣли брака.

6. Бѣшенство и безуміе (но не слабоуміе), длящееся больше года и исключяющее возможность вѣроятной надежды на улучшеніе.

7. Покушеніе на жизньъ другого супруга.

8. Насиліе, подвергающее опасности жизнь и здоровье.

9. Грубое оскорбленіе чести или посягательство на личную свободу; но для лицъ низшаго класса словесныя обиды и незначительное насиліе (обиды дѣйствиюмъ), разъ не дѣлають супружеской жизни невыносимой, не составляютъ повода къ разводу, а для лицъ другихъ классовъ личныя оскорбленія и угрозы признаются поводомъ къ разводу лишь въ томъ случаѣ, если они безъ всякой серьезной причины, умышленно, повторялись съ намѣреніемъ оскорбить и обидѣть другого супруга.

10. Неуживчивость и сварливость въ такомъ только случаѣ составляютъ поводъ къ разводу, если онѣ достигли такой мѣры злостности, что вслѣдствіе нихъ подвергаются опасности жизнь и здоровье другого супруга.

11. Тяжкія преступленія или проступки, за которые супругъ понесъ позорящее наказаніе.

12. Ложное обвиненіе одного супруга другимъ въ совершеніи вышеуказанныхъ преступленій или проступковъ.

13. Избраніе безчестнаго или позорнаго промысла.

14. Беспорядочный образъ жизни—пьянство, расточительность или безпутное веденіе хозяйства.

15. Недостаточность содержанія даетъ право женѣ на разводъ, если оно есть результатъ преступленія, распутства и хозяйственной беспорядочности.

Наконецъ, 16, непреодолимое отвращеніе, причемъ при бездѣтномъ бракѣ разводъ возможенъ по обоюдному соглашенію супруговъ; при наличности дѣтей въ томъ случаѣ, если убѣдительными фактами можно установить несомнѣнность столь сильно и глубоко укоренившагося отвращенія, что нѣтъ никакой надежды на примиреніе супруговъ и на достиженіе цѣли брака *).

Саксонское уложеніе не столь снисходительно, какъ прусское, въ вопросѣ о разводѣ. Число поводовъ, допускаемыхъ имъ, значительно меньше, нежели въ прусскомъ уложеніи.

Саксонское уложеніе знаетъ слѣдующіе поводы къ разводу:

1. Прелюбодѣяніе (§ 1713).

2. Завѣдомое вступленіе во второй бракъ, при существованіи прежняго (§ 1728).

3. Противоестественная связь съ человѣкомъ, связь съ животнымъ, съ дѣтьми моложе 12 лѣтъ (§ 1728).

4. Злонамѣренное оставленіе или упорное уклоненіе (по крайней мѣрѣ .. теченіе года) безъ достаточной причины отъ брачнаго общенія или полненія супружеской обязанности (§ 1731).

5. Если супругъ намѣренно довель себя до неспособности къ брачному житію (§ 1734).

*) *Dernbury, Lehrbuch d. Preussischen Privatrechts.* Т. 13, стр. 49—57.

6. Жена может потребовать развода, если медицинскимъ изслѣдованіемъ будетъ доказано, что, вслѣдствіе неизлѣчимаго болѣзненнаго состоянія, брачное сожитіе угрожаетъ опасностью жизни ея (§ 1742).

7. Въ случаѣ посягательства одного супруга на жизнь другого или причиненія ему тѣлеснаго поврежденія, грозящаго опасностью жизни (§ 1735).

8. Въ случаѣ продолжающагося и послѣ разлученія отъ стола и ложа дурного обращенія (§ 1736).

9. Въ случаѣ пьянства, продолжающагося при такихъ же условіяхъ (§ 1733).

10. Въ случаѣ присужденія супруга за совершенное имъ преступленіе къ лишенію свободы не менѣе какъ на три года (§ 1746).

11. Вслѣдствіе душевной болѣзни, приключившейся во время брака, неизлѣчимость которой удостовѣрена трехлѣтнимъ наблюденіемъ въ лѣчебницѣ (§ 1743).

12. Переимѣна религіи однимъ изъ супруговъ есть поводъ къ разводу для другого супруга (§ 1744).

Супругъ, имѣющій право просить о разводѣ, можетъ прежде просить о разлученіи отъ стола и ложа (§ 1752).

По опредѣленію суда супруги могутъ быть разлучены отъ стола и ложа, когда между ними происходятъ серьезные раздоры, когда совмѣстная жизнь угрожаетъ опасностью для здоровья или жизни кого-либо изъ супруговъ или дѣтей, или если супругъ ведетъ безнравственный образъ жизни (§ 1754). Разлученіе можетъ быть временное (отъ 6 мѣсяцевъ до одного года) и пожизненное (§§ 1754, 1767).

Какъ же воспользовались составители уложенія вышеприведенными постановленіями дѣйствовавшихъ до него кодексовъ и вообще предшествовавшимъ опытомъ? Прежде всего, авторы проекта, а за ними большинство рейхстага пришли къ сознанію необходимости по возможности затруднить разводъ и уменьшить число поводовъ къ нему. «Фридриховское законодательство,—говорили они,—исходило изъ того, что бракъ предназначается для рожденія дѣтей и что въ интересахъ государства способствовать дѣтороженію и этимъ интересамъ должны быть подчинены постановленія о разводѣ. На этомъ основаніи былъ допущенъ даже разводъ по обоюдному соглашенію супруговъ, при бездѣтныхъ бракахъ, и разводъ вслѣдствіе непреодолимаго отвращенія». Составители проекта разсуждали иначе. Такъ какъ бракъ, по понятію о немъ и по существу своему, не расторгимъ, а слѣдовательно и разводъ представляетъ собою нѣчто ненормальное, то уже съ этой точки зрѣнія онъ не заслуживаетъ покровительства, хотя и надо признать неизбежность развода въ крайнихъ случаяхъ.

За болѣе строгую постановку бракоразводнаго права говорятъ съ государственной точки зрѣнія важныя причины. Государство весьма заинтересовано въ томъ, чтобы бракъ, какъ основа нравственности и просвѣщенія, былъ такимъ, какимъ онъ долженъ быть, и чтобы въ народѣ

укоренялось сознание о серьезномъ нравственномъ значеніи брака, какъ независимаго отъ воли супруговъ общественнаго порядка, что достигается посредствомъ затрудненія разводовъ. Такая мѣра будетъ, съ одной стороны, противодѣйствовать заключенію легкомысленныхъ браковъ, а съ другой—содѣйствовать тому, чтобы поведеніе супруговъ въ бракѣ болѣе соответствовало существу послѣдняго: супруги, зная, что бракъ не такъ-то легко расторгнуть, будутъ стараться подавлять страсть къ разводу, устранять раздоры и мѣсто произвола заступятъ самообладаніе и стремленіе приравливаться другъ къ другу.

Въ этому надо присовокупить, что на прочности брака, въ противоположность конкубинату, покоится высшее нравственное значеніе женскаго пола; кромѣ того слишкомъ большое облегченіе развода затрудняетъ воспитаніе дѣтей.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ государственныя постановленія не могутъ оставлять безъ вниманія потребностей жизни и не считаются съ реальными отношеніями, равно и характеромъ брака, какъ юридическаго отношенія.

Характеръ брака, какъ юридическаго отношенія, налагаетъ на государство обязанность защищать одного супруга отъ другого, если послѣдній нарушаетъ возлагаемыя на него бракомъ обязанности, а такая защита будетъ дѣйствительною лишь при предоставленіи невинному права на разводъ, ибо по природѣ брака, какъ отношенія преимущественно нравственнаго, исполненіе брачныхъ обязанностей и возстановленіе нарушеннаго юридическаго состоянія путемъ внѣшняго принужденія частью совѣмъ невозможно, частью достижимо лишь въ недостаточной степени.

Но, съ другой стороны, изъ природы брака, какъ юридическаго отношенія, слѣдуетъ, что никому изъ супруговъ не можетъ быть предоставлено право односторонняго своевольнаго расторженія брака и что равно должно быть отказано въ разводѣ тому супругу, который для доказательства распатанности брака соплется на свое собственное неодобрительное поведеніе *).

Желаніе составителей проекта укрѣпить бракъ и сократить число поводовъ къ разводу встрѣтило весьма энергичныя возраженія въ рейхстагѣ при обсужденіи проекта во 2 и 3-мъ чтеніи.

Противники проекта говорили: допустимъ, что число разводовъ растетъ, что ихъ теперь больше, чѣмъ въ прежнее время, и это объясняется моральнымъ состояніемъ современнаго общества; но это моральное состояніе есть въ свою очередь отраженіе фактическихъ социальныхъ причинъ, которыя произвели эти явленія. Существуетъ безчисленное множество причинъ социальнаго характера, разрушительно дѣйствующихъ на современный бракъ. Важнѣйшая изъ нихъ, въ настоящее время гораздо больше обнаруживающая свою силу, чѣмъ въ прежнее время, обусловливается борьбой за существованіе, которая теперь въ особенности усилилась.

*) *Motive zu dem Entwurf eines burgerlichen Gesetzbuches für das Deutsche Reich.* В. IV, стр. 563—564.

Браки по расчету (денежные, имущественные браки) существовали всегда, но никогда еще не было, чтобы они, какъ теперь, стали зауряднымъ общественнымъ явленіемъ,—браки, къ стыду нашего общества, сдѣлались на открытомъ рынкѣ предметомъ барышничанья.

Въ отдѣлѣ объявленій на столбахъ солидныхъ газетъ можно встрѣтить массу объявленій, путемъ которыхъ самые приличные люди, даже евангелическіе священники, ищутъ себѣ женъ и жены мужей. Завелись органы прессы, специально занимающіеся распространеніемъ такихъ объявленій, существуетъ множество конторъ, рассылающихъ своихъ агентовъ, рыскающихъ по городамъ и весямъ и разыскивающихъ невѣсть и жениховъ.

Такие браки уже въ зародышѣ своемъ носятъ распатанность, раздвоеніе: вступавшіе въ нихъ не найдутъ того, что должно быть въ бракѣ и у нихъ легко можетъ обнаружиться надобность въ разводѣ. Можно ли въ виду такихъ браковъ затруднять разводъ?

Базалось бы, что въ интересѣ дѣтей долженъ быть стѣсненъ разводъ. Но это только такъ кажется. Напротивъ, что можетъ быть печальнѣе, какъ дѣлать дѣтей ежедневными, болѣе того—ежечасными свидѣтелями неудовольствій, ссоръ и сценъ между родителями, въ которыя послѣдніе стараются вовлечь и дѣтей и привлечь ихъ на ту или другую сторону. Какое деморализирующее вліяніе должны оказывать подобные браки на дѣтей? Интересъ этихъ несчастныхъ дѣтей требуетъ предоставленія возможности расторгнуть такіе печальные браки. Вотъ почему слѣдуетъ поставить въ особенную заслугу прусскому земскому уложенію то, что оно облегчаетъ разводы въ подобныхъ случаяхъ.

Если исключить такіе поводы къ разводу, допускаемые этимъ уложеніемъ, какъ непреодолимое отвращеніе и при извѣстныхъ условіяхъ добровольное согласіе супруговъ, то число разводовъ, конечно, уменьшится, но подымется ли отъ этого моральное значеніе брака, не будетъ ли это равняться той врачебной мѣрѣ, которая вмѣсто того, чтобы лѣчить болѣзнь, вгоняетъ ее внутрь.

Въ мотивахъ къ проекту, между прочимъ, сказано: на пожизненное продолженіе брака имѣетъ право каждый супругъ. Этого права онъ можетъ лишиться по своей винѣ, но это право не можетъ быть у него отнято на томъ основаніи, что другой супругъ не только не достигъ въ бракѣ обѣщаннаго ему положенія, а что, напротивъ, положеніе это сдѣлалось для него, быть можетъ, невыносимымъ.

Это мнѣніе составителей въ особенности подверглось сильной критикѣ въ рейхстагѣ. Было указываемо на то, что жизнь супружеская представляетъ массу случаевъ самаго тяжелаго положенія кого-либо изъ супруговъ (въ особенности жены) вслѣдствіе пьянства, противоестественныхъ пороковъ, сварливости, моральныхъ мученій, повторяющихся изо дня въ день сотню разъ, приводящихъ въ отчаяніе, близкое до сумасшествія. Если принять во вниманіе, что въ настоящее время чувство чести и вообще нравственное чувство сравнительно болѣе развито, нежели во времена предше

ствовавшія, то будетъ понятно, какъ тяжела брачная жизнь при подобныхъ условіяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ станетъ понятнымъ, насколько надо имѣть все это въ виду при написаніи бракоразводныхъ законовъ.

Если въ мотивахъ говорится: нельзя многочисленными разводами доводить дѣло до публичнаго скандала, то надо также заботиться о томъ, чтобы браки не становились общественнымъ скандаломъ вслѣдствіе невыносимаго ихъ положенія.

Заслуживаетъ вниманія въ разсматриваемомъ вопросѣ слѣдующій фактъ. Безчисленные случаи показываютъ, что разводъ является для жены своего рода соціальною опалой, на разведенную смотрятъ косо, она не имѣетъ значенія въ обществѣ. Сверхъ того, статистика свидѣтельствуетъ, что разведеннымъ чрезвычайно трудно вступать въ новый бракъ, и если тѣмъ не менѣе та же статистика показываетъ, что, невзирая на это, искомъ о разводѣ гораздо болѣе предъявляется со стороны жёнъ, нежели со стороны мужей, то это служитъ доказательствомъ того, что соціальное зло, подъ бременемъ котораго женщины страдаютъ въ бракѣ, особенно отяготительно.

Не лишентъ значенія и другой установленный статистикой браковъ въ Германіи фактъ, а именно, что число послѣднихъ относительно уменьшается, а число разводовъ, напротивъ, увеличивается.

Все это вмѣстѣ побуждало противниковъ проекта требовать увеличенія числа поводовъ къ разводу и вообще возможнаго облегченія его. Въ виду этого они настаивали: 1) на томъ, чтобы къ числу нарушенія супружескихъ обязанностей, влекущихъ за собою разводъ, были причислены: опозореніе, клеветаніе и противоправная угроза, и 2) на томъ, чтобы бездѣтные браки могли быть расторгаемы по обоюдному соглашенію супруговъ, если установлено, что супруги при этомъ не дѣйствовали легкомысленно и опрометчиво или по принужденію и если супруги жили уже разво.

Никто отъ этого не пострадаетъ, разсуждали сторонники этого мнѣнія: ни сами супруги, ни государство, ни религія (ибо судебное рѣшеніе, постановляющее разводъ, религіознаго вопроса не будетъ касаться), ни нравственность: съ точки зрѣнія ея цѣлесообразнѣе расторгнуть бракъ, существующій только внѣшнимъ образомъ и внутренне уже не существующій, нежели оставлять его въ силѣ. Къ тому же разводы бездѣтныхъ супруговъ по обоюдному соглашенію служили бы хорошимъ исходомъ въ томъ случаѣ, когда супруги желаютъ разойтись мирно, не прибѣгая къ скандалу взаимныхъ обвиненій (Bebel).

Со стороны защитниковъ проекта (коммиссара союзнаго совѣта, проф. Мандри) были представлены возраженія такіа: несомнѣнно, что обезчещеніе, клеветаніе и противозаконныя угрозы могутъ быть нарушеніемъ обязанностей супружескихъ, какъ ихъ понимаетъ проектъ, но нельзя соглашаться, чтобъ онѣ были непремѣнно *тяжелыми* нарушеніями. Припомнимъ, наприм., о широкомъ распространеніи среди нѣкоторыхъ классовъ брани между супругами. Несомнѣнно, что здѣсь тоже лежитъ нарушеніе обязанностей супружескихъ. Но лишь при *особыхъ* условіяхъ можно будетъ го-

ворить о *тяжеломъ* нарушении этихъ обязанностей (а при такомъ только нарушении проектъ допускаетъ разводъ).

Безспорно также, что угрозы, оклеветаніе и пр., не будучи даже сами по себѣ грубымъ обращеніемъ (*grobe Misshandlung*), о которомъ говоритъ проектъ, но, взятая въ совокупности, могутъ быть признаны таковыми, и слѣдовательно при такомъ условіи могутъ составить достаточный поводъ къ разводу.

То же самое слѣдуетъ сказать о продолжающихся мученіяхъ, причиняемыхъ жёнѣ мужемъ или обратно: и они, взятая въ отдѣльности, не могутъ быть признаны поводомъ къ разводу, но при постоянномъ повтореніи такихъ дѣйствій, несомнѣнно, будутъ тѣмъ тяжелымъ нарушеніемъ обязанностей супруговъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ проектѣ.

Вообще слѣдуетъ помнить, что бракъ по своей природѣ, по общегосподствующему воззрѣнію на него и по воззрѣнію, присущему и Германіи, есть союзъ пожизненный. Противъ воли другого супруга этотъ союзъ можетъ быть расторгнутъ лишь въ томъ случаѣ, когда этотъ супругъ, вслѣдствіе своей вины, лишается права на пожизненное сохраненіе брака. Прочность брачнаго союза требуется интересами общественными: вслѣдствіе того вреда, который причиняетъ разводъ самимъ супругамъ и дѣтямъ ихъ. Возможно, конечно, что въ несчастныхъ бракахъ положеніе дѣтей хуже, чѣмъ при разводѣ, но это только *возможно*, а не составляетъ правила. Интересъ общественный сказывается въ прочности брака еще и съ слѣдующей стороны: чѣмъ легче, снисходительнѣе мы будемъ относиться къ разводу, тѣмъ менѣе будетъ стремленія у супруговъ (при несходствѣ ихъ характеровъ или при наличности другихъ причинъ, разъединяющихъ ихъ) наоборотъ рознь и сдѣлать брачное сожительство ихъ сноснымъ, а можетъ быть даже и счастливымъ *).

Въ результатъ этой парламентской борьбы противникамъ проекта не удалось отстоять свободы разводовъ и сохранить въ силѣ тѣ многочисленные поводы, которые даны прусскимъ уложеніемъ. Даже, какъ ниже увидимъ, не всѣ поводы, указанные въ сравнительно болѣе строгомъ къ разводу саксонскомъ уложеніи, вошли въ новый германскій кодексъ.

Поставивши отправной точкой возможное ограниченіе причинъ развода, новое уложеніе въ самомъ содержаніи постановленій о разводѣ держится слѣдующихъ началъ.

I. Совершеннаго исключенія интересовъ той или другой религіи при составленіи правилъ о разводѣ. Въ виду этого, между прочимъ, совершенно исключенъ институтъ постоянного разлученія супруговъ (*separatio perpetua*), такъ какъ представляемая имъ выгода—возможность возстановить супружескую жизнь—значительно перевѣшивается тѣми недостатками и опас-

*) *Zweite und dritte Berathung des Entwurfes eines bürgerlichen Gesetzbuches im Reichstage*, стр. 2936—2944.

ностями, которые происходят (вслѣдствіе невозможности вступленія въ новый бракъ для разлученныхъ) для хозяйства, воспитанія дѣтей и нравственности. Въ особенности же совершенно несправедливо обречь на пожизненное безбрачіе невиннаго супруга изъ-за вины другого, поправшаго супружескія права перваго.

На этомъ основаніи еще въ I проектѣ уложенія выражено было неодобреніе институту постоянного разлученія и еще болѣе несочувственно встрѣчено было предложеніе замѣнить имъ совсѣмъ разводъ. Тѣмъ не менѣе, представители партіи центра дѣлали попытку отстоять разлученіе при чтеніи II проекта въ рейхстагѣ, ссылаясь на примѣръ саксонскаго уложенія (§ 1769), по которому постановленіе о разводѣ для католиковъ должно быть понимаемо въ смыслѣ пожизненнаго разлученія; но большинство рейхстага рѣшительно было противъ этого по слѣдующимъ соображеніямъ: нельзя допускать, чтобы право отдѣльнаго вѣроисповѣданія было составною частью обще-гражданскаго уложенія. При принятіи предложенія (о пожизненномъ разлученіи) католики понуждались бы гражданскимъ закономъ слѣдовать предписаніямъ католической церкви, но это не дѣло государства.

Въ 1-мъ проектѣ было предположено ввести и временное разлученіе (не болѣе, впрочемъ, какъ на два года), какъ предвареніе развода при наличности такъ называемыхъ относительныхъ поводовъ къ разводу; но во второмъ проектѣ это предложеніе было отклонено; тѣмъ не менѣе, временное отлученіе не вполнѣ отсутствуетъ на страницахъ новаго уложенія и оно появилось какъ стратегическая мѣра парламентской борьбы, чтобы склонить въ пользу проекта представителей партіи центра.

Такимъ образомъ въ уложеніи по этому предмету даны слѣдующія постановленія: супругъ, имѣющій право искать развода, можетъ вмѣсто этого требовать разлученія. Но если другой супругъ (въ случаѣ если искъ о разводѣ будетъ признанъ уважительнымъ) будетъ настаивать на разводѣ, то должно быть сдѣлано постановленіе о разводѣ; равно и первый супругъ можетъ переимѣнить свое мнѣніе и требовать превращенія рѣшенія о разлученіи въ рѣшеніе о разводѣ, разъ не возстановлена совмѣстная жизнь супруговъ (§§ 1575, 1576).

II. Другое коренное начало, положенное въ основаніе бракоразводнаго права уложеніемъ, это — начало виновности (*Verschuldungsprincip*): только вслѣдствіе тяжелой вины, лежащей на другомъ супругѣ, невинному должно быть предоставлено право развода. Поэтому не долженъ быть допущенъ разводъ, какъ результатъ своеволія супруговъ, вслѣдствіе взаимнаго ихъ соглашенія или такъ называемаго непреодолимаго отвращенія, или при наличности тѣлесныхъ недостатковъ, либо душевнаго недуга, или, наконецъ, различія религій.

Въ частности, что касается обоюднаго соглашенія, то, по мнѣнію составителей уложенія, выставляемыя въ пользу развода на этомъ основаніи соображенія не выдерживаютъ критики. А именно, говорятъ, такой разводъ

дает возможность расторгнуть действительно распатанный брак: если супруги готовы подчиниться тяжелым условиям развода по обоюдному согласию, то это указывает, что в действительности есть серьезные причины для развода. Въ этому разводу нерѣдко прибѣгаютъ, чтобы не оглашать настоящихъ оснований развода и тѣмъ не причинить огорченія супругу, или чтобы не подводить подъ наказаніе виновнаго супруга и не выводить на судъ третье лицо—соучастника нарушенія супружеской вѣрности, или, наконецъ, потому, что судебными порядками трудно доказать наличность законнаго повода къ разводу. Запретъ развода по обоюдному согласію ведетъ къ тому, что иногда создаются фивтивные причины, чтобы только расторгнуть нежеланный бракъ.

Однако же эти соображенія не убѣдили составителей проекта, отвергнувшихъ разводъ по обоюдному согласію, такъ какъ онъ въ концѣ-концовъ есть результатъ своеволія супруговъ, и является опасеніе, что народъ именно въ этомъ своеволіи и будетъ видѣть коренную причину развода, тѣмъ будетъ подорвано воззрѣніе на бракъ, какъ на институтъ, стоящій выше вражды супруговъ и служащій высшимъ объективнымъ цѣлямъ. Не взирая на всѣ предосторожности закона, разводъ такой поведетъ къ расторженію браковъ въ действительности не распатанныхъ и въ особенности будетъ соблазнительнымъ въ томъ случаѣ, когда добивающійся развода супругъ уже имѣетъ въ виду лицо, съ которымъ онъ желалъ бы заключить новый бракъ.

Отлагая рѣчь о другихъ вышеупомянутыхъ поводахъ къ разводу, неодолимомъ отвращеніи супруговъ, тѣлесныхъ недостаткахъ и проч., скажемъ нѣсколько словъ относительно самаго *принципа виновности* въ вопросѣ о разводѣ.

Едва ли можно согласиться съ тѣмъ, что вина супруга должна быть исключительно отправною точкой при установленіи причинъ развода. Бракъ есть институтъ, составленный изъ многихъ элементовъ—физическаго, нравственнаго, хозяйственнаго и юридическаго общенія супруговъ. Всѣ эти элементы брака имѣютъ значеніе, хотя и неодинаковое; со всѣми ими долженъ считаться законодатель, опредѣляя условія какъ расторженія, такъ и заключенія брака, по винѣ или безъ вины другого супруга разрушенъ тотъ или другой элементъ,—все равно бракъ перестаетъ существовать или по крайней мѣрѣ правильно функционировать, а слѣдовательно, такому ненормальному браку должна быть открыта юридическая возможность прекращенія его, такъ какъ супруги при ненормальному бракѣ нерѣдко страдаютъ не меньше и въ томъ случаѣ, когда кто-либо виноватъ изъ нихъ какъ и въ томъ, когда ни на комъ изъ нихъ вины не лежитъ.

Конечно, разводъ по обоюдному согласію не долженъ быть допущенъ: бракъ—не контрактъ, который можетъ быть расторгнутъ *mutuo consensu*; бракъ по самому существу своему, по цѣли—союзъ пожизненный, добровольно заключенный, но не своевольно расторгаемый. Бракъ—основа:

влѣтка государства, въ бракѣ воспитываются будущіе граждане; беспорядочность въ семьѣ есть вѣрный предвѣстникъ беспорядочности общественной и государственной.

Въ сужденіяхъ о всѣхъ поводахъ къ разводу руководящимъ началомъ должно быть главнымъ образомъ существо брака, его юридическое и нравственное значеніе, а не принципъ уголовного вмѣненія.

Если бы разводъ присуждался какъ наказаніе, тогда эта точка зрѣнія годилась бы; но разводъ дается не потому, что кто-нибудь изъ супруговъ виноватъ, а потому, что при данныхъ обстоятельствахъ брака нѣтъ, какъ его понимаетъ законъ. Въ самомъ дѣлѣ супругъ страдаетъ, наприм., неизлѣчимою психическою болѣзною, убиваетъ всякую душевную жизнь въ организмъ; въ одномъ случаѣ приобрѣлъ онъ ее по своей винѣ, въ другомъ его вины нѣтъ,—она наследственная. Неужели только въ первомъ случаѣ долженъ быть допущенъ разводъ? Вѣдь въ обоихъ случаяхъ физическій и нравственный элементъ брака долженъ отсутствовать.

Правда, этическія соображенія говорятъ намъ—супруги должны дѣлать горе. Да, это ихъ нравственный долгъ. Но едва ли законодатель можетъ взять на себя обязанность *предписывать* это нравственное велѣніе. Кто способенъ пронизнуться этимъ долгомъ, онъ его выполнитъ безъ предписанія законодателя, кто нѣтъ, тому предписаніе не поможетъ: онъ заведетъ вѣнчанную связь съ здоровымъ лицомъ, бракъ останется фикціей.

Мы не входимъ здѣсь въ подробный разборъ каждаго изъ намѣченныхъ поводовъ и возражаемъ собственно противъ принципа (виновности), нисколько этимъ не беря на себя защиту такихъ поводовъ къ разводу, какъ совершенно неопредѣленное и ничѣмъ не выразившееся непреодолимое отращеніе одного супруга къ другому.

И исходя изъ принципа существа брака и значенія его элементовъ законодатель долженъ быть также осмотрителемъ при установленіи причинъ развода, какъ и отправляясь отъ соображеній виновности, помня, что бракъ есть нормальный институтъ, а разводъ—ненормальный, и что задача законодателя укрѣпить бракъ, а не ослаблять его.

III. Дальнѣйшимъ существеннымъ нововведеніемъ новаго уложенія является *дѣленіе поводовъ къ разводу* на безусловные (absolute) и относительные (relative). Къ первымъ относятся такіе поводы, при наличности которыхъ является безусловная возможность расторгенія брака; ко вторымъ—такіе, которые лишь въ томъ случаѣ могутъ составить основаніе для развода, когда судъ, по разсмотрѣніи даннаго (конкретнаго) случая, убѣдился въ столь глубокой распатанности брачнаго союза, что признаетъ невозможнымъ сохранить его въ силѣ. Доселѣ дѣйствующіе нѣмецкіе кодексы (а равно и французскій) такого подраздѣленія не знаютъ: имъ извѣстно было только аналогическое примѣненіе нѣкоторыхъ абсолютныхъ поводовъ къ разводу.

Въ основу этого дѣленія положена слѣдующая мысль: въ однихъ слу-

чаяхъ законодатель, при наличности извѣстныхъ фактовъ, руководясь жизненнымъ опытомъ, заранее можетъ признать невозможность продолженія брачной жизни и вслѣдствіе этого допустить разводъ; въ другихъ случаяхъ, не принявъ во вниманіе различія общественнаго положенія супруговъ, ихъ образованія, характера, заранее а priori, нельзя опредѣлить, дѣйствительно ли совершенныя ими злоупотребленія или проступки такъ распатываютъ бракъ, что расторженіе его должно быть допущено, и наоборотъ, принявъ во вниманіе вышеуказанныя обстоятельства, можно опредѣлить, неизбеженъ ли разводъ или нѣтъ.

Совершенно вѣрная точка зрѣнія. Степень чувствительности человѣка къ нравственнымъ оскорбленіямъ неодинакова: благовоспитанный, образованный человѣкъ, человѣкъ извѣстной среды будетъ глубоко оскорбленъ тѣмъ, гдѣ человѣкъ другой среды совсѣмъ не будетъ чувствовать оскорбленія. Среди простого класса, грубыя оскорбленія, даже побои, наносимыя женѣ мужемъ, не считаются тяжелою обидой. Въ образованномъ классѣ, напротивъ, это признается явленіемъ возмутительнымъ. Поэтому поставить въ числѣ поводовъ къ разводу—положимъ оскорбленіе жены мужемъ (какъ предписаніе безусловное) едва ли было рачіонально; но совсѣмъ другое дѣло, если этотъ поводъ будетъ приведенъ въ соотвѣтствіе съ тою средой, къ которой принадлежитъ пострадавшій супругъ—тогда онъ можетъ въ однихъ случаяхъ возымѣть значеніе, въ другихъ—нѣтъ.

Засимъ переходимъ къ разсмотрѣнію въ отдѣльности поводовъ къ разводу—сначала безусловныхъ, а потомъ относительныхъ.

Безусловные поводы къ разводу.

1. Прелюбодѣяніе (§ 1565). Относительно этого повода къ разводу надо замѣтить, что въ противоположность римскому и прежнему (дѣйствовавшему до изданія закона 1884 г.) французскому праву (по которому мужъ считался нарушающимъ супружескую вѣрность только тогда, когда онъ держалъ любовницу въ общей супружеской квартирѣ), по новому германскому уложенію прелюбодѣяніе мужа и жены обсуждается одинаково.

Порушеніе на прелюбодѣяніе не составляетъ само по себѣ повода къ разводу, но взятое въ связи съ другими обстоятельствами оно можетъ повлечь за собою разводъ, а именно въ числѣ такъ называемыхъ относительныхъ причинъ развода (ср. § 1568).

Отвергнуто также проектомъ и уложеніемъ значеніе повода къ разводу за такъ называемымъ недозволеннымъ общеніемъ съ постороннею женщиной, дающимъ основаніе предположить нарушеніе супружеской вѣрности (см. Пр. Улож. II, 1, § 673).

2. Бигамія или двоебрачіе, т.-е. заключеніе второго брака, при существованіи перваго, при этомъ безразлично, имѣло ли мѣсто брачное сожитіе во второмъ бракѣ или нѣтъ (§ 1565 и обще-герм. улож. § 171).

3. Противоестественные пороки (§ 1565 улож. § 171).

Вслѣдъ за каноническимъ правомъ (каноническимъ и протестантскимъ)

нѣкоторыя нѣмецкія законодательства (въ томъ числѣ и саксонское § 1722) допускаютъ зачетъ преступленія прелюбодѣнія, какъ повода къ разводу: если супругъ, ищущій на этомъ основаніи развода, самъ виновенъ въ нарушеніи супружеской вѣрности, то разводъ не допускается.

Прусскимъ уложеніемъ (II, 1, §§ 670 и 671) дается также право возраженія о виновности въ прелюбодѣніи супруга, ищущаго развода по этому поводу, но лишь мужу по отношенію къ женѣ, виновной въ прелюбодѣніи и добивающейся развода.

Новое Уложеніе не послѣдовало примѣру этихъ законодательствъ. По поводу этого составители Уложенія рассуждали слѣдующимъ образомъ: по общему юридическому правилу тотъ соучастникъ извѣстнаго правоотношенія, который, вслѣдствіе вины другого соучастника, имѣетъ право на прекращеніе заключеннаго между ними правоотношенія, не теряетъ своего права вслѣдствіе того, что и другой, по винѣ перваго, имѣлъ бы право разрушить это правоотношеніе. Еще менѣе можетъ быть воспрепятствовано тому, кто своею виной далъ другому участнику правоотношенія право расторгнуть его, приобрести такое же право, что касается соучастника, оказавшагося въ винѣ.

Начало зачета въ вопросѣ о разводѣ по прелюбодѣнію не только не согласно съ вышеуказанными основными принципами, но можетъ привести на практикѣ къ сомнительнымъ результатамъ: супругъ, приобрѣвшій право на разводъ, вслѣдствіе прелюбодѣнія другого, получаетъ съ своей стороны открытый листъ нарушать супружескія обязанности, лишая этимъ права другого супруга требовать на этомъ основаніи развода.

Но право на разводъ вслѣдствіе совершенія прелюбодѣнія или противонамеренныхъ проступковъ исключается, если другой супругъ далъ на это свое согласіе или принималъ участіе въ преступленіи (§ 1565); здѣсь, такимъ образомъ, противопоставляется винѣ истца вина отвѣтника, но это не равносильно зачету. Въ случаяхъ зачета (по прелюбодѣнію и пр.) рѣчь идетъ о прекращеніи права истца на разводъ такимъ же правомъ отвѣтника, въ разсматриваемомъ же случаѣ—о возраженіи, сразу исключающемъ права истца. Хотя и въ случаяхъ зачета на истца падаетъ тяжесть виновности, но въ этихъ случаяхъ искъ о разводѣ основывается исключительно на винѣ отвѣтника, а не на одновременно и на собственной винѣ истца. Въ разсматриваемомъ же случаѣ истецъ основываетъ свое право на такихъ дѣйствіяхъ отвѣтника, которыя и самому истцу должны быть вѣнчаны въ вину. По общему же правилу совинновныя въ противозаконномъ дѣяніи не приобретаютъ никакихъ правъ по отношенію къ своему соучастнику. Къ тому же супругъ соучастникъ въ вышеобозначенномъ преступленіи показываетъ, что онъ не считаетъ невозможнымъ продолжать послѣ этого брачную жизнь.

На этой точкѣ зрѣнія стоитъ каноническое право и другія нѣмецкія законодательства (прусское, II, § 719, ср. *Dernburg*, стр. 59; саксонское, § 1718; *Motiven*, V. IV, стр. 582—587).

4. Покушение одного супруга на жизнь другого (§ 1566), причемъ, по мнѣнiю комиссiи (Kommissionsbericht, стр. 67), даже достаточно подготовительныхъ дѣйствiй, если изъ нихъ видно намѣренiе лишить жизни.

5. Злонамѣренное оставленiе однимъ супругомъ другого. Право каноническое (католическое и протестантское) и большая часть современныхъ законодательствъ (см. выше привед. §§ прус. и сакс. ул.) признаютъ его безусловнымъ поводомъ къ разводу. Французскiй кодексъ относитъ его къ числу такъ называемыхъ тяжкихъ обидъ (injures graves, art. 231).

Общее протестантское право различаетъ безвѣстное отсутствiе въ настоящемъ смыслѣ—дѣйствительная безвѣстность отсутствiя, или невозможность судебного воздѣйствiя на отсутствующаго, и отсутствiе не въ настоящемъ смыслѣ (Quasidesertion) въ случаѣ противоположномъ первому. Въ этомъ второмъ видѣ отсутствiя разводъ мыслимъ лишь послѣ принятiя (вслѣдствiе состоявшагося судебного приговора) принудительныхъ мѣръ для восстановленiя брачной жизни, и если онѣ оказались безуспѣшными. Этого взгляда придерживается, между прочимъ, саксонское улож. (§ 1731).

Другiя законодательства, считая эти принудительныя мѣры не умѣстными, удовлетворяются приказомъ суда о возвращенiи отсутствующаго (ср. пр. улож. II, 1, § 679 и сл.; *Dernburg*, стр. 52, 53).

Средину занимаетъ виртембергское законодательство, постановляющее, что если черезъ годъ послѣ состоявшагося приговора о возвращенiи отлучившагося супруга онъ не возвратился, то оставленный супругъ имѣетъ право требовать развода.

Этому примѣру виртембергскаго права послѣдовало и новое уложенiе, отвергнувшее примѣненiе принудительныхъ мѣръ по отношенiю къ оставившему супругу и требующее предварительнаго судебного приговора о возвращенiи со срокомъ ожиданiя въ теченiе года со дня приговора (§ 1567, п. 1). Этотъ предварительный приговоръ, говорятъ, можетъ установить, насколько основательны причины оставленiя. Этотъ же приговоръ лишаетъ возможности супруговъ подъ видомъ злонамѣреннаго оставленiя устраивать разводъ по обоюдному согласiю (судъ за этимъ прослѣдить).

Годичный срокъ ожиданiя имѣетъ рѣшительное значенiе, и уложенiе не слѣдуетъ тѣмъ законодательствамъ (сакс. § 1732), которыя вплоть до состоявшагося рѣшенiя дозволяютъ отсутствующему супругу возвратиться къ супружеской жизни, а слѣдуетъ тѣмъ (пр. ул.), которыя съ истеченiемъ срока считаютъ для оставленнаго супруга право на разводъ приобрѣтеннымъ.

Въ случаѣ дѣйствительно *безвѣстнаго* отсутствiя или нахожденiя въ такомъ мѣстѣ, что сноситься обыкновеннымъ судебнымъ порядкомъ съ отсутствующимъ супругомъ нельзя (nicht erreichbar), злонамѣренность отсутствiя предполагается, если супругъ въ теченiе года пребываетъ вдали отъ общаго семейнаго крова и, невзирая на продолжающiйся вызовъ его черезъ выставку объявленiя въ судѣ и публикаци въ вѣдомостяхъ, не явился до постановленiя рѣшенiя о разводѣ (§ 1567, п. 2, и Civil-Proc. Ordn. § 186).

Въ этомъ случаѣ уложенiе не прибѣгаетъ къ постановленiю предвари-

тельнаго приговора о возстановленіи брачнаго сожителства, такъ какъ, при неизвѣстности мѣста пребыванія отсутствующаго, этотъ приговоръ можетъ быть ему неизвѣстенъ (*Мотивы*, стр. 588—593).

Остальные поводы, практиковавшіеся въ Германіи до созданія уложенія, имъ отвергнуты, такъ какъ введеніе ихъ, по мнѣнію составителей, не можетъ быть оправдываемо ни съ точки зрѣнія потребности въ нихъ, ни съ точки зрѣнія цѣлесообразности.

Всѣ они таковы, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ относительно ихъ можетъ быть постановленъ вопросъ, дѣйствительно ли они настолько расшатываютъ брачный союзъ, что, при наличности ихъ, онъ не можетъ быть сохраненъ.

Это въ особенности слѣдуетъ сказать о дурномъ обращеніи и оскорбленіяхъ, которыя, согласно общепротестантскому брачному праву, должны составлять тогда поводъ къ разводу, когда они угрожаютъ опасностью для жизни или здоровья другого супруга (ср. пр. ул. II, 1, §§ 699 — 702; сакс. §§ 1735 и 1736). Но такой взглядъ на значеніе этихъ поводовъ является, съ одной стороны, слишкомъ узкимъ, съ другой — слишкомъ широкимъ; слишкомъ узкимъ потому, что можетъ быть такое дурное обращеніе и такія оскорбленія, которыя хотя и не опасны для жизни, тѣмъ не менѣе доказываютъ полное отсутствіе супружескаго расположенія, наприм., ударъ влупомъ или публичное оулеветаніе, или слишкомъ широкимъ, когда дурное обращеніе, объективно разсматриваемое, можетъ быть признано опаснымъ для здоровья, но совершенно оно подѣ влияніемъ аффекта и вовсе не исключаетъ добраго супружескаго расположенія. Принятыя другими законодательствами (фр. art. 231), критеріи обиды (тяжесть, глубина, грубость) хотя даютъ больше простора судѣ, но рѣшающій моментъ, что дурное обращеніе или оскорбленіе должно быть таково, что оскорбленному (въ конкретномъ случаѣ) супругу не можетъ быть вмѣнено въ обязанность продолженіе брака, и при этихъ критеріяхъ не выражается съ такою ясностью какъ въ критеріяхъ, указанныхъ въ ст. 1444 проекта (§ 1568 улож.), столь глубокая расшатанность супружескихъ отношеній, что, при наличности ея, немисливо продолженіе брачной жизни. Новыя законодательства ставятъ въ число безусловныхъ поводовъ къ разводу присужденіе супруга къ уголовному наказанію, опредѣляя, впрочемъ, родъ наказанія весьма различно, относя сюда либо наказанія, лишающія свободы, либо чести, либо наказанія извѣстной продолжительности (пр. ул. II, 1, § 704 и сл.; сакс. § 1740; фр. art. 232). И этотъ поводъ къ разводу составители уложенія причислили къ разряду относительныхъ поводовъ, находя постановленія новѣйшихъ законодательствъ въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе произвольными, а это привело составителей къ выводу, что разводъ по разсматриваемому поводу долженъ быть допущенъ или не допущенъ, смотря по обстоятельствамъ случая, принявъ во вниманіе качества личности жалующейся стороны и побудившія ее причины просить развода.

Отвергнуть также, какъ абсолютный поводъ, избраніе супругомъ без-

честнаго или позорнаго промысла (пр. ул. II, 1, § 707), во-первыхъ, съ цѣлью воспрепятствовать соглашенію между супругами для присванія повода къ разводу и, во-вторыхъ, потому, что въ нѣрѣдкихъ случаяхъ ищущій развода по этому поводу является соучастникомъ супруга виновнаго. Правильнѣе поэтому, полагаемъ редакторы, оцѣнивать такой поводъ тоже въ связи съ обстоятельствами случая.

Согласно общему протестантскому праву, нѣкоторыя законодательства (пр. II, 1, § 694; саксонс. § 1731) упорному отказу въ исполненіи супружескаго долга придаютъ значеніе абсолютнаго повода; но въ виду трудности доказыванія его, въ виду представляемаго имъ соблазна и оскорбленія нравственнаго чувства, въ виду того, что онъ можетъ имѣть притворный характеръ, прикрывающій собою взаимно задуманный супругами обманъ, проектъ, не отрицая значенія его, находимъ лучшимъ придать ему лишь относительную силу, въ связи со всей обстановкой дѣла (*Мотивы*, стр. 575—577).

За симъ слѣдующій рядъ поводовъ, принимаемыхъ нѣмецкими законодательствами, проектъ совсѣмъ устраняетъ, не причисляя ихъ даже къ разряду относительныхъ:

Непреодолимое отвращеніе супруговъ другъ къ другу—единичное или же взаимное: этотъ поводъ отвергнуть проектомъ, какъ несогласный съ существомъ брака, представляющаго собою выше воли супруговъ стоящій нравственный и юридическій порядокъ, и, какъ служащій нѣрѣдко лишь мантией, прикрывающій своеволие супруговъ въ дѣлѣ развода.

Равно не должна быть признана достаточнымъ основаніемъ для развода неспособность къ брачному сожитію, явившаяся въ періодъ брачной жизни безъ вины супруга, а равно и другая неизлѣчимая болѣзнь, такъ какъ и разводъ, при наличности этихъ условій, противорѣчилъ бы существованію брака, въ которомъ супруги должны дѣлать не только радость и счастье, но и страданіе и горе.

Впрочемъ и неспособность и болѣзнь супруга если они произошли по винѣ его, могутъ быть приняты во вниманіе при испрошеніи развода на основаніи § 1568, т.-е. какъ одной изъ причинъ относительныхъ.

Равно составитель уложенія отвергъ и принятый въ саксонскомъ законодательствѣ поводъ къ разводу по причинѣ такого болѣзненнаго состоянія жены, что при этомъ состояніи продолженіе супружескаго сожитія угрожало бы опасностью для ея жизни (§ 1742),—отвергъ потому, что одна лишь возможность со стороны мужа пользоваться своими супружескими правами, не обращая вниманія на болѣзненное состояніе жены, не можетъ служить основаніемъ для развода. Другое дѣло, если бы мужъ проявилъ намѣреніе принудить жену къ сожителству, въ такомъ случаѣ жена могла бы требовать развода по причинѣ такого нарушенія супружескихъ обязанностей, которое совершенно распатываетъ бракъ, т.-е. по причинѣ относительной.

Наконецъ и переѣзна религіи, какъ обстоятельство нарушающее семей-

ный миръ, не можетъ составить повода къ разводу, даже и относительнаго, ибо это указывало бы на право государства вторгаться въ вопросъ совѣсти и усматривать въ переѣвѣ религіи виновность супруга, сдѣлавшаго такую переѣву (*Мотивы*, стр. 569—572).

Относительные поводы къ разводу.

Современныя нѣмецкія законодательства для установленія поводовъ къ разводу прибѣгаютъ обыкновенно къ аналогіи выводовъ ихъ изъ двухъ основныхъ поводовъ нарушенія супружеской вѣрности и злонамѣреннаго оставленія однимъ супругомъ другого, (ср. пр. ул. II, 1, §§ 700—702, 703). Но эта аналогія, давая возможность легкаго установленія нѣкоторыхъ поводовъ (дурное обращеніе, сварливость, дѣйствія, подвергающія опасности жизнь и здоровье), не поддается для установленія другихъ (совершеніе супругомъ преступленія или проступка, присужденіе къ продолжительному лишенію свободы, безчестное или безнравственное поведеніе, принятіе на себя поворнаго промысла).

Вотъ почему за отправную точку при разводѣ, вслѣдствіе наступленія относительныхъ поводовъ къ нему, составители проекта приняли слѣдующее положеніе: такое разрушеніе брачныхъ узъ дѣйствіемъ одного изъ супруговъ, что при наличности его невозможно сохранить бракъ въ силѣ.

Въ этомъ случаѣ въ основу кладется субъективный взглядъ и бракъ по этимъ причинамъ можетъ быть расторгнутъ, даже не взирая на то, что самъ испрашивающій разводъ супругъ самъ виновенъ въ соучастіи, въ совершеніи дѣйствія, давшаго поводъ къ разводу или что выразилъ на совершеніе его свое согласіе. Эти поводы къ разводу описаны въ уложеніи такъ: супругъ имѣетъ право требовать развода, если другой супругъ, вслѣдствіе тяжкаго нарушенія установленныхъ бракомъ обязанностей или безчестнаго и безнравственнаго поведенія, будетъ признанъ виновнымъ въ такой расшатанности брачныхъ узъ, что отъ другого супруга не можетъ быть потребовано продолженіе брачной жизни. Сюда же должно быть отнесено и грубое оскорбленіе (§ 1568).

Сопоставляя этотъ § съ соотвѣстственными узаконеніями прусск. земскаго уложенія, усматриваютъ, что сюда можетъ подойти цѣлый рядъ поводовъ, допускаемыхъ этимъ уложеніемъ какъ-то:

- 1) Столь близкое общеніе съ лицомъ другого пола, что является основательное предположеніе нарушенія супружеской вѣрности (§ 637 и сл.).
- 2) Отказъ принять жену въ общую супружескую квартиру (§ 687).
- 3) Упорный отказъ въ выполненіи супружескаго долга (§ 694).
- 4) Лишеніе свободы, грубое оскорбленіе чести (§ 700).
- 5) Насиліе и брань (§ 702).
- 6) Неуживчивость и сварливость, подвергающія опасности жизнь и здоровье (§ 703).
- 7) Совершеніе тяжкаго преступленія или проступка, или осужденіе за совершеніе ихъ (§ 704 и сл.).

8) Принятіе позорнаго промысла (§ 707).

9) Пьянство, мотовство, беспорядочное веденіе хозяйства (§ 708 и сл.).

10) Упорный отказъ въ выдачу содержанія (§ 711 и сл.).

Но въ то время, какъ по прусскому уложенію все это абсолютныя поводы, т.-е. такіе, при наличности которыхъ разводъ долженъ быть допускаемъ, по общегерманскому уложенію онъ можетъ быть данъ условно, если судъ убѣдится, что они разрушительно дѣйствуютъ на бракъ.

Наконецъ, въ числѣ поводовъ къ разводу совершенно особо стоитъ *душевнѣй недугъ* супруга (§ 1569).

Въ первоначальномъ проектѣ этотъ поводъ былъ отвергнутъ, главнымъ образомъ, потому, что имъ нарушается коренное начало, положенное составителями проекта въ основу бракоразводнаго права—виновность супруга, кромѣ того, признавъ поводомъ къ разводу душевную болѣзнь, пришлось бы допустить разводъ при наличности другихъ болѣзней, исключаящихъ возможность супружескаго общенія.

Но, послѣ того какъ на XX съѣздѣ нѣмецкихъ юристовъ и въ юридической литературѣ и въ журнальной прессѣ былъ высказанъ противоположный взглядъ, во II-мъ проектѣ (§ 1464) и въ докладѣ рейхстагу душевная болѣзнь была принята въ числѣ поводовъ къ разводу. Но въ докладѣ комиссіи, назначенной рейхстагомъ (въ виду возраженій правительствъ баварскаго и мекленбургскаго), не взирая на то, что этотъ поводъ признанъ прус. улож., саксон. улож. и баденскимъ, и не взирая на возраженія правительствъ этихъ государствъ, поводъ этотъ былъ вычеркнутъ и во 2-мъ чтеніи въ рейхстагѣ. Но при 3-мъ чтеніи возобновился весьма оживленный обменъ мыслей по этому вопросу, приведшій къ противоположному рѣшенію.

Главные соображенія, высказанныя противъ признанія за душевной болѣзвью повода къ разводу, были такія: нѣтъ возможности, при современномъ состояніи психіатріи, установить съ несомнѣнностью неизлѣчимость душевной болѣзни. Каковъ же долженъ быть ужасъ больного, узнавшаго въ минуты просвѣтленія сознанія или послѣ выздоровленія, что онъ уже не имѣетъ, быть можетъ, горячо любимаго имъ супруга. Бываютъ и такія потери разсудка, которыя наступаютъ медленно, когда больной можетъ до нѣкоторой степени самъ предвидѣть надвигающуюся бѣду. Какъ угнетающе должно дѣйствовать на такихъ больныхъ сознаніе, что потеря разсудка повлечетъ для нихъ потерю супруга, а слѣдовательно и тотъ уходъ, котораго онъ можетъ ожидать отъ столь близкаго человѣка.

Далѣе, съ точки зрѣнія христіанской, бракъ есть союзъ пожизненный, заключая который супруги рѣшили дѣлать не только радость, но и горе. Никакая мораль не можетъ примириться съ мыслью, что здоровый супругъ вправѣ покинуть больного, попавшаго въ бѣду невинно.

*) *Jacobi*: „Das persönliche Eherecht des Bürgerlichen Gesetzbuches für das deutsche Reich, стр. 15 и сл.

Уложеніе стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что вина супруга даетъ право на разводъ невинному.

Но разводъ по причинѣ душевной болѣзни былъ бы именно нарушеніемъ этого разумнаго принципа.

Говорятъ, что душевно-больной все равно, что мертвый; но это невѣрно: пока духъ отъ человѣка не отлетѣлъ, онъ не можетъ быть уподобленъ мертвому, и нельзя съ его правами такъ же обращаться, какъ съ правами умершаго (von Buchka).

Въ пользу признанія душевной болѣзни поводомъ къ разводу указывали на то, что никто не рѣшится настаивать на допущеніи развода въ случаѣ не твердо установленной неизлѣчимости болѣзни. Разводъ предполагается допустить лишь тогда, когда нѣтъ ровно никакой надежды на выздоровленіе больного, и такіе случаи бываютъ. Для такого больного не можетъ быть рѣчи о нравственныхъ страданіяхъ, разъ сознаніе его покинуло навсегда. Вотъ почему неосновательно разсуждаютъ тѣ, которые говорятъ: нечеловѣчно усугублять горе несчастнаго супруга еще разводомъ; но въ томъ-то и дѣло, что здѣсь человѣка съ человѣческими чувствами уже нѣтъ,—это чисто животная жизнь. Слѣдовательно и о человѣческихъ страданіяхъ не можетъ быть и рѣчи. Вообще, когда говорятъ о томъ, что страданія больного облегчаетъ нѣжный уходъ за нимъ близкихъ ему людей, то имѣютъ въ виду больного физически или если и психически, то сознающаго еще свое я. Но вѣдь проектируемый законъ имѣетъ въ виду больныхъ психически такъ сказать не существующихъ. Въ частности, что касается попеченія о больномъ, то трудно предположить, чтобы это попеченіе было усерднѣе только потому, что здоровый супругъ знаетъ, что судьба связала его безповоротно, быть можетъ на всю жизнь съ больнымъ.

Даже съ точки зрѣнія религіозной, признавая бракъ таинствомъ, разводъ въ этомъ случаѣ можетъ быть допущенъ: здѣсь брачныя узы расторгаются не своевольно, но вслѣдствіе постигшаго супруговъ случайнаго несчастія, какъ вслѣдствіе смерти одного изъ нихъ.

Справедливо, что уложеніе избрало для себя руководящимъ началомъ при разводѣ наличность вины одного изъ супруговъ, но нисколько не противно задачамъ разумнаго законодательства ввести еще и другое начало при разводѣ, разъ этотъ разводъ необходимъ по интересамъ участниковъ и самого общества.

Говорятъ еще, что для дѣтей очень тяжело сознавать, что ихъ родитель расторгъ бракъ вслѣдствіе болѣзни другого родителя, что отъ этого страдаетъ чувство снѣтета; но, говоря это, оставляютъ безъ вниманія, что, вѣдь, тутъ разумѣется такая степень болѣзни, когда этотъ несчастный родитель одержимъ полнымъ помраченіемъ сознанія, когда онъ дошелъ до такого состоянія, что ведетъ уже чисто-животную жизнь, и что для дѣтей нахожденіе такого родителя въ живыхъ въ заведеніи для умалишенныхъ равносильно нахожденію на кладбищѣ.

Есть еще соображенія экономическаго характера, которыя требуютъ

развода въ разсматриваемомъ случаѣ: въ классахъ обезпеченныхъ не настолько чувствуется неизлѣчимая душевная болѣзнь матери, — дѣтямъ можетъ быть нанята хорошая воспитательница, но въ классахъ необезпеченныхъ положеніе дѣтей безъ матери, хозяйство безъ хозяйки, крайне тяжело.

Наконецъ, съ точки зрѣнія нравственной: справедливо ли здороваго человека привязывать къ больному, заставляя его выжидать годы, десятки лѣтъ, быть можетъ всю жизнь развязки печальной драмы? Можно ли ожидать и можно ли требовать, чтобы этотъ несчастный супругъ хранилъ цѣломудріе и не сталъ искать незаконныхъ путей для удовлетворенія своихъ физиологическихъ потребностей? (Lenzmann и Münkel) *).

Въ результатѣ душевная болѣзнь была признана рейхстагомъ поводомъ къ разводу при наличности слѣдующихъ условій: если она длилась по крайней мѣрѣ три года и достигла такой степени, что духовное общеніе между супругами прекратилось и исчезла всякая надежда на возстановленіе этого общенія (§ 1569).

Такимъ образомъ, и этотъ поводъ къ разводу по существу своему долженъ быть причисленъ къ разряду поводовъ относительныхъ, такъ какъ лишь при наличности вышеуказанныхъ условій онъ получить дѣйствительное значеніе.

Въ дополненіе къ сказанному объ этомъ поводѣ къ разводу слѣдуетъ упомянуть, что на практикѣ онъ можетъ получить и весьма ограниченное примѣненіе, такъ какъ послѣднее условіе — неизлѣчимость болѣзни — определенности въ себѣ не заключаетъ.

Говоря о поводахъ къ разводу, слѣдуетъ упомянуть, что въ уложеніи существуетъ слѣдующее весьма важное правило: если извѣстное обстоятельство и не можетъ само по себѣ составить повода къ разводу, то оно можетъ служить подрѣпленіемъ другого повода къ разводу (§ 1573). Это, конечно, должно быть приложимо только къ поводамъ относительнымъ. Безусловные, въ силу своей безусловности, должны опираться на вполне определенное основаніе.

Кромѣ развода въ вышеуказанныхъ случаяхъ новое уложеніе допускаетъ также и *разлученіе супруговъ*, о чемъ было уже упомянуто.

Такъ какъ по мысли уложенія вина кого-либо изъ супруговъ есть для невиннаго поводъ къ разводу, то прощеніе прекращаетъ право на разводъ. Конечно, это не касается развода по причинѣ душевной болѣзни (§ 1570).

Кромѣ того, право на разводъ погашается 10-лѣтней давностью со дня наступленія повода (§ 1571).

Послѣдствія развода.

Во всѣхъ случаяхъ развода (кромѣ развода вслѣдствіе психической болѣзни) въ рѣшеніи должно быть указано, кто изъ супруговъ виновенъ въ

*) *Zweite und dritte Berathung des Entwurfes e. Bürgerlichen Gesetzbuches in Reichstage. 1896.*

разводѣ. Если супругъ-отвѣтчикъ, въ свою очередь, предъявить встрѣчный искъ о разводѣ, и этотъ искъ будетъ признанъ основательнымъ, тогда оба супруга считаются виновными. Даже и безъ предъявленія встрѣчнаго иска, но по одному заявленію отвѣтчика, истецъ можетъ быть признанъ тоже виновнымъ, если изъ обстоятельствъ дѣла обнаружится, что и отвѣтчикъ имѣеть право искать развода (§ 1574). Эта послѣдняя льгота дана супругу отвѣтчику на тотъ случай, еслибъ онъ по соображеніямъ совѣсти не захотѣлъ бы выступать со встрѣчнымъ искомъ, а именно, чтобы не принуждать его къ этому косвенно, грозя невыгодами при признаніи его виновнымъ, ему данъ выходъ изъ затрудненія (*Мотивы*, стр. 607, 608).

Въ этомъ случаѣ новое уложеніе послѣдовало уже раньше существовавшей законодательной практикѣ (ср. пр. ул. II, 1, § 745 и сл.).

Вслѣдъ за римскимъ правомъ многія нѣмецкія законодательства допускаютъ бракоразводные штрафы для виновнаго супруга (ср. пр. ул. II, 1, § 783 и сл.). Обще-германское уложеніе не послѣдовало этому примѣру, а примѣру законодательства французскаго (ст. 299—301) и саксонскаго (§ 1750), вообще не допускающихъ никакихъ имущественныхъ выгодъ для получившаго разводъ супруга, какъ не согласныхъ съ существомъ брака. Уложенія эти даютъ лишь право на содержаніе невинному супругу въ случаѣ нужды его (тѣ же ст.).

Съ точки зрѣнія публичной такіе штрафы являются какъ бы косвеннымъ побужденіемъ къ исполненію брачныхъ обязанностей, а съ точки зрѣнія частной (вознагражденія за вредъ) — представляются требованіемъ часто неопредѣленнымъ и возбуждающимъ корыстные инстинкты (*Мотивы*, стр. 616).

Что касается права жены на фамиліное имя мужа, то практика законодательствъ въ этомъ отношеніи различна: французская юриспруденція за то, что разведенная теряетъ право на имя мужа: бракъ потерялъ единеніе въ томъ числѣ и имени, которое онъ имѣлъ до наступленія развода. Саксонское законодательство (§ 1748)—за сохраненіе имени, считая его приобрѣтеннымъ правомъ жены. Прусское уложеніе разрѣшаетъ носить имя мужа только женѣ разведенной не по ея винѣ (III, 1, §§ 741, 742).

Новое уложеніе, очевидно, раздѣляетъ мнѣніе прусскаго уложенія. Разведенная сохраняетъ фамиліное имя мужа, если она не пожелаетъ именоваться своимъ прежнимъ именемъ—дѣвичьимъ или по прежнему браку (если, впрочемъ, она не была разведена, по винѣ ея, состоя въ томъ бракѣ). Но если жена была признана виновной въ разводѣ, то мужъ имѣеть право воспретить ей носить свое имя (§ 1577).

Другое послѣдствіе развода есть право невиннаго супруга на *содержаніе* отъ виновнаго. Въ вопросѣ о назначеніи содержанія германское уложеніе, отвергнувъ взглядъ прусскаго улож. (II, 1, § 798) на содержаніе, какъ на вознагражденіе за вредъ, и присоединившись ко взгляду французскаго кодекса (ст. 301) и саксонскаго улож. (§ 1750), выводитъ его изъ чувства справедливости (невиновный супругъ долженъ или продолжать

сдѣлавшійся для него невыносимымъ бракъ, или лишиться средствъ къ жизни) и изъ общественнаго интереса — необходимости противодействовать разводу, а при наступленіи его избѣгать отягощенія кассы для бѣдныхъ. Такимъ образомъ, здѣсь обязанность содержанія супруга имѣть аналогію съ обязанностью содержанія ближайшихъ родственниковъ.

Виновный въ разводѣ мужъ обязанъ содержать свою разведенную жену, если у нея нѣтъ своихъ средствъ, или же она не можетъ добывать ихъ привычнымъ для нея трудомъ.

Виновная въ разводѣ жена обязана при такихъ же условіяхъ содержать мужа.

Если обязанный выдачей содержанія супругъ, вслѣдствіе лежащихъ на немъ другихъ такихъ же обязанностей по отношенію къ женѣ по новому браку, или по отношенію къ дѣтямъ, не въ состояніи будетъ нести этой обязанности полностью, то она можетъ быть сбавлена соотвѣтственно имуществомъ средствамъ и вообще справедливости (§ 1579).

Выдается содержаніе посредствомъ ренты, вносимой впередъ, а въ исключительныхъ случаяхъ — посредствомъ внесенія определенной капитальной суммы (§§ 1581, 760). По смерти обязаннаго давать содержаніе супруга обязанность его переходитъ на его наследниковъ (§ 1582).

Вступленіе въ новый бракъ прекращаетъ право на содержаніе (§ 1581), такъ какъ съ этого времени предполагается измѣненіе имущественныхъ отношеній прежнихъ супруговъ.

Къ числу послѣдствій развода относится также *возвратъ* всего *подареннаго* (въ періодъ обрученія или брака) невиннымъ супругомъ виновному.

Взысканіе подлежитъ годичной давности со дня рѣшенія о разводѣ и мыслимо только при жизни разведенныхъ супруговъ (§ 1584).

Это постановленіе сдѣлано по примѣру прусскаго права (II, 1, §§ 773—775) и французскаго кодекса (ст. 299—300) и основано на началахъ справедливости (*Мотивы*, стр. 612).

Вліяніе развода на положеніе дѣтей.

Такъ какъ существованіе или несуществованіе брака родителей не можетъ имѣть вліянія на дѣтей, уже родившихся въ этомъ бракѣ, то вообще разводъ не можетъ измѣнить юридическаго положенія дѣтей. По общему правилу, разводъ оказываетъ вліяніе на право воспитанія дѣтей, но не на права, вытекающія изъ родительской власти (пользованіе дѣтскимъ имуществомъ, ср. пр. ул. II, 2, §§ 972—104, сакс. § 1749 и фр. 302, 303, 386). Такъ и по уложенію, представляющему за свое несовершеннолѣтнее дитя, отецъ не лишается права пользованія дѣтскимъ имуществомъ, хотя бы онъ и былъ признанъ виновнымъ въ разводѣ (§§ 1627 и 1628, 1616 и 1649), потому что, съ одной стороны, интересъ дитяти требуетъ, чтобъ попеченіе объ его имуществѣ было ввѣрено тому изъ родителей, который способенъ приложить большую заботу, а къ этому въ большинствѣ случаевъ способенъ отецъ; съ другой стороны, изъ того, что отецъ призна-

виновнымъ въ разводѣ, не слѣдуетъ, чтобы онъ не могъ надлежаще выполнять своихъ обязанностей по отношенію къ дѣтямъ. Кромѣ того другой порядокъ былъ бы не привычнымъ нововведеніемъ среди нѣмецкаго народа и могъ бы повлечь за собою столкновение между супругами (*Мотивы*, стр. 622, 623).

Большинство нѣмецкихъ законодательствъ держатся о правѣ *воспитанія* того мнѣнія, что это право должно быть предоставлено невиновному супругу, если опекунскій судъ не найдетъ лучшимъ для блага дитяти отдать его другому супругу или постороннему лицу (ср. пр. II, 2, §§ 92, 94, 97—100; фр. 302), другіе (сак. § 1749) предоставляютъ рѣшеніе этого вопроса всецѣло опеку. На этой же точкѣ зрѣнія стоитъ и новое уложеніе: при жизни разведенныхъ супруговъ забота о лицѣ дитяти принадлежитъ невиновному супругу; если оба виновны, то попеченіе о сыновьяхъ принадлежитъ отцу, кромѣ мальчиковъ, не достигшихъ 6 лѣтъ, т.-е. школьнаго возраста, забота о дочеряхъ—матери; но опекунскій судъ можетъ, по соображеніямъ интересовъ дитяти, установить и другой порядокъ. Такое раздѣленіе дѣтей по поламъ оправдываютъ составители уложенія тѣмъ, что было бы слишкомъ жестоко по отношенію къ матери лишить ее совсѣмъ дѣтей и, съ другой стороны, интересъ дочерей требуетъ надзора материнскаго (*Мотивы*, стр. 625).

Равно было признано, что окончательное рѣшеніе вопроса о призрѣніи дѣтей слѣдуетъ предоставить опекунскому суду, ибо обстоятельства случая могутъ имѣть свои особенности.

При этомъ составители уложенія неодобрительно относились и не усвоили себѣ правила о распредѣленіи дѣтей между разведенными супругами по обоюдному ихъ соглашенію, такъ какъ забота о дѣтяхъ есть обязанность родителей, отъ которыхъ они не въ правѣ отказаться, и такъ какъ допустимость такихъ соглашеній косвенно способствуетъ облегченію разводовъ, чему не сочувствуетъ уложеніе (*Мотивы*, стр. 626, 627).

На обязанность *содержанія дѣтей* родителями, по воззрѣнію общаго нѣмецкаго права, разводъ не долженъ оказывать вліянія, такъ какъ родство, а не бракъ, источникъ этой обязанности (сакс. § 1749; ср. фр. art. 303).

По прусскому уложенію мужъ имѣетъ право требовать отъ признанной виновной въ разводѣ жены взноса на покрытіе расходовъ по содержанію дѣтей, равнаго, по крайней мѣрѣ, половинѣ этого расхода, а если ей переданы дѣти до 4-лѣтняго возраста, то она должна нести всѣ расходы по содержанію ихъ (II, 2, §§ 103 — 107). Составители уложенія признавали справедливымъ привлечь и жену къ содержанію дѣтей, такъ какъ при разводѣ мужъ лишается того преимущественнаго положенія, которымъ онъ пользовался въ бракѣ (*Мотивы*, стр. 629). По уложенію отецъ обязанъ давать содержаніе дѣтямъ, но если право пользованія дѣтскимъ имуществомъ предоставлено матери, то—мать (§ 1606).

Относительно опредѣленія степени участія разведенныхъ родителей въ содержаніи дѣтей составители уложенія разсуждали слѣдующимъ образомъ:

такъ какъ мужъ вслѣдствіе развода лишается права пользованія и управленія женинымъ имуществомъ, то справедливо и при разводѣ привлечь жену къ участию въ содержаніи дѣтей, какъ то бываетъ при установленіи имущественной раздѣльности (*Gütertrennung*); при этомъ послѣдовательнѣе всего было бы возложить на жену половину издержекъ. Это дало бы возможность избѣгать и тѣхъ затрудненій, которыя встрѣчаются при опредѣленіи относительно мѣры участія ея въ содержаніи, но это было бы несправедливо, если бы мужъ одинъ признанъ былъ виновнымъ въ разводѣ.

Но въ виду того, что пользовладѣніе дѣтскимъ имуществомъ предназначено для покрытія именно издержекъ по содержанію дѣтей, справедливо привлекать жену къ содержанію дѣтей лишь въ томъ случаѣ, когда мужъ лишень этого пользованія. Если же это пользовладѣніе за нимъ сохраняется, то (согласно началу выраженному въ ст. 1485) жена должна участвовать въ содержаніи дѣтей лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно не покрывается доходами съ дѣтскаго имущества. Этимъ мужъ не ставится, впрочемъ, въ стѣснительное положеніе, такъ какъ онъ имѣетъ право отказаться отъ пользованія, вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ обязанности содержанія дѣтей. Отъ такого распорядка этой обязанности не страдаютъ и интересы дитяти, потому что хотя по общему правилу мужъ, оставаясь пользовладѣтелемъ дѣтскимъ имуществомъ, и не можетъ требовать взноса отъ жены съ этою цѣлью, но по другому правилу, разъ отецъ не въ состояніи дать содержанія дитяти, послѣднее имѣетъ право требовать его отъ матери (§ 1485 по проекту и § 1606 по улож.). Въ извѣстныхъ случаяхъ, пожалуй, мужъ предпочтетъ отказаться отъ пользовладѣнія, но и здѣсь интересы дитяти не пострадаютъ, такъ какъ, отказываясь отъ пользовладѣнія, онъ не можетъ отказаться отъ управленія дѣтскимъ имуществомъ (*Мотивы*, стр. 629—630).

Въ результатѣ право дѣтей на содержаніе отъ разведенныхъ родителей опредѣляется такъ: при разводѣ различается, кому поручено попеченіе о лицѣ дитяти—если мужу, то жена обязана изъ доходовъ своихъ или изъ заработковъ дѣлать взносъ, если, впрочемъ, не хватить для содержанія дѣтей доходовъ, которые получаетъ мужъ, какъ пользовладѣтель дѣтскаго имущества. Если женѣ поручена забота о дитяти и предвидятся значительные расходы по содержанію его, то жена въ свою очередь имѣетъ право требовать отъ мужа взноса для покрытія ея расходовъ по содержанію дитяти (§ 1585).

Этимъ исчерпываются основныя положенія о разводѣ по новому уложенію. Какое же звено въ исторической цѣпи постановленій о разводѣ составляетъ собою бракоразводное право по этому уложенію и насколько оно подвинуло собою въ общемъ ходѣ правосознанія культурныхъ народовъ бракоразводный вопросъ?

Исторія застаётъ брачную жизнь съ преобладающей властью мужа въ семьѣ и съ полнымъ подчиненіемъ ему жены. Сила предшествуетъ праву и въ области семейныхъ отношеній. Когда жена приобрѣталась путемъ

насильственнаго захвата (а такъ было вначалѣ), развода быть не могло: «о какомъ разводѣ можно говорить тогда, когда рѣчь идетъ о распоряженіи, добытой мною, собственностью. Я могу ею пользоваться самъ, передать другому на время или навсегда, покинуть, наконецъ, и этимъ исчерпываются всѣ мои отношенія къ ней (см. сочиненіе мое «О разводѣ по русскому праву», стр. 9).

Смягченіе правовъ и развитіе сознанія о неприкосновенности правъ рода, способствовававшего возникновенію и укрѣпленію мирныхъ способовъ приобрѣтенія женъ посредствомъ соглашенія, купли, которая, какъ ни низко ставила женщину, все же не дѣлала еще совершенно безправной. Продавая ее, родственники могли уговориться, чтобы проданная не была слишкомъ угнетаема; мужъ, такимъ образомъ, не остается совсѣмъ безнаказаннымъ, если онъ мучитъ свою жену, или совершенно произвольно прогоняетъ купленную жену. Мало того, при этомъ способѣ заключенія брака, за женой признается право на разводъ, вслѣдствіе вины мужа; даже право жены на приданое совмѣстимо съ куплей, что тоже указываетъ на не безправное положеніе жены въ домѣ мужа (см. соч. «О разводѣ», стр. 21).

Путь соглашенія между родственниками жениха и невѣсты о соединеніи ихъ бракомъ, отрѣшившійся впослѣдствіи отъ характера сдѣлки объ отчужденіи жены мужу и постепенно, такъ сказать, облагораживавшійся, долго бытовалъ среди многихъ народовъ и бытуетъ до сихъ поръ у народовъ съ патріархальнымъ строемъ семьи. Этому строю соответствуетъ строгость семейныхъ обычаевъ и правовъ и полновластіе мужа надъ женой. Сообразно съ этимъ, жена, поступая «въ руки мужа», выходитъ изъ «рукъ» его, когда онъ ее отвергаетъ (*heridium*). Односторонній разводъ «пущаніе женъ мужьями», какъ выражались наши древніе іерархи, вотъ обычный способъ развода первобытнаго. Вначалѣ это отверженіе, вѣроятно, имѣло характеръ вполне безапелляціонный, но уже съ нѣкоторымъ упорядоченіемъ патріархальной семьи, повидимому, требовалась наличность вины на сторонѣ жены. Такъ Моисей, допуская односторонній разводъ по волѣ мужа, посредствомъ написанія разводнаго письма, понимаетъ возможность развода вслѣдствіе какого-либо «порока или срамнаго дѣла».

По древнѣйшему римскому закону мужъ могъ дать разводъ женѣ, если она оказалась виновной въ прелюбодѣянніи, поддѣлкѣ ключей и въ отравленіи дѣтей. Впрочемъ, онъ могъ отвергнуть жену и безъ всякой вины на ея сторонѣ, но тогда онъ лишается своего имущества, одна половина котораго шла въ пользу разведенной жены, а другая въ пользу богини Цереры.

Подобное же явленіе наблюдаемъ и въ древне-греческомъ (аѣнскомъ) правѣ. Мужъ имѣетъ право «отпустить» жену, не стѣсняясь никакими условіями и формальностями. Но засимъ мы встрѣчаемъ уже и опредѣленныя причины отверженія, прелюбодѣяніе жены или даже подозрѣніе въ совершеніи его, бесплодіе и случай ипеклерата, когда ближайшій родственникъ дочери лица, не имѣвшаго сыновей, долженъ былъ жениться на послѣдней,

дабы создать потомство для своего бездѣтнаго тестя и обыкновенно получить богатое приданое *).

Дальнѣйшее развитіе семейнаго строя, вызванное въ свою очередь общимъ поступательнымъ развитіемъ народовъ, давало возможность заключать браки, принимая во вниманіе волю самихъ брачующихся, въ томъ числѣ и женщинъ, а въ бракѣ—волю не только мужа, но и жены. При такихъ условіяхъ право на разводъ должно было принадлежать не только мужу, но и женѣ. Отсюда разводъ по обоюдному согласію супруговъ является излюбленнымъ и весьма распространеннымъ способомъ прекращенія брака.

Такъ было въ Римѣ, «издревле принято,—говоритъ Императоръ Александръ Северъ, «что браки должны быть свободными; поэтому не имѣютъ силы соглашенія, воспреещающія разводиться (l. 134. D. 45, 1; l. 2; C. VIII, 39), и это правило отличалось большой живучестью. Нѣсколько вѣковъ борьбы употребляли римскіе законодатели, пока вывели его изъ практики. Въ древней Атикѣ разводъ по обоюдному согласію супруговъ былъ тоже весьма употребителенъ. Такъ Периклъ съ согласія своей жены развелся съ нею, Менексесъ человекѣмъ, пожилой, не желая свою любимую молодую жену лишити радости быть матерью, развелся съ нею (Beauchet, вып. соч. стр. 387—388).

У насъ не только въ началѣ нашей исторіи, но уже и позднее время, въ XVI в., разводы по обоюдному соглашенію практиковались въ весьма широкихъ размѣрахъ, въ особенности въ югозападной Руси, гдѣ женщина была поставлена въ болѣе независимое положеніе, нежели въ Восточной ея половинѣ: «какъ по доброй волѣ сошлись,—говорили обыкновенно супруги въ своихъ разводныхъ,—такъ по своей доброй волѣ и разошлись за что одинъ къ другому на вѣчныя времена не будемъ предъявлять претензій». (см. соч. мое «О разводѣ», стр. 59 и см. 192 и сл.).

Впрочемъ не надо думать, чтобы въ жизни существовала эта правильность въ смѣнѣ одного порядка другимъ. Разводы по обоюдному согласію не исключали и разводовъ одностороннихъ по усмотрѣнію мужа, что опять мы наблюдаемъ въ римской исторіи, греческой и нашей. Съ односторонними разводами римскіе императоры боролись не менѣе, чѣмъ съ разводами по обоюдному согласію («О разводѣ», стр. 52 и сл.). Въ Атикѣ вмѣстѣ съ геридіа практиковались разводы по обоюдному соглашенію и даже разводы по желанію жены, впрочемъ, повидимому съ указаніемъ причинъ и съ согласія властей (архонта, Beauchet, стр. 381 и сл.). У насъ, подъ видомъ насильственнаго постриженія женъ въ монастырь, практиковался односторонній разводъ въ весьма широкихъ размѣрахъ («О разводѣ», стр. 165 и сл.).

Но такъ какъ подобные разводы не могли способствовать развитію брака,

*) Beauchet: „Histoire du droit privé de la république Athenienne“. T. 1, p. 378 suiv.

какъ союза имѣющаго высокое этитическое значеніе, и такъ какъ христіанская мораль не могла примириться съ этой неустойчивостью брака, то въ результатѣ борьбы съ ними церкви и христіанскихъ государей, поддержанной общимъ культурнымъ движеніемъ, исчезаютъ разводы своевольные и добровольные и замѣняются разводами по указаннымъ въ законѣ причинамъ.

Достигнувъ этой стадіи развитія, бракоразводное право надолго подпало влиянію христіанской религіи, оставаясь подъ этимъ влияніемъ въ извѣстной мѣрѣ и доселѣ.

Нужно, однакоже, замѣтить, что упорядоченія бракоразводнаго права церковь достигла не сразу. Римское языческое общество послѣднихъ вѣковъ римской исторіи дошло до крайнихъ предѣловъ нравственной порчи; семья распалась, брачныя узы столь ослабли, что церкви невозможно было и помышлять о водвореніи въ жизни евангельскаго взгляда на разводъ. Къ этому же не на сторонѣ церкви было и свѣтское законодательство. Въ первые вѣка христіанства христіанскому обществу (необходимо было сохранять большую осторожность во всѣхъ вопросахъ, гдѣ оно могло сталкиваться съ государственными постановленіями. Христіанскіе іерархи и учителя церкви старались показать, что они вѣрные сыны государства. «Всякій изъ насъ (т.-е. христіанинъ),—говорили они,—считаетъ женою ту, на которой женился по изданнымъ вами (т.-е. свѣтскими властями) законамъ». Іоаннъ Златоустъ въ XVI бесѣдѣ, обращаясь къ жителямъ Антиохіи, указываетъ на необходимость повиноваться императорскимъ законамъ, какъ въ дѣлахъ имущественныхъ, такъ и брачныхъ. И хотя тотъ же Златоустъ въ другой бесѣдѣ своей говоритъ: «увѣщаваю, прошу и умоляю мужей не отвергать женъ, и женъ не оставлять мужей», но тѣмъ не менѣе разводы отверженія (*repudiā*) практиковались и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и учителя церкви не считали ихъ незаконными.

Вообще, канонисты Восточной церкви согласны между собой относительно воззрѣнія, что нѣкоторые каноны соборовъ и правила отцовъ церкви признаютъ и, слѣдовательно, допускаютъ и другіе поводы къ разводу, кромѣ прелюбодѣянія (упоминаемаго въ Евангелии). Именно эти поводы двухъ родовъ: или такіе, которые по своему воздѣйствію на бракъ равняются смерти, или такіе которые аналогичны съ прелюбодѣяніемъ. Такъ, между прочимъ, такимъ путемъ пришли къ допустимости развода вслѣдствіе буйнаго помѣшательства одного изъ супруговъ или злонамѣреннаго оставленія однимъ другого (70, 71, 63).

Въ свою очередь и христіанскіе императоры, упорядочивая разводы, находили семейное противодѣйствіе въ нравахъ: пришлось по нѣскольку разъ то воспрепятствовать, то позволять разводы по обоюдному согласію супруговъ. Только къ концу IX вѣка былъ положенъ окончательный запретъ на азводы этого рода. Приходилось снисходительно относиться и къ разводамъ безъ законныхъ поводовъ, не признавая ихъ недействительными, а ишь облагая штрафами. (см. «О разводахъ», стр. 50, 58, 62, 63 и сл.).

Въ концѣ концовъ получилаcя обширная схема поводовъ къ разводу сначала въ Феодосіевомъ кодексѣ, а потомъ въ заcodательствѣ Юстиніана, — поводовъ, въ которыхъ рядомъ съ причинами, лежащими въ самомъ существѣ брачнаго союза, поставлены причины, имѣвшія извѣстный и временный характеръ, которые однакоже были признаны Восточной церковью и съ ея точки зрѣнія считались достаточными для расторженія брака.

Поводы эти были дополнены лишь немногими; воспріятіе отъ купели своего дитяти и вслѣдствіе этого установленіе близкаго духовнаго родства между супругами служило достаточнымъ основаніемъ для расторженія брака, посвященіе мужа во епископы, принятіе христіанской религіи однимъ изъ супруговъ, при нежеланіи другого необратившагося супруга жить въ бракѣ съ супругомъ христіаниномъ, проказа, сумасшествіе.

Они входили и въ составъ нашего древняго бракоразводнаго права, которое было смѣсью церковно - свѣтскаго византійскаго права съ національнымъ *обычнымъ* правомъ.

Бракоразводное право Западной церкви сложилось иначе. Въ практику ея постепенно проникалъ взглядъ о полной нерасторжимости брачнаго союза. Учители этой церкви и соборъ усматривали установленіе такой нерасторжимости въ самомъ Евангеліи, толкуя извѣстные слова его (Мате. V, 32; XIX, 9) въ томъ смыслѣ, что въ нихъ рѣчь идетъ не о нарушеніи супружеской вѣрности въ бракѣ, а объ обнаруженіи въ бракѣ добрачней незаконной связи.

Согласно догматическому воззрѣнію *римско-католической церкви*, бракъ нерасторжимъ при жизни супруговъ. Поэтому для католика немислимъ бракъ съ разведенной протестанткой или православной. Впрочемъ съ точки зрѣнія расторгимости брака различаются браки, въ которыхъ не было физическаго общенія супруговъ (не консуммированные) и таковыя (консуммированные).

Пока не было физическаго общенія между супругами, бракъ расторгимъ. Такое расторгеніе дается папскимъ декретомъ, обыкновенно въ случаяхъ, когда безсиліе (*impotentia*), принужденіе, ошибка или неисполненіе условія матеріально извѣстны, но не могутъ быть строго юридически доказаны. При этомъ же бракъ возможенъ разводъ, вслѣдствіе желанія кого-либо изъ супруговъ поступить въ монашество.

Разводъ въ католической церкви замѣняется разлученіемъ (*separatio*), допускаемымъ церковью въ случаѣ, когда поведеніе одного супруга угрожаетъ душевному или тѣлесному благосостоянію другого. Разлученіе возможно въ двухъ видахъ: постояннаго и временнаго. Постоянное разлученіе (*separatio perpetua*) дозволено только въ случаяхъ прелюбодѣянія или садоміи. Причемъ наличность прелюбодѣянія должна быть и матеріально, и формально доказана, какъ совершившагося факта. Кроме того она не должна быть прощена ищущимъ развода супругомъ, и самъ онъ не долженъ быть виновенъ въ этомъ преступленіи.

Временное разлученіе допускается въ слѣдующихъ случаяхъ: отпаденія

отъ христіанства, покушеніе супруга совратить другого въ ересь или совершить противоестественный порокъ, другія преступленія, жестокое обращеніе, покушеніе на жизнь, долго продолжающіяся оскорбленія, опасное для здоровья раздраженіе супруга, заразительная и продолжительная болѣзнь, злонамѣренное оставленіе *).

Хотя по воззрѣніямъ *протестантовъ* правило о нерасторжимости брака должно быть признано ошибочнымъ, тѣмъ не менѣе вначалѣ возникновенія реформациі разводъ не отличался легкостью: главное основаніе было нарушеніе супружеской вѣрности. Потомъ сюда было присоединено злонамѣренное оставленіе однимъ супругомъ другого; но такъ какъ въ церковныхъ постановленіяхъ по вопросу о разводѣ было дано весьма мало наставленій, то дальнѣйшее развитіе бракоразводнаго права шло путемъ консисторской практики и толкованія юристовъ.

Отсюда разнообразіе въ бракоразводной практикѣ. Въ то время, какъ въ однихъ государствахъ (съ преобладающимъ протестантскимъ населеніемъ) практика оставалась при двухъ вышеуказанныхъ основныхъ поводахъ, въ другихъ разводъ, кромѣ прелюбодѣянія и злонамѣренного оставленія, допускался вслѣдствіе противоестественныхъ пороковъ, покушенія одного супруга на жизнь другого, жестокаго обращенія, угрожающаго здоровью или жизни, непреодолимой ненависти, отказа отъ исполненія супружеской обязанности, уничтоженіе плода, присужденіе къ безчестящему наказанію.

Евангелическая церковь кромѣ развода допускаетъ и временное разлученіе супруговъ.

Нашъ уставъ евангелическо-лютеранской церкви представляетъ собою типъ весьма свободнаго бракоразводнаго права. Онъ допускаетъ массу поводовъ къ разводу, а именно: 1) нарушеніе супружеской вѣрности, 2) злонамѣренное оставленіе, 3) болѣе чѣмъ пятилѣтняя отлучка (хотя бы и непроизвольная) одного изъ супруговъ, 4) отвращеніе или неспособность къ брачному сожитію, 5) неизлѣчимая прилипчивая болѣзнь, 6) сумасшествіе, 7) развратная жизнь, 8) жестокое и угрожающее опасностью жизни обхожденіе, ругательства или другія чувствительныя оскорбленія, 9) доказанное судебнымъ порядкомъ намѣреніе лишить чести, 10) тяжкія преступленія.

Противъ этой широкой свободы разводовъ въ новѣйшее время раздавались голоса, которые, при разногласіи въ частностяхъ, сходились въ одномъ общемъ желаніи допускать разводъ лишь при наличности вины на сторонѣ кого-либо изъ супруговъ; но новѣйшая бракоразводная практика все же продолжаетъ идти по пути легкой *расторжимости* браковъ **).

*) Schulte, Lehrbuch des katolischen Kirchenrechts III Auflage §§ 161 — 163. Vering, Lehrbuch des katolischen, orientalischen und protestantischen Kirchenrechte, III Auflage §§ 260—261.

**) Walter, Lehrbuch des Kirchenrechts aller christlichen Confessionen 14 изд., стр. 719—721; Richter, Lehrbuch des katholischen und evangelischen Kirchenrechts, 7 изд., §§ 286—287, Vering, назв. соч. § 263.

Бракоразводное право католических государств, какъ и протестантскихъ, развивалось подѣ несомнѣннымъ вліяніемъ права каноническаго.

Такъ во *Франціи* до кодификаціи старая практика, въ согласіи съ католическою церковью, развода не допускала, разрѣшая только разлученіе отъ стола и ложа.

Въ періодъ революціонной реакціи противъ старыхъ порядковъ на короткое время (закономъ 20 сентября 1792 г.) былъ введенъ разводъ, а отмѣнено разлученіе. Наполеоновскій кодексъ (1804 г.) совмѣстилъ старое съ новымъ: дозволилъ и разводъ и разлученіе; но уже закономъ 8 мая 1816 г. разводъ былъ отмѣненъ и законодатель возвратился къ прежней практикѣ—дозволенности только разлученія.

Французскіе юристы прямо объясняютъ эту перемѣну въ законодательствѣ требованіями религіозными: «интересы свободы религіи требовали примѣненія этой двойной мѣры (т.-е. отмѣны развода и введенія разлученія): не надо доводить до отчаянія несчастнаго супруга, которому религія воспрещаетъ прибѣгнуть къ разводу, не надо ставить его въ коллизію между религіозными вѣрованіями и невыносимыми мученіями совмѣстной жизни. Это соображеніе тѣмъ сильнѣе, что католическую религію, воспрещающую разводъ, исповѣдуетъ большая часть французовъ.

На этомъ французы не успокоились, въ восьмидесятыхъ годахъ началась сильная агитація въ прессѣ и въ парламентѣ въ пользу развода *).

Въ результатѣ этой ожесточенной парламентской борьбы явился законъ 27 іюля 1884 г., которымъ послѣ почти семидесятилѣтняго воспрещенія развода онъ опять вводится. Этимъ закономъ введены сравнительно немногіе поводы, а именно: 1) прелюбодѣяніе (ст. 229), причемъ новымъ закономъ уравниены въ этомъ вопросѣ мужъ и жена, въ противоположность дотогѣ дѣйствовавшему правилу, что мужъ считается нарушителемъ супружеской вѣрности въ томъ лишь случаѣ, когда онъ содержитъ наложницу въ общей супружеской квартирѣ.

2. Покушеніе одного супруга на жизнь другого (ст. 230) **).

3. Жестокое обращеніе (ст. 230), хотя и не подвергающее жизнь

*) *Demolombe*: „Du mariage et de séparation de corps“. Т. II, p. 462—464.

**) *Les excès*. Такъ толкуютъ французскіе цивилисты это нѣсколько неопредѣленное слово. *Les excès sans des actes qui dépassent toute mesure au plus précisément, les attentats qui compromettent l'existence*. *Demolombe*, стр. 485. Въ проектѣ первоначальномъ этой статьи вмѣсто слова *excès* прямо стояло: покушеніе одного супруга на жизнь другого. Но при обсужденіи проекта, было заявлено, что слогъ „покушеніе“ непримѣнимо: если бы ищущій развода супругъ заявилъ о покушеніи на жизнь его со стороны другого супруга, то это бы привело на эшафотъ виновнаго.

Редакція закона выражаетъ ту же идею но прикрыто, что, въ концѣ-концовъ, должно привести къ тому же, такъ какъ истецъ долженъ доказать преступленіе и разъ онъ его докажетъ, прокуратура должна будетъ возбудить преслѣдованіе. *Laurent*: „Principes de droit civil“, т. II, стр. 225.

Его же: „Cours élémentaire de droit civil“, т. I, § 219.

опасности; разнаго рода насиліе (побои, раны) и, наконецъ, вообще дурное обращеніе *).

4) Тяжкое оскорбленіе (ст. 230) все равно дѣйствіемъ, словесное или письменное, разъ въ немъ выражается посягательство на честь супруга или на уваженіе къ нему и свидѣтельствуеть о чувствѣ ненависти, призрабнїя и отвращенїя.

Французскіе ученые сознаются, что въ этомъ постановленїи ихъ закона нѣтъ достаточной опредѣленности, и что дѣла о разводѣ по этому поводу въ значительной степени зависятъ отъ взгляда на данные факты суда, исполняющаго въ подобныхъ случаяхъ какъ бы роль присяжныхъ, что законъ, такимъ образомъ, ввѣряетъ въ этомъ случаѣ весьма важные и серьезные интересы граждавъ мудрости и опытности суда.

Разумѣется, что, при такихъ условїяхъ всегда возможны нѣкоторыя разногласїя во взглядахъ и не только суда; и французскіе ученые, теоретики, разбирая вопросъ съ принципиальной точки зрѣнїя, значительно расходятся въ этомъ вопросѣ другъ съ другомъ. Такъ, напримѣръ, извѣстный ученый и проф. Демоломбъ того мнѣнїя, что можно признать тяжкой обидой отказъ кого-либо изъ супруговъ совершить по требованію другого церковный брачный обрядъ; это, по его мнѣнїю, тяжкое оскорбленіе въ смыслѣ закона.

Извѣстный бельгійскій ученый и профессор Лоранъ не согласенъ съ этимъ мнѣнїемъ: тяжкое оскорбленіе, какъ всякая другая причина развода, — говоритъ онъ, — предполагаетъ нарушеніе обязанностей, налагаемыхъ закономъ. Фактъ же отказа отъ выполненїя брачнаго обряда есть предшествующій браку родъ злаго умысла (*dol*), который заставилъ жену согласиться на бракъ, но тогда слѣдовало бы скорѣе допустить искъ о признанїи брака недействительнымъ, если бы это законъ признавалъ основанїемъ для признанїя брака недействительнымъ. Такъ, далѣе Демоломбъ склоненъ признать тяжкой обидой обнаруженную въ бракѣ добрачную беременность невѣсты не отъ жениха или присужденїе (до брака же) къ позорящему наказанію. Противъ этого опять возражаетъ Лоранъ: факты оскорбительные не должны предшествовать браку. Это согласно и съ природой поводовъ къ разводу представляющихъ собою нарушеніе обязанностей, налагаемыхъ бракомъ. Но нарушать супружескія обязанности до брака нельзя **).

5. Присужденїе одного изъ супруговъ къ безчестящему наказанію (*une peine afflictive et infamante*, ст. 233) составляетъ поводъ къ разводу потому, что, какъ разсуждаютъ французскіе ученые, супругъ, оказавшійся виновнымъ въ преступленїи, за которое законъ назначаетъ такую кару, нарушаетъ не только всѣ обязанности противъ религїи и морали, но и обязанности по отношенію къ своему супругу.

*) Demolombe, 485, Laurent, Cours, ib.

***) Demolombe, 485—501, Laurent, Principes III, 229—240.

Вслѣдствіе единства уваженія и чести у обоихъ супруговъ умаленіе чести одного не можетъ не отразиться на чести другого, и было бы несправедливо заставить жить честнаго супруга въ обществѣ супруга безчестнаго. Хотѣтъ, чтобы супругъ честный и чувствительный къ чести жилъ съ супругомъ виновнымъ и заклейменнымъ преступленіемъ, значить, хотѣтъ соединить живого человѣка съ трупомъ, такъ мотивировали этотъ законъ въ государственномъ совѣтѣ при составленіи его.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что достаточно одного присужденія къ наказанію: прекращеніе преслѣдованія за истеченіемъ давности или помилуваніе не лишаетъ права невиннаго супруга просить о разводѣ, такъ какъ указанными обстоятельствами безчестіе не снимается *).

Кромѣ развода дѣйствующее французское законодательство продолжаетъ сохранять и разлученіе супруговъ по тѣмъ же основаніямъ, что и разводъ (ст. 306), съ правомъ воспользоваться тѣмъ или другимъ.

Но если разлученіе продолжалось не менѣе 3 лѣтъ, то искъ о разлученіи можетъ быть по желанію того или другого супруга, превращенъ въ искъ о разводѣ (ст. 310).

Сравнивая вышеизложенныя постановленія католической церкви съ постановленіемъ французскихъ законодателей, мы видимъ, что законодатели эти, долгое время отвергая разводъ и допуская лишь разлученіе, были вѣрными католиками. Если въ недавнее время разводъ опять введенъ, то нельзя не замѣтить, что въ самыхъ поводахъ къ нему проглядываетъ желаніе отклоняться возможно меньше отъ старой традиціи: разводъ допущенъ лишь по тѣмъ причинамъ, по которымъ прежде допускалось разлученіе и съ сохраненіемъ на ряду съ разводомъ и разлученія. Ни несчастія судьбы, ни недуги физическіе или душевные, ни безуміе и даже бѣшенство, ни самая заразная или самая отталкивающая, будь это ракъ на лицѣ,—говоритъ извѣстный Потье,—никакое, наконецъ, несчастіе не есть поводъ для разлученія, а тѣмъ болѣе для развода **).

И въ этомъ явственно желаніе возможно меньше отдаляться отъ взглядовъ католической церкви.

Бельгійское законодательство, гдѣ сохранился кодексъ Наполеона безъ поправки въ вопросѣ о разводѣ, сдѣланномъ закономъ 8 мая 1816 г., знаетъ тѣ же поводы, что и дѣйствующее французское законодательство, исключая присужденія къ позорящему наказанію, такъ какъ этотъ видъ наказанія неизвѣстенъ ***). Кромѣ того, въ бельгійскомъ законодательствѣ сохранилось различіе въ опредѣленіи прелюбодѣянна мужа и жены, въ смыслѣ признанія прелюбодѣяннѣмъ на сторонѣ перваго,—не всякую связь съ посторонней женщиной, а только содержаніе наложницъ въ общей супружеской квартирѣ (ст. 106 въ прежней редакціи).

*) Demolombe, стр. 503, Laurent, Cours, § 220.

**) Demolombe, стр. 506.

***) Laurent, Principes, стр. 234, 235.

Италія (какъ и Испанія) не знаетъ развода. Бракъ расторгается только смертью кого-либо изъ супруговъ, говоритъ итальянскій законъ (ст. 148). Разводъ замѣняется разлученіемъ супруговъ (*ibid.*). А именно, право на разлученіе даютъ слѣдующія причины:

1. Прелюбодѣяніе, что касается жены, во всякомъ случаѣ; что касается мужа, въ случаѣ содержанія имъ наложницы въ общей супружеской квартирѣ или завѣдомо въ другомъ мѣстѣ, или, наконецъ, если супружеская вѣрность нарушена имъ при такихъ условіяхъ, что это нарушение должно быть признано тяжкимъ оскорбленіемъ жены (ст. 150),— послѣднія два обстоятельства являются прибавкой, сравнительно съ французскимъ закономъ, твердо стоящимъ на той точкѣ зрѣнія, что лишь обезчещеніе мужемъ супружескаго очага,—если поводъ для развода со стороны жены. Впрочемъ, тяжкое оскорбленіе есть причина для развода и по французскому праву, а французская юриспруденція склонна прелюбодѣяніе мужа, если оно не удовлетворяетъ требуемому закономъ составу преступленія, толковать въ смыслѣ оскорбленія, дающаго право на разводъ.

2. Добровольное оставленіе одного супруга другимъ (ст. 150).

3. Поступки, подвергающіе опасности жизнь или здоровье супруга (*ecessi*, ст. 150).

4. Жестокое обращеніе, угрожающее опасностью здоровью (*sevities*, 150).

5. Угрозы (*minace*, ст. 150), если они серьезны и способны внушить страхъ.

6. Тяжкія обиды (*ibid.*).

7. Присужденіе къ уголовному наказанію за исключеніемъ случая, когда рѣшеніе состоялось до брака и другой супругъ былъ соучастникомъ въ преступленіи (ст. 151).

8. Бродячій образъ жизни мужа, не оправдываемый уважительными причинами (службой занятіями, ст. 152).

9. Отказъ мужа, имѣющаго средства, избрать приличное и соответствующее его средствамъ мѣстожительство (*ibid.*).

Италія, такимъ образомъ, неизмѣнно сохранила старыя традиціи католической церкви. Попытки ввести разводъ со стороны нѣкоторыхъ юристовъ (*Salvatore Morelli*) не встрѣтили сочувствія.

Въ началѣ текущаго столѣтія разводъ былъ занесенъ въ Италію изъ Франціи, но онъ не встрѣтилъ сочувствія у итальянцевъ и примѣры его были весьма рѣдки, а когда въ 1880 г. была сдѣлана попытка провести законъ о разводѣ въ парламентѣ, то въ него поступила петиція, покрытая массой подписей, какъ протестъ противъ нежеланнаго закона, протестъ, внушенный совѣстью католика, препятствующей ему примириться съ разводомъ.

Изъ нѣмецкихъ государствъ вліяніе взглядовъ римско-католической церкви несомнѣнно сказалось на бракоразводномъ правѣ *Австріи*. Какъ и въ Италіи, разводъ не допускается, даже и въ томъ случаѣ, если бы

только одинъ супругъ былъ католикомъ (§ 111). Зато разлученіе дозволено какъ по обоюдному согласію, такъ и вслѣдствіе опредѣленныхъ причинъ (§§ 103, 109). Разлученію по обоюдному согласію должно предшествовать троекратное увѣщаніе супруговъ со стороны священника примириться и не разрывать брачной жизни. Если попытка примиренія окажется безуспѣшной, въ такомъ случаѣ священникъ выдаетъ въ этомъ супругамъ удостовѣреніе, предъявивъ которое компетентному суду, они получаютъ отъ него согласіе на разлученіе (§§ 104, 105). Если обоюдное соглашеніе на разлученіе между супругами не состоится, то желающая разлученія сторона можетъ, запасшись свидѣтельствомъ отъ священника о состоявшемся увѣщаніи, обратиться въ судъ и просить разлученія. Для сего уважительными причинами признаются: 1) прелюбодѣяніе, 2) совершеніе преступленія, 3) злонамѣренное оставленіе, 4) безпорядочный образъ жизни, угрожающій потерю имущества или добраго имени семьи, 5) покушеніе на жизнь или на здоровье, 6) жестокое обращеніе, 7) чувствительныя и частыя оскорбленія, 8) продолжительная, угрожающая опасностью зараженія болѣзнь (§ 109)*).

Перейдемъ къ странамъ протестантскимъ.

Сначала нѣсколько словъ объ *Англіи*.

Хотя уже болѣе трехъ вѣковъ прошло, какъ Англія стала протестантскимъ государствомъ, но разводъ вошелъ въ практику ея поздно и лишь постепенно. Сначала онъ былъ явленіемъ исключительнымъ, требовавшимъ разрѣшенія парламента, и допускался лишь при наличности единственной причины—нарушенія супружеской вѣрности. Разводъ стоилъ денегъ и потому былъ доступенъ только людямъ богатымъ. Въ существѣ, только съ изданія билля 28 августа 1857 г., упорядочивается англійское бракоразводное право. На ряду съ разводомъ допускается и разлученіе. Создается специальный и единственный для всей Англіи судъ для дѣлъ о разводѣ и вообще брачныхъ (Court for divorce and matrimonial causes).

Въ 1873 г. судъ по бракоразводнымъ дѣламъ вошелъ въ составъ учрежденнаго въ этомъ году верховнаго суда (suprem court of judicature). Сверхъ сего по закону 27 мая 1878 г. всякій судъ и даже судья (неза-

*) Для послѣдователей другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій разводъ дозволенъ и именно по слѣдующимъ причинамъ: 1) прелюбодѣяніе, 2) преступленіе, влекущее за собою наказаніе не менѣе 5 лѣтъ тюремнаго заключенія, 3) злонамѣренное оставленіе и неувка (если мѣстопробываніе отлучившагося извѣстно), не взирая на судебный вызовъ въ теченіе года, 4) покушеніе на жизнь или здоровье, 5) дрянное обращеніе, 6) непреодолимое отвращеніе, вслѣдствіе котораго супруги требуютъ развода. Въ послѣднемъ случаѣ разводъ можетъ быть допущенъ лишь послѣ предварительнаго разлученія. Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ законъ позволяетъ не-католику требовать разлученія, хотя бы другой супругъ принималъ католицизмъ. Законъ австрійскій специально упоминаетъ о расторженіи браковъ у евреевъ. Разлученіе дозволено на основаніи общихъ (вышеуказанныхъ) причинъ. Разводъ возможенъ по обоюдному согласію посредствомъ врученія мужемъ женѣ разводнаго письма и по волѣ мужа вслѣдствіе прелюбодѣянія жены (§ 135).

всими отъ верховнаго суда) имѣть право разрѣшить женѣ въ случаѣ жестокаго обращенія мужа (assault) оставить общую супружескую квартиру и требовать для себя, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и для дѣтей, назначенія отдѣльнаго содержанія.

Для развода попрежнему существуетъ единственный законный поводъ—прелюбодѣянiе. Если рѣчь идетъ о женѣ, этого одного факта вполне достаточно. Но для обвиненія мужа требуется еще сверхъ того наличность одного изъ слѣдующихъ отягчающихъ вину обстоятельствъ: двоебрачiе, кровосмѣшенiе, противоестественные пороки, жестокости (gross cruelty), безпричинное оставленiе не менѣе какъ въ теченiе 2-хъ лѣтъ.

Подъ нѣсколько неопредѣленнымъ выраженiемъ «жестокости» понимается покушенiе на жизнь, жестокое обращенiе и даже упорный отказъ со стороны мужа доставлять женѣ жизненные удобства, на которыя она имѣетъ право соответственно общественному положенiю и хозяйственнымъ условiямъ супруговъ.

Ищущій развода мужъ вслѣдствiе нарушенія женой супружеской вѣрности долженъ обыкновенно привлечь и соучастника нарушенія. Прощенiе, соучастiе мужа, потворство и даже оставленiе жены, а равно и дурное обращенiе съ нею лишаютъ его права на разводъ по этой причинѣ.

Сверхъ развода дозволено разлученiе добровольное и по указаннымъ въ законѣ основанiямъ, а именно: вслѣдствiе прелюбодѣянiя, безпричиннаго оставленiя по крайней мѣрѣ въ теченiе 2-хъ лѣтъ, жестокостей и противоестественныхъ пороковъ.

Разлученной обыкновенно назначается судомъ изъ средствъ мужа приличное содержанiе (alimony), причемъ, если она признана невиновной, до $\frac{1}{3}$ и даже до $\frac{1}{2}$ доходовъ мужа. Но и наоборотъ, при виновности жены въ прелюбодѣянiи, судъ нерѣдко, вопреки добровольному соглашенiю между супругами (объ имуществѣ), назначаетъ часть доходовъ жены въ пользу мужа и дѣтей *).

Изложенное показываетъ, что и бракоразводное право въ Англiи тоже развивалось подъ несомнѣннымъ влиянiемъ церкви, которой прежде принадлежали и судъ по этимъ дѣламъ.

Изъ приведенныхъ выше поводовъ къ разводу законодательствъ прусскаго и саксонскаго видно, что и эти законодательства въ вопросѣ о разводѣ находятся подъ несомнѣннымъ влиянiемъ протестантскаго церковнаго права.

*) Lehr: „Éléments de droit civil Anglais“, p. 57—64.—Tapping Reeve: „The Law husband and wife, of parent and child“, 4 edit., p. 259—271.

**) На той же почвѣ выростаетъ, что и англійское право, калифорнское уложенiе, представляющее собою типическiй примѣръ американскаго законодательства, допускаетъ собою слѣдующiе поводы къ разводу: 1) прелюбодѣянiе, 2) крайне жестокое обращенiе (extreme cruelty), 3) злонамѣренное оставленiе, 4) умышенное нерадѣнiе, 5) постоянное пьянство (habitual intemperance), 6) осужденiе за уголовное преступленiе (ст. 71).

Общегерманское право, провозгласившее свою полную независимость въ дѣлѣ развода отъ правилъ церковныхъ, на самомъ дѣлѣ не осталось вполнѣ чуждымъ этимъ правиламъ. Даже основной принципъ его—виновность супруга, какъ исходный пунктъ при установленіи поводовъ къ разводу, есть, какъ выше указано было, и основное начало протестантскаго каноническаго права.

Вообще исторія и современный опытъ показываютъ, что въ постановленіяхъ о разводѣ законодателью нелегко освободиться отъ воздѣйствія церкви. Есть вопросы, при рѣшеніи которыхъ исторія всегда беретъ верхъ надъ современными теченіями. Религія и главнымъ образомъ религія христіанская—это такая сила, воевать съ которой самымъ смѣлымъ законодателямъ оказывается нелегко, а еще труднѣе торжествовать побѣду. Казалось бы, что послѣ той реакціи, которую вызвалъ собою протестантизмъ въ вопросахъ религіозныхъ, послѣ суженія поля дѣйствія церкви, послѣ признанія брака самимъ Лютеромъ «дѣломъ свѣтскимъ», протестантскимъ законодателямъ явится полная возможность совѣмъ не считаться съ требованіями вѣроисповѣдными при созданіи бракоразводныхъ нормъ; но однако же этого нигдѣ не случилось: и послѣ реформациі церковь продолжала вѣдать судъ по брачнымъ дѣламъ и, притомъ, не только въ государствахъ католическихъ, но и протестантскихъ, въ томъ числѣ и въ Англіи. Естественно, что духовный судъ не могъ проводить въ своихъ рѣшеніяхъ началъ, несогласныхъ съ предписаніями церкви.

Получившая въ концѣ прошлаго вѣка распространеніе и проникшая въ законодательства мысль объ отдѣленіи въ бракѣ элемента церковнаго и свѣтскаго и о подчиненіи брака вѣдомству законодательства и суда свѣтскаго (такъ называемая секуляризація брака),—мысль, развившаяся прежде во Франціи (если не считать не долго существовавшаго гражданскаго брака въ Голландскихъ Штатахъ и въ Англіи при Кромвелѣ) и потомъ получившая распространеніе во всей Европѣ, тоже не повлекла за собою изгнанія изъ гражданскихъ кодексовъ церковныхъ воззрѣній на бракъ и на разводъ.

Замѣчательно, что въ той странѣ, гдѣ такъ усердно работали надъ секуляризаціей брака правительство, юриспруденція и философія, во Франціи законодатель по нѣскольку разъ переходилъ отъ запрета развода до разрѣшенія его, но и признавъ потребность въ немъ въ послѣднее время, онъ въ поводахъ къ разводу старается держаться тѣхъ же правилъ, которыя даны католическою церковью для разлученія.

Италія имѣетъ гражданскій бракъ, но и слышать не хочетъ о разводѣ, не допускаемомъ ея національною религіей.

Нельзя не замѣтить внутренняго противорѣчія въ этихъ постановленіяхъ бракъ признается дѣломъ свѣтскаго законодателя въ самомъ своемъ существѣ, въ самомъ своемъ основаніи. Государство опредѣляетъ условія и порядокъ его заключенія; но расторженіе его опредѣляется по началамъ постановленій церковныхъ. Очевидно, что государству легче провозгласитъ общее начало (о свѣтскомъ характерѣ брака), установить для него свѣ

скую (гражданскую) форму, чѣмъ взять въ свои руки бракоразводное право. Оно и понятно: съ голымъ принципомъ, не осуществившимся въ жизненныхъ фактахъ, могутъ примириться и не согласные съ нимъ. Гражданская форма брака, даже и тамъ, гдѣ она имѣетъ общеобязательный характеръ, не ставитъ брачующихся въ непремѣнное столкновение съ совѣстью убѣжденнаго католика или протестанта: записавши бракъ у гражданского чиновника, никому не воспрещено тотчасъ же отправиться въ церковь и обвѣнчаться по правиламъ своей религіи. Но признать бракъ расторгнутымъ въ то время, когда правила религіи развода совѣтъ не допускаютъ—это значитъ войти уже въ прямое разнорѣчіе съ ними. Еще большимъ нарушеніемъ будетъ вступленіе въ новый бракъ послѣ развода, такъ какъ въ этомъ случаѣ будетъ разомъ два преступленія: незаконный разводъ и незаконный бракъ. У протестантовъ, при разногласіи въ бракоразводныхъ постановленіяхъ, церковныхъ и свѣтскихъ, оно не можетъ быть столь рѣзкимъ, какъ у католиковъ, совѣтъ не знающихъ развода. Но все же оно возможно и бывало: и для протестанта бракъ послѣ развода, церковью не признаннаго, не бракъ, а прелюбодѣніе.

Неудобства такихъ столкновеній между церковью и государствомъ ясны всякому. Ни одинъ благоразумный законодатель не станетъ на нихъ напирать, а, напротивъ, постарается ихъ избѣгать. Вотъ почему брачное право въ современныхъ кодексахъ далеко не отличается цѣльностью, единствомъ началъ и послѣдовательнымъ ихъ проведеніемъ во всѣхъ его отдѣлахъ.

Такъ и при составленіи новаго германскаго уложенія составители его, съ одной стороны, считались съ основными началами церковнаго протестантскаго права, а съ другой—въ угоду католикамъ, допустили разлученіе, хотя въ § 1588 категорически говорится: церковныхъ брачныхъ обязанностей постановленія этого отдѣла не касается. Да, не касаются по буквѣ закона, но по духу его касаются и не разъ.

Подведемъ въ заключеніе итогъ тѣмъ основнымъ положеніямъ, которые внесены нѣмецкими законодателями въ свой новый кодексъ.

1) Законодатели эти, желая во главу угла бракоразводныхъ нормъ положить исключительно начала этико-юридическія, не остались вполнѣ чужды и соображеній религіозныхъ.

2) Число поводовъ къ разводу въ новомъ уложеніи, сравнительно со старымъ нѣмецкимъ кодексомъ, земскимъ прусскимъ ландрехтомъ, сокращено.

Такіе поводы къ разводу, какъ неуживчивость и сварливость, оскорбленія, беспорядочный образъ жизни и непреодолимое отвращеніе не нашли себѣ мѣста въ новомъ кодексѣ, не взирая на сильную поддержку въ парламентѣ и въ прессѣ сторонниками прусскаго бракоразводнаго права его законоположеній.

Составители германскаго кодекса не нашли возможнымъ послѣдовать примѣру даже сравнительно болѣе строгаго къ разводу — саксонскаго уложенія. Выѣсто 16 поводовъ по прусскому уложенію и 12 по саксонскому

новое уложение допускаетъ всего 6 поводовъ, и въ этомъ надо признать болѣе серьезное, болѣе согласное съ существомъ брака рѣшеніе бракоразводнаго вопроса, чѣмъ это было сдѣлано предшествовавшими нѣмецкими законодателями.

Въ этомъ отношеніи новый нѣмецкій кодексъ ближе къ гражданскому кодексу французскому (въ его недавней новеллѣ о разводѣ), нежели къ кодексамъ нѣмецкимъ.

Общегерманское уложение еще разъ подтвердило не разъ доказанное исторіей положеніе, что какъ отнесеніе брачнаго права къ области права свѣтскаго не означаетъ полного отрѣшенія отъ воззрѣній религіи въ вопросахъ брачныхъ, такъ и гражданская форма брака не связана съ перенесеніемъ въ сферу права брачнаго началъ права договорнаго и съ установленіемъ свободы разводоу. Хотя французы еще со времени первой революціи выставили положеніе, что бракъ есть ни что иное, какъ контрактъ въ глазахъ свѣтскаго законодателя, однако же они не могли провести въ жизнь это начало и многіе годы держали этотъ «контрактъ» нерасторжимымъ.

Новое германское уложение допускаетъ расторгимость этого «контракта», однако, по основаніямъ, далекимъ отъ началъ договорнаго права и притомъ въ предѣлахъ весьма умѣренныхъ.

Эта сдержанность въ бракоразводныхъ поводахъ, при довольно свободной предшествовавшей законодательной практикѣ, показываетъ, что въ сознаніи нѣмецкаго народа обнаруживается поворотъ къ большому, чѣмъ доселѣ было, закрѣпленію брака.

3) Сокративъ число поводовъ къ разводу, въ самихъ поводахъ германское уложение различаетъ, какъ указано было, поводы безусловные, при наличности которыхъ, независимо отъ особенностей даннаго случая, долженъ быть допущенъ разводъ, и условные, сила и значеніе которыхъ опредѣняется въ связи со всѣми обстоятельствами подлежащаго сужденію дѣла. Мы уже указывали на разумность и цѣлесообразность такого дѣленія. Каждое супружество имѣетъ свои индивидуальныя особенности. Есть такого рода преступныя и даже непроступныя факты, которые способны подорвать всякій бракъ; но есть такія обстоятельства, которыя для однихъ браковъ имѣютъ, такъ сказать, смертельное значеніе, а для другихъ не лишаютъ надежды на излѣченіе.

Конечно, не легко заранѣе, а priori, опредѣлить, когда нарушеніе установленныхъ бракомъ обязанностей и безчестное и безнравственное поведеніе супруга будутъ признаны въ такой мѣрѣ расшатывающими бракъ, что при наличности ихъ нельзя заставить невиннаго супруга оставаться въ бракѣ (§ 1568). Этотъ вопросъ можетъ рѣшить только судъ, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, ему представленныя (тяжесть обвиненія, поводъ къ престу-
плению, условія брачной жизни, наличность или отсутствіе дѣтей, продолжительность брака), и ознакомившись съ личностью и характеромъ супруговъ. И надо имѣть большое довѣріе къ судьямъ, чтобы въ руки ихъ далъ законъ, надѣляющій ихъ такими полномочіями. Нѣмецкій судья, примѣн-

§ 1568, поневоля войдетъ въ ближайшее общеніе съ законодателемъ. Недоговоренное послѣднимъ, договоритъ онъ, такъ что, строго говоря, по уложенію нельзя еще составить себѣ понятія, какимъ въ дѣйствительности окажется новое бракоразводное право Германіи. При снисходительности суда онъ можетъ расторгимость брака довести до границъ, установленныхъ прусскимъ ландрехтомъ и, наоборотъ, при строгости онъ можетъ напомнить времена господства каноническаго права. Подобный законъ былъ рѣшительно невысказимъ, когда судьи были связаны теоріей предустановленныхъ (формальныхъ) доказательствъ.

Какая разница, къ слову сказать, между этимъ постановленіемъ и предписаніями нашего закона, требующаго «показанія двухъ или трехъ очевидныхъ свидѣтелей» для доказательства исковаго о разводѣ по нарушенію вѣрности (Уст. дух. конс., ст. 249).

Конечно, современемъ выработаются судебныя прецеденты, въ особенности въ видѣ рѣшеній верховнаго суда, что облегчитъ судебную работу, но даже и при этихъ условіяхъ потребуется не мало усердія, опытности и добросовѣстности отъ тѣхъ судебныхъ мѣстъ, которымъ придется рѣшать бракоразводныя дѣла.

Предоставленіе всецѣло суду признанія или непризнанія извѣстнаго обстоятельства достаточнымъ поводомъ къ разводу, этотъ субъективизмъ новаго закона можетъ, при неблагоприятныхъ условіяхъ, привести и не желанные результаты: судъ вмѣсто твердыхъ началъ можетъ внести нѣкоторую неустойчивость и шатаніе въ вопросахъ о допустимости или недопустимости развода, — опасеніе, на которое отчасти и обращали вниманіе противники новаго закона. Но это опасеніе напоминаетъ только старую истину, что хорошій законъ можетъ быть испорченъ судомъ и что юридическій порядокъ поддерживается настолько же разумными законами, насколько и хорошими судьями.

4) Уложеніе отвергло разводъ по обоюдной волѣ супруговъ считая это несогласнымъ съ существомъ брака, какъ союза пожизненнаго, какъ союза высокой этической и государственной важности по уложенію. Обоюдное согласіе рождаетъ бракъ, какъ союзъ, вмѣщающій въ себѣ и договорный элементъ, но одного этого согласія недостаточно для его расторженія.

Французскій кодексъ, вводя въ свое время разводъ по этой причинѣ, поставилъ весьма строгія условія его допустимости. При этомъ замѣчательно, что составители кодекса считали, что вводимый ими разводъ не будетъ въ существѣ своимъ разводомъ по обоюдному согласію, т.-е. основаннымъ только на одной волѣ супруговъ, а разводомъ по опредѣленнымъ и весьма серьезнымъ причинамъ, но такимъ, открытыя для лица, имѣющаго право на разводъ, неудобно (какъ, напримѣръ, въ случаѣ покушенія одного супруга на жизнь другого, или въ случаѣ прелюбодѣянія). Однакоже жизнь этихъ предположеній не оправдала, и разводы по обоюдному согласію оказались на дѣлѣ разводами своевольными, опирающимися въ большинствѣ случаевъ на такъ называемое несходство характеровъ.

Что касается условий этого развода, который ставилъ французскій кодексъ, а нынѣ ставитъ бельгійскій, то онъ таковъ: 1) Зрѣлый возрастъ не менѣе 25 для мужа и 21 г. для жены; ст. 275), дабы разводъ не былъ актомъ юношескаго легкомыслія. 2) Со дня заключенія брака должно пройти не менѣе 2-хъ лѣтъ (ст. 276), какъ минимальный срокъ, въ теченіе котораго можетъ обнаружиться несходство характеровъ. 3) Разводъ по обоюдному согласію немислимъ по истеченіи 20 лѣтъ супружества или по достиженіи женой 45 лѣтнаго возраста (ст. 277). Въ Государственномъ Совѣтѣ по поводу перваго условія говорилось, что обыкновенно разводъ по соглашенію наступаетъ вслѣдствіе несходства характеровъ, между тѣмъ, двадцатилѣтнее супружество доказываетъ противное. Что касается втораго условія, то, вѣроятно, здѣсь имѣлись въ виду интересы жены—возможность вступленія въ новый бракъ, на что, по достиженіи 45 л., надеждъ мало. 4) Должно быть дано согласіе на разводъ со стороны родителей или другихъ восходящихъ (ст. 278)—мѣра при разводѣ, по другимъ основаніямъ совершенно неизвѣстная и имѣющая цѣлью ослабить свободу развода по соглашенію супруговъ. 5) Должно быть согласіе относительно дѣтей: кто изъ родителей беретъ на себя обязанность ихъ содержанія и воспитанія (280).

Если всѣ эти условія на лицо и если, не взирая на двукратно принятыя судомъ мѣры къ примиренію враждующихъ супруговъ, они будутъ настаивать на разводѣ, то таковой имъ долженъ быть разрѣшенъ (281—294).

Какъ выше было указано, разводъ по обоюдному соглашенію былъ отмѣненъ закономъ 8 мая 1816 г. (вмѣстѣ съ отмѣной вообще развода), просуществовавши, такимъ образомъ, всего 12 л. и засимъ не былъ возстановленъ, не взирая на возстановленіе развода въ 1884 г.

Обоюдное соглашеніе осталось основаніемъ для развода въ Бельгій, гдѣ кодексъ Наполеона въ этомъ случаѣ не потерпѣлъ измѣненій.

Въ Прусскомъ земскомъ уложеніи обоюдное соглашеніе тоже является основаніемъ для развода, правда въ исключительномъ случаѣ, и подъ прикрытіемъ указаннаго въ законѣ повода—непреодолимаго отвращенія: въ случаѣ «совершенной» бездѣтности, т.-е. когда и надежды нѣтъ на рожденіе дѣтей (Dernburg, ук. соч. стр. 56).

5) Въ одномъ изъ самыхъ главныхъ поводовъ къ разводу, при расторгненіи брака вслѣдствіе нарушенія супружеской вѣрности, новое уложеніе съ полнымъ основаніемъ не усвоило себѣ того различія въ установленіи невѣрности мужа и жены, котораго держался до недавняго времени (до закона 1884 г.) законъ французскій и доселѣ держится законъ бельгійскій,—различія, въ силу котораго мужъ считается нарушителемъ супружеской вѣрности только тогда, когда онъ содержитъ наложницу въ общей супружеской квартирѣ, а жена во всѣхъ случаяхъ (ст. 239). Итальянскій кодексъ опредѣляетъ почти также прелюбодѣяніе мужа, говоря о разлученіи супруговъ (ст. 150).

Французскіе юристы оправдывали существованіе этого закона слѣдую-

щими соображеніями: если, говорили они, прелюбодѣяніе, учиненное мужемъ является весьма чувствительнымъ нарушеніемъ правилъ нравственности и супружескихъ обязанностей, то нельзя отрицать того, что прелюбодѣяніе жены заключаетъ въ себѣ еще болѣе виновности какъ потому, что жена должна быть болѣе мужа воздержна по присущей полу ея стыдливости, такъ и потому, что, согласно нашимъ нравамъ или, если угодно, нашимъ предразсудкамъ, прелюбодѣяніе жены наноситъ чести мужа самое тяжелое поражение и, наконецъ, потому, что оно можетъ повлечь за собою самыя печальныя послѣдствія, ввода въ семью чужихъ дѣтей (Demolombe, Cours t. II, p. 470).

Правда, что другіе комментаторы Наполеонова кодекса находили этотъ законъ несправедливымъ и, соглашаясь съ тѣмъ, что прелюбодѣяніе жены преступнѣе нежели мужа, считали правильнымъ подвергать жену болѣе сильному наказанію, нежели мужа, но въ дѣлѣ развода прелюбодѣяніе обоихъ супруговъ признавали равнозначущимъ (Laurent, Principes t. III, pp. 216—220).

Неравенство мужа и жены, при опредѣленіи прелюбодѣянія, и именно въ смыслѣ снисходительности къ мужу, не есть, впрочемъ, нѣчто присущее только нравамъ французовъ. Это исконное древнеримское воззрѣніе, оно усвоено было также древними германцами, признавалось многими славянскими племенами, и сохраняется доселѣ въ Англіи (см. мое изсл. о Разводѣ, стр. 99 и сл.).

Тамъ, гдѣ сохранился въ силѣ французскій законъ, уцѣлѣла и доктрина съ нимъ связанная, едва ли не болѣе жестокая, чѣмъ самъ законъ. «Конкубиной признается женщина, которая не состоя въ бракѣ съ извѣстнымъ лицомъ, живетъ съ нимъ такъ, какъ если бы она была его женой. (Опредѣленіе данное французскимъ академическимъ словаремъ). Отсюда всѣ случайныя связи мужа съ посторонней женщиной, будь онѣ даже въ общей супружеской квартирѣ, подъ законъ не подходятъ. Но и связь постоянная съ женщиной, живущей въ томъ же домѣ, но въ другомъ этажѣ его, не нарушаетъ закона, какъ равно и связь въ общей супружеской квартирѣ, но не въ мѣстѣ постоянного его жительства, и т. д. Вопросъ этотъ «разработанный» французской судебной практикой съ большою тонкостью и вездѣ тенденція его одна: быть поснисходительнѣе къ мужу (Demolombe, ук. соч. стр. 470 и сл., Laurent, указ. соч. 220 и сл.).

6) Наконецъ, какъ послѣднюю принципиальную особенность новаго уложенія нужно отмѣтить признаніе основаніемъ для всѣхъ поводовъ (кромя безумія) начало виновности (Verschuldungsprinzip). Принципа этого, впрочемъ, не чуждо и французское законодательство.

Въ усвоеніи этого начала, какъ уже было отмѣчено, обнаружилось вліяніе каноническаго права. Выше было указано, что принятіе начала виновности не можетъ быть оправдываемо существомъ брака и развода. Правда, что онъ даетъ возможность значительно сократить число поводовъ къ разводу. Но тѣмъ не менѣе слѣдованіе этому принципу не обезпечиваетъ

крѣпости брака. Съ точки зрѣнія принципа виновности — неспособность къ брачному сожитію, оказавшаяся у супруга безъ всякой вины съ его стороны, не составляетъ повода къ разводу; но развѣ можно назвать бракъ крѣпкимъ при наличности подобнаго условія?

Таковы отправныя точки новаго германскаго уложенія. Изложенное показываетъ, что, создавая постановленія о разводѣ, творцы новаго германскаго кодекса не стремились *quand - même* къ новизнѣ: напротивъ, эти постановленія обильны чертами изъ источниковъ, до нихъ существовавшихъ, и притомъ не только національныхъ нѣмецкихъ, но отчасти и изъ чужихъ. Все заслуживавшее, по ихъ мнѣнію, заимствованія, позаимствовано ими изъ прежнихъ уложеній. Какъ нѣчто исключительно присущее новому уложенію, должно быть признано введеніе повбдовъ относительныхъ, устанавливаемыхъ судомъ, а не законодателемъ. Мы уже раньше указывали, что этотъ приемъ законодательной работы, приближая законъ къ жизни и перенося при рѣшеніи многихъ бракоразводныхъ дѣлъ центръ тяжести изъ книги законовъ въ залъ суда, даетъ возможность, рѣшая эти дѣла, достигать не формальной только, а и матеріальной правды. Но вмѣстѣ съ тѣмъ безспорно, что онъ вноситъ нѣкоторую неопредѣленность въ бракоразводное право Германіи. Вотъ почему только будущее покажетъ, насколько скрѣпленъ бракъ новымъ уложеніемъ, какъ того желали его составители.

А. Загоровскій.

Сервитутный вопросъ въ Западномъ краѣ *).

III.

Практика добровольныхъ разверстаній характеризуетъ отношеніе сторонъ къ вопросу о разверстаніи. — Немногочисленность полюбовно-разверстанныхъ имѣній. — Ненормальность условий, при которыхъ большая часть ихъ разверсталась, и невозможность пользоваться данными о бывшихъ разверстаніяхъ. — Факты, характеризующіе отношеніе сторонъ къ разверстанію. — Различіе въ отношеніи заинтересованныхъ сторонъ къ этому вопросу, причинамъ этого различія. — Распространенность споровъ изъ-за сервитутовъ и взаимныхъ нарушеній правъ сторонъ. — Усиливающееся обостреніе ихъ отношеній.

Выше приведенныя данныя о значеніи сервитутовъ для помѣщиковъ и крестьянъ въ значительной мѣрѣ объясняютъ какъ отношенія заинтересованныхъ сторонъ между собою, такъ и отношеніе ихъ къ вопросу о разверстаніи.

Отношеніе ихъ къ послѣднему прежде всего характеризуется фактами и условіями состоявшихся доселѣ добровольныхъ сдѣлокъ по разверстанію и степенью распространенности фактовъ добровольнаго разверстанія въ настоящее время.

Было бы, конечно, въ высшей степени важно, для надлежащаго уясненія сервитутнаго вопроса, имѣть достаточно точныя и полныя свѣдѣнія о происходившихъ полюбовныхъ разверстаніяхъ, условіяхъ, при которыхъ они происходили, и основаніяхъ, по которымъ опредѣлялось вознагражденіе за уничтожаемый сервитутъ. Но, къ сожалѣнію, собранныя по этому вопросу данныя тоже не достаточно полны и отрывочны, хотя все-таки даютъ возможность составить нѣкоторое представленіе о положеніи даннаго вопроса.

Въ своемъ мѣстѣ было уже указано, что къ 1885 г. считалось по Юго-Западному краю 2,186 (29%) разверстанныхъ имѣній. Но въ дѣйствительности добровольно, путемъ полюбовнаго соглашенія, разверстано изъ нихъ не больше 561. Остальные случаи разверстаній являются сомнительными въ смыслѣ полюбовности: 595 имѣній были разверстаны еще до пре-

*). *Русская Мысль*, кн. VII, 1899 г.

крашения обязательныхъ отношеній по указу 30 іюля 1863 г., слѣдовательно прямо на основаніи ст. 43 мѣстнаго Положенія *) и потому врядъ ли были дѣйствительно полюбовными; 469 имѣній разверстаны при обращеніи уставныхъ грамотъ въ выкупные акты и потому тоже врядъ ли были вполне добровольными. Изъ остальныхъ 1,122 случаевъ въ 561, т.-е. въ 50%, крестьяне не получили никакого вознагражденія за отошедшіе отъ нихъ сервитуты, что, въ свою очередь, вызываетъ сомнѣніе въ «полюбовности» произведенныхъ въ этихъ случаяхъ размежеваній. И въ самомъ дѣлѣ, оказывается, что во многихъ случаяхъ разверстанія эти были только *утверждены* послѣ введенія уставныхъ грамотъ (при обращеніи ихъ въ выкупные акты), между тѣмъ, какъ самыя разверстанія фактически состоялись еще при составленіи уставныхъ грамотъ, слѣдовательно, еще при извѣстномъ господствѣ помѣщичьей власти. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ имѣній, состоящихъ нынѣ на счету уже добровольно разверстанныхъ, сервитуты оказались фактически *не* уничтоженными, напримѣръ, общіе водопой остались въ 253 такихъ имѣніяхъ Волинской губ. и въ 17—Кіевской, общіе выгоны въ 25 имѣніяхъ Волинской губ., пастьба по помѣщичьему лѣсу въ 13, право выпаса по толокамъ въ 23 и т. п. Въ нѣкоторыхъ «полюбовныхъ» сдѣлки выразились даже въ такихъ «экономически-тягостныхъ» для крестьянъ сдѣлкахъ, какъ обмѣнъ усадебной земли, котораго не должно бы быть дозволяемо за истеченіемъ срока, означеннаго въ ст. 55 мѣстнаго Положенія **).

Поэтому только оставшіеся 561 случай завѣдомо добровольныхъ разверстаній и могутъ служить для выясненія тѣхъ условій, на которыхъ полюбовныя разверстанія происходили. Изъ имѣющихся данныхъ видно, что размѣръ выдававшагося земельного вознагражденія за упраздняемые сервитуты былъ въ нихъ не одинаковъ: въ среднемъ для цѣлыхъ губерній онъ колебался отъ 4,7% (Подольская губ.), до 7,2 (Кіевская) и 12,5 (Волинская губ.), а для всего края 10,5% земельного надѣла получавшихъ вознагражденіе крестьянъ ***). Но по различнымъ уѣздамъ и тѣмъ болѣе въ отдѣльныхъ случаяхъ разверстанія цифры эти представляли чрезвычайныя колебанія, напримѣръ въ Ровенскомъ уѣздѣ былъ случай выдачи вознагражденія, составившаго 205%, крестьянскаго надѣла, въ Житомирскомъ—106%, въ Староконстантиновскомъ—105% и 5,000 р. деньгами, въ Кіевскомъ—99%, въ Радомысльскомъ—88% и т. п.

*) По истеченіи двухлѣтняго срока, положеннаго на опредѣленіе количества мірской земли, назначается шестилѣтній срокъ, въ теченіе котораго помѣщикъ можетъ *требовать* обязательнаго для крестьянъ разграниченія общихъ и чрезполосныхъ господскихъ угодій съ мірскими.

**) И. П. Новицкій: «Сервитуты и обязат. разверст. въ Юго-Зап. краѣ».

***) Надо замѣтить при этомъ, что одно количество прирѣзанной земли еще не характеризуетъ цѣнности вознагражденія, — «земля землѣ рознь», какъ говорятъ крестьяне, и хорошій заливной сѣнокосъ, прирѣзанный къ тощей пашнѣ надѣла далекъ съ нею неравноцѣненъ.

Надо замѣтить, что, вообще, свѣдѣнія о бывшихъ разверстаніяхъ не только отрывочны и неполны. Кромѣ того по окончательнымъ результатамъ своимъ, въ смыслѣ опредѣленія размѣровъ вознагражденія, и по условіямъ, при которыхъ происходили они,—и слишкомъ разнообразны, чтобы изъ нихъ можно было сдѣлать какіе-либо положительные выводы хотя бы въ отношеніи приблизительнаго только намѣченія размѣровъ вознагражденія за тѣ или иные виды сервитутовъ.

Пользуясь данными крестьянскихъ присутствій, собранными къ 1880 г., можно лишь прийти къ такому заключенію относительно одной, впрочемъ, Киевской губерніи, что до 1880 г. разверстаны были сравнительно *болѣе мелкія* имѣнія и съ *меньшимъ* количествомъ обремененной сервитутами земли (18% общаго количества помѣщичьихъ земель), чѣмъ имѣнія, оставшіяся не разверстанными (36%) *). Этимъ въ значительной мѣрѣ объясняется все большее сокращеніе добровольныхъ сдѣлокъ по разверстанію, происходящее отъ того, что не разверстанными остаются *болѣе* обремененные сервитутами имѣнія, гдѣ *труднѣе* достигнуть соглашеній и гдѣ разверстаніе является *болѣе невыгоднымъ для крестьянъ*, сравнительно съ имѣніями, уже достигшими соглашенія по разверстанію, вслѣдствіе меньшей обремененности ихъ сервитутами. Этотъ фактъ разверстанія имѣній съ менѣе выгодными крестьянамъ сервитутами и преобладанія въ числѣ оставшихся не разверстанными имѣній—имѣній болѣе обремененныхъ сервитутами доказываетъ во всякомъ случаѣ всю *сложность и серьезность* даннаго вопроса и необходимость въщей *осторожности* въ его рѣшеніи. Особенно въ настоящее время, когда рядомъ съ тѣмъ, что въ рукахъ крестьянъ остались болѣе выгодные и цѣнные сервитуты, экономическое положеніе крестьянскаго населенія значительно понизилось сравнительно съ прежнимъ.

Кромѣ того, намъ лично извѣстны факты добровольныхъ разверстаній съ уничтоженіемъ сервитутовъ за самое дешевое вознагражденіе вслѣдствіе происшедшаго сокращенія сервитутныхъ правъ крестьянъ. Видя фактическое сокращеніе сервитута и опасаясь полнаго его исчезновенія, крестьяне соглашались на всякое вознагражденіе, лишь бы не потерять сервитутъ безъ всякаго за него возмездія. Въ то же время помѣщики, испытывшіе практичность принятыхъ ими мѣръ къ сокращенію сервитута, не склонны были давать большое вознагражденіе за то, устраненіе чего можно было съ теченіемъ времени, хотя и нѣсколько позже, достигнуть безъ затратъ на вознагражденіе.

Однородное съ только что изложеннымъ явленіемъ добровольнаго разверстанія имѣній съ менѣе цѣнными и важными сервитутами замѣчается также, наприм., и въ Минской губ. По свѣдѣніямъ мѣстнаго крестьянскаго присутствія: «совершавшіяся до сего времени добровольныя соглашенія о замѣнѣ пастбищнаго сервитута состоялись только въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ

*) Тамъ же.

или площадь пастбища была дурна и непригодна, или под гнетомъ власть имѣющаго помѣщика, или, наконецъ, за вознагражденіе, выходящаго изъ ряда обыкновеннаго».

Изъ приведенной выдержки, — замѣтимъ кстати, — вытекаетъ также и тотъ выводъ, что рядомъ съ непомерно высокими размѣрами вознагражденія, сорваннаго крестьянами съ помѣщиковъ при такъ назыв. «полюбовныхъ сдѣлкахъ», могли быть и чрезмерно низкіе размѣры вознагражденій — въ имѣніяхъ, разверстанныхъ «подъ гнетомъ власть имѣющаго помѣщика».

И. П. Новицкій въ цитированной уже его работѣ о сервитутахъ тоже указываетъ на случаи такихъ разверстаній даже и безъ всякихъ вознагражденій, произведенныхъ мѣстами по «усмотрѣнію» (сирѣчь, подъ давленіемъ?) мѣстныхъ крестьянскихъ учреждений *). Вотъ, очевидно, чѣмъ должно быть объяснено пониженіе вышеприведеннаго средняго размѣра процента земельныхъ прибавокъ (къ надѣлу) по отдѣльнымъ губерніямъ, до 4,7—12,5%, при возможности полученія крестьянами въ нѣкоторыхъ случаяхъ очень крупныхъ вознагражденій и чѣмъ объясняются столь сильныя колебанія отдѣльныхъ вознагражденій (отъ 0 до 205% надѣла). Иначе положительно трудно понять наличность столь мелкихъ размѣровъ вознагражденій, въ особенности послѣ того, какъ всѣ мѣстные органы крестьянскихъ учреждений единогласно указываютъ на то, что крестьяне очень дорого цѣнятъ выгоды отъ сервитутовъ и неохотно идутъ на сдѣлки по разверстанію. Вотъ, наприм., что говоритъ объ этомъ минское губернское присутствіе: «Помѣщики, желая разъ навсегда избавиться отъ вреда, причиняемаго ихъ хозяйству пастбищнымъ сервитутомъ, въ большей части случаевъ не только не отказываются, но, напротивъ, сами ходатайствуютъ о замѣнѣ сервитутовъ, предлагая очень часто весьма выгодныя для крестьянъ условія. Но крестьяне, дорого цѣня всѣ удобства, какія представляетъ имъ пастбищный сервитутъ, или вовсе отказываются отъ соглашеній, или предъявляютъ къ владѣльцамъ имѣній такія требованія, которыя тѣ удовлетворить не въ состояніи». Такимъ отношеніемъ крестьянъ къ данному вопросу объясняется, конечно, и самая малочисленность полюбовныхъ разверстаній: изъ общаго, наприм., числа 1,167 имѣній трехъ губерній Сѣверо-Западнаго края, гдѣ пастбищные сервитуты предоставлены крестьянамъ по выкупнымъ актамъ и даннымъ, за послѣднее двадцатилѣтіе, по свѣдѣніямъ особаго совѣщанія, добровольныя соглашенія о замѣнѣ сервитутовъ состоялись только по 120 имѣніямъ.

Вотъ собственно и всѣ главнѣйшіе выводы, какіе можно сдѣлать изъ практики добровольныхъ разверстаній. На практику эту не разъ въ теченіе послѣдняго 35-лѣтія и не однимъ учрежденіемъ возлагались надежды въ смыслѣ полученія матеріала для выработки нормъ вознагражденія за сервитуты. И всякій разъ, отсрочивая ради этого окончательное рѣшеніе

* Тамъ же, стр. 36. Здѣсь онъ указываетъ также, что этимъ путемъ разверстано нѣсколько особенно выдающихся своими огромными размѣрами имѣній.

вопроса, и мѣстнымъ крестьянскимъ учрежденіямъ, и мѣстнымъ генералъ-губернаторамъ, и министерству приходилось затѣмъ убѣждаться въ томъ, что благодаря крайнему разнообразію условій и вознагражденій происшедшихъ разверстаній, практика этихъ разверстаній никакихъ данныхъ для сужденія о нормахъ вознагражденія не даетъ. Въ этомъ отношеніи особенно характерно мнѣніе подольскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, по заключенію котораго «опытъ добровольныхъ сдѣлокъ о разверстаніи и сервитутахъ не даетъ, въ сожалѣнію, руководящихъ въ семъ отношеніи указаній; мѣстныя условія до такой степени разнообразны *), что не только въ одномъ уѣздѣ, но даже въ двухъ смежныхъ имѣніяхъ одного и того же владѣльца трудно найти одинаковыя формы, одинаковое положеніе и качество земельныхъ угодій. Добровольныя разверстанія дѣлались иногда по такимъ соображеніямъ, которыя нынѣ утратили всякое значеніе, и по даннымъ дѣла не представляется возможности теперь судить о тѣхъ выгодахъ, которыя имѣлись въ виду при совершеніи сдѣлки. Еще менѣе можно сдѣлать какіе-либо точные выводы о процентныхъ прибавкахъ въ виду крайняго разнообразія мѣстныхъ условій. Эти процентныя прибавки и прирѣзки не имѣли никакой логической связи съ тѣмъ количествомъ помѣщичьей земли, на которой до разверстанія лежало сервитутное пользованіе». Много зависѣло, между прочимъ, и отъ степени желанія сторонъ идти на тѣ, или другія уступки, отъ степени склонности крестьянъ въ принятію тѣхъ, или другихъ предложеній, такъ какъ при большей несговорчивости крестьянъ, нуждавшимся въ разверстаніи владѣльцамъ приходилось повышать свои предложенія, «причемъ объемъ требованій крестьянъ нерѣдко исходилъ не изъ существа данныхъ хозяйственно сервитутныхъ отношеній и условій, а изъ совершенно постороннихъ соображеній». Въ виду этого «такія сдѣлки носили на себѣ скорѣе характеръ *торга*, въ которомъ стороны путемъ взаимныхъ уступокъ и надбавокъ приходили, наконецъ, къ опредѣленнымъ рѣшеніямъ. Поэтому всякіе доводы съ помощью среднихъ чиселъ и отношеній въ практичѣскомъ примѣненіи къ отдѣльнымъ случаямъ *теряютъ свою цѣну*». При этомъ «единственный вѣрный выводъ изъ разсмотрѣнія данныхъ, относящихся до разверстанныхъ имѣній, а также не состоявшихся сдѣлокъ, заключается въ томъ, что не разверстанными остаются по преимуществу такія имѣнія, въ которыхъ пользованіе сервитутами представляетъ для крестьянъ особенную важность».

Въ вышеизложенному относительно практики добровольныхъ разверстаній остается еще добавить, говоря словами того же Подольскаго Присутствія, что большинство добровольныхъ разверстаній совершено «когда крестьяне еще не вполне сознавали значеніе этой мѣры, а экономическія

*) А надо замѣтить, что изъ трехъ губерній Юго-Западнаго края, да даже и сравнительно со всеми губерніями Сѣверо-Западнаго края, Подольская отличается наибольшимъ однообразіемъ своихъ мѣстныхъ условій.

отношенія между помѣщиками и крестьянами не успѣли еще опредѣлиться съ тою категоричностью, которая раздѣлила ихъ нынѣ на два враждебныхъ лагеря». Слѣдовательно, благодаря «недостаточному сознанию значенія», факты происходившихъ разверстаній тѣмъ болѣе не могутъ служить указателемъ для будущаго.

Но приведенные факты при неполнотѣ и отрывочности своей относятся притомъ ко времени уже прошедшему, слѣдовательно, не характеризуютъ того, каковы теперь отношенія сторонъ между собою и какъ заинтересованныя стороны относятся къ вопросу о разверстаніи и уничтоженіи сервитутовъ въ настоящее время. Кроме того, послужившія для выясненія этого вопроса данныя о бывшихъ добровольныхъ разверстаніяхъ суть данныя почти исключительно официальные, бумажныя. Между тѣмъ отношеніе заинтересованныхъ сторонъ къ сервитутному вопросу лучше всего уясняется изслѣдованіемъ на мѣстѣ. И хотя случайныя и разрозненные данныя, собранныя однимъ лицомъ по такому сложному вопросу, не могутъ имѣть существеннаго значенія, тѣмъ не менѣе, при общей скудости имѣющихся свѣдѣній, они до нѣкоторой степени помогаютъ дѣлу уясненія отношенія сторонъ къ вопросу о разверстаніи и уничтоженіи сервитутовъ. Такъ, намъ удалось путемъ подробныхъ разспросовъ на мѣстѣ убѣдиться въ томъ, что, наприм., въ Кашперовской, Животовской и Пятигорской волостяхъ, Таращанскаго уѣзда, Киевской губ., на добровольное разверстаніе крестьяне нигдѣ не согласны, несмотря на выгодныя предложенія помѣщиковъ.

Случаи исчезновенія сервитутовъ безъ вознагражденія и исключительный случай достаточнаго благосостоянія разверставшагося с. Годолісчи (Луцкаго у.) убѣдили значительную часть мѣстнаго окрестнаго крестьянства въ необходимости прійти къ соглашенію о добровольномъ разверстаніи—главнымъ образомъ изъ опасенія потери сервитутовъ, безъ вознагражденія. Но, несмотря на выгодныя (предлагаемая меньшинствомъ владѣльцевъ) условія, часть крестьянъ противъ разверстанія, считаетъ его невыгоднымъ и тормазитъ совершеніе полюбовныхъ сдѣлокъ; въ другихъ же имѣніяхъ сами помѣщики предлагаютъ невыгодныя условія, такъ что дѣло добровольнаго разверстанія стоитъ на точкѣ замерзанія—въ Тростянецкой, Щурианской и Полонковской волостяхъ, Луцкаго уѣзда.

Въ Барановской и Смолдыревской волост., Новоградволынскаго уѣзда, крестьяне ждутъ разверстанія отъ начальства, такъ какъ теперь имъ невыгодно идти на добровольное разверстаніе, благодаря сдѣланнымъ ими значительнымъ захватамъ помѣщичьей земли, которую (въ размѣрѣ сдѣланныхъ захватовъ) они надѣются получить при принудительномъ разверстаніи въ свою пользу.

Разверстаніе для устраненія чрезполосицы въ Корепкой и Берездовской волостяхъ, того же уѣзда (по мнѣнію мѣстныхъ волостныхъ должностныхъ лицъ), не только желательно, но и необходимо. Но на добровольное разверстаніе крестьяне по большей части несогласны благодаря тому, что не

знаютъ дѣйствительной цѣны предоставленнымъ имъ правамъ. Разъяснить это противная сторона имъ не можетъ, такъ какъ крестьяне владѣльцамъ не вѣрятъ, «мѣстное же начальство не встрѣчало настоятельной необходимости въ обстоятельномъ истолкованіи крестьянскимъ обществамъ ихъ настоящихъ правъ и правъ, которыми они будутъ пользоваться по разверстаніи». «Разсудительные» крестьяне, опасаясь потери сервитутовъ безъ вознагражденія и видя, что нѣкоторыя общества сосѣднихъ имѣній, получившихъ хорошее земельное вознагражденіе, что нерѣдко возможно при добровольномъ разверстаніи, производимомъ по предложенію самихъ помѣщиковъ,—живутъ не плохо и во всякомъ случаѣ не хуже ихъ, признаютъ разверстаніе желательнымъ, а при условіяхъ предлагаемой по нѣкоторымъ имѣніямъ лучшей прирѣзки даже и выгоднымъ. Но другіе боятся потерять этимъ права на имѣющія быть предоставленными крестьянамъ въ будущемъ разныя выгоды и льготы, неизбѣжныя, по ихъ мнѣнію, въ случаѣ введенія принудительнаго разверстанія; у нѣкоторыхъ крестьянъ существуетъ такое убѣжденіе, что рано или поздно земля помѣщиковъ перейдетъ къ нимъ въ цѣломъ составѣ; къ согласившимся же теперь на добровольное разверстаніе всѣ эти выгоды, будто бы, уже не будутъ примѣнены.

Въ Рожичкой волости, Луцкаго уѣзда, въ д. Т. хотя помѣщикъ на половинѣ земли, гдѣ крестьяне имѣли право выпаса (всего 594 д.), поселилъ колонистовъ и тѣмъ лишилъ крестьянъ возможности выпастъ скотъ на 297 д., крестьяне, въ виду выгоды сервитута даже при наличныхъ его сокращенныхъ размѣрахъ разверстанія, все-таки не желаютъ, несмотря на наличность опасенія, что помѣщикъ также можетъ занять и остальную землю. Вообще, въ Рожичской волости добровольнаго разверстанія трудно ожидать, такъ какъ есть села разверстанныя, но недовольныя своимъ новымъ положеніемъ, а остальные, «глядя на нихъ», несогласны ни на какія предложенія землевладѣльцевъ. Въ громадномъ большинствѣ селеній Пятковской и Трояновской волостей, Житомирскаго уѣзда и въ Медовской волости, Липовецкаго уѣзда, существуетъ полное нежеланіе крестьянъ разверстаться вслѣдствіе увѣренности, что всѣ уже произведенныя добровольныя разверстанія оказались для крестьянъ крайне убыточными, вслѣдствіе того, что крестьяне яко бы были обмануты помѣщиками.

Въ Красиловской волости, Староконстантиновскаго уѣзда, одни крестьяне, боясь уменьшенія выгодъ, не хотятъ разверстанія вовсе, но тамъ обыкновенно къ нему стремятся владѣльцы; другіе крестьяне желаютъ разверстанія, но боятся, какъ они говорятъ «подвоховъ»: что дадутъ худую землю, или далеко отъ селенія и т. п.

Въ Рогачевской волости, Новоградволинскаго уѣзда, въ имѣніи Я. (нѣсколько селеній) сервитуты крестьянъ заключаются въ правѣ пастбы по помѣщичьимъ парамъ, стернямъ, лѣсу и лѣснымъ зарослямъ. Теперь последнее значительно сократилось, вслѣдствіе отдачи многихъ лѣсныхъ зарослей нѣмцамъ въ аренду. Владѣлецъ сначала ежегодно предлагалъ крестьянамъ разверстаться, но лѣтъ шесть уже пересталъ предлагать,

потому что крестьяне упорно отказываются. Соглашенію препятствуют кулаки, изъ тѣхъ, которые, позахвативъ лишнюю землю частью у своихъ, частью у помѣщика, опасаются, что при разверстаніи придется по-дворно перерѣзать всѣ участки и тогда у нихъ отнимутся всѣ захваченныя ими излишки. На сходахъ они указываютъ обществу на невыгодность разверстанія съ точки зрѣнія сокращенія выпасовъ.

Въ селѣ К—кѣ, Г—ской волости, Чигиринскаго уѣзда, трое мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ. Одинъ предлагаетъ разверстаться, давая по 1¹/₂ дес. за десятину, но крестьяне почему-то мало довѣряютъ искренности его предложенія. Кроме того, разверстаніе съ нимъ считаютъ для себя невыгоднымъ, потому что при плохомъ хозяйствѣ у помѣщика мало скота, вслѣдствіе чего крестьяне могутъ теперь бесплатно пользоваться обширными выпасами, почему, между прочимъ, и понятно, что имъ хочется получить и больше вознагражденія за свои потери. У другихъ же двухъ имѣнія совсѣмъ маленькія (60 десятинъ) и потому они сами не предлагаютъ разверстаться,—имъ это невыгодно. Въ д. Х., Сіянецкой волости, помѣщикъ предлагалъ крестьянамъ добровольное разверстаніе (право выпаса по парамъ и стернямъ) безъ вознагражденія, но крестьяне отказались и лишь потому, что помѣщикъ хотѣлъ имъ отвести худшую землю. Однако они согласились бы, и считали бы свое положеніе болѣе выгоднымъ, чѣмъ теперь (по имѣнію должностныхъ волостныхъ лицъ), еслибъ имъ, вмѣсто разрозненныхъ кусковъ, отведена была къ одной межѣ въ прежнемъ количествѣ земля одинаковаго качества съ помѣщичьей, что, по ихъ же имѣнію, было бы выгодно и для помѣщика — фактъ, характеризующій особенное въ извѣстныхъ случаяхъ значеніе чрезполосицы, ради уничтоженія которой крестьяне согласны даже лишиться сервитутныхъ правъ.

Въ Каменской волости, Чигиринскаго уѣзда 90%, имѣній давно разверстано (большею частію при введеніи уставныхъ грамотъ), остальные не разверстаны и главнымъ образомъ вслѣдствіе чрезвычайной мелкости владѣнія помѣщиковъ и чрезполосицы земель не только между крестьянами съ помѣщиками, но и между самими помѣщиками. Въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ имѣніяхъ этого же мирового участка даже сами помѣщики (изъ числа имѣющихъ мало скота) не желаютъ разверстанія, считая его для себя невыгоднымъ, потому что благодаря выпасу крестьянскаго скота на ихъ—помѣщичьихъ—поляхъ, послѣднія удобряются крестьянскимъ скотомъ.

Крестьяне с. Ж., того же уѣзда, нѣсколько лѣтъ назадъ подавали прошеніе мировому посреднику о побужденіи шести владѣльцовъ ихъ имѣній къ разверстанію, такъ какъ владѣльцы разверстаться съ прирѣзкой земли не желаютъ, а заведеннымъ многопольнымъ хозяйствомъ совершенно лишили крестьянъ выпасовъ. Желаніе свое разверстаться выразили и крестьяне м. А., Чигиринскаго уѣзда, въ виду ранней западни владѣльцами толоки и другихъ «притѣсненій».

Чтобы не продолжать этотъ рядъ записанныхъ отдѣльныхъ фактовъ и отзывовъ для характеристики отношенія сторовъ къ разверстанію, необхо-

димо обратиться къ общему выводу, вытекающему изъ собранныхъ свѣдѣній. Выводъ этотъ заключается въ томъ, что крестьяне въ громадномъ большинствѣ случаевъ не идутъ нынѣ ни на какія соглашенія и, по словамъ волостныхъ должностныхъ лицъ нѣсколькихъ волостей, съ которыми намъ приходилось имѣть дѣло по этому вопросу, «трудно даже сказать, на что бы крестьяне согласились, привыкнувъ къ подобному пользованію болѣе 30 лѣтъ и часто даже не зная дѣйствительной цѣны предоставленному имъ праву». На несогласіе крестьянъ на разверстаніе несомнѣнное вліяніе оказываетъ также многочисленныя неудачныя примѣры уже происшедшихъ разверстаній. Поэтому во многихъ мѣстностяхъ крестьяне положительно противъ всякаго разверстанія, тѣмъ болѣе, что нынѣшнее положеніе вещей считаютъ для себя безусловно выгоднѣе того, какое можетъ быть послѣ какого бы то ни было разверстанія. Но есть и такія деревни, которыя не противъ разверстанія вообще, а противъ разверстанія *добровольнаго*, вредъ котораго для нихъ представляется несомнѣннымъ, въ виду извѣстныхъ имъ неудачныхъ примѣровъ добровольнаго разверстанія, а осуществленіе путемъ соглашенія съ владѣльцами представляется невозможнымъ въ виду сильнаго обостренія отношеній между сторонами. Такія, въ твердой увѣренности, что правительство никогда не поступится ихъ интересами въ пользу помѣщиковъ, признаютъ разверстаніе возможнымъ только при условіи его обязательности на извѣстныхъ строго опредѣленныхъ для всѣхъ селеній и объѣмъ ихъ сторонъ въ видѣ категорическаго распоряженія свыше.

Надо замѣтить, вообще, что при обострившихся отношеніяхъ между крестьянами и помѣщиками, при розни ихъ интересовъ въ сервитутномъ вопросѣ, чѣмъ болѣе настаиваетъ помѣщикъ на добровольномъ разверстаніи и чѣмъ болѣе выгодныя условія предлагаетъ крестьянамъ, тѣмъ съ болѣею подозрительностью, недовѣріемъ относятся къ этому крестьяне и тѣмъ болѣе тяжелыя условія предлагаютъ помѣщику съ своей стороны, или даже тѣмъ упорнѣе отказываются отъ всякихъ съ нимъ соглашеній. Есть затѣмъ селенія, гдѣ условія выпаса на сервитутныхъ земляхъ особенно благоприятны вслѣдствіе ихъ изобилія, хорошаго качества или вслѣдствіе того, что у помѣщика мало или почти совсѣмъ нѣтъ скота, или же при достаточности отдѣльныхъ выпасовъ скотъ его не выпасается на сервитутныхъ; такія выгодныя условія побуждаютъ крестьянъ идти противъ всякаго разверстанія и цѣнить свое право во много разъ выше того, чего оно стоитъ при нормальныхъ условіяхъ. Вообще, немногими крестьянскими обществами признается желательность разверстанія и только тамъ, гдѣ пользованіе сервитутами для нихъ чрезвычайно затруднилось (что, какъ видно, со временемъ можетъ быть и въ другихъ мѣстахъ), сами крестьяне возбуждали вопросъ о разверстаніи. Но обыкновенно въ такихъ мѣстахъ на послѣднее не соглашались помѣщики, для которыхъ разверстаніе съ выдачей вознагражденія за сервитутъ уже исчезнувшій или исчезающій не имѣло въ этихъ случаяхъ никакого смысла и даже было бы явно невыгодно (платить за уничтоженіе того, что исчезаетъ само собою). Что касается вообще отно-

шенія къ этому вопросу помѣщиковъ, то, по даннымъ крестьянскаго присутствія относительно Подольской губ., большая часть ихъ предлагаетъ разверстаніе, «но безъ особенныхъ затратъ и вознагражденій, а нѣкоторые полагаютъ, что и самое право на вознагражденіе крестьянъ лишено юридическаго основанія, такъ какъ толочный сервитутъ, есть сервитутъ, по ихъ мнѣнію, взаимный, для обѣихъ сторонъ равноправный, и при разверстаніи, вслѣдствіе стеченія одинаковыхъ правъ, онъ самъ собою претворяется въ высшей формѣ права собственности и погашается такимъ образомъ безъ остатка». По свѣдѣніямъ относительно Кіевской губ. видно, что по 1885 году 30% неразверстанныхъ экономій предлагали крестьянамъ разверстаніе, но крестьяне отказались отъ него, причѣмъ причинами отказа, кромѣ перечисленныхъ, послужили: отдаленность предлагавшейся земли въ обмѣнъ отъ крестьянской усадьбы, дурное качество предлагавшейся въ обмѣнъ земли, наличность чиншевой земли въ имѣніи, недостаточность количества земли, предлагавшейся крестьянамъ, неудобство водопоевъ, желаніе экономіи дать крестьянамъ землю безъ лѣса, желаніе экономіи произвести разверстаніе безъ всякаго вознагражденія въ пользу крестьянъ, и, наконецъ, были случаи несостоявшихся разверстаній вслѣдствіе несогласія одного изъ совладѣльцевъ имѣнія. По свѣдѣніямъ, собраннымъ по порученію гр. А. П. Пгнатъева мировыми посредниками въ 1891 г. относительно 69 неразверстаныхъ имѣній этой губерніи выяснилось, что въ 18 помѣщики предлагали крестьянамъ разверстаться за вознагражденіе, но крестьяне отказались, въ 20 владѣльцы высказались противъ разверстанія *).

Изъ однородныхъ свѣдѣній по Волынской губерніи видно, что по 36 имѣніямъ владѣльцы заявили имъ, что они предлагали крестьянамъ разверстаться; но изъ этихъ владѣльцевъ только 25 предлагали крестьянамъ земельную прибавку за упраздненіе сервитутовъ; и изъ этихъ 25 случаевъ «только въ 15 серьезно возбуждался владѣльцами вопросъ о разверстаніи». По 2 имѣніямъ 5-й мѣстности Новоградволынскаго уѣзда сами крестьяне въ 1875 г. предлагали владѣльцу разверстаться, но въ обоихъ случаяхъ ни на какое земельное вознагражденіе за сервитуты владѣльцы не согласились и разверстаніе не состоялось.

Въ настоящее время по 65 имѣніямъ владѣльцы заявили мировымъ посредникамъ о желаніи разверстаться, нѣкоторые изъявили готовность на земельное вознагражденіе крестьянъ, другіе отъ выдачи такого вознагражденія прямо отказываются, но почти никто изъ нихъ не предъявилъ правильно выработаннаго порядка разверстанія.

Въ собранныхъ мировыми посредниками свѣдѣніяхъ находятся и такія, гдѣ владѣльцы прямо заявили о *нежеланіи* разверстаться: по 2 частямъ

*) Нельзя не пожалѣть при этомъ, что не были выяснены мотивы тѣхъ или другихъ отказовъ: небезынтересно, наприм., было бы знать, потому ли помѣщики высказались противъ разверстанія, что сервитуты не препятствовали веденію ими хозяйства, или же потому, что считали бесполезнымъ поднимать этотъ вопросъ при непомѣрности требованій крестьянъ относительно вознагражденія и т. п.

села Б. П., Владиміровольнскаго уѣзда, они заявили о невыгодности для нихъ разверстанія вслѣдствіе разнообразія почвы и невозможности имъ получить послѣ разверстанія землю хорошаго качества, и по 2 большимъ имѣніямъ Староконстантиновскаго уѣзда владѣлецъ гр. Г. заявилъ, что въ разверстаніи не нуждается, такъ какъ признаетъ возможнымъ правильное веденіе хозяйства при существующемъ устройствѣ имѣнія. Изъ 59 владѣльцевъ 19, т.-е. 32%, не дѣлали крестьянамъ никакихъ предложеній о разверстаніи.

По вопросу объ отношеніи сторонъ къ добровольному разверстанію волынское крестьянское присутствіе замѣчаетъ, что «въ имѣніяхъ не разверстанныхъ владѣльцы, за небольшими исключеніями, желаютъ разверстанія, чтобы такимъ образомъ положить конецъ натянутымъ отношеніямъ съ крестьянами изъ-за сервитутовъ, но большая часть питаетъ только платоническія желанія безъ готовности уменьшить площадь своихъ посѣвовъ ради земельнаго вознагражденія крестьянъ за потерю сервитутовъ. Изъ крестьянъ заявляютъ готовность разверстаться по преимуществу тѣ, которые терпятъ стѣсненіе въ пользованіи сервитутами и съ трудомъ и не успѣхомъ ведутъ судебные процессы». Это заключеніе присутствія подтверждается и свѣдѣніями, собранными нами на мѣстахъ: сами крестьяне возбуждали вопросъ о разверстаніи только тамъ, гдѣ пользованіе сервитутами стало затруднительно (но за то помѣщики или отказывались тамъ отъ выдачи вознагражденія, или предлагали взамѣнъ негодныя земли). А тамъ, гдѣ произошла фактическая потеря сервитутовъ крестьянами, вопросъ о разверстаніи не подымался или потому, что они (послѣ ли неудачнаго веденія иска противъ помѣщика или даже и безъ него) признавали фактическую потерю правъ равносильною потерѣ правъ юридическихъ.

Такимъ образомъ, отношеніе крестьянъ къ добровольному разверстанію представляется совершенно яснымъ: при наличности сервитута и надеждѣ на его сохраненіе выгода ихъ заключается единственно въ томъ, чтобы удержать его за собою; при наличныхъ условіяхъ, когда они и не помышляютъ о многопольѣ на своихъ мелкихъ подворныхъ участкахъ, у нихъ нѣтъ и того главнаго стимула къ уничтоженію сервитутовъ, на который постоянно ссылаются помѣщики. Между тѣмъ отношеніе къ добровольному разверстанію со стороны помѣщиковъ не можетъ считаться вышеприведенными свѣдѣніями въ достаточной степени уясненнымъ; въ особенности представляются непонятными причины, въ силу которыхъ, какъ оказывается, многіе помѣщики высказываются противъ разверстанія. Происходитъ ли это отъ возможности хозяйничанья въ ихъ имѣніяхъ при наличности сервитутовъ, отъ безвредности пастбищныхъ сервитутовъ (и какихъ именно?) для помѣщичьяго хозяйства, отъ возможности избавиться отъ сервитутовъ безъ вознагражденія или отъ какихъ-либо стороннихъ причинъ, остается, къ сожалѣнію, не выясненнымъ, что свидѣтельствуетъ о недостаточности собранныхъ донныхъ данныхъ и о настоятельной необходимости выясненія настоящаго вопроса изслѣдованіемъ болѣе обстоятельнымъ.

Ближайшее ознакомление съ вопросомъ объ отношеніи неразверстанныхъ сторонъ между собою убѣждаетъ, между прочимъ, въ увеличивающемся обостреніи этихъ отношеній.

Существующая чрезполосица и сервитутныя отношенія имѣютъ между прочимъ своимъ послѣдствіемъ частыя недоразумѣнія и споры изъ-за права сторонъ на тѣ или другія угодья, изъ-за нарушеній границъ владѣнія, захватовъ земель, погравъ и пр., причемъ эти споры весьма нерѣдко ведутъ къ возбужденію судебныхъ исковъ то одною, то другою изъ заинтересованныхъ сторонъ.

По свѣдѣніямъ минскаго крестьянскаго присутствія, «понявъ весь вредъ, причиняемый пастбищнымъ сервитутомъ, помѣщики прежде всего обратили вниманіе на границы тѣхъ пространствъ, на коихъ предоставлена крестьянамъ пастьба скота, и, усмливъ надзоръ за лѣсомъ, стали воспрещать пастьбу скота внѣ пространствъ, означенныхъ въ выкупныхъ актахъ, и строго преслѣдовать всякое лѣсоистребленіе и всякое правонарушеніе со стороны крестьянъ. Вслѣдствіе этого возникли недоразумѣнія, споры, иски, оканчивающіеся въ большинствѣ случаевъ взысканіемъ съ крестьянъ штрафовъ въ громадныхъ размѣрахъ, большею частью для нихъ непосильныхъ и грозящихъ въ будущемъ совершеннымъ разореніемъ многихъ хозяйствъ».

Изъ собранныхъ нынѣ мировыми посредниками по Кіевской губ. свѣдѣній по 78 имѣніямъ видно, что въ 40 крестьяне ведутъ споры: въ 10—о водопояхъ, въ 9—о пограввахъ, въ 4—о толокахъ, въ 5—изъ-за выпасовъ въ лѣсу, въ 1—за пограву хлѣба, въ 2—за порубку лѣса, въ 1—за пограву сѣнокосовъ, въ 2—изъ-за выдѣла для скота части толоки и въ остальныхъ—о захватахъ, распашкѣ сѣнокосовъ и правахъ на землю.

«Благодаря незнакомству съ порядкомъ веденія въ мировыхъ учрежденіяхъ дѣлъ, неточному знанію дѣйствительныхъ своихъ правъ и желанію расширить ихъ на счетъ помѣщиковъ, крестьяне, въ большинствѣ случаевъ подстрекаемые разными ходатаями, возбуждаютъ различные неосновательные иски или будучи, поставлены въ необходимость спасти свои сѣнокосы, проявляютъ самоуправства, иногда даже вооруженныя, подчищая растущій на ихъ сѣнокосахъ помѣщичій кустарникъ или лѣсъ, и тѣмъ даютъ поводъ къ возбужденію исковъ противной сторонѣ, не желающей поступиться правами собственными и нести убытки. Въ результатѣ крупныя убытки для обѣихъ сторонъ и въ барышѣ одни только адвокаты».

Судить о томъ, какъ и изъ-за чего въ отдѣльныхъ случаяхъ возникаютъ подобнаго рода споры и иски и къ чему они приводятъ, между прочимъ, можно по нижеприведеннымъ примѣрамъ, изъ собранныхъ нами свѣдѣній, имѣя при этомъ въ виду, что, вообще, неопредѣленность нѣкоторыхъ изъ сервитутныхъ правъ и недостаточно точное или неполное опредѣленіе ихъ въ выкупныхъ документахъ въ большинствѣ случаевъ сами по себѣ составляютъ одинъ изъ главныхъ источниковъ сервитутныхъ недоразумѣній.

Шесть лѣтъ назадъ крестьяне села А., Сквирскаго уѣзда, возбудили в. окружномъ судѣ противъ мѣстнаго землевладѣльца П. искъ за перемѣн

имъ системы хозяйства, слѣдствіемъ чего было уменьшеніе толоки. Судъ рѣшилъ дѣло въ пользу П., присудивъ съ крестьянъ судебныя издержки, сверхъ того адвокату крестьяне уплатили около 2,000 рублей.

Частный повѣренный Н. подбилъ крестьянъ с. См., Новоградволынского уѣзда, возбудить дѣло противъ помѣщика, срубившаго лѣсъ, произраставшій на ихъ сѣнокосахъ. Дѣло было проиграно и крестьяне, уплативъ Н. 900 руб. вознагражденія, присуждены къ уплатѣ 2,040 руб. судебныхъ издержекъ, да кромѣ того Н. требуетъ съ нихъ еще 100 руб., слѣдующее ему по условію, и до взноса 100 руб. не возвращаетъ необходимыхъ крестьянамъ документовъ для дальнѣйшаго веденія дѣла.

Тотъ же повѣренный взялъ 100 руб. съ Б. общества, того же уѣзда, для веденія аналогичнаго дѣла противъ помѣщика, но дѣла не велъ и денегъ не возвратилъ, чѣмъ крестьяне теперь довольны, такъ какъ увѣрены, что дѣло проиграли бы и пришлось бы поплатиться.

По отзыву волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ Смолдыревской и Барановской волостей, Новоградволынского уѣзда, гдѣ въ обѣихъ волостяхъ только 2 разверстанныхъ имѣнія, «сервитуты ведутъ къ постояннымъ спорамъ и недоразумѣніямъ».

Въ с. Е., Староконстантиновскаго уѣзда, лѣтъ пять назадъ помѣщикъ на пару посѣялъ смѣсь кормовыхъ травъ, «мѣшанину», крестьяне загнали скотъ и стравили все, судъ приговорилъ ихъ къ уплатѣ 10 т. руб., помирились на 4 т. руб., и помѣщикъ теперь продолжаетъ сѣять на подпарьяхъ мѣшанину, но даетъ крестьянамъ прогонъ на остальную часть своихъ земель.

Въ Солотвинской и Красносельской волостяхъ, Житомирскаго уѣзда, пользованіе затруднительно въ виду разбросанности кусковъ; споры крестьянъ между собою и помѣщиками бываютъ изъ-за погравъ, захватовъ и неправильнаго пользованія сервитутами, и споры эти часто ложатся тяжелымъ бременемъ на крестьянъ.

Въ Корецкой и Березовской волостяхъ, Новоградволынского уѣзда, почти всѣ имѣнія этихъ волостей не разверстаны и это, а также и значительная чрезполосица даютъ крестьянамъ поводъ систематически производить захваты, что ведетъ къ постояннымъ судамъ и пререканіямъ, и обѣ стороны, какъ оказывается, больше проигрываютъ на веденіи судебныхъ дѣлъ во времени и матеріально, чѣмъ могутъ воспользоваться или уступить въ положенныхъ имъ правахъ.

Въ м. Б., Новоградволынского уѣзда, крестьяне у помѣщика Г. временно сдѣлали захваты на пространства 1,682 дес. (!) на 277 дворовъ, причемъ захватившихъ было $\frac{2}{3}$ хозяевъ; остальные не захватили только потому, что обружены крестьянскими землями и захвата имъ сдѣлать невозможно, о чемъ они очень сожалеютъ (въ числѣ захватчиковъ и самъ волостной старшина).

Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Сошичанской волости, Ковельскаго уѣзда, крестьянамъ предоставлена пастба скота на извѣстномъ пространствѣ по-

мѣщичьяго лѣса; они же, пользуясь этимъ, пасутъ его на всемъ пространствѣ лѣсовъ владѣльцевъ и послѣдніе ничего не могутъ противъ этого подѣлать. Надо замѣтить, что явленіе это, вообще, настолько распространено, и что при этомъ оказать крестьянамъ достаточное противодѣйствіе настолько трудно, что многіе владѣльцы даже уже и не протестуютъ противъ подобныхъ нарушеній.

Въ сс. В. и К., Красносельской волости, Житомирскаго уѣзда, крестьяне, имѣющие право сѣнокоса на помѣщичьей землѣ, самовольно запахиваютъ эту землю.

Напряженность и распространенность споровъ и исковъ въ разныхъ мѣстностяхъ не одинакова, какъ въ зависимости отъ количества неразверстанныхъ имѣній въ каждой мѣстности, такъ и въ зависимости не только отъ присутствія и характера сервитутовъ, но, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, весьма нерѣдко и отъ размѣровъ и свойствъ чрезполосицы, издавна установившихся отношеній между помѣщиками и крестьянами и проч. Такъ, на раду, наприм., съ перечисленными волостями, гдѣ споры и иски составляютъ почти обычное явленіе, по Трояновской волости, Житомирскаго уѣзда, споровъ изъ-за сервитутовъ и нарушеній въ нихъ нѣтъ, но они бываютъ и между крестьянами, и у крестьянъ съ помѣщиками изъ-за захватовъ, къ которымъ крестьяне склонны и пользуются для нихъ каждымъ удобнымъ случаемъ. Въ Медовской волости, Липовецкаго уѣзда, во всѣхъ не разверстанныхъ имѣніяхъ хотя пререканія между сторонами и составляютъ обычное явленіе, но дѣло до суда все-таки рѣдко доходить и т. п.

Помянутое обостреніе сторонъ выражается, между прочимъ, въ массѣ споровъ и недоразумѣній, возбуждаемыхъ и сервитутами, и чрезполосицею. По Киевской губ., наприм., гдѣ къ 1886 году было 994 не разверстанныхъ имѣнія, возбуждены были споры изъ-за выпасовъ противъ 225 селеній (23%); въ Волынской губ. къ 1885 г. изъ 1,855 имѣній споры и тяжбы между крестьянами и помѣщиками велись въ 500 (27%) и споры эти, по замѣчанію губ. присутствія, «благодаря незнакомству съ порядкомъ веденія дѣлъ въ мировыхъ и вообще судебныхъ учрежденіяхъ, неточному знанію дѣйствительныхъ своихъ правъ и желанію ихъ расширить ихъ на счетъ помѣщиковъ, крестьянами большею частью проигрываются. *Неправильное* пониманіе сервитутныхъ правъ *) часто ведетъ крестьянъ къ самоуправствамъ, за которыя нерѣдко они жестоко платятся, а *неполное* **) пониманіе таковыхъ же правъ ведетъ къ тому, что они слишкомъ легко поступаются весьма существеннымъ изъ нихъ. Въ этихъ спорахъ и судьбищахъ обѣ стороны теряютъ и время, и средства, причемъ денежные расходы достигаютъ весьма почтенныхъ суммъ; извѣстны, наприм., случаи присужденія съ крестьянъ судебныхъ издержекъ и возмѣщенія убытковъ въ суммѣ

*) Обусловленное, какъ сказано, прежде всего неопредѣленностью ихъ и неточнымъ опредѣленіемъ ихъ въ документахъ.

**) Обусловленное, главнымъ образомъ, тѣми же причинами.

2,000, 3,000 и даже 10,000 рублей. Споры обыкновенно кончаются или съ того момента, какъ одна изъ сторонъ добьется судебного рѣшенія въ свою пользу (и другая прекратить свои притязанія предъ сознаниемъ невозможности такого исхода), или съ момента, когда какое-либо нарушение одной изъ сторонъ другою выразится въ такой формѣ, когда дальнѣйшія притязанія теряютъ свой смыслъ или становятся невозможными, наприм., послѣ того, какъ уже помѣщикомъ введено многопольное на своей землѣ хозяйство *).

Надо, вообще, замѣтить, что отсутствіе споровъ или неведеніе дѣла въ судебныхъ учрежденіяхъ не всегда служатъ доказательствомъ отсутствія какихъ бы то ни было нарушеній въ правахъ сторонъ на принадлежащія имъ земли и сервитуты, такъ какъ отсутствіе ихъ нерѣдко является результатомъ признанія невозвратимости утраченныхъ правъ, послѣ проигрыша дѣла въ судебныхъ учрежденіяхъ и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ представляется, повидимому, несомнѣннымъ, что при оставленіи положенія дѣла въ его настоящемъ видѣ нѣтъ никакихъ, повидимому, основаній ожидать уменьшенія въ будущемъ поводовъ къ такого рода спорамъ, недоразумѣніямъ и судбищамъ и что источникомъ таковыхъ являются не только сервитуты, но и чрезполосица.

IV.

Сокращеніе численности крестьянскаго скота въ неразверстанныхъ имѣніяхъ вслѣдствіе сокращенія сервитутовъ.—Цифры и факты, доказывающіе это исчезновеніе.—Ближайшія причины и условія ихъ исчезновенія, связь этого явленія съ прогрессомъ культуры и заселеніемъ края.—Неизбѣжность исчезновенія сервитутовъ при отсутствіи мѣръ къ ихъ охраненію.

Выше не разъ уже приводились факты, свидѣтельствовавшіе о происходящемъ мѣстами сокращеніи и даже исчезновеніи сервитутовъ.

Явленіе это въ дѣйствительности очень распространено, и по существу своему и неизбѣжнымъ послѣдствіямъ настолько важно, что съ этимъ слѣдуетъ ознакомиться поближе.

Въ предыдущемъ изложеніи было уже указано, что по среднимъ для цѣлыхъ губерній даннымъ, собраннымъ въ 1894 г. мировыми посредниками, количество скота сократилось у крестьянъ разверстанныхъ имѣній послѣ происшедшаго разверстанія съ уничтоженіемъ сервитутовъ и увеличилось (абсолютно) въ имѣніяхъ, еще не разверстанныхъ. При этомъ выяснилось также, что въ послѣднихъ имѣніяхъ крестьянамъ не хватало *своихъ* выпасовъ, такъ что большая половина ихъ скота выпасалась ими на обремененныхъ сервитутами *помѣщичьихъ* земляхъ, чѣмъ, конечно, и объясняется возможность увеличенія численности ихъ скота именно въ не разверстанныхъ имѣніяхъ (такъ какъ иначе недостатокъ собственныхъ выпасовъ могъ привести повсюду только къ его уменьшенію).

*) Указъ сената по дѣлу м. Кодицъ съ гр. Ледоховскимъ 22 апрѣля 1881 г.

Между тѣмъ ближайшее ознакомленіе съ дѣломъ показываетъ, что при выясненномъ столь важномъ влияніи пастбищныхъ сервитутовъ на крестьянское скотоводство имѣется *) не малый процентъ (всего около 30%) селеній, въ которыхъ, несмотря на сервитуты, произошло не увеличеніе, а, напротивъ, сокращеніе крестьянскаго скотоводства. Причинами этого сокращенія были, какъ оказывается, помимо падежей и т. п. бѣдствій, такія явленія, какъ «распахиваніе сѣнокосовъ и сосѣднихъ степей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, раскорчевка помѣщикомъ лѣса и запрещеніе помѣщикамъ пастбы скота въ лѣсахъ, дороговизна выпасовъ и вообще *уменьшеніе или недостатковъ въ выпасахъ*».

Изъ этого вытекаетъ прежде всего, что даже и при наличности правъ крестьянъ на сервитутныя помѣщичьи пастбища, пополняющія ихъ недостатокъ въ выпасахъ, возможны факты, когда крестьянамъ все-таки недостатку выпасовъ, когда крестьяне стѣснены въ пастбѣ своего скота. Показанія эти свидѣтельствуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что эти стѣсненія и недостатки обуславливаются собственно не недостаткомъ выпасовъ въ томъ видѣ и объемѣ, какой приходится или приходился бы на ихъ долю при сохраненіи размѣровъ сервитутныхъ выпасныхъ площадей, юридически причитающихся имъ по условіямъ надѣленія, т.-е. не вслѣдствіе того, что при самомъ уже надѣленіи землею имъ нехватало собственныхъ надѣльныхъ выпасовъ *смыслъ съ сервитутными*. Обуславливаются же они тѣми или другими *измѣненіями, перемѣнами*, происшедшими впоследствии. «Распахиваніе» того, что раньше, значить, не было распахано, а состояло подъ пастбищемъ, «раскорчевка» того, что передъ этимъ было подъ пнями или лѣсомъ и могло служить мѣстомъ выпаса, «уменьшеніе» и «запрещеніе»,—все это явленія, ясно свидѣтельствующія объ измѣненіяхъ въ тѣхъ условіяхъ выпаса, которыя были первоначально. Къ той же категоріи принадлежить, конечно, и являющаяся обыкновенно слѣдствіемъ сокращенія выпасовъ «дороговизна выпасовъ»,—та дороговизна, которой несомнѣнно не было въ первое время послѣ воли, послѣ надѣленія крестьянъ землею, когда, наоборотъ, какъ всѣмъ извѣстно, была повсюду дешевизна выпасовъ. Короче сказать, эти свѣдѣнія мировыхъ посредниковъ только подтверждаютъ сдѣланное выше указаніе на распространенность явленія сокращенія сервитутныхъ выпасовъ.

Обратимся къ цифровымъ даннымъ.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ мировыми посредниками въ Подольской губ., изъ 85 не разверстаныхъ имѣній крестьяне пользуются толоками для выпаса только въ 55; изъ остальныхъ 30 не разверстаныхъ имѣній въ 13 не пользуются по причинѣ многопольнаго или безтолочнаго хозяйства, въ 17 по незнанію своихъ правъ, а сверхъ того въ 6 еще и сами нанимаютъ толоку въ своей же экономіи или въ сосѣднихъ. На однородныя явленія указываетъ, на основаніи собранныхъ мировыми посредниками данныхъ, волынское присутствіе, отмѣчая факты, что съ теченіемъ времени эти изъ

*) По свѣдѣніямъ, собраннымъ мировыми посредниками.

мѣненія въ сервитутахъ *увеличиваются*, положеніе крестьянъ все болѣе *стѣсняется*, взаимное отношеніе сторонъ *обостряется*, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ стороны стали входить въ соглашенія, въ силу которыхъ за нестѣсненія крестьянъ (со стороны экономій) въ предоставленномъ имъ по документамъ правѣ пользованія общою толокою и пастьбою на стерняхъ общаго сѣвооборота, крестьяне обязываются отбывать въ пользу экономій извѣстныя повинности.

По свѣдѣніямъ мировыхъ посредниковъ по Кіевской губ. изъ 72 неразверстанныхъ имѣній въ 6 крестьяне *лишены* толокъ, въ 3-хъ сами крестьяне отказались (?!) отъ сервитутовъ *), въ одномъ за пользованіе сервитутными толоками съ крестьянъ берутся въ экономію деньги, въ одномъ крестьяне и экономія, по взаимному соглашенію, пасутъ скотъ каждый на своихъ толокахъ и, наконецъ, въ 6 крестьяне не пользуются сервитутными выпасами. По свѣдѣніямъ кіевского присутствія къ 1894 г. изъ всей земли, находящейся въ не разверстанныхъ 994 имѣніяхъ числилось подъ толоками у крестьянъ по документамъ 320,739 дес., но въ дѣйствительности только 239,627, а въ остальныхъ 81,112 дес. въ 347 имѣніяхъ, т.-е. въ 25% общаго числа толочной земли и 35% не разверстанныхъ имѣній, *не* пользуются преимущественно вслѣдствіе произвольнаго лишенія ихъ помѣщиками, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ по общему соглашенію (?) съ помѣщиками и въ очень немногихъ по неимѣнію въ нихъ выгодъ.

Нельзя не пожалѣть, что нѣтъ однородныхъ данныхъ по другимъ губерніямъ, но и однихъ уже приведенныхъ только что достаточно для того, чтобы убѣдиться въ весьма крупныхъ размѣрахъ разсматриваемаго явленія уничтоженія сервитутныхъ правъ крестьянъ независимо отъ всякаго разверстанія и безъ всякаго вознагражденія. 25% общаго пространства всей толочной земли и 35% всѣхъ неразверстанныхъ имѣній—это такія крупныя цифры, надъ которыми стоить серьезно призадуматься!

Въ цитированномъ уже докладѣ Н. М. Астырева приведенъ цѣлый рядъ примѣровъ утраты сервитутовъ подѣ влияніемъ мѣръ, принятыхъ помѣщиками специально съ этою цѣлью и выразившихся въ прямыхъ запрещеніяхъ пасты скотъ на обремененныхъ сервитутами земляхъ и во взиманіи платы (и отработковъ) за осуществленіе этого права **).

По даннымъ за 1888 г. волынскаго крестьянскаго присутствія, въ губерніи котораго наиболѣе распространены лѣсные сервитуты, изъ числа не разверстанныхъ имѣній крестьяне 437 селеній не пользовались сервитутами, несмотря на документальное право. Кромѣ того, по 498 селеніямъ произошли между крестьянами и владѣльцами споры о земельномъ пользованіи и *значительная часть совершенно правыхъ исконъ была проиграна*

*) Почему—свѣдѣній не собрано.

**) Наличие такихъ фактовъ подтверждается и данными мировыхъ посредниковъ, указывающихъ факты стѣсненія крестьянъ въ сервитутномъ выпасѣ цѣлою системою штрафовъ, какъ за поправку, принятіемъ возможно большаго количества спора на выпасъ со стороны и т. п.

крестьянами вслѣдствіе незнанія ими законовъ и разныхъ формальностей производства». Только что приведенныя данныя по Волынской губ. относительно исчезновенія дѣсныхъ сервитутовъ въ связи съ приведенными выше свѣдѣніями по Киевской губ. относительно, главнымъ образомъ, толочнаго сервитута, если не дадутъ, къ сожалѣнію, полной цифры объема исчезнувшихъ сервитутовъ по краю къ настоящему времени, то во всякомъ случаѣ даютъ право сказать, что количество селеній, въ которыхъ исчезли сервитуты, измѣряется уже по меньшей мѣрѣ *сотнями* селеній по каждой губерніи!

При всей отрывочности и неполнотѣ имѣющихся данныхъ объ исчезновеніи сервитутовъ, ихъ, полагаемъ, достаточно все-таки для убѣжденія въ возможности сокращенія крестьянскаго скотоводства въ не разверстанныхъ, и, слѣдовательно, de jure обладающихъ сервитутами селеніяхъ, именно благодаря исчезновенію de facto. Явленіе этого сокращенія сервитутныхъ правъ такъ распространено, а сервитутныя земли (какъ было выяснено) такъ необходимы крестьянамъ при недостаткѣ собственныхъ выпасовъ, что подобное сокращеніе сервитутовъ не могло и не можетъ не повліять на уменьшеніе цифры крестьянскаго скота. Жаль только, что опять не имѣется цифровыхъ данныхъ, располагая которыми, можно было бы подтвердить точными сопоставленіями цифръ этотъ логическій выводъ изъ даннаго положенія дѣла, хотя по несомнѣнности своей, онъ не можетъ подлежать спору. Языкъ цифръ во всякомъ случаѣ слишкомъ выразителенъ, чтобы послѣ него оставались какія бы то ни было сомнѣнія; въ данномъ же случаѣ мы, къ сожалѣнію, нуждаемся въ цифровыхъ данныхъ для полнаго опредѣленія самаго объема даннаго явленія — сокращенія и даже полнаго исчезновенія правъ крестьянъ на разные виды сервитутовъ и для уясненія движенія этого явленія во времени (такъ сказать, быстроты исчезновенія сервитутовъ).

За неимѣніемъ необходимыхъ цифровыхъ данныхъ, въ виду крайней важности уясненія значенія изслѣдуемаго явленія, необходимо, по крайней мѣрѣ, обстоятельно разсмотрѣть ближайшія причины и условія, при которыхъ и благодаря которымъ оно происходитъ, такъ какъ ближайшее ознакомленіе съ ними, въ свою очередь должно послужить къ характеристикѣ степени его распространенности и уяснить вѣроятное будущее этого явленія.

Разсмотримъ сначала условія, при которыхъ осуществляется право крестьянъ на выпасъ по помѣщичьимъ толокамъ и при которыхъ возможны явленія фактическаго сокращенія крестьянскихъ правъ и уменьшенія количества скота у нихъ. Начнемъ съ періодовъ выпаса на толокахъ.

Періодъ выпаса на помѣщичьихъ паровыхъ поляхъ не одинаковъ съ таковымъ же на парахъ крестьянскихъ, вслѣдствіе того, что владѣльческіе пары большею частію вспахиваются раньше крестьянскихъ. Ранняя вспашка владѣльческихъ паровъ въ однихъ имѣніяхъ производится въ цѣляхъ лучшей, возможно своевременной, обработки земли, въ другихъ—въ

виду избытка земель, которое и побуждает заблаговременно начинать ихъ обработку, чтобы оканчивать безъ опозданія, и, въ-третьихъ, умышленно—съ дѣлю отбить крестьянъ отъ пастбы скота на владѣльческихъ парахъ. Результатомъ является то, что періодъ выпаса на помѣщичьихъ парахъ длится, смотря по мѣстности и смотря по имѣнію, отъ 0—2½ мѣс., тогда какъ на крестьянскихъ отъ 1½ до 3¼ мѣсяцевъ, и что запозданіе со взметомъ пара у крестьянъ отражается на урожаихъ хлѣба у нихъ. Значительная разница въ періодахъ выпаса по парамъ у крестьянъ и владѣльцевъ объясняется, съ другой стороны, тѣмъ, что, связанные ранней вспашкой владѣльческихъ паровъ, крестьяне вынуждены отсрочивать взметъ своего пара до послѣдней возможности, чтобы пасти свой скотъ хотя на однихъ своихъ парахъ. Но, по собраннымъ свѣдѣніямъ относительно нѣкоторыхъ мѣстностей, крестьяне въ большинствѣ случаевъ легче обходятся для выпаса скота *своими* стернями (пожнивьемъ), нужда же въ пользованіи сервитутными владѣльческими пастбищами наиболѣе сильна именно во время выпаса на парахъ и въ періодъ между окончаніемъ взмета пара и первой половиной жатвы. Во многихъ селеніяхъ этотъ промежутокъ времени, остающійся между концомъ пастбы по парамъ (вслѣдствіе взмета пара) и началомъ жатвы, когда, за невозможностью пастбы на парахъ чувствуется, въ ожиданіи выпаса по стернямъ, настойчивая надобность въ особыхъ выпасахъ, является прямо рѣшающимъ моментомъ въ смыслѣ вліянія на количество крестьянскаго скота, который за этотъ періодъ времени, при отсутствіи особыхъ выпасовъ приходится пасти по такъ называемымъ «бережкамъ» среди полей, по межамъ, дорогамъ и т. п. Наблюдается, что, вообще, многіе землевладѣльцы принимаютъ спеціальныя мѣры къ тому, чтобы, вопреки сервитутамъ, «прекратить для крестьянъ возможность пастбы скота на владѣльческихъ земляхъ».

По отзыву минскаго крестьянскаго присутствія, для избавленія отъ выпаса крестьянскаго скота на помѣщичьихъ толокахъ, во многихъ имѣніяхъ вывозка удобренія и поднятіе парового поля производятся *ранне*: послѣ уборки хлѣба поля сейчасъ же запахиваются, луга косятся также очень рано и оставляются *какъ будто бы* подъ второй укосъ, или, наоборотъ, косятся очень поздно, и хотя такимъ образомъ помѣщики лишаютъ себя и свой скотъ пастбища по сѣнокосамъ, но тѣмъ самымъ ограждаютъ его отъ смѣшиванія съ крестьянскимъ, а самые луга отъ вытаптыванія ихъ гуртами». Однородныя явленія наблюдаются въ Юго-Западномъ краѣ. Въ имѣніи В., Звенигородскаго уѣзда, Ольшанской волости пары пахутся съ ранней весны, тогда какъ въ остальныхъ частяхъ имѣнія гдѣ земли разверстаны съ крестьянами, они пахутся значительно позже, (послѣ весеннаго посѣва). Для ранней вспашки паровъ собираются всѣ плуги въ началѣ апрѣля со всѣхъ прочихъ окрестныхъ имѣній владѣльца и такимъ образомъ пары запахиваются здѣсь приблизительно одновременно съ приготовленіемъ земли къ яровому посѣву. вмѣстѣ съ тѣмъ послѣ уборки хлѣба подъ зиму начинаютъ пахать экономическія земли тотчасъ же, ничего

не оставляя не паханнымъ; вслѣдствіе этого значительно сокращается періодъ выпаски скота и по владѣльческимъ стернямъ. Тѣмъ не менѣе при всѣхъ этихъ условіяхъ помѣщичій скотъ пасется по крестьянскимъ стернямъ.

Ранняя вспашка паровъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, сравнительно съ крестьянами, составляетъ, вообще, вполне заурядное явленіе.

Несомнѣнно однако, что тѣмъ она ранѣе дѣлается, тѣмъ больше въ пастбищномъ отношеніи теряютъ крестьяне. Иногда при ранней вспашкѣ земли или при ея усиленномъ уваживаніи въ имѣніяхъ дѣло сводится къ тому, что не крестьяне (на земляхъ владѣльческихъ), а помѣщики фактически пользуются правомъ выпаса скота на земляхъ—*крестьянъ*, потому, что въ то время, какъ экономическія земли заняты подъ навозомъ, или подъ вспашкой, помѣщику, какъ и крестьянскому скоту (въ случаѣ отсутствія другихъ выпасовъ) только и остается пастись на позже обрабатываемой и менѣе уваживаемой *крестьянской* землѣ. Такъ, въ с. С. Пятковской волости, Житомирскаго уѣзда, хотя у крестьянъ и есть между прочимъ право выпаса на толокѣ, но помѣщики «ореть толоки очень рано», а потому крестьяне сами почти не пользуются ими. По поводу такихъ фактовъ Волынское крестьянское присутствіе замѣчаетъ, что въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ «экономія черезъ раннюю вспашку своихъ полей стѣсняетъ крестьянскій скотъ выпасомъ своего скота на крестьянскихъ толокахъ». Ухудшеніе пастбищныхъ условій для выпаса крестьянскаго скота происходитъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ еще и изъ-за того, что съ раннимъ взметомъ владѣльческихъ паровъ владѣльческій скотъ, въ виду такъ сказать общности правъ на толоку нѣкоторыми имѣніями, перегоняется для выпаса на крестьянскіе пары, гдѣ въ то же время долженъ пастись и крестьянскій скотъ.

(Относительно одного изъ имѣній Тетіевской волости извѣстно въ этомъ отношеніи, что помѣщичій скотъ ходитъ по крестьянскимъ парамъ и стернямъ, потому что у владѣльца слишкомъ много скота, сравнительно съ собственными выпасами, почему право выпаса на крестьянскихъ угодахъ приноситъ владѣльцу несомнѣнную пользу).

При тщательной обработкѣ земли въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ на паровыхъ поляхъ этихъ имѣній произрастаніе травъ значительно ухудшается, благодаря чему значеніе выпаса на помѣщичьей толокѣ все болѣе понижается. Съ распространеніемъ улучшенной обработки въ имѣніяхъ это явленіе получать, конечно, еще большее распространеніе.

То же слѣдуетъ сказать и о стерняхъ, такъ какъ отъ степени тщательности ухода за землею зависитъ также и проростаніе травъ на стерняхъ. Все болѣе распространяющаяся культура корнеплодовъ и отчасти свеклы вицы, результатомъ которой является чрезвычайно слабое проростаніе травъ на пашнѣ, ведетъ къ тому же въ концѣ концовъ [неизбѣжному и ходу—низведенію на нѣтъ значенія для крестьянъ толочныхъ выпасовъ] помѣщичьихъ поляхъ.

Вслѣдствіе большихъ посѣвовъ у помѣщиковъ во многихъ имѣніяхъ

обработка помѣщичьей озимой стерни подъ яръ начинается значительно раньше, чѣмъ у крестьянъ, вслѣдствіе чего сокращается періодъ пастбы крестьянскаго скота по владѣльческой озимой стернѣ (въ среднемъ всего 1 мѣсяць).

Въ экономіяхъ при большихъ посѣвахъ, чѣмъ у крестьянъ, жатва яровыхъ кончается позже крестьянской, вслѣдствіе чего сокращается и періодъ выпаса крестьянскаго скота по яровой владѣльческой стернѣ (въ среднемъ 2—3 $\frac{1}{2}$ мѣсяца).

Насколько извѣстно, введеніе многополья почти повсюду сопровождалось сокращеніемъ сервитутныхъ правъ крестьянъ на пастбу своего скота по помѣщичьимъ парамъ и стернямъ.

Стѣсненія для крестьянъ получались при этомъ часто, такъ сказать сами собою, т.-е. даже въ томъ случаѣ, когда многополье заводилось не съ цѣлью сократить пастбищные права крестьянъ. Съ другой стороны, были случаи, когда таковое устраивалось именно для этого. Съ введеніемъ многополья не только площадь ранѣе оставившихся паровъ уменьшалась въ нѣсколько разъ, что уменьшало выгоды крестьянъ обратно пропорціонально увеличенному числу смѣнъ, но и самое пользованіе этою толокою настолько для крестьянъ затруднялось, что сводилось нерѣдко до минимума или, еще чаще, уничтожалось совершенно.

Въ самомъ дѣлѣ, если введеніе многополья вполнѣ осуществимо въ не разверстанныхъ имѣніяхъ, обремененныхъ только лѣснымъ пастбищнымъ сервитутомъ (при отсутствіи сервитута толочнаго) безъ сокращенія правъ крестьянъ на данный сервитутъ, то введеніе многополья при наличности права толоки ни въ какомъ случаѣ не можетъ повидимому обойтись безъ сокращенія толочной площади. Прежде всего самое увеличеніе числа смѣнъ, уменьшая размѣръ каждой смѣны, тѣмъ самымъ уменьшаетъ площадь толоки; въ то же время толочная смѣна крестьянъ и помѣщика бываютъ смежны другъ съ другомъ не ежегодно (какъ при трехпольѣ), а одинъ разъ въ нѣсколько лѣтъ (смотря по числу смѣнъ); доступъ же крестьянскому скоту на несмежную помѣщичью толоку прекращается сдѣланными между нею и крестьянскою землею помѣщичьими посѣвами остальныхъ смѣянь. Наблюденіе показываетъ, что мѣстами крестьяне въ нѣкоторыхъ изъ такихъ имѣній пробуютъ еще пастись скотъ на помѣщичьей толокѣ, хотя бы и въ ея сокращенномъ видѣ, но въ большинствѣ признаютъ затѣмъ себя вынужденными окончательно прекратить пользованіе помѣщичьею толокою, по бесполезности или отсутствію возможности. Мѣстами, судя по нашимъ личнымъ наблюденіямъ, уничтоженіе толочнаго сервитута путемъ измѣненія сѣвооборота представляетъ уже весьма распространенное явленіе.

Если принять во вниманіе, что многополье все болѣе и болѣе завоевываетъ мѣсто, вообще, въ помѣщичьемъ хозяйствѣ, и что съ теченіемъ времени переходъ въ многополье съ культурою корнеплодовъ неизбѣжно ляжетъ получить у насъ почти повсемѣстное распространеніе, то однимъ

уже этимъ опредѣлится неизбежность повсемѣстнаго со временемъ уничтоженія или по крайней мѣрѣ крупнаго сокращенія толочнаго сервитута, независимо даже отъ прочихъ вышеперечисленныхъ причинъ, вліяющихъ въ томъ же направленіи и въ свою очередь способствующихъ и самому введенію многополья *).

На спеціальныя мѣры, употребляемыя съ цѣлью «отбить» крестьянъ отъ выпаса скота по сервитутнымъ выпасамъ, каковы: система штрафовъ, какъ за потравы, требованіе платы или отработковъ и т. п., указывалось уже выше. Факты этого рода встрѣчаются во всѣхъ вышеназванныхъ губерніяхъ. Временное увеличеніе помѣщичьяго скота (большою частью приеомомъ на выпасъ со стороны) и въ особенности—овецъ (практикуемое, напримѣръ, въ имѣніяхъ кн. С—о) является однимъ изъ наиболѣе результатныхъ и быстро дѣйствующихъ способовъ такого «отбиванія».

Есть затѣмъ экономія, систематически приучающія крестьянъ къ мысли объ отсутствіи у нихъ правъ на предоставленные сервитуты (наприм., гр. И—ва). Заключая съ ними письменныя условія объ арендѣ ими земель у экономіи, или о сдачѣ ихъ подъ исполную работу и т. п., они ежегодно помѣщаютъ въ письменныхъ условіяхъ какъ бы въ подтвержденіе крестьянскихъ правъ на сервитутъ, а въ сущности для того, чтобы постепенно приучить ихъ къ мысли о необходимости получать право на выпасъ путемъ заключенія ежегодныхъ условій—оговорку, что *въ ту же цѣну* крестьяне получаютъ и право выпаса своего скота на экономическихъ поляхъ! Въ имѣніяхъ гр. Г. въ Ст.-Константиновскомъ уѣздѣ владѣлецъ добился того, что крестьяне по особому съ нимъ соглашенію па-сутъ на сервитутномъ пару помѣщика однихъ только рабочихъ лошадей.

Кромѣ этихъ причинъ измѣненія фактическихъ правъ крестьянъ на сервитуты, пользованіе правомъ пастбы по парамъ и стернямъ затрудняется, а часто и совсѣмъ исчезаетъ вслѣдствіе переходовъ отдѣльныхъ имѣній въ нѣсколько рукъ, когда каждый новый владѣлецъ на отмежеванномъ ему кускѣ, нерѣдко обнесенномъ канавами, заводитъ самостоятельное, а иногда и многопольное хозяйство. Въ Трояновской волости, Житомирскаго уѣзда, предоставленными сервитутами крестьяне вездѣ пользуются, кромѣ деревни В., гдѣ за переходомъ имѣнія въ нѣсколько рукъ (въ томъ числѣ и къ двумъ крестьянскимъ товариществамъ) и вслѣдствіе измелчнанія участковъ, крестьяне выпасомъ перестали пользоваться. Въ с. Ж., Аннопольской волости, Острожскаго уѣзда, теперь 6 владѣльцевъ и земли ихъ крайне разбросаны, вслѣдствіе чего крестьяне почти не пользуются предоставленными имъ сервитутами. Въ имѣніяхъ же, приобрѣтен-

*) Таковы, какъ было указано, равняя вспашка паровъ, приѣмъ скота на выпасъ со стороны и т. п. мѣры, часто принимаемыя именно съ цѣлью облегчить введеніе многополья. Значительно облегчаетъ его введеніе и хорошо извѣстный большинству землевладѣльцевъ указъ сената по дѣлу М. Кодири съ гр. Ледоховскимъ, предоставляющій имъ право свободнаго распространенія своихъ сѣвооборотовъ.

ныхъ товариществами крестьянъ (безразлично, распределяютъ ли они купленную землю по дворамъ, или нѣтъ), сервитутъ обыкновенно самъ собою исчезаетъ, потому что количество скота у приобрѣвшихъ землю обыкновенно одинаково съ хозяевами, пользующимися сервитутомъ, а нерѣдко даже и больше, такъ что стороны большею частью соглашаются пользоваться выпасами только на своихъ земляхъ. Въ такомъ положеніи, по собраннымъ нами свѣдѣніямъ, оказалась, наприм., почти вся Курнинская волость, Новоградволинскаго уѣзда, гдѣ помѣщичьи земли (кромя имѣнія П.), большею частью, распроданы нѣмцамъ, крестьянамъ, однодворцамъ, и чрезполосица угодій новокупленныхъ участковъ стала настолько значительной, что сервитуты исчезли сами собой. Интересный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ одно изъ селеній Трояновской волости, Житомирскаго уѣзда, которому мѣстный землевладелецъ предлагалъ купить его землю на весьма выгодныхъ для нихъ условіяхъ, но крестьяне отказались въ надеждѣ на то, что со временемъ земля и такъ перейдетъ въ ихъ руки. Тогда эту землю купило стороннее крестьянское общество и мѣстные крестьяне, вслѣдствіе этого, совершенно лишились сервитутовъ, которыми пользовались при помѣщикахъ.

На помянутомъ сѣздѣ сельскихъ хозяевъ въ Кіевѣ тоже указано было (И. М. Рева) на наличность подобныхъ фактовъ уничтоженія сервитутовъ, «вслѣдствіе раздробленія имѣній благодаря семейнымъ раздѣламъ, частичнымъ продажамъ имѣній, продажѣ частей ихъ крестьянамъ, причемъ въ результатѣ получались сервитутныя отношенія между крестьянами, владеющими приобрѣтенною ими землей, и крестьянами владеющими единственно своими надѣлами. Подобныя отношенія имѣютъ мѣсто, наприм., въ с. О., Липовецкаго уѣзда, и отношенія между двумя сторонами крестьянъ весьма обострены».

Обращаясь затѣмъ къ вопросу о происходящемъ сокращеніи и уничтоженіи *лѣсныхъ* пастбищныхъ сервитутовъ, мы видимъ, что и они претерпѣваютъ значительныя измѣненія во времени. Доказательствомъ тому служатъ прежде всего цифры приведенныя выше по Волинской губерніи, измѣряющія эти измѣненія цѣлыми сотнями селеній. Какимъ же образомъ происходятъ эти измѣненія, о томъ можно судить по нижеслѣдующимъ примѣрамъ.

По собраннымъ нами свѣдѣніямъ въ Рожницкой волости, Луцкаго уѣзда, въ с. Т. крестьяне имѣли право выпаса на 594 д. лѣса; но, благодаря тому, что на половинѣ этой земли владельцемъ были поселены иностранные колонисты, крестьяне потеряли $\frac{1}{2}$ выпаса. Факты потери крестьянами лѣсныхъ сервитутныхъ выпасовъ съ поселеніемъ колонистовъ имѣются и въ нѣкоторыхъ другихъ селеніяхъ этой же волости. Въ имѣніи Р. Новоградвол. у., Рогачевской вол. (изъ нѣсколькихъ селеній) право пастбы крестьянами скота въ помѣщичьихъ лѣсахъ и по лѣснымъ зарослямъ тоже значительно сократилось вслѣдствіе сдачи многихъ «нѣмцамъ» (коло-

нистамъ) «по мелочамъ» въ аренду *). Въ Тростянецкой и Щуринской вол., Луцкаго уѣзда, нѣкоторые землевладѣльцы поступили такъ: вырубивъ лѣсъ, въ которомъ предоставлено крестьянамъ право выпаса, они посадили тамъ иностранныхъ колонистовъ, которые землю раскорчевали и распахали, такъ что крестьянскія права на выпасъ по лѣсу остались только на бумагѣ. Крестьяне увѣрены, что землевладѣльцы преслѣдовали въ этомъ случаѣ исключительную цѣль освобожденія отъ сервитута. Справедливость требуетъ сказать однако, что это далеко не всегда такъ, потому что въ большинствѣ подобныхъ случаевъ, судя по собраннымъ свѣдѣнiямъ, главная цѣль владѣльцевъ такихъ полѣскихъ имѣнiй преимущественно заключалась въ осуществленiи желанiя выгодно сдать малодоходныя имѣнiя въ аренду, освобожденiе же отъ сервитута оказалось уже естественнымъ и неизбѣжнымъ слѣдствiемъ этого.

Вообще, всякое сокращенiе обремененной пастбищнымъ сервитутомъ лѣсной площади путемъ рубки лѣса и обращенiя подлѣсной земли въ то или иное культурное угодье ведетъ къ фактическому сокращенiю сервитутныхъ правъ крестьянъ, а такiя сокращенiя производятся свободно, безъ всякаго стѣсненiя, причемъ крестьяне часто даже не пробуютъ отстаивать своихъ правъ, полагая, что помѣщики дѣйствуютъ въ своемъ правѣ.

По свѣдѣнiямъ волинскаго присутствiя «случаи стѣсненiя крестьянъ въ пользованiи сервитутами, вслѣдствiе устройства на такихъ мѣстахъ колонiй, раскорчевки и обращенiя владѣльцами въ пахать и другихъ спосовъ»... «не рѣдки», причемъ сокращенiе и исчезновенiе лѣсныхъ сервитутовъ объясняется присутствiемъ «въ большинствѣ продажею помѣщиками отведенныхъ подъ пастбу земель чехамъ и колонистамъ или энергическимъ воспрещенiемъ со стороны владѣльцевъ доступа крестьянскому скоту въ помѣщичiй лѣсъ».

И скажемъ больше: чѣмъ дальше идетъ заселенiе края, въ особенности замѣчаемое нынѣ въ полѣскихъ его частяхъ, чѣмъ больше увеличивается (идушее гигантскими шагами впередъ несмотря на спеціальныя ограничительныя законы) сокращенiе лѣсныхъ площадей и чѣмъ на большiя площади распространяется земледѣческая культура (занимая мѣста недавно еще бывшiя подлѣсами), тѣмъ больше будутъ исчезать лѣсные сервитуты, исчезать безслѣдно и невозбранно и конецъ тому будетъ, можно думать... лишь съ окончательнымъ исчезновенiемъ пастбищныхъ лѣсныхъ сервитутовъ.

При всѣхъ такихъ условiяхъ, благоприятствующихъ исчезновенiю сервитутовъ, можно, казалось бы, только удивляться усиленнымъ настоянiямъ помѣщиковъ о скорѣйшемъ ихъ уничтоженiи. Удивленiе это должно быт

*) Интересно, что право выпаса по толокамъ въ томъ же имѣнiи сократило вслѣдствiе сдачи остальной его части арендаторамъ и нахожденiя ея подлѣ чиншевками, такъ какъ тѣ и другiе пасутъ свой сравнительно многочисленный скотъ въ тѣхъ же паркахъ и стернахъ.

конечно, тѣмъ сильнѣе, что указанія ихъ на вредъ сервитутовъ хозяйству, какъ оказывается, подлежатъ большому сомнѣнiю. Можно думать, что требованія эти о необходимости принудительнаго уничтоженія сервитутовъ вызваны въ большинствѣ, съ одной стороны, желанiемъ болѣе скорого освобожденiя отъ неприятныхъ сервитутныхъ стѣсненiй (и скорѣйшаго полученiя выгодъ отъ сдачи выпасовъ), съ другой—надеждою избавиться путемъ введенiя обязательнаго уничтоженiя сервитутовъ отъ неизбежныхъ при самовольномъ ихъ уничтоженiи столкновенiй съ крестьянами, со злобы прибѣгающими иногда къ красному пѣтуху, или заводящими судебные процессы, на веденiе коихъ нужны и деньги, и хлопоты. Можно думать также, что при этомъ рассчитываютъ на даровое освобожденiе отъ сервитутовъ,—не даромъ же многіе помѣщики открыто стремятся доказать, что тѣ или другіе виды пастбищныхъ сервитутовъ, будучи крайне вредны для помѣщичьяго хозяйства, не приносятъ пользы крестьянамъ.

Личковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Железнодорожные экскурсии по горамъ.

Давно ли, кажется, было время, когда прогулки въ горахъ были предпочтительно пѣшеходными? Много-много, если туристъ или руководитель какой-нибудь ученой миссиі запасался нѣсколькими мулами для перевозки тяжестей, какъ теперь дѣлаютъ въ Тибетѣ, гдѣ, впрочемъ, муловъ замѣняютъ яки. Лошадь еще годилась подъ всадника, да и то не вездѣ; а кладъ почти исключительно переносилась мулами. И три версты въ часъ бывали идеаломъ скорости для подобныхъ путешествій, да и то по хорошо набитымъ тропинкамъ и не при очень крутыхъ горахъ. А теперь устройство скороходящихъ железнодорожныхъ поѣздовъ въ горахъ—дѣло обыкновенное. И не только по туннелямъ, гдѣ полотно дороги болѣе или менѣе горизонтально, а и по поверхности горъ, иногда сильно покатой, такъ что локомотивы не катятся по рельсамъ, а лазаютъ, хватаясь за зубцы, или вытягиваясь на верхъ желѣзными канатами, помощью особой машины. Строители подобныхъ желѣзныхъ дорогъ, притомъ, нерѣдко убѣждены, что пора подобныхъ механическихъ перемѣщеній людей и тяжестей черезъ горы близка уже къ намъ, даже, что она началась, и не для одного удовольствія туристовъ, гоняющихся за красивыми видами, а и для дѣловыхъ поѣздовъ торговаго люда. Они охотно вспоминаютъ, что нѣтъ еще семидесяти лѣтъ, какъ желѣзныя дороги введены вообще, и притомъ сначала въ равнинахъ, что собственно горныя дороги начали строиться лишь въ послѣдніе тридцать лѣтъ и что ихъ усовершенствованіе идетъ очень быстро, давая основаніе для самыхъ широкихъ надеждъ. Въ самомъ дѣлѣ, вспомнимъ, что первыя паровозныя дороги въ Европѣ были введены въ 1829—39 годахъ, что имъ не довѣряли лучшіе государственные люди этого времени—Тьеръ, Канкринъ и др. Во Франціи первыя рельсы были проложены отъ Парижа до Сень-Жермена (20 в.), у насъ отъ Петербурга до Царскаго Села (23 в.), въ обоихъ случаяхъ для забавы публики, ѣздившей на разные загородныя гулянья. То же совершается теперь съ альпійскими «лазьящими» дорогами, изъ которыхъ первая, на Риги, открыта всего 39 лѣтъ назадъ, имѣетъ около 10 верстъ въ длину, а къверху поднимается, отъ Фонау до Риги-Бульма, на 1,363 метра, т.-е. около версты съ третью. С

ная крутизна пути выражается отношеніемъ высоты къ длинѣ и равна, приблизительно— $\frac{1}{6}$ -й.

Сооруженіе желѣзной дороги на Риги, въ одномъ изъ средоточій альпійскихъ прогудокъ, и развитый имъ у публики вкусъ къ подобнымъ прогудкамъ быстро подвинули дѣло сооруженія другихъ горныхъ дорогъ, нерѣдко съ гораздо большею крутизною склона. Одной изъ самыхъ любимыхъ туристами въ Европѣ «лазящихъ» дорогъ сдѣлалась съ 1886 года пилатская, тоже невдалекѣ отъ Люцерна, но съ другой его стороны. Ея постройка представляла своего рода поэму, которая правилась самимъ рабочимъ, взбравшимся на большія и крутыя высоты вдоль почти отвѣсныхъ косогоровъ. Крутизна подъема вдоль самой линіи кремальернаго, т.-е. зубчатого, пути мѣстами доходить до 48° , такъ что человекъ, не поддержанный механизмомъ поѣзда, не могъ бы стоять на пути, а упалъ бы внизъ. Вся дорога имѣетъ длины не болѣе $4\frac{1}{2}$ версты, а подъемъ по ней вверхъ равенъ 1,630 метрамъ, т.-е. болѣе чѣмъ $1\frac{1}{2}$ версты. Двигатель—какъ и на Риги—паровозъ, прикрѣпляемый сзади небольшого поѣзда, изъ двухъ вагоновъ, въ который садятся въ Альпнахъ, чтобы достигнуть вершины горы Пилата въ 45 минутъ. Вся почти дорога есть гребень каменной стѣны въ 3—4 метра шириною. Мѣстами въ этой стѣнѣ продѣланы отверстія со сводами, для свободнаго стока встрѣчныхъ горныхъ потоковъ. На обѣихъ названныхъ сейчасъ дорогахъ имѣются въ поѣздахъ приспособленія, чтобы сидѣнья пассажировъ въ вагонахъ были по возможности горизонтальны на всемъ протяженіи пути, несмотря на измѣненіе въ крутизнѣ ската. На пилатской линіи есть два туннеля, на обѣихъ—желѣзные мосты чрезъ овраги или русла горныхъ потоковъ. Желѣзная дорога на Риги имѣетъ развѣтвленія къ нѣкоторымъ красивымъ пунктамъ самой горы (Блюстерли, Шейдекъ); на Пилатѣ рельсовый путь доведенъ до вершины Эзелъ, т.-е. до высоты 2,133 метра, что на 333 метра выше Риги-Кульма; но онъ не имѣетъ развѣтвленій. Одна изъ вѣтвей на Риги спускается по сѣверовосточному склону горы до Гольдау, станціи сень-готардской желѣзной дороги, и такимъ образомъ дѣлаетъ гору доступною путешественникамъ съ обѣихъ сторонъ массива. Впрочемъ, къ Пилату тоже можно подъѣхать со стороны не одного Люцерна, а и Мейренангена, ибо желѣзная дорога оттуда проходитъ у подножья Пилата, въ Альпнахъ, только отсюда подъемъ будетъ прежній.

Въ окрестностяхъ Люцерна встрѣчаются, въ послѣдніе годы, сверхъ паровыхъ горныхъ желѣзныхъ дорогъ, и электрическія. Такова линія изъ Станса на Стансгорнъ, въ $3\frac{1}{2}$ версты длиною, таковъ подъемъ съ берега Фирвальдштетскаго озера на Бюрсенштокъ, къ мѣстной гостиницѣ; послѣдній, имѣющій покатость въ 60° , зимою, однако, не эксплуатируется. Если взять въ расчетъ всю Швейцарію, то въ ней найдется много крутыхъ подъемныхъ рельсовыхъ путей, какъ у Гисбака, на Бриенцкомъ озерѣ, у Монтрѣ-Гліона, на Женевскомъ и проч. Они совершаютъ подъемъ вагоновъ цѣпнымъ канатомъ и мѣстною паровою машиною, безъ употребленія системы зубчатыхъ рельсовъ,—расстоянія не велики.

Соединенные Штаты Сѣверной Америки, если не всегда въ дѣлѣ механики обгоняющіе Европу (какъ было, наприм., съ пароходами), то быстро перенимающіе всё европейскія техническія изобрѣтенія и усовершенствованія, рано усвоили систему подъемныхъ рельсовыхъ путей въ горахъ, да еще развили ее въ широкихъ размѣрахъ. Одной изъ извѣстнѣйшихъ сѣвероамериканскихъ «лазящихъ» дорогъ служить ведущая изъ города Маниту на вершину Пайксъ-пика, въ Скалистыхъ горахъ. Маниту лежитъ уже на высотѣ 6,324 фут. надъ моремъ, подъемъ же на вершину Пайксъ-пика приводитъ путешественника на уровень слишкомъ вдвое высшій, именно на 13,800 фут.; стало-быть дорога переносить ѣдущаго по ней на 7,500 футовъ, т.-е. верхняя станція лежитъ выше нижней слишкомъ на двѣ версты, а длина рельсоваго пути равна $13\frac{1}{2}$ верстамъ (46,158 фут.), что далеко оставляетъ за собою европейскія «лазящія» дороги одновременнаго происхожденія. И крутизна, даже въ среднемъ выводѣ (1:6), довольно значительна; а мѣстами она достигаетъ 1 : 4, что прямо оправдываетъ эпитетъ «лазящій». Ради прочности такого смѣлаго сооруженія, швейцарскій инженеръ Аптъ, строитель дороги, употребилъ систему двойныхъ зубчатыхъ внутреннихъ рельсовъ изъ крѣпкой стали, да и колеса локомотива и вагоновъ направляются по парѣ же рельсовъ внѣшнихъ, почему дорога и широка, и солидна. На половинѣ дороги есть станція, которая такъ и называется *Полъ-пути* (Half way house), и на ней локомотивъ обновляетъ свои запасы воды и угля. Многие изъ путешественниковъ останавливаются тутъ на отдыхъ до слѣдующаго поѣзда, другіе проводятъ здѣсь по нѣсколькимъ днямъ. Верхняя часть дороги проходитъ по такъ называемому «Саду боговъ», состоящему изъ отвѣсныхъ скалъ, разсѣянныхъ на значительномъ протяженіи и на разныхъ уровняхъ. На самомъ верху нѣтъ растительности, а только голыя скалы, часто покрытыя снѣгомъ. Вершина горы Пайксъ-пика была тринадцать лѣтъ сряду занята обсерваторією, которая потомъ обращена въ буфетъ. Для гостиницы тутъ слишкомъ холодно.

Не одни Соединенные Штаты дали въ Новомъ Свѣтѣ образецъ смѣлой постройки рельсоваго пути въ горахъ: такіе пути имѣются и въ южноамериканскихъ горахъ, именно въ чилійскихъ Андахъ, гдѣ постройка вызвана существованіемъ на большихъ высотахъ, около Юнина, селитряныхъ копей. Другая южноамериканская горная дорога лежитъ у самаго Ріо-Жанейро и ведетъ изъ этого города на гору Корковадо, отчасти напоминающую альпійскій Монъ-Сервентъ. Когда путешественникъ прибываетъ въ ріо-жанейроскій портъ, ему показываютъ очень острую горную пирамиду и говорятъ, что туда можно съѣздить по желѣзной дорогѣ. Онъ не вѣритъ, но потомъ личнымъ опытомъ узнаетъ, что это правда. Дѣло въ томъ, что изъ порта Ріо-Жанейро массивъ Корковадо виденъ лишь въ профиль, а дорога идетъ по длинному косогору сбоку. Но самая знаменитая изъ американскихъ лазящихъ дорогъ лежитъ все-таки на сѣверѣ отъ экватора, въ Калифорніи: это подъемъ на гору Эхо. Онъ имѣетъ мѣстами скаты въ 62° , и поѣздъ движется по канату изъ стали столь прочному, что онъ могъ бы

выдерживать тяжесть въ 100 тоннъ, тогда какъ обыкновенная тяжесть поезда 5 тоннъ. Двигателемъ тутъ служить не паръ, а электричество. Гора Эхо имѣетъ 1,000 метровъ высоты, и виды съ ея вершины, достигающіе Тихаго океана, по общему отзыву, очаровательны, особенно при восходѣ и закатѣ солнца. На горѣ, близъ вершины, разумѣется, есть гостиница, и посѣтителей всегда много.

Изъ Америки переходя въ другія части свѣта, замѣтимъ, что ни въ Австраліи, ни въ Африкѣ нѣтъ лазящихъ желѣзныхъ дорогъ: хотя Алжирія, Кэплэндъ и Новый Южный Уэльсъ могли бы дать не мало случаевъ людямъ предприимчивымъ заняться такимъ интереснымъ сооруженіемъ. Пожелаемъ, что будетъ на Новой Зеландіи, гдѣ есть и предприимчивый парламентъ, и снѣговія горы. Въ Азіи уже извѣстны двѣ горныя дороги: у Гонъ-Конга и у Дарджилинга. Первая ведетъ на гору довольно крутую, но имѣющую менѣе 600 метровъ высоты. Вторая замѣчательно болѣе длиною пути (90 верстъ), чѣмъ крутизною; но зато она приводитъ въ мѣста сосѣднія горамъ Эвересту, Качинджингъ и др., самымъ высокимъ изъ Гималайскихъ. Весьма возможно устройство нѣсколькихъ горныхъ дорогъ въ Японіи, гдѣ о нихъ теперь идетъ рѣчь и гдѣ, напримѣръ, по склонамъ конусообразной горы Фудзи можетъ быть устроена оригинальная дорога по спирали, съ видами съ разныхъ высотъ на одни и тѣ же предметы, и съ одной и той же высоты на разные предметы. Не трудно будетъ построить и небольшую подъемную дорогу на гору, командующую городомъ Нагасаки, куда нынѣ ходятъ пѣшкомъ, чтобы любоваться видами нѣсколькихъ бухтъ. Что же касается до сѣверной и средней Азіи, то неудобства мѣстнаго климата и сопряженная съ ними малонаселенность страны дѣлаютъ мало вѣроятнымъ сооруженіе путей, прежде всего нуждающихся именно въ густомъ придорожномъ населеніи и притомъ довольно зажиточномъ. Ни въ Сибири, ни въ Монголіи и Джунгаріи, ни въ Туркестанѣ и Тибетѣ этого условія нѣтъ и безъ особыхъ геологическихъ переворотовъ не будетъ. Другое дѣло—Передняя Азія, т.-е. Турція, Кавказъ, Персія, Афганистанъ: тутъ съ теченіемъ времени горныя дороги будутъ и не для одной забавы, а и для торговыхъ или военныхъ цѣлей; но для этого необходимо, чтобы европейское образованіе туземцевъ сдѣлало серьезные успѣхи или, чтобы, по меньшей мѣрѣ, передовые люди, правительственный классъ, имѣли вкусъ къ смѣлымъ дорожнымъ сооруженіямъ, понимали ихъ возможность и цѣль.

Изъ Америки и Азіи возвращаясь въ Европу, остановимся теперь на самыхъ послѣднихъ нововведеніяхъ и усовершенствованіяхъ по устройству собственно горныхъ дорогъ, оставляя въ сторонѣ пути хотя и по гористымъ странамъ, но сооруженные для движенія по нимъ обыкновенныхъ локомотивовъ, съ обыкновенными вагонами и горизонтальною тягою. Это, конечно, лишитъ насъ возможности говорить, напримѣръ, о сень-готардской дорогѣ и ея знаменитыхъ изворотахъ, въ видѣ петель, *внутри* земли, да еще на разныхъ уровняхъ; но сень-готардская дорога все же въ общемъ горизон-

тальная, а не лаящая. Вверхъ она если гдѣ и поднимается, то очень постепенно и безъ зубчатыхъ рельсовъ. Наиболѣе многочисленныя лаящія дороги попрежнему строятся въ Альпахъ, швейцарскихъ, австрійскихъ, французскихъ, итальянскихъ, иногда въ Шотландіи, въ Италіи. Назовемъ сначала короткія и очень крутыя линіи: 1) Везувійская, подъ вершиною вулкана; 2) Тюрбійская, между Тюрби и Монако; 3) Лозанна-Уши; 4) Рейхенгалльская, въ Тиролѣ; 5) Бенъ-невинская на горѣ этого имени и, можетъ быть, еще нѣсколько мелкихъ подъемовъ, вновь сооружаемыхъ. Но въ Европѣ есть теперь двѣ крупныя системы лаящихъ дорогъ, обѣ въ Швейцаріи одна берно-оберландская, другая церлатская. Последняя уже въ прошломъ 1898 году была доведена почти до конца и привлекала огромное число туристовъ. Она имѣетъ болѣе 30 верстъ длины и сначала идетъ непосредственно около быстрой горной рѣчки, Виспа, иногда прикрывая ее висячимъ желѣзнымъ полотномъ дороги, потомъ поднимается на кругую гору и достигаетъ у Горнерграта до 3.136 метровъ надъ уровнемъ моря и 2.479 метровъ надъ Роною у впаденія въ нее Виспа. Видъ у Горнерграта на Монъ-Розу и Монъ-Сервентъ, съ разстилающимся между ними ледникомъ,—не поддается описанію и оставляетъ въ памяти неизгладимое впечатлѣніе. Когда будетъ окончена вѣтвь на Монъ-Сервентъ, тогда это впечатлѣніе будетъ еще поразительнѣй... Берно-оберландская желѣзно-дорожная сѣтъ есть также нѣчто несравненно-прекрасное, по величію и разнообразію пейзажей, съ нею открывающихся. Она начинается у Интерладена, идетъ сначала на югъ, по плоской дельтѣ рѣки Лучины, и потомъ, съ началомъ ущелья послѣдней, за Готейгомъ, начинаетъ вѣтвиться, а вѣтви и подниматься на горы, какъ настоящая лаящая дорога. Первая вѣтвь, на востокъ, поднимается близъ Готейга и большими извилинами ведетъ на Даубъ и къ Шиниге-Платту, гдѣ туристы охотно останавливаются въ мѣстной гостиницѣ ради превосходнаго вида, тутъ открывающагося. Хотя сама по себѣ высота тутъ не особенно велика, менѣе 2.000 метровъ, но сосѣднія большія горы: Вельгорнь, Веттергорнь, Берлигстонъ видны съ отчетливостью, видна даже вершина Финстерааргорна, остраго пика, командующаго надъ всѣмъ Оберландомъ (4.275 м.). Вторая вѣтвь желѣзной дороги отдѣляется на востокъ же, у слиянія Черной Лучины съ Бѣлою, и ведетъ въ Грендельвальдъ, къ подножію знаменитыхъ ледниковъ, нисходящихъ съ Шрекгорна и носящихъ простыя названія верхняго и нижняго. Тутъ одна изъ красивѣйшихъ частей Оберланда, и въ деревнѣ Гидисдорфъ есть цѣлый рядъ пристанищъ для туристовъ. Третья вѣтвь большой оберландской желѣзной дороги идетъ прямо къ югу, по берегу Бѣлой Лучины, и у Лаутербрунена круто поднимается направо въ гору, чтобы потомъ снова принять южное направленіе и окончиться въ громко-извѣстной деревнѣ, Мюрренъ Тунъ, съ разстоянія какихъ-нибудь шести верстъ, но за рѣкою, видны вершины Юнгфрау, Мюнха и Эйгера, трехъ братьевъ Оберланда, открывающихся еще изъ Туна (за 35 в.), а въ трубу, и изъерна (60 в.). У Лаутербрунена, вблизи громко извѣстнаго каскада Штауббаха, оберланд-

ская дорога переходить на правый берегъ Лучицы и зигзагами направляется къ Венгернъ - альпу и Ротштоку. За послѣднимъ слѣдуетъ десятиверстный коридоръ или, мѣстами, туннель, ведущій на вершину Юнгфрау, черезъ Эйгеръ и Мюнхъ. Здѣсь вѣнецъ горной экскурси, на высотѣ 4.166 метровъ; но въ текущемъ году такъ высоко еще не поднимаются по рельсамъ. Кто не хочетъ пѣшеходныхъ странствованій по скаламъ и снѣгамъ, тотъ отъ Венгернъ-альпа повернетъ къ сѣверовостоку, на Гринденвальдъ, и вернется въ Интерлакенъ чрезъ Цвей-Луципонтъ. Вся прогулка, впередъ и обратно, будетъ верстъ 70 или 80.

Рейхенгальская дорога въ Тиролѣ, ведущая на вершину горы Гохштауфенъ, совершенно не походитъ на швейцарскія и имѣетъ совсѣмъ особый механизмъ движенія поѣзда. Рельсовъ на этой дорогѣ всего одинъ, и вагонъ *стускаетя* по нему силою тяжести воды, налитой въ резервуаръ; а чтобы вагонъ не опрокинулся направо или налево, его поддерживаетъ въ вертикальномъ положеніи аэростатъ, прикрѣпленный проволочнымъ канатомъ и наполненный водородомъ. Когда нужно бываетъ *подниматься*, воду изъ вагона выпускають, и онъ становится достаточно легкимъ, чтобы аэростатъ поднималъ его вверхъ, а прикрѣпленіе къ рельсу, при посредствѣ катящагося вдоль его колеса, заставляло двигаться вдоль дороги. Вагонъ безъ воды, но съ клажей и проѣзжими, вѣситъ всего 6.000 фунтовъ, а подъемная сила аэростата 11.000 фунтовъ. При спускѣ, чтобы одолевать ее и удерживать вагонъ на рельсѣ, нужно бываетъ напускать столько воды, чтобы тяжесть прибора достигала 12—13.000 фунтовъ.

На другихъ новѣйшихъ горныхъ дорогахъ употребляютъ для противовѣса одному вагону другой, связанный съ нимъ стальнымъ канатомъ, на блокѣ. Болѣе тяжелый вагонъ спускается, болѣе легкій поднимается, причемъ для приведенія въ движеніе всего механизма употребляютъ стоящую внизу или наверху небольшую паровую машину. Это особенно пригодно для извлеченія металлическихъ рудъ изъ глубокихъ рудниковъ, причемъ тяжестью поднятой на верхъ руды пользуются, чтобы весь запасъ ея отправить по покатуому рельсовому пути на заводъ, для выработки металла. Подобное приспособленіе сдѣлано на горѣ Лайель, въ Тасманіи, гдѣ изъ кварцевой породы добываютъ содержащееся въ ней золото, перевозимое за цѣлыя 45 верстъ, сначала вверхъ, до поверхности земли, потомъ внизъ съ горы въ долину, гдѣ лежатъ заводъ.

Какія изъ описанныхъ здѣсь системъ горныхъ дорогъ наиболѣе приложимы на практикѣ къ русскимъ горамъ? — это вопросъ, разрѣшимый лишь въ каждомъ частномъ случаѣ, мѣстными дѣятелями. Вѣроятно, годятся онѣ *всѣ*, но каждая на *своемъ мѣстѣ*. Что хорошо, чтобы связать Ялту съ Симферополемъ, можетъ негодиться на линіи Владикавказъ, Мухеть, и обратно.

М. Венюковъ.

Земскій вопросъ въ неземскихъ губерніяхъ.

I.

Въ настоящее время, какъ извѣстно, правительствомъ поставленъ на очередь весьма важный вопросъ о распространеніи земскаго самоуправленія на цѣлый рядъ губерній, которыя до сихъ поръ въ этомъ отношеніи сохранили старый дореформенный строй. Въ составъ ихъ входятъ, съ одной стороны, группа западныхъ и юго-западныхъ губерній—Виленская, Ковенская, Гродненская, Минская, Могилевская, Витебская, Кіевская, Волынская и Подольская, а съ другой—три юго-восточныя—Оренбургская, Астраханская и Ставропольская. Въ губерніяхъ первой группы земскія учрежденія не вводились по причинамъ характера политическаго, выразившимся въ значительномъ числѣ здѣсь лицъ, не принадлежащихъ къ господствующему вѣроисповѣданію и народу, какъ въ общемъ составѣ населенія, такъ и въ особенности въ средѣ представителей крупнаго помѣщичьяго землевладѣнія. Для второй группы такими причинами служили условія, такъ сказать, культурнаго свойства въ видѣ крайне слабой заселенности нѣкоторыхъ районовъ, преобладанія въ нѣкоторыхъ изъ нихъ инородческаго населенія, находящагося на очень низкомъ уровнѣ умственнаго развитія, и весьма незначительнаго распространенія въ этихъ губерніяхъ помѣщичьяго землевладѣнія.

Прежде чѣмъ говорить о значеніи указанныхъ условій съ данной точки зрѣнія, мы считаемъ необходимымъ остановиться на нѣкоторыхъ данныхъ, характеризующихъ положеніе дѣла удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ въ земскихъ и неземскихъ губерніяхъ. Въ этомъ отношеніи особенно важное значеніе имѣетъ провѣрка весьма распространеннаго мнѣнія, что земское самоуправленіе, независимо отъ достигаемыхъ имъ результатовъ, обходится населенію чересчуръ дорого и чуть ли даже не служитъ виновникомъ наблюдающагося теперь «оскудѣнія центра», о чемъ такъ много говорятъ. Общественныя при этомъ имѣютъ самый серьезный видъ крыловскаго волка, представляющаго извѣстное обвиненіе къ ягненку. За время существованія этихъ учреждений сумма налоговъ, уплачиваемыхъ населеніемъ въ пользу государственнаго бюджета, увеличилась приблизительно на 500 мил. р.; тогда какъ общій бюджетъ земствъ и теперь не превышаетъ 50 мил. р.

При такомъ отношеніи о какомъ-либо замѣтномъ вліяніи земскихъ налоговъ на благосостояніе населенія не можетъ быть и рѣчи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ значительной мѣрѣ основано на неправильныхъ исчисленіяхъ и самое представленіе о гораздо болѣе льготномъ положеніи населенія неземскихъ губерній сравнительно съ земскими въ отношеніи расходовъ на мѣстное благоустройство. Это представленіе подкрѣпляется обыкновенно сравненіемъ земскихъ бюджетовъ въ обѣихъ группахъ губерній, которые на самомъ дѣлѣ являются величинами несоизмѣримыми. Дѣйствительно, мы видимъ, что для большинства земскихъ губерній средній размѣръ земскаго бюджета составлялъ въ 1894 г. 1.482 т. р., тогда какъ для неземскихъ онъ достигалъ лишь 762 т. р. Такимъ образомъ, въ первомъ случаѣ расходы населенія на нужды мѣстнаго благоустройства какъ бы почти вдвое выше, чѣмъ во второмъ. При этомъ, однако, надо принять во вниманіе, что въ земскихъ губерніяхъ подобные расходы почти и ограничиваются уплатой земскихъ сборовъ, тогда какъ въ неземскихъ губерніяхъ значительная часть ихъ составляетъ предметъ разныхъ специальныхъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей, лежащихъ на всемъ населеніи или на отдѣльныхъ его группахъ. Въ числу послѣднихъ принадлежатъ мірскіе сборы крестьянскихъ обществъ и натуральныя повинности, лежащія на всемъ населеніи и преимущественно на тѣхъ же крестьянахъ, специальные сборы обществъ мѣщанскихъ, еврейскихъ и т. п. Другими словами, въ неземскихъ губерніяхъ болѣе или менѣе значительная часть расходовъ на мѣстныя нужды отнесена не на общій земскій бюджетъ, а на счетъ отдѣльныхъ группъ населенія, которыя облагаютъ себя, или облагаются для этого различными специальными сословными сборами и натуральными повинностями. Такъ, напримѣръ, дороги чинятся здѣсь на счетъ натуральныхъ повинностей крестьянъ и помѣщиковъ, изъ которыхъ первые доставляютъ матеріалъ, а вторые рабочихъ, между тѣмъ въ большинствѣ земскихъ губерній содержаніе дорогъ общаго пользованія отнесено на средства общаго бюджета. То же нужно сказать о подводной, почтовой, этапной и разныхъ другихъ повинностяхъ, которыя въ неземскихъ губерніяхъ составляютъ предметъ натуральныхъ повинностей и лежатъ главнымъ образомъ на крестьянахъ. Наконецъ, земскіе бюджеты въ этихъ губерніяхъ принимаютъ самое ничтожное участіе въ содержаніи первоначальныхъ школъ и медицинскаго персонала, источникомъ для чего являются исключительно специальные сборы, которыми облагаются крестьянскія и другія общества. Если мы возьмемъ, напримѣръ, два учебныхъ округа—Московскій (съ земствами) и Виленскій (безъ земствъ), то увидимъ, что въ первомъ на содержаніе сельскихъ школъ расходуется 1.300 т. р., изъ которыхъ на крестьянскія общества приходится 25 проц., въ Виленскомъ же округѣ крестьянскія общества участвуютъ въ такомъ расходѣ въ размѣрѣ 60 проц. Далѣе, въ Кіевскомъ учебномъ округѣ для земскихъ Полтавской и Черниговской губерній доля участія крестьянскихъ обществъ въ содержаніи сельскихъ школъ составляетъ 17 и 25 проц., тогда какъ въ неземскихъ губер-

няхъ она выражается для Волынской губ.—50 проц., Виленской—55 проц. и Киевской—70 проц. *)).

Сколько-нибудь точно исчислить тѣ спеціальныя расходы населенія, которыми дополняется въ неземскихъ губерніяхъ земскій бюджетъ, нѣтъ никакой возможности. По исчисленію министерства внутреннихъ дѣлъ, они составляютъ для каждой неземской губерніи приблизительно 536 т. р. Послѣ присоединенія этой суммы къ формальному земскому бюджету окажется, что онъ увеличится до 1.256 т. р. Въ результатѣ же разниа въ среднемъ земскаго бюджета для неземскихъ и земскихъ губерній выразится уже въ сравнительно ничтожной суммѣ—около 200 т. р. Въ дѣйствительности же она, вѣроятно, еще ниже.

Очевидно, что представленіе о болѣе льготномъ положеніи населенія неземскихъ губерній въ отношеніи расходовъ на мѣстное благоустройство является плодомъ недоразумѣнія. Съ другой стороны, нельзя забывать, что обложеніе населенія на мѣстныя нужды въ земскихъ губерніяхъ представляетъ собою самообложеніе, а слѣдовательно и его размѣръ зависитъ отъ усмотрѣнія того же населенія. Въ особенности это нужно сказать о помѣстномъ дворянствѣ, за которымъ земское положеніе 1890 г. обезпечило преимущественное вліяніе въ веденіи земскаго хозяйства. Тѣмъ болѣе странно, что жалобы на разорительность земскаго обложенія исходятъ именно изъ данной группы населенія или, вѣрнѣе говоря, подобныя жалобы раздаются со столбцовъ органовъ печати, объявляющихъ себя выразителями ея мнѣній и присяжными защитниками ея интересовъ. Еслибъ, однако, такое мнѣніе о значеніи налоговъ на мѣстное благоустройство раздѣлялось большинствомъ помѣстнаго дворянства, то, при существующемъ порядкѣ представительства въ земствахъ, ему бы ничего не стоило свести размѣръ ихъ чуть ли даже не до нуля. Нужно думать, что это большинство совсѣмъ другого мнѣнія о такихъ налогахъ, жалуются же на разорительность и безчисленность ихъ главнымъ образомъ тѣ крупныя землевладѣльцы, которые проживаютъ въ столицахъ и, не ощущая непосредственно никакой связи между доходностью своихъ имѣній и мѣстнымъ благоустройствомъ, видятъ въ расходахъ на него лишь тягостное для себя бремя. Затѣмъ и на мѣстныхъ совѣщаніяхъ, образовавшихся въ неземскихъ губерніяхъ для обсужденія вопроса о распространеніи на нихъ земскихъ учреждений, большинство крупныхъ землевладѣльцевъ высказалось въ пользу разрѣшенія его въ положительномъ смыслѣ. Очевидно, они не опасаются предстоящаго усиленія обложенія ихъ имущества или предполагаютъ, что оно возмѣстится болѣе широкимъ удовлетвореніемъ нуждъ мѣстнаго благоустройства.

Что касается крестьянскаго населенія, то для него выгоды отъ введенія земскихъ учреждений оказываются находящимися уже внѣ всякихъ сомнѣній. Въ неземскихъ губерніяхъ крестьянское населеніе еще и до сихъ поръ сохранило свой характеръ «податнаго сословія», въ связи съ чѣмъ,

*) *Стат. свед. о сельскихъ училищахъ.* Изд. цент. ст. ком. Сиб., 1894 г.

какъ мы уже говорили, дѣлая масса мѣстныхъ нуждъ удовлетворяется преимущественно за счетъ этого сословія и, притомъ, путемъ возложенія на него разнообразныхъ натуральныхъ повинностей. Въ послѣднее время сами крестьяне стремятся сдѣлать эти повинности болѣе уравнительными и менѣе обременительными, перелагая ихъ изъ натуральныхъ въ денежные. По результату такого переложенія является чрезмѣрный ростъ мірскихъ сборовъ, которые, вообще, въ неземскихъ губерніяхъ гораздо выше, чѣмъ въ земскихъ. Вышему размѣру ихъ здѣсь одинаково способствуетъ и отмѣченное нами болѣе значительное въ этихъ губерніяхъ участіе крестьянъ въ расходахъ по содержанію сельскихъ школъ и врачебнаго персонала. Такимъ образомъ, помѣщики стоятъ на сторонѣ введенія земскихъ учреждений, имѣя въ виду достиженіемъ лучшаго мѣстнаго благоустройства возмѣстить предстоящее повышеніе обложенія ихъ имуществомъ, крестьянскому же населенію реформа обѣщаетъ выгоды даже съ чисто-фискальной точки зрѣнія.

II.

Менѣ спорнымъ или даже вовсе безспорнымъ признается тотъ фактъ, что, во - первыхъ, въ отношеніи мѣстнаго благоустройства въ губерніяхъ земскихъ достигнуты гораздо болѣе успѣшныя результаты, чѣмъ въ неземскихъ, и что, во - вторыхъ, способы завѣдыванія ими въ послѣднихъ во всякомъ случаѣ требуютъ болѣе или менѣе коренного переустройства. Выразить въ сколько-нибудь точныхъ цифрахъ отсталость въ данной области неземскихъ губерній опять-таки весьма затруднительно, такъ какъ дѣло касается здѣсь не только количественной стороны удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ, но и качественной. По числу школъ, на примѣръ, нельзя еще судить о сравнительной постановкѣ первоначальнаго образованія, если въ одномъ случаѣ наблюдается преобладаніе благоустроенныхъ школъ съ хорошо подготовленнымъ педагогическимъ персоналомъ, а во второмъ—такое же преобладаніе дешевыхъ школъ грамотности съ учителями изъ церковныхъ причетниковъ. Между тѣмъ отсталость неземскихъ губерній въ отношеніи удовлетворенія нуждъ мѣстнаго благоустройства рѣзко проявляется даже съ количественной точки зрѣнія.

Надо сказать, что уставомъ о земскихъ повинностяхъ, дѣйствующимъ теперь въ неземскихъ губерніяхъ, удовлетвореніе многихъ весьма существенныхъ нуждъ мѣстнаго благоустройства вовсе даже и не предусматривается. Къ числу ихъ относятся и заботы о распространеніи народнаго образованія. Поэтому въ неземскихъ губерніяхъ если расходы на содержаніе школъ изъ земскихъ смѣтъ и допускаются, то лишь въ качествѣ отступленія, которое, конечно, не можетъ принять сколько-нибудь широкихъ размѣровъ. Съ другой стороны, въ огромномъ большинствѣ случаевъ подобные расходы не имѣютъ характера самостоятельныхъ затратъ на содержаніе школъ, выражаются лишь въ ассигнованіи болѣе или менѣе незначительныхъ

пособій въ пользу духовнаго вѣдомства. Точно также до 1887 г. земскія смѣты въ этихъ губерніяхъ не знали и расходовъ на содержаніе врачебнаго персонала и больницъ. Вообще кругъ предметовъ, на которые могутъ расходоваться земскія средства, уставомъ о земскихъ повинностяхъ крайне ограниченъ. По основнымъ правиламъ его, въ составъ ихъ входятъ только заботы содержанія въ исправности дорогъ, о борьбѣ съ эпизоотіей, о народномъ продовольствіи и организаціи страхованія отъ огня. Законъ 1887 г. присоединилъ къ этимъ предметамъ организацію медицинской помощи для сельскаго населенія. Между тѣмъ, въ силу содержащихся въ уставѣ правилъ, никакіе расходы, кромѣ точно поименованныхъ въ немъ, не могутъ быть вносимы въ земскія смѣты. Дѣленія расходовъ на обязательные и не обязательные, какъ это предусматривается Положеніемъ о земствахъ, здѣсь не существуетъ. Въ результатѣ цѣлыя группы мѣстныхъ нуждъ, удовлетвореніе которыхъ получило въ большинствѣ земскихъ губерній весьма широкую постановку, совершенно игнорируются въ губерніяхъ неземскихъ. Сюда, напримѣръ, нужно отнести поддержку, оказываемую земствами улучшенію земледѣльческаго и другихъ промысловъ, борьбу съ пожарами, улучшеніе санитарныхъ условій и т. п. Въ этомъ отношеніи земскія смѣты въ неземскихъ губерніяхъ, предметы расходовъ для которыхъ точно установлены закономъ, не могутъ, конечно, считаться со всѣмъ разнообразіемъ мѣстныхъ нуждъ, выдвигаемыхъ особенностями народно-хозяйственной жизни въ каждомъ отдѣльномъ районѣ.

Затѣмъ требуемой эластичности земскихъ смѣтъ въ неземскихъ губерніяхъ препятствуетъ и существующій порядокъ ихъ составленія и утвержденія. По закону эти смѣты утверждаются государственнымъ совѣтомъ каждый разъ на три года. Но еще за годъ до наступленія смѣтнаго періода онѣ должны быть представлены на предварительное разсмотрѣніе министерства финансовъ. Начинается составленіе смѣтъ на мѣстахъ поэтому еще ранѣе и чуть ли не за два года до ихъ выполненія. Такимъ образомъ, мѣстная администрація должна предвидѣть размѣръ расходовъ на удовлетвореніе каждой мѣстной нужды за пять лѣтъ впередъ. Естественно, однако, что даромъ предвидѣнія мѣстная администрація не обладаетъ, что и отражается весьма печально на состояніи почти всѣхъ отраслей земскаго хозяйства. Какъ бы послѣ утвержденія смѣтъ ни выяснилась ошибочность сдѣланныхъ предположеній, и какія бы экстренныя нужды ни выдвинула жизнь, крупныя отступленія отъ нихъ представляются уже крайне затруднительными. Собственною властью мѣстная администрація можетъ произвести сверхсмѣтный расходъ лишь на сумму не свыше 10 т. р. Для расхода въ 20 тыс. р. требуется разрѣшеніе министра финансовъ, а съ такою суммой—Высочайшее соизволеніе, испрашиваемое черезъ государственный совѣтъ. Неудивительно, что на практикѣ земскія смѣты составляются изъ года въ годъ по одному и тому же шаблону, а удовлетвореніе какънибудь экстренной нужды поражаетъ долготѣнную переписку. Въ практикѣ кievскаго генераль-губернатора былъ, напримѣръ, случай, когда

рѣшшія при благоугодныхъ заведеніяхъ бани и прачечная могли быть возобновлены только черезъ девять лѣтъ.

Той же шаблонности земскихъ смѣтъ въ неземскихъ губерніяхъ способствуетъ и отсутствіе здѣсь специальныхъ органовъ для завѣдыванія дѣлами удовлетворенія нуждъ мѣстнаго благоустройства. Эти обязанности распределяются между нѣсколькими административными учрежденіями, образуемыми по типу многочисленныхъ теперь въ губерніяхъ присутствій, состоящихъ изъ представителей разныхъ вѣдомствъ. Само собою разумѣется, что члены подобныхъ присутствій, люди часто пришлые, для успѣшнаго разрѣшенія вопросовъ мѣстнаго благоустройства не обладаютъ ни требуемой подготовкой, ни даже достаточнымъ свободнымъ временемъ, чтобы отнестись къ нимъ съ должнымъ вниманіемъ. Главнѣйшимъ изъ учреждений, въ которомъ сосредоточивается завѣдываніе земскимъ хозяйствомъ въ неземскихъ губерніяхъ, является распорядительный комитетъ, смѣнившій собою по закону 1874 г. прежнее особое о земскихъ повинностяхъ присутствіе. Въ составъ комитета входятъ: губернаторъ, въ качествѣ предсѣдателя, управляющій казенною палатой и городской голова губернскаго города. Затѣмъ въ губерніяхъ, гдѣ «по обширности дѣлопроизводства и значительности расходовъ сіе окажется необходимымъ», составъ этотъ пополняется особымъ членомъ отъ правительства, на котораго обыкновенно и возлагается все дѣло. Въ другихъ же случаяхъ его замѣняетъ чиновникъ казенной палаты. Распорядительные комитеты собственно вѣдаютъ земскія повинности—денежныя и натуральныя. Далѣе, больницы и богоугодныя заведенія находятся въ вѣдѣніи приказовъ общественного призванія, учрежденныхъ еще въ прошломъ столѣтіи и съ тѣхъ поръ сохранившихся въ полной неприкосновенности. Завѣдываніе продовольственнымъ дѣломъ лежитъ на обязанности особой «комиссіи народнаго продовольствія». Организация врачебной помощи находится въ вѣдѣніи врачебныхъ отдѣленій губернскихъ правленій. Наконецъ, страховое дѣло вѣдается губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ. Каждый изъ перечисленныхъ органовъ является вполне самостоятельнымъ въ предѣлахъ предоставленной ему компетенціи и слабою связью между ними служатъ лишь общій предсѣдатель въ лицѣ губернатора. Наконецъ, въ уѣздахъ эти учрежденія почти совершенно лишены какихъ бы то ни было исполнительныхъ органовъ, такъ какъ уѣздные распорядительные комитеты существуютъ лишь на бумагѣ и фактически олицетворяются исправникомъ или уѣзднымъ полицейскимъ управленіемъ.

Не удивительно, что при такихъ условіяхъ дѣло удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ въ неземскихъ губерніяхъ до сихъ поръ обрѣтается въ томъ же состояніи, въ какомъ оно обрисовано еще въ концѣ 50-хъ годовъ въ докладѣ «Комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ», образованной въ цѣляхъ ихъ реформирования. Дальнѣйшія узаконенія въ идѣ преобразования 1874 г. и закона 1887 г., по официальному признанію, не внесли въ эту область никакихъ существенныхъ улучшеній. Стѣсни-

тельная регламентация, которою обставлено все веденіе земскаго хозяйства въ неzemскихъ губерніяхъ и отсутствіе специальныхъ для этого органовъ превращаетъ живое дѣло удовлетворенія нуждъ мѣстнаго благоустройства въ мертвую формальность. Нагляднымъ доказательствомъ печальныхъ результатовъ такого порядка является уже и тотъ фактъ, что во многихъ неzemскихъ губерніяхъ земскія смѣты изъ года въ годъ заключаются съ весьма крупными остатками, которые, постепенно накопляясь, образовали весьма значительный капиталъ. Но въ основѣ подобной бережливости лежить, конечно, не избыточное удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ, а полная невозможность отнестись къ нимъ съ должнымъ вниманіемъ.

III.

Особенно рѣзко бросается въ глаза отсталость неzemскихъ губерній въ отношеніи организаціи для сельскаго населенія медицинской помощи и первоначальнаго образованія,—этихъ двухъ потребностей, посильное удовлетвореніе которыхъ до сихъ поръ составляло главный предметъ вниманія земствъ и главный же предметъ расходовъ въ ихъ бюджетахъ. Сказанное одинаково относится какъ къ качественной, такъ и количественной сторонѣ дѣла. Такъ въ земскихъ губерніяхъ одинъ земскій врачъ приходится въ среднемъ на 35—40 т. жителей, тогда какъ изъ неzemскихъ западныхъ губерній въ данномъ отношеніи наиболѣе благоприятно поставлена Гродненская губернія, гдѣ одинъ врачъ приходится на 72 т. душъ. Затѣмъ въ Кіевской губерніи оно занимаетъ 108 т. душъ и въ Ставропольской—160 т. душъ. Въ дѣйствительности, однако, сельское населеніе неzemскихъ губерній вовсе лишено правильно организованной врачебной помощи. Такъ называемые здѣсь сельскіе врачи, получающіе около 600 р. въ годъ вознагражденія, никакихъ обязанностей собственно по лѣченію населенія не несутъ. Ихъ обязанности ограничиваются представленіемъ по начальству вѣдомостей о ходѣ заболѣваемости, появляющихся эпизоотіяхъ и т. п. Лѣченіе же находится въ рукахъ волостныхъ фельдшеровъ, которые содержатся на собственные средства крестьянъ. Такое отсутствіе для населенія врачебной помощи доказывается и крайне ничтожными суммами, которыя расходуются въ неzemскихъ губерніяхъ на бесплатную выдачу лѣкарствъ. Въ земскихъ губерніяхъ ежегодныя затраты на это колеблются отъ 25 тыс. р. (Смоленская губ.) до 90 тыс. р. (Полтавская губ.), изъ неzemскихъ же губерній наивысшаго размѣра она достигаетъ въ Могилевской—4,800 р. Что касается больницъ, то число ихъ въ неzemскихъ губерніяхъ не только не увеличивается, но даже уменьшается. Въ началѣ 60-хъ годовъ здѣсь приходилось на каждую губернію до 10 больницъ, теперь же число ихъ, по официальнымъ даннымъ, упало до 7. Совершенно другую картину представляютъ земскія губерніи, гдѣ число ихъ за время дѣйствія земскихъ учрежденій поистинно утроилось.

Попеченіе о развитіи народнаго образованія, какъ мы уже говорили,

даже не предусматривается уставомъ о земскихъ повинностяхъ, дѣйствующимъ теперь въ неземскихъ губерніяхъ. Поэтому такъ называемыхъ земскихъ школъ здѣсь вовсе не имѣется. По источникамъ содержанія онѣ подраздѣляются на крестьянскія, содержимыя на волостныя суммы, министерскія (народнаго просвѣщенія) и церковно - приходскія. Если мы возьмемъ школы двухъ первыхъ группъ, то увидимъ, что на каждую земскую губернію въ 1 января 1893 г. приходилось 528 школъ и 38 тыс. въ нихъ учащихся, въ губерніяхъ же западныхъ имѣемъ на каждую училищъ—280 и учащихся—15 тыс. Въ губерніяхъ восточныхъ этотъ показатель доступности первоначальнаго образованія еще менѣе благоприятенъ. Здѣсь (губ. Астраханская, Оренбургская и Ставропольская) на одну губернію приходится 155 школъ и 10 т. учащихся; при сопоставленіи затѣмъ съ количествомъ населенія оказывается, что въ земскихъ губерніяхъ одной школой пользуются 1,900 чел., въ западныхъ—7,300 чел. и въ восточныхъ—5,150 чел. Въ зависимости отъ этого въ первой группѣ губерній одинъ учащійся приходится на 54 чел., во второй—на 111 чел. и въ третьей—78 чел. *). О прочихъ школахъ, какъ-то: церковно - приходскихъ, еврейскихъ, магометанскихъ и т. п., мы не говоримъ, такъ какъ, во-первыхъ, учесть ихъ вліяніе на распространеніе народнаго образованія очень затруднительно; а во-вторыхъ, онѣ существуютъ безъ всякаго отношенія къ способамъ заведенія земскимъ хозяйствомъ въ тѣхъ и другихъ губерніяхъ.

Что касается многихъ отраслей удовлетворенія нуждъ мѣстнаго благоустройства, то для сравненія ихъ положенія отсутствуютъ какія-либо данныя. Сюда, наприм., нужно отнести состояніе дорогъ, содержаніе которыхъ въ неземскихъ губерніяхъ отнесено насчетъ натуральныхъ повинностей населенія. Наконецъ, какъ это нами указывалось выше, весьма многіе виды попеченія о нуждахъ населенія вовсе не извѣстны губерніямъ неземскимъ. Достаточно указать на постоянно возрастающіе расходы земствъ, направленные на улучшеніе условій земледѣльческаго промысла. По даннымъ министерства земледѣлія, такіе расходы составляли въ 1895 г.—939 т. р., въ 1896 г.—1.308 т. р. и въ 1897 г.—1.508 т. р. Кромѣ того, земствами составлялся и довольно значительный оборотный капиталъ, предназначенный для той же цѣли и достигшій въ 1897 г. суммы въ 1.986 т. р. **).

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ земскихъ губерніяхъ нужды мѣстнаго благоустройства, сравнительно съ губерніями неземскими, находятъ себѣ гораздо болѣе широкое удовлетвореніе какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ при весьма незначительной разницѣ въ расходахъ на это дѣло со стороны самого населенія. Такой результатъ всецѣло объясняется болѣе благоприятными условіями, которыми въ первомъ случаѣ обставлено веденіе земскаго хозяйства.

*) *Ө. Ө. Олденбургъ*: „Народная школа Европейской Россіи“. Спб., 1896 г.

***) „Спеціальная книга о дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству“. Изд. департ. земл. Спб., 1898 г.

Дѣйствительно, не трудно видѣть, что при той организаціи дѣла удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ, которая до сихъ поръ сохранилась въ неземскихъ губерніяхъ, весьма крупная часть взимаемыхъ съ населенія средствъ истрачивается совершенно непродуцательно. Это обусловливается какъ отсутствіемъ здѣсь специальныхъ органовъ для завѣдыванія земскими хозяйствами, такъ и существующими способами удовлетворенія многихъ мѣстныхъ нуждъ. Въ послѣднемъ отношеніи особенно неблагопріятное значеніе имѣетъ отбываніе населеніемъ нѣкоторыхъ повинностей натурою. Опытомъ достаточно уже дознано, что стоимость натуральныхъ повинностей для населенія, даже при самой совершенной организаціи, всегда значительно выше стоимости достигаемыхъ ими результатовъ. Это, такъ сказать, общее послѣдствіе малой производительности всякаго рода подневольнаго труда. Между тѣмъ въ данномъ случаѣ все дѣло отбыванія населеніемъ натуральныхъ повинностей сосредоточено въ безконтрольномъ завѣдываніи сельской полиціи, въ рукахъ которой оно часто служитъ источникомъ самыхъ широкихъ злоупотребленій. Здѣсь сплошь и рядомъ крестьянину приходится сдѣлать туда и обратно въ общемъ 200 верстъ, чтобъ отбыть какую-либо двухдневную повинность при ремонтѣ большой дороги. Невыгоды же для отдѣльныхъ селеній распредѣленія участковъ работъ или назначенія ихъ въ самое горячее рабочее время сплошь и рядомъ побуждаютъ ихъ откупаться отъ отбыванія повинности.

При всякаго рода денежныхъ затратахъ изъ земскихъ суммъ значительные перерасходы обусловливаются самымъ сосредоточеніемъ распорядительной власти въ губернскомъ городѣ, при которомъ она не можетъ ни судить о цѣлесообразности затраты, ни слѣдить за правильнымъ выполненіемъ работы. Подряды на всякія, даже сравнительно мелкія, сооруженія отдаются обыкновенно съ торговъ въ губернскомъ городѣ, гдѣ они и попадаютъ въ руки однихъ и тѣхъ же излюбленныхъ людей, передающихъ уже выполненіе работы мѣстнымъ предпринимателямъ. Надзоръ же за всѣми производящимися сооруженіями опять - таки находится въ рукахъ уѣздной полиціи. Аналогичный характеръ носить и дѣятельность приказовъ общественаго призрѣнія. Для выясненія ея въ 1894 г. была по Высочайшему повелѣнію образована особая коммиссія, занявшаяся изученіемъ отчетовъ витебскаго и кievскаго приказовъ. Коммиссія эта пришла къ самымъ неутѣшительнымъ выводамъ. Помимо прямыхъ или корыстныхъ злоупотребленій, по ея мнѣнію, обнаружались, между прочимъ, слѣдующіе общіе въ ихъ дѣятельности недостатки: «неправильное составленіе смѣтъ, несогласованіе расходовъ съ ожидавшимися доходами и имѣвшимися въ распоряженіи приказовъ средствами, неправильное произвольное и неточное исчисленіе тѣхъ и другихъ, внесеніе въ смѣты не установленныхъ закономъ издержекъ, безъ обсужденія даже предмета ихъ въ соединенномъ присутствіи приказа и губернскаго распорядительнаго комитета, заключеніе займовъ и сложеніе счетовъ разныхъ суммъ, безъ надлежащаго на то разрѣшенія, неразсчетливое и неумѣлое веденіе дѣла и т. д. Если даже формальную отчетное

приказовъ комиссия наша въ такомъ плачевномъ видѣ, то можно себѣ вообразить, какіе результаты получились бы при фактической провѣркѣ правильности производящихся ими расходовъ.

Не удивительно, что при такихъ общихъ условіяхъ сравнительно весьма значительныя средства, затраченныя въ неземскихъ губерніяхъ на нужды мѣстнаго благоустройства, отражаются на нихъ весьма мало.

IV.

Приведенныя данныя не даютъ мѣста какому-либо разногласію относительно необходимости приступить возможно скорѣе къ коренной реформѣ существующаго порядка завѣдыванія земскими хозяйствами въ неземскихъ губерніяхъ. Такая необходимость нигдѣмъ не отрицается. Предметомъ же спора является вопросъ о тѣхъ началахъ, которые должны быть положены въ основаніе предстоящаго преобразованія. При этомъ здѣсь наблюдается нѣсколько теченій отчасти сродныхъ, отчасти противоположныхъ. Одни вовсе отрицаютъ желательность расширенія района дѣятельности земскихъ учрежденій, въ силу либо вообще своего враждебнаго отношенія къ примѣненію началъ самоуправленія, либо не предвидя полезныхъ результатовъ отъ примѣненія ихъ въ области завѣдыванія мѣстными нуждами. Другіе, напротивъ, считаютъ распространеніе дѣйствія земскихъ учрежденій единственнымъ средствомъ внести въ завѣдываніе земскимъ хозяйствомъ сколько-нибудь серьезныхъ улучшеній. Затѣмъ между этими двумя крайними теченіями помѣстились два среднія, представители которыхъ, раздѣляя теоретически мнѣніе второй группы, признаютъ, однако, примѣненіе началъ самоуправленія къ завѣдыванію земскимъ хозяйствомъ въ губерніяхъ данной категоріи либо вовсе несвоевременнымъ, либо осуществимымъ подъ условіемъ значительнаго ихъ ограниченія даже противъ дѣйствующаго положенія о земствахъ 1890 г.

Остановимся прежде всего на вопросѣ, могутъ ли, и въ какой мѣрѣ, административные органы, спеціально учрежденные для завѣдыванія земскимъ хозяйствомъ, выполнить съ одинаковымъ успѣхомъ ту задачу, которую выполняютъ теперь земскія учрежденія.

Преимущества примѣненія началъ самоуправленія къ завѣдыванію дѣломъ удовлетворенія нуждъ мѣстнаго благоустройства сводятся въ общемъ къ слѣдующему. Прежде всего, такое завѣдываніе находится въ рукахъ представителей самого населенія, непосредственно заинтересованнаго въ наиболѣе успѣшныхъ его результатахъ. Это весьма важное соображеніе имѣлось правительствомъ въ виду и при самомъ введеніи земскихъ учрежденій, вслѣдствіе чего и было признано «за благо призвать къ ближайшему участию въ завѣдываніи дѣлами, относящимися до хозяйственныхъ пользъ и нуждъ каждой губерніи и cadaго уѣзда, мѣстное ихъ населеніе, посредствомъ избираемыхъ отъ онога лицъ» *). Одинаково важное значеніе здѣсь

*) Высочайшій указъ правительствующему сенату 1 января 1864 г.

имѣютъ и установленные способы разрѣшенія различныхъ принципиальныхъ вопросовъ, касающихся мѣстнаго благоустройства. Всѣ они подробно и гласно обсуждаются на губернскихъ или уѣздныхъ собраніяхъ, что, конечно, способствуетъ разносторонности ихъ выясненія при участіи лицъ, близко знакомыхъ съ мѣстными нуждами и условіями жизни, а также парализируетъ одностороннія увлеченія отдѣльныхъ дѣятелей. Тѣ же собранія пользуются правомъ привлекать владѣльцовъ имущества къ платежамъ на удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ въ размѣрѣ, признаваемомъ необходимымъ и цѣлесообразнымъ при данныхъ условіяхъ. Другими словами, средства для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ извлекаются путемъ самообложенія. Однородными полномочіями собранія пользуются какъ въ отношеніи выбора нуждъ, подлежащихъ удовлетворенію (если исключить незначительную и постоянно сокращающуюся группу обязательныхъ расходовъ), такъ и самого объема ихъ удовлетворенія. Наконецъ, исполнительные органы являются представителями большинства на собраніяхъ и, слѣдовательно, болѣе или менѣе солидарны съ большинствомъ ихъ постановленій, которыя должны быть осуществлены.

Всѣ перечисленные основныя начала дѣятельности земскихъ учреждений придаютъ ей желательную гибкость и эластичность, которыя сплошь и рядомъ разсматриваются, однако, въ качествѣ вреднаго отсутствія единообразія. Въ дѣйствительности разнообразіе въ постановкѣ дѣла удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ прежде всего объясняется самимъ разнообразіемъ мѣстныхъ условій, возможность считаться съ которыми должна быть признана однимъ изъ крупнѣйшихъ преимуществъ земскихъ учреждений, дѣйствующихъ на началахъ самоуправления. Но точно также должно быть навсегда отнесено и влияніе въ данной области случайностей. Такъ случайная наличность въ составѣ дѣятелей энергичныхъ и дѣльныхъ исполнителей можетъ побудить собранія увеличить объемъ удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ и размѣры отпускаемыхъ на это средствъ, а случайное отсутствіе подобныхъ дѣйствій приводитъ къ обратнымъ результатамъ. То же нужно сказать и объ отдѣльныхъ мѣропріятіяхъ, для выполненія которыхъ могутъ быть, а могутъ и не быть, на-лицо способные люди. Ничего здѣсь нѣтъ вреднаго и было бы гораздо хуже при обратномъ порядкѣ, такъ какъ неудачное выполненіе даже необходимыхъ по мѣстнымъ условіямъ мѣръ можетъ повести только къ непріимлемымъ затратамъ.

Съ другой стороны, привлеченіе населенія къ дѣлу завѣдыванія нуждами мѣстнаго благоустройства доставляетъ и очень много косвенныхъ выгодъ. Сюда нужно отнести, на примѣръ, ту массу дарового или недостаточно оплачиваемого труда, которыми всегда располагаютъ органы самоуправления. Этому, во-первыхъ, способствуетъ то обстоятельство, что лица, занимающія въ земствахъ выборныя должности, почти всегда имѣютъ собственные средства для существованія, при которыхъ они могутъ довольствоваться гораздо меньшимъ содержаніемъ, чѣмъ лица, существующія исключительно отъ службы. Вообще, въ огромномъ большинствѣ случаевъ,

вознагражденіе является далеко не единственнымъ мотивомъ при занятіи той или другой выборной должности. Здѣсь важное значеніе имѣютъ и разныя другія побужденія не лично матеріальнаго свойства. Въ силу подобныхъ же побужденій очень многія обязанности, часто очень сложныя, требующія потери времени и даже расходовъ, выполняются безо всякаго вознагражденія.

Не менѣе, если не болѣе важнымъ условіемъ дѣятельности органовъ самоуправленія нужно признать полную и широкую доступность ея для общественнаго контроля. Вся такая дѣятельность ихъ совершается на міру, на глазахъ всего населенія, а не келейно, какъ то практикуется въ канцеляріяхъ. Естественно, что здѣсь всякій невѣрный шагъ и всякое злоупотребленіе быстро становится достояніемъ гласности и гласнаго обсужденія, а при посредствѣ печати сфера такого общественнаго контроля еще болѣе расширяется. Существованіе отдѣльныхъ враждебныхъ партій лишь облегчаетъ дѣло такого контроля, который по силѣ оказываемаго ими воздѣйствія не можетъ быть даже въ такой мѣрѣ выслѣженъ самымъ хорошимъ формальнымъ надзоромъ.

Мы, конечно, не будемъ увѣрять, что всѣ указанныя благопріятныя условія дѣятельности органовъ самоуправленія комбинируются для нашихъ земствъ наиболѣе счастливымъ образомъ и даютъ идеально плодотворные результаты. Но, во-первыхъ, дѣла рукъ человѣческихъ никогда не бываютъ совершенными, а затѣмъ нельзя забывать, что и самый объемъ пользования перечисленными выше преимуществами въ настоящее время по отношенію къ земскимъ учрежденіямъ значительно ограниченъ, а это въ свою очередь отражается соотвѣтствующимъ образомъ на результатахъ ихъ дѣятельности. Во всякомъ же случаѣ благотворное значеніе введенія земскихъ учреждений для дѣла удовлетворенія нуждъ мѣстнаго благоустройства никѣмъ не отрицается.

Обращаясь затѣмъ къ вопросу о возможности замѣнить выборныя земскія учрежденія административными органами, мы прежде всего увидимъ, что послѣднимъ не можетъ быть предоставлено право ни устанавливать собственною властью размѣръ обложенія имущества на удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ, ни выбирать изъ имѣющихся на-лицо потребностей ихъ, которыя должны быть удовлетворены преимущественно передъ другими. Все это попрежнему составляло бы предметъ законодательной регламентации и законодательнаго разрѣшенія при посредствѣ высшихъ государственныхъ учреждений. Усмотрѣнію самихъ земскихъ органовъ здѣсь могли бы быть предоставлены довольно незначительные предѣлы, какъ то наблюдается и теперь. За предоставленіе же здѣсь земско-административнымъ учрежденіямъ полнаго простора ихъ усмотрѣнію не рѣшаются высказаться самые ярые поборники бюрократической децентрализаціи. Такимъ образомъ, всякая реформа въ указанномъ смыслѣ можетъ обѣщать нѣкоторыя улучшения, но не способна устранить главнаго недостатка въ существующемъ порядкѣ завѣдыванія земскимъ хозяйствомъ въ неземскихъ губерніяхъ въ

видѣ той стѣснительной регламентаціи, на печальныхъ результатахъ которой для мѣстнаго благоустройства мы уже достаточно останавливались раньше.

Затѣмъ и самыя указанія на возможность достигнуть серьезныхъ улучшеній, оставляя завѣдываніе земскимъ хозяйствомъ въ рукахъ администраціи, носятъ чрезчуръ теоретическій характеръ. Говорятъ, что и правительственная власть будетъ замѣщать всѣ должности въ административныхъ учрежденіяхъ, вѣдающихъ земское хозяйство, людьми, хорошо знакомыми съ мѣстными условіями жизни и доказавшими это. Разсадниками такихъ должностныхъ лицъ могутъ явиться совѣщательныя учрежденія изъ мѣстныхъ людей при земско-административныхъ органахъ. Тѣ же совѣщательныя учрежденія замѣнятъ собою и земскія собранія какъ въ отношеніи предварительнаго обсужденія вопросовъ мѣстнаго благоустройства, такъ и контроля надъ дѣятельностью исполнительныхъ органовъ. Но ненадежность послѣдняго рода корректива очевидна. Высшее правительство можетъ имѣть свѣдѣнія о достойныхъ кандидатахъ для образованія проектируемыхъ совѣщаній только для губернской администраціи. Естественно, что при такихъ условіяхъ подобныя совѣщанія врядъ ли проявятъ въ своихъ дѣйствіяхъ какую-либо самостоятельность.

На практикѣ предполагаемое обсужденіе и контроль превратятся въ простую формальность, сообщая лишь дѣйствіямъ административныхъ учреждений совсѣмъ нежелательную авторитетность и позволяя имъ снять съ себя часть ответственности за неудачныя свои дѣйствія. Лучшіе же мѣстные люди несомнѣнно уклонятся отъ участія въ проектируемыхъ совѣщательныхъ учрежденіяхъ. Что касается далѣе выбора лицъ для исполнительныхъ органовъ, то вѣдь ни для кого не тайна, что при всякаго рода назначеніяхъ самыя лучшія даже намѣренія власти разбиваются о разныя постороннія вліянія. Указываютъ, что на выборныя должности въ земствахъ очень часто попадаютъ люди, обязанные не своимъ заслугамъ или личнымъ качествамъ, а связямъ и разнымъ пронкамъ. Но хорошо извѣстно, что и на коронной службѣ безъ связей и хлопотъ нельзя получить даже самаго скромнаго мѣстечка. Слѣдовательно, вопросъ сводится къ тому, гдѣ имѣется больше гарантій безпристрастнаго и удачнаго замѣщенія должностей. Между тѣмъ несомнѣнно, что вопросъ этотъ долженъ быть разрѣшенъ въ пользу выборнаго начала.

Наконецъ, и самое содержаніе земскихъ административныхъ учреждений обойдется гораздо дороже, чѣмъ выборныхъ. Такъ, въ проектѣ, составленномъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, годовое содержаніе предсѣдателя губернской земской управы определено въ 4,500 р., члена этой управы—3,000 р., предсѣдателя уѣздной управы—2,500 р. и членовъ ея—1,500 руб. Мы вовсе не признаемъ этихъ окладовъ чрезмѣрно щедрыми. Но фактъ тотъ, что выборныя должностныя лица довольствуются теперь гораздо низшими окладами, особенно въ земствахъ со скромными бюджетами. Такъ, обычное содержаніе предсѣдателя губернской земской управы

теперь рѣдко превышаетъ 3,000 р. и члена уѣздной управы—1,000 руб. (По даннымъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ первомъ случаѣ максимальный окладъ составляетъ 6,000 р. и минимальный—2,500 р., во второмъ максимальный—2,800 р. и минимальный—360 р.). Точно также административныя учрежденія не будутъ пользоваться и тою массою даровой рабочей силы, которою располагаютъ учрежденія земскія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ учрежденіе специальныхъ административныхъ органовъ для завѣдыванія земскимъ хозяйствомъ въ неземскихъ губерніяхъ лишитъ ихъ того главнаго преимущества, на которое теперь такъ любятъ ссылаться противники земствъ, а именно—нѣсколько низшаго размѣра ихъ бюджетовъ, предполагаемыхъ на удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ. Содержание проектируемыхъ органовъ съ избыткомъ поглотитъ всю существующую теперь между ними разницу.

Г.

При рѣшеніи даннаго вопроса предполагается, повидимому, избрать средній путь, а именно ввести въ перечисленныхъ нами выше губерніяхъ земскія учрежденія съ выборнымъ представительствомъ отъ населенія, но съ нѣкоторыми ограниченіями противъ общаго земскаго Положенія 1890 года. Мотивами для такихъ отступленій служатъ условія отчасти политическія, а отчасти культурныя, въ которыхъ находятся эти губерніи. Сущность же самыхъ отступленій заключается въ томъ, что въ губерніяхъ западныхъ всѣ должности въ исполнительныхъ земскихъ органахъ предполагается замѣщать не по выбору, а по назначенію отъ правительства. Затѣмъ земскою единицею явится губернія, а не уѣздъ. Уѣздныя же земскія управы представятъ собою какъ бы филиальныя отдѣленія губернскихъ съ полнымъ имъ подчиненіемъ. Точно также уѣздныя собранія будутъ имѣть только совѣщательный характеръ въ видѣ предварительной разработки вопросовъ объ удовлетвореніи нуждъ даннаго уѣзда.

Сами составители проекта, повидимому, отчасти сознаютъ неблагопріятное значеніе предполагаемыхъ отступленій. Главные недостатки предполагаемой организаціи, по ихъ мнѣнію, сводятся «къ значительной величинѣ земской единицы, обнимающей цѣлую губернію, и отсутствію полной близости и непосредственной связи между распорядительными и исполнительными органами». Дѣйствительно, если въ настоящее время и уѣздъ признаетъ чрезчуръ значительною земскою единицею, то неудобства такого обстоятельства еще болѣе усилятся, когда вся исполнительная власть будетъ перенесена въ губернію. Большинство губернскихъ гласныхъ оказалось бы, конечно, совершенно не компетентнымъ при рѣшеніи вопросовъ, касающихся специальныхъ нуждъ отдѣльныхъ уѣздовъ, и рѣшать ихъ придется фактически небольшому числу представителей на собраніи отъ каждаго уѣзда. Засторозность выясненія ихъ при подобныхъ условіяхъ значительно порадаетъ, а самыя постановленія останутся чисто-случайными, не совпа-

дающими съ мѣтніями и пожеланіями населенія уѣздовъ. Еще болѣе крупныя неудобства причиняютъ образованіе одного для всѣхъ уѣздовъ бюджета. Даже и теперь въ земскихъ губерніяхъ распредѣленіе губернскихъ средствъ между уѣздами служить иногда предметомъ весьма острыхъ пререканій, хотя способы такого распредѣленія болѣе или менѣе установлены закономъ. Между тѣмъ, въ проектѣ вовсе не указывается какихъ-либо основаній, въ силу которыхъ каждый уѣздъ могъ бы претендовать на ту или другую часть общаго бюджета. Будетъ ли опредѣленіе размѣра этой части зависеть отъ размѣра самихъ сборовъ, поступающихъ затѣмъ отъ отдѣльныхъ уѣздовъ, или оно явится вполне предоставленнымъ усмотрѣнію собранія, остается неизвѣстнымъ. Но даже предполагая, что въ данномъ отношеніи будетъ соблюдаться пропорціональность, все-таки нужно признать, что отдѣльные уѣзды лишатся самостоятельности въ дѣлѣ самообложенія на удовлетвореніе своихъ нуждъ, такъ какъ представители каждаго изъ нихъ всегда могутъ опасаться, что собранныя средства по волѣ представителей другихъ уѣздовъ получатъ совсѣмъ не то назначеніе, какое они желали бы. Если же, наконецъ, распредѣленіе бюджетныхъ средствъ по уѣздамъ явится предоставленнымъ губернскому собранію, то этимъ будетъ создана широкая почва для произвола и весьма крупныхъ злоупотребленій.

Противъ замѣщенія исполнительныхъ земскихъ органовъ по назначенію отъ правительства особенно энергично высказался, по словамъ кievскихъ газетъ, кievскій генераль-губернаторъ г.-ад. Драгомировъ, справедливо ожидающій, что проектируемый порядокъ породитъ весьма нежелательныя «коллизіи и даже хроническую враждебность между выборными составами губернскаго собранія и назначенными чиновниками управы». Съ своей стороны мы уже указывали, что ожиданія относительно замѣщенія должностныхъ лицъ въ исполнительныхъ земскихъ органахъ изъ мѣстныхъ наиболѣе свѣдущихъ и способныхъ людей могутъ на практикѣ и не оправдаться. Между тѣмъ, очевидно, что при всякихъ столкновеніяхъ собраній съ исполнительными органами высшая администрація обязательно будетъ становиться на сторону послѣднихъ, такъ какъ назначающій долженъ поддерживать назначеннаго имъ чиновника уже въ виду необходимости оправдать сдѣланный имъ выборъ. При такихъ условіяхъ земское собраніе легко можетъ превратиться изъ распорядительнаго органа въ совѣщательный. Но какой бы оборотъ подобныя столкновенія ни получили, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что отсутствіе требуемой солидарности между распорядительными и исполнительными органами способно весьма неблагоприятно отразиться на интересахъ порученнаго ихъ общему завѣдыванію дѣла. Для устраненія подобныхъ результатовъ и является общепринятымъ то начало, что срокъ полномочій исполнительныхъ органовъ и уполномочившихъ ихъ собраній должны всегда совпадать. вмѣстѣ съ тѣмъ періодическое обновленіе состава исполнительныхъ органовъ позволяетъ замѣнять менѣе способными людьми болѣе способными. вслѣдствіе этого ошибки здѣсь не могутъ все-

къ такимъ серьезнымъ послѣдствіямъ, какъ то бываетъ при безсрочныхъ назначеніяхъ, когда для устраненія отъ должности необходимы уже какіе-либо очень важные поводы, вродѣ систематическихъ упущеній по службѣ или явныхъ злоупотребленій. Съ другой стороны, по отношенію къ выборнымъ должностнымъ лицамъ, совершившимъ служебныя проступки, высшая администрація является болѣе или менѣе безпристрастнымъ судьей, по отношенію же къ назначеннымъ чиновникамъ они уже связаны личною отвѣтственностью за неудачное назначеніе.

Можно согласиться съ тѣмъ заключеніемъ, что проектируемый порядокъ завѣдыванія земскимъ хозяйствомъ въ неземскихъ губерніяхъ, при всѣхъ его крупныхъ недостаткахъ, все-таки лучше существующаго, имъ смѣняемаго. Но, спрашивается, насколько предполагаемыя отступленія, обусловливающія возможность весьма нежелательныхъ послѣдствій, необходимы и неизбѣжны, по крайней мѣрѣ, для всѣхъ губерній, на которыя имѣется въ виду распространить дѣйствіе положенія о земствахъ?

VI.

Проектируемыя отступленія основаны, главнымъ образомъ, на томъ ошибочномъ и достаточно опровергнутомъ уже опытомъ соображеніи, что представительство отъ крестьянскаго землевладѣнія въ земствахъ остается почти безо всякаго вліянія на веденіе земскаго хозяйства, и въ этомъ отношеніи слѣдуетъ считаться только съ частнымъ землевладѣніемъ. Отсюда же дѣлается выводъ, что чѣмъ менѣе въ какомъ-либо районѣ распространено частное землевладѣніе, тѣмъ меньше здѣсь можно рассчитывать найти достаточное число людей, способныхъ успѣшно вести земское хозяйство. Въ дѣйствительности, однако, дѣло сплошь и рядомъ находится какъ разъ въ обратномъ положеніи. Земское хозяйство ведется, напримѣръ, гораздо успѣшнѣе въ такихъ крестьянскихъ губерніяхъ, какъ Пермская, Вятская и даже Олонецкая, чѣмъ въ губерніяхъ со значительнымъ преобладаніемъ частнаго землевладѣнія — Сибирской, Бессарабской и т. д. Между тѣмъ въ данномъ случаѣ принимается во вниманіе именно тотъ фактъ, что въ губерніяхъ Оренбургской, Ставропольской и Астраханской контингентъ частныхъ землевладѣльцевъ, особенно въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ уѣздахъ, весьма ничтоженъ. Что же касается губерній западныхъ и юго-западныхъ, то здѣсь значительное число частныхъ землевладѣльцевъ не русскаго происхожденія.

Надо сказать, что въ отношеніи западныхъ и юго-западныхъ губерній никто собственно не опасается, чтобы допущеніе представителей населенія къ завѣдыванію мѣстными хозяйственнымъ нуждами могло повлечь за собою какія-либо политическія осложненія. Затѣмъ, не вдаваясь въ оцѣнку предположенія, что лица польскаго происхожденія, преобладая въ составѣ частныхъ землевладѣльцевъ, займутъ и руководящія мѣста въ земствахъ, мы должны сказать, что въ основаніи его лежитъ именно отмѣченное

нами выше. полное игнорированіе въ данномъ отношеніи представительства отъ крестьянскаго землевладѣнія. Въ связи съ такими взглядами въ проектѣ не приведено даже данныхъ какъ о распредѣленіи земельной собственности въ отдѣльныхъ губерніяхъ между частными землевладѣльцами и крестьянами, такъ и о распредѣленіи ея въ средѣ крестьянъ между представителями разныхъ вѣроисповѣданій. Но даже и въ средѣ частныхъ землевладѣльцевъ далеко не во всѣхъ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ католикамъ принадлежитъ преобладающее мѣсто.

Вообще, русское землевладѣніе въ этомъ краѣ дѣлаетъ весьма крупныя успѣхи. Такъ, въ 1866 г. католикамъ принадлежало здѣсь 83 проц. всей площади частновладѣльческихъ земель, а въ 1897 г. относительный размѣръ ея сократился до 51 проц. Но для отдѣльныхъ губерній распредѣленіе земельной собственности представляется не одинаковымъ. Безусловное преобладаніе польскаго землевладѣнія наблюдается лишь въ Ковенской губ.—75 проц. и въ Виленской—73 проц. Въ Гродненской губ. оно понижается уже до 53 проц., въ Минской—до 50 проц., Волынской и Подольской—до 48 проц. Что касается затѣмъ губерній Могилевской, Кіевской и Витебской, то здѣсь даже въ средѣ частныхъ землевладѣльцевъ католикамъ не принадлежитъ преобладающаго мѣста. Въ губерніяхъ Витебской и Кіевской имъ принадлежитъ 40 проц. площади частновладѣльческихъ земель, въ Могилевской—33 проц.

Такимъ образомъ, даже въ средѣ частнаго землевладѣнія безусловное преобладаніе польскаго элемента наблюдается лишь въ губерніяхъ Ковенской и Гродненской. Затѣмъ большинство другихъ, по общему составу своего населенія, являются почти вполнѣ русскими. Къ сожалѣнію, повторяемъ, составители проекта не собрали точныхъ данныхъ о такомъ составѣ населенія въ западныхъ и юго.-западныхъ губерніяхъ, ограничившись въ этомъ отношеніи группою частныхъ землевладѣльцевъ. Но вотъ что говорятъ подобнаго рода данныя, касающіяся Кіевской губерніи. Общая площадь земли составляетъ здѣсь около 4,100 т. дес., изъ которыхъ около 1,900 дес. принадлежитъ крестьянамъ (надѣльная земля), 200 т. дес. казнѣ, 2,000 т. дес. частнымъ землевладѣльцамъ. Затѣмъ мы видимъ, что среди крестьянъ болѣе 90 проц. принадлежитъ къ православному вѣроисповѣданію. Въ результатъ же окажется, что въ этой губерніи католикамъ принадлежитъ въ группѣ частныхъ землевладѣльцевъ около 800 т. дес. земли и въ группѣ крестьянъ около 20 т. дес., а всего 820 т. дес. или 20 проц. общей площади земли въ губерніи. Что же касается общаго состава населенія, то здѣсь лицамъ католическаго вѣроисповѣданія пранадлежитъ самое ничтожное мѣсто. Изъ 3,450 т. населенія Кіевской губ. православные составляли 82,5 проц., еврей—14 проц. и католики только 2,6 проц. Такимъ образомъ, сдѣланный на основаніи данныхъ о распредѣленіи частной земельной собственности выводъ, что Кіевская губернія должна быть отнесена къ числу полупольскихъ, совсѣмъ не подтверждается при ознакомленіи съ данными о распредѣленіи общей земельной площади и въ особенно

общемъ составѣ населенія. То же въ значительной мѣрѣ можно сказать и о всѣхъ прочихъ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ, за исключеніемъ Виленской и Ковенской, въ которыхъ и среди крестьянъ преобладаютъ католики.

Съ другой стороны, нужно имѣть въ виду, что земское положеніе 1890 г. даетъ въ руки администраціи достаточный контроль надъ дѣятельностью земствъ, а отдѣльныя ограниченія правъ лицъ католическаго вѣроисповѣданія въ западныхъ губерніяхъ остаются въ своей силѣ. Между тѣмъ одно изъ такихъ ограниченій запрещаетъ католикамъ поступать на государственную службу въ предѣлахъ данныхъ губерній. Ео ipso они будутъ лишены права и быть избираемыми на должности предсѣдателя и члена управъ. Въ общемъ здѣсь будетъ на-лицо: во-первыхъ, преобладаніе въ составѣ гласныхъ лицъ русскаго происхожденія; во-вторыхъ, запрещеніе католикамъ занимать выборныя должности и, въ-третьихъ, право администраціи не утверждать въ должностяхъ тѣхъ лицъ, которыя ей представляются недостаточно благонадежными. При такихъ условіяхъ едва ли есть какое-либо основаніе опасаться, что въ составѣ исполнительныхъ земскихъ органовъ могутъ проникнуть нежелательные, съ правительственной точки зрѣнія, элементы. Между тѣмъ замѣщеніе ихъ состава по выбору, а не по назначенію, какъ мы говорили, имѣетъ на своей сторонѣ весьма крупныя преимущества. По тѣмъ же соображеніямъ едва ли можетъ представить какую-либо опасность, съ данной точки зрѣнія, и образованіе уѣздныхъ земствъ, что устранить, всѣми одинаково сознаваемыя значительныя неудобства таковой крупной земской единицы, какъ губернія.

Что касается соображеній относительно невозможности образованія уѣздныхъ земствъ въ губерніяхъ Астраханской, Оренбургской и Ставропольской, то они также представляются не достаточно обоснованными. Мы видимъ, что въ губерніяхъ Вятской, Казанской и многихъ другихъ, находящихся въ аналогичныхъ условіяхъ, уѣздныя земства существуютъ и дѣйствуютъ даже съ успѣхомъ. Такіе факторы, какъ малочисленность, наличность значительнаго числа маловультурныхъ инородцевъ и слабое распространеніе частнаго землевладѣнія наблюдаются и въ этихъ губерніяхъ. Еще менѣе вѣское значеніе можно признать за соображеніями, что подраздѣленіе губерній на уѣзды часто является искусственнымъ, а условія жизни на территоріи цѣлой губерній болѣе или менѣе однородны. У насъ, можно сказать, нѣтъ губерній, къ которымъ были бы непримѣнимы подобныя соображенія.

Особенности какъ восточныхъ, такъ западныхъ губерній вызываютъ лишь желательность значительно демократизировать представительство отъ населенія въ земскихъ губерніяхъ. Дѣйствительно составители проекта справедливо признаютъ раздѣленіе здѣсь избирателей на сословныя группы, съ установленіемъ преимущества въ пользу помѣстно-дворянскаго элемента, уже совершенно неудобопримѣнимымъ. Въ первомъ случаѣ такая система до минимума сузила бы кругъ на избирателей и выборовъ. Во второмъ

же случаѣ этимъ преимуществомъ воспользовались преимущественно землевладельцы польскаго происхожденія, что несогласно съ видами правительства. Поэтому, въ примѣненіи къ губерніямъ данной категоріи предполагается возстановить систему представительства по прежде дѣйствовавшему земскому положенію. Въ числу такихъ же улучшеній нужно отнести возмѣщеніе гласнымъ - крестьянамъ расходовъ по ихъ поѣздкамъ на земскія собранія, и предоставленіе права избирать на должности въ исполнительныхъ органахъ лицъ безъ имущественнаго ценза, но располагающихъ среднимъ или высшимъ образовательнымъ цензомъ.

Такимъ образомъ, въ данномъ вопросѣ наиболее важное принципиальное значеніе имѣетъ желательность признанія за крестьянскимъ населеніемъ способности на активное и сознательное значеніе въ завѣдываніи мѣстными хозяйственными нуждами. Практической же опытъ, повторяемъ, говорить въ пользу такого признанія *). Отсюда можно придти къ выводу, что для большинства губерній, на которыя въ настоящее время предполагается распространить дѣйствіе земской реформы, проектируемыя отступленія, со всѣми ихъ вредными послѣдствіями, не обусловливаются настоятельно необходимостью. Затѣмъ у насъ имѣются весьма значительныя области, напримеръ Сибирь, гдѣ частное землевладѣніе почти совершенно отсутствуетъ, и гдѣ состояніе земскаго хозяйства также вопіетъ о радикальной реформѣ въ этой области. Очевидно, однако, что распространеніе на области Сибири дѣйствія земскаго положенія будетъ признано своевременнымъ только при условіи признанія за крестьянскимъ населеніемъ возможности успѣшно справиться съ задачами, возлагаемыми на земское самоуправленіе.

Вл. Бирюковичъ.

*) На запросъ министерства внутреннихъ дѣлъ о желательности или нежелательности усилить въ земствахъ представительство отъ крестьянскаго сословія почти всѣ земскія собранія отозвались отъ гласныхъ - крестьянъ какъ объ элементъ весьма полезномъ и далеко не пассивно относящемся къ своимъ обязанностямъ. Это подтверждается и фактомъ, что въ губерніяхъ, гдѣ крестьянское населеніе болѣе сильно представлено въ земствахъ, находятъ себѣ болѣе широкое удовлетвореніе и крестьянскія нужды.

Бомарше и его герой.

(Къ столѣтію со дня смерти.)

I.

Среди пестрыхъ героевъ богатаго противорѣчіями XVIII вѣка, авторъ *Женитбы Фтаро* является одной изъ самыхъ причудливо-своеобразныхъ фигуръ, едва ли не самымъ могучимъ выразителемъ инстинктовъ своего времени. Каждая историческая эпоха выдвигала людей, стремившихся высвѣтиться надъ тѣмъ положеніемъ, въ которое ихъ поставили рожденіе и игра случая. Но не всегда честолюбивые разночинцы должны были обладать одинаковыми качествами для того, чтобъ осуществить свои стремленія и достигнуть того положенія, которое являлось предметомъ зависти для современниковъ. Въ эпоху феодализма или въ XVII вѣкѣ вождѣнія отдѣльных лицъ не могли переступать сословныхъ перегородокъ; самый безумный честолюбецъ не простиралъ своихъ притязаній дальше верхней ступени той лѣстницы, которая дана была въ удѣлъ его кастѣ; самыя фантастическія мечты не могли побудить его къ состязанію со счастливыми представителями привилегированныхъ классовъ. Борьбѣ за матеріальныя и духовныя блага не было открыто широкаго простора: она была стѣснена узкими рамками сословныхъ различій; конкуренція ума и таланта, ставшая одной изъ главныхъ пружинъ современной намъ жизни, была почти невѣдома эпохамъ строгаго разграниченія общества. Эти условія стѣсняли личную инициативу. Стремясь къ постепенному захвату жизненныхъ преимуществъ, человѣкъ сталкивался на этомъ пути съ традиціей, на которую не рѣшался посягнуть самый смѣлый искатель. О коренной ломкѣ традиционныхъ установленій, мѣшавшихъ индивидуальнымъ стремленіямъ, до XVIII вѣка мечтали очень рѣдко и притомъ только умы, далеко возвышавшіеся надъ общимъ уровнемъ.

Только въ XVIII вѣкѣ начинается послѣдняя агонія старыхъ подраздѣленій, а снизу поднимаются новыя силы, заявляющія свое притязаніе на равное мѣсто съ дряхлѣющими сословіями. Въ завязавшейся борьбѣ одни выставили въ качествѣ оружія умирающую традицію, другіе противопоста-

вили имъ личныя достоинства, умъ и сознание справедливости своихъ домогательствъ. Не трудно было предвидѣть, на чьей сторонѣ будетъ побѣда.

Двадцатые и тридцатые годы прошлаго вѣка, духъ которыхъ вѣялъ надъ колыбелью будущаго сатирика дворянскихъ привилегій, были въ то же время колыбелью третьяго сословія. Во время регентства герцога Орлеанскаго и правленія герцога Бурбона и кардинала Флери, правительство сильно покровительствовало торговлѣ, ремесламъ и промышленности, биржа становится могучею силой; буржуазія все болѣе и болѣе развивается въ себѣ тѣ качества, которыя вскорѣ становятся основой ея благосостоянія. Въ то время, какъ изнѣженный дворянинъ, послѣдній отпрыскъ вырождающихся фамилій, изощрялся въ изобрѣтеніи новыхъ средствъ для удовлетворенія своего притупленнаго чувства, тратилъ свои слабыя силы и дѣдовское наслѣдство въ роскошныхъ гостинныхъ, гдѣ все, начиная съ удобной восточной софы и кончая тяжелыми занавѣсами, приятно смягчавшими яркій солнечный свѣтъ, было приурочено къ потребностямъ нѣги и сладоустрасія,—въ это время здоровый, сильный буржуа, полный энергій, развивалъ въ себѣ предпримчивость и трудолюбіе. Онъ работалъ въ области философіи и политики. Въ его руки постепенно переходили торговля и промышленность.

Таковъ былъ первый результатъ начинавшагося броженія: буржуа почувствовалъ свое превосходство надъ привилегированными сословіями въ умственномъ, нравственномъ и экономическомъ отношеніяхъ.

Но въ то время, какъ была одержана эта внутренняя побѣда, съ внѣшней стороны положеніе буржуазіи оставалось незавиднымъ. Послѣ смерти Людовика XIV началась, какъ извѣстно, аристократическая реакція. Дворяне снова становятся между королевскимъ правительствомъ и третьимъ сословіемъ. Лучшія мѣста, почетныя должности, даже архіепископскія кафедръ попадаютъ въ руки дворянскихъ дѣтей—невѣжественныхъ, распутныхъ и невѣрующихъ. Представители буржуазіи при своемъ внутреннемъ превосходствѣ горько чувствуютъ свое униженіе. И вотъ изъ среды этой униженной буржуазіи выходятъ величайшіе мыслители XVIII вѣка; личныя обиды и оскорбленія даютъ имъ матеріалъ и аргументы для защиты правъ человѣческой личности. Потребности человѣка они кладутъ въ основу идеальнаго порядка жизни. Разумъ замѣняетъ опрокинутыхъ старыхъ боговъ: вѣру и традицію, и исторію, и опытъ, и наблюденіе; онъ довѣдетъ самъ себя; всѣ его выводы вытекаютъ изъ него самого; на основаніи ихъ философы требуютъ перестройки всей жизни.

Философы подготовили умы къ революціи. Но у стараго порядка былъ еще другой врагъ, едва ли не болѣе опасный, чѣмъ сами философы, объявившіе ему открытую войну. Этотъ врагъ былъ тѣмъ неуязвимѣе, что онъ незамѣтно для себя, безсознательно подрывалъ тотъ самый строй, противъ котораго сознательно боролись теоретики. Этимъ врагомъ явились тѣ умны и предпримчивые разночинцы, которые, не задумываясь теоретически надъ своимъ отношеніемъ къ окружающему, отделились практической дѣятельно

сти. Словно инстинктомъ почувявъ начало новой жизни, они на практикѣ осуществляли то, что проповѣдывалось въ трактатахъ Вольтера и Руссо. Они руководились главнымъ образомъ эгоистическимъ стремленіемъ захватить на свою долю какъ можно больше жизненныхъ преимуществъ, выбиться на самую вершину. Для нихъ безразличны средства: они охотно употребляютъ въ свою пользу старые предрассудки, но такъ же охотно прибѣгаютъ къ помощи новыхъ понятій, когда это выгодно имъ. У нихъ нѣтъ опредѣленнаго круга идей, они не сознаютъ, подобно философамъ, того мѣста, которое занимаютъ въ великомъ конфликтѣ. Такъ, они не прочь добиваться дворянскаго званія не потому, чтобы съ понятіемъ объ этомъ званіи у нихъ связывались всѣ тѣ представленія, которыя существовали въ умѣ природнаго аристократа, а потому, что это званіе давало имъ лишнее средство для побѣды въ борьбѣ на жизненномъ пиру. Вступая въ замкнутое прежде сословіе, они вносили въ его среду новыя понятія, разрушали единство чувства и воззрѣній, которое объединяло привилегированную касту, — и потрясали самую основу стараго порядка.

Эти талантливые разночинцы нерѣдко даже не сознавали, что за одно съ философами они трудятся надъ однимъ общимъ дѣломъ, вмѣстѣ съ ними творятъ свою разрушительную работу. Нерѣдко они даже сталкивались съ философами и становились во враждебныя къ нимъ отношенія. Достигнувъ верхнихъ ступеней соціальной лѣстницы, они однимъ своимъ появленіемъ въ верхнихъ слояхъ содѣйствовали образованію новаго порядка жизни, принося силу, увѣренность и реальныя потребности туда, гдѣ прежде царил дряхлая, отвлеченная традиція, лишенная всякаго колорита современности. Фонтенель, еще вполне сынъ стараго порядка, достигнувъ почти столѣтняго возраста, съ горестью говорилъ, что его всего болѣе пугаетъ та увѣренность, съ которою теперь каждый выставляетъ и утверждаетъ свое собственное мнѣніе. Въ этихъ словахъ одного изъ лучшихъ людей эпохи мѣтко указана причина переворота. Она заключалась въ томъ, что новый классъ, выдвигаясь на авансцену, принесъ съ собою новый взглядъ на человѣка, на значеніе и права отдѣльной индивидуальности и новые приемы борьбы за существованіе.

II.

Бомарше является въ этомъ смыслѣ типичнѣйшей фигурой охарактеризованной выше переходной эпохи. Онъ обладалъ всеми данными для того, чтобы въ своей сложной личности совмѣстить самыя заветныя стремленія лучшей группы общества, которая давала тонъ и направленіе всей французской жизни прошлаго столѣтія. Богато-одаренная натура позволила ему совершенствѣ усвоить всѣ тѣ приемы, обратить въ свою пользу всѣ средства борьбы, которыя выработала буржуазія. Поэтому достаточно воспроизвести главные моменты этой одной богатой приключеніями жизни, достаточно припомнить главные преграды, разрушенныя Бомарше

въ его неуклонномъ шествіи впередъ, въ его упрямомъ стремленіи кверху, и предъ нами воскреснетъ картина великой борьбы, ознаменовавшей прошлое столѣтіе. Несмотря на его изумительную энергію, имя Бомарше не было бы занесено на страницы исторіи, какъ погибли многочисленныя имена другихъ гениальныхъ разночинцевъ, умѣвшихъ не хуже его пробивать себѣ дорогу. Но Бомарше суждено было создать безсмертный поэтический памятникъ той эпохи, въ гениально-выполненномъ художественномъ образѣ навсегда запечатлѣть даровитыхъ плебеевъ, сумѣвшихъ сокрушить всё препятствія въ своемъ побѣдоносномъ шествіи.

Бѣдный часовщикъ и могучій миллионеръ, управляющій судьбами общества и государства,—таковы два крайнихъ полюса жизни Бомарше. Въ царствѣ сказокъ подобныя превращенія совершаетъ прихотливый случай или какая-нибудь добрая царица фей, карающая пороки и награждающая добродѣтели. Но въ жизни Бомарше не было подобной случайности, здѣсь каждый шагъ завоеванъ; это—сказка новаго времени, исторія борца, лучше другихъ сумѣвшего подчинить себѣ обстоятельства, сумѣвшего въ вѣкъ зарожденія капитализма овладѣть тѣми миллионами, которые даютъ силу и значеніе современному человѣку.

Даровитый плебей при началѣ своей карьеры, онъ въ короткое время пріобрѣтаетъ все, что составляетъ предметъ зависти для его современниковъ, не только людей его класса, но и всѣхъ классовъ и группъ общества; онъ достигаетъ богатства, дворянства, онъ приближается къ королю, занимаетъ крупное положеніе въ торговомъ мірѣ, обманываетъ искуснѣйшихъ дипломатовъ, становится могучей пружиной мировой политики; на его долю выпадаетъ слава публициста съ такимъ общественнымъ вліяніемъ, которому могъ бы позавидовать самъ Вольтеръ. Наконецъ, какъ писатель-художникъ, онъ наслаждается безпримѣрнымъ успѣхомъ; его пьесы сопровождаются неслыханными триумфами; общество какимъ-то стихійнымъ напоромъ вырываетъ ихъ изъ когтей цензуры, упивается ими; онъ выдерживаетъ десятки представленій подрядъ; публика ломится въ театръ, разбиваетъ барьеры, жадно ловитъ каждое слово, покрывая его громомъ рукоплесканій.

Преобладающія черты, доставившія Бомарше эти сказочныя успѣхи,—практическая универсальность и умѣнье подчинять дѣйствія людей и ходъ событій своимъ интересамъ. Бомарше не сразу понялъ свое истинное призваніе. Онъ охотно берется за всякое дѣло, ориентируется во всякой обстановкѣ, всегда преслѣдуя одну цѣль: выдвинуться во что бы то ни стало и извлечь какъ можно большую пользу изъ окружающихъ его людей и изъ самаго дѣла. Родившись въ семьѣ часовщика, онъ принимается за ремесло отца и вскорѣ пріобрѣтаетъ славу на этомъ поприщѣ. Имя его доходитъ до академій и двора; онъ получаетъ званіе королевскаго часовщика.

Изобрѣтеніе, принесшее ему эту громкую извѣстность, доставило ему возможность испытать свои силы и на другомъ поприщѣ. Нѣкто Лепотъ сталъ оспаривать собственность открытія. Возмущенный изобрѣтатель под

налъ ожесточенную войну противъ своего врага, довелъ споръ до академии и заставилъ ее рѣшить дѣло въ свою пользу. Мало того, онъ дѣлаетъ первое воззваніе къ общественному мнѣнію и печатаетъ свою защиту въ *Меркуріи*.

Эта борьба обнаруживаетъ въ немъ таковой геній адвоката и публициста, предъ которымъ ступевывается талантъ механика.

Но и этого мало. Бомарше еще не навлекъ изъ счастливаго случая всего, что можно. И вотъ, пользуясь широкой извѣстностью, которую приобрѣло его дѣло съ Лепотомъ, онъ завязываетъ сношенія со дворомъ, получаетъ тамъ заказы, становится поставщикомъ всемогущей Помпадуръ, а черезъ нее—поставщикомъ короля. Женщинъ Бомарше превращаетъ въ такое же орудіе своихъ цѣлей, какъ и все, что встрѣчается ему на пути. Госпожа Франке, знатная придворная дама, случайно является къ нему за заказомъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мужъ ея, занимавшій почетную должность при дворѣ, уже уступаетъ эту должность за небольшую сумму нашему герою. Проходитъ еще нѣсколько мѣсяцевъ, и Бомарше становится мужемъ овдовѣвшей г-жи Франке, а вмѣстѣ съ тѣмъ впервые присоединяетъ фамилію Бомарше къ своему прежнему мѣшанскому имени Барона. Не прошло и года послѣ женитьбы, какъ умерла жена Бомарше. Неумоимый искатель прибѣгаетъ къ новому средству, онъ становится увеселителемъ четырехъ старыхъ дѣвъ, скучающихъ дочерей Людовика XV. Остроуміе, изобрѣтательность по части развлеченій и неожиданно обнаружившійся новый крупный талантъ арфиста дѣлаютъ его любимцемъ всего домашняго кружка королевскихъ дочерей.

Зная непоередственную, живую и чувствительную натуру Бомарше, легко понять, какихъ неимоверныхъ усилій, какихъ страшныхъ, скрытыхъ отъ посторонняго глаза мукъ стоило ему забавлять скучающихъ и скучныхъ дѣвъ, сочинять куплеты, придумывать игры и пр. Но Бомарше смотрѣлъ далеко впередъ и терпѣливо ждалъ. И случай скоро представился.

Бомарше удалось познакомиться съ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ придворныхъ, любимцемъ Помпадуръ, виднымъ представителемъ финансовой аристократіи. Пари Дюверне является одной изъ характернѣйшихъ фигуръ въ эту эпоху начала свободной конкуренціи. Нѣкогда половой въ придворномъ трактирѣ, Дюверне достигаетъ неслышаннаго финансоваго могущества. При помощи дочерей Людовика XV, Бомарше удается оказать крупную услугу миллионеру, осуществить его завѣтное желаніе. Именно благодаря Бомарше, король обратилъ вниманіе на основанную Дюверне военную школу и даже посѣтилъ ее, чего въ теченіе продолжительнаго времени тщетно домогался честолюбивый богачъ.

Съ этихъ поръ Бомарше перестаетъ нуждаться. Дюверне дѣлаетъ его участникомъ своихъ операций, ссужаетъ деньгами, и страстные мечты даровитаго плебея начинаютъ превращаться въ дѣйствительность: онъ приблизился къ миллионамъ, они проходятъ черезъ его руки, но не ослѣпляютъ его. Онъ еще не всего достигъ, онъ не чувствуетъ себя равнымъ при-

роднымъ аристократамъ, онъ не удовлетворяетъ ихъ понятіямъ, они смотрятъ на него свысока: онъ—не дворянинъ. Крупная сумма денегъ доставляетъ ему мѣсто королевскаго секретаря, а вмѣстѣ съ тѣмъ давно желанное дворянство. И въ новой роли, какъ и всегда, Бомарше умѣетъ отстаивать свои права. Его преслѣдуютъ колкими замѣчаніями, смѣются надъ его плебейскимъ происхожденіемъ, но злыя остроты новаго дворянина, его умѣнье отпарировать удары, подмѣтить слабыя стороны враговъ и уязвить ихъ, вскорѣ заставляютъ умолкнуть нападающихъ.

III.

Главные моменты быстрой карьеры Бомарше, воспроизведенные здѣсь, позволяютъ опредѣлить основныя черты, характеризующія тѣхъ многочисленныхъ и даровитыхъ разночинцевъ прошлаго вѣка, типичнымъ представителями которыхъ являются такіе люди, какъ Дюверне и Бомарше.

Прежде всего это люди практики, быстро усваивающіе все, что необходимо для жизненной борьбы. Бомарше является предъ нами въ самыхъ разнообразныхъ видахъ: то онъ искусный механикъ, то гениальный адвокатъ, то ученый юристъ. Необыкновенный актеръ и горячій искренній ораторъ, коварный дипломатъ и сентиментальный музыкантъ уживаются рядомъ въ этой сложной натурѣ. Въ вопросахъ этики эти люди не особенно строгіе ригористы. Бомарше допускаетъ въ борьбѣ всѣ приемы, онъ умѣетъ льстить и унижаться, когда того требуютъ обстоятельства, онъ лжетъ, не колеблясь, прибѣгаетъ къ подкупу, не уклоняется даже отъ такихъ орудій борьбы, какъ клевета и сплетня. Враги приписывали Бомарше отравленіе жены. Всѣ данныя заставляютъ отнести это обвиненіе къ области выдумокъ. Но самое распространеніе, которое получилъ этотъ слухъ въ широкихъ сферахъ, очень важенъ для характеристики какъ Бомарше, такъ и его времени. Жестокій послѣдній поединокъ двухъ группъ общества сдѣлалъ преступленіе обычнымъ орудіемъ. Этотъ поединокъ создалъ и внѣшніе признаки, по которымъ однимъ не трудно было предугадать близкое торжество разночинца и паденіе дворянства. Бомарше точно издѣвается надъ своими врагами, онъ любитъ играть опасностью, онъ полонъ того задора, той дерзости и грубости, которыя всегда отличаютъ человѣка, долго бывшаго въ униженіи и вдругъ почувшаго свою силу. Онъ чувствуетъ, что за него ходъ событій. Въ самыхъ домогательствахъ его скрывается какая-то пренебрежительная иронія. Онъ какъ бы хочетъ показать, что глубоко презираетъ тѣ преимущества, которыя такъ дороги людямъ стараго строя; и въ то же время онъ овладѣваетъ этими преимуществами, доказывая этимъ, что подъ его презрѣніемъ отнюдь не скрывается собственное безсиліе. Бомарше играетъ людьми и обстоятельствами; онъ ясно видитъ свое превосходство, обезпечивающее ему вѣрную побѣду, эти условія придаютъ всей борьбѣ мягкій, веселый колоритъ, лишаютъ трагическаго отпечатка.

Быть может современники не разглядѣли бы великаго общественнаго значенія, которое имѣла его борьба, повидимому совершенно частнаго характера. Но Бомарше самъ позаботился о томъ, чтобы подчеркнуть связь, существовавшую между его личными стремленіями и интересами общества. Онъ сумѣлъ гениально раскрыть современникамъ, какое огромное общее значеніе имѣли встрѣченныя имъ на пути преграды.

И когда рѣчь зашла объ интересахъ того класса, который находился съ нимъ въ одинаковыхъ условіяхъ, тогда Бомарше отбросилъ свой веселый ироническій взглядъ на жизнь. Изъ ловкаго авантюриста, у котораго нѣтъ ничего святаго, онъ превращается въ народнаго трибуна; общественныя инстинкты сливаются въ одно нераздѣльное цѣлое съ его собственными; онъ является выразителемъ стремленій массы, становится ея глашателемъ и кумиромъ. Въ неподражаемую форму облачаетъ онъ то, что накопилось вѣками въ миллионахъ сердець, и если философы обобщили желанія вѣка въ стройныхъ политическихъ и философскихъ системахъ и повліяли на подъемъ самосознанія среди умственной аристократіи, то Бомарше переложилъ эти системы на практическій языкъ массы и далъ возможность ей сознательно отнестись къ окружающему и къ своему положенію.

Событіе, которое дало Бомарше поводъ привлечь на свою сторону общественное мнѣніе, не выходило изъ ряда обыкновенныхъ. Бомарше поссорился изъ-за женщины съ вліятельнымъ аристократомъ, герцогомъ де Шонъ. Брѣвко держался еще старый порядокъ: хотя виноватымъ былъ герцогъ, въ тюрьму попалъ Бомарше, а не этотъ потомокъ вырождающейся фамиліи. Въ этому присоединилось другое обстоятельство. 17 іюля 1770 года умеръ Дюверне, завѣщавшій значительную сумму своему протеже. Графъ де-Лаблашъ, законный наследникъ покойнаго, всею душою ненавидѣвшій Бомарше, имѣвшаго такое огромное вліяніе на его богатаго родственника, сталъ оспаривать завѣщаніе, несмотря на то, что завѣщанная Бомарше сумма составляла ничтожную часть сравнительно съ миллионами, доставшимися самому Лаблашу. Возмущенный Бомарше пустилъ въ ходъ всѣ средства, подсказанныя ему его практическимъ гениемъ. Онъ добился права выходить изъ тюрьмы, умалялъ судей, обращался къ ненавистнымъ членамъ парламента, Мопу, наконецъ подкупилъ доглядчика Гецмана, но ничто не помогло. Еще держался старый порядокъ: Бомарше проигралъ процессъ. Но опозоренный и лишенный средствъ, покинутый королемъ и принцессами, опасавшимися безпокойнаго человѣка, ненавидимый все еще могущественной знатью, Бомарше все-таки не сдался. Онъ отыскалъ себѣ союзника.

И этотъ союзникъ оказался столь могучимъ, что при помощи его Бомарше вышелъ побѣдителемъ изъ неравной борьбы и сокрушилъ всѣхъ своихъ враговъ.

IV.

Когда дѣло Бомарше было проиграно, г-жа Гецманъ возвратила ему всѣ деньги, данныя ей мужу въ видѣ подкупа, за исключеніемъ пятнадцати

луидоровъ, уплаченныхъ секретарю. И эта ничтожная сумма сдѣлалась центромъ такой борьбы, которую не часто видѣла даже Франція, знавшая процессы Балласа, Сирвена и другія знаменитыя «дѣла», не разъ дѣлившія страну на два враждебныхъ лагеря. Бомарше выпускаетъ въ свѣтъ одинъ за другимъ свои знаменитые четыре «Мемуара», и эти-то мемуары и доставили ему могучаго союзника—общественное мнѣніе. Геніальныя острооты переходятъ изъ устъ въ уста, враги Бомарше краснѣютъ отъ стыда; на улицахъ, въ театрѣ, въ салонахъ они слышатъ направляемыя по ихъ адресу мѣткія выраженія, которыми навсегда заклеили ихъ непобѣдимый противникъ. Самъ король и аристократы, очарованные обаятельной формой мемуаровъ, восторгаются и зачитываются ими, не подозревая, что эти геніальныя страницы уносятъ почву изъ-подъ ихъ ногъ и готовятъ имъ вѣрную гибель. На придворной сценѣ разыгрываютъ отдѣльные эпизоды мемуаровъ. Вольтеръ, еще недавній сторонникъ парламента Мопу, начинаетъ отступать. Вольтеръ, нѣкогда рекомендовавшій въ академію кандидатуру Марена, одного изъ лицъ, выведенныхъ въ мемуарахъ, пишетъ маркизу де-Флоранъ: «Гецманъ въ этихъ мемуарахъ втоптанъ въ грязь, а Марель погруженъ въ нее съ головой».

Бомарше искусно воспользовался своей способностью играть на слабыхъ струнахъ французскаго общества. Онъ хорошо зналъ своихъ соотечественниковъ, поэтому облекъ свои мемуары въ удивительную форму, сумѣлъ сздать рядъ неожиданныхъ сценъ, поражающихъ своимъ разнообразіемъ, полныхъ прелести и остроумія, внесъ массу пикантныхъ подробностей относительно г-жи Гецманъ и другихъ своихъ многочисленныхъ противниковъ, наконецъ, подъ видомъ отвѣта на обвиненія анонимной брошюры (которую молва приписывала ему самому) онъ рассказалъ рядъ трогательныхъ, быть можетъ вымышленныхъ эпизодовъ изъ своей собственной жизни, и впечатлительные французы, падше на все сенсаціонное на все, что подернуто таинственной романической дымкой, попадаютъ на эту удочку, рукоплещутъ своему любимцу и плотной стѣной становятся вокругъ него. Бомарше обнаруживаетъ новый изумительный даръ, какъ бы предвосхищая всѣ приемы общественной жизни новаго времени, именно—поразительное умѣнье распространять и рекламировать свои сочиненія. Въ этомъ дѣлѣ онъ проявляетъ такую изобрѣтательность, которой позавидовалъ бы предприимчивый американецъ нашего времени.

Но не въ одной несравненной ловкости автора и въ неподражаемой формѣ мемуаровъ заключалось ихъ значеніе. Бомарше сумѣлъ подслушать бѣненіе пульса своего времени. Борясь со своими врагами, онъ переводилъ свое личное дѣло на общую почву, онъ раскрывалъ всѣ тайныя раны стараго порядка и громко высказывалъ то, что чувствовали и понимали всѣ. Ядовитыми стрѣлами поражаетъ онъ Лаблаша, но эти стрѣлы разлетаются во всѣ стороны и вмѣстѣ съ Лаблашемъ смертельно поражаютъ всю одичавшую французскую знать. Въ лицѣ Гецмана безпощадный блкъ геніальнаго сатирика наноситъ удары всѣмъ судебнымъ установленіямъ ста-

раго порядка. Бомарше попрежнему не создает философской обобщающей системы, он имѣетъ дѣло съ отдѣльными фактами, но выводы вытекаютъ сами собою. Изрѣдка только указываетъ онъ на возможные реформы, такъ, наприм., онъ ратуетъ за судъ присяжныхъ. Его мемуары тѣмъ не менѣе приобретаютъ огромное значеніе, они даютъ обильный матеріалъ для правильнаго пониманія зла, для неумолимой критики отживающаго строя, и сложившаяся впоследствии шутка о томъ, что Louis Quinze устроилъ парламентъ, а quinze louis, разрушили его, несмотря на свою видимую парадоксальность, заключала въ себѣ суровую истину.

Побѣда была полная. Гециманы были опозорены и никогда уже не могли подняться, а вмѣстѣ съ ними былъ подорванъ авторитетъ всего, чѣмъ держался старый порядокъ. Бомарше сталъ идоломъ массъ. Судъ, осудившій г-жу Гециманъ, приговорилъ въ уступку знати къ позорному выговору и Бомарше. Но этой части своего рѣшенія суду не удалось провозгласить публично. Прорвавшееся наружу съ стихійной силой негодованіе толпы, перешедшее въ бурную овацію по адресу Бомарше, заглушило чтеніе приговора.

Если Людовикъ XV распустилъ парламентъ Мопу, то дѣло Гецимана играло не послѣднюю роль въ этомъ фактѣ.

Бомарше воплотилъ въ своей личной исторіи не только ходъ борьбы третьяго сословія съ привилегированными классами, но и высшій кульминаціонный моментъ социальнаго торжества буржуазіи, а также начало ея упадка,—тотъ моментъ, когда она перестаетъ быть выразителемъ задачъ вѣка. Вскорѣ послѣ процесса Гецимана Бомарше достигаетъ неслыханнаго вліянія, выполняетъ самыя загадочныя и сложныя дипломатическія миссіи, держитъ въ своихъ рукахъ нити интриги, въ которой замѣшаны монархи, и, наконецъ, совершаетъ быть можетъ величайшій подвигъ своей жизни. Дѣлу освобожденія молодого народа, американскихъ колоній онъ одинъ оказываетъ такую услугу, которой не могла бы оказать могущественная держава. Непокоримая энергія, проявленная въ этомъ дѣлѣ, страшная агитація, затѣванная при дворѣ и по всей Франціи, таинственный торговый домъ Родригъ Горталестъ и К°, ворочающій милліонами, снабжающій инсургентовъ порохомъ и ружьями, пушками и съѣстными припасами, десятки судовъ, снующихъ между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ и отвозящихъ тысячи волонтеровъ на борьбу съ угнетателями,—всѣ эти почти сказочныя по своей грандіозности движенія возникаютъ благодаря искусству одного человѣка.

И этимъ человѣкомъ былъ Бомарше.

Остается напомнить послѣдніе, печальные моменты жизни Бомарше, чтобъ изобразить полную эволюцію того историческаго движенія, которое отразилось въ его личной судьбѣ.

Борьба противъ привилегированныхъ сословій сблизила зажиточную и образованную буржуазію съ низшими классами. Когда третье сословіе создавало революцію, за нимъ стояли крестьянныя и рабочія. Положеніе этихъ не-

счастливыхъ было ужасно. Жестокій цеховой гнетъ лишилъ ихъ всякой индивидуальности, отнялъ возможность развитія и сколько-нибудь человѣческаго существованія. Удары, тюрьма и смерть—таковы были единственныя наказанія, которыя признавалъ для нихъ законъ за малѣйшіе проступки. Но проходить нѣкоторое время, и аристократія денегъ смѣняетъ аристократію рожденія. Не трудно было предвидѣть, что по окончаніи революціи, вынесенной этими оборванцами на своихъ плечахъ, они потребуютъ отъ третьяго сословія себѣ долю тѣхъ благъ, которыя были отвоены у привилегированныхъ классовъ. И тогда испуганная буржуазія, ставъ лицомъ къ лицу съ этимъ новымъ противникомъ, забудетъ провозглашенныя ею идеи равенства и братства, повернетъ къ идеямъ авторитарнымъ и ухватится за жалкіе обломки сокрушеннаго дворянства, видя въ старыхъ взглядахъ этого послѣдняго испытанное средство угнетенія и пораженія народа.

Бомарше суждено было закончить свое существованіе у преддверія этого рокового конфликта, захватившаго послѣдніе годы его существованія.

Довольный и счастливый, прославленный и богатый, онъ забылъ подъ конецъ своей жизни о той массѣ, изъ которой вышелъ самъ и которой такъ много говорили его творенія, и занялся сооруженіемъ чуднаго палаца, дивомъ роскоши и искусства. Самое убранство этого дворца свидѣтельствовало о пошлости вкуса. Это былъ вкусъ богатаго фермера, создавшаго новѣйшій брикъ-а-бракъ, беспорядочно сваливающаго въ своемъ домѣ произведенія всѣхъ стилей и временъ. А по сосѣдству съ этой прихотливой и дорогой затѣей недавняго плебея находились жалкія улицы рабочаго предмѣстья св. Антонія. Бомарше пережилъ свою славу. Онъ покинулъ все, за что бессмертными буквами исторія вписала его имя на свои страницы. Лучшіе люди оппозиціи разочаровались въ немъ. Онъ искалъ союза съ представителями того порядка, противъ котораго онъ ратовалъ. Когда 14 іюля 1789 года Бомарше увидѣлъ паденіе Бастиліи, увидѣлъ эти несмѣтныя массы, неудержимымъ напоромъ разрушавшія все на своемъ пути, онъ позаботился только о сохраненіи своего дворца, ужаснулся страшнымъ послѣдствіямъ своей собственной проповѣди и рисовалъ въ «Тарарѣ» идилическую картину трогательнаго единенія между королемъ и народомъ. Бомарше видѣлъ передъ собою новыхъ борцовъ, которые требовали у разбогатѣвшихъ людей завоеванныхъ преимуществъ такъ же, какъ нѣкогда онъ самъ вырывалъ ихъ изъ рукъ привилегированныхъ классовъ, получившихъ ихъ по праву рожденія.

V.

«Потому только, что вы знатный вельможа, вы считаете себя великимъ гениемъ. Высокое происхожденіе, богатство, знатность могутъ хоть кому вскружить голову. Что же вы совершили для полученія столькихъ благъ? Дали себѣ трудъ родиться—и только. Во всемъ прочемъ вы—очень обыкновенный человѣкъ. Я же, чортъ возьми, бѣднякъ, затерянный въ сѣрой толпѣ, которому пришлось развернуть столько знаній и сообразительности

для поддержанія лишь своего существованія, сколько за цѣлое столѣтіе не было затрачено ихъ по всѣмъ управленіямъ Испаніи, и вы хотите еще бороться со мною».

Въ этихъ словахъ вся исторія и весь характеръ бессмертнаго героя, созданнаго Бомарше, весельчака Фигаро. Бѣдность и низкое происхожденіе—дары, которыми наградила его природа, борьба и интрига—его стихія, ненависть къ знати—его вдохновляющій стимулъ, умъ и изворотливость—его главные орудія въ борьбѣ, веселость и иронія — внѣшніе признаки. Фигаро не сразу становится такимъ, какимъ онъ является въ этомъ знаменитомъ монологѣ. Подобно своему творцу, онъ прошелъ сложную и поучительную эволюцію. Онъ—двойникъ Бомарше. Не разъ уже проводилась связь, существовавшая между отдѣльными моментами трилогіи и фактами изъ жизни Бомарше. Гениальный писатель всю жизнь не разставался съ своимъ героемъ, какъ Гёте съ Фаустомъ или Байронъ съ Чайльдъ - Гарольдомъ.

Каждая великая историческая эпоха, если отбросить ея ошибки и заблужденія, оставляетъ послѣ себя нѣчто вѣчное и неизгладимое. Цѣною многочисленныхъ жертвъ она завоевываетъ для человѣчества одну изъ вѣчныхъ идей, служитъ яркимъ выраженіемъ одной изъ вѣчныхъ присущихъ человѣческому духу потребностей и подвигаетъ человѣчество на шагъ впередъ по пути прогресса и самосознанія. Истина, выношенная извѣстной исторической эпохой, побѣдоносно прошедшая всѣ превратности, становится достояніемъ массъ, дѣлается нераздѣльной частью человѣческаго сознанія. Но это духовное завоеваніе достается человѣчеству не даромъ, и исторія его не менѣе интересна и поучительна, чѣмъ самый результатъ. Великія художественныя произведенія тѣмъ и велики, что они увѣковѣчиваютъ въ конкретной, доступной для массъ формѣ самую идею и оставляютъ въ то же время памятникъ, указывающій тотъ путь, которымъ человѣчество пришло къ этой идѣѣ.

Трилогіи Бомарше принадлежитъ эта двойная заслуга по отношенію къ одному изъ величайшихъ завоеваній новаго времени. Исторія Фигаро—это путь, по которому прошла великая идея равенства и демократизма, прежде чѣмъ сдѣлаться достояніемъ массъ; рѣчи Фигаро—лучшее выраженіе этой идеи изъ всѣхъ извѣстныхъ человѣчеству.

Въ первой части трилогіи Фигаро—только слуга. Онъ еще не оперился и не рѣшается вступить въ борьбу со знатью; онъ пока еще безсиленъ, хотя смутно уже чувствуетъ свою будущую силу. Безъ своего господина, самъ по себѣ, онъ еще не имѣетъ никакого значенія. При встрѣчѣ съ своимъ бывшимъ господиномъ онъ рассказываетъ свои злоключенія. Духъ стаи о порядке вѣдетъ въ этомъ рассказѣ бѣднаго искателя фортуны. Онъ прохотѣть быть литераторомъ и драматургомъ, онъ набилъ партеръ здоровыми боками, но республика литераторовъ оказалась стаей волковъ, вѣчно готова пожрать другъ друга. Обремененный долгами и съ необыкновенно легкимъ кошелькомъ, онъ убѣдился, что существенные доходы отъ бритвы пред-

почтительнѣе славы пера. Съ легкимъ багажомъ своимъ подѣ мышкой онъ отправился блуждать по странѣ. Принятый съ объятіями въ одномъ городѣ, запряганный въ кутузку въ другомъ, но вездѣ при всякомъ случаѣ ставя себя выше обстоятельствъ, благославляемый одними, прокливаемый другими, помогая удачѣ и стойко вынося удары судьбы, осмѣивая дураковъ, отвращиваясь отъ злыхъ людей, подтрунивая надъ своей бѣдностью и брея бороды цѣлому свѣту, онъ добрелъ до Севильи и поселился тамъ, добывая себѣ существованіе своимъ ремесломъ. И какъ обрадовался Фигаро при встрѣчѣ съ графомъ Альмавивой, у котораго онъ нѣкогда служилъ лакеемъ! Точно какая-то сила влекла его къ сильнымъ міра сего, точно чуялъ онъ, что тамъ ожидаетъ его достойная карьера. Но въ *Севильскомъ цирюльникѣ* Фигаро еще не помышляетъ о борьбѣ; онъ покуда еще вѣрный слуга своего господина, и протесты противъ неравенства и угнетателей, такъ часто вылетающіе изъ устъ героя въ *Женитьбѣ Фигаро*, почти не слышны въ *Севильскомъ цирюльникѣ*. Мысль о состязаніи съ графомъ Альмавивой не могла бы придти въ голову герою первой части трилогіи. Онъ какъ бы признаетъ неравенство состояній существующимъ фактомъ, съ которымъ слѣдуетъ мириться, и если стремится къ улучшенію своего положенія, то только при помощи подачекъ, которыхъ онъ добивается у того же графа. Это еще слуга стараго порядка, его желанія и стремленія еще не потрясаютъ сословныхъ перегородокъ.

Тѣмъ не менѣе уже въ *Севильскомъ цирюльникѣ* въ зачаточномъ состояніи проявляются основныя черты характера Фигаро. Онъ прежде всего человекъ интереса, а не какихъ-нибудь высшихъ побужденій. Фигаро считаетъ самыми прочными тѣ отношенія, которыя построены на взаимномъ интересѣ. Когда графъ выражаетъ сомнѣніе въ его вѣрности, Фигаро восклицаетъ: «Чтобъ убѣдить васъ, не стану прибѣгать къ громкимъ фразамъ о чести и преданности, ими нынче вошло въ обычай злоупотреблять ежедневно. Я скажу лишь, что въ этомъ мой собственный интересъ. Кладите смѣло все на эти вѣсы».

И Фигаро дѣйствительно все кладетъ на эти вѣсы. Всѣ факты и всѣхъ людей онъ оцѣниваетъ, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія той пользы, которую можно извлечь изъ нихъ. Когда графъ, узнавъ, какую услугу можетъ оказать ему Фигаро, въ восторгѣ обнимаетъ его и называетъ своимъ ангеломъ-освободителемъ, Фигаро видитъ въ этомъ только подтвержденіе своего матеріалистическаго мировоззрѣнія. «Эка, чортъ возьми!—восклицаетъ онъ,—какъ это нужда живо сближаетъ и равняетъ людей, уничтожая разстоянія».

Само собою разумѣется, что этическая сторона человѣческихъ поступковъ при такихъ взглядахъ отступаетъ на второй планъ. Когда Розина замѣчаетъ ему, что подслушивать нехорошо, Фигаро въ отвѣтъ произноситъ такую фразу, изъ которой видно, что въ словѣ «нехорошо» онъ даже и не можетъ уловить какого-нибудь другого содержанія, кромѣ идеи полезности или убыточности. «Подслушивать нехорошо?—съ наивнымъ изумле-

нѣмъ переспрашиваетъ онъ Розину.—А между тѣмъ, нѣтъ лучше средства, если желаешь что-нибудь узнать». Или, послушайте, какой афоризмъ изрекаетъ Фигаро, когда узнаетъ, что Базиль намѣренъ пустить въ ходъ клевету. Вы ждете отъ Фигаро проявленій негодованія, какого-нибудь намека на то, что онъ можетъ по достоинству оцѣнить и нравственную сторону этого гнуснаго средства. Ничуть не бывало. «Ну, и плутъ же этотъ Базиль!—говоритъ онъ.—Хорошо еще, что глупъ. Чтобы клевета имѣла успѣхъ въ свѣтѣ, необходимо имѣть извѣстное общественное положеніе, семейныя связи, имя, рангъ,—словомъ, вѣсь въ обществѣ. А Базиль-то? Если онъ и станетъ клеветать, кто повѣритъ ему?» Чтобы понять эту своеобразную постановку всѣхъ вопросовъ, необходимо перенестись въ этотъ вѣкъ зарожденія практицизма, создавшаго особый складъ ума у разночинца. Польза или вредъ всякаго явленія, прибыльность или убыточность—вотъ основныя точки зрѣнія, съ которыхъ слѣдуетъ приступать къ его оцѣнкѣ. Униженное положеніе плебея оправдывало это материалистическое воззрѣніе. Бомарше искусно вставилъ своего героя въ историческую обстановку; вотъ почему всѣ его сужденія, несмотря на свой отталкивающій характеръ, не вызываютъ отвращенія въ читатель или зритель, заставляя его быть снисходительнымъ.

Положеніе Фигаро требовало отъ него изобрѣтательности и изворотливости, и дѣйствительно уже въ первой части трилогіи его поступки показываютъ, что онъ развилъ въ себѣ эти качества до высокой степени совершенства. Онъ на каждомъ шагѣ выручаетъ Альмавиву и поражаетъ его своей ловкостью тамъ, гдѣ самъ Альмавива становится втупикъ.

Фигаро уже постигъ главную пружину новаго времени; онъ знаетъ силу и великое значеніе денегъ. Давая свои совѣты графу, онъ не забываетъ предупредить его захватить съ собою какъ можно больше денегъ, и когда графъ, этотъ наивный представитель старыхъ понятій, выражаетъ удивленіе по поводу этого напоминанія, Фигаро произноситъ одну изъ самыхъ характерныхъ для себя фразъ: «Золото, Боже мой, золото, да вѣдь это—нервъ всякой интриги».

Если требованія Фигаро въ *Севильскомъ цирюльникѣ* еще не велики, если онъ борется не изъ-за своихъ, а изъ-за чужихъ интересовъ, то во всякомъ случаѣ эта школа борьбы не проходитъ для него безслѣдно. Уже въ первой части онъ усваиваетъ себѣ тѣ приемы, которые пригодятся ему впоследствии, когда ему придется отстаивать свои собственные интересы. Фигаро начинаетъ любить битву самою по себѣ, независимо отъ результатовъ побѣды. «Чѣмъ труднѣе успѣхъ, тѣмъ усерднѣе слѣдуетъ приниматься за дѣло», говоритъ онъ. Успѣхъ, не требующій борьбы, не манитъ его. И онъ развиваетъ и совершенствуетъ свои качества: плутоватость, иронию, дерзость, граничащую съ нахальствомъ, пріобрѣтаетъ знаніе человѣческаго сердца вообще и женскаго въ особенности. Ему доставляетъ пока удовольствіе безкорыстно играть на струнахъ этого сердца. Но наступитъ время, когда Фигаро станетъ извлекать существенную для себя пользу изъ этихъ

знаній, доставшихся ему путемъ тяжкихъ лишеній. Словомъ, въ первой части трилогіи Фигаро хорошо приготовился къ борьбѣ.

VI.

«Не слѣдуетъ забывать, чѣмъ мы обязаны знатнымъ людямъ, — напротивъ, преимущества рожденія должны бы быть, по всей справедливости, признаваемы безусловно, потому что это даровое наследственное благодѣяніе по отношенію къ подвигамъ, добродѣтелямъ и качествамъ предковъ, унаследованнымъ ихъ потомками, никоимъ образомъ не можетъ задѣть самолюбія тѣхъ, кому ничего отъ нихъ не досталось».

Бто бы могъ повѣрить, что эти слова были написаны Бомарше, яримъ врагомъ привилегій рожденія, творцомъ Фигаро, воплотившимъ въ себѣ эту непримиримую вражду, а между тѣмъ это такъ. Бомарше не только написалъ эти слова, но и повторилъ ихъ въ предисловіи къ *Женитбѣ Фигаро* въ доказательство того, что онъ никогда прежде не былъ и во второй части трилогіи отнюдь не является противникомъ дворянскаго сословія. И Бомарше наивно вѣрилъ въ то, что говорилъ! «Въ произведеніи, которое я защищаю (т.-е. въ *Женитбѣ Фигаро*), — пишетъ Бомарше въ предисловіи, — нѣтъ нападокъ на сословіе, но на различныя неправды въ каждомъ изъ нихъ: только люди, виновные въ неправдахъ, считаютъ для себя полезнымъ ругать это произведеніе». Увы, эти «ругатели» были дальновиднѣе самого автора; ихъ опасенія оказались справедливыѣ. Но если Бомарше ошибся въ тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя должна была повлечь за собой его комедія, то онъ все-таки былъ искрененъ, онъ воображалъ, что возможно сохранить подраздѣленія стараго порядка и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить зло и несправедливость. Его комедія, противъ воли автора, приводила общество къ другимъ выводамъ; не его вина, что художникъ оказался въ немъ болѣе чуткимъ къ задачамъ времени, чѣмъ политическій мыслитель.

Въ своемъ предисловіи Бомарше защищаетъ всѣ учрежденія стараго порядка. «Слово «придворный», — говоритъ онъ, — обозначаетъ лишь извѣстное высокое положеніе лица, оно примѣняется къ почтенному лицу, ведущему блестящій образъ жизни, подобающій его сану. Если этотъ придворный любить добро по влеченію своего сердца, безкорыстно, если, не дѣлая никому зла, онъ пріобрѣтаетъ уваженіе старшихъ себя лицъ, любить равныхъ и цѣнить всѣхъ другихъ, — въ такомъ случаѣ это получаетъ новый блескъ, и мнѣ извѣстны даже такіе».

Бомарше защищаетъ судъ и адвокатуру. Благородное занятіе адвоката, — говоритъ онъ, — имѣетъ въ глазахъ моихъ важное значеніе; уваженіе же мое къ суду выше всякихъ подозрѣній. Далѣе Бомарше замѣчаетъ, что въ своей комедіи онъ не подрывалъ уваженія ни къ одному изъ существующихъ институтовъ, а только намѣчалъ путь къ желаннымъ реформамъ. Такъ смотрѣлъ на свою комедію самъ авторъ. Посмотримъ, дѣйствительно ли таково было значеніе его героя во второй части трилогіи.

Уже съ первыхъ моментовъ комедіи Фигаро выпускаетъ когти. Почти-

тельное отношеніе къ господину, сквозившее даже въ его дерзкихъ выходахъ въ *Севильскомъ цирюльникѣ*, теперь исчезаетъ; за его веселыми и героическими рѣчами скрывается глубокое презрѣніе къ Альмавивѣ. Фигаро не даромъ возился съ этимъ аристократомъ такъ долго. «Ахъ,—вослищайте онъ, узнавъ о намѣреніяхъ графа по отношенію къ Сузаннѣ,—еслибъ удалось обойти этого великаго обманщика, надуть его хорошенько, а золото его приварманить». Фигаро впервые забываетъ о различіи, существующемъ между нимъ и его господиномъ; онъ смотритъ на него какъ на равнаго противника и объявляетъ ему войну. Фигаро понялъ, что только путемъ полного отрицанія существующихъ традиціонныхъ представленій онъ можетъ добиться побѣды. Вопреки Бомарше, полагавшему, что можно восстановить справедливость, исходя изъ старыхъ принциповъ, Фигаро идетъ напроломъ, отрицаетъ прежнія дѣленія и дѣлитъ по-своему всѣхъ людей на двѣ категоріи: на своихъ друзей и враговъ. «Люди мѣшаютъ мнѣ въ моихъ дѣлахъ,—говоритъ онъ,—и я мшу имъ, разстраивая ихъ собственные. Такъ всѣ дѣлаютъ. Остается и намъ продѣлать то же самое. Да какъ же можетъ быть иначе? Передъ вами толпа. Каждому хочется добѣжать первому. Спѣшать, тѣсниться, толкаются, опротивляютъ другъ друга—попѣвай, кто можетъ, остальныхъ раздавать. Такъ уже искони ведется».

Уже въ первой комедіи Фигаро проявилъ себя великимъ сердцевъдомъ; во второй—это качество его достигаетъ удивительной изощренности. Онъ высказываетъ сужденія, которыя сдѣлали бы честь любому психологу. «Чтобы прибрать къ рукамъ людей съ его характеромъ,—говоритъ онъ о графѣ,—стоитъ лишь только немножко взволновать ихъ кровь—на это женщины большія мастерицы! Затѣмъ, разогрѣвъ ихъ до-красна, достаточно маленькой интрижки, и вы можете вести ихъ за носъ, куда угодно, хоть въ рѣку».

Отличительная черта второй части трилогіи, рѣзко отдѣляющая ее отъ первой,—это постоянное сопоставленіе людей маленькихъ съ сильными міра сего. Фигаро не просто возражаетъ графу. Онъ на каждомъ шагѣ подчеркиваетъ ему, что разница положеній служитъ главнымъ основаніемъ, на которомъ построены всѣ несправедливые поступки графа. Когда графъ напоминаетъ Фигаро объ его обязательствѣ жениться на Марселинѣ, Фигаро говоритъ: «Неужели вы поставите мнѣ въ вину, что я не хочу взять за себя старую дѣву, тогда ваше сіятельство отнимаете у насъ всѣхъ молодыхъ». Когда графъ упоминаетъ о законѣ, Фигаро не можетъ удержаться, чтобы не воскликнуть: «Снисходительный къ людямъ большимъ и очень суровый къ маленькимъ». И Сузанна вторитъ своему будущему супругу. Когда графъ совѣтуетъ ей оставить у себя флаконъ съ зепромъ, который можетъ пригодиться ей въ качествѣ средства противъ нервовъ, Сузанна отвѣчаетъ ему: «Развѣ у нашего брата есть нервы? Это—барская болѣзнь, болѣзнь будуаровъ». Этими сопоставленіями переполнена комедія, и не трудно догаться, что сословный антагонизмъ, выступающій на заднемъ планѣ этого конфликта между слугой и господиномъ, является главнымъ двигателемъ комедіи, дающимъ ей жизнь и содержаніе.

Фигаро гораздо опаснѣе, чѣмъ представлялъ его самъ авторъ. Онъ поражаетъ не отдѣльное лицо, а именно весь строй жизни. «Если требовать отъ слуги честности, то много ли найдется вельможъ, достойныхъ быть лаксеями», говоритъ Фигаро. Онъ засыпаетъ графа своими колкими афоризмами, и эти изреченія, точно отлитыя изъ металла, надолго остаются въ головѣ зрителя или читателя. «Слуги одѣваются здѣсь долѣе господъ», въ раздраженіи замѣчаетъ графъ. «У нихъ вѣдь нѣтъ лакеевъ, чтобы помочь», отвѣчаетъ ему, со своею обыкновенною ироніей, Фигаро. «Ты составилъ себѣ отвратительную репутацію», говоритъ Альмавива своему слугѣ. У Фигаро тотчасъ же готовъ отвѣтъ, снова подчеркивающий упадокъ дворянства и внутреннее превосходство плебея. «А если самъ-то я лучшаго стою?—нивно спрашиваетъ онъ.—Многіе ли изъ нашихъ вельможъ могутъ сказать о себѣ то же?»

Если вспомнить замѣчанія умнаго слуги о политикѣ, интригѣ, судахъ и т. п., то легко понять, почему защитники стараго строя усмотрѣли опасность въ этой великой соціальной комедіи, которую авторъ считалъ столь безвредной.

Въ *Жизнь Фигаро* оканчивается блестящій періодъ жизни и дѣятельности героя. Третья часть трилогіи—неудачное, безжизненное произведение. Фигаро утратилъ свое значеніе, какъ утратилъ его самъ авторъ. Не трудно понять, почему эта часть не имѣла успѣха и забыта потомствомъ. Авторъ не имѣлъ предъ собою въ жизни тѣхъ героевъ, которыхъ онъ захотѣлъ вывести въ комедіи. Фигаро вовсе не былъ уже въ моментъ появленія *Винновной матери* тѣмъ, чѣмъ сдѣлалъ его Бомарше. Въ жизни Фигаро уже наслаждался плодами тяжелой борьбы, построилъ себѣ роскошное жилище, велъ крупныя дѣла, въ комедіи—онъ все еще слуга, живущій рядомъ съ своимъ господиномъ и занятый разрѣшеніемъ благородной задачи, несвойственной ему. Бомарше пережилъ свое историческое значеніе; онъ не могъ уже уловить новаго видоизмѣненія, которому подвергся его герой, и вмѣсто яркой жизненной фигуры нарисовалъ безжизненный, отвлеченный образъ.

Таково историческое значеніе трилогіи. Но за ней остается навсегда и великое вѣчное значеніе. Въ ней нашла гениальное выраженіе лучшая идея, лучшее духовное завоеваніе просвѣтительнаго вѣка—идея демократизма. Пусть Бомарше подъ конецъ жизни измѣнилъ идеаламъ юности, Фигаро говоритъ сердцу современнаго пролетарія то же, что говорилъ нѣкогда представителю буржуазіи при началѣ его карьеры.

П. С. Ноганъ.

Возможная реорганизация военной юстиции и военно-юридической академии.

«Чрезмѣрное вооруженіе,—говоритъ графъ Камаровскій, — давно ужъ является для всѣхъ цивилизованныхъ народовъ такимъ бѣдствіемъ, которое угрожаетъ всей ихъ будущности, парализуя всѣ стороны духовнаго и экономическаго ихъ преуспѣянія» *). Приведенныя соображенія графа Камаровскаго подтверждаются и цифровыми данными, такъ по бюджету на 1899 годъ обыкновенные расходы по военному министерству опредѣлены въ размѣрѣ 323.791,710 руб., а по морскому — 83.065,000 руб., что въ совокупности составитъ расходъ на нашу военную силу въ 406.856,710 руб., но расходъ этотъ обыкновенный, а потому съ прибавленіемъ къ нему расхода чрезвычайнаго общій итогъ, по всей вѣроятности, возрастетъ до пяти сотъ милліоновъ, при наличности общей суммы государственнаго дохода въ 1.571.732,646 руб. Короче говоря, наша военная сила ежегодно поглощаетъ не многимъ менѣе одной трети всего государственнаго дохода. При сравненіи расхода по военному министерству съ расходами по другимъ министерствамъ оказывается, что расходъ по военному министерству какъ бы заслоняетъ собою остальные государственные расходы; такъ, между прочимъ, расходъ по министерству юстиціи опредѣляется въ 44.944,651 р., а по народному просвѣщенію 28.761,171 р. Если, дѣйствительно, расходы по министерствамъ: финансовъ въ 233.381,888 руб. и путей сообщенія въ 288.074,712 руб., какъ бы приближаются къ расходамъ по военному министерству, то расходы по министерствамъ, финансовъ и путей сообщенія тѣсно связаны съ уплатою государственныхъ долговъ, съ увеличеніемъ государственныхъ доходовъ и развитіемъ жизненныхъ удобствъ, вполне необходимыхъ для правильнаго общественнаго функционированія по пути прогресса.

Вотъ почему идея о всеобщемъ обезоруженіи является не только высоко-разумно гуманною, но и вполне сердечною, построенною на любви къ человѣчеству.

*) См. журналъ *Русская Мысль* за октябрь мѣсяць 1898 г., кн. X, ст. графа Камаровскаго подъ заглавіемъ: „Вопросъ о сокращеніи современныхъ вооруженій“.

Вопросъ о всеобщемъ обезоруженіи, какъ тѣсно связанный съ экономическими и социальными условіями, при крайней разновидности сихъ условій въ государствахъ западной Европы, едва ли однако можетъ быть скоро разрѣшенъ, а потому для поднятія уровня народнаго благосостоянія и въ настоящее время возможно было бы ограничить затраты на нашу военную силу, по крайней мѣрѣ, только тѣми расходами, которые прямо вызываются необходимостью боевой готовности войска. Нельзя отрицать, что всякія излишнія затраты на войско, выходящія за предѣлы крайней необходимости, не только безъ всякой нужды подрываютъ балансъ государственнаго казначейства, но и до нѣкоторой степени препятствуютъ къ достиженію намѣченной государствомъ общей цѣли; а цѣль эту, конечно, составляютъ предоставленіе благосостоянія всему населенію государства.

Наша военно-сухопутная сила, помимо арміи и гвардіи, главнымъ образомъ слагается изъ ниже слѣдующихъ специальныхъ вѣдомствъ: генеральнаго штаба, инженернаго, артиллерійскаго, интендантскаго, военно-медицинскаго и военно-судебнаго. Флотъ нашъ, или такъ сказать сила морская, распадается также на специальности, въ техническомъ значеніи слова, причѣмъ имѣетъ тоже свою военно-судебную корпорацію. Всѣ эти вѣдомства, за исключеніемъ военно-медицинскаго, интендантскаго и военно-судебнаго, тѣсно связаны съ боевымъ назначеніемъ войска и существованіе ихъ вызывается разнохарактерностью военнаго дѣла. Военно-медицинское вѣдомство, а равно и интендантское, тоже составляютъ необходимую принадлежность военной силы, ибо существованіе всякаго благоустроеннаго войска возможно только при наличности, во-первыхъ, строгаго соблюденія въ войскѣ всѣхъ требованій гигиены подъ наблюденіемъ врачей и во-вторыхъ, установленія правильнаго порядка для снабженія войска продовольственными припасами и вещевыми предметами. Впрочемъ, дѣятельность вѣдомствъ интендантскаго и инженернаго, въ сферѣ ихъ специальностей, могла бы быть ограничена, перваго только въ предѣлахъ снабженія войска вещевымъ довольствіемъ, а втораго—сооруженіями, имѣющими чисто-боевой, крѣпостной характеръ, но детальная разработка вопросовъ по отношенію къ указаннымъ вѣдомствамъ не можетъ быть предметомъ настоящей статьи.

Всѣ вѣдомства эти: генеральнаго штаба, артиллерійское, инженерное, интендантское, и военно-медицинское, какъ существующія болѣе ста лѣтъ каждое, получили уже надлежащую устойчивость, и только военно-судебное вѣдомство, образованное со времени военно-судебной реформы, можетъ быть признано молодымъ. Дѣйствительно, военно-судебное вѣдомство, какъ цѣльная корпорація, существуетъ съ небольшимъ только тридцать пять лѣтъ, ибо до военно-судебной реформы вся военная юстиція распалась: на генераль-аудиторьятъ, группу аудиторовъ различныхъ классификацій, непосредственно подчиненныхъ генераль-аудиторьяту, и военно-судныхъ коммисій, въ составъ коихъ входили и офицеры, принадлежащіе къ различнымъ родамъ оружія. Конечно, всѣ эти военно-судныя коммисіи дѣйствовали подъ непосредственнымъ руководствомъ чиновниковъ-аудиторовъ, въ

торымъ пришлось пережить очень многое до тѣхъ поръ, пока званіе аудитора окончательно не оспециализировалось, приобрѣта надлежащую устойчивость.

Съ императора Петра Великаго и военная юстиція приобретаетъ соответствующія формы, согласуясь съ требованіями времени. «Все законы писать, когда ихъ не хранить, — сказалъ императоръ Петръ Великій, — но чтобы охранять законъ, необходимы были, если не юристы, въ широкое значеніи слова, то, по крайней мѣрѣ, законники, и такими законниками для военной силы становятся аудиторы. Не признавая коллегіальный судъ, составленный изъ однихъ офицеровъ, вполне компетентнымъ для рѣшенія дѣлъ, при наличности перенесеннаго къ намъ съ Запада тайнаго слѣдственнаго инквизиціоннаго процесса, императоръ Петръ Великій рѣшается установить въ войскахъ іерархію изъ генераль-аудитора, оберъ и полковыхъ аудиторовъ.

Учрежденіе аудиторовъ, въ царствованіе императора Петра Великаго, не принесло однако существенной пользы правосудію и главнымъ образомъ потому, что аудиторы, за неимѣніемъ юридическихъ школъ, являлись совершенно не подготовленными къ исполненію своихъ профессиональныхъ обязанностей, а по положенію своему они не находили для себя ни нравственной, ни матеріальной опоры не только со стороны органовъ центральной власти, но и со стороны генераль-аудитора, представителя ихъ специальности. Если нельзя отнять у императора Петра Великаго его заботъ объ образованіи аудиторовъ, то, собственно говоря, эти заботы осуществляются на практикѣ только въ царствованіе императрицы Екатерины II, учредившей при Шляхетскомъ корпусѣ каедру юриспруденціи *). Со времени царствованія императора Петра Великаго положеніе аудиторовъ постоянно измѣняется, такъ въ 1728 году аудиторы признавались въ офицерскихъ чинахъ, до капитана включительно. Въ 1752 году въ полковые аудиторы, по распоряженію военной комиссіи, назначались старшіе, младшіе прапорщики, а иногда и унтеръ-офицеры. Въ 1862 году, согласно представленію графа Шувалова, аудиторы артиллерійскихъ, инженерныхъ и полевыхъ войскъ считались въ чинѣ подпоручика, а при арсеналахъ въ званіи штыкъ-юнкеровъ, причѣмъ полевые аудиторы переходили въ секретари, а арсенальные въ полевые аудиторы.

Въ 1766 г. аудиторамъ воспрещено было носить офицерскій знакъ и шарфъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, было опредѣлено имъ быть не изъ дворянъ. При узкомъ взглядѣ на должность аудитора, значеніе аудитора въ царствованіе императрицы Екатерины II не только не поднимается, но окончательно падаетъ, что и повлекло за собою полную безурядицу въ военной юстиціи. Въ 1796 г. въ царствованіе императора Павла I положеніе аудиторовъ не улучшается и на нихъ возлагаются даже обязанности, ничего общаго не

*) О различныхъ школахъ для образованія аудиторовъ см. журналъ *Русская Мысль* за 1898 г., кн. XII, въ примѣчаніи къ ст. подъ заглавіемъ: „Русскій военный процессъ и возможная его реорганизация“.

имѣющія съ нихъ прямою профессиональною дѣятельностью, такъ, между прочимъ, аудиторы въ полкахъ должны были наблюдать въ походѣ за сохраненіемъ порядка въ обозѣ, а въ военное время принимать фуражъ и провіантъ. Носить офицерскій темлякъ и поддѣлывать мундиры подъ офицерскіе аудиторамъ воспрещалось. Конечно, при сгруппированіи различныхъ обязанностей аудиторы, въ царствованіе императора Павла I, не могли съ надлежащею тщательностію производить слѣдствія объ офицерахъ, унтеръ-офицерахъ и рядовыхъ; хотя, по справедливому замѣчанію сенатора Бобровскаго, императоръ Павелъ I вѣрно оцѣнилъ «значеніе военно-уголовнаго законодательства и, стремясь изгнать дикій произволъ, вкравшійся въ управленіе военнаго правосудія, положилъ начало организаціи аудиторскаго вѣдомства, освободивъ образованный имъ генераль-аудиторьятъ отъ зависимости военной коллегіи» *). Впрочемъ, строго говоря, только съ царствованія императора Александра I начинается реальное стремленіе правительства къ установленію правового порядка въ арміи и во флотѣ, что и повлекло за собою изъятіе изъ вѣдѣнія военной и адмиралтействъ коллегій военно-судныхъ дѣлъ и сгруппированіе этихъ дѣлъ въ высшемъ военномъ судѣ—генераль-аудиторьятъ, поставленномъ въ совершенно независимое положеніе отъ военно-административной власти. Образовательный цензъ аудиторомъ однако не улучшился, такъ какъ въ званіе это попрежнему производились грамотные унтеръ-офицеры и случайные заштатные чиновники, а потому даже въ самомъ генераль-аудиторьятѣ чувствовался громадный недостатокъ въ лицахъ, искусныхъ въ правовѣдѣніи и законахъ. Способъ же установленный при генераль-аудиторьятѣ для подготовленія къ званію аудиторомъ изъ вольноопредѣляющихся разночинцевъ, въ числѣ пятнадцати человекъ, не далъ хорошихъ результатовъ. Равно и подготовленіе молодыхъ людей въ аудиторы порядкомъ канцелярскимъ при сенатѣ совершенно не годился для образованія искусныхъ правовѣдовъ. Вотъ почему въ 1817 г. правительство и было вынуждено принять проектъ графа Аракчеева о комплектованіи аудиторомъ изъ кантонистомъ, для чего кантонисты и должны были сгруппировываться при ордаанансъ-гаузахъ и аудиторьятскомъ департаментѣ, съ тѣмъ чтобы впоследствии, по надлежащей подготовкѣ къ исполненію обязанностей аудиторомъ, кантонисты эти и могли замѣстить при полкахъ болѣе двухъ сотъ аудиторскихъ вакансій, уже временно занятыхъ фельдфебелями, унтеръ-офицерами и писарями, не имѣющими почти никакой образовательной подготовки. Методъ подготовленія кантонистомъ въ аудиторы былъ чисто-практическій канцелярскій, а потому и лица, впоследствии перешедшіе изъ кантонистомъ въ аудиторы, не могли быть признаны юристами. Только съ учрежденія аудиторской школы въ 1832 году, въ царствованіе императора Николая I, образовательный цензъ

*) См. брошюру, изданную по поводу пятидесятилѣтняго юбилея военно-юридическаго образованія въ Россіи 1882 г. Рѣчь, произнесенная на актѣ начальникомъ военно-юридической академіи, генераль-майоромъ Бобровскимъ, нынѣ сенаторомъ стр. 7.

аудиторовъ начинаетъ подниматься и аудиторы съ юридическимъ образованіемъ постепенно вытѣсняють аудиторовъ, произведенныхъ въ это званіе изъ писарей не только аудиторьятскаго департамента, но и различныхъ штабовъ. Нельзя не замѣтить, что аудиторская школа со времени ея образованія постепенно прогрессировала, въ смыслъ расширенія въ ней преподаванія юридическихъ наукъ, такъ что въ 1859 г. школа эта, уже преобразованная въ аудиторское училище, достигаетъ положенія первокласснаго спеціальнаго учебнаго заведенія. Существенное же улучшеніе аудиторскаго училища, въ смыслъ научно-образовательномъ, послѣдовало только съ 1867 г., когда училище это было преобразовано въ училище военно-юридическое.

Аудиторская школа однако не въ состояніи была удовлетворить вполнѣ войсковымъ потребностямъ, такъ какъ число лицъ, окончившихъ въ этой школѣ курсъ, было крайне не достаточно для замѣщенія аудиторскихъ должностей, а потому и приходилось попрежнему назначать въ аудиторы писарей не только аудиторьятскихъ департаментовъ, но и различныхъ штабовъ.

Со времени генераль-аудитора военно-сухопутнаго вѣдомства Якобсона начинаютъ однако приниматься мѣры къ пресѣченію замѣщенія аудиторскихъ должностей писарями, но только при генераль-аудиторѣ военно-сухопутнаго вѣдомства Философовѣ *) послѣдовало Высочайшее повелѣніе, окончательно уничтожившее право писарей занимать указанныя должности, чѣмъ и было поднято, въ общественномъ отношеніи, значеніе аудиторовъ. Привлеченіе къ званію аудиторовъ лицъ, окончившихъ высшее юридическое образованіе въ университетахъ, училищъ правовѣдѣнія и юридическихъ лицейхъ, не имѣло значительнаго успѣха, да и притомъ если такіе лица и переходили въ аудиторы, то, главнымъ образомъ, для замѣщенія высшихъ аудиторскихъ должностей. Ежегодный выпускъ воспитанниковъ изъ аудиторской школы, а затѣмъ и изъ аудиторскаго училища много однако способствовалъ тому, что не задолго до военно-судебной реформы всѣ почти аудиторскія должности были замѣщены лицами съ юридическимъ образованіемъ, которыхъ хотя и нельзя было признать юристами, въ обширномъ значеніи слова, но, во всякомъ случаѣ, лица эти были толковыми законовѣдами. Аудиторская школа вначалѣ входила въ составъ бригады кантонистовъ, а затѣмъ была выдѣлена въ самостоятельное спеціальное учебное заведеніе именно въ то время, когда начальникомъ этой школы становится генеральнаго штаба генераль-майору Роговскій **).

*) Статсъ-секретарь Философовъ, впоследствии членъ государственнаго совѣта, былъ неутомимый работникъ и въ дѣлѣ поднятія образовательнаго ценза военной юстиціи и, конечно, никому другому, какъ ему, аудиторы были обязаны тѣмъ, что служебное ихъ положеніе, въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ, было значительно улучшено.

***) Генераль-аудитору Якобсону и генераль-майору Роговскому аудиторская школа, а затѣмъ и аудиторское училище, были обязаны не только расширеніемъ курса преподаванія юридическихъ наукъ, но и измѣненіемъ самаго характера воспитанія къ лучшему. Впрочемъ, при содѣйствіи дежурнаго генерала генераль-адъютанта Клейна

Если прослѣдить систему воспитанія въ аудиторской школѣ, а затѣмъ и въ аудиторскомъ училищѣ, то нельзя не придти къ убѣжденію, что вся эта система была направлена къ строгому соблюденію всѣхъ требованій законовъ дисциплины и, такимъ образомъ, воспитанники этихъ школъ, вступая уже на должность аудиторовъ, являлись надежными хранителями законовъ дисциплины и требованій военной службы. Посѣщая неоднократно аудиторскую школу, а затѣмъ и аудиторское училище, императоръ Николай I, строгій блюститель законовъ дисциплины, оставался всегда доволенъ направленіемъ воспитанія въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, а потому и совершенно будетъ излишнимъ приводить еще какія-либо данныя въ доказательство того, что аудиторы являлись вполне компетентными лицами по особенностямъ специализаціи военной юстиціи.

До военно-судебной реформы вся наша военная юстиція распадалась на аудиторовъ-чиновниковъ различныхъ классификацій, составляющихъ въ совокупности аудиторское вѣдомство, и офицеровъ, не входящихъ въ составъ этого вѣдомства. Офицеры, принадлежащіе къ различнымъ родамъ оружія, были предсѣдателями и членами генераль-аудиторіатовъ военно-сухопутнаго и морского вѣдомствъ, а также предсѣдателями и членами военно-судныхъ комиссій, состоявшихъ при ардоннанс-гаузахъ и различныхъ мѣстныхъ военныхъ управленіяхъ. Оберъ-аудиторы состояли при генераль-аудиторіатахъ и различныхъ центральныхъ военно-сухопутныхъ и морскихъ управленіяхъ, корпусныхъ, дивизионныхъ и другихъ штабахъ, а аудиторы—при полкахъ, отдѣльныхъ баталіонахъ и флотскихъ экипажахъ. Всѣ оберъ-и просто аудиторы, непосредственно подчиняясь генераль-аудиторамъ военно-сухопутнаго и морского вѣдомствъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и находились въ зависимости отъ военной администраціи, по желанію коей они могли быть не только смѣщаемы съ должностей, но даже и увольняемы отъ службы. Офицеры, входящіе въ составъ военно-судныхъ комиссій, и даже предсѣдатели и члены генераль-аудиторіатовъ не имѣли юридическаго образованія и, такимъ образомъ, единственными юристами въ военно-сухопутномъ и морскомъ вѣдомствахъ являлись аудиторы, которымъ и приходилось при наличности тайнаго инквизиціоннаго процесса полностью нести тяжелое бремя процессуальной работы по военному судопроизводству. Аудиторы, состоя при полкахъ, баталіонахъ и флотскихъ экипажахъ, производили предварительныя слѣдствія съ соблюденіемъ всѣхъ требованій

михиля суровый режимъ воспитанія въ аудиторской школѣ замѣняется режимомъ менѣе суровымъ и воспитанники этой школы окончательно освобождаются отъ черной работы по школѣ, какъ-то: уборки комнатъ, мытья половъ и такъ далѣе, для исполненія конехъ работъ и были уже назначены нижніе чины изъ инвалидовъ. Наконецъ не задолго до преобразования аудиторской школы въ аудиторское училище въ школу эту было разрѣшено принимать дѣтей дворянъ и чиновниковъ. Въ число преподавателей аудиторской школы, а затѣмъ и аудиторскаго училища входили лица, вполне солидные въ научномъ отношеніи, такъ преподавателями этихъ школъ были адъюнкты профессора С.-Петербургскаго университета Елпатьевскій, Рождественскій и Никитенко.

теоріи формальныхъ доказательствъ, а чтобы соблюсти всё эти требованія и достигнуть по возможности справедливости необходима была серьезная и кропотливая работа *). Военно-судныя комиссіи почти не производили сами слѣдствій, а лишь провѣряли данныя, добытыя слѣдствіями предварительными, что, конечно, главнымъ образомъ, и возлагалось на состоящихъ при комиссіяхъ въ качествѣ дѣлопроизводителей—оберъ-аудиторовъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ и обязаны были составлять выписки изъ военно-судныхъ дѣлъ, ибо военно-судныя дѣла восходили на ревизію генераль-аудиторіатовъ. Ошибка не только въ примѣненіи закона, но и относящаяся даже до существа дѣла, влекла за собою отвѣтственность оберъ-аудиторовъ, а не членовъ комиссій, что совершенно понятно, такъ какъ комиссіи постановляли свои приговоры на основаніи той же замысловатой теоріи формальныхъ доказательствъ, которая не допускала внутренняго убѣжденія судей. Наконецъ, оберъ-аудиторы лично представляли приговоры военно-судныхъ комиссій на конфермацію военнаго начальства, которому законъ и предоставлялъ власть опредѣленное комиссіями наказаніе не только подсудимымъ уменьшать, но и увеличивать, что, конечно, вполнѣ зависѣло отъ доклада оберъ-аудитора, его смѣтливости и изворотливости. Все вышеприведенное по отношенію къ оберъ-аудиторамъ и аудиторамъ можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ, насколько многосложны и трудны были аудиторскія обязанности, тогда какъ положеніе ихъ въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ было крайне незавидное. Проводникамъ правовыхъ воззрѣній въ нашемъ войскѣ, аудиторамъ приходилось въ борьбѣ за правду съ всеильною военно-административною властью не только отрѣшаться отъ собственнаго своего самолюбія, въ интересахъ защиты правды и закона, но и мужественно переносить всё невзгоды.

Правда, между аудиторами не было лицъ съ громкими именами въ научно-литературномъ отношеніи, но такихъ лицъ нѣтъ и въ новой военно-судебной корпораціи, хотя военно-юридическая академія существуетъ уже болѣе тридцати лѣтъ, а наше военное судопроизводство и военно-уголовные законы далеко еще не могутъ быть признаны совершенствомъ, не нуждающимся ни въ какихъ измѣненіяхъ.

Въ своей рѣчи на актѣ по поводу пятидесятилѣтія военно-юридическаго образованія въ Россіи Володиміровъ **) между прочимъ высказалъ,

*) Какъ извѣстно, на основаніи теоріи формальныхъ доказательствъ для изобличенія привлеченнаго къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго требовалось: наличность показанія нѣсколькихъ свидѣтелей, заявленіе потерпѣвшихъ почти игнорировалось и, наконецъ, показаніе, напримѣръ, дворянина обязательно должно было придавать большое значеніе, чѣмъ показаніе простолюдина, духовнаго передъ свѣтскимъ, мужчины передъ женщиной, образованнаго передъ необразованнымъ и т. дал. Вся эта многосложная схема, требуемая теоріею формальныхъ доказательствъ, не только препятствовала достиженію справедливости, но и крайне затрудняла самое производство слѣдствій.

**) См. рѣчь, произнесенную проф. Володиміровымъ по поводу пятидесятилѣтняго юбилея военно-юридическаго образованія въ Россіи, стр. 38.

что задача судебной дѣятельности должна заключаться не въ личныхъ стремленіяхъ, а въ полномъ отрѣченіи отъ собственной личности и подчиненіи всего себя безличному закону. Все это, конечно, вѣрно, но изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобъ дѣятельность судебной власти не могла выходить изъ рамки своихъ профессиональныхъ обязанностей и посвящать свою дѣятельность между прочимъ и научно-литературному труду. Можно еще пожалуй добавить, что не только между лицами, занимающими различныя военно-судебныя должности не встрѣчается такихъ, которые были бы извѣстны по своимъ научно-литературнымъ трудамъ, но и персоналъ профессоровъ военно-юридической академіи отличается крайнею скромностью, а между тѣмъ, конечно, никому другому, какъ послѣднимъ, долженъ принадлежать первый починъ къ обнаруженію недостатковъ нашего военно-уголовнаго законодательства путемъ научно-литературнымъ *).

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ учрежденія аудиторской школы и въ особенности послѣ преобразованія этой школы въ аудиторское училище въ военномъ вѣдомствѣ уже не чувствовалось недостатка въ толковыхъ руководителяхъ-законовѣдахъ, а между тѣмъ функционированіе нашихъ военно-судныхъ комиссій далеко не способствовало достиженію правосудій, чему причиною, конечно, было скорѣе не качество судей, а характеръ тайнаго процесса съ теорію формальныхъ доказательствъ, недопускающей свободы судейской совѣсти. Вотъ почему главная заслуга военно-судебной реформы и заключалась въ упраздненіи тайнаго инквизиціоннаго процесса съ указанною теоріей формальныхъ доказательствъ и принятіи процесса типа смѣшаннаго, по которому вопросъ о виновности, при наличности устности, гласности и равноправности сторонъ, долженъ быть разрѣшаемъ судьями единственно по ихъ внутреннему убѣжденію, не связанному ни съ какими условными формальностями.

Военно-судебная реформа выдвинула впередъ и между прочимъ вопросъ о необходимости согласно требованію «XXIV вѣн. Св. Воен. постановленій, по крайней мѣрѣ, должностей предсѣдателей и судей военно-окружныхъ судовъ офицерами съ юридическимъ образованіемъ, но такихъ офицеровъ

*) Со времени основанія военно-юридической академіи по настоящее время въ нашей литературѣ не существуетъ специально-научныхъ трудовъ по специальностямъ военной юриспруденціи. Правда, есть вполнѣ толковые учебники-конспекты профессоровъ военно-юридической академіи, какъ, напримѣръ, профессора Кузьмина-Караваева по военно-уголовному праву и бывшаго профессора Мушниковъ по иностранному законодательству, но эти труды, какъ не выходящіе за предѣлы нормъ, не могутъ быть и отнесены къ специально-научно-детальнымъ трактатамъ. Труды бывшаго директора военно-юридической академіи Бобровскаго касаются историческаго развитія военнаго законодательства. Диссертация Шендвиковскаго подъ заглавіемъ „Сравнительный обзоръ порядка измѣненія, исправленія и обжалованія военно-уголовныхъ приговоровъ по русскому и французскому праву“ затрогиваетъ вопросъ о полной несостоятельности нашихъ полковыхъ и бригадныхъ судовъ, но въ предѣлахъ программы диссертации. Вообще, литература по военной юриспруденціи крайне бѣдна. См. журналъ *Русская Мысль* за ноябрь мѣсяцъ № 11, 1898 г. статью подъ заглавіемъ: „Русскій военно-уголовный процессъ и возможная его реорганизация“.

въ военномъ вѣдомствѣ не существовало, такъ какъ прежнія судейскія должности презусовъ и членовъ военно-судныхъ комиссій были замѣщаемы лицами безъ всякаго юридическаго образованія. Вопросъ этотъ и былъ первоначально разрѣшенъ образованіемъ при аудиторскомъ училищѣ офицерскаго класса, послужившаго основаніемъ къ учрежденію военно-юридической академіи. Для пополненія офицерскаго класса были вызваны офицеры, и число изъявившихъ желаніе поступить въ этотъ классъ достигло болѣе двухсотъ, но къ слушанію курса юридическихъ наукъ въ упомянутомъ классѣ было допущено только двадцать пять офицеровъ. Конечно, такое усиленное стремленіе поступить въ офицерскій классъ для слушанія курса юридическихъ наукъ было, главнымъ образомъ, основано на желаніи перейти на службу въ военно-судебное вѣдомство, то-есть на соображенія чисто-практическихъ, такъ какъ переходъ на службу въ означенное вѣдомство не только совершенно освобождалъ отъ зависимости военно-административной власти, но и предоставлялъ хорошее матеріальное обезпеченіе. Дѣйствительно, увидимъ ниже, по преобразованіи офицерскаго класса въ военно-юридическую академію почти никто изъ офицеровъ, окончившихъ съ успѣхомъ въ этой академіи курсъ, не возвратился въ строевые части войска, а стало-быть и академія эта въ сущности не принесла никакой пользы нашей строевой военной силѣ, въ смыслѣ поднятія въ ней уровня правовыхъ воззрѣній, хотя это и вызывалось необходимостью и главнымъ образомъ потому, что низшіе военные суды—полковые и бригадные, учрежденные при строевыхъ частяхъ войска, были организованы изъ офицеровъ строевыхъ, чуждыхъ юридической подготовкѣ *).

Высочайше учрежденная въ 1862 г. комиссія для начертанія проекта военнаго судоустройства и судопроизводства признала возможнымъ чиновниковъ военнаго министерства съ юридическимъ образованіемъ допустить къ замѣщенію въ военно-ооружныхъ судахъ должностей: военныхъ прокуроровъ, ихъ помощниковъ, военныхъ слѣдователей, а также секретарей судовъ и ихъ помощниковъ **). Чиновники эти въ началѣ военно-судебной реформы были, конечно, оберъ-аудиторы и аудиторы, которые съ 1869 г. и начинаютъ занимать вышеперечисленныя должности преимущественно предъ офицерами, окончившими курсъ въ военно-юридической академіи ***),

*) О неудовлетворительномъ состояніи нашихъ полковыхъ и бригадныхъ судовъ см. журналъ *Русская Мысль* за декабрь мѣсяцъ, № 12, 1898 г. статью подъ заглавіемъ: „Русскій военно-уголовный процессъ и возможная его реорганизация“ въ которомъ изъ прамѣчавій этой статьи помѣщенъ приказъ по военному вѣдомству по поводу ревизіи полковыхъ судовъ.

**) См. сборникъ законодательныхъ работъ по составленію военно-судебнаго устава.

***) При установленіи военно-судебной реформы главнымъ военнымъ прокуроромъ и начальникомъ главнаго военно-суднаго управленія былъ назначенъ Владиміръ Дмитріевичъ Философовъ, статсъ-секретарь и тайный совѣтникъ, а его товарищами тайные совѣтники Проворовъ и Томсенъ. Канцелярія и полностью весь составъ главнаго военно-суднаго управленія были замѣщены чиновниками военнаго министерства

такъ что до 1879 г. по замѣщеніи указаныхъ должностей перевѣсь чиновъ, состоящихъ въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, былъ даже на сторонѣ чиновниковъ съ юридическимъ образованіемъ и только должности председателей и военныхъ судей въ военно-окружныхъ судахъ были исключительно замѣщены офицерами.

При обсужденіи комиссіею Высочайше учрежденною въ 1862 г. вопроса о возможности допущенія оберъ-аудиторовъ и аудиторовъ къ замѣщенію различныхъ должностей во вновь организованныхъ военно-окружныхъ судахъ, никѣмъ изъ членовъ этой комиссіи не было сдѣлано заявленія о неправоиспособности сихъ чиновниковъ къ занятію означенныхъ должностей, въ виду незнакомства ихъ съ внутреннею бытовою военною средой, что совершенно понятно, такъ какъ для лицъ военно-прокурорскаго надзора скорѣе имѣеть существенное значеніе специально военно-юридическое образованіе, чѣмъ знаніе всѣхъ детальныя условій внутренней бытовой военной жизни. Дѣйствительно, органы военно-обвинительной власти, какъ при составленіи обвинительныхъ актовъ, такъ равно и при обвиненіи на судѣ, не могутъ уклоняться отъ преслѣдованія за нарушение законовъ, хотя бы эти нарушенія и были результатомъ укореившейся въ какой-либо строевой части войска безурядицы противной требованію законовъ *). Что же касается до военныхъ слѣдователей, то и при исполненіи этихъ обязанностей не играетъ важной роли знаніе до тонкости всѣхъ мелочей внутренней бытовой военной жизни, ибо военный слѣдователь, въ силу закона, обязанъ безпристрастно собрать всѣ данныя не только къ обвиненію, но и къ оправданію привлеченнаго къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго.

Несмотря на перевѣсь до 1880 года чиновниковъ надъ офицерами, по

съ юридическимъ образованіемъ, даже нѣкоторые изъ членовъ главнаго военного суда были тоже чиновники и только председатель главнаго военного суда и половина членовъ онаго суда были офицеры въ генеральскихъ чинахъ. Почти всѣ военные прокуроры въ военно-окружныхъ судахъ даже по 1876 г. были чиновники, бывшіе оберъ-аудиторы, у которыхъ помощниками, то-есть помощниками военныхъ прокуроровъ, состояли тоже, по большей части чиновники. Различныя должности по канцеляріи въ военно-окружныхъ судахъ были замѣщены исключительно чиновниками. Должности военныхъ слѣдователей почти всѣ были замѣщены тоже чиновниками, бывшими оберъ-аудиторами. Такъ, на примѣръ, въ военно-окружныхъ судахъ: С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Казанскомъ, Харьковскомъ, Одесскомъ и Кавказскомъ военные прокуроры были гражданскіе лица, бывшіе оберъ-аудиторы, а помощниками военныхъ прокуроровъ въ указанныхъ судахъ тоже, по большей части, чиновники, такъ, на примѣръ, въ Кавказскомъ военно-окружномъ судѣ изъ восьми помощниковъ военнаго прокурора только три было офицера, а въ Харьковскомъ даже въ 1879 г. изъ пяти помощниковъ военнаго прокурора былъ только одинъ офицеръ.

*) О томъ, что отъ военной прокуратуры требуется только толковое пониманіе требованія законовъ и обсужденіе ихъ, а также безпристрастное обвиненіе по отношенію къ собраннымъ противъ обвиняемаго уликамъ были уже высказаны соображенія въ журналѣ *Русская Мысль* № 12, за декабрь мѣсяца 1898 г. въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Русскій военно-уголовный процессъ и возможная его реорганизация“.

занятію различныхъ военно-судебныхъ должностей, такой перевѣсъ совершенно не мѣшалъ правильному функціонированію военно-окружныхъ судовъ въ смыслѣ достиженія правосудія, хотя эти суды въ первое время своего существованія были гораздо болѣе обременены судными дѣлами, чѣмъ въ настоящее время.

Едва ли можно отрицать, что руководителемъ занятій Высочайше учрежденной комиссіи въ 1862 году былъ никто иной, какъ В. Д. Философовъ, но В. Д. Философовъ былъ чиновникъ, а потому и понятно, что въ послѣдствіи чины военно-судебнаго вѣдомства изъ офицеровъ обвиняли его какъ бы въ пристрастіи къ чиновничьему элементу. Такой узкій взглядъ былъ, конечно, не вѣрнъ, ибо совершенно не совпадалъ съ безпристрастными дѣйствіями В. Д. Философова по должности его не только какъ главнаго военнаго прокурора, но и какъ начальника главнаго военно-суднаго управленія. Задерживая наплывъ офицеровъ въ военно-судебное вѣдомство и представивъ даже проектъ, какъ увидимъ ниже, объ упраздненіи военно-юридической академіи, В. Д. Философовъ рѣшился дѣйствовать такъ не изъ пристрастія къ элементу чиновниковъ, а въ интересахъ чисто-государственныхъ, ибо профессиональная дѣятельность чиновъ военно-судебнаго вѣдомства, какъ не имѣющая никакого сродства съ боевою дѣятельностью военной силы, ставить и офицеровъ этого вѣдомства, по справедливому замѣчанію В. Д. Философова, въ положеніе чиновниковъ, чуждыхъ боевой готовности войска. Дѣйствительно, офицеры, пробывши въ военно-судебномъ вѣдомствѣ нѣсколько лѣтъ и не слѣдящіе на практикѣ за развитіемъ военнаго искусства, едва ли уже становятся способными къ занятію строевыхъ должностей въ войскѣ, сообразно ихъ чинамъ, тѣмъ болѣе, что большинство офицеровъ, состоящихъ въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, какъ, напримѣръ, въ настоящее время, имѣютъ штабъ-офицерскіе и генеральскіе чины, вызывающіе необходимость для такихъ лицъ командованія самостоятельно отдѣльными строевыми частями въ войскѣ. Изъ всего высказаннаго, однако, не слѣдуетъ, чтобы В. Д. Философовъ не сознавалъ необходимости учрежденія въ военномъ вѣдомствѣ высшаго военно-юридическаго учебнаго заведенія, такъ какъ при немъ аудиторское училище даже было преобразовано въ училище военно-юридическое, съ расширеніемъ въ немъ курса преподаванія юридическихъ наукъ. Относительно же упраздненія военно-юридической академіи В. Д. Философовъ руководствовался данными, вынудившими его признать, что офицеры, окончившіе курсъ въ этой академіи, едва ли могутъ фактически способствовать къ поднятію уровня правового возрѣвія въ войскѣ, но на этомъ остановимся еще въ послѣдствіи, а теперь лишь замѣтимъ, что на основаніи приведенныхъ данныхъ едва ли можетъ возникать сомнѣніе въ полной правоспособности чиновниковъ-юристовъ къ занятію при военно-окружныхъ судахъ должностей военныхъ прокуроровъ, ихъ помощниковъ, а также и военныхъ слѣдователей.

Впрочемъ, едва ли кто сомнѣвался въ правоспособности чиновниковъ-юристовъ къ занятію при военно-окружныхъ судахъ указанныхъ должно-

стей, такъ какъ по упраздненіи военно-юридическаго училища и реорганизаціи военно-юридической академіи, при начальникѣ оной генераль-майорѣ Бобровскомъ *), въ старшій, третій, классъ этой академіи были допущены къ слушанію курса вмѣстѣ съ офицерами и лица гражданскаго вѣдомства, а именно: окончившіе курсъ на юридическихъ факультетахъ университетовъ, въ училищѣ правовѣдѣнія и юридическихъ лицехъ. Конечно, гражданскія лица, становясь даже стипендіатами военно-юридической академіи, допускались въ оную съ единственною цѣлью, чтобы имѣть въ военно-судебномъ вѣдомствѣ извѣстный комплектъ чиновниковъ-юристовъ для замѣщенія различныхъ военно-судебныхъ должностей. Гражданскія лица были лишены права поступать въ военно-юридическую академію для слушанія въ ней курса юридическихъ наукъ только въ 1881 году, а въ 1883 году новый Уставъ военно-судебный предоставилъ право гражданскимъ лицамъ занимать при военно-окружныхъ судахъ должности только секретарей и ихъ помощниковъ, не требуя при этомъ, однако, отъ такихъ лицъ даже юридическаго образованія. Такимъ образомъ, въ настоящее время если нѣкоторые лица гражданскаго вѣдомства и исполняютъ обязанности военно-прокурорскія и военныхъ слѣдователей, то это допускается, какъ исключеніе, не согласное съ требованіемъ Устава военно-судебнаго 1883 года. Большинство должностей въ главномъ военномъ судѣ и главномъ военно-судномъ управленіи замѣщено и въ настоящее время чиновниками съ юридическимъ образованіемъ, что не препятствуетъ совершенно правильному функціонированію этихъ высшихъ учреждений.

Остановимся теперь на указаніи прогрессивнаго увеличенія офицерскаго элемента въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, но собственно по занятію различныхъ военно-судебныхъ должностей при военно-окружныхъ судахъ, ибо въ главномъ военномъ судѣ и главномъ военно-судномъ управленіи элементъ чиновниковъ и въ настоящее время пересиливаетъ элементъ офицерскій; такъ въ 1898 году въ главномъ военномъ судѣ и главномъ военно-судномъ управленіи состояло на службѣ тринадцать офицеровъ, въ томъ числѣ главный военный прокуроръ, предсѣдатель и четыре члена главнаго военнаго суда, и двадцать шесть чиновниковъ, въ томъ числѣ два члена главнаго военнаго суда **). Въ 1870 году по занятію различныхъ должностей при военно-окружныхъ судахъ элементъ чиновниковъ пересиливаетъ элементъ офицерскій, а въ 1879 году, по занятію должностей военныхъ прокуроровъ, ихъ помощниковъ и военныхъ слѣдователей при военно-окружныхъ судахъ, перевѣсъ становится уже на сторонѣ офицеровъ, но при этомъ, однако, крайне незначительный, такъ что разница между элементомъ чиновниковъ и элементомъ офицеровъ приблизительно можетъ

*) По инициативѣ, собственно говоря, генераль-майора генеральнаго штаба Бобровскаго и были допущены гражданскія лица къ слушанію курса въ военно-юридической академіи.

***) См. книжку, въ которой помѣщенъ „общій составъ чиновъ вѣдомства главнаго военно-суднаго управленія за 1898 годъ“.

быть выражена нижеслѣдующимъ соотношеніемъ, а именно, что на сто шестьдесятъ военно-прокурорскихъ и военно-слѣдовательскихъ должностей только восемьдесятъ двѣ должности были заняты офицерами. Въ 1889 году перевѣсъ по занятію должностей военныхъ прокуроровъ, ихъ помощниковъ и военныхъ слѣдователей значительно уже становится на сторонѣ офицеровъ, такъ что изъ упомянутыхъ должностей сто двѣ должности заняты офицерами и только сорокъ семь должностей — чиновниками-юристами *). Изъ книжки «общаго состава чиновъ вѣдомства главнаго военно-суднаго управленія за прошлый 1898 годъ» **) видно, что, при наличности двѣнадцати военно-окружныхъ судовъ ***) , всѣ должности военныхъ прокуроровъ заняты офицерами, изъ нихъ семь должностей — генералъ-майорами и пять должностей — полковниками; изъ общаго числа помощниковъ военныхъ прокуроровъ при означенныхъ судахъ семьдесятъ двѣ должности заняты офицерами, преимущественно въ штабъ-офицерскихъ чинахъ, и только три должности — чиновниками-юристами. Должности военныхъ слѣдователей при названныхъ судахъ заняты: шестьдесятъ шесть должностей — офицерами, въ штабъ-офицерскихъ чинахъ, и девятнадцать должностей — чиновниками-юристами, то-есть количество чиновниковъ-юристовъ, по занятію должностей военныхъ слѣдователей, значительно пересиливаетъ число чиновниковъ-юристовъ, занимающихъ должности помощниковъ военныхъ прокуроровъ, хотя для исполненія обязанностей военныхъ слѣдователей болѣе требуется ознакомленіе съ внутреннею бытовою военною средою, если это признать необходимымъ, чѣмъ для лицъ военно-прокурорскаго надзора; а отсюда можетъ быть сдѣланъ только одинъ выводъ, что при назначеніи лицъ на военно-судебныя должности знакомство этихъ лицъ съ внутреннею бытовою военною жизнью до нѣкоторой степени игнорируется. Противъ такого соображенія можетъ послѣдовать возраженіе, что въ военно-судебномъ вѣдомствѣ чиновники-юристы, на занятыхъ ими должностяхъ военныхъ слѣдователей и помощниковъ военныхъ прокуроровъ, терпимы только до времени, но такое возраженіе едва ли можетъ быть признано устойчивымъ, такъ какъ оно не будетъ согласоваться съ мнѣніемъ защитниковъ офицерскаго элемента въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, по мнѣнію которыхъ всѣ должности военныхъ слѣдователей и лицъ военно-прокурорскаго надзора должны быть исключительно замѣщены, въ интересахъ военной службы, офицерами съ юридическимъ образованіемъ.

Въ началѣ 1898 года состояло въ главномъ военномъ судѣ и главномъ

*) См. книжку, въ которой помѣщенъ „общій составъ чиновъ вѣдомства главнаго военно-суднаго управленія за 1889 годъ“.

**) См. книжку, въ которой помѣщенъ „общій составъ чиновъ вѣдомства главнаго военно-суднаго управленія за 1898 годъ“.

***) Военно-окружные суды, существующіе въ настоящее время, суть слѣдующіе: -Петербургскій, Московскій, Виленскій, Варшавскій, Кіевскій, Одесскій, Казанскій, авказскій, Омскій — съ отдѣленіемъ въ укрѣпленіи Вѣрномъ, Туркестанскій, Иркутскій и Приамурскій.

военно-судномъ управленіи семь генераловъ, девять штабъ и оберъ-офицеровъ и двадцать семь чиновниковъ, въ томъ числѣ два генерала по отдѣлу военно-прокурорскому, а именно—главный военный прокуроръ и его помощникъ. Въ томъ же 1898 году во всѣхъ военно-окружныхъ судахъ состояло: сорокъ четыре генерала, сто семьдесятъ три штабъ-офицера, полковниковъ и подполковниковъ, пятьдесятъ семь оберъ-офицеровъ и сто десять чиновниковъ. Такой массы генераловъ и штабъ-офицеровъ, привлеченныхъ къ занятію военно-судебныхъ должностей, ни въ одномъ изъ западно-европейскихъ государствъ не существуетъ, ибо, за исключеніемъ Французской республики и королевства Великобританіи, во всѣхъ остальныхъ государствахъ, гдѣ установился уже военно-уголовный процессъ смѣшаннаго типа, какъ, напримѣръ, въ королевствахъ Итальянскомъ, Баварскомъ, Бельгійскомъ, а также и Швейцарской республикѣ, представителями органовъ военно-обвинительной власти и военными слѣдователями являются не офицеры, а чиновники съ юридическимъ образованіемъ. Во Французской республикѣ постоянныхъ военныхъ судовъ не существуетъ и только комиссары и добладчики, то-есть военные слѣдователи, составляютъ постоянные органы военно-судебной власти. Въ королевствѣ Великобританіи нѣтъ ни постоянныхъ военныхъ судовъ, ни представителей органовъ военно-обвинительной власти и ни военныхъ слѣдователей. Что же касается до Австро-Венгерской и Германской имперій, за исключеніемъ королевства Баваріи, то всѣ постоянныя военно-судебныя должности, при наличности тайнаго инквизиціоннаго процесса, замѣщены исключительно чиновниками-юристами *). Между тѣмъ нельзя сказать, чтобы военные суды, напримѣръ, въ королевствахъ Баварскомъ, Итальянскомъ и Швейцарской республикѣ функционировали хуже нашихъ военныхъ судовъ, въ интересахъ охраненія законовъ дисциплины и требованій военной службы, несмотря даже на то, что въ Баваріи и Швейцаріи въ судахъ военныхъ допускается и раздѣленіе судейскихъ функций: на судей права и судей факта **).

Положимъ, что замѣщеніе въ нашихъ военныхъ судахъ должностей двѣнадцати военныхъ прокуроровъ, семидесяти пяти помощниковъ военныхъ прокуроровъ и восьмидесяти пяти военныхъ слѣдователей исключительно чиновниками-юристами не сократитъ расходовъ государственнаго казначейства на военно-судебное вѣдомство, но важно то, что такое замѣщеніе указанныхъ должностей чиновниками-юристами значительно ограничить переходъ въ военно-судебное вѣдомство офицеровъ изъ строевыхъ частей войска, что принесетъ нашей дѣйствующей военной силѣ не вредъ, а пользу, такъ какъ удержитъ въ рядахъ дѣйствующаго войска офицеровъ, вполне развитыхъ и способныхъ, а пожалуй, и направитъ ихъ въ такія военныя ак

*) См. журналъ *Русская Мысль* 1898 г. за июль и августъ мѣсяцы, №№ 7 и 8 статью подъ заглавіемъ: *Русскій военно-уголовный процессъ и возможная его реорганизация*.

***) См. тамъ же.

деи, гдѣ характеръ преподаваемыхъ предметовъ тѣсно связанъ съ развитіемъ военнаго искусства.

Не останавливаясь болѣе на указаніи данныхъ, насколько замѣщеніе вышеупомянутыхъ должностей чиновниками-юристами не можетъ принести вреда, по охраненію въ войскѣ законовъ дисциплины и требованій военной службы, приведемъ здѣсь резолюцію г. военнаго министра, послѣдовавшую въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1898 года, по поводу доклада о замѣщеніи должности дѣлопроизводителя офицеромъ. Смыслъ этой резолюціи настолько совпадаетъ съ направленіемъ настоящей статьи, что позволяемъ себѣ резолюцію эту передать съ буквальной точностью: «Это, — говорится въ резолюціи, — будетъ шагъ назадъ. Я прошу главный штабъ усиленно разыскивать такіа должности, которыя могли бы быть замѣщены вмѣсто офицеровъ чиновниками. Дѣло офицера — служить главнымъ образомъ въ войскахъ. Мы и безъ того, какъ ни въ одной арміи, размножили офицеровъ, только по формѣ имѣющихъ отношеніе къ военному дѣлу. У насъ и безъ того много офицеровъ въ главныхъ и иныхъ управленіяхъ и учрежденіяхъ. Многія изъ этихъ лицъ совершенно разорвали связь съ арміей» *).

Резолюція эта настолько правдива, что не можетъ вызывать никакихъ комментарій и съ нашей точки зрѣнія можетъ быть вполнѣ отнесена и къ военно-судебному вѣдомству. Правда, служба въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, по сравненію со службою въ дѣйствующихъ войскахъ, болѣе удобная; чины, какъ въ специальномъ вѣдомствѣ, идутъ заурядъ, по прослуженіи известнаго количества лѣтъ, и далеко опережаютъ производство въ дѣйствующихъ войскахъ; содержаніе по должностямъ довольно солидное, а работа далеко не обременительная **). Да едва ли возможно приравнять дѣятельность военно-окружныхъ судовъ къ дѣятельности общихъ судовъ гражданскаго вѣдомства: такъ, если военному судѣ ежегодно приходится рассмотреть не болѣе семидесяти военно-судныхъ дѣлъ, то на долю каждаго члена общихъ судовъ гражданскаго вѣдомства ежегодно приходится не менѣе ста пятидесяти дѣлъ, а въ гражданскихъ отдѣленіяхъ этихъ су-

*) См. *Русскія Вѣдомости* за 1898 годъ, отъ 12 декабря мѣсяца, № 282.

***) Въ 1898 году Московскимъ военно-окружнымъ судомъ, при наличности председателя и шести военныхъ судей, рассмотрѣно всего приблизительно не болѣе трехъ сотъ сорока военно-судныхъ дѣлъ, въ число это вошли и дѣла командировочныя, такъ что по разверсткѣ, если даже исключить председателя суда, приходится на каждаго военнаго судью приблизительно только по пятидесяти семи военно-судныхъ дѣлъ. Конечно, военные судьи участвуютъ и въ завѣданіяхъ распорядительныхъ, но такихъ засѣданій не болѣе шести въ мѣсяцъ. Каждый военный судья имѣетъ своего секретаря, носящаго названіе, по отношенію ко всей канцеляріи, помощника секретаря, на котораго собственно говоря, и возлагается, за исключеніемъ составленія приговоровъ, резолюцій и вопросныхъ листовъ, вся остальная процессуальная работа по военно-суднымъ дѣламъ, какъ-то: составленіе протоколовъ, повѣствовъ, опредѣленіе распорядительнаго засѣданія суда и счисленіе по дѣламъ судебныхъ издержекъ и такъ далѣе.

довъ еще и болѣе. Кромѣ того, юрисдикція военно-окружныхъ судовъ ограничивается только дѣлами уголовными и въ большинствѣ случаевъ не особенно сложными, тогда какъ юрисдикція общихъ судовъ гражданскаго вѣдомства распространяется на дѣла не только уголовныя, но и гражданскія, требующія основательной юридической подготовки.

Къ сожалѣнью, въ военно-судебномъ вѣдомствѣ не издается ежегодно периодическаго печатнаго органа, въ формѣ журнала, изъ котораго можно было бы почерпнуть точныя свѣдѣнія о дѣятельности военныхъ судовъ, но приблизительно однако можно сказать, что всѣми двѣнадцатью военно-окружными судами ежегодно разсматривается около четырехъ тысячъ восьми сотъ дѣлъ, и цифра эта будетъ максимальная.

Изъ отчета о дѣятельности департаментовъ правительствующаго сената за 1897 годъ *) видно, что изъ поступившихъ на разсмотрѣнiе гражданскаго и уголовного департаментовъ правительствующаго сената тринадцати тысячъ девяти сотъ восьмидесяти девяти дѣлъ этими департаментами, порядкомъ касационнымъ, рассмотрено семь тысячъ четыреста тридцать два дѣла. Къ сожалѣнью, неизвѣстно, насколько дѣятельность главнаго военного суда приближается къ дѣятельности правительствующаго сената, но, по всей вѣроятности, дѣятельность эта по сравненiю съ дѣятельностью правительствующаго сената не особенно усиленная.

Ежегодный расходъ на военно-судебное вѣдомство включенъ въ общiй ежегодный бюджетъ расхода по военному министерству, но если принять въ соображенiе, при наличности двѣнадцати военно-окружныхъ судовъ, полное содержанiе, по различнымъ военно-судебнымъ должностямъ, командировки, канцелярскiе расходы и другiе хозяйственныя потребности судовъ, то можно приблизительно опредѣлить, что всѣ военно-окружные суды вмѣстѣ съ главнымъ военнымъ судомъ и главнымъ военно-суднымъ управленiемъ стоятъ правительству около одного миллiона двухъ сотъ тысячъ рублей, и цифра эта, пожалуй, будетъ минимальная **). Короче говоря, организациа военно-судебнаго вѣдомства вызываетъ гораздо большiе расходы, чѣмъ организациа, напримѣръ, вѣдомства интендантскаго, несмотря даже на то, что расходы на организацию нашихъ низшихъ военныхъ судовъ—пол-

*) См. *Русскiя Вѣдомости* за прошлый 1898 годъ, отъ 28 декабря мѣсяца, № 296.

**) Приблизительно можно опредѣлить, что ежегодно на содержанiе по военно-судебнымъ должностямъ во всѣхъ военно-окружныхъ судахъ расходуются: на предсѣдателей военно-окружныхъ судовъ—63.000, военныхъ прокуроровъ—51.000, военныхъ судей—125.000, помощниковъ военныхъ прокуроровъ—170.000, секретарей судовъ и военныхъ прокуроровъ—38.50, помощниковъ секретарей—128.000, на хозяйство всѣхъ судовъ и канцелярскiе расходы, приблизительно, не менѣе 37.000 руб., на военныхъ свѣдователей 170.000 руб. и т. д. Главный военный судъ и главное военно-судное управленiе, по всей вѣроятности, обходятся правительству ежегодно не менѣе ст тысячъ, не включая сюда, конечно, военно-юридическую академiю. Въ общую сумму одного миллiона двухъ сотъ тысячъ, конечно, не вошли: по военно-судебнымъ дѣламъ, отопленiе помѣщенiя, освѣщенiе и нѣкоторые другiе расходы.

вовыхъ и бригадныхъ—совершенно ничтожны и не включаются въ общую смѣту по военно-судебному вѣдомству.

Въ журналѣ *Русская Мысль* за декабрь мѣсяць прошлаго 1898 года была помѣщена статья подъ заглавіемъ: «Русскій военно-уголовный процессъ и возможная его реорганизация». Въ статьѣ этой приведены едва ли оспоримыя доказательства о полной возможности ограниченія военной подсудности одними только преступленіями, касающимися до нарушенія законовъ дисциплины и требованій военной службы. Правильнѣе сказать, что статья эта проецируетъ передачу всѣхъ общихъ преступленій, совершенныхъ воинскими чинами, состоящими на дѣйствительной военной службѣ, въ вѣдѣніи общихъ судебныхъ мѣстъ, причемъ въ этой статьѣ и доказывається, что такое ограниченіе военной подсудности не только не повлечетъ за собою упадка дисциплины въ войскахъ, но, напротивъ, отразясь благоприятно на внутренней бытовой военной жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ, при реорганизациіи военныхъ судовъ—полковыхъ, бригадныхъ и военно-окружныхъ, подниметъ даже и власть отдѣльныхъ военныхъ начальниковъ, предоставивъ симъ начальникамъ право подтверждать приговоры по специально-воинскимъ преступленіямъ. Если такимъ образомъ допустить ограниченіе военной подсудности одними только преступленіями специально воинскими,—а не допустить этого нѣтъ основаній,—то, по передачѣ общихъ преступленій, совершенныхъ воинскими чинами, состоящими на дѣйствительной службѣ, въ вѣдѣніе общихъ уголовныхъ судовъ гражданскаго вѣдомства, расходъ со стороны казны на военно-судебное вѣдомство значительно сократится, такъ какъ уже не встрѣтятся надобности въ такомъ значительномъ количествѣ военныхъ судей, помощниковъ военныхъ прокуроровъ и помощниковъ секретарей, а институтъ военныхъ слѣдователей какъ уже совершенно излишній балластъ для преступленій специально-воинскихъ, можетъ быть упраздненъ *). Короче говоря, отъ ограниченія военной подсудности можетъ послѣдовать ежегодная экономія, по меньшей мѣрѣ, въ восемьсотъ тысячъ рублей, и какъ, ничтожна эта сумма, при грандіозномъ бюджетѣ расхода по военному министерству, то все-таки этотъ капиталъ въ общей государственной экономіи затеряться не можетъ и, конечно, можетъ быть обращенъ на покрытіе расходовъ того министерства, которое въ денежныхъ средствахъ сильно нуждается, какъ, на примѣръ, министерство народнаго просвѣщенія. Можетъ зародиться однако вопросъ, что расширеніе компетенціи общихъ уголовныхъ судовъ гражданскаго вѣ-

*) Въ журналѣ *Русская Мысль* за декабрь мѣсяць, № 12, 1898 года, въ статьѣ дѣ заглавіемъ: „Русскій военно-уголовный процессъ и возможная его реорганизация“, довольно обстоятельно доказывається, что производство предварительныхъ слѣдствій по преступленіямъ специально воинскимъ и въ особенности по нарушеніямъ законовъ дисциплины скорѣе приносятъ вредъ, чѣмъ пользу дѣлу. Въ важныхъ же случаяхъ, въ особенности по дѣламъ сложно-хозяйственнымъ могутъ быть наряжаемы вѣдственные комиссіи, что не только допускается въ настоящее время уставомъ военно-судебнымъ 1884 года, но и нерѣдко примѣняется на практикѣ.

домства не вызоветъ ли усиленіе штатовъ этихъ судовъ, но этого случиться не можетъ, такъ какъ, при ограниченіи военной подсудности одними преступленіями специально воинскими, на каждый общій уголовный судъ прибавится ежегодно не болѣе двѣнадцати уголовныхъ судныхъ дѣлъ и притомъ не весьма сложныхъ *).

Настоящая статья не затрогиваетъ вопроса о реорганизации военной юстиціи въ морскомъ вѣдомствѣ, ибо въ вѣдомствѣ этомъ всего три морскихъ суда: Кронштадтскій, С.-Петербургскій и Николаевскій, а потому и расходы на содержаніе этихъ судовъ незначительны, хотя конечно и въ морскомъ судебномъ вѣдомствѣ возможна тоже реорганизация военной юстиціи, но разрѣшеніе такого вопроса крайнѣ усложняется особенностями морской службы, гдѣ, въ большинствѣ случаевъ, территоріальность игнорируется.

Чтобы болѣе удачно разрѣшить намѣченные настоящей статьею вопросы безусловно прежде всего необходимо не только обрисовать положеніе военно-юридической академіи, но и указать на необходимость реорганизации этой академіи.

Военно - юридическая академія есть ни болѣе ни менѣ какъ высшая юридическая школа и по большинству предметовъ, въ ней преподаваемыхъ, ближе стоитъ къ вѣдомству гражданскому, чѣмъ къ военному, а потому, прежде чѣмъ поднять вопросъ о военно-юридической академіи, придется разрѣшить, такъ сказать, побочный вопросъ: насколько академія эта, въ ряду другихъ высшихъ школъ, является необходимою для Россіи?

Неоспоримо, что у насъ въ Россіи школа является существенною необходимостью, но какая школа?—Да такая, которая создается на основахъ общественныхъ потребностей, экономическихъ и нравственныхъ. Такими школами будутъ: народныя, гимназіи, духовныя семинаріи, разнаго рода комерческія, лицеи, высшія школы для гражданскихъ инженеровъ, технологовъ, землемѣровъ и инженеровъ горнаго вѣдомства, духовныя академіи и другія учебныя заведенія техническія, сельско-хозяйственныя и юридическія, а также относящіяся къ развитію искусствъ: музыки, художествъ, архитектуры и скульптуры. Во главѣ всѣхъ этихъ общественныхъ школъ, конечно, стоитъ университетъ, не только какъ главный рассадникъ ученыхъ дѣятелей, но и какъ высшая норма для опредѣленія умственнаго общественнаго развитія, ибо по справедливому замѣчанію Благосвѣтлова **):

*) Въ прошломъ 1898 году Московскимъ военно-окружнымъ судомъ всего разсмотрѣно не болѣе трехъ сотъ сорока дѣлъ, изъ нихъ сто семьдесятъ должно быть отнесено къ преступленіямъ общимъ. Компетенція Московскаго военно-окружнаго суда распространяется на губерніи: Московскую, Тверскую, Вологодскую, Нижегородскую, Ярославскую, Владимирскую, Рязанскую, Воронежскую, Тамбовскую, Тульскую, Орловскую, Смоленскую, Курскую и Калужскую. Во всѣхъ этихъ губерніяхъ существуютъ общіе уголовные суды гражданскаго вѣдомства.

**) См. наши университеты и въ Западной Европѣ, сборникъ статей Благосвѣтлова, изданный послѣ его смерти. С.-Петербургъ, 1888 года.

«университетское учение находится въ строгой логической связи съ общимъ ходомъ народной жизни и образованія». Кроме того, въ виду существованія у насъ торговаго мореходства является необходимость и въ учрежденіи учебныхъ заведеній для подготовленія штурмановъ, лоцмановъ и другихъ специалистовъ по морскому и рѣчному, если можно такъ выразиться, дѣлу. При наличности указанныхъ школъ и подлежащей ихъ ответственности общество всегда можетъ приобрести достаточную силу для правительственнаго функционированія по пути прогрессивнаго развитія.

Однако, правительства — не только наше, но и западно-европейскихъ государствъ — вынуждены затрачивать на низшія и высшія спеціальныя школы военно-корпоративнаго характера. Такими школами являются: кадетскіе корпуса, юнкерскія училища и другія низшія военно-учебныя заведенія, а также высшія военныя академіи: генеральнаго штаба, инженерная, артиллерійская, морская, военно-медицинская и военноюридическая. Спеціальность первыхъ четырехъ академій тѣсно связана съ боевымъ назначеніемъ войска, такъ какъ военное искусство обязательно должно совершенствоваться, ибо всякій застой въ военномъ дѣлѣ какого-либо государства умалилъ бы значеніе военной силы онаго государства передъ такими же силами тѣхъ государствъ, гдѣ военное искусство получило надлежащее развитіе.

Относительно военно-медицинской академіи, существующей у насъ болѣе ста лѣтъ, можно было бы сказать, что, при наличности медицинскихъ факультетовъ въ университетахъ, академія эта на первый взглядъ является какъ бы излишнею, но такой взглядъ былъ бы невѣренъ и, главнымъ образомъ, потому, что существованіе благоустроенной военной силы тѣсно связано съ надлежащимъ и разумнымъ развитіемъ въ войскѣ гигиены, а, стало быть, войско всегда нуждалось и будетъ нуждаться въ значительномъ числѣ лицъ, принадлежащихъ къ медицинскому персоналу. Обязать же лицъ, окончившихъ курсы на медицинскихъ факультетахъ университетовъ, вступать на службу въ войска военными медиками и даже на извѣстный опредѣленный срокъ было бы дѣломъ почти невозможнымъ и, во всякомъ случаѣ, поставило бы нашу армию, по отношенію къ медицинскому персоналу, въ крайне затруднительное положеніе. Изъ чего слѣдуетъ, что и затраты правительства на военно-медицинскую академію не могутъ быть признаны излишними, такъ какъ существованіе такой академіи прямо вызывается наличностью военной силы, для которой, собственно говоря, академія эта и учреждена.

Нельзя при этомъ еще не замѣтить, что лица окончившія курсы въ академіяхъ: Николаевской—генеральнаго штаба, Николаевской—инженерной, Николаевской—морской и Михайловской—артиллерійской, не только являются главными дѣятелями по развитію военнаго искусства, но и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вступая въ ряды арміи, реально становятся какъ бы инструкторами военной силы. Всѣ эти пять академій дали не мало лицъ, извѣстныхъ по своимъ литературнымъ трудамъ, въ сферѣ ихъ профессіо-

нальной специальности, и надо сознаться, что наша литература, относящаяся до военного искусства и военной гигиены, не уступает по солидности своей литературѣ западно-европейскихъ государствъ. Вѣдомства: генеральнаго штаба, инженерное, артиллерійское, морское и военно-медицинское имѣютъ свои періодическіе органы печати, издаваемые ежемѣсячно или шесть разъ въ годъ въ видѣ журналовъ, вполне доступныхъ для публики, и по содержанию этихъ журналовъ общество и можетъ знакомиться съ состояніемъ нашей военной силы. Наконецъ журналы эти не только являются источниками для объѣма взглядовъ специалистовъ по военному дѣлу, но и составляютъ средства къ поднятію вопросовъ, специально относящихся до военного искусства и военной гигиены. Кромѣ Николаевской морской академіи, въ морскомъ вѣдомствѣ есть и другія специально-техническія учебныя заведенія, но существованіе всѣхъ этихъ специальныхъ учебныхъ заведеній тоже тѣсно связано съ военно-морскимъ дѣломъ. Отсюда совершенно и понятно, что вопросъ объ упраздненіи какой-либо изъ пяти указанныхъ академій, т.-е. академій: генеральнаго штаба, инженерной, артиллерійской, морской и военно-медицинской, никогда ни поднимался, и въ развитіи этихъ академій перерыва не было. Что же касается до военно-юридической академіи, то, по характеру преподаваемыхъ въ ней предметовъ, академія эта, какъ не имѣющая своею задачей развитіе военного искусства, находится въ средѣ военной корпорации какъ бы въ изолированномъ положеніи. Профессоръ Кузьминъ-Караваевъ въ своемъ трудѣ подъ заглавіемъ: *Военно-юридическая академія съ 1866 г. по 1891 г.* *), между прочимъ, говоритъ, что «академія эта въ ряду другихъ высшихъ учебныхъ заведеній занимаетъ исключительное положеніе во многихъ отношеніяхъ. Ея положеніе исключительно не только по сравненію съ прочими военными академіями, но и по сравненію съ юридическими факультетами университетовъ, съ училищемъ правовѣдѣнія и юридическими лицеями. Академіи: генеральнаго штаба, артиллерійская, инженерная и морская имѣютъ специальною цѣлью дать офицерамъ то высшее военное образованіе, основой котораго является образованіе уже полученное ими въ военныхъ училищахъ и морскомъ корпусѣ. Отсюда—тѣсная связь между предметами преподаванія въ академіяхъ и училищахъ».

Дѣйствительно офицеръ, поступающій, напримѣръ, въ военную академію генеральнаго штаба, уже знакомъ съ основами тактики, геодезій, военной исторіи, военной статистики, и по поступленіи въ эту академію услышитъ съ кафедръ только дальнѣйшее развитіе знакомыхъ ему научныхъ положеній. Совершенно иное представляютъ собой предметы, преподаваемые въ военно-юридической академіи, такъ какъ академія эта имѣетъ цѣлью дать

*) См. соч. Кузьмина - Караваева, стр. 1—2, подъ заглавіемъ: *Военно-юридическая академія съ 1866 г. по 1891 г.* Краткій историческій очеркъ. Трудъ профессора военно-юридической академіи Кузьмина-Караваева, къ сожалѣнію, отпечатанъ лишь въ нѣсколькихъ экземплярахъ и разосланъ къ немногимъ лишь личностямъ, входящимъ въ составъ военно-судебнаго вѣдомства, а потому и въ обществѣ совершенно извѣстенъ.

офицерамъ военно-юридическое образование, основой которого неизбѣжно должно служить образование общеправовое. Образование же, полученное въ юнкерскихъ и въ военныхъ училищахъ, а равно и строевая служба не могутъ имѣть значенія подготовки для слушанія курса въ военно-юридической академіи, ибо нельзя признавать подготовкою для будущаго военнаго юриста тѣ отрывочныя свѣдѣнія изъ законовѣдѣнія, которыя преподаются въ указанныхъ среднихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ. «Почему офицеръ, — какъ справедливо замѣчаетъ профессоръ Кузьминъ-Караваевъ, — поступающій въ военно-юридическую академію, сразу вводится въ кругъ совершенно новыхъ для него идей, понятій и научныхъ истинъ. И только вполнѣ освоившись въ первыхъ двухъ курсахъ академіи съ правовыми понятіями и принципами науки права, онъ въ третьемъ—спеціальному—курсу этой академіи приобретаетъ уже познанія по предметамъ, входящимъ въ составъ спеціально военно-юридическихъ наукъ».

Является вопросъ: возможно ли офицера, въ большинствѣ случаевъ не получившаго классическаго образования, преобразовать въ юриста съ солидною научною юридическою подготовкою? Вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ только относительно юристовъ-практиковъ и, притомъ, криминалистовъ, такъ какъ знаніе римскаго права для права уголовнаго не имѣетъ существеннаго значенія, ибо и безъ помощи римскаго права юристы-практики криминалисты съ успѣхомъ могутъ примѣнить свою мыслящую волю не только къ уясненію всѣхъ требованій законовъ, но и согласовать детальное законоположеніе съ общимъ духомъ и направленіемъ законодательства. Что же касается до юриста-практика гражданского, а равно и для научной разработки права знаніе римскаго права, вполнѣ необходимо, такъ какъ при разрѣшеніи вопросовъ, вытекающихъ изъ права гражданского, юристу-практику, въ большинствѣ случаевъ, приходится имѣть дѣло не съ одними простыми обыденными случаями, а съ казусами весьма сложными и нерѣдко при полномъ отсутствіи опредѣленныхъ началъ въ законѣ.

Изолированное положеніе военно-юридической академіи въ средѣ военной корпораціи и было главною причиною возбужденія въ правительственныхъ сферахъ вопроса о томъ, нужна ли или не нужна эта академія для военнаго вѣдомства.

Вопросъ о необходимости учрежденія для офицеровъ высшей юридической школы былъ поднятъ только при реорганизаціи нашихъ военно-судебныхъ учреждений, ибо военно-судебная реформа, устанавливая для войска уголовный процессъ смѣшаннаго типа, вмѣстѣ съ тѣмъ и вызвала необходимость комплектованія персонала военныхъ судовъ офицерами съ юридическимъ образованіемъ. Въ виду же допущенія и чиновниковъ-юристовъ къ занятію различныхъ военно-судебныхъ должностей *) , и аудиторское

*) См. „Сборникъ законодательныхъ работъ по составленію военно-судебнаго устава“. С.-Петербургъ, 1867 г.

училище было преобразовано въ училище военно-юридическое, специально предназначенное для подготовки военныхъ юристовъ-чиновниковъ.

Если при установлении у насъ общей судебной реформы почувствовался большой недостатокъ въ образованныхъ юристахъ, то тѣмъ болѣе такой недостатокъ осязательно проявился при реорганизации нашихъ военныхъ судовъ, такъ какъ въ военномъ вѣдомствѣ рѣшительно не было офицеровъ, способныхъ, безъ предварительной подготовки, къ занятію различныхъ военно-судебныхъ должностей. Такое положеніе въ военномъ вѣдомствѣ и вызвало необходимость учрежденія въ 1866 г. офицерскихъ классовъ при аудиторскомъ училищѣ для подготовленія генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, предназначаемыхъ къ занятію различныхъ должностей въ военныхъ судахъ новой конструкціи, но подготовленіе это было ограничено только ознакомленіемъ указанныхъ офицеровъ съ начальными основаніями уголовного права и судопроизводства, что и было поручено, по распоряженію аудиторіатскаго департамента военнаго министерства, профессорамъ: Лохвицкому и Чебышеву-Дмитріеву. Курсъ преподаванія опредѣленъ былъ двухлѣтній, а приняты были офицеры въ офицерскій классъ безъ пріемнаго экзамена, по личному усмотрѣнію главнаго военнаго прокурора В. Д. Философова. Всего изъявило желаніе въ 1866 г. поступить въ офицерскій юридическій классъ сто семнадцать офицеровъ, но изъ нихъ было принято только тридцать штатными слушателями и десять вольнослушателями. Положеніемъ, составленнымъ объ офицерскомъ юридическомъ классѣ, а именно статьею 25 опредѣлялось, что, изъ числа окончившихъ въ офицерскомъ классѣ курсъ, старшіе по выпуску офицеры, по числу имѣющихся вакансій, переводятся въ военно-судебное вѣдомство, а остальные обращаются въ свои полки и команды.

Въ 1868 г. всего окончилъ курсъ въ офицерскомъ классѣ по выпускному экзамену тридцать офицеровъ и изъ нихъ двадцать семь офицеровъ обращено на службу по военно-судебному вѣдомству, а трое перешли въ другія вѣдомства, и такимъ образомъ въ строевыя части войска никто не возвратился. Въ 1867 г., 30 марта, офицерскіе классы при аудиторскомъ училищѣ были переименованы въ военно-юридическую академію, а мѣсяць спустя военнымъ министромъ Милютинымъ было приказано приступить къ составленію положенія объ академіи военнаго вѣдомства, съ установленіемъ для лицъ, желающихъ поступить въ военно-юридическую академію, пріемнаго экзамена *). Несмотря на крайне нетрудный пріемный экзамень, число желающихъ поступить въ военно-юридическую академію въ 1868 г. возросло только до тридцати семи офицеровъ, а изъ этого числа принято въ академію двадцать девять офицеровъ штатными слушателями и четыре—вольнослушателями. Понятно, что пріемный экзамень уже вполне игнорировалъ

*) При изложеніи историческаго развитія военно-юридической академіи принималось въ соображеніе сочиненіе профессора Кузьмина-Караваева подъ заглавіемъ: „Военно-юридическая академія съ 1866 по 1891 годъ“. Краткій историческій очеркъ.

старшинство въ чинахъ и личный выборъ и ставилъ поступленіе въ академію въ зависимость отъ конкуренціи, такъ какъ не всѣ выдержавшіе экзамень могли рассчитывать попасть въ академію штатными слушателями, ибо количество штатныхъ вакансій было опредѣлено заранѣе. Къ поступленію въ военно-юридическую академію въ 1868 г. попрежнему допускались не только оберъ и штабъ-офицеры, до полковниковъ включительно, но даже и генералы, причѣмъ послѣдніе однако приѣмному, переходному и выпускному экзаменамъ не подвергались. Такое оригинальное положеніе военно-юридической академіи, по сравненію съ другими военными академіями, куда допускались только оберъ-офицеры, вызывалось необходимостью замѣщенія въ военно-окружныхъ судахъ должностей предсѣдателей и военныхъ судей. Нельзя отрицать, что и преподаваніе въ военно-юридической академіи различныхъ наукъ права, до новой реорганизациі этой академіи, вполнѣ согласовалось съ качествомъ ея слушателей.

Н. П. Хитрово.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Матеріалы для біографіи А. И. Герцена.

Фр. Нитцше въ своей книгѣ *Menschliches Allzumenschliches* говоритъ, что для наилучшаго изображенія всякаго значительнаго предмета слѣдуетъ заимствовать краски у него самого, такъ чтобы самыя предѣлы и переходы красокъ создавали рисунокъ. Справедливая, вообще, мысль эта является особенно справедливой по отношенію къ такой крупной личности, какъ А. И. Герценъ, сочиненія котораго отличаются не только удивительнымъ разнообразіемъ своего содержанія, но и глубокой искренностью изложенія. Благодаря партійной тенденціозности, которой такъ много вносилось и продолжаетъ вноситься въ оцѣнку дѣятельности и литературнаго значенія этого замѣчательнаго публициста, будущимъ біографамъ Герцена, которые захотятъ дать о немъ истинное представленіе, придется обратиться прежде всего къ самымъ произведеніямъ Герцена. Нѣсколько облегчить этотъ тяжелый и сложный трудъ разбора въ такомъ богатомъ матеріалѣ и составляетъ задачу настоящей статьи.

Вопросъ объ общемъ философско-историческомъ міросозерцаніи Герцена, его основныхъ взглядахъ и главныхъ исходныхъ пунктахъ составляетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ и самыхъ интересныхъ вопросовъ его біографіи. Чтобы вполнѣ выяснить характеръ и сущность этого міросозерцанія, необходимо сказать нѣсколько словъ о философіи Гегеля, имѣвшей, какъ извѣстно, огромное вліяніе на все философское и политическое міровоззрѣніе поколѣнія, къ которому принадлежалъ Герценъ. Нигдѣ въ Европѣ германскій философскій идеализмъ въ его окончательной формѣ—гегелианствѣ не вызвалъ такого живого сочувствія и, можетъ быть, не нашелъ такого глубокаго пониманія, какъ въ Россіи, въ учено-литературномъ кружкѣ московскихъ западниковъ 30—40 годовъ. Въ исторіи русской мысли значеніе этой философской системы было такъ велико, что съ послѣдствіями его приходится считаться даже и въ наше время,—цѣлые полвѣка спустя послѣ того какъ познакомилась съ Гегелемъ передовая русская интеллигенція.

Основною идеей философіи Гегеля была идея постепеннаго развитія «эволюціи»: въ жизни нѣтъ ничего вѣчнаго, неизмѣннаго, абсолютнаго; все существующее—лишь переходная стадія развитія. Этою своею идеей гегелианство завоевало въ свое время весь мыслящій міръ и создало сильное и широкое умственное движеніе. Гегелемъ была впервые формулирована съ совершенно небывалою послѣдовательностью и смѣлостью система, составляющая едва ли не самое драгоценное приобрѣтеніе нашего положительнаго вѣка. Понятіе о прогрессѣ—одно изъ самыхъ интересныхъ и самыхъ характерныхъ понятій гегелевской философіи. Она признавала, что человѣчество, *en passe*, идетъ непрерывно впередъ, но при этомъ такъ, что всѣ достигнутые имъ ранѣе результаты могутъ оказаться требующими совершенной замѣны ихъ другими—новыми. Съ этой точки зрѣнія даже періоды видимаго упадка, самыя бѣдствія человѣческаго рода, составляютъ все-таки шагъ впередъ, потому что является при этомъ новый духъ, который стремясь проявиться, разрушаетъ старыя, отжившія формы жизни. Пантеистическое пониманіе міра и человѣка, обоготвореніе жизни и исторіи, привели, какъ мы знаемъ, философію Гегеля къ ученію Фейербаха, Штрауса и др. «фейрбахистовъ», учившихъ о единствѣ матеріи и духа, о томъ, что судить о сущности мы можемъ лишь по ея внѣшнему проявленію. Это была въ гегелианствѣ такъ называемая «лѣвая», къ которой примкнулъ впоследствии и Герценъ, когда окончательно овладѣлъ философіей Гегеля.

Слѣдую Фейербаху, Герценъ рѣшительно отвергаетъ возможность существованія идеи, сущности внѣ ея проявленія. Въ абстракціи,—говоритъ онъ,—мы, конечно, можемъ отдѣлить причину отъ дѣйствія, сущность отъ ея внѣшняго проявленія, но такое раздѣленіе только и возможно въ области человѣческой мысли, а не въ дѣйствительности. Дѣйствительная же жизнь, какъ все органическое, живое, жива только какъ цѣлое; при разятіи на части, душа ея отлетаетъ и остаются однѣ мертвыя абстракціи съ трупнымъ запахомъ. Для насъ, изслѣдователей Герцена, важна въ данномъ случаѣ не та отвлеченная форма, въ которую вылилась мысль Герцена, а важны практическіе выводы, какіе послѣдній сдѣлалъ изъ нея. Если проявленія жизни и есть самая жизнь, если видимая и ощущаемая нами дѣйствительность—самая сущность жизни, то значить жизнь—дѣятельность, корень и источникъ всего. Жить это—работать и стремиться впередъ, а не «грязить», хотя бы эти грѣзы и были порою пріятнѣе окружающей насъ дѣйствительности. Уже въ одномъ изъ самыхъ раннихъ своихъ произведеній *Записки молодого челоѣка* (Отеч. Зап. 1840 г., 12 кн.) Герценъ упрекаетъ нѣмецкихъ мыслителей и поэтовъ за ихъ односторонность: при всей ихъ космополитической всеобщности въ нихъ недостаетъ, по его мнѣнію, цѣлага элемента челоѣчности, именно—практической жизни, и хотя они очень много пишутъ о конкретній жизни, но уже одно то, что они пишутъ о ней, а не живутъ ею, доказываетъ ихъ

абстрактность. Такое же горячее сочувствіе автора къ практическимъ вопросамъ, къ людямъ жизни, въ противоположность съ мыслителями и поэтами, замѣтно и въ послѣдовавшей за только что указанной другой статьѣ Герцена *Еще изъ записокъ молодого челоѣка* (*Отечеств. Зап.* 1841 г., 8 кн.). Для нашего времени мысль о томъ, что практическая жизнь—необходимый элементъ челоѣчности не представляетъ собой чего-либо новаго или оригинальнаго, но въ 40-хъ гг., когда романтическая струя была еще сильнымъ ключомъ, поднять вопросъ о практической жизни и дѣятельности было великою дерзостью, которую могли позволить себѣ лишь немногіе смѣльчаки. Воснувшіе вопроса о необходимости практической жизни, мы неизбѣжно должны нѣсколько остановиться на нравственной философіи Герцена, тѣсно связанной съ его публицистическими взглядами. Прекрасною иллюстраціей нравственнаго мировоззрѣнія Герцена можетъ служить надѣлавшій въ свое время большого шума его романъ *Кто виноватъ?* *), построенный на развитіи и примиреніи тѣхъ нравственныхъ противорѣчій, среди которыхъ протекаетъ жизнь большинства людей. Общество и семья, по мнѣнію Герцена, это — гегелевскіе тезъ и анти-тезъ,—силы, находящіяся въ настоящее время въ уперной и непрерывной борьбѣ. Личное чувство, не примиряющееся съ общепринятыми формами ходячей морали, должно или глубоко запрятаться въ сердцѣ, совершенно заглушивши себя, или провозгласить свою независимость отъ этой морали. На вопросъ: кто виноватъ? этотъ романъ отвѣчаетъ такъ: виновата сама жизнь, самое свойство челоѣческихъ душъ, не могущихъ отказаться отъ счастья и предвидѣть, какъ далеко зайдутъ ихъ собственные чувства, и вслѣдствіе этого страдающихъ отъ всякаго рода случайностей, которыя наносятъ удары этимъ чувствамъ и разрушаютъ счастье. «Вся индивидуальная сторона жизни погружена въ темный лабиринтъ случайностей, пересѣкающихся, влетающихъ другъ въ друга,—говоритъ Герценъ въ своей статьѣ *По поводу одной драмы* (*Отеч. Зап.* 1843 г., кн. VII),—двѣя физическія силы, непросвѣтленныя влеченія, встрѣчи имѣютъ голосъ, и изъ нихъ можетъ составиться согласный хоръ, но могутъ произойти и раздрающіе душу диссонансы...» Челоѣкъ, строящій свой домъ на одномъ сердцѣ, строить его на огнедышашей горѣ. Тамъ, гдѣ жизнь подчинена чувствамъ, узко-эгоистическимъ интересамъ, не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо прочномъ счастьѣ. Чтобы быть истинно счастливымъ, челоѣкъ долженъ раскрыть всю свою душу всему челоѣческому, долженъ страдать и наслаждаться страданіями и наслаженіями современности,—словомъ, развить эгоистическое сердце въ сердце «всескорбящее», болѣющее за своего ближняго. Въ гармоническомъ сляніи начала личнаго и общественаго, частнаго и всеобщаго, Герценъ видитъ единственный выходъ изъ противорѣ-

*) *Отеч. Зап.* 1845 г. дек.; отдѣльными изданіями, болѣе раннія: 1847 г. (Прада) 1866 года (Ковалевскаго).

чія, а вмѣстѣ и единственный прочный залогъ истиннаго счастья для человѣка. Связать свою маленькую личную жизнь съ жизнью окружающаго насъ со всѣхъ сторонъ огромнаго общаго—это главная нравственная задача, которую долженъ поставить передъ собой каждый истинно-развитой и просвѣщенный человѣкъ.

Мы подошли теперь къ одному изъ главныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе интересныхъ вопросовъ въ публицистическомъ мировоззрѣніи Герцена—къ вопросу о роли личности въ исторіи. Безъ предварительнаго рѣшенія этого вопроса въ томъ или другомъ смыслѣ совершенно немислима какая бы то ни было общественная дѣятельность, тѣмъ болѣе публицистическая. Что самъ Герценъ придавалъ вопросу о роли личности важное значеніе, можно видѣть уже изъ одного того, что онъ возвращается къ этому вопросу при каждомъ удобномъ случаѣ, варьируя отвѣтъ на него на всевозможные лады, съ той удивительной образностью выраженій, какой отличается языкъ большей части его публицистическихъ работъ. Мы только что видѣли, что жизнь частная, индивидуальная, представляется Герцену одной сплошной нелѣпостью, рядомъ бессмысленныхъ случайностей, пересѣкающихся другъ съ другомъ; не можетъ похвастаться своимъ «смысломъ» и жизнь общая, — исторія человечества, которая, по убѣжденію Герцена, также развивалась только «нелѣпостями»: люди постоянно стремились за бреднями и лишь по дорогѣ достигали иногда положительныхъ результатовъ, практическихъ послѣдствій. «На яву сонные, они шли за радугой, искали то рай на небѣ, то небо на землѣ, а по дорогѣ пѣли свои вѣчныя пѣсни, построили Римъ и Аѳины, Парижъ и Лондонъ... Одно сновидѣніе уступаетъ другому, сонъ становится иногда тоньше, но никогда не проходить совсѣмъ». Отъ этого происходитъ то, что люди легко принимаютъ все на вѣру и даже готовы многимъ пожертвовать за свои убѣжденія, но съ ужасомъ отступаютъ назадъ, когда проникнетъ вдругъ въ раскрытую щель дневной свѣтъ или подуетъ свѣжій вѣтеръ разума и критики. Мученики первыхъ вѣковъ христіанства вѣрили въ искупленіе, вѣрили въ будущую жизнь; римляне смотрѣли на это иначе и заставляли «безумствующихъ» склоняться въ прахъ передъ августѣйшими изображеніями своихъ цезарей. Христіане не хотѣли сдѣлать этой маленькой уступки и за это ихъ травили звѣрями въ циркахъ, жгли на кострахъ, распинали на крестахъ. Они были сумасшедшіе, римляне—полоумные; тутъ нѣтъ мѣста ни сочувствію, ни удивленію. «Но тогда прощай,—восклицаетъ Герценъ,—не только Термопилы съ Голговою, но и Софоклъ съ Шекспиромъ, да встаетъ и вся безконечно-длинная эпопея, которая безпрестанно завершается какими-нибудь сумасбродными трагедіями и безпрестанно идетъ далѣе подъ названіемъ исторіи!...» Во всю тысячу и одну ночь исторіи, какъ только накоплялось у людей немного просвѣщенія, дѣлались попытки пробудить сонное царство. Нѣсколько человѣкъ просыпались, протестовали противъ спячки остальныхъ, заявляли, что они проснулись, но другихъ добудить все-таки не

могли. Появленіе людей, протестовавшихъ противъ общественной неволи, противъ угнетенія личности—не новость въ исторіи человѣчества: они являлись обличителями настоящаго и пророками будущаго во всѣхъ сколько-нибудь назрѣвшихъ цивилизаціяхъ, особенно, когда послѣднія старѣли. Это—высшій предѣлъ, — «перехватывающая личность», какъ опредѣляетъ Герценъ такихъ людей, —явленіе въ высшей степени интересное, хотя и исключительное, рѣдкое, какъ гений и красота, какъ необыкновенный голосъ. Появленіе ихъ только доказываетъ возможность для человѣка развиваться, доходить до разумнаго пониманія вещей, но этимъ еще не разрѣшается вопросъ, можетъ ли это исключительное явленіе сдѣлаться общимъ. Исходя изъ данныхъ, представляемыхъ исторіей человѣчества, Герценъ рѣшаетъ этотъ вопросъ скорѣе отрицательно, чѣмъ положительно. «Люди еще не скоро почувствуютъ потребность здраваго смысла: развитие мозга требуетъ своего времени, а въ природѣ, какъ мы знаемъ, нѣтъ торопливости. Если она могла цѣлыя тысячи лѣтъ лежать въ каменномъ обморозѣ, то надо полагать, что и историческаго бреда ей станетъ надолго. Люди, которые поняли, что это—сонъ, воображаютъ, что проснуться легко, и сердятся на спящихъ, совершенно забывая, что весь міръ, ихъ окружающій, не позволяетъ имъ проснуться...» Жизнь проходитъ рядомъ оптическихъ обмановъ, искусственныхъ потребностей и мнимыхъ удовлетвореній, въ чадѣ нелѣпностей и пустяковъ, отъ которыхъ нѣтъ силъ очнуться...

Искать въ исторіи и природѣ того внѣшняго и внутренняго порядка, который вырабатываетъ въ себѣ чистое мышленіе, совершенно независимое отъ какихъ-либо внѣшнихъ постороннихъ воздѣйствій, это значить вовсе не знать характера исторіи и природы, —увѣряетъ насъ Герценъ во 2-мъ изъ своихъ *Писемъ о природѣ*. «Все равно, что бы историческое я ни начиналъ читать, вездѣ во всѣ времена открывалъ я разныя безумія, которыя соединялись въ одно всемірное помѣшательство. Бралъ ли я Тита Ливія или Муратори, Тацита или Гиббона, —никакой разницы; всѣ они доказываютъ одно, что исторія —ни что иное какъ связанный рассказъ родового хроническаго безумія и его медленнаго излѣченія», такъ рассуждаетъ д-ръ Круповъ въ своемъ сочиненіи *О душевныхъ болѣзняхъ вообще и объ эпидемическомъ развитіи оныхъ въ особенности* (Соврем. 1847 г., т. V). Разверните какую хотите исторію, вездѣ васъ поразитъ, что вмѣсто дѣйствительныхъ интересовъ всѣмъ заправляютъ мнимые, фантастическіе интересы; взгляните, изъ-за чего льется кровь, изъ-за чего выносятся люди всевозможныя лишенія, что восхваляютъ и что порицаютъ, и вы ясно убѣдитесь въ несчастной на первой взглядъ истинѣ и истинѣ полной утѣшенія на второй взглядъ, что все это — слѣдствіе разстройства умственныхъ способностей. Замѣчательно, —продолжаетъ д-ръ Круповъ, —что внѣ домовъ умалишенныхъ между больными существуетъ какое-то тайное соглашеніе, какая-то патологическая деликатность, по которой безумные взаимно признають пункты помѣшательства другъ въ другѣ. Явный и по-

стоянный вред люди наносят себѣ самимъ въ силу своихъ предразсудковъ, своего явнаго и постоянного стремленія къ цѣлямъ несущественнымъ и опущенія цѣлей дѣйствительныхъ. Это уже черта настоящаго безумія, т.-е. такого состоянія, въ которомъ дѣйствительность не имѣетъ силы надъ человѣкомъ. Мысль о всеобщемъ безумствѣ людей, которую высказывали еще мудрецы классической древности, представляется Герцену до того увлекательной, что онъ не могъ освободиться отъ нея въ теченіе всей своей литературной дѣятельности, и даже спустя двадцать лѣтъ послѣ появленія только что изложенной «психиатрической теории д-ра Крупова», онъ помѣстилъ въ *Полярной Звѣздѣ* на 1869 годъ (вышедшей въ 1868 г.) посвященную тому же вопросу статью подъ заглавіемъ *Aphorismata*, соч. проректора и адъюнктъ-профессора Тита Левіаеанскаго. Левіаеанскій идетъ въ своемъ пессимизмѣ еще дальше д-ра Крупова и считаетъ большой ошибкой послѣдняго надежду на постепенное излѣченіе человѣческаго рода. «Какъ же, — спрашиваетъ онъ, — постоянное состояніе какого-либо животнаго рода или вида можетъ излѣчаться? Это — не болѣзнь, а особенность, признакъ... Можетъ быть черезъ 1000 лѣтъ двумя-тремя безуміями будетъ меньше, но отсюда еще далеко до полнаго исцѣленія», о которомъ мечталъ Герценъ вмѣстѣ съ д-ромъ Круповымъ въ 1847 году.

Медленность развитія человѣчества, трудность борьбы съ историческою косностью и неподвижностью не должны все-таки смущать «людей дальняго идеала», пророковъ разума, провозвѣстниковъ лучшаго будущаго. Имъ мало дѣла до прикладныхъ затрудненій; они указываютъ на разумныя начала, къ которымъ общество неуклонно стремится, законы и общую формулу его движенія, предоставляя грядущимъ поколѣніямъ посылно осуществлять эти начала въ ежедневной борьбѣ сталкивающихся другъ съ другомъ интересовъ и партій. Какъ ни трудна борьба, какъ ни тернистъ путь служенія обществу, но усилія отдѣльныхъ личностей не пропадаютъ безслѣдно, и хоть медленно, но непрерывно ведутъ человѣчество впередъ, — къ конечному торжеству истины и свободы, смутные силуэты которыхъ все яснѣе и яснѣе обрисовываются на горизонтѣ будущаго. Этою вѣрой въ творческую роль личности въ исторіи глубоко проникнуты всѣ произведенія Герцена, и если въ нихъ звучитъ мѣстами скептическая нотка, то объясняется это или временнымъ, чисто-случайнымъ настроеніемъ, неизбѣжнымъ въ жизни каждаго искренняго публициста, или общимъ характеромъ психическаго склада Герцена, всегда страстнаго, способнаго порой увлекаться до противорѣчія самому себѣ, лишь бы только отстоять излюбленную идею, составляющую весь смыслъ его работы въ данный моментъ.

Роли личности въ исторіи Герценъ придаетъ очень большое значеніе, можетъ быть, гораздо большее, чѣмъ можно это признать въ наше время, спустя пятьдесятъ лѣтъ послѣ того, какъ появились въ печати первыя чисто-публицистическія работы Герцена. Нашъ вѣкъ «экономическаго материализма» не можетъ особенно благоприятствовать процвѣтанію культа че-

ловѣческой личности и ея творческаго могущества, но тогда было другое время, другіе идеалы... «Человѣческое участіе,—говоритъ Герценъ,—велико и полно поэзіи; это—своего рода творчество. Стихіямъ, матеріи все равно: онѣ могутъ дремать тысячелѣтія и даже вовсе не просыпаться, но человѣкъ плетъ ихъ на свою работу и онѣ идутъ»... Природа никогда не борется съ человѣкомъ; по мнѣнію Герцена, это—только пошлый поклонъ на нее, отъ котораго было бы давно пора отказаться. Природа не можетъ идти противъ человѣка, если только самъ человѣкъ не перечитъ ея законамъ, считается съ ними; продолжая свое собственное творческое дѣло, она въ то же время безсознательно будетъ дѣлать и его дѣло. Люди знаютъ это и на этомъ основаніи владѣютъ морями и сушами, пытаются овладѣть воздухомъ, солнечною энергіей. Но еще болѣе глубокимъ и серьезнымъ можетъ быть вліяніе человѣка на исторію, которая, какъ и природа, никуда въ сущности не идетъ и потому готова идти всюду, куда ей укажутъ. Не имѣя ни программы, ни заданной темы, ни неизменной развязки, разстрепанная импровизація исторіи готова идти съ каждымъ; каждый можетъ вставить въ нее свой стихъ, и если онъ звученъ, то останется его стихомъ, пока поэма не оборвется»... Въ безднѣ частныхъ, изъ взаимодѣйствія которыхъ другъ на друга и слагается въ сущности вся человѣческая исторія, отдѣльный человѣкъ имѣетъ полную возможность не только не затеряться безслѣдно, какъ песчинка въ морѣ, но и превратиться въ рулевого, гордо разсѣкающаго своимъ кораблемъ морскія волны. Глубоко вѣруя въ прогрессъ, въ непрерывность мірового развитія, Герценъ не приноситъ все-таки индивидуума въ жертву этому всепожирающему Молоху и пытается, насколько можетъ, отстоять человѣческую личность отъ поглощенія ея общими дѣлами исторіи. Нельзя быть самимъ собою, не имѣя рѣзкаго сознанія своей личности, не будучи эгоистомъ. Моралисты обыкновенно говорятъ объ эгоизмѣ, какъ о дурной привычѣ, ни мало не объясняя при этомъ, почему слѣдуетъ непремѣнно брататься со всѣми, и что за долгъ таковой любить всѣхъ на свѣтѣ. Въ дѣйствительности, нѣтъ никакой причины любить или ненавидѣть что-либо потому только, что оно существуетъ. Оставьте человѣка быть свободнымъ въ своихъ симпатіяхъ: онъ найдетъ кого любить и съ кѣмъ быть братомъ, если же онъ не найдетъ, это—его дѣло, его несчастье, потому что одинокая жизнь, не согрѣтая любовью, все равно, что темная холодная ночь. Подчиненіе личности обществу, народу, чувству, идеѣ, Герценъ считаетъ продолженіемъ человѣческихъ жертвоприношеній, которыя лежатъ такимъ темнымъ пятномъ на прошломъ человѣчества. Лицо, истинная монада общества, всегда было приносимо въ жертву какому-нибудь общему понятію, собирательному имени, какому-нибудь знамени. Врагъ всякихъ фразъ, связывающихъ и покоряющихъ мысль, Герценъ въ главѣ *Consolatio*, съ эпитафіей изъ Гейне: «Der Mensch ist nicht geboren frei zu sein», говоритъ, что не слѣдуетъ никогда забывать, что человѣкъ любить подчиняться, онъ ищетъ всегда къ чему-нибудь прислониться, за что-

нибудь спрятаться. Въ немъ нѣтъ гордой самобытности хищнаго звѣря. Въ теченіе всей своей исторіи человѣкъ росъ въ повиновеніи семейномъ, племенномъ, государственномъ; тѣмъ сложнѣе и круче связывался узелъ общественной жизни, тѣмъ въ большее рабство впадали люди. Пора, наконецъ, освободить человѣка изъ подобнаго унижительнаго состоянія; пора понять, наконецъ, что человѣкъ живетъ на землѣ не для совершенія судьбъ (о которыхъ намъ ничего не извѣстно), не для воплощенія идеи, не для прогресса, а единственно потому, что родился—и родился для настоящаго (что вовсе не мѣшаетъ ни получать наслѣдство отъ прошедшаго, ни оставлять кое-что послѣ себя будущимъ поколѣніямъ). Пора взглянуть на исторію съ ея естественной, фізіологической точки зрѣнія. Какъ цѣль, какъ утѣшеніе, прогрессъ не имѣетъ никакого смысла. Если же ему придаютъ значеніе цѣли или утѣшенія, то онъ обращается тогда въ горькую обиду для человѣческой личности, становится насмѣшкой надъ нею, какъ отрицаніе ея свободы. Родовой ростъ Герценъ считаетъ не цѣлью жизни, а свойствомъ преемственно продолжающагося существованія поколѣній. Цѣль для каждаго поколѣнія—это оно само, потому что природа не только никогда не дѣлаетъ поколѣній средствами для достиженія будущаго, но она вовсе не заботится объ этомъ будущемъ. Все великое значеніе человѣка при всей его ничтожности въ томъ-то и заключается, что пока мы живы,—мы сами, а не буклы, назначенныя выстрадать прогрессъ или воплотить какую-то бездомную идею. Мы должны гордиться тѣмъ, что «мы не нитки и не иголки въ рукахъ фатума, шьющаго пеструю ткань исторіи; мы знаемъ, что ткань эта не безъ насъ шьется, но это не цѣль наша, не назначеніе, а неизбежное послѣдствіе той сложной круговой поруки, которая связываетъ все существующее концами и началами, причинами и дѣйствіями. Мы даже можемъ переимѣнить узоръ историческаго ковра: «хозяина нѣтъ, рисунокъ нѣтъ, одна основа, да мы одни одиноконьки». «Прежніе ткачи судьбы, всѣ эти Вулканы и Нептуны, приказали долго жить»; душеприказчики скрываютъ отъ насъ завѣщаніе, но намъ оно и не нужно, пожалуй, потому что покойники завѣщали намъ свою власть... Было время, когда «исторію дѣлали» въ тиши правительственныхъ кабинетовъ, на разныхъ дипломатическихъ и другихъ конгрессахъ и съѣздахъ. Теперь другія времена настали: эпоха дипломатическихъ перешептываній, международныхъ танцевъ и пооекъ съ государственными цѣлями, переодѣваній изъ мундира въ мундиръ, невозвратно канула въ вѣчность вмѣстѣ съ вѣрой въ какой-нибудь жизненный эликсиръ. Хоть и не такъ скоро, но люди догадались, наконецъ, что исторія вовсе не такая аристократка, какой ее долго считали, и что она дѣлается не на придворномъ балѣ и не въ таинственныхъ канцеляріяхъ департаментовъ; что «пиши какой хочешь важный вздоръ на бумагѣ, а явится Гарибальди—и исторія пойдетъ съ нимъ подъ руку, куда онъ ее поведетъ». Передъ каждымъ, у кого только что-нибудь есть за душой, открытыя двери; есть что сказать человѣку,—пусть говоритъ: слу-

шать будутъ; мучить его душу убѣжденіе, пусть проповѣдуетъ... «Люди не такъ покорны, какъ стихія, но мы всегда имѣемъ дѣло съ современной намъ массой: ни она не самобытна, ни мы не независимы отъ общаго фона картины, отъ разнаго рода предшествовавшихъ вліяній... Теперь вы понимаете, отъ кого и кого зависить будущность людей, народовъ?— спрашиваетъ Герценъ и самъ отвѣчаетъ на свой вопросъ: да отъ насъ съ вами, напримѣръ!... Какъ же послѣ этого намъ сложить руки?»

Среди нравственной дряблости, господствующей кругомъ, въ эпоху полнаго общественнаго индифферентизма, характеризующаго всякое «переходное время», голосъ, поднявшій вопросъ о смыслѣ жизни и призывающій къ общественной дѣятельности, къ борьбѣ за лучшіе идеалы, — великій спасительный голосъ, за который рано или поздно потомство принесетъ глубокую благодарность. Но услуга, оказанная Герценомъ проясненію нашего общественнаго самосознанія, представится намъ особенно высокой и благородной, если мы вспомнимъ, *въ какое время* раздавался этотъ мощный призывъ къ жизни и дѣятельности, къ служенію своему народу.

Н. Бѣлозерскій.

Писатель-головотяпъ.

(В. В. Розановъ: «Религія и культура». Спб., 1899 г. *Онъ же*: «Сумерки просвѣщенія». Спб., 1899 г. *Онъ же*: «Литературные очерки». Спб., 1899 г.).

Головотяпы имѣли привычку „тяпать“ головами обо все, что ни встрѣчалось на пути. Стѣна попадется—объ стѣну тяпаютъ; Богу молятся начать—объ полъ тяпаютъ.

Салтыковъ („Исторія одного города“).

I.

Если заглавіе нашей статьи, въ связи съ поясняющимъ его эпиграфомъ, покажется читателю не совсѣмъ литературнымъ, не совсѣмъ вѣжливымъ, то я скажу, что иду только навстрѣчу желанію самого г. Розанова. Въ своихъ «Литературныхъ очеркахъ» г. Розановъ обращается къ писателямъ съ такимъ приглашеніемъ: «Будемъ правдивы, будемъ грубы, будемъ просты...» (стр. 257). Другіе—какъ хотятъ, а лично я радъ служить г. Розанову въ этомъ смыслѣ. Вотъ почему заглавіе моей статьи грубо и просто, а что касается его правдивости, то я постараюсь представить на этотъ счетъ достаточныя доказательства.

Всякій даровитый писатель оригиналенъ—или по своимъ идеямъ, или по манерѣ изложенія, или, наконецъ, по своему писательскому темпераменту. Г. Розановъ—писатель очень оригинальный, но отсюда отнюдь не слѣдуетъ заключать, что онъ и очень даровитый писатель. Нѣтъ, идеи его не новы и часто банальны, изложеніе безцвѣтно, а писательскій темпераментъ вялъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Говорятъ обыкновенно, какъ о достоинствѣ, о *мужествѣ своего мнѣнія* (courage de son opinion), и мы должны сознаться, что *этого* рода мужествомъ г. Розановъ обладаетъ въ значительной степени. Онъ не остановится ни передъ какой эксцентричностью, его не испугаетъ никакая несообразность, онъ не боится показаться смѣшнымъ. Онъ «тяпаетъ» съ полною серьезностью, даже не подозревая о томъ комическомъ впечатлѣніи, которое его странности производятъ на читателя. Вотъ, наприм., предисловіе къ книгѣ «Религія и культура».

Предисловіе прелестно отъ первой до послѣдней строчки, но нѣсколько длинно, и мы по необходимости ограничимся только заключительными его строками:

«Сборникъ этихъ интимныхъ (по происхожденію) статей я посвящаю малому храму бытія своего, тѣсной своей часовенькѣ: памяти усопшихъ своихъ родителей—рабовъ Божіихъ Василя и Надежды, двѣ могилки и одна даже безвѣстная, даже безъ креста; памяти дочери 9-мѣсячной Надюши—этой поставленъ мраморный крестъ на Смоленскомъ; праведной труженицѣ, женѣ своей Варварѣ, урожденной Рудневой; и дѣтямъ-младенцамъ, которые всему-то, всему меня научили именно въ «религін», именно въ «культурѣ»—Татьянѣ, Вѣрѣ, Варварѣ, Василю».

Желчный петербургскій читатель, прочитавъ эти строки, пожалуй, обидится или разсердится. За кого вы меня, м. г., принимаете?—высокомѣрно скажете онъ г. Розанову.—Мнѣ рѣшительно нѣтъ никакого дѣла до вашей «часовеньки», до вашихъ родителей и до вашей супруги, г-жи Варвары Розановой, урожденной Рудневой. Кто вы такой, чтобъ останавливать мое вниманіе на своихъ личныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ? Ваши литературныя заслуги пока еще столь незначительны, и ваша роль въ литературѣ пока еще такъ мала, что предполагать во мнѣ интересъ къ вашей человѣческой личности вы не имѣете никакого права. Имя «Розановъ» для меня не болѣе какъ звукъ пустой, и я покорнѣйше прошу васъ со мною не фамильярничать. «Я съ вами свиней вмѣстѣ не пасъ», какъ говорить у Достоевскаго одинъ полковникъ нѣкоему не въ мѣру развязному «подростку», и я готовъ вамъ сказать то же самое. Если вы, по вашимъ собственнымъ словамъ, учились культурѣ и религін у Татьяны, Вѣры и прочихъ вашихъ младенцевъ, то я у нихъ учиться совсѣмъ не желаю.

Эхъ, правду говорятъ о насъ петербуржцахъ, что мы люди черствые, безъ сердца! Я, однако, подолгу жила въ провинціи и знаю чтó тутъ такое: ничего обиднаго тутъ нѣтъ, это просто наивный провинциализмъ, это добродушное головоупяцтво, которое лѣзетъ къ вамъ въ кабинетъ со всѣми своими чадами и домочадцами, наивно воображая, что ничего кромѣ удовольствія этимъ вамъ не доставитъ. Батюшка, Василій Васильевичъ! (такъ зовутъ г. Розанова, опять-таки по его собственному любезному сообщенію)—воскликнулъ бы я.—Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Матушка, Варвара... Петровна, какъ жетса? Ужъ простите великодушно, не знаю вашего отчества! Таничка, Вѣрочка, Варинька! Да какія же онѣ у васъ красавицы, да какія умницы! А Васенька-то! Хочешь, милочка, быть посланникомъ?—Хацц! отвѣтилъ бы Васенька, а Варвара Петровна тутъ же утерла бы ему носъ... Вотъ какъ я принялъ бы г. Розанова съ его часовенькой. Да это еще что! Я простеръ бы свое радушіе гораздо дальше. А Надюша-то, Надюша-то,—продолжалъ бы я,—экая бѣдненькая какая! Должно быть животикомъ страдала? «Ахъ, М. А.,—сказала бы Варвара Петровна,—вы не повѣрите, какъ мы съ ней измучились! И маслицемъ мазали, и клизмочки дѣлали,—врычать съ утра до вечера! Мой Василій Васильевичъ

хотѣлъ было свести ее курамъ подъ насѣсть, но, вообразите, въ вашемъ хваленомъ Петербургѣ даже и насѣстовъ настоящихъ не оказалось. Такъ и похоронили бѣдняжку на Смоленскомъ кладбищѣ, одинъ мраморный крестъ больше ста рублей стоилъ. Нельзя же, все-таки мы съ Васильемъ Васильевичемъ не кто-нибудь!» Такъ, такъ! Варвара Петровна. Въ вашемъ Головотяпскѣ, я знаю, эта болѣзнь крикой называется, а попробуйте-ка сказать объ этомъ здѣшнимъ нахаламъ-докторамъ, такъ васъ и слушать не станутъ. Такъ вотъ какъ, почтеннѣйшій Василій Васильевичъ! Пожаловали въ нашъ Вавилонъ культуръ и религій насъ поучить! Доброе дѣло! Ну, а признайтесь-ка, батенька (треплю его по колѣнѣ), хоть вы у Вареньки и Васеньки культуръ и учитесь, а посѣвать-то ихъ, своихъ учителей, все-таки посѣваете?—Хе-хе-хе!—Хе-хе-хе! отвѣтилъ бы мнѣ Василій Васильевичъ.—Нельзя же безъ этого! Мнѣ плевать на вашихъ петербургскихъ либераловъ, а я вамъ, М. А., по душѣ вотъ что скажу: «Въ бытность мою учителемъ гимназій и вмѣстѣ класснымъ наставникомъ, ко мнѣ, какъ къ послѣднему (такъ мы въ своемъ Головотяпскѣ говоримъ), нерѣдко являлись матери учениковъ, всегда вдовы, съ просьбою наказать розгами (то-есть, чтобы это было сдѣлано въ гимназій) своего разбаловавшагося мальчугана: сестеръ колотить, меня не слушаетъ, ничего не могу сдѣлать etc; я, конечно, объяснялъ, что это запрещено всѣми параграфами, но зная *конкретно* мальчишку способнаго и, что называется, зарвавшагося, потерявшаго голову отъ баловства, всегда давалъ совѣтъ обратиться—къ кому-нибудь по сосѣдству или изъ родственниковъ и больно, больно высѣчь его. И теперь, когда мнѣ приходится видѣть въ богатой и образованной семьѣ лимфатическихъ дѣтей, киснувшихъ среди своихъ глобусовъ и другихъ пособій, я всегда, вспоминая и свое дѣтство, думаю: какъ бы встряхнулись они, оживились, начали тотчасъ и размышлять и чувствовать, если бы, въ замѣнъ всѣхъ этихъ для ихъ любознательности расшпиленныхъ букашекъ и запыленныхъ минераловъ, разъ другой ихъ самихъ вспрыснуть по-старому. Все тотчасъ бы перемѣнилось въ обстоятельствахъ: и впечатлительность бы пробудилась, и сила сопротивленія требуемому, именно *оживился бы духъ*, который теперь только затягивается какою-то плѣсенью подъ музыку все поученій, поученій и поученій, все разъясненій, разъясненій и разъясненій. Розга—это, *наконецъ*, фактъ; въ отношеніи къ ней, я, *наконецъ*, не пассивенъ; и уединившись въ себя отъ тѣхъ, въ рукахъ кого она (чудесный языкъ!), *наконецъ*, свободенъ, то-есть свободенъ въ душѣ своей, въ мысли, непокоренъ ничему, кромѣ боли своей и негодованія. Я серьезно спрашиваю: чѣмъ, какими колебціями, какими иллюстраціями и глобусами можно вызвать всю эту *сложную* и *яркую* работу души, эту ея *самодѣятельность*, силу, напряженіе? Что касается униженія человѣческой природы», будто бы наносимаго розгой, то вѣдь унизила она Лютера, нашего Ломоносова—отчего же бы унизила современныхъ мальчишекъ?» («Сумерки просвѣщенія», стр. 131).

Г. Розановъ *серьезно спрашиваетъ*... Будемъ ли мы отвѣчать ему серь-

езно? Разумѣется, нѣтъ: нельзя спорить съ человѣкомъ, который думаетъ возбудить работу души посредствомъ физическихъ истязаній,—съ нимъ можно только добродушно *калякать*, со взаимнымъ похлопываньемъ по колѣнкамъ и трепаньемъ по плечу. Такъ, дорогой Василій Васильевичъ, такъ: дубчикъ-голубчикъ косточки не ломить, ума придаетъ? Хе, хе! Не по собственному ли опыту вы это говорите? Разумѣется, по собственному: «Помню, я разъ былъ очень больно наказанъ въ дѣтствѣ; я пишу не въ интересахъ «педагогика», а то, что было въ дѣйствительности — и вотъ помню, что ужъ очень рано я забылъ и кто, и какъ, и за что меня наказывали и до сихъ поръ помню только, какъ тетка въ зеленомъ платьѣ пришла и сѣла около меня часа два спустя и, ощупывая наказанныя части, съ ужасомъ говорила: что-жъ они съ нимъ сдѣлали, и утѣшала меня; наказаннаго *явно* и *больно* всегда кто-нибудь пожалѣетъ; слѣдовательно, пожалѣетъ когда-нибудь и онъ» (тамъ же). Вотъ чудесный способъ развивать въ людяхъ симпатическія чувства! Наказывайте *явно*, наприм., на площади или на улицѣ, и наказывайте *больно*, наприм., ременною плетью,—и вы создадите тѣмъ самымъ цѣлую школу нравственнаго воспитанія! Господинъ Держиморда, то бишь господинъ Розановъ... Но что я? Я сбиваюсь съ тона, позволяю овладѣть собою негодованію, забываю, *кто* предо мною находится и *какъ* съ нимъ прилично бесѣдовать. Василій Васильевичъ, гм! Не такъ ли именно дѣлшки дѣлаются въ вашей «часовенькѣ»? То-есть вы своего Васеньку *явно* (т.-е. въ присутствіи Танички, Вѣрочки и Вареньки) и *больно* выпорете, а ваша «праведная труженица» (*tu l'as voulu!*) подсядетъ къ нему и «ощупывая наказанныя части», въ одинъ мигъ заставитъ его забыть и объ истязаніи, и объ истязателѣ. Въ вашей воспитательной системѣ мнѣ нравится, главнымъ образомъ, ея чрезвычайная простота: нѣтъ такого идиота, который бы не смогъ быть отличнѣйшимъ воспитателемъ по вашей программѣ. Чтобы пороть дѣтей кому ума не доставало? И напрасно вы указываете на примѣръ Лютера и Ломоносова, которыхъ розга «не унизила»: она не унизила васъ, глубокоуважаемый Василій Васильевичъ, и мы теперь, благодаря вамъ, знаемъ, въ чемъ состоитъ секретъ воспитанія. Нужно только въ-время «ощупать наказанныя части»—вотъ и все. Обида наказанія ту же минуту забудется, а *сложная и яркая работа души* останется.

Однако, неужели мы до конца будемъ говорить въ такомъ тонѣ? Неужели съ г. Розановымъ рѣшительно нельзя говорить серьезно? *Покалякать* для развлечения можно въ небольшой рецензій, но нельзя же этому занятію посвятить цѣлую статью. Совершенно справедливо, читатель, но до конца—не статьи, а вотъ этой главы, вамъ придется потерпѣть: гла эта посвящена литературной личности г. Розанова, а говорить о ней бы смѣха трудно. О предметахъ философскихъ, публицистическихъ, педагогическихъ и всякихъ другихъ разсужденій г. Розанова можно и должно говорить серьезно, но нѣтъ возможности говорить безъ улыбки о самомъ философѣ. Это какой-то *каламбуристъ мысли*, не парадоксалистъ, а иже!

баламуристъ, причѣмъ вся соль его философскаго остроумія состоитъ въ соединеніи несоединяемаго, въ сопоставленіи несопоставляемаго. Есть рядъ загадокъ - шутокъ, вообще довольно туповатыхъ, но иногда забавныхъ, благодаря именно такой неожиданности сопоставленія. Когда будочникъ бываетъ цвѣткомъ?—Тогда, когда онъ бываетъ *не за будкой*... Когда человѣкъ бываетъ деревомъ?—Когда онъ *со сна*... Когда телѣга бываетъ рыбой?—Когда она *тряска* (треска). Того же характера и того же полета и философское остроуміе г. Розанова. Но г. Розановъ всегда хранитъ мрачную серьезность и оттого комизмъ его сопоставленій будочника съ цвѣткомъ рѣшительно неподражаемъ. Вотъ, наприм., статья «О писателяхъ и писательствѣ» («Литературные очерки»). Тема довольно широкая, но какъ бы вы думали, чѣмъ заключаетъ ея обсужденіе г. Розановъ? Панегирикомъ *русской бани*, да не простымъ панегирикомъ, а въ формѣ сопоставленія русской бани... угадайте, съ чѣмъ? Во вѣки вѣковъ не угадаете,—съ англійской конституціей. Вотъ подлинныя слова г. Розанова: «Обычай бани есть гораздо болѣе замѣчательное историческое явленіе, нежели англійская конституція. Во-первыхъ, баня архаичнѣе, т.-е. съ точки зрѣнія самихъ англичанъ — почтеннѣе, она болѣе нежели конституція историческое *сomme il faut*; во-вторыхъ, она демократичнѣе, т.-е. болѣе отвѣчаетъ духу новыхъ и особенно ожидаемыхъ временъ. Идея равенства удивительно въ ней выдержана. Наконецъ, англійская конституція для самыхъ первыхъ мыслителей Европы имѣетъ спорныя въ себѣ стороны; баня никакихъ такихъ сторонъ не имѣетъ. Но самое главное: въ то время какъ конституція доставляетъ удовлетвореніе нѣсколькимъ сотнямъ тысячъ и много-много нѣсколькимъ милліонамъ англичанъ, т.-е. включая сюда всѣхъ избирателей,—баня доставляетъ наслажденіе положительно каждому русскому, всей сплошной массѣ населенія. Наконецъ, она повторяется черезъ каждыя двѣ недѣли, тогда какъ наслажденіе парламентскихъ выборовъ, проходящее живительной *баней* по народу, получается несравненно рѣже. Мы уже не говоримъ о томъ, что выборы — суета, грязь, нечистота, во всякомъ случаѣ, тревога и безпокойство для всѣхъ участвующихъ; баня для всѣхъ же — чистота и успокоеніе» («Очерки», стр. 233).

Все это написано не на смѣхъ, а вполне серьезно, съ тѣмъ старательнымъ и напряженнымъ глубокомысліемъ, которое вообще свойственно людямъ самодовольно-ограниченнымъ. Но г. Розановъ, при всей своей старательности, отнюдь не хозяинъ надъ собственной мыслью. Онъ не управляетъ ея ходомъ, а послушно бредетъ за ней; а такъ какъ его мысль силой и логичностью не отличается, то ему приходится почти въ каждой статьѣ спохватываться: «но я отвлекся въ сторону», или просто: «я отвлекся» — эти слова очень часто встрѣчаются во всѣхъ трехъ книгахъ г. Розанова. Часто, но все-таки гораздо меньше, чѣмъ бы слѣдовало, потому что *отвлеченія* автора безчисленны, и онъ оговариваетъ только малую ихъ часть. Такъ, заговоривъ въ статьѣ «О писателяхъ и писательствѣ» о русской банѣ, г. Розановъ нисколько не находитъ, что онъ *от-*

влекся, по крайней мѣрѣ, не замѣчаетъ и не оговариваетъ этого. Судите, каковы же должны быть тѣ отвлеченія, которыя замѣтны даже ему самому! То же свойство сказывается даже въ самомъ стилѣ г. Розанова. Онъ, наприм., не задумываясь пишетъ: «внизу, на головокружительной высотѣ, на днѣ страшной продольной пропасти, бѣжитъ пѣнистая лента Арагвы» («Очерки», стр. 209). *Внизу, на высотѣ...* это какъ мыслить, тотъ такъ и говорить, конечно. Провинциальная неряшливость — вотъ отличительная черта г. Розанова. Его литературныя манеры безцеремонны, его мысль ходитъ въ безпрестанно распахивающемся халатѣ, его языкъ не умѣетъ и не причесанъ. Какъ сидитъ г. Розановъ въ своей «часовенькѣ», въ такомъ точно видѣ выходитъ онъ и на улицу, садится на заваленку и начинаетъ заговаривать съ прохожими. Это ужъ много, если, отдавая дань общественнымъ приличіямъ, онъ подпояшетъ свой халатъ полотенцемъ.

Однако такіе съ виду «простодушные» провинциалы частенько бываютъ даже очень себѣ на умѣ и именно къ этому типу нужно соотнести и г. Розанова. Повидимому, онъ «простодушно» заботится лишь о томъ, чтобы «рѣзать правду—матку» въ глаза всѣмъ и каждому, но на самомъ дѣлѣ онъ очень старается быть пріятнымъ для тѣхъ, кому онъ хотѣлъ бы понравиться. Я знаю, заподозрѣвать чью-нибудь искренность, — значить брать на себя большую нравственную отвѣтственность, но пусть же г. Розановъ объяснитъ мнѣ хотя бы вотъ этотъ фактъ, — одинъ изъ многихъ, равнозначительныхъ по смыслу, встрѣченныхъ нами въ его трехъ книгахъ. Фактъ этотъ состоитъ въ разъясненіи г. Розановымъ современнаго декадентства и символизма. Въ статьѣ «О символистахъ и декадентахъ» («Религія и культура») г. Розановъ находитъ, что «мы можемъ очень тонкими нитями генетически связать бессмысленный и уродливый символизмъ нашихъ дней съ такимъ богатымъ по мысли и яркимъ по красотѣ созданиемъ, какъ «Фаустъ» (стр. 138). Объясненіе, какъ видите, совершенно головоутицское. Но не въ томъ дѣло, не въ томъ бѣда, — глупость еще не лицемеріе. Но ровно черезъ сотню страницъ, въ той же книгѣ, въ отдѣлѣ «Эмбрионы» мы находимъ, подъ номеромъ третьимъ, такой афоризмъ (онъ же «эмбрионъ»): «Въ декадентахъ и символистахъ 60-е годы только не узнаютъ себя: это — реабилитация плоти, ставшей измозженною послѣ 30 лѣтъ «свободы»; это — торжество «личности» надъ средою; это — «дѣти», вдругъ оказавшіяся импотентными народить звуковъ. Наказаніе слишкомъ скоро послѣдовало за преступленіемъ» (стр. 239). Тутъ ужъ не воскликнешь: батюшка, Василій Васильевичъ! Тутъ, какъ гоголевскій городничій скажешь *въ сторону*: «о, тонкая штука! Экъ куда метнулъ! Какого туману напустилъ! Разбери, кто хочеть!» Разобрать, собственно говоря, не трудно: г. Розанову хочется и *нравиться*, хочется обнаружить свою благонамѣренность, а для этого од изъ лучшихъ средствъ — лягнуть шестидесятые годы, какъ это у насъ дав уже практикуется. Но у другихъ, болѣе ловкихъ, это выходитъ иной вѣстаті, правдоподобно, — у г. Розанова вышло аляповато и нелѣпо, пото

что онъ усерденъ не по разуму. Пусть г. Розановъ попытается представить этотъ эпизодъ въ иномъ освѣщеніи нежели то, которое я предлагаю.

Всѣ три книжки г. Розанова представляютъ собою нѣкоторымъ образомъ *свидѣтельства о бѣдности* автора, объ его литературной непроизводительности. Г. Розановъ выцарапалъ со дна газетныхъ листовъ даже самыя пустѣйшія свои рецензіи, какія ежедневно появляются дюжинами, выцарапалъ некрологи, случайно имъ написанные, и все это заботливо помѣстилъ, въ назиданіе потомству, въ отдѣльномъ изданіи своихъ произведеній. Чѣмъ богать, тѣмъ и радъ, и что въ печи, то на столъ мечи — это извѣстныя правила провинціального гостепрѣимства. Болѣе того: г. Розановъ дорожить не только своими мыслями, мыслешками и мыслѣнками, онъ хочетъ сохранить отъ забвенія даже зародыши своихъ мыслей, которые онъ тщательно собралъ въ особый отдѣлъ подъ общимъ заглавіемъ: «Эмбрионы». Одинъ изъ этихъ эмбрионовъ мы уже видѣли, а вотъ другой, поставленный на первомъ мѣстѣ, во главѣ всего отдѣла: «Что дѣлать?—спросилъ нетерпѣливый петербургскій юноша. — Какъ что дѣлать: если это *лѣто* — чистить ягоды и варить варенье; если *зима* — пить съ этимъ вареньемъ чай». Какое остроуміе и какво глубокомысліе! Остроуміе заключается въ нелѣпой неожиданности отвѣта, а глубокомысліе — въ традиціонномъ *смиреніи*: во всякомъ случаѣ, значить, сиди въ своей «часовенкѣ» и, не мудрствуя лукаво, набивай себѣ брюхо. Ну, а если нѣтъ ни ягодъ, ни варенья, ни чая? И если не зима и не лѣто стоять на дворѣ, а сквернѣйшая петербургская весна или мерзвѣйшая петербургская осень? Г. Розанову до этого дѣла нѣтъ. Онъ «тяпнулъ» и отошелъ въ сторону, а тамъ разбирайся, юноша, какъ самъ знаешь.

Въ книгѣ «Религія и культура» г. Розановъ является философомъ, въ книгѣ «Сумерки просвѣщенія» — публицистомъ-педагогомъ, въ книгѣ «Литературные очерки» — литературнымъ критикомъ. Въ этой послѣдовательности мы и посмотримъ на г. Розанова во всѣхъ его трехъ ампулахъ и, поспѣвая съ комплиментами, теперь же объявимъ ему:

Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша!

II.

Религія и культура... Развертывая книгу, озаглавленную такими словами, читатель естественно ищетъ прежде всего опредѣленія понятій, выражаемыхъ ими, ищетъ затѣмъ, чтобы сразу уяснить себѣ ту общую точку, съ которой авторъ судить о религіи и культурѣ. Ничего подобнаго онъ, однако, въ книгѣ г. Розанова «Религія и культура» не найдетъ, но нѣчто подобное онъ найдетъ въ другой книгѣ того же автора — «Сумерки просвѣщенія». Таковы ужъ сумерки логики г. Розанова. Подъ пышнымъ заглавіемъ «Религія и культура» г. Розановъ даетъ рядъ статей, трактующихъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, ничего общаго между собою не имѣющихъ. «О студенческихъ беспорядкахъ», «Франко-руссія впечатлѣнія»,

«Демократизация живописи», «Семья и жизнь» и т. п. — вот изъ какихъ статей состоитъ книга, долженствующая разъяснить намъ значеніе религіи и культуры. Что общаго между студентами и живописью и какимъ образомъ разсужденія объ этихъ предметахъ могутъ войти въ составъ изслѣдованія о религіи и культурѣ, это—тайна г. Розанова, которая такъ и осталась неразгаданною для меня. Но, какъ сказано выше, въ книгѣ «Сумерки просвѣщенія» г. Розановъ подходитъ къ вопросу о культурѣ вплотную и рѣшаетъ его очень оригинально. Что такое культура? По мнѣнію г. Розанова, вотъ что: «Ближайшее и родственное съ этимъ понятіемъ есть понятіе *культы*; культура есть все, въ чемъ завитъ, скрытъ какой-нибудь культъ» («Сумерки», стр. 24). Что это—опредѣленіе или каламбуръ? «Solo—чту, потомъ воздѣлываю, обрабатываю, развиваю то, что чту; отсюда—cultum»—вотъ филологическое основаніе, на которомъ г. Розановъ утверждаетъ свое толкованіе понятія культуры. Значитъ понятіе *культуры* заключаетъ въ себѣ понятіе *религии*, относится къ нему, какъ цѣлое къ своей части? Да, отвѣчаетъ г. Розановъ: «Въ этомъ точномъ значеніи культура есть синтезъ всего желаемаго въ исторіи: изъ нея ничто не исключается, въ нее одинаково входятъ—религія, государство, искусство, семья, наконецъ, весь складъ жизни личной и общественной» (стр. 26).

Очень хорошо. Но я предложилъ бы г. Розанову вмѣсто слова культура взять слово цивилизація: что тогда станется съ его филологическими доказательствами? А сдѣлать такое предложеніе мы вправѣ, потому что въ практикѣ устной и письменной рѣчи термины «культура» и «цивилизация» употребляются какъ синонимы. Пусть это далеко не правильно,—здѣсь для насъ важно только то, что такая, вполне допустимая, замѣна терминовъ въ самомъ основаніи разрушаетъ истолкованіе г. Розановымъ понятія «культуры»: никакими филологическими ухищреніями нельзя связать понятіе *цивилизации* съ понятіемъ *культы*. Единственное оружіе г. Розанова—корнесловіе, именно оно—то и принудить его говорить о *гражданственности*, а не о *культѣ*, разъ онъ подставитъ вмѣсто слова культура слово цивилизація.

Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, переходя къ существу дѣла, толкованіе г. Розанова представляется явнымъ логическимъ абсурдомъ. Его настоящая мысль можетъ быть выражена въ такомъ силлогизмѣ: первая посылка: всякій культъ есть непременно религія; вторая посылка: всякій культурный человѣкъ есть почитатель того или другого культа; заключеніе: культурнымъ человѣкомъ можетъ быть только религіозный человѣкъ. По этой логикѣ мы очевидно должны будемъ поставить въ культурномъ отношеніи какого-нибудь крѣпко вѣрующаго полудикаря гораздо выше всякаго, хотъ бы гениальнаго скептика-философа. Какого культа держался, наприм., Ренанъ? Не только культа, у него не было даже убѣжденій, а были только умныя и остроумныя мнѣнія, и за всѣмъ тѣмъ въ высокой культурности знаменитаго француза никто до сихъ поръ не сомнѣвался. Ясно, что г. Розановъ на культуру есть что-то глубоко неладное, его стоя

дествленіе культурности съ религіозностью противорѣчить элементарнымъ понятіямъ и элементарнымъ фактамъ.

Послушаемъ г. Розанова дальше: «Будучи чрезвычайно первобытенъ во всемъ второстепенномъ, нашъ простой народъ въ то же время во всемъ существенномъ, важномъ, высоко и строго культуренъ. Собственно, безкультурно то, что вокругъ него, среди чего онъ живетъ, трудится, рождается, умираетъ; но внутри себя, но онъ самъ, но его душа и жизнь — культурны. Въ этомъ отношеніи онъ составляетъ какъ бы антитезу высшимъ классамъ, надъ нимъ лежащимъ, которые культурны въ подробностяхъ быта, во всемъ, что окружаетъ ихъ, но не въ строѣ своемъ внутреннемъ и такъ же не въ существенныхъ моментахъ жизни. Можно сказать, и къ прискорбію уже давно, что рождается, думаетъ, чувствуетъ себя и другихъ и, наконецъ, умираетъ человекъ высшихъ слоевъ, если не какъ животное, то нѣсколько близко къ этому, и только трудится онъ не только какъ человекъ, но и какъ человекъ усовершенствованный, искусно приподнятый на высоту. Напротивъ, грубый людъ нашъ, правда, трудится почти, какъ животное, но онъ думаетъ, но онъ чувствуетъ, но онъ умираетъ, какъ христіанинъ, т. е. какъ человекъ, стоящій на высшей, доступной степени просвѣщенія» (стр. 26—27).

Я отсюда вижу какъ ѣбаетъ читатель, прочитавши эту выписку. Вполнѣ ему сочувствую и вполнѣ его понимаю: ровно *девятнадцать* лѣтъ назадъ (въ августѣ 1880 г.) я имѣлъ случай бороться противъ этихъ самыхъ взглядовъ, на избитость которыхъ я уже указывалъ тогда, и что же должно сказать о нихъ теперь? А вѣдь тогда они имѣли своимъ выразителемъ писателя не чета г. Розанову, а именно Достоевскаго, взгляды котораго я резюмировалъ въ то время такимъ образомъ: «Г. Достоевскій заявляетъ, что народъ нашъ вполнѣ просвѣщенъ, если подъ просвѣщеніемъ разумѣть *не науки, полезныя знанія, ремесла* (курсивъ здѣсь и дальше — собственные слова Достоевскаго), а *свѣтъ духовный, озаряющій душу, просвѣщающій сердце, направляющій умъ и указывающій ему дорогу жизни*. Учиться ему, по мнѣнію г. Достоевскаго, у Запада въ этомъ отношеніи нечему, *нечего черпать изъ западно-европейскихъ источниковъ, за полнѣйшимъ присутствіемъ источниковъ русскихъ*. Г. Достоевскій называетъ это свое мнѣніе *самою сутью дѣла*» (*Русское Богатство* 1880 г., № 8, статья «Проповѣдникъ новаго слова»). Пусть судить самъ читатель, насколько мнѣніе г. Розанова, самостоятельно, по его увѣренію, выработанное имъ въ «часовенькѣ», отличается отъ мнѣнія Достоевскаго, которое, въ свою очередь, было простымъ отголоскомъ славянофильскихъ ученій тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Что же мнѣ сказать г. Розанову? Достоевскому, девятнадцать лѣтъ назадъ, я, между прочимъ, говорилъ вотъ что: «Пусть г. Достоевскій не восхваляетъ это, такъ сказать, интуитивное «просвѣщеніе». Только самосознающая личность можетъ съ успѣхомъ отстаивать свой внутренній міръ отъ грубыхъ посягательствъ жизни, а сознательность не дается даромъ. Внести въ жизнь народа эту сознательность

не въ видѣ обезсиливашей рефлексивности, а въ видѣ точнаго анализа, оставивши, по возможности, неприкосновенною всю ту завидную цѣлостность нравственной природы, которая вообще отличаетъ людей непосредственныхъ—вотъ трудная задача настоящихъ друзей народа, симпатіи которыхъ выражаются не въ пустомъ декламаторствѣ о народныхъ совершенствахъ, а въ желаніи посильно помочь ему. Въ этомъ же желаніи выражается и дѣйствительное движеніе къ народу, довѣріе къ его силамъ и способностямъ. Сказать о народѣ,—какъ говорить г. Достоевскій,—что онъ «все знаетъ, все то, что именно нужно знать», значитъ сказать, что народу ничего не нужно. А сказать это можетъ только злѣйшій врагъ народа (злостный или по недомыслию,—это безразлично),—врагъ, отъ котораго нельзя ожидать ни настоящей любви, ни настоящаго уваженія къ нему». Такъ резюмировалъ я свои доводы, которые могли быть хороши или худы, сильны или слабы, но которые во всякомъ случаѣ были доводами, а не простыми утвержденіями, произведеніемъ мысли и логики, а не безотчетнаго «вдохновенія». Что же мы видимъ у г. Розанова? Онъ съ буквальною точностью повторяетъ мысли Достоевскаго, не подкрѣпляя ихъ никакими доказательствами, хотя пріискать ихъ у него было времени болѣе чѣмъ достаточно. Это значитъ, конечно, что мысль Достоевскаго и не можетъ быть доказана, ни даже доказываема по самому существу своему. Это—пророческое прорицаніе, поэтическое вѣщаніе, но не теорема, о которой можно дебатировать. Матеріальная культура и культура духовная, разумѣется, не одно и то же. Для духовной культуры мы имѣемъ даже особый терминъ—цивилизанія, такъ что мысль Достоевскаго и г. Розанова можно представить въ такой формулѣ: народъ нашъ совсѣмъ не культуренъ и въ высокой степени цивилизованъ, тогда какъ высшіе классы культурны, но не цивилизованы. Мы окружаемъ себя внѣшнимъ комфортомъ, благодаря нашимъ знаніямъ, нашимъ «наукамъ и ремесламъ», мы облегчаемъ и украшаемъ свою жизнь, но за этой блестящей внѣшностью кроется самое скудное нравственное содержаніе. У народа—наоборотъ: обстановка его жизни груба и бѣдна, но онъ живетъ всею полностью внутренняго бытія,—«онъ думаетъ, онъ чувствуетъ, онъ умираетъ какъ христіанинъ, т.-е. какъ человѣкъ, стоящій на высшей, доступной степени просвѣщенія».

Надѣюсь, г. Розановъ не пожалуется, что я искажилъ сущность его (т.-е. собственно Достоевскаго или, еще точнѣе, стараго славянофильства) мысли. При этой формулировкѣ г. Розанову придется только отказаться отъ своего каламбурнаго отождествленія *культуры* съ *культомъ*, но зато его мысль становится способной къ обсужденію. Дѣло въ томъ, что г. Розановъ привноситъ къ ученію Достоевскаго нѣчто свое собственное, указываетъ на нѣкоторый признакъ различія между нами и народомъ. Признакъ этотъ—трудъ. Человѣкъ высшихъ слоевъ,—по мнѣнію г. Розанова,—живетъ и умираетъ какъ животное или «нѣсколько близко къ этому», но «трудится онъ не только какъ человѣкъ, но и какъ усовершенствованный, искусно приподнятый на высоту». Напротивъ, народъ нашъ (или, какъ бы

сознательно проговаривается г. Розановъ, — *грубый модъ*) «трудится почти какъ животное», но думаетъ, чувствуетъ и умираетъ какъ человѣкъ. Какъ ни рѣшителенъ былъ Достоевскій въ своихъ сужденіяхъ, но принять эту поправку г. Розанова онъ поостерегся бы. Матеріальная и духовная жизнь человѣка опредѣляется больше всего именно трудомъ, свойствами нашей дѣятельности. Мы, напримѣръ, съ г. Розановымъ, какъ писатели, не можемъ не мыслить, потому что нашъ трудъ именно и состоитъ въ мышленіи, но рабочій, сдѣлавшій то стальное перо, которымъ мы пишемъ, несколько и ничѣмъ къ мышленію не обязанъ. Шестъ дней въ недѣлѣ нашъ народъ, — по г. Розанову, — пребываетъ въ состояніи животнаго, а на седьмой, въ воскресенье, внезапно возсіяваетъ яркимъ свѣтомъ мысли и чувства, тогда какъ мы шесть дней являемся «усовершенствованными» людьми, а на седьмой превращается въ животныхъ. Что за удивительныя превращенія такіа! Трудъ человѣка не есть нѣчто для него внѣшнее и случайное; трудъ — это главное содержаніе жизни человѣка, самымъ могущественнымъ образомъ вліяющій на его умственный и нравственный обликъ. Если я тружусь какъ животное, т. е. неразумно, пассивно, бессмысленно, это значитъ, что я и живу соответственнымъ образомъ. Да, непременно *значитъ*, потому что нигдѣ и ни въ чемъ мы не можемъ выразить свою личность какъ только въ трудѣ. Кто это такой? Блондинъ. Отвѣтъ ровно ничего не говоритъ. Кто это такой? Молодой человѣкъ. Отвѣтъ опять ничего не объясняетъ. Кто это такой? Французъ, русскій, католикъ, протестантъ, дворянинъ, мѣщанинъ. Отвѣты опять-таки очень мало вразумительныя. Кто это такой? Плотникъ, писатель, чиновникъ, сапожникъ, чернорабочій, профессоръ, художникъ. *Эти* отвѣты удовлетворительны. Они не опредѣляютъ значенія человѣка, но они даютъ первоначальную основу для такого опредѣленія. Наша профессія даетъ абрисъ нашей личности, хотя, разумѣется, и не даетъ портрета: писатель писателю и профессоръ профессору — рознь. Тѣмъ не менѣе, знакомясь съ человѣкомъ, мы справляемся прежде всего не объ его національности или религіи, а объ его профессіи и, узнавъ о ней, узнаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ себя держать на первыхъ порахъ съ новымъ знакомымъ: съ чернорабочимъ не заведемъ серьезнаго разговора о политикѣ, профессора не спросимъ, знаетъ ли онъ грамотѣ. Ясно, что степень культурности человѣка опредѣляется прежде всего его профессіей, характеромъ его труда, и если одинъ человѣкъ трудится «какъ животное», а другой какъ усовершенствованный» человѣкъ, то отсюда вытекаетъ заключеніе прямо противоположное тому, къ которому приходитъ г. Розановъ.

Да, никакими сладкими комплиментами нельзя скрасить горькой дѣйствительности, и приторныя (допуская на минуту, что онъ не лицемерны) восхваленія «высокой культурности» нашего мужика только смѣшны и противны. Истинно-культурный человѣкъ обладаетъ отчетливымъ сознаніемъ своихъ правъ и обязанностей, ему знакомо благо самоуваженія и онъ сумеетъ защитить себя отъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ. А нашъ мужикъ... На-дняхъ всѣ имѣли возможность прочесть въ газетѣ *Новое Время*

(№ 8409) торжественное заявленіе компетентнаго официалнаго лица на этотъ счетъ: «Мой опытъ, знакомство съ внутренними, неофициальными сторонами деревенской жизни, все побуждаетъ меня громко заявить, что вѣтъ того насилія, которое не можетъ быть учинено на рубежѣ двадцатаго столѣтія надъ русскимъ крестьяниномъ». Это говоритъ бывший земскій начальникъ, а теперь уѣздный предводитель дворянства г. Александръ Новиковъ, авторъ извѣстной книги *Записки земскаго начальника*. Достоевскій сказалъ бы, что въ этомъ именно «смирени» русскаго крестьянина и заключается доказательство его высшей культурности, но г. Розановъ этого сказать не рѣшится, а восхваляетъ мужика за его умѣнье «молча сопротивляться и твердо требовать». Да, да, читатель, г. Розановъ говоритъ это,—можете себѣ представить! Однако, не безпокойтесь за г. Розанова: «когда молча принималъ, и всегда готовъ принять мученичество за вѣру простолудинъ нашъ, когда онъ угрюмо не даетъ лѣкарю разрѣзать тѣло своего сосѣда для выясненія нужныхъ подробностей,—во всемъ этомъ, въ безчисленныхъ подобныхъ случаяхъ, *молча сопротивляясь или твердо требуя*, онъ высоко и строго культуренъ въ характерѣ, въ натурѣ, въ глубоко въ напряженіи своихъ страстей» (*Сумерки просвѣщенія*, 27). Вотъ въ чемъ состоитъ культурность русскаго мужика, для насъ съ вами недоступная и даже непостижимая! Она состоитъ въ умѣнии сопротивляться молча и требовать твердо... чему сопротивляться и чего требовать? По нашему, въ этихъ двухъ вопросахъ именно и заключается мѣрило культурности, но по г. Розанову совсѣмъ иначе. Если, во время памятныхъ холерныхъ безпорядковъ, наши мужики *молча сопротивлялись* оздоровленію ихъ жилищъ и *твердо требовали* уничтоженія больницъ и умерщвленія докторовъ, то въ этомъ выразилась отнюдь не ихъ дикость, какъ мы съ вами до сихъ поръ полагали, а самая высшая степень культурнаго развитія. Такова философія культуры г. Розанова.

Общій взглядъ г. Розанова на культуру мы нашли въ его книжкѣ *Сумерки просвѣщенія*, а приложенія этого взгляда къ частнымъ явленіямъ мы найдемъ въ каждой изъ его книжекъ. Это не систематическія, а совершенно случайныя приложенія, безъ малѣйшей попытки разобратся аналитически въ самой сущности явленія. Отъ этого зачастую г. Розановъ впадаетъ въ такія противорѣчія съ самимъ собою, которыя въ корнѣ подрываютъ его основной взглядъ на сущность культуры. Культъ и культура или религія и культура одно и то же—вотъ основной взглядъ г. Розанова. Кто вѣритъ и готовъ защищать свою вѣру даже цѣною жизни, тотъ культуренъ, причемъ г. Розановъ совершенно отстраняетъ вопросъ о предметъ самой вѣры: Бруно, всходящій на костеръ, и русскій мужикъ, сопротивляющійся доктору (это примѣры г. Розанова), стоять на одинаково высокой степени культуры. Хорошо, запомнимъ это. Но вотъ г. Розановъ походитъ къ литературному явленію, которое кажется ему чрезвычайно удивительнымъ. Это явленіе—то литературное теченіе наше, которое совмѣщаетъ въ себѣ, по характеристикѣ г. Розанова, «юношу Писарева и стар

Некрасова, вдохновеннаго Бѣлинскаго и циника Щедрина, много учившагося Боткина и ничего почти не знавшаго Шелгунова» (стр. 86). Не будемъ останавливаться на частныхъ недѣлностяхъ этой характеристики: въ какомъ смыслѣ, наприм., Щедринъ—циникъ? И почему отставной учитель гимназіи г. Розановъ осмѣливается называть почти круглымъ невѣждой профессора высшаго спеціального училища Шелгунова? Но это—въ сторону. Г. Розановъ удивляется вотъ чему: «самая поразительная и общая черта, соединяющая какъ Боткина и Бѣлинскаго, такъ и *всѣхъ* писателей, которые образуютъ это теченіе литературы, состоитъ въ томъ, что никогда, ни на одну минуту, ни въ какое время имъ не приходила на умъ мысль, что ихъ сочиненія могутъ быть нужны кому-нибудь еще *кромя* юношей, которымъ они нужны въ высшей степени, что ихъ можетъ взять въ руки и серьезный историкъ, и поэтъ, и государственный мужъ, отецъ семьи или вообще кто-нибудь, имѣющій на землѣ серьезные, *взрослые* интересы» (стр. 86). Далѣе оказывается, что «эта школа стремилась отдѣлаться отъ литературы взрослыхъ,—въ этомъ сказалось цѣломудріе исторіи, не смѣшивающей своихъ процессовъ». Итакъ, у насъ собственно двѣ литературы: одна для юношей, другая для взрослыхъ. Судя по тому, что въ литературу для юношей зачисленъ г. Розановымъ Боткинъ, произведеніями котораго ни юноши сороковыхъ годовъ, ни юноши послѣдующихъ поколѣній отнюдь не зачитывались, приходится заключить, что наша *юношеская* литература—это литература «западниковъ» по старой терминологіи или «либераловъ» по терминологіи новѣйшей. Въ такомъ случаѣ, по естественному противоположенію, литературою для *взрослыхъ* надо признать литературу «славянофиловъ»—по старой, или «націоналистовъ-консерваторовъ»—по новой терминологіи. Произведенія Страхова, князя Мещерскаго, Шперка и самого г. Розанова—для взрослыхъ людей, для государственныхъ мужей и отцовъ семействъ. Произведенія Бѣлинскаго, Салтыкова, Некрасова и др.—для незрѣлыхъ юношей. Вотъ какія открытія дѣлаются въ Головопяскѣ! Разумѣется, опровергать это историко-литературное воззрѣніе не стоить труда,—достаточно указать на него. Но вотъ что любопытно. *Юношеская* литература *) наша, по характеристикѣ г. Розанова, отличается отъ *взрослой* литературы необыкновенною искренностью своей проповѣди и отсюда ея «безупречно-воспитательное» значеніе. Но вѣдь, съ точки зрѣнія самого же г. Розанова, это значить, что она несравненно *культурнѣе* той, другой, *взрослой* литературы. Какъ же иначе? Чѣмъ больше *культы*, тѣмъ больше *культурности*,—вѣдь это ваша собственная мысль,—а вѣдь что же такое искренность и страстность убѣжденія, какъ не культъ? Душа

*) Въ составъ этой литературы г. Розановъ причисляетъ и современнаго писателя Протопопова (безъ инициалъ имени). Хотя въ журналистикѣ дѣйствуютъ теперь два или три монжъ однофамильца, я полагаю, однако, что г. Розановъ имѣлъ въ виду именно меня. Еслибъ я относился къ г. Розанову серьезно, то, конечно, поблагодарилъ бы его за оказанную мнѣ честь, теперь же я могу только воскликнуть: эхъ, Василій Васильевичъ! А такъ какъ г. Розановъ—классикъ, то прибавлю: sapienti sat.

Т. Я. Протопоповъ

всякого культа, конечно, не ритуаль, — это только оболочка, — а вѣра (во что бы то ни было, хотя бы въ зловерность докторовъ, — это тоже ваша мысль), а такъ какъ, по вашему же свидѣтельству, мы, писатели для юношества, гораздо богаче вѣрой, нежели вы, писатели для государственныхъ мужей, то отсюда слѣдуетъ, что мы гораздо культурнѣе, т. е. во всѣхъ отношеніяхъ выше васъ. Неожиданный для васъ выводъ, не правда ли?

Г. Розановъ, конечно, съ этимъ выводомъ не согласится. Очень ужъ мы, писатели юношеской литературы, ясны и понятны, — вотъ въ чемъ дѣло. Еще Страховъ говорилъ о «соблазнительной ясности» писательскихъ статей и то же самое говоритъ теперь и г. Розановъ, называя насъ писателями-педагогами: дескать, разжуютъ и въ ротъ положить. Дѣйствительно, г. Розановъ такъ писать не умѣетъ, хотя и хотѣлъ бы быть понятнымъ для читателя, судя по безпрестанно употребляемому имъ пояснительному словечку *то-есть*. То-есть, то-есть, то-есть — старается уяснить дѣло г. Розановъ, но напрасно: читатель, даже самый взрослый, даже «ветхій деньми», остается въ недоумѣніи, о чемъ собственно хлопочетъ г. Розановъ. И это, пожалуй, къ лучшему, потому что г. Розановъ — писатель не только не для юношей, но и не для дамъ. Приведу примѣръ, поясняющій эти черты голотовяпскаго философа.

„Итакъ, вотъ Левинъ (Толстого) — не чистый“, — какъ онъ волнуется, испуганъ и несетъ непорочной своей невѣстѣ тетрадку исповѣданій: *то-есть* (курсивъ нашъ) онъ тянется къ какой-то „чистотѣ“ въ ритмѣ жизни. Но что онъ дѣлалъ раньше? въ чемъ исповѣдывается? отъ чего бѣжить съ ужасомъ „въ бракъ“ какъ „таинство“? Домъ терпимости — вотъ обратный полюсъ храму: онъ туда относилъ половой ритмъ, какъ въ Вавилонѣ онъ относился въ послѣдній. Два полюса — Востокъ и Западъ, въ ихъ соотвѣтственномъ расположеніи. Что же дѣлаетъ Левинъ, какась, смиренный, робкій? вступаетъ на первую-третью-десятую ступень „ветхаго деньми“ храма. Полъ можетъ быть выявляемъ только въ бракѣ, *то-есть* сравнительно съ домомъ терпимости — на „высотѣ же“, именно на сифофинигійской высотѣ; онъ можетъ быть выявляемъ только съ невинной, любимой и любящей, глубоко-нравственно связанной женщиною: *то-есть*, онъ ищетъ чистаго, не загрязненнаго себя помѣщенія; онъ жаждетъ и дѣйствительно образуетъ семью: это уже что-то святое, *то-есть* опять сравнительно съ толпою грязныхъ и „на день“ женщинъ въ домѣ терпимости. Мы видимъ, что „семья“ и „бракъ“ именно и образуютъ собою „уступы“, „скамеечки для отдыха“, но по тому самому плану и мысли“, какъ былъ устроенъ вавилонскій храмъ. Небесный бракъ, *то-есть* чувство небеснаго въ ощущеніи брачнаго ритма, непорочность его и, наконецъ, святость — вотъ куда всплескивается и сейчасъ, у всѣхъ, по крайней мѣрѣ у всѣхъ неразвращенныхъ, половое влеченіе: какъ оно серьезно еще для дѣвушекъ, *то-есть* для будущей еще свою чистоту половини человѣческаго рода. Половое выявленіе внѣ семьи, безъ любви и уваженія, — это пугаетъ и потрясаетъ ее, *то-есть* въ мѣру невинности человѣкъ стоитъ на высшей сравнительно ступени древнѣйшаго плана храма и слѣдовательно планъ этотъ абсолютно непостижимъ только для развращеннаго!

Это — точная цитата изъ статьи *Ничто о стодой древности* (стр. 21) находящейся въ книгѣ *Религія и культура*. На пространствѣ двухъ слятковъ строкъ г. Розановъ семь разъ сказалъ *то-есть*, но, несмотря такое обиліе поясненій, поняли ли вы что-нибудь въ приведенномъ отрывкѣ? Домъ терпимости обратный полюсъ храму... Полъ выявляется въ бри на сифофинигійской высотѣ... Половое влеченіе всплескивается въ небо...

чувство ощущенія брачнаго ритма... Г. Розановъ, здоровы ли вы? А вотъ еще небольшая выписка изъ статьи *Съмя и жизнь* въ той же книгѣ *Религія и культура*: «Жизнь. Она начинается тамъ, гдѣ въ существахъ возникаютъ половыя различія; и эти послѣднія начинаются тамъ, гдѣ появляется жизнь. Растенія — и тѣ не лишены пола, но совершенно лишены камни. Глубоко поэтому и какъ бы выявляетъ мысль всей природы наименованіе подруги перваго человѣка «Евою», что значить одновременно и «женщина», и «жизнь», *то-есть* указываетъ, что «женщина» — это и есть «жизнь», что въ ея половыхъ отличіяхъ и соотвѣтственно, конечно, въ половыхъ различіяхъ ея друга и лежитъ тончайшій субъективный нервъ жизни. Но полнѣе и отчетливѣе—что же это такое? Не безъ причины полъ ищетъ ирака, любить ночь. Это онъ самъ есть темнота, но уже не окрестъ человѣка, но въ человѣкѣ. Темнота не какъ грѣхъ,—о, нѣтъ!—но какъ важное» (стр. 172). Опять спрошу: поняли ли вы что-нибудь? Я, съ своей стороны, вижу во всей этой метафизико-эротической галиматѣ г. Розанова симптомъ, способный очень встревожить обитателей пресловутой «часовеньки».

III.

Публицистика г. Розанова относится къ вопросамъ педагогическимъ и благоустроенія нашей школы, и я искренно радъ, что могу отмѣтить здѣсь у г. Розанова кое-что дѣльное и жизненное, хотя и не новое, извѣстное даже не педагогамъ. Если вы забудете (жаль, что это невозможно), что съ вами говоритъ горячій защитникъ розги, какъ дѣйствительнѣйшаго педагогическаго воздѣйствія, то, пожалуй, разсужденія г. Розанова произведутъ на васъ благоприятное и даже серьезное впечатлѣніе. Тайна школы,—говоритъ г. Розановъ,—«въ развѣнчаніи бюрократическихъ формъ, примѣненныхъ къ духовному дѣянію, въ которомъ онѣ вовсе непримѣнимы; въ созданіи условій культурнаго труда, культурнаго воздѣйствія учителя на ученика, культурнаго воспріятія ученикомъ этихъ воздѣйствій, въ выработкѣ духовныхъ, идеальныхъ способовъ воздѣйствовать на духовныя, на идеальныя стороны въ мальчикѣ, юношѣ, дѣвушкѣ» («педагогическія трафаретки» стр. 161). Очень справедливо и даже очень благородно, но такъ какъ говорить все это г. Розановъ, то мы невольно спрашиваемъ себя: неужели розга—одинъ изъ идеальныхъ способовъ духовнаго воздѣйствія? «Дайте намъ просвѣщеннаго, образованнаго человѣка, восклицаетъ—г. Розановъ далѣе,—дайте намъ человѣка не на словахъ гуманнаго—вотъ чего мы днемъ съ огнемъ не можемъ отыскать». Странно, что это «дайте, дайте!» выкрикиваетъ тотъ самый человѣкъ, который нѣсколькими строками выше сдѣлалъ вотъ какое признаніе: «Я самъ былъ ученикомъ: талантливейшіе изъ моихъ товарищей были выгнаны; я былъ 12 лѣтъ учителемъ: талантливейшихъ мы выгоняли. У меня хранятся письма товарищей, тетради окончившихъ курсъ учениковъ, если ихъ обнародовать—общество, вѣроятно, не разъ удивилось бы, увидѣвъ, кто именно изгоняется, кто остается, *устъваетъ, благокравствуетъ*» (стр. 160). Эта откровенность

дѣлаетъ честь г. Розанову, но она же лишаетъ всякаго смысла его возгласъ «давайте!» Зачѣмъ? Затѣмъ, чтобы вы, преуслѣвающіе и благонравствующіе, выгнали его, этого просвѣщеннаго, образованнаго, не на словахъ гуманнаго человѣка? Не вливаютъ вино молодое въ мѣхи старые, и пока у васъ не переведутся педагоги, которые, не только не краснѣя, но съ эмфазомъ, печатно, будутъ свидѣтельствовать о благотворномъ нравственномъ вліяніи тѣлесныхъ истязаній,—до тѣхъ поръ люди просвѣщенные и не на словахъ гуманные будутъ брезгливо сторониться тѣхъ сферъ, въ которыхъ успѣваютъ и благонравствуютъ господа Розановы. А когда это будетъ? Не прежде, чѣмъ въ общее сознаніе твердо войдетъ мысль, что «въ просвѣщеніи государству принадлежитъ лишь образованіе, помощь, лишь самое общее и высшее руководительство дѣломъ, но инициатива и вообще все живое, самая работа должна принадлежать болѣе мелкимъ единицамъ соціальнаго сплетенія: городу, сословію, церкви или семьѣ и, наконецъ, болѣе всего, лучше всего—частному человѣку, съ его зоркостью *terre à terre*, съ его находчивостью. И люди высокаго теоретическаго образованія—профессора и академики, ничѣмъ не унизили бы своего общественнаго положенія, если бы начали становиться во главѣ школъ съ чисто-теоретическими дисциплинами». Эти слова принадлежать г. Розанову и съ нѣкоторыми оговорками (впрочемъ, незначительными) мы готовы подписаться подъ ними обѣими руками. Такъ вотъ съ чего начать надо: съ облегченія частной инициативы, съ расширенія свободы обученія, съ измѣненія общихъ условій школьнаго дѣла. Тогда не зачѣмъ будетъ кричать—«дайте людей!» потому что живые люди къ живому дѣлу безъ зова придутъ. Г. Розановъ указываетъ затѣмъ на народную школу профессора Рачинскаго, «съ ея долголѣтнимъ опытомъ и райономъ школъ—дѣтей». Примѣръ, безспорно, убѣдительный. Но правда ли, спрошу я, что профессору Рачинскому, прежде чѣмъ получить дозволеніе на открытіе своей школы, пришлось выдержать экзаменъ на званіе школьнаго учителя? Правда это или неправда—*все равно*: бюрократизмъ нашихъ школьныхъ порядковъ обрисовывается въ этомъ—допустимъ—анекдотѣ безъ малѣйшаго преувеличенія. Мы знаемъ объ этомъ бюрократизмѣ не хуже г. Розанова и *потому именно* не хотимъ съ нимъ заодно кричать: «дайте людей!»

Пока г. Розановъ говоритъ о вопросахъ школы, какъ практикъ, онъ говоритъ большею частью правду, хотя и не новую, и даже выражается вразумительно и толково безъ всякихъ, ничего не поясняющихъ, *то-есть*. Видно, что двѣнадцатилѣтній учительскій опытъ не прошелъ даромъ для г. Розанова, и его замѣчанія часто преисполнены горечи или негодованія. Но г. Розановъ, на свою бѣду, чрезвычайно любитъ пофилософствовать. Вотъ, какъ только онъ оставляетъ практическую почву, почву личнаго опыта, и воспаряетъ мыслью въ область отвлеченныхъ соображеній, тотчасъ же начинаетъ руками разводиться. Какъ классикъ по обриванію, г. Розановъ не можетъ не интересоваться классическимъ міромъ и не можетъ не восхищаться имъ. Вотъ какъ онъ его, наприм., славос

вить: «Назовите сферу человѣческаго труда, методъ человѣческаго мышленія, форму человѣческаго общежитія, наконецъ (за исключеніемъ чистой религіозности) назовите форму человѣческаго умиленія, восторга, которыхъ не только не испытали бы греки и римляне, но не открыли бы почти каждую впервые и уже подвинули ее (ну, языкъ!) на очень высокую степень совершенства, на степень иногда—какъ въ искусствѣ пластическомъ и словесномъ, какъ въ мышленіи—не превзойденную. Это гениальные народы; но у нихъ есть и еще преимущество: утренняя свѣжесть. Всѣ понятія, какими мы живемъ, тамъ имѣютъ свое начало, и мы не можемъ не только творить, но даже сдѣлать усиліе въ мышленіи ли, въ искусствѣ ли, въ политической ли жизни, не дѣлая чего-то, что очень напоминаетъ ихъ, ихъ продолжаетъ и иногда только повторяетъ». Это напечатано на стр. 176, а черезъ нѣсколько страницъ (стр. 216) мы вотъ что читаемъ: «Цезарь или Цемистоклъ были истинно бѣдны и немощны передъ сколько-нибудь даровитымъ человѣкомъ нашего времени. Они знали свою республику; холодная и внѣшняя религія ихъ ни на что не одушевляла; древній человѣкъ былъ весь до извѣстной степени блестящая оболочка, чешуйка на шкурѣ красиваго животнаго, какимъ было его отечество, всякое отечество древности. Потерявъ законъ, древній человѣкъ терялъ все: и онъ дорожилъ имъ какъ *единственною* (курсивъ нашъ) почвою подъ своими ногами, какъ *единственнымъ* (тоже) методомъ, по которому умѣлъ и могъ дѣйствовать». Въ чемъ другомъ, а ужъ въ вопросѣ о значеніи классическаго міра и классической цивилизаціи специалисту-классику путаться не подобаетъ. А г. Розановъ не просто путается, противорѣчить себѣ не въ частностяхъ, не въ подробностяхъ,—онъ, если такъ можно выразиться, самоотрицается, самоуничтожается. Какъ слишкомъ ужъ легкое дѣло, я предоставляю самому читателю сдѣлать сопоставленіе между приведенными цитатами и присказать подходящіе комментаріи, если только въ нихъ есть нужда.

Литературную критику г. Розанова я позволю себѣ оставить совсѣмъ безъ разсмотрѣнія: такими критиками хоть прудъ пруди... *je suis du métier* и упускать такую тему мнѣ невыгодно, но я хочу въ заключеніе блеснуть великодушіемъ. Мѣсяца три назадъ г. Розановъ, разбирая одну книжку г. Мережковскаго, замѣтилъ, что какъ-никакъ, у г. Мережковскаго есть своя собственная литературная фізіономія, а вотъ «Протопопова отъ Южакова не отличишь». Разумѣется, г. Розановъ хотѣлъ сказать мнѣ колкость. Не въ томъ колкость, что меня «не отличишь» отъ умнаго, разносторонне образованнаго публициста, за какового давно знаютъ г. Южакова всѣ читатели,—колкость въ томъ, что у меня нѣтъ своей фізіономіи. Вотъ это и даетъ мнѣ поводъ блеснуть великодушіемъ: торжественно заявляю, что у г. Розанова литературная фізіономія есть и даже преоригинальная. Дайте мнѣ неизвѣстную рукопись для просмотра и если она принадлежитъ г. Розанову, я на второй же страницѣ съ полною увѣренностью воскликну: *е*, да это мой добрый Василій Васильевичъ изъ города Головоотяпска!

М. Протопоповъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Международная мирная конференція въ Гаагѣ закрылась. Оффиціальное сообщеніе, появившееся въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, указавъ на исторію созыва конференціи, говоритъ слѣдующее: «Приступая къ созыву мирной конференціи, императорское правительство не обольщало себя преувеличенными надеждами касательно возможности немедленнаго выполнения задуманной задачи, одна постановка коей на совмѣстное обсужденіе всѣхъ иностранныхъ государствъ, озабоченныхъ уже въ теченіе многихъ лѣтъ исключительно совершенствованіемъ боевой готовности, представлялась дѣломъ почти неосуществимымъ. Чуждое какихъ бы то ни было своекорыстныхъ цѣлей, либо затаенныхъ политическихъ плановъ, императорское правительство заранѣе приготовлено было встрѣтиться на пути предстоящихъ конференціи работъ съ большими и разнообразными затрудненіями. Но оно въ то же время ни на минуту не теряло увѣренности, что человеколюбивыя намѣренія Государя Императора, положенныя въ основу циркулярныхъ сообщеній отъ 12 августа и 30 декабря 1898 года, будутъ по достоинству оцѣнены правительствами державъ, принявшихъ участіе въ конференціи, и что, несмотря на возможные съ ихъ стороны, подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ, возраженія противъ нѣкоторыхъ изъ предложеній, вошедшихъ въ программу занятій конференціи, они не откажутъ въ своемъ посильномъ содѣйствіи къ осуществленію великаго и святаго дѣла. Результаты нынѣ закончившихся трудовъ гаагскаго собранія вполне оправдали наши ожиданія. Тщательное и всестороннее обсужденіе въ засѣданіяхъ конференціи отдѣльныхъ пунктовъ русской программы указываетъ на высокое значеніе поставленныхъ императорскимъ правительствомъ на очередь вопросовъ, затрагивающихъ столь близко интересы всего человѣчества. Конференція сочла необходимымъ отложить окончательное рѣшеніе сложнаго вопроса о приостановкѣ вооруженій до полной, всесторонней его разработки отдѣльными правительствами, но уже теперь торжественной резолюціей признала облегченіе военнаго бремени въ высшей степени желательнымъ для блага всѣхъ народовъ. Съ другой стороны, труды конференціи, несомнѣнно, будутъ имѣть вліяніе на упорядоченіе войны и устраненіе всѣхъ жестокостей, безцѣльно увеличивавшихъ страданія воюющихъ. Гаагское собраніе выработало правила женеvской конвенціи по отношенію къ морскимъ войнамъ, приня.

конвенцію о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны. Отдѣльными деклараціями конференціи воспрещено употребленіе расширяющихся пуль и удушливыхъ газовъ, а также бросаніе разрывныхъ снарядовъ съ воздушныхъ шаровъ».

Важнѣйшимъ результатомъ конференціи, по справедливому замѣчанію правительственнаго сообщенія, является конвенція о миролюбивыхъ средствахъ разрѣшенія международныхъ несогласій. Конвенція эта не только сводитъ воедино уже существующія международныя договорныя постановленія, но указываетъ и новыя средства, могущія привести къ упроченію мира, — средства, согласныя съ тѣми, которыя были указаны Россіей въ представленныхъ на конференцію проектахъ. Государства согласны употреблять всѣ усилія для сохраненія мира и предотвращенія войнъ. Для сего посредничество, добрыя услуги и третейское разбирательство получаютъ большое развитіе. Устанавливается, что посредничество, зависѣвшее прежде только отъ доброй воли заинтересованныхъ государствъ, можетъ быть предлагаемо по собственному почину третьей державы.

Третейское разбирательство объявляется лучшимъ средствомъ разрѣшенія международныхъ споровъ; вводятся постоянныя слѣдственные коммиссіи для выясненія на мѣстѣ фактовъ, давшихъ поводъ къ недоразумѣніямъ; учреждается международный третейскій судъ съ постояннымъ бюро въ Гаагѣ, которое будетъ находиться подъ наблюденіемъ административнаго совѣта изъ представителей договаривающихся державъ при нидерландскомъ дворѣ.

Совокупность этихъ постановленій, ничѣмъ не нарушая верховныхъ правъ государствъ, создаетъ новую прочную основу для международного мира.

Въ виду великой принципиальной важности этого добраго начала, могущаго открыть новую эру въ междугосударственныхъ отношеніяхъ, мы приводимъ уставъ третейскаго суда, принятый гаагскою конференціей. Россія, поддержанная Франціей въ лицѣ Леона Буржуа, предлагала сдѣлать третейскій судъ обязательнымъ, но это требованіе не встрѣтило достаточной поддержки.

Конвенція для устраненія международныхъ споровъ составлена такимъ образомъ:

I. О поддержаніи общаго мира.

1. Чтобъ избѣжать возможности употребленія силы въ международныхъ отношеніяхъ, державы, подписавшія конвенцію, обязуются прилагать всѣ старанія къ тому, чтобы мирными средствами добиться устраненія споровъ, которые могутъ возникнуть между отдѣльными государствами.

II. О добрыхъ услугахъ и посредничествѣ.

2. Подписавшіяся державы постановляютъ, что, въ случаѣ серьезнаго разногласія или спора, будутъ, прежде чѣмъ взяться за оружіе, обращаться, насколько позволятъ обстоятельства, къ добрымъ услугамъ или посредничеству одной или нѣсколькихъ дружественныхъ державъ.

3. Независимо отъ этого, подписавшіяся державы считаютъ полезнымъ, чтобъ одна или нѣсколько державъ, не участвующихъ въ спорѣ, предлагали по собственной инициативѣ, если обстоятельства позволятъ, свои добрыя услуги или посредничество спорящимъ государствамъ. Нейтральнымъ государствамъ предоставляется также право предлагать добрыя услуги и посредничество и во время враждебныхъ дѣйствій. Поль-

зование этимъ правомъ никогда не должно считаться тою или другою спорящею державою недружественнымъ актомъ.

4. Роль посредника заключается въ примиреніи противорѣчивыхъ требованій и ослабленіи враждебныхъ чувствъ, которыя могутъ возникнуть между спорящими государствами.

5. Функціи посредника прекращаются въ ту минуту, когда одною изъ обѣихъ сторонъ или посредниковъ заявлено, что предложенный имъ способъ улаженія спора принятъ или сдѣланъ основой для соглашенія.

6. Добрыя услуги и посредничество, будь это по желанію спорящихъ сторонъ или по инициативѣ нейтральныхъ державъ, имѣютъ исключительно совѣщательный характеръ и совершенно чужды обязательной силѣ.

7. Принятіе посредничества не должно прерывать, замедлять или помѣшать мобилизациі или другимъ военнымъ приготовленіямъ, если не условлено противоположное. Если послѣ того, какъ военныя дѣйствія начались, остается посредничество, то послѣднее, если противоположное не рѣшено, не должно прерывать хода военныхъ операцій.

8. Подписавшіяся державы обязуются, если серьезное равногласіе будетъ угрожать миру, предлагать, поскольку позволяютъ обстоятельства, воспользоваться особымъ посредничествомъ въ слѣдующей формѣ: каждая изъ спорящихъ державъ выбираетъ по одному государству, которому и поручаетъ вступить въ непосредственныя сношенія съ державою, выбранною другою стороною для того, чтобы предупредить разрывъ мирныхъ отношеній. Въ теченіе срока порученія, который, если нѣтъ другого соглашенія, не долженъ превышать тридцати дней, спорный вопросъ считается окончательно переданнымъ этимъ державамъ. Обязанность ихъ заключается въ томъ, чтобы употреблять всѣ усилія къ улаженію спора. Въ случаѣ, если мирныя отношенія окончательно прерваны, на обязанности обѣихъ державъ лежитъ задача пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ для восстановленія мира.

III. О международной слѣдственной комиссіи.

9. Въ тѣхъ случаяхъ, когда между подписавшимися державами возникнутъ разногласія относительно мѣстныхъ обстоятельствъ, вызвавшихъ споръ международного свойства, который не можетъ быть улаженъ обыкновенными дипломатическими средствами и который не затрагиваетъ ни чести, ни жизненныхъ интересовъ участвующихъ державъ, подписавшіяся державы обязуются, поскольку позволяютъ обстоятельства, приступить къ учрежденію международной слѣдственной комиссіи, которая должна установить обстоятельства, давшія поводъ къ спору, и выяснить на мѣстѣ всѣ фактическіе вопросы путемъ безпристрастнаго и добросовѣстнаго изслѣдованія.

10. Международныя слѣдственныя комиссіи, если нѣтъ другого соглашенія, составляются такъ, какъ предписывается въ 31 статьѣ настоящей конвенціи относительно учрежденія третейскихъ трибуналовъ.

11. Заинтересованныя державы обязуются предоставлять международной слѣдственной комиссіи въ возможно большемъ объемѣ всѣ средства и всѣ нужныя облегченія къ полному установленію и точной оцѣнкѣ спорныхъ фактовъ.

12. Международная слѣдственная комиссіа должна представить заинтересованнымъ державамъ отчетъ, подписанный всѣми членами комиссіи.

13. Отчетъ международной слѣдственной комиссіи не имѣетъ характера третейскаго приговора. Онъ предоставляетъ державамъ полную возможность вступить въ дружественное соглашеніе на основаніи отчета или прибѣгнуть къ окончательной посредничеству или третейскому суду.

IV. О третейскомъ судѣ.

14. Международное посредничество имѣетъ цѣлью улаженіе международныхъ споровъ между державами черезъ посредство судей, выбранныхъ ими самими, и соотвѣстственно съ ихъ взаимными правами.

15. Въ правовыхъ вопросахъ и главнымъ образомъ въ вопросахъ толкованія или примѣненія международныхъ договоровъ третейское посредничество признано подписавшимися державами въ качествѣ наиболѣе дѣйствительнаго и въ то же время наиболѣе справедливаго средства къ улаженію спорныхъ случаевъ, которые нельзя уладить дипломатическими способами.

16. Соглашеніе, направленное къ тому, чтобъ обратиться къ третейскому суду, можетъ состояться какъ относительно уже существующихъ споровъ, такъ и относительно тѣхъ споровъ, которые возникнуть позднѣе. Оно можетъ устранить всякій спорный вопросъ или можетъ быть ограничено спорными вопросами только извѣстной категоріи.

17. Соглашеніе относительно желанія обратиться къ третейскому суду заключаетъ въ себѣ обязательство добросовѣстно подчиниться приговору третейскаго суда.

18. Независимо отъ общихъ и особыхъ договоровъ, обязующихъ подписавшихся державъ обращаться къ третейскому суду, державы эти удерживаютъ за собою право заключать новыя общія или особыя соглашенія до ратификаціи подлежащихъ актовъ или послѣ нея, чтобы тѣмъ сдѣлать обязательный третейскій судъ примѣнимымъ ко всемъ соответствующимъ имъ случаямъ.

19. Съ цѣлю содѣйствовать развитію третейскаго правосудія, подписавшіяся державы или соглашающіяся державы признаютъ полезнымъ выставить нѣсколько правилъ третейскаго суда и производства. Правила эти вступаютъ въ силу только въ томъ случаѣ, если сами стороны не признаютъ другихъ мѣръ для этой цѣли.

V. О постоянномъ третейскомъ судѣ.

20. Чтобъ облегчить непосредственное обращеніе къ третейскому суду въ спорахъ, которые не могутъ быть улажены дипломатическимъ путемъ, подписавшіяся державы обязуются организовать постоянный третейскій судъ, доступный во всякое время и, если нѣтъ другихъ соглашеній, заключенныхъ спорящими сторонами, осуществляющій свои функціи по приведеннымъ въ настоящей конвенціи правиламъ.

21. Судъ этотъ компетентенъ въ обсужденіи всѣхъ третейско-судебныхъ вопросовъ, если споряція стороны не рѣшили созвать особый третейскій судъ.

22. Международное бюро, устроенное въ Гаагѣ и находящееся подъ руководствомъ генеральнаго секретаря, будетъ служить канцелярією (greffe) третейскаго суда. Оно доставляетъ всѣ данныя, относящіяся къ его засѣданіямъ. Оно завѣдуетъ архивами и всѣми административными дѣлами.

23. Всякая подписавшаяся держава указываетъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ ратификаціи подлежащихъ актовъ не болѣе четырехъ человекъ, признанныхъ компетентными для обсужденія вопросовъ международнаго права, пользующихся полною моральною неприкосновенностью (*jouissant de la plus haute consideration morale*) и готовыхъ взять на себя должность третейскихъ судей. Назначенныя такимъ путемъ лица вносятся въ списокъ подъ титуломъ членовъ суда, и списокъ этотъ бюро сообщаетъ всемъ подписавшимся державамъ. Бюро должно также сообщить подписавшимся державамъ о всякой перемѣнѣ въ списокѣ третейскихъ судей. Двѣ или нѣсколько державъ могутъ сообща назначить одного или нѣсколькихъ членовъ. Одно и то же лицо можетъ быть назначено разными державами. Члены суда назначаются на 6 лѣтъ, и затѣмъ могутъ быть назначены снова. Въ случаѣ, если какой-либо членъ умретъ или выйдетъ въ отставку, то онъ долженъ быть замѣненъ тѣмъ же путемъ, какъ и былъ назначенъ.

24. Тѣ подписавшіяся державы, которыя хотятъ обратиться къ суду для улаженія возникающихъ между ними споровъ, выбираютъ изъ общаго списка условленное ими же самими число судей. Онѣ сообщаютъ бюро о своемъ намѣреніи обратиться къ суду, а также имена выбранныхъ третейскихъ судей. Если нѣтъ другаго соглашенія, то третейскій судъ составляется на основаніи правилъ, изложенныхъ въ 31 статьѣ настоящей конвенціи. Назначенные такимъ образомъ третейскіе судьи составляютъ

третейскій судъ для рѣшенія спорнаго вопроса. Они сходятся въ указанный спорящими сторонами срокъ.

25. Судъ обыкновенно собирается въ Гаагѣ; но, съ согласія спорящихъ сторонъ, онъ можетъ собраться также и въ другомъ мѣстѣ.

26. Каждая держава, хотя бы и не принимающая участія въ настоящемъ актѣ, можетъ обращаться къ третейскому суду, на основаніи условій, указанныхъ въ настоящей конвенціи.

27. Подписавшіяся державы считаютъ своею обязанностию въ случаѣ, если грозить вспыхнуть рѣзкій конфликтъ между двумя или нѣсколькими изъ нихъ, напомнить имъ о томъ, что въ ихъ распоряженіи находится постоянный третейскій судъ. Въслѣдствіе этого онѣ заявляютъ, что только актомъ добрыхъ услугъ должно считаться то обстоятельство, что одна или нѣсколько изъ нихъ напоминаютъ спорящимъ сторонамъ о постановленіяхъ настоящей конвенціи и совѣтуютъ имъ обратиться въ высшихъ интересахъ мира къ постоянному третейскому суду.

28. Постоянный совѣтъ, состоящій изъ пребывающихъ въ Гаагѣ дипломатическихъ представителей подписавшихся державъ и голландскаго министра иностранныхъ дѣлъ въ качествѣ предсѣдателя, учреждается въ Гаагѣ по возможности тотчасъ же послѣ ратификаціи настоящаго акта. Совѣту этому ввѣряется учрежденіе и организація постояннаго бюро, поставленное подъ его управленіе и контроль. Онъ сообщаетъ державамъ о созваніи суда и слѣдитъ за тѣмъ, чтобы созваніе это произошло надлежащимъ образомъ. Онъ устанавливаетъ порядокъ судопроизводства и всѣ прочія необходимыя мѣры. Онъ рѣшаетъ всѣ вопросы, касающіеся функцій суда. Онъ обладаетъ неограниченнымъ правомъ назначать чиновниковъ или служащихъ въ бюро и увольнять ихъ. Онъ опредѣляетъ размѣры жалованья или платы и контролируетъ общіе расходы. Присутствія пяти членовъ достаточно для рѣшенія. Рѣшенія принимаются большинствомъ голосовъ. Совѣтъ сообщаетъ ежегодно подписавшимся державамъ о дѣятельности суда и о способѣ осуществленія административной службы.

29. Расходы на бюро падаютъ на подписавшіяся державы въ той же пропорціи, какъ это существуетъ въ международномъ бюро всемірнаго почтоваго союза.

VI. О третейскомъ судопроизводствѣ.

30. Державы, принимающія посредничество, подписываютъ особый актъ или компромиссъ, въ которомъ случай, подлежащій обсужденію, ясно согласуется съ расширеніемъ полномочій третейскихъ судовъ. Въ этомъ актѣ обѣ стороны должны также обязаться добровольно подчиниться приговору третейскаго суда.

31. Третейско-судебныя функціи могутъ быть перенесены на одного только третейскаго судью или на разныхъ третейскихъ судей, назначаемыхъ самими сторонами по своему усмотрѣнію или выбираемыхъ изъ списка членовъ установленнаго настоящимъ актомъ третейскаго трибунала. Если не заключено противоположнаго соглашенія, то сформированіе третейско-судебнаго персонала происходитъ слѣдующимъ образомъ: каждая сторона выбираетъ двухъ третейскихъ судей, которые сообща выбираютъ верховнаго третейскаго судью. Если при этомъ голоса раздѣляются поровну, то выборъ верховнаго третейскаго судьи предоставляется по взаимному соглашенію сторонъ третейской державы. Если по этому пункту соглашеніе не состоится, то каждая сторона выбираетъ нейтральную державу, а обѣ эти державы выбираютъ совместно верховнаго третейскаго судью.

32. Если третейскимъ судьей является суверенный государь или глава государства, то опредѣленіе третейско-судебнаго производства подлежитъ исключенію его усмотрѣнію.

33. Верховный третейскій судья является *de jure* предсѣдателемъ третейскаго суда. Если у трибунала нѣтъ верховнаго третейскаго судьи, то онъ самъ выбираетъ себя такового.

34. Если нѣтъ другого соглашенія, то, въ случаѣ смерти, отставки или

ствія по какой-либо другой причинѣ одного изъ третейскихъ судей, послѣдній замѣняется тѣмъ же путемъ, какъ былъ избранъ.

35. Мѣсто засѣданія трибунала опредѣляется спорящими сторонами или, если онѣ не примутъ рѣшенія по этому поводу сами, то—третейскимъ трибуналомъ. Выбранное такимъ путемъ мѣсто можетъ быть переизменено только на основаніи новаго соглашенія заинтересованныхъ государствъ или въ случаѣ необходимости (*raison majeure*) рѣшеніемъ трибунала.

36. Находящіися въ спорѣ стороны имѣютъ право посылать въ судъ делегатовъ или особыхъ агентовъ, которые служатъ посредниками между трибуналомъ и спорящими сторонами. Онѣ имѣютъ также право вѣрять защиту своихъ правъ и интересовъ на судѣ назначенными ими свѣдущими въ юридическихъ дѣлахъ совѣтниками или адвокатами.

37. Судъ рѣшаетъ, какой языкъ слѣдуетъ выбрать для производства.

38. Третейское судопроизводство состоитъ въ общемъ изъ двухъ частей: первая имѣетъ предварительный характеръ, вторая—окончательный. Первая часть состоитъ въ томъ, чтобы завѣдующіе дѣлами спорящихъ сторонъ сообщали членамъ суда и противной партіи все печатное, рукописи и документы, находящіеся въ актахъ данной стороны. Вторая часть—устная и заключается въ слѣдствіи на судѣ.

39. Каждый изъ представленныхъ одною стороною документовъ долженъ быть сообщенъ также и другой стороною.

40. Слѣдствіемъ на судѣ руководить предсѣдатель. Оно заносится въ протоколы, которые составляются секретарями, назначаемыми предсѣдателемъ. Протоколы представляютъ единственно достовѣрный отчетъ о засѣданіяхъ.

41. Когда первая часть судопроизводства заключена, и началось устное производство, то судъ вправе отказать въ принятіи дальнѣйшихъ бумагъ и документовъ, которые представители какой-либо стороны хотѣли бы представить безъ согласія другой.

42. Усмотрѣнію суда предоставляется принимать во вниманіе новыя бумаги и документы, на которые агенты или завѣдующіе дѣлами спорящихъ сторонъ опирались въ своихъ защитительныхъ рѣчахъ. Они имѣютъ право потребовать предъявленія этихъ бумагъ или документовъ, не будучи обязаны сообщать ихъ противной сторонѣ.

43. Судъ, кромѣ того, можетъ потребовать отъ представителей сторонъ представленія всякихъ бумагъ и всякихъ объясненій, которыя онъ сочтетъ нужнымъ. Въ случаѣ отказа судъ принимаетъ этотъ фактъ къ свѣдѣнію.

44. Представители и юридическіе помощники сторонъ имѣютъ право сообщать суду устно все, что находятъ полезнымъ въ интересахъ своего дѣла.

45. Они имѣютъ право предлагать вопросы и дѣлать возраженія. Рѣшенія суда по этимъ пунктамъ кладутъ конецъ спорному вопросу и не могутъ подвергаться дальнѣйшему обсужденію.

46. Члены суда вправе ставить представителямъ или адвокатамъ сторонъ вопросы и требовать отъ нихъ разьясненія по поводу сомнительныхъ пунктовъ. Не должны считаться мнѣніемъ суда вообще или судей въ частности ни вопросы, поставленные членами трибунала во время судоговоренія, ни сдѣланныя ими при этомъ замѣчанія.

47. Судъ одинъ вправе рѣшать касающіеся его компетенціи вопросы, путемъ толкованія компромисса или другихъ договоровъ, на которые могутъ дѣлаться ссылки, и путемъ примѣненія принциповъ международнаго права.

48. Судъ вправе вырабатывать правила процессуальнаго производства на время дебнаго слѣдствія, опредѣлять форму и срокъ, къ которому стороны должны закончить свои объясненія, и выполнить всѣ формальности, необходимыя для доставленія казательнаго матеріала.

49. Послѣ того какъ представители и адвокаты спорящихъ сторонъ представили данныя и весь доказательный матеріалъ для защиты своего дѣла, предсѣдатель являетъ слѣдствіе законченнымъ.

50. Судебное слѣдствіе происходитъ при закрытыхъ дверяхъ. Каждое рѣшеніе суда принимается большинствомъ голосовъ. Если какой-либо членъ суда отказывается отъ подачи голоса, то это должно быть занесено въ протоколъ.

51. Принятый большинствомъ голосовъ приговоръ долженъ сопровождаться изложениемъ мотивовъ, на которыхъ онъ основанъ. Мотивы эти должны быть изложены письменно и подписаны всѣми членами суда. Тѣ члены, которые остаются въ меньшинствѣ, могутъ при подписи указать на свое, особое отъ приговора большинства, мнѣніе.

52. Третейско-судебный приговоръ долженъ быть произнесенъ въ публичномъ засѣданіи суда въ присутствіи представителей и юридическихъ помощниковъ сторонъ или же послѣ того, какъ послѣдніе получили приглашеніе въ установленномъ порядкѣ.

53. Приговоръ, установленнымъ порядкомъ произнесенный и установленный представителямъ сторонъ, рѣшаетъ споръ окончательно и заканчиваетъ третейско-судебный процессъ, начатый на основаніи „компромисса“.

54. Если въ компромиссѣ не включено противоположнаго соглашенія, то отъ суда, произнесшаго приговоръ, можетъ быть потребованъ пересмотръ послѣдняго, но только въ томъ случаѣ, если обнаружился новый фактъ, способный имѣть рѣшительное вліяніе на приговоръ и въ минуту произнесенія приговора бывший неизвѣстнымъ какъ суду, такъ и спорящимъ сторонамъ. Пересмотръ можетъ состояться только на основаніи рѣшенія трибунала, причемъ въ рѣшеніи должна быть категорически указана наличность новаго факта и признано, что послѣдній имѣетъ указанный въ предшествующемъ параграфѣ характеръ, а затѣмъ должно быть сдѣлано заявленіе, что ходатайству на этомъ основаніи можетъ быть данъ ходъ. По истеченіи трехъ мѣсяцевъ послѣ произнесенія приговора ходатайство о пересмотрѣ не можетъ быть признано.

55. Приговоръ обязателенъ только для сторонъ, заключившихъ компромиссъ. Если дѣло идетъ о вопросѣ касательно толкованія какой-нибудь конвенціи, относящейся къ большому количеству державъ, чѣмъ тѣ, между которыми споръ возникъ, то спорящія стороны должны сообщить заключенный ими компромиссъ прочимъ державамъ, подписавшимъ конвенцію. Каждая изъ этихъ державъ имѣетъ тогда право принять участіе въ процессѣ. Если, однако, одна или нѣкоторыя изъ нихъ воспользуются этимъ правомъ, то приговоръ дѣлается обязательнымъ и для нихъ.

56. Каждая сторона сама должна возмѣщать свои расходы и участвовать въ расходахъ по суду въ одинаковой части, причемъ, однако, не должны быть приняты во вниманіе штрафы, возлагаемые судомъ на ту или другую сторону.

Эта конвенція подписана представителями шестнадцати государствъ изъ двадцати шести участвовавшихъ въ конференціи. Не подписали ее делегаты Германіи, Австро-Венгріи, Итали, Англии, Швейцаріи, Сербіи, Люксембурга, Японіи и Китая. Есть надежда, что большая часть и этихъ державъ, если не всѣ, присоединится къ конвенціи.

Къ концу засѣданій гаагской конференціи открылась въ Христіаніи девятая междупарламентская конференція. Вступительную рѣчь произнесъ норвежскій министръ-президентъ Стэнъ. И онъ говорилъ о великой задачѣ нашего времени,—о борьбѣ съ войною, о водвореніи справедливости въ международныхъ отношеніяхъ. Норвегія,—говорилъ Стэнъ,—страна демократическая, всѣ ея основныя законы и учрежденія таковы, а демократія желаетъ мира. Междупарламентская конференція въ Христіаніи отнесла конечно, въ высшей степени сочувственно къ трудамъ и постановленіямъ гаагской конференціи.

Опасность войны далеко, разумѣется, не устранена этими конфере

ями; но, повторяемъ, доброе начало положено и для друзей мира создается теперь практическая почва.

Внутреннее состояніе большинства европейскихъ державъ оставляетъ желать многого, очень многого. Франція поглощена злосчастнымъ дѣломъ Дрейфуса. Положеніе осложнилось раскрытіемъ монархическаго заговора и необходимостью энергической борьбы со многими генералами и офицерами, которые не желаютъ подчиняться законамъ своей родины и правосудію. Въ Австро-Венгріи страстная, ожесточенная борьба нѣмцевъ съ славянами обострилась образомъ дѣйствія цислейтанскаго правительства, которое управляетъ страной безъ парламента, вступило въ соглашеніе съ Венгріей и вводитъ новые налоги, расширяя смыслъ § 14 конституціи, дающей правительству извѣстныя полномочія на случай приостановки парламентской дѣятельности. Къ сожалѣнію, подъ давленіемъ злой національной розни, на сторонѣ графа Туна стоятъ и младочехи. Ихъ представителемъ въ кабинетѣ является министръ финансовъ Райцль.

Читатели обратили, конечно, вниманіе на событія въ Бельгіи. Клерикальный кабинетъ довелъ дѣло до грознаго возстанія, подъ давленіемъ котораго онъ долженъ былъ подать въ отставку. Реакціонныя стремленія министра-президента Ванденпирбума поставили было въ крайне опасное положеніе существованіе въ Бельгіи монархіи.

Проектъ избирательнаго закона, направленный противъ демократіи, вызвалъ порицаніе даже въ рядахъ консервативной партіи. Либералы, радикалы и социалисты соединились, чтобы бороться противъ него. Къ нимъ примкнула и партія христіанскихъ демократовъ, руководимая аббатомъ Дансомъ (Daens).

Во главѣ новаго кабинета сталъ де-Сметъ де-Найеръ (De-Smet de-Naeyer), который ушелъ изъ министерства, не желая поддерживать реакціонныя замыслы Ванденпирбума. Бельгійскія газеты говорятъ о необходимости уничтоженія множественности вотовъ (одному лицу, при извѣстныхъ условіяхъ, предоставляется два и три голоса), введенія всеобщей простой подачи голосовъ и пропорціональнаго представительства меньшинства. Къ этимъ желаніямъ присоединяется такая умѣренная и серьезная парижская газета, какъ *Temps*.

Совершенно иного порядка явленія происходятъ въ Сербіи, гдѣ хозяйничаетъ бывший герой парижскихъ кафе-шантановъ эксъ-король Миланъ. Придуманно ли было имъ самимъ покушеніе на свою особу,—что не лишено вѣроятія,—или въ дѣйствительности было такое покушеніе, оно послужило для Милана и послушнаго ему короля Александра поводомъ произвести множество арестовъ среди враждебныхъ или непріятныхъ ему людей. А подобными людьми являются всѣ сторонники разумаго развитія Сербіи, всѣ дружелюбно расположенные къ нашему отечеству и всѣ не желающіе грабежа государственной казны на похождения Милана.

По проишьимъ въ газеты извѣстіямъ, наше и австро-венгерское пра-

вительства дали понять въ Бѣлградѣ, что Милану и королю Александру не подобаетъ далеко заходить на пути неправосудія и жестокости.

Большая французская эскадра, изъ двадцати одного военного судна, посѣтила Барселону. Это посѣщеніе вызвало шумныя сочувственныя демонстраціи со стороны мѣстнаго населенія и подало поводъ къ рѣчамъ и заявленіямъ, очень неоправданнымъ испанскому правительству. Нѣмецкая печать внимательно отнеслась къ этому случаю. По мнѣнію *Frankfurter Zeitung*, Франція посылкою эскадры въ Барселону дала понять Великобританіи, что республика не потерпитъ ея вмѣшательства въ испанскія дѣла или присоединенія какой-либо части испанской территоріи. Другую цѣль этого посѣщенія франкфуртская газета видитъ въ слѣдующемъ: Франція хотѣла освѣдомиться, есть ли шансы на то, чтобы отодвинуть французскую границу отъ Пиринеевъ до Эбро и даже далѣе,—иными словами, не желаетъ ли Каталонія присоединиться къ Франціи *). Способъ освѣдомленія довольно странный. Во время банкета, устроеннаго городомъ французскимъ морякамъ, подъ окнами дворца изящныхъ искусствъ, въ которомъ происходилъ банкетъ, многочисленный пѣвческій союзъ грянулъ каталонскій національный гимнь (*Els segadors*); первые звуки этого гимна были покрыты восторженными рукоплесканіями участниковъ банкета и криками: *Visca Catalunya Mre!* Национальный испанскій гимнь (*Gloria à Espana*) исполненъ не былъ.

Въ печати, между республиканскими и монархическими газетами, завязалась по этому поводу рѣзкая полемика. Губернаторъ Каталоніи смѣщенъ мадридскимъ правительствомъ. *Imparcial* обвиняетъ каталонцевъ въ измѣнѣ. *Frankfurter Zeitung* замѣчаетъ по этому поводу: «Нѣтъ ничего оскорбительнѣе для правительства обвиненія какой-либо партіи въ измѣнительскихъ сношеніяхъ съ иностраннымъ государствомъ. Въ политикѣ общепризнана истина словъ Маколея, что такія сношенія бываютъ лишь необходимымъ плодомъ дурного внутренняго управленія».

Французскія газеты отнеслись къ происшествіямъ въ Барселонѣ спокойно и не придаютъ имъ серьезнаго значенія. Но въ Мадридѣ сильно встревожены. Правительству былъ сдѣланъ Ромеро Робledo запросъ въ Кортесахъ, и министръ юстиціи назвалъ сепаратистскія демонстраціи безсмыслицею. *Neue Freie Presse* замѣчаетъ, что несчастье дѣлаетъ подозрительнымъ. Испанское правительство со времени войны съ Соединенными Штатами боится замысловъ Великобританіи. Аналогическое съ каталонскимъ движеніе замѣчается въ Галиціи и въ баскихъ провинціяхъ. *Neue Freie Presse* совѣтуетъ правительству Испаніи вступить на путь серьезныхъ либеральныхъ преобразованій, ибо нешуточнымъ показателемъ настроенія являете то, что во второмъ городѣ государства восторженно привѣтствуется *M. сальеза* и освистывается испанскій гимнь.

В. Г.

*) *Frankfurter Zeitung*, 27 Juli.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Высочайшее повелѣніе.—Мѣропріятія по министерству народнаго просвѣщенія: циркуляръ объ установленіи комплекта учащихся для первыхъ курсовъ университетовъ и объ ограниченіи учащихся въ выборѣ университета для продолженія образованія; циркуляръ объ организаціи практическихъ занятій для студентовъ, студенческихъ курсовъ и общежитій; циркуляръ о надзорѣ за учащимися въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; новый проектъ систематическихъ общедоступныхъ курсовъ; циркуляръ объ университетской инспекціи.—Проектъ новаго продовольственнаго устава.—Отчетъ о дѣятельности московскаго общества грамотности за 1896 и 1897 гг.—Два принципиальныхъ разъясненія по вопросамъ земской жизни. — Закрытіе московскаго юридическаго общества.

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* (№ 165) напечатано слѣдующее Высочайшее повелѣніе:

Объ отбываніи воинской повинности воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній, удаляемыми изъ сихъ заведеній за учиненіе скопомъ безпорядковъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, при рапортѣ, отъ 29 іюля 1899 г., за № 9763, представилъ правительствующему сенату, во исполненіе Высочайшаго повелѣнія, для обнародованія во всеобщее свѣдѣніе, нижеслѣдующія временныя правила, выработанныя въ особомъ совѣщаніи министровъ: внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія, земледѣлія и государственныхъ имуществъ, финансовъ, военнаго и управляющаго министерствомъ юстиціи, и удостоившіяся 29 іюля сего года Высочайшаго утвержденія.

Временныя правила объ отбываніи воинской повинности воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній, удаляемыми изъ сихъ заведеній за учиненіе скопомъ безпорядковъ.

Ст. 1. Воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, за учиненіе скопомъ безпорядковъ въ учебныхъ заведеніяхъ или внѣ оныхъ, за возбужденіе къ какимъ безпорядкамъ, за упорное, по уговору, уклоненіе отъ учебныхъ занятій и за подстрекательство къ такому уклоненію, подлежатъ, на основаніи изложенныхъ ниже правилъ, удаленію изъ учебныхъ заведеній и зачисленію въ войска для отбыванія воинской повинности, хотя бы они имѣли льготу по семейному положенію, либо по образованію, или не до-

стигли призывнаго возраста, или же вынули по жеребью номеръ, освобождающій отъ службы въ войскахъ.

Примѣчаніе. Мѣра сія не освобождаетъ виновныхъ въ совершеніи преступныхъ дѣяній, подлежащихъ преслѣдованію на основаніи существующихъ узаконеній, отъ отвѣтственности въ установленномъ порядкѣ.

2. Для разсмотрѣнія дѣлъ о проступкахъ, указанныхъ въ предыдущей (1) статьѣ, при каждомъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній учреждается особое совѣщаніе, въ составѣ: предсѣдателя и членовъ педагогической коллегіи, коей дѣйствующимъ уставомъ учебнаго заведенія предоставлена дисциплинарная власть, и представителей отъ министерствъ военнаго, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи.

Въ совѣщаніяхъ, учрежденныхъ при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, предсѣдательствуютъ почетели мѣстныхъ учебныхъ округовъ, а въ случаѣ необходимости одновременнаго, въ предѣлахъ того же округа, дѣйствія нѣсколькихъ совѣщаній—особо назначенныя для сего министромъ лица. Предсѣдательствованіе въ совѣщаніяхъ при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ другихъ вѣдомствъ поручается подлежащими министрами особо назначеннымъ ими лицамъ.

3. Особые совѣщанія приступаютъ къ разбирательству дѣлъ, указанныхъ въ статьѣ 2, по непосредственнымъ распоряженіямъ подлежащихъ министровъ.

4. Особое совѣщаніе постановляетъ опредѣленіе по выслушаніи словесныхъ или по разсмотрѣніи представленныхъ, до открытія засѣданія, письменныхъ объясненій обвиняемаго. Неявка обвиняемаго по вызову и непредставленіе имъ своевременно письменныхъ объясненій не останавливаютъ постановленія о немъ опредѣленія совѣщанія.

5. Постановляя опредѣленіе объ удаленіи обвиняемаго изъ учебнаго заведенія, особое совѣщаніе, съ тѣмъ вмѣстѣ, указываетъ обязательный для удаляемаго срокъ службы въ войскахъ, въ размѣрѣ одного или двухъ лѣтъ.

Совѣщанію предоставляется назначать срокъ службы въ размѣрѣ трехъ лѣтъ тѣмъ изъ удаляемыхъ, кои принимали особо вредное въ безпорядкахъ участіе.

6. Опредѣленіе особаго совѣщанія представляется подлежащему министру, коимъ постановляется окончательное по дѣлу рѣшеніе.

Рѣшеніе министра обжалованію не подлежитъ.

7. Подлежащій, на основаніи рѣшенія министра, зачисленію въ войска для отбыванія воинской повинности (ст. 1) передается немедленно въ распоряженіе военнаго начальства.

8. Подлежащій зачисленію въ войска (ст. 7), оказавшійся, по медицинскому свидѣтельству, неспособнымъ къ службѣ въ строю, опредѣляется на должности нестроевыхъ.

9. Военному министру предоставляется всеподданнѣе ходатайство предъ Его Императорскимъ Величествомъ объ освобожденіи отъ военной службы нижнихъ чиновъ, кои, будучи зачислены въ войска на основаніи

настоящихъ правилъ, отбыли воинскую повинность въ теченіе не менѣе годичнаго срока и, по засвидѣтельствованію начальства, отличались, во время прохожденія службы, одобрительнымъ поведеніемъ и ревностнымъ исполненіемъ служебнаго долга.

10. Проступки (ст. 1) исправно отбывшихъ службу въ войскахъ, на основаніи настоящихъ правилъ, предаются полному забвенію, и лицамъ этимъ предоставляется поступать въ учебныя заведенія и на государственную службу на общемъ основаніи.

Минувшій іюль мѣсяцъ принесъ цѣлый рядъ мѣропріятій по министерству народнаго просвѣщенія. Мѣропріятія эти явились результатомъ имѣвшаго мѣсто въ іюнѣ, подъ предѣдательствомъ министра, совѣщанія попечителей учебныхъ округовъ и начальниковъ высшихъ учебныхъ заведеній. Большинство ихъ касается университетскаго образованія. Что наши университеты настоятельно нуждаются въ крупныхъ реформахъ, достаточно доказывается хотя бы періодически повторявшимися въ послѣднее время студенческими беспорядками, каждый разъ разстраивающими на болѣе или менѣе продолжительное время нормальное теченіе университетской жизни и вызывающими массовое исключеніе изъ университетовъ молодыхъ людей, изъ которыхъ многіе навсегда лишаются возможности окончить свое образованіе. Но и помимо студенческихъ беспорядковъ есть не мало другихъ причинъ, указывающихъ на давно назрѣвшую необходимость реформъ въ нашемъ университетскомъ строѣ. Ни для кого не тайна то «оскудѣніе», которое переживаетъ какъ профессорская, такъ и студенческая среда. Съ одной стороны почти исчезъ типъ профессора-идеалиста, страстно преданнаго наукѣ и жившаго въ тѣсномъ духовномъ общеніи со своей аудиторіей, съ другой стороны сталъ рѣдкостью и типъ студента, серьезно готовившагося на университетской скамьѣ къ дождавшей его общественной дѣятельности, о которой онъ имѣлъ самыя возвышенныя представленія. Съ одной стороны мы видимъ сухое, формальное, чисто чиновничье отношеніе къ дѣлу, съ другой—погоню за дипломами, какъ средствомъ для «карьеры». Тѣсное духовное общеніе, соединявшее въ одну дружную семью прежнихъ профессоровъ и студентовъ и заставлявшее старыхъ студентовъ до гробовой доски вспоминать съ благодарностью и любовью свою alma mater, за послѣдніе годы исчезло. На разобщенность студентовъ съ профессорами указывается въ правительственномъ сообщеніи отъ 25 мая, какъ на одну изъ главнѣйшихъ причинъ студенческихъ беспорядковъ. Сухая практичность нынѣшней молодежи, отсутствіе идеальныхъ стремленій въ большинствѣ ея, особое міросозерцаніе, принаровленное исключительно къ личнымъ удобствамъ и собственному благополучію—всѣ эти черты давно ужъ обращаютъ на себя общее вниманіе. Разладъ между «отцами и дѣтьми», между прежнимъ поколѣніемъ, выросшимъ на почвѣ гуманитарныхъ идей 60-хъ и 70-хъ годовъ, и нынѣшнимъ «практическимъ» поколѣніемъ сталъ за послѣднее время излюбленной темой нашихъ беллетристовъ.

Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ болѣзнью, требующей серьезнаго лѣченія. Здѣсь нужны широкія реформы, можетъ быть, коренное измѣненіе всего нынѣшняго университетскаго строя, которое могло бы одинаково поднять какъ духъ учащихся, такъ и духъ преподающихъ. Само собою разумѣется, что одними внѣшними мѣрами, стремящимися, къ такъ называемому, упорядоченію университетской жизни, нельзя поднять этого духа и нельзя придать университетской жизни такое направленіе ея, которое, содѣйствуя свободному развитію умственныхъ и нравственныхъ силъ учащейся молодежи и тѣсному общенію ея съ искренно расположенными къ ней профессорами, одно только можетъ назваться нормальнымъ.

Къ сожалѣнію, моментъ, избранный для обсужденія вопросовъ нашей университетской жизни, едва ли можно назвать удачнымъ. Какъ извѣстно, совѣщаніе попечителей учебныхъ округовъ было создано немедленно послѣ студенческихъ волненій, происходившихъ въ концѣ минувшаго учебнаго года и принявшихъ такіе широкіе размѣры. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что закончившихся безпорядковъ лица, составлявшія совѣщаніе, невольно должны были направить свои усилія не столько на обновленіе и усовершенствованіе внутренней жизни университетовъ, сколько на изысканіе мѣръ, которыя непосредственно могли бы повести къ прекращенію безпорядковъ на будущее время. Между тѣмъ несомнѣнно, что, собственно, безпорядки являются лишь рѣзкимъ симптомомъ серьезной внутренней болѣзни.

Важнѣйшей изъ принятыхъ совѣщаніемъ мѣръ является установленіе отнынѣ извѣстнаго комплекта учащихся для университетовъ и ограниченіе въ выборѣ университета для образованія. Въ циркулярѣ, разосланномъ по этому поводу министромъ народнаго просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ, указывается на то, что въ совѣщаніи попечителей было, между прочимъ, обращено вниманіе на крайне неравномѣрное распредѣленіе студентовъ между отдѣльными университетами, благодаря чему одни университеты имѣютъ сравнительно ограниченное число учащихся, тогда какъ другіе, и особенно столичныя, чрезмѣрно переполнены слушателями. Въ виду этого министръ предлагаетъ попечителямъ рекомендовать получившимъ въ текущемъ году аттестаты и свидѣтельства зрѣлости держаться при поступленіи въ университетъ своего округа, съ предупрежденіемъ, что въ университетахъ другихъ округовъ они могутъ не найти мѣста. Лицамъ, получившимъ аттестаты зрѣлости въ округахъ, гдѣ нѣтъ университетовъ, рекомендуется отправляться: изъ виленскаго округа—въ университеты юрьевскій, московскій и петербургскій; изъ кавказскаго округа—въ университеты харьковскій, новороссійскій и св. Владимира; изъ оренбургскаго округа—въ казанскій и томскій, и изъ сибирскихъ гимназій на факультеты юридическій и медицинскій—исключительно въ томскій университетъ, а прочіе факультеты—въ казанскій.

При циркулярѣ приложена и приблизительная таблица возможнаго легкаго состава первыхъ курсовъ юридическаго, физико-математическаго и медицинскаго факультетовъ.

Университеты.	Факультеты.			
	Юрид.	Физ.-мат.	Мат.-естеств.	Медиц.
С.-Петербургскій . .	400	200	200	—
Московскій	400	250	200	250
Св. Владиміра . . .	300	150	100	200
Харьковскій	200	100	75	175
Новороссійскій . . .	120	60	100	—
Базанскій	75	40	30	100
Варшавскій	150	60	40	100
Юрьевскій	120	30	40	150
Томскій	150	—	—	120

Въ циркулярѣ министерства не указана, въ какомъ именно отношеніи вредно неравномѣрное распредѣленіе учащихся по отдѣльнымъ университетамъ. Намъ же это явленіе представляется какъ нельзя болѣе естественнымъ. Весьма понятно, что университеты, болѣе богатые научными силами, лучше обставленные и находящіеся въ наиболѣе крупныхъ центрахъ, представляющихъ больше средствъ для образованія и развитія, привлекаютъ и большее количество слушателей. Явленіе это вовсе не составляетъ какой-нибудь исключительной особенности русской университетской жизни и наблюдается во всѣхъ западныхъ государствахъ, не вызывая тамъ ни студенческихъ беспорядковъ, ни какихъ-нибудь другихъ нежелательныхъ явленій и не возбуждая ни въ комъ ни тревоги, ни опасеній. Противъ неравномѣрнаго распредѣленія студентовъ можно было бы возразить только одно: слишкомъ большое число учащихся въ нѣкоторыхъ университетахъ можетъ отчасти затруднить преподаваніе. Но въ такомъ случаѣ гораздо лучше расширить образовательныя средства этихъ университетовъ, чѣмъ путемъ запретительныхъ мѣръ ограничить число ихъ слушателей, направляя часть ихъ въ другіе университеты, тѣмъ болѣе, что и въ этихъ послѣднихъ все равно потребуется расширеніе образовательныхъ средствъ.

Не заключая въ себѣ ничего вреднаго, стремленіе учащихся въ крупные центры, преимущественно столичные, имѣло на нашъ взглядъ и свою полезную сторону. Въ столицахъ сосредоточивается умственная жизнь страны; онѣ притягиваютъ къ себѣ все, что есть лучшаго въ наукѣ, литературѣ и искусствѣ; въ нихъ больше всякаго рода образовательныхъ учрежденій, болѣе богатая бібліотека, лучшіе театры и т. д. Самая жизнь столичная богаче внутреннимъ содержаніемъ, чѣмъ жизнь провинціи.

Вслѣдствіе этого, пребываніе въ столичныхъ университетахъ представляло для учащихся особенно благоприятныя условія для умственнаго и нравственнаго развитія. А чрезъ посредство провинціаловъ, учившихся въ столичныхъ университетахъ и возвращавшихся потомъ на родину, и провинція приобщалась къ умственной жизни столицы. Вотъ почему попасть въ столичный университетъ всегда составляло завѣтную мечту каждаго болѣе или менѣе даровитаго юноши. Отнынѣ многимъ изъ нихъ придется съ этою мечтою разстаться.

При обширности нашей страны и разнообразии населяющих ее национальностей полезно было и столкновение въ одномъ университетѣ гимназистовъ разныхъ учебныхъ округовъ. Это, безспорно, имѣло свою долю вліянія на смягченіе національной жизни и на выработку просвѣщенныхъ взглядовъ и терпимости въ національныхъ вопросахъ.

Нельзя не замѣтить, что новыми правилами, ограничивающими свободу выбора университета, студенты ставятся въ худшее положеніе въ сравненіи съ воспитанниками другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, не находящихся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія. Устанавливается нѣкоторое неравенство даже между гимназистами различныхъ учебныхъ округовъ. Такъ, окончившій какую-нибудь гимназію виленскаго округа можетъ выбрать любой изъ трехъ университетовъ—Юрьевскій, Московскій и Петербургскій, а окончившій гимназію одного изъ послѣднихъ округовъ можетъ поступать лишь въ университетъ этого округа. Точно также имѣютъ нѣкоторую свободу выбора, въ сравненіи съ другими, окончившіе гимназіи кавказскаго и оренбургскаго округа. Сибирякамъ же предоставляютъ лишь томскій университетъ по факультетамъ юридическому и медицинскому и казанскій по остальнымъ факультетамъ. До сихъ поръ множество сибиряковъ было у насъ въ столичныхъ университетахъ.

Что касается приведенной выше приблизительной таблицы, устанавливающей комплектъ для первыхъ курсовъ всѣхъ факультетовъ, кромѣ историко-филологическаго, то министерство народнаго просвѣщенія, составляя ее, вѣроятно, руководилось статистическими данными относительно числа оканчивающихъ въ этомъ году въ разныхъ округахъ гимназистовъ. Если министерство имѣло при этомъ въ виду не всѣхъ гимназистовъ допустить въ университеты, то спрашивается, что будутъ дѣлать оставшіеся за штатомъ? Вѣдь въ будущемъ году опять будетъ указанъ численный составъ первыхъ курсовъ, и поступить въ университетъ будетъ, слѣдовательно, еще труднѣе. Если министерство, составляя свою таблицу, имѣло въ виду допустить всѣхъ окончившихъ гимназію въ университеты, то къ чему же тогда эта таблица? Притомъ не трудно вѣдь и ошибиться въ расчетѣ. Невольно также напрашивается вопросъ относительно того, почему не установленъ комплектъ для историко-филологическаго факультета. Очевидно потому, что на этотъ факультетъ будутъ принимать всѣхъ желающихъ. Слѣдовательно, на другіе факультеты не будутъ принимать всѣхъ желающихъ, имѣющихъ на то право?

Другой циркуляръ, съ которымъ обратился министръ народнаго просвѣщенія къ попечителямъ учебныхъ округовъ, касается вопроса «о установленіи желательнаго общенія между студентами, профессорами учебныхъ начальствомъ». Принявъ въ соображеніе заключенія, къ которымъ пришло совѣщаніе попечителей, министръ останавливается на слѣдующихъ мѣрахъ. Раньше всего общеніе между студентами и профессорами должъ происходить на почвѣ учебныхъ потребностей. Такого рода общеніе, одной стороны облегчить разрѣшеніе различныхъ практическихъ вопросовъ

вызываемыхъ ходомъ учебныхъ занятій, каковы, наприм., изданіе лекцій, выборъ учебниковъ, распредѣленіе практическихъ занятій, составленіе расписанія экзаменовъ и т. д., а съ другой стороны дать возможность устранять безъ осложненій и рѣзкихъ проявленій различныя недоразумѣнія, возникающія въ учебной жизни. *При близкихъ и добрыхъ отношеніяхъ* (курсивъ нашъ) между студентами и педагогическимъ персоналомъ такія недоразумѣнія легко разрѣшатся непосредственными объясненіями преподавателей или учебнаго начальства со студентами. Для достиженія указаннаго тѣснаго общенія между профессорами и студентами министръ рекомендуетъ широкую организацію практическихъ занятій. Такъ какъ въ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а также на всѣхъ факультетахъ университетовъ, кромѣ юридическаго, и до настоящаго времени существовали практическія занятія, то здѣсь необходимо лишь обратить вниманіе на возможное расширеніе ихъ и на то, чтобы каждый учащійся принималъ въ нихъ дѣятельное участіе. На юридическихъ факультетахъ должны быть немедленно организованы такія занятія. При этомъ министръ выражаетъ увѣренность, что «преподаватели всѣхъ учебныхъ заведеній, принимая къ сердцу интересы своихъ слушателей, съ готовностью пойдутъ навстрѣчу къ сближенію съ ними, въ сознаніи, что тотъ преподаватель, который ограничиваетъ свою преподавательскую дѣятельность только чтеніемъ лекцій въ положенныя часы, а не входитъ въ духовныя интересы и нужды учащихся, не сближается съ ними на этой почвѣ и не руководитъ ихъ неогрѣпшею мыслью, исполняетъ лишь малую долю своихъ обязанностей, возлагаемыхъ на него высокимъ званіемъ профессора».

Далѣе министръ, въ тѣхъ же цѣляхъ установленія общенія между профессорами и студентами, рекомендуетъ учрежденіе, подъ непремѣннымъ отвѣтственнымъ руководствомъ профессоровъ, научныхъ и литературныхъ кружковъ, въ засѣданіяхъ которыхъ могли бы читаться и обсуждаться студенческіе рефераты. Точно также рекомендуется учрежденіе студенческихъ хоровъ и оркестровъ для тѣхъ молодыхъ людей, которые интересуются пѣніемъ и музыкой. Кружкамъ необходимо дать такое устройство, которое недопускало бы ихъ вырождаться въ организаціи, нетерпимыя въ учебныхъ заведеніяхъ. Въ виду этого учебное начальство должно озаботиться выборомъ умѣлыхъ и твердыхъ руководителей, которые могли бы вдохнуть жизнь въ кружки и удержать ихъ въ требуемыхъ границахъ.

Наконецъ, наиболее цѣлесообразную мѣру для установленія общенія студентовъ между собою, съ профессорами и учебнымъ начальствомъ министръ видитъ въ устройствѣ студенческихъ общежитій, на что правительство имѣетъ въ виду отпустить крупныя суммы. На помощь этому дѣлу могутъ прийти съ своими пожертвованіями и мѣстныя общества, для чего рекомендуется попечителямъ образовать комитеты изъ профессоровъ и представителей общества.

Всякія курсовыя или иныя студенческія организаціи, съ выборными

представителями, депутатами или старостами должны считаться не только излишними, но и вредными для правильного хода учебных занятий.

Одновременно съ этимъ циркуляромъ министра народнаго просвѣщенія въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* сообщено, что, согласно Высочайшему повелѣнію, имѣется въ виду ассигновать на устройство общежитій при университетахъ 3.262,000 р. и отпускать ежегодно по 32,460 руб. для организаціи и усиленія практическихъ занятій на юридическихъ и историко-филологическихъ факультетахъ университетовъ.

Разумѣется, желаніе министерства народнаго просвѣщенія установить тѣсное общеніе между студентами и профессорами, какъ необходимое основаніе спокойнаго теченія университетской жизни, можно только привѣтствовать. Студенческія волненія вызываются множествомъ разнообразныхъ причинъ, но что среди этихъ причинъ важную роль играетъ взаимное недовѣріе и рознь, существующія нынѣ между учащимися, съ одной стороны, и преподавателями, и учебнымъ начальствомъ — съ другой, это не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Устройство литературныхъ и научныхъ студенческихъ кружковъ, которое рекомендуетъ циркуляръ, можетъ сослужить здѣсь весьма полезную службу, сближая учащихся какъ между собою, такъ и съ преподавателями. Студенческіе кружки саморазвитія и самообразованія существуютъ и въ настоящее время. Циркуляръ имѣетъ въ виду легализовать ихъ, дать имъ прочную и широкую постановку и подчинить ихъ руководству и контролю профессоровъ, какъ отвѣтственныхъ руководителей юношества. Очевидно, что успѣхъ или неудача этого въ принципѣ симпатичнаго дѣла будетъ всецѣло зависѣть отъ практической постановки дѣла, отъ тѣхъ отношеній, какія установятся между кружками и ихъ руководителями-профессорами, отъ того, насколько послѣдніе сумѣютъ внушить къ себѣ уваженіе, довѣріе и любовь молодежи. Справедливо говорить по этому поводу *Курьеръ*, что вопросъ въ этомъ случаѣ сводится «къ необходимости осуществленія на практикѣ той широкой постановки студенческихъ организацій, какую имѣетъ въ виду циркуляръ, и того неформальнаго, сердечнаго проникновенія въ нужды молодежи, которое циркуляръ считаетъ необходимымъ условіемъ исполненія высокихъ обязанностей профессора».

Но если, какъ это, повидимому, признаетъ и министерство, успѣшность новаго дѣла въ значительной степени зависить отъ педагогическаго такта и высокихъ нравственныхъ качествъ профессорской коллегіи, то необходимо позаботиться и о поднятіи нравственнаго уровня этой коллегіи на ту высоту, которая соотвѣтствовала бы представленіямъ общества о высокомъ званіи профессора. А это приводитъ насъ опять къ вопросу о необходимости коренныхъ реформъ во всемъ университетскомъ строѣ.

Что касается проектируемыхъ циркуляромъ студенческихъ общежитій, то слѣдуетъ замѣтить, что успѣхъ этого дѣла будетъ также зависѣть отъ практической организаціи его, отъ того, сумѣетъ ли учебное начальство избѣгнуть излишней регламентаціи и мелочнаго, докучливаго надзора за

жизнью молодыхъ людей, по возрасту представляющихъ полноправныхъ гражданъ. Надо полагать, что пребываніе въ общежитіяхъ не будетъ обязательно для студентовъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ университеты обратились бы въ какія-то закрытыя учебныя заведенія.

По поводу послѣдняго министерскаго циркуляра *Новое Время* напечатало статью *Школа и общество*, въ которой выразило увѣренность, что наше учебное вѣдомство разочаровалось въ «боевыхъ порядкахъ», установленной системой гр. Д. А. Толстого, и намѣрено нынѣ ликвидировать ихъ. Система гр. Толстого, — говоритъ газета, — хотѣла «совершенно уединить среднеобразовательную школу отъ запросовъ общаго развитія и въ особенности вытравить изъ нея гуманно-идеалистическій духъ, который, съ высоты педагогическаго педантизма, былъ признанъ чѣмъ-то низшимъ, не отвѣчающимъ формальнымъ задачамъ учебнаго дѣла. Изъ преподаванія какъ бы хотѣли изгнать, такъ сказать, всякую литературность, отождествляя ее съ легкомысліемъ; выраженіе «развитіе» стали произносить съ насмѣшкой, какъ признакъ чего-то несерьезнаго, легковѣснаго». То же господство школьнаго педантизма и формализма положило своей отпечатокъ и на университетскую жизнь. Нынѣ, увѣряетъ *Новое Время*, этой системѣ рѣшено положить конецъ.

Ни первый, ни второй изъ приведенныхъ нами циркуляровъ учебнаго вѣдомства не даютъ, по нашему мнѣнію, достаточнаго матеріала для тѣхъ выводовъ, какіе дѣлаетъ петербургская газета. Не даетъ этого матеріала и третій циркуляръ, недавно разосланный по всѣмъ учебнымъ округамъ и предлагающій попечителямъ установить надзоръ за учениками среднихъ учебныхъ заведеній, увольняемыми на каникулы въ другіе учебные круги. Кромѣ того, рекомендуется, въ цѣляхъ надзора же, командировать на лѣтнее время одно или нѣсколько лицъ учебнаго вѣдомства изъ городовъ въ курорты и окрестныя дачныя мѣста. вмѣстѣ съ тѣмъ предложено снести съ администраціей относительно подтвержденія чинамъ полиціи о томъ, что они обязаны оказывать чинамъ министерства народнаго просвѣщенія содѣйствіе по наблюденію ихъ за учащимися.

Трудно видѣть въ этомъ циркулярѣ стремленіе къ уничтоженію школьнаго педантизма и формализма. Какой, въ самомъ дѣлѣ, надзоръ за учащимися могутъ имѣть одно или нѣсколько лицъ учебнаго вѣдомства, командированья изъ городовъ въ окрестныя дачныя мѣста? Раньше всего надзоръ этотъ будетъ совершенно фактивенъ. Въ окрестностяхъ, наприм., Москвы имѣется столько дачныхъ мѣстъ, что туда надо было бы командировать не одно или нѣсколько, а нѣсколько десятковъ чиновъ учебнаго вѣдомства. Во-вторыхъ, въ чемъ выразится этотъ надзоръ, какъ не въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы учащіеся носили и на дачѣ форменное платье и не курили папирсъ, къ чему, какъ извѣстно, всѣ взрослые гимназисты питаютъ непреодолимую склонность?

Упомянемъ о выработанныхъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія проектахъ общедоступныхъ систематическихъ курсовъ,

нынѣ предложенныхъ на обсужденіе попечителей учебныхъ округовъ. Согласно проектамъ, курсы эти должны состоять въ вѣдѣніи министерства. Они имѣютъ цѣлью сообщеніе систематическихъ знаній по отдѣльнымъ предметамъ общихъ и специальныхъ среднихъ учебныхъ заведеній разныхъ вѣдомствъ, между прочимъ, по древнимъ и новымъ языкамъ, графическимъ искусствамъ, коммерческимъ и техническимъ предметамъ, а также приготовленіе къ различнаго рода экзаменамъ (на первый чинъ, на званіе вольноопредѣляющагося и т. д.). Разрѣшеніе на устройство курсовъ даетъ попечитель учебнаго округа. Ему же предоставляется утвержденіе лицъ, завѣдующихъ курсами, выборъ преподаваемыхъ предметовъ, опредѣленіе состава слушателей, а равно продолжительности и программъ занятій.

Какъ извѣстно, въ послѣдніе годы у насъ были организованы въ нѣсколькихъ университетскихъ городахъ общедоступные курсы по предметамъ университетскаго преподаванія. Курсы эти вездѣ пользовались громаднымъ успѣхомъ, привлекая массу лицъ, стремившихся пополнить свое образованіе. Въ каждомъ большомъ городѣ можно найти большой контингентъ лицъ, вполне подготовленныхъ по своему образованію къ слушанію университетскихъ лекцій, но по разнымъ причинамъ не имѣвшихъ возможности поступить въ университетъ. Вотъ изъ этихъ лицъ и вербовался составъ слушателей курсовъ. Значительную часть ихъ составляли лица женскаго пола, передъ которыми закрыты двери университетовъ и которыя въ систематическихъ курсахъ находили естественный выходъ своему стремленію къ высшему образованію.

Изъ газетныхъ извѣстій, сообщившихъ о проектахъ новыхъ общедоступныхъ курсовъ, не видно, упразднятся ли ими нынѣшніе курсы, но несомнѣнно, что *замѣнить* послѣднихъ они не смогутъ. По проекту новые курсы имѣютъ цѣлью сообщеніе знаній по предметамъ *среднихъ* учебныхъ заведеній; слѣдовательно, они не могутъ служить для лицъ, получившихъ то среднее образованіе, для которыхъ систематическіе курсы хоть отчасти замѣняли университетское образованіе. Судя по тому, что на новыхъ курсахъ будутъ преподаваться, между прочимъ, древніе языки, техническіе предметы, графическія искусства и т. п., надо полагать, что занятія на нихъ будутъ носить чисто-гимназическій характеръ. Такимъ образомъ та потребность, которой служатъ нынѣшніе курсы, въ случаѣ упраздненія ихъ, останется совершенно неудовлетворенной.

Въ циркулярѣ министра народнаго просвѣщенія отъ 27 іюля говорится о недостаткахъ современной студенческой инспекціи и указываются мѣры къ ихъ устраненію. Теперешнее положеніе этой инспекціи, по словамъ циркуляра, «не вполне отвѣчаетъ своему назначенію, что особенно наглядно сказывается въ случаяхъ возникновенія какого-либо волненія между студентами: справляясь болѣе или менѣе удовлетворительно съ задачею поддержания порядка въ спокойное время, инспекція, однако, не имѣетъ достаточнаго авторитета среди учащейся молодежи, чтобы оказывать на нее надлежащее вліяніе, какъ скоро мирное теченіе академической жизни чѣмъ

либо нарушено, хотя это въ значительной мѣрѣ происходитъ отъ причинъ, лежащихъ внѣ власти инспекціи, но отчасти и отъ того, что инспекція, ограничивая свою дѣятельность, главнымъ образомъ, наблюденіемъ за внѣшнимъ порядкомъ въ стѣнахъ заведенія, недостаточно входитъ въ разнообразныя потребности и нужды студентовъ, и вообще мало заботится объ установленіи нравственной связи съ ними».

Министръ находитъ «желательнымъ, чтобы на будущее время представители инспекціи не ограничивались лишь заботами о сохраненіи внѣшняго порядка, но приняли на себя обязанности благожелательнаго попеченія объ учащихъ, оказывая имъ помощь тѣми способами и средствами, какими можетъ располагать инспекція (прискиваніемъ занятій, указаніемъ удобныхъ квартиръ и подходящихъ столовыхъ, доставленіемъ врачебной помощи заболѣвшимъ и т. п.)».

Въ этихъ цѣляхъ циркуляръ признаетъ необходимымъ «обратить особое вниманіе на осмотрительный выборъ помощниковъ инспектора и назначать на эти должности, по возможности, лицъ съ высшимъ университетскимъ образованіемъ, соответствующимъ специальности того факультета, на который данный помощникъ назначается, дабы онъ могъ сношаться со студентами и по вопросамъ научныхъ занятій».

Циркуляръ признаетъ, что на низшихъ служителяхъ инспекціи (педелей) были основательныя жалобы. Министръ говоритъ: «По имѣющимся въ министерствѣ свѣдѣніямъ, въ нѣкоторыхъ университетахъ на этихъ служителяхъ возлагаются инспекціею такія отвѣтственные и деликатныя порученія, которыя, съ одной стороны, не соответствуютъ ихъ развитію и служебному положенію, а съ другой—даютъ поводы къ злоупотребленіямъ; сюда, напримѣръ, относятся надзоръ, въ промежутки между лекціями, за студентами, записи о посѣщеніи ими лекцій, замѣчанія относительно соблюденія формы и т. д. Не одобряя такого порядка, я нахожу нужнымъ воспретить на будущее время давать подобныя порученія низшимъ служителямъ инспекціи, которые ни въ какомъ случаѣ не должны исполнять обязанностей, лежащихъ, по существу дѣла, на помощникахъ инспектора».

Въ этихъ словахъ циркуляра указано дѣйствительное зло педелиной системы, которую восхваляютъ однако нѣкоторые изъ профессоровъ Московскаго университета, отшатнувшіеся отъ духа и преданій Грановскаго.

Газеты сообщаютъ о проектѣ новаго продовольственнаго устава, разработаннаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и уже внесеннаго на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Недостатки нынѣ дѣйствующаго устава достаточно ярко обнаружались въ теченіе продовольственныхъ кампаній, вызванныхъ неурожаемъ послѣднихъ лѣтъ. Новый уставъ содержитъ существенныя измѣненія въ сравненіи съ нынѣшнимъ, но, къ сожалѣнію, не всѣ эти измѣненія могутъ быть признаны цѣлесообразными.

Главнѣйшими отличіями новаго проекта отъ нынѣ дѣйствующаго устава являются: усиленіе продовольственнаго сбора; привлеченіе къ отбыванію

продовольственной повинности, кромѣ крестьянскаго населенія, также лицъ другихъ сословій, живущихъ въ деревняхъ и занимающихся сельскимъ хозяйствомъ, если послѣднее равняется по размѣрамъ среднему крестьянскому хозяйству; распространеніе дѣйствія новаго устава и на этихъ послѣднихъ лицъ; допущеніе позаймствованій изъ запасовъ одной губерніи для удовлетворенія продовольственной нужды другой; и, наконецъ, устраненіе земства отъ продовольственнаго дѣла, которое предположено передать исключительно въ вѣдѣніе административныхъ органовъ.

Усиленіе продовольственныхъ средствъ является мѣрой, настоятельность и необходимость которой въ достаточной степени доказывается опытомъ послѣднихъ лѣтъ. Едва ли, однако, можно одобрить введеніе для этого новаго налога. Крестьянское населеніе и такъ страдаетъ отъ бремени чрезмерныхъ налоговъ и введеніе новаго налога поведетъ лишь къ увеличенію числа недоимокъ. Гораздо рациональнѣе было бы ежегодно удѣлять на усиленіе продовольственныхъ средствъ нѣсколько милліоновъ изъ общаго государственнаго дохода. При бюджетѣ, превышающемъ милліардъ рублей, такая мѣра не можетъ представлять никакихъ затрудненій.

Вполнѣ разумной мѣрой является привлеченіе къ отбыванію продовольственной повинности лицъ другихъ сословій, живущихъ въ деревняхъ и занимающихся хлѣбопашествомъ, и, сообразно съ этимъ, предоставленіе такимъ лицамъ права на полученіе продовольственной помощи. У насъ есть значительный контингентъ лицъ, по занятіямъ и образу жизни принадлежащихъ къ классу крестьянъ, но числящихся въ мѣщанскомъ сословіи. На основаніи этого послѣдняго формальнаго признака лицамъ этимъ, живущимъ бокъ-о-бокъ съ крестьянами и въ той же мѣрѣ, какъ они подвергающимся послѣдствіямъ неурожая, отказываютъ въ продовольственной помощи, вслѣдствіе чего они остаются въ совершенно уже безвыходномъ положеніи. Объ участи этихъ мѣщанъ не разъ писалось какъ въ нынѣшнемъ году, такъ и во время прошлыхъ неурожаевъ. Жаль только, что проектъ новаго продовольственнаго устава не доводитъ послѣдовательно своей точки зрѣнія до конца и не привлекаетъ къ отбыванію продовольственной повинности не только мелкихъ хлѣбопашцевъ, но и вообще всѣхъ лицъ, живущихъ въ предѣлахъ данной волости безъ различія сословій.

Цѣлесообразной мѣрой можетъ оказаться и допускаемое новымъ уставомъ позаймствованіе изъ запасовъ одной губерніи для удовлетворенія продовольственной нужды другой, если только это позаймствованіе и обратное возвращеніе ссуды будутъ удовлетворительно организованы на практикѣ.

Зато ужъ совершенно нецѣлесообразной мѣрой является полное устраненіе земства отъ завѣдыванія продовольственнымъ дѣломъ и передача его всецѣль въ руки административныхъ органовъ, къ которымъ присоединяются: въ ставѣ центрального управленія министерства внутреннихъ дѣлъ вновь учрежденный совѣтъ по дѣламъ о продовольствіи населенія, а въ составѣ мѣстнаго управленія губернскаго и уѣзднаго продовольственныхъ присутствій. Не приводя здѣсь вновь тѣхъ доводовъ, какіе мы высказали въ нашемъ и

скомъ *Обозрѣніи* въ защиту земской идеи по поводу слуховъ объ изыятіи народной школы изъ вѣдѣнія земскихъ учреждений, замѣтимъ только, что опытъ послѣдняго года доказалъ, какое важное значеніе имѣетъ земство въ дѣлѣ организаціи продовольственной помощи населенію. И въ выясненіи размѣровъ бѣдствія, и въ принятіи заблаговременныхъ мѣръ, и въ самой организаціи помощи, и въ усиленномъ содѣйствіи частнымъ лицамъ и кружкамъ, работавшимъ «на сходѣ», земство оказало неоцѣнимыя услуги. Если оно не сдѣлало больше, то не отъ недостатка желанія, опытности или умѣнья, а отъ недостатка средствъ. По справедливому замѣчанію *Петербургскихъ Вѣдомостей*, земства нельзя замѣнить въ этомъ дѣлѣ никакими чиновниками: «всякія присутствія, составленныя изъ представителей, преимущественно, бюрократическихъ вѣдомствъ, никогда не въ состояніи будутъ внести въ дѣло ту живую силу, энергію и независимость, которыя одни дали земству возможность выйти съ честью и успѣхомъ изъ гигантской задачи, которая ему была поставлена въ 1891 г., да, отчасти, и въ 1898 г.».

По газетнымъ извѣстіямъ министерства финансовъ и земледѣлія высказались противъ устраненія земства отъ завѣдыванья продовольственнымъ дѣломъ. Надо надѣяться, что мысль эта и не получить утвержденія въ законодательномъ порядкѣ.

Только что вышелъ отчетъ о дѣятельности московскаго общества грамотности за 1896 и 1897 гг. Несмотря на неблагоприятныя условія, въ какія было поставлено общество новымъ уставомъ 1895 г., дѣятельность его за 1896 г., по счастливой случайности, оказалась самою плодотворною для народнаго образованія. Въ шестилѣтіе до 1895 г. включительно бывшимъ комитетомъ грамотности было разослано книгъ на 10,600 руб., а въ 1896 г. ихъ было разослано на 50 слишкомъ тысячъ руб. Дѣятельность отдѣльныхъ комиссій за этотъ годъ выражается слѣдующими данными. Комиссія по воскреснымъ школамъ содѣйствовала открытію новыхъ и оказывала помощь существующимъ школамъ. Въ 247 сельскихъ школъ высланы школьныя библіотеки на сумму 4,695 р. 81 к., изъ коихъ пожертвовано В. А. Морозовой 1,045 р. Въ 35 городскихъ воскресныхъ школъ высланы библіотеки на сумму 878 р. 45 к., а 11 московскимъ воскреснымъ школамъ оказана помощь деньгами и книгами на 785 р. 25 к. Комиссія по распространенію книгъ путемъ продажи открыла книжную торговлю въ 46 мѣстахъ, причѣмъ книгъ въ кредитъ на 4—6 мѣсяцевъ выслано на сумму 1,237 р. 67 к. Педагогическая комиссія выработала и напечатала программы народной школы по русскому яз. и математикѣ. Комиссія о положеніи учащихся начала разработку полученнаго ею матеріала. Библіотечная комиссія разослала циркуляры съ предложеніемъ устраивать библіотеки и читальни при содѣйствіи комиссій. Результатъ оказался очень утѣшительнымъ. Земства, сельскія общества и нѣкоторые частныя лица ассигновали на читальни для взрослыхъ до 20,000 р.; нѣсколько бо-

лѣе этой суммы израсходовано комиссіей (22,000 р.) и такимъ образомъ создано 282 сельскихъ библиотекъ-читаленъ, а кромѣ того 31 оказано пособіе. На библиотeki 765 школъ комиссія употребила 11,910 р. Дѣятельность двухъ комиссій—о всеобщемъ обученіи о народныхъ чтеніяхъ—приостановилась или уменьшилась.

Дѣятельность общества за 1897 г. выразилась въ слѣдующихъ главныхъ данныхъ. Библиотечная комиссія разослала 145 бесплатныхъ библиотекъ на 3,165 р. 51 к. Редакціонная комиссія была занята разсмотрѣніемъ отзывовъ о сочиненіяхъ, представленныхъ на конкурсъ, объявленный въ 1895 г. бывшимъ комитетомъ грамотности и выработкой общаго плана изданій общества. Дѣятельность комиссій воскресныхъ школъ выразилась въ разсылкѣ 121 библиотeki по воскреснымъ школамъ и въ снабженіи школъ учебными пособиями изъ открытаго ею музея. Комиссія о народныхъ учителяхъ продолжала разрабатывать полученные ею матеріалы, а кромѣ того разослала бесплатно учащимъ книгъ на 323 р. 66 к. Педагогическая комиссія продолжала начатую ею выработку программъ начальной школы. Комиссія о всеобщемъ обученіи трудилась надъ разработкой и подготовленіемъ къ печати собраннаго ею обширнаго матеріала. Комиссія книжныхъ складовъ разослала на комиссіонныхъ началахъ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ для продажи населенію 50,374 экземпляра книгъ на сумму 2,500 р. 94 к.

Такая плодотворная дѣятельность общества, по словамъ отчета, нашла себѣ вѣрную и безпристрастную оцѣнку въ той самой провинціи, въ интересахъ которой, главнымъ образомъ, оно и работаетъ: 12 земскихъ собраній вотировали въ 1897 г. глубокую благодарность обществу за его содѣйствіе дѣлу народнаго образованія.

Пожелаемъ же обществу бодро и энергично продолжать свою полезную работу, не смущаясь тѣми неблагоприятными условіями, какія созданы для его дѣятельности новымъ уставомъ 1895 года. Впрочемъ, трудно ими *не смущаться*.

Недавно состоялось рѣшеніе правительствующаго сената по интересному вопросу, имѣющему принципиальное значеніе для земской практики. По протесту херсонскаго губернатора, херсонское губернское по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіе отмѣнило два постановленія херсонскаго губернскаго земскаго собранія 1897 г.: о внесеніи въ смѣту херсонскаго уѣзднаго земства ассигнованія 150 р. въ теченіе 3 лѣтъ въ пособіе вдовѣ капитана Карповой на обученіе сына ея Дмитрія въ одесской рисовальной школѣ и объ ассигнованіи стипендіи лицамъ, обучающимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Губернское присутствіе нашло, что установленіе стипендіи выходитъ изъ круга дѣйствій земскихъ учрежденій, указаннаго ст. 3 Полож. о земск. учрежд. 1890 г., что ничѣмъ не установлена потребность земства въ лицахъ съ художественнымъ образованіемъ и что на земскія учрежденія возложено попеченіе о начальномъ народномъ образованіи, потребность же

въ высшемъ образованіи удовлетворяется земствомъ только поскольку лица, его получающія, служатъ въслѣдствіи для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, по жалобѣ херсонской губернской управы, сенатъ призналъ, что назначеніе пособій и стипендій лицамъ, обучающимся въ учебныхъ заведеніяхъ, вполне соответствуетъ п. 16 ст. 2 Пол. о земск. учр. Св. Зак. т. II изд. 1892 г., коей возлагаются на земство заботы о развитіи средствъ народнаго образованія и что, согласно разъясненію сената (въ указѣ 24 іюля 1884 г. № 10334), потребность предоставленія высшаго образованія нѣкоторымъ лицамъ изъ состава мѣстнаго населенія можетъ быть удовлетворена земскими учрежденіями именно назначеніемъ этимъ лицамъ стипендій. Не находя, такимъ образомъ, что постановленія херсонскаго губернскаго земскаго собранія о назначеніи вдовѣ Карповой пособія на обученіе ея сына и объ ассигнованіи стипендій лицамъ, обучающимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, выходятъ изъ курса предоставленныхъ земскимъ учрежденіямъ заботъ о мѣстныхъ интересахъ и нуждахъ, правительствующій сенатъ опредѣлилъ отмѣнить постановленіе херсонскаго губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія.

По весьма любопытному и, можетъ быть, единственному въ своемъ родѣ вопросу земской жизни пришлось высказаться недавно полтавскому губернскому присутствію. Переяславское уѣздное земство въ своемъ антишкольномъ походѣ, предпринятомъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, зашло такъ далеко, что пожелало совсѣмъ закрыть существующія въ уѣздѣ земскія школы, но предварительно обратилось къ начальнику губерніи съ вопросомъ о томъ, имѣетъ ли оно право это сдѣлать. Вопросъ этотъ губернскимъ присутствіемъ рѣшенъ отрицательно. По словамъ *Кіевлянина*, губернское присутствіе руководствовалось въ своемъ рѣшеніи тѣмъ соображеніемъ, что земскія школы въ Переяславскомъ уѣздѣ содержатся на совмѣстныя средства сельскихъ обществъ и земства. Слѣдовательно, закрыть ихъ можно лишь по взаимному соглашенію этихъ обществъ и земства. Самостоятельно же земское собраніе, на обязанности котораго лежитъ «попеченіе о развитіи средствъ народнаго образованія», сдѣлать этого не можетъ.

Въ семьѣ, говорятъ, не безъ урода. Повидимому, переяславское земство и рѣшило взять на себя эту незавидную роль урода въ семьѣ русскихъ земствъ.

Въ № 190 *Москов. Вѣдом.* появилось извѣстіе о закрытіи министромъ народнаго просвѣщенія старѣйшаго изъ русскихъ юридическихъ обществъ, московскаго. Газета г. Гридгмута *привѣтствуетъ* рѣшеніе министра. По мнѣнію *Моск. Вѣдом.*, «рядомъ съ почтенною и плодотворною дѣятельностью юридическаго общества, входившею въ кругъ его прямыхъ занятій, въ это общество давно уже, къ сожалѣнію, проникли совершенно чуждыя наукѣ тенденціозныя политическія направленія, систематически поддерживавшія въ его членахъ, а черезъ нихъ и въ общественныхъ сферахъ, духъ

оппозиціи правительству и недовольство неугодными извѣстной партіи проявленіями правительственной власти.

«Это вредное направленіе общества, неоднократно проявлявшееся уже въ прежнее время, обнаружилось, между прочимъ, еще недавно, когда, на посвященномъ Пушкину торжественномъ соединенномъ засѣданіи совѣта Императорскаго Московскаго университета и общества любителей россійской словесности въ стѣнахъ старѣйшаго университета, юридическое общество фигурировало со своимъ крестнымъ адресомъ, прочитаннымъ самимъ предсѣдателемъ, С. А. Муромцевымъ, торжествуя какую-то побѣду, одержанную русскою личностью надъ «рутиной властной опеки». Этотъ полупрозрачный намекъ, конечно, былъ понятъ присутствовавшей публикой, въ томъ числѣ и массой учащейся молодежи, въ желаемомъ для авторовъ адреса смыслѣ и награжденъ былъ шумными рукоплесканіями».

Какой *полупрозрачный намекъ*? Что это за поводъ для закрытія за-служеннаго общества? *Моск. Вѣдом.*, очевидно, въ данномъ случаѣ плохо освѣдомлены.

Въ статьѣ *Личкова* „Сервитутный вопросъ въ Западномъ краѣ“ (Р. М. за июль 1899 г.) замѣчены слѣдующія опечатки:

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
208	5 св.	право на жалобу	право на толоку
208	34 „	молочный	толочный
211	11 „	указывается	оказывается
211	22 „	въ необходимости сервитутовъ	въ необходимости уничтоженія сервитутовъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Августъ

1899 года.

Содержаніе. I. Книги: Беллетристика.— Публицистика.— Философія, логика.— Исторія, мемуары, біографія.— Политическая экономія, статистика.— Юридическія книги.— Сельское хозяйство.— Учебники, пособия, дѣтскія книги.— Справочныя книги. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», июль.— «Міръ Божій», июль.— «Русскій Вѣстникъ», июль.— «Дѣтское Чтеніе». — «Родникъ». — «Дѣтскій отдыхъ». — «Всходы». — «Майскія Пушкинскія книжки». III. Слѣдуетъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го іюля по 1-е августа 1899 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Этико-художественная бібліотека“. Вып. I.— „Кобылка въ пути“. Разказъ изъ жизни ссыльныхъ. Л. Мельшина. М., 98 г. Ц. 15 коп. Вып. II.— I. „Хлѣбъ насущный“. II. „Ржаной хлѣбушка—калачу дѣдушка“. О. Тищенко. М., 98 г. Ц. 20 к. Вып. III. „Воспитаніе“. „Книга“. „Женщина“. Джона-Рёскина. Вып. IV.— „О равноправности женщинъ“. Э. Ожешковой.

Этико-художественная бібліотека. Вып. 1. Кобылка въ пути. Разказъ изъ жизни ссыльныхъ. Л. Мельшина. Москва, 1898 г. Цѣна 15 к. Вып. 2. I—Хлѣбъ насущный. II—Ржаной хлѣбушка—калачу дѣдушка. О. Тищенко. Москва, 1898 г. Цѣна 20 к. Вып. 3. Воспитаніе. Книга. Женщина. Джона-Рёскина. Пер. Л. П. Никифорова. Москва, 1899 г. Цѣна 20 коп. Вып. 4. О равноправности женщинъ передъ лицомъ знанія, труда и человѣческаго достоинства. Э. Ожешковой. Пер. Ст. Собанской. Москва, 1899 г. Цѣна 15 коп. Разбираемое изданіе, по своей задачѣ, повидимому, походитъ на изданіе „Посредника“ „для интеллигентныхъ читателей“, и про вышедшія четыре книжки можно сказать, что по своему содержанию онѣ вполне удачны. Первые 2 выпуска заключаютъ въ себѣ беллетристику. Что касается до разказа *Кобылка въ пути* г. Мельшина, то имя этого автора и достоинства его очерковъ изъ жизни ссыльныхъ хорошо извѣстны. Во второмъ выпускѣ „Этико-художественной бібліотеки“ помѣщены два разказа г. Тищенко, изъ которыхъ одинъ незначителенъ по объему и содержанію, но другой заслуживаетъ вниманія. Тутъ, правда, разказывается старая исторія о томъ, какъ трудно дается подчасъ „насущный хлѣбъ“, однако, разказана она жизненно. Сельскаго учителя Лавренка за какую-то провинность выгнали со службы. У Лавренка есть жена и четверо дѣтей; но онъ молодъ, полонъ энергіи и жажды жизни, онъ можетъ и желаетъ работать, хотя бы ради „одного насущнаго хлѣба“,—и вотъ онъ принимается искать себѣ новаго мѣста, для чего переселяется изъ деревни въ городъ. Онъ рассчитываетъ, и вправдѣ рассчитывать, на свои молодые силы; собствен-

ную голову, которая достаточно твердо держится у него на плечах, но действительность скоро дает ему себя знать. Всѣ тѣ просьбы, какія онъ разослалъ въ разныя учреждения, остаются безъ послѣдствій, и онъ убѣждается, что добиться „насущаго хлѣба“ можно только протекціей, а не желаніемъ работъ. Тогда Лавренко, изъ любви и жалости къ голодной семьѣ, преодолеваетъ въ себѣ чувство гордости, проситъ, кланяется, унижается, и опять-таки все это безъ всякихъ результатовъ и все потому же, что у него нѣтъ протекціи. Между тѣмъ семья его доведена до полной нищеты, все, что было, продано или заложено, жена и дѣти голодаютъ. Лавренко въ своемъ отчаніи доходитъ до того, что, забравшись однажды въ огородъ квартирнаго хозяина, крадетъ у него огурцы и клубнику, которыя тутъ же съ жадностью поѣдаются, причемъ самъ онъ, хотя съ брезгливостью и отвращеніемъ, принимаетъ участіе въ этомъ пиршествѣ. Но Лавренко все еще не унываетъ и продолжаетъ искать работы; онъ не гнушается самымъ чернымъ трудомъ и проситъ къ одному крестьянину въ помощники - косцы, однако, для этого у него не оказывается подготовки. „Лавренко, хотя и держалъ косу правильно, но работалъ какъ-то торопливо, то ступая слишкомъ широко, то суживая шаги“ (стр. 69), а потому крестьянинъ сразу разглядѣлъ въ немъ человѣка непривычнаго, не соглашается имѣть съ нимъ дѣло. Наконецъ, послѣ еще одной попытки завоевать себѣ право на „насущенный хлѣбъ“, которую Лавренко предпринимаетъ уже безо всякой вѣры въ успѣхъ, онъ, вмѣсто работы, получаетъ подаваніе отъ богатой барыни — владѣлицы фабрики, куда онъ просился въ конторщики. „Лавренко, принимая деньги, торопливо поклонился и почти убѣжалъ, утирая выступившія на глазахъ слезы и задыхаясь отъ спазмъ въ горлѣ... Нищій я, попрошайка! До чего я дожилъ?!—упрекалъ онъ себя, возвращаясь домой“ (стр. 81). На этихъ строкахъ и обрывается рассказъ. Въ немъ нѣтъ того, что обыкновенно называютъ „художественностью“, нѣтъ ни ярко очерченныхъ характеровъ, ни тонко описанныхъ чувствъ и ощущеній, онъ написанъ какъ бы даже грубоватыми и черезчуръ ужъ незатѣйливыми штрихами, но въ манерѣ автора есть своеобразная способность сразу ввести читателя въ то, что наиболее интересно для него, и возбудить въ немъ, помимо чувства жалости, потребность протеста.

Третій выпускъ содержитъ въ себѣ три статьи или вѣрнѣе три главы, посвященныхъ одному и тому же вопросу, знаменитаго англійскаго писателя Джона Рёскина. Талантъ Рёскина проявляется во всеоружіи даже въ этой маленькой книжкѣ. Тутъ высказываются его взгляды относительно той роли, какую должны играть въ судьбахъ человѣчества воспитаніе и книга, съ одной стороны, и женщина—съ другой. Уже въ самомъ такомъ подраздѣленіи человѣку съ самымъ небольшимъ запасомъ скептицизма чувствуется нѣчто порадоксальное, а такъ какъ, кромѣ того, въ своей книжкѣ Рёскинъ выступаетъ въ качествѣ чистаго моралиста, то самые идеалы его представляются неосуществимыми. Но смѣлость мысли, необыкновенная убѣжденность автора и сила языка невольно увлекаютъ.

Въ своемъ письмѣ къ нѣмецкимъ женщинамъ „о равноправности женщинъ“, составляющемъ 4-й выпускъ „Этико-художественной библиотеки“, Элиза Ожешкова высказываетъ взгляды на женщину и на ея будущее значеніе въ міровой исторіи, въ общемъ схожіе со взглядами Рёскина. Оба автора въ своей идеализаціи женщины видятъ въ ней существо, высшее мужчины, которому суждено нравственно возродить

миръ. Но въ то время, какъ Джонъ Рёскинъ видитъ главное могущество женщины въ ея вліяніи на мужчину и въ ея способности вносить всюду миръ и порядокъ, г-жа Ожешкова рисуетъ себѣ болѣе опредѣленный идеалъ: „это—женщина-апостоль, женщина-реформаторъ, мудрецъ и ангелъ вмѣстѣ, — однимъ словомъ, это женщина XX вѣка“ (стр. 35).

ПУБЛИЦИСТИКА.

„Общественные очерки Испаніи“. *Ларра*.—„Мусульманство и его будущность“. *А. Крымскаго*.—„Народный домъ и его общественно-воспитательное значеніе“. Докладъ *Данилевскаго*.—„Очерки народнаго образованія во Франціи“. *А. Д. Италинскаго*.—„Одно изъ нашихъ просвѣтительныхъ учрежденій“. *Е. Варба*.

Общественные очерки Испаніи 1832—1837 г. Ларра. Пер. съ испанск. *М. В. Ватсонъ*. Изд. *Пантелѣева*. Спб., 1898 г. Передъ нами переводъ сборника газетныхъ статей испанскаго сатирика 30-хъ гг. Началъ онъ свою дѣятельность замѣтками о театрѣ, затѣмъ перешелъ къ общественной жизни вообще; наконецъ, когда гнетъ реакціи сталъ смягчаться слабыми проблесками либерализма, Ларра накинулся на политику, но не надолго: свобода печати оказалась больше фикціей, и сатирику пришлось почти совсѣмъ отказаться отъ политическихъ статей. О чемъ бы онъ ни писалъ, онъ писалъ остроумно и блестяще; особенно силой отличалась его иронія. Но при сравненіи его съ другими крупными сатириками не слѣдуетъ упускать изъ виду, что онъ умеръ, не достигнувъ еще и 30 лѣтъ, что Испанія его времени только что начинала выходить изъ средневѣковыхъ потемокъ, что онъ былъ знакомъ больше съ одною столичною жизнью, что ему приходилось печатать свои статьи подъ очень суровою цензурой и ограничиваться небольшими газетными замѣтками. При этихъ условіяхъ можно только удивляться тому, что онъ успѣлъ сказать такъ много. Для насъ статьи его представляютъ особый интересъ: изображаемое имъ время многими чертами, правда, больше въ миниатюрѣ, напоминаетъ наши 60-е гг. Испанія 30-хъ гг. оказывается менѣ готовой къ реформамъ, чѣмъ Россія 60-хъ гг., да и поводъ къ перемѣнѣ системы менѣ крупнымъ: не севастопольскій погромъ, а династическій споръ христіановъ съ карлистами. Тѣмъ не менѣ аналогій масса. Укажемъ хотя бы на одну: какъ въ Россіи либералы 40—50-хъ г. пугаются радикаловъ 60-хъ гг., такъ въ Испаніи дѣятели 1812 и 1820 гг. оказываются въ 30-хъ гг. уже людьми отсталыми. Иныя страницы Ларры прямо напоминаютъ намъ Щедрина: чѣмъ не наше Пошехонье—легендарная Батуэкія, гдѣ люди совсѣмъ было разучились говорить? У насъ до сихъ поръ Ларра былъ извѣстенъ очень мало: во-первыхъ, по неправильной ссылкѣ Некрасова, мнимымъ подражаніемъ ему прикрывшаго свои стихотворенія, а во-вторыхъ, по давнишнему переводу въ *Вѣстникъ Европы* его разсказа: „Никто не пропускается безъ дозволенія привратника“.

Настоящій переводъ носить вполне литературный характеръ. Предисловіе ограничивается пересказомъ вѣнскихъ событій, пожалуй, слишкомъ подробнымъ. Изданіе очень хорошее, но дешевой не отличается.

Мусульманство и его будущность. А. Крымскаго. Изд. магазина „Книжное Дѣло“. М., 1899 г. По содержанію названная брошюра распадается на три части. Сначала идетъ живая, но бѣглая очеркъ исхожденія и исторіи ислама. Затѣмъ говорится о его современномъ

положеніи, о вліяніи на него народовъ Запада и о результатахъ этого въ зависимости отъ различнаго характера племенъ—даровитыхъ арабовъ и персовъ и неподвижныхъ тюрковъ; далѣе идетъ рѣчь о политическомъ строѣ мусульманскихъ народовъ, о реформахъ государей и министровъ, объ управленіи и войскахъ, наконецъ, о вліяніи семейнаго строя, о положеніи школы, образованія и литературы, о промышленности и торговлѣ. При этомъ авторъ нерѣдко основывается на своихъ личныхъ наблюденіяхъ надъ турецкою жизнью, а тамъ, гдѣ его мнѣніе можетъ показаться слишкомъ пессимистичнымъ, онъ приводитъ въ подтвержденіе его факты, взятые изъ сочиненій завзятыхъ туркофиловъ, всего чаще извѣстнаго Вамбери. Общее его заключеніе сводится къ тому, что мусульманскіе народы переживаютъ теперь упадокъ, но не религіозный, а политическій. Наоборотъ, исламъ быстро распространяется въ Африкѣ, на Индостанѣ и Малайскомъ архипелагѣ, а случаи перехода изъ него въ христіанство крайне рѣдки. Въ то же время онъ не мѣшаетъ прогрессу арабовъ и персовъ; даже менѣе даровитые турки начинаютъ цивилизоваться, когда утрачиваютъ самостоятельность, наприм., подчиняются власти Россіи, поэтому дальнѣйшее существованіе Турціи представляется безусловнымъ препятствіемъ для прогресса. Въ общемъ брошюра написана очень интересно, живо и дѣльно. Всего важнѣе въ ней указаніе на значеніе племенныхъ различій для развитія народовъ ислама и отлеченіе политическаго упадка отъ религіознаго распространенія; много также отдѣльныхъ интересныхъ наблюденій и замѣчаній. Жаль будетъ поэтому, если нѣсколько высокая цѣна (75 к. за 120 стр.) помѣшаетъ распространенію этого изданной брошюры.

Народный домъ и его общественно-воспитательное значеніе. Докладъ В. Я. Данилевскаго, читанный въ Харьковскомъ обществѣ грамотности 25 октября 1898 г. Изданіе Харьковск. общ. грамотн. Харьковъ, 1898 г. Цѣна 25 коп. Въ настоящее время необходимость для народа разумныхъ развлеченій очевидна для всѣхъ, и устройство такъ называемыхъ „народныхъ домовъ“ является задачей, близко интересующей всѣхъ, кому дороги нужды народнаго просвѣщенія. Въ брошюрѣ г. Данилевскаго не высказывается на этотъ счетъ какихъ-нибудь особенно оригинальныхъ соображеній, и она является какъ бы повтореніемъ того, о чемъ уже много говорилось и въ печати, и въ обществѣ, но устройство народныхъ домовъ дѣло настолько новое, что всякая работа, выясняющая тѣ или иныя средства для осуществленія задачи, заслуживаетъ вниманія. Г. Данилевскій стоитъ за самое широкое распространеніе народныхъ домовъ, не только въ видѣ специальныхъ учреждений въ болѣе или менѣе обширныхъ размѣрахъ, но и въ миниатюрѣ для деревни, гдѣ нѣтъ и не скоро еще будутъ средства для настоящихъ домовъ. „Да много ли нужно, чтобы создать народный домъ въ деревнѣ? — говорить г. Данилевскій. — Въ одной комнатѣ, поменьше, поставьте шкафъ съ бібліотекою, тутъ же стойки съ самоваромъ и чайными приборами; въ другой большой комнатѣ помѣстите столы и скамьи для читателей и посѣтителей чайной; здѣсь производятся чтенія съ волшебнымъ фонаремъ, значитъ эта же комната—и аудиторія; прибавьте, наконецъ, комнатку для сторожа — вотъ готовъ „народный домъ“, онъ же и „сельскій клубъ“. Однако, къ все это ни просто на первый взглядъ, на дѣлѣ оно окажется гора сложнѣе, чѣмъ думаетъ г. Данилевскій. Все-таки даже этотъ малѣкій народный домъ требуетъ порядочныхъ денежныхъ затратъ, а, гн

того, если бы средства и нашлись, и если бы „лица преданныя дѣлу народнаго просвѣщенія“ и явились въ этомъ отношеніи, какъ совѣтуютъ г. Данилевскій, „піонерами въ деревнѣ, перенося туда изъ города свои силы и знанія“ (стр. 34), еще не мало затрудненій представится со стороны лицъ, которымъ подобное учрежденіе можетъ показаться „вредною затѣей“. Мы отнюдь не хотимъ сказать, что надежды г. Данилевскаго совсѣмъ неисполнимы и неосновательны, наоборотъ; но нужно много работы, много силъ и энергіи, чтобы „народный домъ“ получилъ свое распространеніе въ деревнѣ, хотя бы въ той формѣ, какую рекомендуетъ г. Данилевскій.

Очерки народнаго образованія во Франціи. Наставника закавказской учительской семинаріи А. Д. Италинскаго. Тифлисъ, 1898 г. Цѣна 60 к. Книжка г. Италинскаго не представляетъ изъ себя обширнаго труда, въ которомъ бы исчерпывались всѣ стороны учебно-воспитательнаго дѣла во Франціи. „Да это было бы и непосильнымъ для насъ трудомъ,—говоритъ авторъ,—потому постараемся очертить только наиболѣе общее и типичное въ этомъ дѣлѣ и отмѣтимъ лишь тѣ черты школьнаго воспитанія, которыя составляютъ въ какомъ-либо отношеніи исключительную особенность Франціи“. Къ этой своей „скромной“, какъ онъ самъ ее называетъ, задачѣ г. Италинскій отнесся добросовѣстно. Правда, съ конечными выгодами составителя не всякій читатель согласится, но нѣкоторый небезъинтересный матеріалъ его книжка даетъ. Особенно удачна въ этомъ отношеніи V глава, гдѣ изложены различные методы преподаванія начальной грамоты во Франціи.

Одно изъ нашихъ центральныхъ просвѣтительныхъ учреждений. Е. Варба. Очерки Румянцевскаго музея. М., 1898 г. Ц. 40 к. Въ книжкѣ нашего покойнаго сотрудника Варба читатель найдетъ печальное повѣствованіе о тѣхъ мытарствахъ, какія пришлось претерпѣть прекрасному по идеѣ учрежденію, основанному государственнымъ канцлеромъ графомъ Румянцевымъ „на благо просвѣщеніе“. Тутъ не было недостатка ни въ равнодушіи общества, ни въ безопасности лицъ, отъ которыхъ зависѣло дѣло, и если учрежденіе не погибло совсѣмъ, то лишь благодаря энергіи и самоотверженной преданности наукѣ немногихъ людей, которые сумѣли заинтересовать общество судьбою полезнаго учрежденія и тѣмъ привлечь поддержку и пожертванія. Какъ бы то ни было, а съ переходомъ изъ Петербурга въ Москву коллекцій графа Румянцева, многія уже устарѣвшія, начали быстро обогащаться, причѣмъ большинство книгъ поступало въ видѣ дара. Случайный характеръ расширенія книжныхъ богатствъ Румянцевскаго музея, однако, имѣетъ многое противъ себя: съ одной стороны, наплывъ пожертвованій частныхъ лицъ—средство ненадежное, которое можетъ при каждомъ удобномъ случаѣ прекратить свое существованіе; съ другой стороны, недостатокъ постояннаго бюджета не позволяетъ думать объ увеличеніи помѣщенія и „не далеко уже то время, когда всякое пожертваніе будетъ для бібліотеки не желаемымъ даромъ, а тяжелымъ бременемъ, ибо, за неимѣніемъ помѣщенія, пожертвованнымъ книгамъ придется лежать въ ящикахъ“. Недостатокъ бюджета и въ настоящее время составляетъ больное мѣсто музея. Не говоря уже „о полной почти невозможности для музея дѣлать пріобрѣтенія покупкой, дѣло, надо сознаться, стоитъ еще плачевнѣе“,—говоритъ Варбъ.—Бюджетомъ музея, увы, не обезпечивается даже самое необходимое, то что называется *existenz-minimum*“. Словомъ, средствъ у музея не хватаетъ ни на поддержку существующаго зданія, ни на достаточное содержаніе служебнаго персонала. Впрочемъ, „надо

надѣяться, что для Румянцевскаго музея наступають лучшіе дни“, потому что прошлымъ лѣтомъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ ассигнованіи на ремонтъ музейскихъ зданій суммы въ 78,000 р. Кромѣ общаго историческаго очерка музея, въ книжкѣ Варба помѣщенъ обзоръ коллекцій, поступавшихъ въ музей, что весьма интересно для лицъ, нуждающихся въ услугахъ музея.

ФИЛОСОФІЯ, ЛОГИКА.

„Система логики силлогистической и индуктивной“. Д. С. Милля.—Исторія новой философіи въ сжатомъ очеркѣ. *Ибервергъ-Гейнце*.—Библіотека философовъ. IV. „Имануилъ Кантъ, его жизнь и ученіе“. *Фр. Паульсена*.

Система логики силлогистической и индуктивной. Изложеніе принциповъ доказательства въ связи съ методами научнаго изслѣдованія Д. С. Милля. Переводъ съ англійск. подъ редакціей В. Н. Ивановскаго. Вып. VII (послѣдній). Изд. магазина „Книжное Дѣло“. М., 1899 г. Этимъ выпускомъ заканчивается новый переводъ знаменитой книги,—переводъ, значительно превосходящій прежнее изданіе и научной точностью, и тщательностью литературной отдѣлки. По справедливому замѣчанію редактора его, г. Ивановскаго, всѣ возраженія противъ миллевской *Системы логики* „не могутъ закрыть отъ насъ главныхъ и вѣчныхъ достоинствъ этого сочиненія: добросовѣстности и ясности мысли и выраженія, дѣлающихъ его изученіе въ высшей степени полезнымъ въ качествѣ школы мышленія и образца для подражанія“. Послѣдніе выпуски книги изслѣдуютъ логику общественныхъ наукъ. Многія мысли англійскаго философа идутъ въ разрѣзъ съ новѣйшими теоріями историческаго процесса; его взгляды на первостепенно-важное значеніе личности въ исторіи, на могучее вліяніе идей не нашли себѣ сочувствія въ редакторѣ перевода В. Н. Ивановскомъ. Въ своихъ подстрочныхъ замѣчаніяхъ онъ часто опровергаетъ Милля и не соглашается съ его философіей исторіи. Но такъ какъ это только замѣчанія, то они, естественно, не исчерпываютъ вопроса и далеко не неотразимы. Такъ важны, такъ серьезны проблемы, о которыхъ трактуютъ Милль и его оппонентъ, что послѣднему лучше было бы совсѣмъ не касаться ихъ, чѣмъ посвящать имъ по нѣскольку словъ подъ текстомъ. Можетъ быть, автору слѣдовало бы переработать свои примѣчанія въ связную статью и ею расширить свой краткій, правда, содержательный этюдъ о Миллѣ, приложенный къ VII выпуску. Во всякомъ случаѣ, за г. Ивановскимъ надо признать теперь несомнѣнную общественную заслугу,—редактированный имъ хорошій переводъ замѣчательнаго произведенія оживить въ русской публикѣ и знакомство съ Миллемъ, и интересъ къ его благородной личности и къ его свѣтлому міровоззрѣнію.

Ибервергъ-Гейнце. Исторія новой философіи въ сжатомъ очеркѣ. Перевелъ съ восьмого нѣмецкаго изданія Я. Колубовскій. Второе русское изданіе, значительно дополненное и передѣланное. Выпуски первый и второй. Спб., 1898—1899 гг. Цѣна 6 р. Въ свое время мы обратили вниманіе читателей на первое изданіе этой книги. Она является настольнымъ руководствомъ для спеціалиста, потому что въ ней указана важнѣйшая литература по каждой философской системѣ, и для справокъ она совершенно незамѣнима. Русскій переводчикъ, извѣстный своими библіографическими свѣдѣніями, пополнилъ данныя нѣ

мецкихъ авторовъ указаніями на русскіе трактаты по философіи, такъ что въ общемъ для читателя возникаетъ полная библиографическая картина. Самое изложеніе системъ сдѣлано очень сжато, въ опредѣленныхъ и крупныхъ штрихахъ, безъ увлекательности Куно Фишера, но въ серьезномъ тонѣ солиднаго нѣмецкаго учебника. Эта строгость научной манеры дѣлаетъ книгу Ибервега и Гейнце не совсѣмъ удобной и подходящей для начинающихъ, и при первомъ знакомствѣ она едва ли располагаетъ къ себѣ. Одѣвнть ее можетъ лишь тотъ, кто непосредственно или изъ другихъ источниковъ уже усвоилъ себѣ главные моменты исторіи новой философіи. Въ третьемъ выпускѣ, который объщанъ къ осени текущаго года, будетъ „значительно расширенный“ очеркъ философіи въ Россіи. Судя по такому же очерку, который напечатанъ въ первомъ изданіи, это приложеніе представить существенный интересъ. Г. Колубовскій знакомитъ съ воззрѣніями русскихъ мыслителей въ такой же формѣ и стилѣ, какими отличаются другіе отдѣлы книги, и вслѣдствіе этого обширный трудъ нѣсколькихъ авторовъ не носитъ на себѣ слѣдовъ коллективизма и производитъ впечатлѣніе однороднаго и пѣльнаго созданія. Этому способствуетъ и то, что и составители очерковъ философіи польской, чешской и др. также вполне усвоили себѣ манеру Ибервега и Гейнце.

Библиотека философовъ. IV. Иммануилъ Кантъ, его жизнь и ученіе. Фридриха Паульсена, профессора Берлинскаго университета. Перев. съ нѣмецк. Н. Лоссакаго. Съ портр. Изд. редакціи журнала „Образованіе“. Спб., 1899 г. Ц. 1 р. Подлинникъ этой выдающейся книги принадлежитъ къ извѣстной серіи *Frommanns Klassiker der Philosophie*, выходящей въ Штутгартѣ, подъ общей редакціей проф. Фалькенберга. Едва ли не самый живой и отзывчивый изъ всѣхъ профессоровъ философіи въ современной Германіи, очень популярный, благодаря своимъ трудамъ по философіи, этикѣ и исторіи преподаванія, Паульсенъ (уже знаемый русской публикѣ по книгѣ *Введеніе въ философію*) своимъ новымъ сочиненіемъ о Кантѣ сказалъ вѣское и оригинальное слово, которое не затеряется и въ огромной литературѣ о кенигсбергскомъ мыслителѣ. Для Паульсена центръ тяжести въ кантовской системѣ падаетъ не на ея критицизмъ, не на теорію познанія, а на ея положительный элементъ—объективный идеализмъ, родственныи Платону и Лейбницу. Глубокое изученіе творца „Критики чистаго разума“, остроумная и основательная аргументація, внимательный анализъ исторіи философскаго развитія Канта—все это позволяетъ автору энергично защищать свое необычное утвержденіе. Можно многое возразить ему, и намъ кажется, что онъ не правъ; но во всякомъ случаѣ надо отдать справедливость той силѣ и яркости, съ которыми изложена философія Канта, и тому своеобразію, съ которымъ она освѣщена. Не на страницахъ общаго журнала умѣстно противополгать взглядамъ Паульсена иныя соображенія. Для насъ достаточно того, что изъ его книги всякій вынесетъ законченное представленіе о Кантѣ, живой образъ его, написанный талантливою кистью. Общія воззрѣнія Паульсена глубоко симпатичны, и при всѣхъ ихъ отбѣнкахъ философскаго исповѣданія необходимо раздѣлить его желаніе, чтобы „хоть нѣсколько ожилъ практической идеализмъ Канта, его высокія идеи о достоинствѣ чловѣка, о правѣхъ и свободѣ, въ нашъ вѣкъ „реализма“ и вѣры въ силу и деньги“. Паульсенъ не относится съ беззаветнымъ увлеченіемъ къ своему философскому герою, видитъ слабыя стороны и въ его личности, и въ его ученіи, но считаетъ основныя

идеи Канта драгоценнымъ и непреходящимъ достояніемъ человѣчества. Въ личномъ характерѣ великаго мыслителя автору неприятно преобладаніе осторожности надъ мужествомъ, въ его системѣ онъ отвергаетъ и внѣшній схематизмъ построений, и внутренній апіоризмъ. Но религиозно-нравственный духъ философіи Канта, ея правильное размежеваніе науки и вѣры, установленіе примата практическаго разума и нравственнаго критерія въ опѣнкѣ жизни и людей, провозглашеніе активности и свободы души—эти заслуги Канта, рельефно отмѣченныя Паульсеномъ на историческомъ и идейномъ фонѣ XVIII и XIX вѣковъ, неоспоримо велики и незабвенны.

Очень интересны главы о воззрѣніяхъ Канта на право и государство, на воспитаніе и красоту. Еще болѣе интересная глава о религиозныхъ и церковныхъ взглядахъ его въ русскомъ переводѣ отсутствуетъ. Самый переводъ сдѣланъ, за исключеніемъ немногихъ погрѣшностей, вполне удовлетворительно и читается легко. Мы поэтому настоятельно рекомендуемъ книгу Паульсена всѣмъ, кто интересуется философскими и обще-культурными вопросами.

ИСТОРИЯ, МЕМУАРЫ, БІОГРАФІИ.

„Исторія Италіи отъ 1815 г. до смерти Виктора-Эммануила“. *Эли Сорена*.—„Работство въ древнемъ мірѣ“. *Эдуарда Мейера*.—„Старина и новизна“. Историческій сборникъ.—„Заслуги грузянскаго монашества и монастырей“. *Е. К.*—„Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ“. Сост. подъ редакціей *Л. А. Богдановича*.—„Маркизъ Лафайетъ“. *Ботучарскаго*.

Исторія Италіи отъ 1815 г. до смерти Виктора Эммануила. Эли Сорена. Перев. съ франц. М. Чепинской. Культурно-историч. библіотека. Изданіе Поповой. Спб., 1898 г. Названіе исторіи слишкомъ сильно для разбираемой книги: въ ней нѣтъ ни связности, ни цѣльности изложенія. Передъ нами рядъ плохо-связанныхъ между собою разсказовъ о наиболѣе выдающихся событіяхъ въ исторіи Италіи XIX в., но промежуточные звенья отсутствуютъ, послѣдовательности движенія не замѣтно. Однѣ за другими появляются личности, массы, событія, неизвѣстно почему, неясно зачѣмъ, производятъ шумъ, большею частью оканчивающійся ничѣмъ, и затѣмъ исчезаютъ. Получается какаля-то фантазмагорія, рядъ туманныхъ картинъ, ничего не говорящихъ уму и очень мало—сердцу. Слѣдить за этимъ калейдоскопомъ—дѣло очень нелегкое: оглавленіе почему-то отсутствуетъ, а на заголовки отдѣловъ положиться далеко нельзя. Глава II, наприм., говоритъ не только о вѣнскомъ конгрессѣ, какъ это слѣдуетъ изъ заголовка, но и о владычествѣ Австріи въ Ломбардіи и Венеціи; зато о послѣднемъ нѣтъ ничего въ гл. III, гдѣ его слѣдовало ожидать. Глава VI посвящена не только пьемонтской революціи 1821 г., но и событіямъ въ Моденѣ, Папской области и въ Неаполѣ за время съ 1821 г. по 1832 г. Отрывочность изложенія видна, наприм., изъ чисто-случайнаго упоминанія программы Джоберти (125) или статута Карла Альберта, этой основы теперешней конституціи Италіи (245); совсѣмъ не упомянуто о письмахъ изъ Неаполя въ 50-хъ гг. Гладстона, заклеившаго передъ всею Европою управленіе короля Бомбы. Напротивъ, о калъдераріяхъ говорится на стр. 44 отъ автора и на стр. 22 отъ переводчицы. Вообще у автора замѣтно пристрастіе къ частностямъ (лицамъ, событіямъ) и невниманіе къ общимъ теченіямъ эпохи. Онъ, наприм.,

долго останавливается на дѣйствіяхъ Карла Альберта или Пія IX, возвеличиваетъ выше мѣры Кавура, много говоритъ объ отношеніи къ Италіи Наполеона III, подробно, хотя не особенно вразумительно, описываетъ главныя битвы и осады, но совсѣмъ не умѣетъ подмѣтить тѣхъ общихъ условій, среди которыхъ все это происходило, и вліяніе которыхъ главнымъ образомъ опредѣлило результаты дѣятельности этихъ личностей,—изъ-за деревьевъ не можетъ разглядѣть лѣса. Поэтому, для пониманія общаго хода исторіи Италіи въ XIX в. цѣлая книга Сорена даетъ меньше, чѣмъ одна глава, посвященная Италіи у Сеньбоса. Въ этомъ отношеніи гораздо выше стоитъ очеркъ событій 1878—1896 гг., составленный г. Водовозовымъ и помѣщенный въ приложеніи. Читая его, чувствуешь біеніе пульса объединенной Италіи, видишь дѣйствующія въ ней силы, понимаешь ходъ событій. Въ похвалу автору книги можно поставить только его благія пожеланія по поводу отношеній Франціи и Италіи, симпатичный тонъ въ пересказѣ драматическихъ эпизодовъ и нѣсколько болѣе остроумныхъ, чѣмъ серьезныхъ сближеній, на примѣръ, правленія Пія IX и Людовика XVI или смерти Кавура и смерти Мирабо.

Переводъ въ общемъ исполненъ удовлетворительно; только по обыкновенію нѣсколько пострадали собственныя имена. На примѣръ, *Крайна* превратилась въ *Карниомо* (34), Филанджіери въ Филангіери (172) и т. д. Особенно забавна участь *Пражскаго* договора оказавшагося *Прусскимъ* (348) и „вице-императора“ *Руэра*, переименованнаго въ *Руе* (343—4). *Ke числу* подобныхъ же курьезовъ относится неправильный переводъ *ze douter* черезъ сомнѣваться вмѣсто подозрѣвать (14), *réservees*—сбереженія вм. оговорки (351), замѣна лиръ диврами (355) и появленіе большинства 140 епископовъ изъ 600 на соборѣ 1869 г. (стр. 348).

Рабство въ древнемъ мірѣ. Эдуарда Мейера. Переводъ съ нѣмецкаго А. В. Вихерскаго. Москва, 1899 г. Небольшой очеркъ галльскаго профессора заслуживаетъ серьезнѣйшаго вниманія историковъ и филологовъ. Онъ направленъ противъ укореившагося ложнаго пониманія крупныхъ историческихъ періодовъ, называемыхъ древнимъ міромъ, средневѣковымъ и новымъ и въ частности противъ того предразсудка, будто основу экономическихъ отношеній въ Греціи и Римѣ составляло рабство, будто начало среднихъ вѣковъ знаменуетъ собою замѣну рабскаго труда крѣпостничествомъ, и будто свободный рабочій договоръ есть порожденіе и отличительная черта новыхъ временъ. Ученый авторъ весьма скупъ на фактическія подробности, предполагая важнѣйшія изъ нихъ извѣстными читателю; чтеніе очерка требуетъ поэтому отъ читателя нѣкотораго напряженія памяти; но зато руководящія положенія проводятся ясно, послѣдовательно и настойчиво. Нельзя, однако, сказать, чтобы нашъ авторъ былъ совершенно свободенъ отъ той характерной особенности нашей культуры по сравненію съ древностью, которую онъ самъ мѣтко обозначаетъ именами „неоткровенность“, „трусость“ передъ наименованіемъ вещей ихъ истинными именами и передъ открытымъ выраженіемъ нашихъ чувствъ, когда они оказываются въ противорѣчьи съ теоріей (стр. 43). Осторожность его простирается до того, что онъ не рѣшается осуждать существованіе рабства въ германскихъ колоніяхъ и позволяетъ себѣ такое выраженіе: „съ хозяйственной точки зрѣнія было бы весьма опрочетливо, если бы мы пожелали здѣсь идти дальше—къ полной отмѣнѣ рабства“ (стр. 13). Авторъ не замѣчаетъ того, что онъ самъ въ угоду наличнымъ эконо-

мическимъ интересамъ своего государства отступаетъ назадъ отъ идеи единства человѣческаго рода, до которой дошелъ уже античный міръ и которая получила дальнѣйшее подтвержденіе и религиозное освященіе въ христіанствѣ: если личная свобода признается съ конца прошлаго вѣка неотъемлемымъ правомъ каждаго человѣка, то, значитъ, „хозяйственная точка зрѣнія“, требующая рабовладѣнія, должна уступить мѣсто инымъ экономическимъ отношеніямъ, которыя согласовались бы съ признаніемъ личной свободы каждаго человѣческаго существа. Вѣдь ни на чемъ другомъ какъ на хозяйственныхъ интересахъ держались и раньше институты рабства и крѣпостничества.

Въ противность обычному пониманію, Мейеръ утверждаетъ, что германско-христіанское средневѣковье съ его крѣпостничествомъ, съ рѣзкимъ разграниченіемъ наслѣдственныхъ сословій, съ слабо развитымъ и презираемымъ ремесломъ, съ господствомъ землевладѣльческой военной знати, что это экономическое состояніе представляло дальнѣйшую ступень развитія по сравненію съ цвѣтущимъ періодомъ древности; напротивъ, оно было поворотомъ вспять къ тому состоянію, въ которомъ находились греки въ Гомеровскую эпоху, и которое ко времени Солона и такъ наз. тираніи было греками давно пережито. Какъ въ средніе вѣка, такъ и въ гомеровское время, и у израильтянъ къ началу эпохи царей крѣпостническій трудъ не исключалъ собѣю рабства; но въ экономической жизни народовъ оно не играло не только главной роли, но даже сколько-нибудь значительной. Рабство усиливается, получаетъ значеніе важнаго экономическаго фактора съ того времени, какъ прекращается личная зависимость свободныхъ гражданъ отъ землевладѣльцевъ, и мелкіе крестьяне, ремесленники, матросы уравниваются въ политическихъ правахъ съ прежнею знатью.

Экономическое положеніе создается переходомъ натурального хозяйства въ денежное, развитіемъ промышленности и торговли, образованіемъ класса богатыхъ торговцевъ и промышленниковъ. Рабскій трудъ предпочитается труду свободному, какъ болѣе дорогой и болѣе требовательный. Положеніе свободныхъ рабочихъ изъ гражданъ становится тяжелѣе, въ городахъ скопляется большое количество безработныхъ; государство принимаетъ мѣры къ облегченію ихъ существованія, мѣры оказываются недостаточными, и греческія общины сильно страдаютъ отъ соціально-экономическихъ неурядицъ, мятежей и кровопролитія. Въ сущности такой же процессъ совершается въ римской республикѣ и повторяется къ концу среднихъ вѣковъ. Въ ново-европейскихъ обществахъ экономической переворотъ не привелъ къ рабству по причинамъ политическимъ и потому, что они унаслѣдовали античную идею единства человѣческаго рода въ предѣлахъ, по крайней мѣрѣ, христіанскихъ исповѣданій; въ американскихъ колоніяхъ, гдѣ этихъ условій не было, рабовладѣніе практиковалось безпощаднѣйшимъ образомъ.

Отрицая то положеніе, будто античное общество покоилось на рабскомъ трудѣ, и будто физическій трудъ въ глазахъ свободнаго человѣка былъ дѣломъ позорнымъ, Мейеръ предостерегаетъ читателя отъ обобщенія реакціонныхъ взглядовъ на этотъ предметъ Аристотеля и распространенія мнѣній одной изъ позднѣйшихъ эпохъ на всю древность. Въ основѣ господствующаго нынѣ мнѣнія о рабствѣ въ древнемъ мірѣ лежатъ, по словамъ автора, наши свѣдѣнія о римскомъ рабовладѣніи за два послѣднихъ вѣка передъ христіанскою эпохой. Римскіе міровое владычество подорвало условія существованія того самаго крестьянскаго сословія, трудами котораго это владычество было

стигнуто. Огромныя богатства стекались въ Римъ; заморскія страны производили и доставляли хлѣбъ въ большемъ изобиліи и дешевле, нежели Италия; мелкое крестьянство не въ силахъ было выдержать иностранную конкуренцію; его хозяйство разстраивалось и потому еще, что на крестьянинѣ тяжелымъ бременемъ лежала продолжительная военная служба; правящая аристократія, родовая и денежная, стягивала къ своимъ рукамъ огромныя состоянія; обширныя поля отводились подъ настища, которыя были для владѣльцевъ не только доходнѣе, но и могли обходиться меньшимъ количествомъ рабовъ, къ тому же, совершенно необученныхъ. 68 лѣтъ спустя послѣ побѣды надъ Ганнибаломъ, Тиберій Гракхъ имѣлъ право сказать, что римскіе воины „сражаются за богатства и прихоти другихъ людей, сами не располагая хотя бы комомъ наслѣдственной земли“. Тѣмъ не менѣе свободный поденщикъ никогда не былъ совсѣмъ вытѣсненъ даже изъ пастбищнаго хозяйства. Къ началу эпохи цезарей развитіе рабства, вмѣстѣ съ округленіемъ и умиротвореніемъ имперіи, приостанавливается, и въ сельскомъ хозяйствѣ рабы повсюду стали уступать мѣсто свободнымъ колонамъ, мелкимъ крестьянамъ, наслѣдственно сидящимъ на арендуемыхъ участкахъ и вполнѣ зависимымъ отъ землевладѣльца. Со II в. по Р. X. рабство умираетъ медленною смертью, а начиная съ IV столѣтія исчезаетъ свободный трудъ, замѣняясь трудомъ принудительнымъ въ наслѣдственно-закрѣпленныхъ сословіяхъ. „Развитіе, — заключаетъ авторъ, — опять возвращается къ тому пункту, отъ котораго оно первоначально исходило“. Современныя намъ экономическія отношенія, съ накопленіемъ богатствъ на одной сторонѣ, съ рабочимъ пролетаріатомъ на другой, авторъ сближаетъ съ тѣми эпохами римской древности, когда рабство процвѣтало во всей силѣ и когда рабъ, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, „совершенно подобно современному промышленному рабочему“, могъ достигнуть благосостоянія и богатства, что невозможно было для средневѣковаго крѣпостного, для римскаго колона и для виллана эпохи рыцарства. То обстоятельство, что новое время въ Европѣ не поражаетъ рабства, авторъ объясняетъ больше всего наличностью и приращеніями изземныхъ рынковъ для продуктовъ нашей промышленности, которая поэтому имѣетъ возможность развиваться и давать занятіе притекающимъ изъ деревень рабочимъ массамъ.

Нельзя сказать, чтобъ у автора это послѣднее сближеніе было достаточно обосновано фактами. Переводъ очерка вообще удовлетворителенъ, хотя нельзя не отмѣтить признаковъ не совсѣмъ близкаго знакомства переводчика съ предметомъ. Такъ, на стр. 22 свинопасъ Одиссеевъ Евмей обращенъ въ богатаго владѣльца знатнаго рода; на стр. 25 гомеровскому обществу присвоены „короли“; на стр. 58 читаемъ: „средне-вѣковый міровой (!) порядокъ“ вмѣсто: „порядокъ средневѣковья“.

Старина и новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III. Спб., 1898 г. Книга II. Во второй книгѣ „Старины и новизны“ напечатаны историческіе и историко-литературныя матеріалы самаго разнообразнаго содержанія. Наибольшій интересъ представляютъ: „Изъ бумагъ Н. М. Карамзина“, „Нѣсколько писемъ Лагарпа“ и „Письма И. И. Дмитріева къ кн. П. А. Вяземскому“.

„Бумаги Карамзина“ были уже напечатаны въ 60-хъ годахъ, но въ продажу не поступали и извѣстны только специалистамъ. Это — извѣстное „мнѣніе русскаго гражданина“, направленное Карамзинымъ противъ

намѣренія Александра I возстановить Польшу въ ея цѣлости“, и нѣсколько мелкихъ документовъ. „Новое прибавленіе“ характеризуетъ взаимныя отношенія государя исторіографа. „Копія“ и „Для свѣдѣнія моихъ сыновей и потомства“ возстановляютъ исторію перваго манифеста Николая I и указываютъ на участіе въ его составленіи Карамзина. Письма Лагарпа ярко характеризуютъ его педагогическіе взгляды и личныя отношенія къ царственному ученику. Громадное письмо къ Фавру 1785 г. изображаетъ принятыя Лагарпомъ приемы преподаванія, проводимыя имъ идеи равенства и справедливости, его литературные вкусы и т. д. Большой интересъ представляютъ и послѣднія письма этого „республиканца“—нѣчто вродѣ завѣщанія учителя ученику и горькія жалобы на молчаніе, забывчивость и полное охлажденіе Александра.

Письма Ив. Ив. Дмитріева даютъ много драгоценныхъ чертъ для характеристики литературныхъ нравовъ 20—30-хъ годовъ.

Вотъ какъ мѣстный поэтъ характеризуетъ успѣхъ „Исторія“ своего друга Карамзина (1818 г.): „Исторія нашего любезнаго исторіографа у всѣхъ въ рукахъ и на умахъ: у просвѣщенныхъ и профановъ, у словесниковъ и словесныхъ“ (стр. 127).

Онъ настойчиво совѣтуетъ кн. Вяземскому принятыя за изученіе польской литературы и знакомить съ нею русскую публику (стр. 130). Что Вяземскій послѣдовалъ его совѣту, можно видѣть изъ другаго письма (1820 г., стр. 140): „давно бы пора намъ ознакомиться съ польскою словесностью, и я очень желаю видѣть ваши нотисы. Поляки были первые наши учителя, ибо отъ нихъ начались въ Малороссіи школы; да и теперь могутъ служить намъ поощрительнымъ примѣромъ въ учености, вообще въ просвѣщеніи“.

Литературные взгляды и вкусы уже отжившаго къ 30-мъ годамъ престарѣлаго поэта прекрасно характеризуются слѣдующими выдержками: „я раздѣляю словесность нашу на 4 періода: 1-й начинается отъ Кантемира; характеръ его: усилія приблизить книжный языкъ старинный къ новому свѣтскому; 2-й—отъ Ломоносова: то же стремленіе въ началѣ, а съ половины періода колебаніе въ выборѣ слога, ложное понятіе о высокомъ слогѣ, но вообще постоянное трудолюбіе; стараніе слѣдовать правиламъ изящнаго вкуса, изобиліе въ оригинальныхъ сочиненіяхъ и любовь къ переводамъ иностранныхъ отличныхъ сочиненій; 3-й—отъ Карамзина: счастливое усовершеніе языка, лучшія формы, строгая точность въ словахъ и мысляхъ, ясность въ изложеніи оныхъ и благозвучіе въ слогѣ; 4-му, настоящему, нѣтъ имени: это—анархія, рабское обезьянство новизнамъ иностраннымъ, холопскій языкъ, мечтаніе о мечтательности или безсильное стремленіе производить въ читателяхъ судороги, отрицаніе принятыхъ правилъ и вкуса и наглое презрѣніе къ предшествовавшимъ авторамъ“ (1830 г., стр. 152). „Признаюсь, что изъ всѣхъ нашихъ романтиковъ уважаю и люблю и умъ, и талантъ, и сердце Пушкина и кн. Вяземскаго“ (1831 г., стр. 163).

Какъ и большинство писателей-аристократовъ, Дмитріевъ относится съ большою ненавистью къ Полевому: „Телеграфъ“ годъ отъ году распространяетъ свое вліяніе: и всѣмъ цензорамъ, какъ они сами отзываются, запрещено пропускать (sic) на него критику, а ему разрѣшается и нынѣ глушить надъ Карамзинымъ и его почитателями, съ презрѣніемъ говорить о дворянскомъ сословіи и классицизмѣ. Чего же ожидать впередъ отъ нашей словесности? Молодость удобопреклонна. И такъ уже половина словесниковъ по милости Полевого и семинаристовъ заговорила языкомъ лабазовъ“ (1833 г., стр. 170).

Такія же чувства возбуждалъ и Бѣлинскій, котораго Дмитріевъ систематически ставитъ на одну доску съ барономъ Брамбеусомъ: „проф. Шевыревъ и экзъ-студентъ Бѣлинскій давно уже похоронили не только нашу братію стариковъ, но, не прогнѣвайтесь, и васъ (Вяземскаго), и Батюшкова, и даже Пушкина“ (1835 г., стр. 182); Бѣлинскій, „кажется, въ большомъ союзѣ съ Брамбеусомъ и ревнуетъ перешеголять Полеваго, громить новыхъ литераторовъ за исключеніемъ двухъ, о старыхъ же и говорить нечего, они уже давно раздавлены“ (1836 г., стр. 185); „бѣдная тѣнь моя, ибо я уже не существую въ литературномъ мірѣ, вызвана будетъ предъ грозный трибуналъ Бѣлинскаго или Брамбеуса“ (1836 г., стр. 188). Приведенными данными, конечно, далеко не исчерпывается богатое содержаніе этой переписки.

Заслуги грузинскаго монашества и монастырей для отечественной церкви и общества. Е. К. Тифлисъ, 1899 г. Авторъ этой книжки, написанной тепло и съ знаніемъ дѣла, скрывшійся подъ инициалами Е. К., рассматриваетъ значеніе грузинскаго монашества и монастырей съ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Отмѣтивъ нравственную силу монашества вообще, согласно опредѣленію отцовъ церкви, авторъ переходитъ къ темѣ своей работы.

„Нѣтъ христіанской страны,—говоритъ онъ,—гдѣ монастырская жизнь была бы такъ развита и имѣла такое великое историческое значеніе, какъ въ мученической Грузіи“. Остановившись на основателяхъ грузинскаго монашества — тридцати сирійскихъ отцахъ съ ихъ глаголой Іоанномъ Зедазтели,—авторъ устлавливаетъ время ихъ прихода (VI в.), присоединяясь къ мнѣнію акад. Броссе, при чемъ въ примѣчаніи весьма основательно разумѣетъ колебанія относительно именъ названныхъ сирійскихъ (каппадокійскихъ) отцевъ: существующая разница въ ихъ поименованіи произошла отъ того, что нѣкоторые изъ нихъ были пострижены въ монашество лишь по прибытіи въ Грузію и получили другія имена сравнительно съ мірскими, которыми они называются у нѣкоторыхъ „отечественныхъ писателей“.

Авторъ весьма обстоятельно рассматриваетъ заслуги монашества въ исторіи грузинской церкви и общества. Заслуги эти выразились въ распространеніи христіанства не только въ предѣлахъ Грузіи, но и среди кавказскихъ горцевъ, въ поддержаніи православія въ эпоху борьбы съ исламомъ. Монастыри со своими помѣстьями явились пріютами для всѣхъ несчастныхъ и гонимыхъ: монастырскіе крестьяне всегда пользовались льготами сравнительно съ крѣпостными князей и дворянъ. Монастыри явились центрами просвѣщенія и образованности грузинскаго народа: монахи были талантиливыми переводчиками священнаго писанія и наставниками юношества въ духовныхъ школахъ. Подвиги ихъ завоевали грузинскому народу уваженіе на Востокѣ—Сиріи, Палестинѣ, а также на Афонѣ, гдѣ издревле процвѣтали грузинскіе монастыри. Авторъ называетъ поименно всѣхъ дѣятелей слова и пера, произведеніями которыхъ укрѣплялась нравственно-религіозная жизнь грузинскаго народа.

Изданія Общества распространенія полезныхъ книгъ. 1) Воспоминанія о студенческой жизни В. О. Ключевскаго, П. М. Обнинскаго, Д. Н. Свербеева, С. М. Соловьева, А. И. Кирпичникова, В. А. Гольцева, Ф. И. Буслаева и др. 2) Иностранные университеты, вып. I. Университеты Англій и годы студенчества ея знаменитыхъ людей. Составлено подъ редакціей Л. А. Богдановича. 3) Иностранные университеты, вып. II. Университеты Германіи

и годы студенчества ея знаменитыхъ людей. Составлено подъ редакціей Л. А. Богдановича. Много интереснаго содержанія даютъ всѣ эти книги. Воспоминанія извѣстныхъ и выдающихся русскихъ людей, объ ихъ университетской жизни, о профессорахъ и студенческихъ товарищахъ представляютъ собою для изученія исторіи нашей умственной жизни матеріалъ, въ высокой степени важный и поучительный.

Съ обычнымъ блескомъ и оригинальностью рассказываетъ г. Ключевскій о своемъ учителѣ - историкѣ Соловьевѣ. Изъ чтенія очерка г. Ключевского мы получаемъ цѣльный образъ ученаго, лектора и человѣка. Добросовѣстный, необыкновенно внимательно относящійся къ каждому предмету, подлежащему его изученію, Соловьевъ не позволялъ себѣ ни красноречія, ни лишнихъ разглагольствованій. Онъ говорилъ только то, что было непременно нужно говорить. А потому его лекціи требовали со стороны слушателей очень серьезнаго и напряженнаго вниманія и людямъ, дѣйствительно интересовавшимся, онѣ доставляли настоящее научное наслажденіе.

Но этого мало. Соловьевъ давалъ не только историческія знанія, но и освѣщалъ ихъ цѣльнымъ, опредѣленнымъ и послѣдовательнымъ научнымъ міросозерцаніемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ Соловьевъ представлялъ собою историка-моралиста: онъ видѣлъ въ явленіяхъ людской жизни роуку исторической Немезиды или „знаменіе правды Божьей“, какъ выразился бы древній лѣтописецъ. Слушатели профессора-учителя на всю жизнь запоминали его излюбленную, благородную идею, что общество можетъ существовать только при условіи жертвъ, когда члены его сознаютъ обязанности жертвовать частнымъ интересомъ интересу общему.

Соловьевъ старательно въ своихъ лекціяхъ проводилъ ту мысль, что величіе древней Руси заключалось въ сознаніи своихъ несовершенствъ, въ сбереженной ею способности не мириться со зломъ, въ искреннемъ и горячемъ исканіи выхода въ положеніе лучшее посредствомъ просвѣщенія.

Однимъ словомъ, изложеніе профессоромъ своего предмета вызывало слушателей на серьезные размышленія, заставляя ихъ задумываться не только надъ прошлымъ своей родины, но и надъ ея настоящимъ и будущимъ и, любовно взирая на прошлое, съ надеждой помышлять о грядущемъ.

Мелькомъ, но съ присущей автору яркостью красокъ г. Ключевскій набрасываетъ намъ и нравственный образъ личности Соловьева, необыкновенно скромно смотрѣвшаго на свою личность, на свои труды и ихъ значеніе, и строго относившемуся къ самому себѣ.

Г. Обнинскій даетъ живую картину университетской жизни въ эпоху Грановскаго. Онъ вводитъ насъ въ аудиторію, знакомя со свѣтомъ и тѣнями ея, съ любимыми профессорами, кумирами молодежи того времени: Грановскимъ, Кудрявцевымъ, Крыловымъ. Онъ вводитъ насъ въ студенческіе кружки, гдѣ почти исключительно занимались чтеніемъ книгъ и сенсационныхъ брошюръ, возбуждавшихъ въ юношества непрерывные, горячіе дебаты.

Въ виду того интереса, который возбудилъ въ себѣ въ нашемъ обществѣ вопросъ о студенческихъ кружкахъ и обществахъ, поднятый недавнимъ циркуляромъ министра народнаго просвѣщенія, все то, что говорится объ этомъ предметѣ въ воспоминаніяхъ г. Обнинскаго, имѣетъ особенно серьезное значеніе.

По словамъ автора, руководящею цѣлью кружковъ было *исключи-*

тельно умственное развитіе, выясненіе вопросовъ финансоваго, юридическаго и соціальнаго порядка, выработке взглядовъ и направленій. Эти кружковыя чтенія и дебаты много способствовали усвоенію сути университетскихъ лекцій. Они превосходно воспитывали неопытные умы, приучая ихъ разбираться въ самыхъ противоположныхъ доводахъ. Студенты-спорщики выучивались самостоятельно мыслить, сознательно и критически относиться ко всяческимъ мыслямъ, вѣяніямъ и влияніямъ, и легко отучивались отъ скороспѣлыхъ выводовъ и недостаточно продуманныхъ сужденій.

Благодаря этимъ собраніямъ, молодежь пополняла также широкіе пробѣлы тогдашняго гимназическаго образованія. Возможность провести вечеръ въ содержательной бесѣдѣ незамѣтно отвлекала юношество отъ пристрастія къ трактирамъ, попойкамъ и кутежамъ. На благодатной почвѣ взаимнаго обмѣна мыслями, чувствами, настроеніями постепенно, незамѣтно, сама собою завязывалась дружба, сохраняющаяся у оставшихся въ живыхъ магиканъ той эпохи по сію пору. Созидался духъ товарищества, выравнивались характеры, подготовлялось сродство общественныхъ гражданскихъ интересовъ. Кромѣ всего этого, студенческіе кружки, путемъ совмѣстнаго ознакомленія молодыхъ людей другъ съ другомъ на почвѣ обмѣна возрѣніями на философскіе и общечеловѣчскіе принципы, совершенно упразднили для нихъ значеніе сословнаго начала и навсегда сокрушили сословные предрасудки. Каждый чувствовалъ себя равнымъ, близкимъ, товарищемъ другого.

А на помощь этимъ добрымъ влияніямъ шли священные уроки правды, любви, просвѣщенія, жадно воспринимавшіеся чуткою молодежью отъ своихъ лучшихъ наставниковъ.

Съ сердечнымъ умиленіемъ и не безъ нѣкоторой естественной зависти къ тѣмъ благоденнымъ днямъ читаешь признательное обращеніе наститаго автора воспоминаній къ памяти чудеснаго его прошлаго: „Дорогія тѣни моихъ незабвенныхъ учителей! Чѣмъ, чѣмъ могу я отплатить за все, воспринятое отъ васъ? Мужественные проводники правды, свѣта и добра, самодержавные властелины думъ и сердець горячо преданнаго студенчества! Благодаря вамъ, оно зоветъ тотъ университетъ, въ которомъ такъ честно работали вы на пользу родины, зоветъ до сихъ поръ, зоветъ сознательно и любовно — *своею Alma Mater*. Подъ ея роднымъ кровомъ тогдашній студентъ не чувствовалъ себя чужимъ, одинокимъ; онъ не зналъ разобщенія, не замѣчалъ розни ни надъ собою, ни вокругъ себя: общіе университетскіе (въ самомъ строгомъ значеніи слова) интересы, „общинное пользованіе“ въ кружкахъ его „угодьями“, общія симпатіи. Спасительный девизъ „*viribus unitis*“ тогдашній студентъ уносилъ съ собою и повидая университетъ“. Силу и отвагу приносилъ съ собою студентъ по окончаніи классовъ въ жизнь, выступая на общественную борьбу, и съ честію ее ведя въ качествѣ мировыхъ посредниковъ перваго призыва, первыхъ земскихъ дѣятелей и пионеровъ гласнаго суда.

Проф. С. М. Соловьевъ собственными своими воспоминаніями прекрасно поясняетъ намъ, въ чемъ заключался этотъ свѣтлый духъ эпохи сороковыхъ годовъ, о которыхъ упоминаетъ г. Обнинскій и котораго, коснулся проф. Ключевскій, вспоминая именно объ этомъ самомъ профессорѣ Соловьевѣ. Особенно интересно рисуетъ намъ Соловьевъ образъ лучшаго изъ русскихъ попечителей учебнаго округа, если, впрочемъ, не считать еще лучшаго, Пирогова, — мы подразумеваемъ графа Строганова. Изъ казеннаго, казарменнаго духа школы, сухихъ, педан-

тическихъ отношеній администраціи къ учащимся, сразу, съ появленіемъ этого администратора, возникли совсѣмъ иныя отношенія и порядки.

Можно легко себѣ представить причину и характеръ всей этой перемѣны, если вникнуть хотя бы въ такой фактъ, приводимый въ запискахъ Соловьева.

Кто-то разговорился со Строгановымъ объ одномъ подчиненномъ этого послѣдняго. Попечитель разсыпался въ похвалахъ этому чиновнику. А чѣмъ подчиненный такъ угодилъ своему начальнику? Читаешь и диву даешься:

— Что это за человѣкъ!—восторженно восклицаетъ попечитель:— бывало, начну съ нимъ спорить, указывать ему,—не дастъ слова выговорить. Прекрасный, честный человѣкъ, крѣпкій въ своихъ убѣжденіяхъ!

Въ давнюю эпоху Московскаго университета переносить наше воображеніе Д. Н. Свербеевъ: онъ говоритъ о томъ, какъ въ 1813 г. возникла *alma mater* изъ пепла. Патриархальнымъ духомъ невинной старины вѣетъ отъ этихъ воспоминаній. Среди хорошихъ лекторовъ, какъ знаменитый Мерзляковъ, Каченовскій, Тимковскій, университетъ наводнялся массою профессоровъ невѣждъ, педантовъ и бездарностей. Много характерно-курьезнаго можно вычитать въ этихъ воспоминаніяхъ.

Проф. Буслаевъ знакомитъ насъ съ тридцатыми годами, но эти мемуары представляютъ собой перепечатку изъ его извѣстной книги „Мои воспоминанія“.

Живо написаны воспоминанія профессора Кирпичникова, о его первыхъ дняхъ студенчества въ 1861 году, а г. Гольцевъ подводитъ насъ къ еще болѣе близкой къ намъ эпохѣ. Онъ даетъ намъ маленькій эпизодъ изъ своей студенческой жизни, характеризующій положеніе учащейся молодежи съ экономической стороны. Тягостное впечатлѣніе производитъ описанная авторомъ картинка студенческой бѣдности. Сколько лучшихъ молодыхъ силъ, подумаешь, преждевременно затрачивается на эту ужасную борьбу!...

Г. Деркачевъ вспоминаетъ о славившемся въ первые „годы эпохи великихъ реформъ“ Рыбниковскомъ кружкѣ студентовъ со всѣми его интересными и серьезными бесѣдами, занятіями, совмѣстнымъ чтеніемъ книгъ и журналовъ и съ довольно обстоятельнымъ выясненіемъ вообще умственныхъ интересовъ эпохи. Ту же эпоху съ ея профессорами-медиками обстоятельно характеризуетъ и г. Митропольскій.

Съ живѣйшимъ интересомъ читаешь и книгу объ англійскихъ университетахъ. Правда авторъ въ ней, какъ и въ другой книгѣ, которая трактуетъ о германской высшей школѣ, не чуждъ субъективизма, направленнаго въ сторону восхваленія обветшалыхъ традицій, проповѣдуемыхъ людьми Бисмарковскаго образа мыслей. Однако эта тенденціозность, вредящая подчасъ безпристрастной оцѣнкѣ фактовъ, покрывается безотносительнымъ интересомъ данныхъ, добросовѣстно приводимыхъ авторами этихъ книгъ. Факты, вѣдь, умѣютъ и сами за себя говорить, какъ бы ни относился къ нимъ тотъ, кто ихъ передаетъ, какія бы чувства симпатіи или несимпатіи ни выражалъ онъ при передачѣ ихъ.

Независимость, — вотъ принципъ строя англійскихъ университетовъ. Этотъ принципъ обладаетъ крѣпкою прочностью и живучестью: онъ не считываетъ себѣ цѣлыя вѣка существованія.

Другой великій ихъ принципъ, ихъ назначеніе: создавать людей, а не книги, по счастливому возраженію доктора Пьюзи.

Эта цѣль выполняется прежде всего посредствомъ признанія за студентомъ независимой, самостоятельной, взрослой личности. Несмотря на нѣкоторыя дисциплинарныя правила о поведеніи для студентовъ, правила исключительно моральнаго характера,—студенты пользуются полной свободой сходовъ и всяческихъ собраний какъ въ зданіи колледжа, такъ и въ частныхъ помѣщеніяхъ.

Студенты могутъ основывать общества, преслѣдующія цѣли какъ простыхъ совмѣстныхъ удовольствій, такъ и серьезныхъ занятій, кончая дебатированіемъ политическихъ программъ. Студенты могутъ что угодно печатать безпрепятственно, хотя бы карикатуры на свое начальство.

Наряду съ уходомъ за интеллектомъ молодыхъ людей и ихъ нравственностью стоять и воспитаніе тѣла. Вотъ почему англійскіе студенты такъ здоровы.

Правда, это физическое развитіе отнимаетъ времени больше, чѣмъ слѣдуетъ, въ ущербъ умственному образованію студентовъ, которые, въ общемъ, менѣе интеллигентны, чѣмъ, наприм., германскіе студенты.

Зато въ нихъ воспитывается другая важная сторона: приготовленіе себя къ будущей гражданской дѣятельности. Этому способствуетъ практика произнесенія рѣчей въ собраніяхъ, дебатированіе и диспутированіе по вопросамъ общественнымъ, по злобамъ дня.

Особенно симпатичная сторона англійскихъ ученыхъ дѣлиться своими знаніями и своею, вообще, просвѣщенностью съ рабочей братіей при посредствѣ такъ называемыхъ народныхъ университетовъ, посѣщаемыхъ очень усердно рабочими и ихъ женами.

Интересны порядки и условія чтенія и слушанія лекцій въ этихъ университетахъ. Укажемъ на одинъ изъ примѣровъ. Въ большомъ кооперативномъ магазинѣ Олдгэма находится помѣщеніе, гдѣ рабочіе получаютъ необходимыя данныя для пополненія своего гражданскаго образованія. Здѣсь въ осенній вечеръ собираются рабочіе и ихъ жены слушать лекторовъ изъ Оксфордскаго University Extension. Во время лекціи у каждаго слушателя въ рукахъ брошюра, заключающая въ себѣ конспектъ лекціи, хронологію, генеалогическія таблицы, имена авторитетныхъ писателей, трактовавшихъ о данномъ предметѣ, указатель литературы, полезной для справокъ ad hoc, и планъ систематическаго по данному вопросу чтенія, — словомъ, въ этой брошюрѣ имѣются всѣ необходимыя указанія для самостоятельной работы тѣмъ, которые захотятъ ближе познакомиться съ предметомъ. На каждой страницѣ внизу напечатано нѣсколько вопросовъ, которые предлагаются слушателямъ для обсужденія въ промежутокъ между лекціями. Тѣ же вопросы служатъ предметомъ дебатовъ на частныхъ собраніяхъ слушателей.

Въ сосѣдней съ лекторскою комнатою помѣщается передвижная библіотека, — ящикъ съ наиболѣе необходимыми для справокъ книгами.

Для болѣея иллюстраціи, лекція сопровождается при посредствѣ ртутнаго волшебнаго фонаря, изобрѣтеніями лицъ, историческихъ сценъ географическихъ картъ.

Послѣ лекціи начинается такъ называемый „сеансъ“: лекторъ отчаетъ на вопросы слушателей, желающихъ разъясненія тѣхъ или ихъ недоразумѣній, возникшихъ въ нихъ во время слушанія лекцій.

Въ заключеніе, лекторъ возвращаетъ исправленныя имъ письменныя работы, дѣлая при этомъ соотвѣтствующія указанія и разъясненія, и даетъ темы для новыхъ письменныхъ работъ.

Въ виду недавняго циркуляра нашего министра народнаго просвѣщенія объ устройствѣ студенческихъ обществъ и кружковъ, большой интересъ имѣеть для русскихъ читателей въ настоящее время книга о германскихъ университетахъ, тамошнихъ корпораціяхъ и обществахъ учащейся молодежи. вмѣстѣ съ тѣмъ поднятый тѣмъ же министромъ вопросъ о взаимоотношеніяхъ между университетскою администраціей, профессорами и студентами значительно выяснится для многихъ, мало знакомыхъ съ дѣломъ, при ознакомленіи ихъ съ тѣмъ, что выработали въ этомъ отношеніи германскіе университеты путемъ многолѣтней своей исторіи.

Помѣщенные въ концѣ обоихъ этюдовъ, біографическіе очерки, рисующіе жизнь знаменитыхъ людей въ ихъ студенческіе годы, удачно иллюстрируютъ самими фактами пригодность и поучительность многихъ оригинальныхъ сторонъ въ организаціи англійскихъ и нѣмецкихъ университетовъ.

Мы только совѣтовали бы составителямъ обѣихъ книгъ избѣгнуть субъективизма и вообще тенденціозности, если они хотятъ имѣть возможно-обширнѣйшій кругъ читателей.

Не можемъ не указать и на другой недостатокъ трудовъ о заграничныхъ университетахъ. Языкъ изложенія часто производитъ впечатлѣніе перевода съ чужого языка: авторъ или авторы обѣихъ книгъ недостаточно владѣютъ литературнымъ языкомъ.

Впрочемъ, интересные и даже, можно сказать, назидательные факты, приводимые въ двухъ этюдахъ, сами по себѣ настолько важны, что предпринимаемое обществомъ распротр. полезн. книгъ изданіе этюдовъ о заграничныхъ университетахъ нельзя не считать цѣннымъ вкладомъ въ общедоступную литературу объ иностранныхъ университетахъ.

Маркизь Лафайетъ. Богучарскаго. Изданіе магаз. „Книжное Дѣло“. Эта книга, написанная видимо съ большой подготовкой, представляеть не малый интересъ, такъ какъ въ ней обрисовывается величавый образъ маркиза Лафайета, извѣстнаго дѣятеля трехъ революцій. Составлена эта книга по нижеслѣдующимъ сочиненіямъ: *Badoux*: „La jeunesse de Lafayette“. „Les dernières années de Lafayette“ (эти книги, по словамъ автора, послужили главнѣйшимъ матеріаломъ для біографіи). *Лабулэ*: „Исторія Соединенныхъ Штатовъ“, „Историческій очеркъ жизни Вашингтона“, „Considerations sur la revolution Française par madame de Staël“. *Carnot*—„Revolution Française periode de creation“—*Генрихъ Зибель*: „Исторія французской революціи и ея время“. *Н. Картевэ* — „Исторіи Западной Европы въ новое время“. *Луи Бланъ*— „Исторія великой французской революціи“. Затѣмъ важнымъ матеріаломъ, по словамъ самого автора, служили письма Лафайета къ женѣ и друзьямъ и его мемуары.

Прежде, чѣмъ приступить къ историческому очерку жизни Лафайета, авторъ предпосылаетъ маленькое вступленіе. Приведемъ изъ слѣдующую выдержку: „Въ числѣ великихъ людей, погребенныхъ въ парижскомъ Пантеонѣ, покоится прахъ челоуѣка, игравшаго въ продолженіе полулѣтня выдающуюся роль во многихъ событіяхъ французской исторіи конца прошлаго и первой половины настоящаго столѣтій. Во всѣхъ событіяхъ, въ которыхъ этотъ челоуѣкъ игралъ выдающуюся ро-

вносилъ онъ беззавѣтную смѣлость, глубокую искренность и безупречную чистоту намѣреній“.

Съ первыхъ же словъ автора видно, съ какимъ глубокимъ уваженіемъ относился онъ къ Лафайету. Когда началась знаменитая борьба Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ съ Англіей за независимость, Лафайетъ, будучи молодымъ офицеромъ, увлекся ею и отправился въ Америку. Тамъ онъ себѣ составилъ имя, которое никогда не забудется американцами. Когда во Франціи вспыхнула революція, онъ участвовалъ въ ней со всею энергіей. Когда въ собраніи „нотаблей“ обсуждались нужды народа, Лафайетъ сказалъ: „если деревенское население не имѣтъ въ этомъ собраніи ни одного представителя, то надо, по крайней мѣрѣ, доказать, что у него есть защитники, или мы должны, поэтому, просить его величество о созваніи національнаго собранія“.

Лафайетъ, какъ извѣстно, участвовалъ въ трехъ революціяхъ. Во всѣхъ этихъ событіяхъ авторъ выставляетъ Лафайета какъ замѣчательно энергичнаго человѣка, полнаго свѣтлыхъ идей. Заканчивая, авторъ говоритъ, что „Лафайетъ не былъ ни великимъ мыслителемъ, ни государственнымъ мужемъ, ни выдающимся писателемъ, ни блестящимъ ораторомъ, но онъ, какъ никто другой, былъ яркимъ представителемъ того огромнаго меньшинства среди правящихъ классовъ Франціи XVIII вѣка людей, которые поняли задачи своего времени и безповоротно примкнули къ начавшемуся тогда великому общественному движенію“.

Поучительность этой біографіи авторъ находитъ въ томъ, что личность Лафайета является, какъ бы символомъ постоянства и беззавѣтной преданности своимъ принципамъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ, СТАТИСТИКА.

„Экономическіе этюды и статьи“. *Вл. Ильина.*—„Жизнь нѣмецкихъ рабочихъ“. Э. Вурма.—„Высочайше учрежденная подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Куломзина комиссія для изслѣдованія землевладѣнія и землепользованія въ Забайкальской области“.

Экономическіе этюды и статьи. Владиміра Ильина. Спб., 1899 г. Передъ нами очень интересная книга г. Ильина. Книга состоитъ изъ нѣсколькихъ статей. Въ первой статьѣ авторъ проводитъ параллель между возрѣніями Сисмонди и нашихъ такъ называемыхъ народниковъ.

Сисмонди и русскіе народники, по характеристикѣ г. Ильина, сходятся въ томъ, что они не понимаютъ логики старыхъ отношеній, экономическимъ базисомъ которыхъ является мелкое производство. Не понимая общественнаго значенія этой логики, Сисмонди прежде всего и больше всего желалъ, приглашалъ, взывалъ, требовалъ „прекратить ломку“ (стр. 88). И въ этомъ сходятся съ Сисмонди народники. Благодаря игнорированію *реальныхъ* интересовъ, планы романтиковъ (т.-е. Сисмонди и народниковъ) представляются очень легко осуществимыми. Романтики (*а экономическое ученіе народниковъ есть лишь русская разновидность обще-европейскаго романтизма*) (курсивъ Ильина) совершенно игнорируютъ изученіе тѣхъ общественныхъ силъ, на которыхъ можно было бы опереть осуществленіе ихъ пожеланій.

Вторая статья въ книгѣ Ильина (*Кустарная перепись 1894—95 года Пермской губ.*) является, на нашъ взглядъ, самой интересной изъ го сборника.

Авторъ здѣсь констатируетъ, что связь съ земледѣліемъ въ области

кустарной промышленности задерживает болѣе отсталыя производственныя формы (стр. 118). Авторъ путемъ собственной группировки матеріала доказываетъ, что заработокъ кустарей, связанныхъ съ землей, ниже заработка кустарей, порвавшихъ связь съ землей, хотя этотъ фактъ не ускользнулъ и отъ составителей очерка пермской промышленности, которые объясняютъ это тѣмъ, что при соединеніи земледѣлія съ промысломъ „кустарь... можетъ продавать свои издѣлія дешевле фабричныхъ...“ (стр. 149).

Крупныя кустарныя промышленныя заведенія имѣютъ высшую производительность труда и высшую доходность, а мелкіе кустари—получаютъ меньшую плату, чѣмъ простые наемные рабочіе, при всей своей „самостоятельности“ (пимокатный промыселъ, стр. 154). Относительно смолодегтарнаго производства „въ крупныхъ заведеніяхъ производительность труда болѣе чѣмъ втрое выше, заработная плата наемныхъ рабочихъ раза въ полтора выше, чистый доходъ разъ въ восемь выше средняго“ и вдесятеро выше заработка остальныхъ кустарей-семьянъ, которые зарабатываютъ не больше средняго наемнаго рабочаго и меньше наемнаго рабочаго въ болѣе крупныхъ заведеніяхъ (стр. 157). Заработная плата наемныхъ рабочихъ на фабрикахъ значительно выше, чѣмъ у мелкихъ хозяйчиковъ (84 и 45) стр. 156 и т. д.

Однимъ словомъ, г. Ильинъ формулируетъ свои выводы въ томъ смыслѣ, что крупныя (по общему числу рабочихъ) заведенія отличаются отъ среднихъ и мелкихъ: а) несравненно болѣе высокой производительностью труда, б) болѣе высокой платой наемныхъ рабочихъ и в) несравненно болѣе высокой чистой доходностью. Кроме того, по цѣлому ряду промысловъ заработокъ мелкихъ самостоятельныхъ кустарей оказывается не выше, а зачастую даже ниже заработка наемныхъ рабочихъ въ томъ же промыслѣ (стр. 160, 165). По вычисленіямъ автора, семь десятыхъ всего числа кустарей стоятъ, по своимъ заработкамъ, на уровнѣ наемныхъ рабочихъ у кустарей, отчасти даже ниже ихъ (стр. 165). Слѣдовательно, съ замѣщеніемъ кустарныхъ промысловъ фабрикой кустари,—по мнѣнію г. Ильина,—ничего не потеряютъ, а, пожалуй, скорѣе выиграютъ съ матеріальной стороны, но большой плюсъ будетъ въ результатѣ развитія капитализма на сторонѣ кустарей съ точки зрѣнія объединенія до сихъ поръ разсыянныхъ кустарей, отчего на Западѣ рабочіе такъ и борются съ такъ называемой Sweating system (такой системѣ у насъ соответствуетъ весьма часто кустарная промышленность), стремясь насадить вмѣсто нея фабричную систему,—наприм., германскіе портные добиваются отъ своихъ хозяевъ устройства фабрикъ. „Sweating system“ характеризуется крайне антигигиенической обстановкой, чрезмѣрно длиннымъ рабочимъ днемъ, а главное—здѣсь работа происходитъ при условіяхъ крайне затрудняющихъ возможность общественнаго контроля за производствомъ (стр. 179). Мы не будемъ останавливаться на другихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ книгѣ г. Ильина. Книга Ильина очень интересна, и мы преслѣдуемъ только одну цѣль въ данномъ случаѣ—обратить вниманіе публики на эту интересную книжку.

Жизнь нѣмецкихъ рабочихъ, ихъ питаніе, квартиры, доходъ косвенные налоги, болѣзни и смертность. Э. Вурма. Ред. Протъ попова. Спб., 1899 г. Небольшая, но очень серьезная книжка Вурма по тщательности обработки представляетъ большой интересъ. Авторъ подробно, съ многочисленными цифрами въ рукахъ, рассматриваетъ условія питанія рабочаго класса въ Германіи, сопоставляя размѣръ заработной платы и расходные бюджеты рабочихъ съ нормами питанія

диктуемыми гигиеной. Авторъ критикуетъ дешевыя народныя столовыя, доказывая, что эти послѣднія не могутъ давать рабочимъ удовлетворительнаго питанія и нерѣдко, быть можетъ, самое устройство ихъ диктуется совершенно посторонними соображеніями, именно: сторонники дешевыхъ народныхъ столовыхъ, выставляя наперекоръ истинѣ, что будто бы за 7—12 коп. можно получить уже питательный столъ, тѣмъ самымъ хотятъ убѣдить, что рабочіе могутъ довольствоваться низкой заработной платой. „Имущіе классы въ Германіи,—говоритъ авторъ,—никогда не позаботятся о смягченіи судьбы неимущихъ, развѣ только для того, чтобы сохранить видъ заботы о благѣ рабочихъ и такимъ образомъ предотвратить столь опасное сознательное недовольство послѣднихъ“ (стр. 22). Недаромъ фабриканты издають за свой счетъ книжки о способахъ дешеваго питанія; такъ, союзъ фабрикантовъ, подъ названіемъ „Благо рабочихъ“, издалъ книжку „Домашнее счастье“, гдѣ, напримѣръ, проповѣдуется, что „полное, ничѣмъ не омрачаемое счастье мы найдемъ только на небесахъ... Добрые же люди въ извѣстной степени могутъ быть счастливы и на землѣ, они уже счастливы, если довольны своимъ настоящимъ положеніемъ“, и затѣмъ для созданія этого довольства указываются рецепты, какъ приготовить обѣды за 7—8 к., ужины за 5,5 коп.! Дается меню даже въ 4,5 к. Авторъ приходитъ къ выводу, что доходъ рабочаго недостаточенъ для нормальнаго питанія. Изъ разсмотрѣнія жилищныхъ условій рабочаго класса авторъ констатируетъ, что и другое средство питанія, воздухъ, недоступно для рабочихъ въ достаточной степени и слишкомъ дорого для него. Авторомъ затрогивается еще одинъ интересный вопросъ, именно—о распредѣленіи бремени косвеннаго обложенія среди населенія; здѣсь, правда, авторъ ничего не даетъ новаго, но при помощи данныхъ, добытыхъ уже ранѣе его, онъ приходитъ къ выводу, что косвенное обложеніе ложится на платящіе классы очень неравномѣрно: 6,7% при доходѣ въ 540 руб. и 2,0% при доходѣ въ 552,960 руб. и т. д. Книжкѣ при доступности ея цѣны (80 к.) можно только пожелать широкаго распространенія.

Высочайше учрежденная подъ предѣдательствомъ статсъ-секретаря Куломзина комиссія для изслѣдованія землевладѣнія и землепользованія въ Забайкальской области. Вып. 1—16. Спб., 1898 г. Въ силу Высочайш. повелѣнія, въ 1896 г. въ Петербургѣ было учреждено совѣщаніе о поземельномъ устройствѣ Забайкальской области. Совѣщаніе пришло къ мысли о необходимости изучить положеніе этого вопроса на мѣстѣ, и съ этой цѣлью было рѣшено снарядить особую комиссію. Особая комиссія въ іюнѣ 1897 г. отправилась въ г. Читу для мѣстныхъ изслѣдованій. Работа велась одновременно и путемъ непосредственныхъ изслѣдованій, и путемъ разысканій, производимыхъ на мѣстѣ въ архивахъ. Въ результатѣ получилась огромная работа, состоящая изъ 16 выпусковъ, а именно здѣсь мы имѣемъ: въ вып. 1—списки населенныхъ мѣстъ и дачъ, въ вып. 2 и 3—статистическія данныя, въ вып. 4—историческія свѣдѣнія, въ вып. 6—населеніе, значеніе рода у инородцевъ и ламаизмъ, въ вып. 8—землевладѣніе, въ вып. 9—арендныя отношенія, въ вып. 10—формы землепользованія, въ вып. 11—земледѣліе въ связи съ характеристикю естественныхъ ловой пахатныхъ угодій, въ вып. 12—характеристику естественныхъ ловой сѣнокосныхъ, выгонныхъ и лѣсныхъ угодій, въ вып. 13—скотоводство, въ вып. 14—сбытъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, наеміи трудъ въ сельскомъ хозяйствѣ, промыслы и неземледѣльческіе зачатки и, наконецъ, въ вып. 15 и 16—подати и повинности, бюджеты.

Какъ видно отсюда, трудъ этотъ обнимаетъ довольно полно хозяйственную жизнь Забайкальской области и представляетъ очень серьезный интересъ какъ по массѣ затронутыхъ вопросовъ, такъ и по самой разработкѣ ихъ. Нѣкоторыя статьи снабжены превосходными рисунками, картограммами, диаграммами. Наприм., очень цѣнныя диаграммы приложены къ изслѣдованію бюджетовъ. Самъ по себѣ этотъ послѣдній вопросъ еще до сихъ поръ мало изслѣдованъ, и самая постановка его для столь отдаленной нашей окраины уже должна быть поставлена въ заслугу комиссіи: это вносить новыя и очень цѣнныя данныя для изученія статистики потребления. Нужныя свѣдѣнія собирались или путемъ бюджетныхъ бланковъ,—болѣе подробныя данныя,—всего получено до 300 бланковъ; но такъ какъ они заполнялись самими населеніемъ, то большинство этихъ карточекъ оказалось негодными, и можно было воспользоваться только 65, да и то не по вопросу объ учетѣ денежнаго бюджета: денежная оцѣнка продуктовъ производилась населеніемъ крайне субъективно, и потому не было никакой возможности дѣлать какія бы то ни было сравненія. Болѣе краткія свѣдѣнія по такому же вопросу добывались путемъ заполнения такъ называемыхъ бюджетныхъ карточекъ, притомъ самими статистиками, что уже гарантируетъ лучшее качество этихъ данныхъ. Мы не будемъ останавливаться на результатахъ этого изслѣдованія.

Забайкальская область по занимаемому пространству равняется 522,338 кв. верстѣ, а населенія здѣсь всего только 561,542 человекъ, слѣдовательно, на одну квадр. версту приходится 1,07 человекъ. Не говоря уже о томъ, что, вообще, непосильно столь малочисленному населенію бороться съ природой въ этомъ новомъ краѣ, населеніе и слишкомъ еще мало подготовлено къ этому, такъ какъ грамотные, полуграмотные и учащіяся составляютъ здѣсь въ общей массѣ населенія въ возрастѣ свыше 6 лѣтъ только 11,2%, т.-е., другими словами, на 1,000 ч. населенія приходится 888 неграмотныхъ (*Мат.*, вып. 6, стр. 77). Конечно, безъ свѣточа знанія трудно идти на борьбу въ новомъ краѣ. Вѣроятно, это отражается и на самомъ характерѣ хозяйствованія. Такъ, въ *Матеріалахъ* сообщается, что забайкальское скотоводство малопродуктивно, а потому и малодоходно. Конечно, причины этого лежатъ и въ недостатокѣ корма, какъ отмѣчается это въ *Матеріалахъ* (вып. 13, стр. 135), „но,—говорится далѣе,—забайкальскій хозяинъ преслѣдуетъ ту цѣль, чтобы въ хозяйствѣ было какъ можно больше головъ скота, совершенно не обращая вниманія на качество и продуктивность этихъ головъ и не соображаясь съ имѣющимся въ его распоряженіи количествомъ сухого корма, онъ убѣжденъ, что малодоходность его скотоводческаго хозяйства происходитъ отъ недостаточнаго количества головъ скота, старается увеличить это количество, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, теряетъ въ качественномъ отношеніи, такъ какъ запасъ сухого корма у него остается одинъ и тотъ же, а если и растетъ немного, то, во всякомъ случаѣ, не пропорціонально росту числа головъ. Отсюда является необходимость пользоваться для пастбы скота ветошью, а это обстоятельство порождаетъ голодовки... При достаточномъ количествѣ сухого корма въ хозяйствѣ, видъ его совершенно мѣняется, устраняется необходимость пользоваться ветошью для зимней пастбы скота... лучается возможность развести цѣнныя и продуктивныя улучшенныя породы скота, которыя при небольшомъ количествѣ головъ дадутъ сравненно большій доходъ, чѣмъ вдвое или втрое большее число голы мѣстныхъ породъ скота при практикующейся въ настоящее время

стемъ хозяйства...“ Очевидно, отсюда мы можемъ заключить, что забайкальскій скотоводъ не умѣетъ приноровиться въ способъ веденія хозяйства къ мѣстнымъ экономическимъ условіямъ, и, конечно, въ этомъ играетъ роль и недостаточное образованіе населенія: какъ характерный примѣръ незначительной продуктивности забайкальскаго скотоводства приводится составителемъ очерка слѣдующій курьезный фактъ: въ хозяйствахъ первыхъ богачей въ Забайкальѣ, братьевъ Шестаковыхъ, имѣющихъ болѣе 300 дойныхъ коровъ, своего масла не хватаетъ для потребленія своей очень небольшой семьи, и масло покупается на сторонѣ.

Будь населеніе болѣе образовано, конечно, оно сумѣло бы лучше приспособиться къ мѣстнымъ условіямъ.

Отдѣльный выпускъ посвященъ вопросу объ арендѣ въ этомъ далекомъ краѣ. Итоги изслѣдованія по этому вопросу приводятъ къ тому заключенію составителя этого выпуска, что „главнѣйшими арендаторами здѣсь являются богатые хозяева, имѣющіе большую запашку... слѣдуетъ признать, что чѣмъ выше благосостояніе хозяина, тѣмъ сильнѣе онъ стремится его увеличить или, по крайней мѣрѣ, поддержать его на прежнемъ уровнѣ... болѣе бѣдные арендаторы при борьбѣ за землю терпятъ пораженія и высокая степень развитія аренды не только не является коррективомъ по отношенію къ неправильно сложившемуся землепользованію, но, наоборотъ, она еще усугубляетъ неравенство землепользованія...“ „Съ развитіемъ общей площади арендуемой пашни обычно здѣсь увеличивается и аренда пашенной земли у однообщественниковъ, и, слѣдовательно, чѣмъ сильнѣе,—дѣлаетъ выводъ авторъ,—развиваются арендные отношенія въ той или другой административной единицѣ, тѣмъ сильнѣе обездоливается другая часть населенія въ необходимой ей пашнѣ...“ (вып. 9, стр. 99). Такимъ образомъ, и здѣсь идетъ теперь дифференціація населенія на почвѣ земельныхъ отношеній... борьба за землю, равно какъ борьба и на почвѣ обложенія. Последняя иногда доходитъ здѣсь до того, что приводитъ къ распаденію отдѣльныхъ поселеній и къ выдѣленію изъ нихъ особыхъ участковъ, слагающимъ съ себя всякую отвѣтственность за уплату налоговъ другихъ участковъ (вып. 15, стр. 32), слѣдовательно эти участки изолируются здѣсь на почвѣ обложенія—исключительно въ цѣляхъ выгородить себя отъ отвѣтственности за уплату налоговъ, причитающихся на жителей другихъ участковъ.

Наша цѣль ограничивается на этотъ разъ лишь тѣмъ, чтобы обратить вниманіе на этотъ интересный и очень цѣнный трудъ, проливающий яркій свѣтъ по многимъ вопросамъ на отдаленный край нашей Восточной Сибири,—край, который съ проведеніемъ желѣзной дороги все болѣе и болѣе будетъ привлекать къ себѣ вниманіе публики.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Тѣлесныя наказанія въ настоящее время“. Д. Н. Жбанкова и Вл. И. Яковенка.

Тѣлесныя наказанія въ Россіи въ настоящее время. Д. Н. Жбанкова и Вл. И. Яковенка. Бывшій въ 1896 г. въ Кіевѣ VI пироговскій съѣздъ русскихъ врачей постановилъ ходатайствовать передъ правительствомъ объ отмигнѣ тѣлесныхъ наказаній. „Для обоснованія этого ходатайства“ съѣздъ избралъ комиссію, которая и поручила врачамъ Жбанкову и Яковенку „собрать матеріалы, относящіяся къ вопросу о тѣлесныхъ наказаніяхъ“. Такова исторія настоящей книги. Первые двѣ

главы излагаютъ (по работамъ Семевского, Тимофеева, Бинштока и др.) исторію тѣлесныхъ наказаній и ихъ современное положеніе. Въ III гл. собраны любопытныя данныя о числѣ тѣлесно-наказанныхъ въ 1896 г. Данныя эти (изъ 19 губерній) представляютъ любопытную страничку изъ жизни „человѣка повиннаго съченію“. Здѣсь, конечно, собраны свѣдѣнія о наказанныхъ по приговорамъ волостныхъ судовъ и совершенно отсутствуетъ отдѣлъ битыхъ по усмотрѣнію низшей и высшей администраціи. Мы не говоримъ о данныхъ, рисующихъ положеніе тѣлесныхъ наказаній въ войскахъ, такъ какъ онѣ взяты изъ известной публикѣ работы Семевского (*Русск. Мысль* 1896 г., кн. II—III). Кромѣ того, есть цифры о тѣлесныхъ наказаніяхъ по приговорамъ волостныхъ судовъ и за другіе годы (1892 г.—Тверск. губ., 1891—96 гг.—Смоленск. губ. и пр.), но ихъ случайный и отрывочный характеръ дѣлаетъ ихъ непригодными для обобщеній.

Совершивъ нѣкоторыя манипуляціи съ цифрами, авторы приходятъ къ убѣжденію, что „паденіе тѣлесныхъ наказаній идетъ слишкомъ медленно“, а потому нельзя „спокойно выжидать самостоятельнаго вымирания розги“. Намъ кажется, что если бы въ 1896 г. волостные суды тѣхъ 19 губерній, которые приводятъ авторы, не постановили *ни одной* приговора о тѣлесномъ наказаніи, то вопросъ объ отмѣнѣ позорнаго битья былъ бы во столько разъ неотложнѣе, сколько они насчитали теперь по этимъ губерніямъ приговоровъ. Это значило бы, что обычное право крестьянъ осудило и изгнало подобное карательное и исправительное средство и всякій административно-полицейскій возвратъ къ нему поведетъ за собою тяжелыя послѣдствія. *Количественное* опредѣленіе позора слишкомъ недостаточно. Мы думаемъ, что авторы одинаково считаютъ для себя неудобнымъ какъ наказаніе въ 300 розогъ, такъ и въ 10. „Статистика“, съ которой оперируютъ авторы, освѣщаетъ ничтожный уголокъ тьмы безправія и издѣательства надъ личностью. Факты въ количествѣ болѣе чѣмъ достаточномъ найдутся чуть не въ каждомъ № газетъ и журналовъ. А сколько такихъ, которые никѣмъ не отмѣчаются?

Въ IV гл. авторы перечисляютъ учрежденія и лицъ, отрицательно относящихся къ тѣлесному наказанію. „Для обоснованія ходатайства“ подобная ссылка на авторитеты (въ особенности административныя), пожалуй, не лишняя, разъ потребовалось „обосновывать“ это ходатайство,—ну, а для читателей книги, пожалуй что, неумѣстна. Съ указанными недостатками книги примиряетъ громадный фактический матеріалъ, въ ней собранный, который служитъ убѣжденной защитой правъ личности. Собраніе этого подавляющаго количества краснорѣчивыхъ свидѣтельствъ безправнаго положенія большей части русскаго населенія само по себѣ есть громадная заслуга, за которую да простятся авторамъ недостатки пріемовъ защиты ихъ собственныхъ положеній,—не въ нихъ здѣсь суть.

Мы указали ихъ недостатки и, прежде чѣмъ кончить, должны указать и на выдающееся достоинство V главы „Вліяніе тѣлесныхъ наказаній на физическое и психическое здоровье человѣка“. Должно быть потому, что здѣсь авторы въ своей сферѣ, статья полна достоинства и производитъ глубокое впечатлѣніе. Въ заключеніе не можемъ не пожелать отъ души самаго широкаго распространенія книгѣ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Организація хозяйства“. Сост. В. Варгинъ.—„Значеніе казенныхъ лѣсовъ для крестьянскаго населенія привислянскихъ губерній“. І. Яницкаго.—„Кормовыя травы“. Составили Ф. Г. Штеберъ и К. Шретеръ.—„Шелковица, ея разведеніе и пользованіе ею“. Сост. Н. Шагровъ.

Организація хозяйства. Составилъ В. Варгинъ. Изд. Девриена. Спб., 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. Авторъ этой книги, преподаватель красноуфимскаго промышленнаго училища В. Н. Варгинъ (питомецъ Петровской академіи) назначаетъ свое произведеніе въ пособіе для учениковъ среднихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній; но не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что книга окажется полезною и для низшихъ, и для высшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ и, кромѣ того, въ значительной мѣрѣ для практическихъ хозяевъ.

Все руководство представляетъ изъ себя одинъ частный примѣръ, систематически проведенный съ начала до конца; назначеніе такого примѣра—познакомить учащагося въ деталяхъ съ методомъ проектированія организаціи. Авторъ самъ хорошо сознаетъ избытокъ схематичности въ своемъ руководствѣ: наша хозяйственная практика еще такъ бѣдна результатами многолѣтнихъ количественныхъ наблюденій, что приходится опредѣлять многіе элементы хозяйства приблизительно на основаніи разныхъ соображеній.

Первый большій по размѣру отдѣлъ книги отведенъ общей части организаціи: здѣсь даны расчеты стоимости рабочаго дня, стоимости производства навоза, количества и стоимости корма, выведены условія распредѣленія культуръ и сдѣлано сравненіе выгодности различныхъ системъ полеводства. Во второмъ отдѣлѣ составляется частная смѣта на хозяйство въ 540 десятинъ, помѣщенное приблизительно въ условія Красноуфимскаго уѣзда; смѣта эта заканчивается исчисленіемъ доходности хозяйства. Такъ какъ цѣны на хлѣба взяты низшія (пшеница 45 коп., рожь 30 коп., овесъ 25 коп. за пудъ), то и доходность опредѣляется только въ $2\frac{1}{2}$ процента на затраченный капиталъ; для полученія четырехъ процентовъ на капиталъ и 1,500 рублей въ видѣ предпринимательной прибыли необходимо повышеніе цѣнъ на $28\frac{1}{2}\%$.

Хотя авторъ мѣстами дѣлаетъ ссылки на крестьянское хозяйство, но большая часть условій взятаго примѣра стоитъ далеко отъ крестьянскихъ условій. Въ третьей части руководства В. Н. Варгинъ обѣщаетъ дать учетъ и составить проектъ переустройства отдѣльнаго крестьянскаго хозяйства; эта интересная тема (отчасти уже затронутая на столбцахъ *Хозяина*) особенно нуждается въ журналистикѣ въ виду крайней скудости литературы по русской сельско-хозяйственной экономіи.

Значеніе казенныхъ лѣсовъ для крестьянскаго населенія привислянскихъ губерній. І. Яницкаго. Радомъ, 1899 г. Брошюра І. Х. Яницкаго составилась изъ статей, печатавшихся въ *Варшавскомъ Дневникѣ* за 1898 годъ. Въ послѣднее время казенные лѣса въ губерніяхъ Царства Польскаго стали въ болѣе непосредственныя отношенія къ мѣстному крестьянскому хозяйству, чѣмъ это было прежде, и это выгодно отразилось какъ на доходахъ лѣснаго вѣдомства, такъ и на снабженіи мелкихъ хозяйствъ древесиною. „Крестьяне съ величайшею охотою приобрѣтаютъ всѣ остатки лѣснаго производства и убираютъ все купленное на-чисто, между тѣмъ лѣсопромышленники часто теряютъ стоимость лѣсныхъ остатковъ, оставляютъ въ казнѣ залогъ и все-таки не

убирають лѣснаго хлама“ (стр. 7). Авторъ рѣшительно высказывается противъ предлагаемой многими мѣры — воспрещенія пастьбы крестьянскаго скота въ казенныхъ лѣсахъ; „воспретить пастьбу скота въ лѣсахъ Привислянскія—значить подорвать въ корнѣ земледѣліе и все благосостояніе большей части сосѣдняго крестьянства“ (стр. 11). Недавно введенная подеревная продажа лѣса оказалась очень удобною формою пріобрѣтенія древесины со стороны крестьянскаго населенія. Авторъ жалѣетъ (стр. 37) объ отчужденіи значительныхъ лѣсныхъ площадей въ маіоратное владѣніе, при которомъ лѣса утратили свои государственныя функціи.

Позволяемъ себѣ не согласиться только съ однимъ замѣчаніемъ автора (стр. 36) о возможности возложить большую часть служебныхъ работъ, исполняемыхъ теперь помощниками лѣсничихъ, на лицъ безъ спеціальнаго образованія: едва ли такая замѣна выгодно отразится на государственномъ хозяйствѣ, требующемъ отъ исполнителей сознательнаго отношенія къ дѣлу, значительно освѣщаемаго спеціальнымъ научнымъ образованіемъ (подъ спеціальнымъ образованіемъ мы, какъ и авторъ, разумѣемъ не одно лѣсное, но и общее агрономическое).

Кормовыя травы. Составили Ф. Г. Штеблеръ и К. Шрётеръ. Переводъ И. И. Барсукова подъ редакціей П. С. Коссовича. Томъ I. Спб., 1898 г. Изд. Девріена. Ц. 4 р. 50 к. Изящно изданный переводъ перваго тома книги Штеблера и Шрётера удовлетворяетъ насущнѣйшей потребности русскихъ читателей, могущихъ пользоваться подлинникомъ. Настоятельно рекомендуемъ это изданіе вниманію мѣстныхъ агрономовъ, преподавателей всѣхъ сельско-хозяйственныхъ школъ и русскихъ хозяевъ.

Безъ увеличенія кормовой площади не мыслимы серьезныя и прочныя измѣненія въ строѣ русскихъ хозяйствъ. Альбомъ съ подробнымъ текстомъ агронома Штеблера и ботаника Шрётера составленъ по порученію швейцарскаго департамента земледѣлія. Въ общей части перваго тома, кромѣ ботанической характеристики злаковъ и мотыльковыхъ, даны общія замѣчанія объ ихъ распространеніи, объ отношеніи къ климату, почвѣ, къ удобренію, объ урожайности, посѣвѣ, уборкѣ и кормовомъ достоинствѣ. Спеціальная часть содержитъ подробное описаніе пятнадцати кормовыхъ растений; изъ нихъ одиннадцать принадлежатъ къ злакамъ и четыре (три вида клевера) къ мотыльковымъ. Кромѣ 83 рисунковъ въ текстѣ изданіе снабжено 15 роскошными отчетливыми хромолитографіями (исполненными у Глущевскаго въ Варшавѣ); такими изящными изображеніями русская сельскохозяйственная пресса не избалована. Крайне желательно, чтобы заслуженный успѣхъ перваго изданія вызвалъ поскорѣе появленіе втораго болѣе дешеваго изданія этой весьма полезной книги. Такое пожеланіе не мѣшаетъ намъ, вопреки скептицизму переводчиковъ, выразить надежду на скорое появленіе и русскихъ самостоятельныхъ сочиній по травосѣянью.

Шелковица, ея разведеніе и пользованіе ея. Составилъ Н. Шавровъ. 2-е изданіе испр. и дополн. Спб., 1899 г. Изд. Девріена. Цѣна 1 р. 50 к. Монографія, принадлежащая Н. Н. Шаврову завѣдывающему Кавказскою шелководственною станціей, имѣетъ 1 виду шелковичное дерево не только какъ матеріаль для выкармливанія шелковичныхъ червей; авторъ разсматриваетъ и утилизацію плодовъ древесины, коры, касается и употребленія листьевъ на кормъ скоту на приготовленіе краски. Главное вниманіе отведено, конечно, культурѣ шелковицы, какъ корма для шелковичныхъ червей. Культура описе-

очень подробно; текстъ снабженъ 142 рисунками и схематическою картою распространенія разныхъ видовъ шелковицы; бѣлая шелковица выносить еще годовую температуру Петербурга.

УЧЕБНИКИ, ПОСОБІЯ, ДѢТСКІЯ КНИГИ.

„Краткая систематическая грамматика французскаго языка“. Сост. В. Каннъ.— „Патріотическая хрестоматія“ и „хрестоматія“. Сост. В. Лопатинъ.— „Уроки русской грамматики“. Сост. А. Е. Алекторовъ.— „Новѣйшая русско-нѣмецкая азбука“. Дяло ф. - Рейсснера.— „Систематическій диктантъ“. В. Н. Сатарова.— „Родная рѣчь“. Сост. В. Соколовъ.— „Сборникъ образцовъ диктанта“. Сост. Б. Б. Ригъ.— „Изданія А. Ф. Девріена“. — „Библіотека маленькаго читателя“. Изданіе В. С. Стуридонова.— Библіотека „Всходоу“. Составлено по Фонвизелю. Э. Пименовой.

Краткая систематическая грамматика французскаго языка. Составилъ В. Каннъ. М., 1897 г. Ц. 80 к. Краткая систематическая грамматика г. Канна, пожалуй, и систематична, но краткой ее во всякомъ случаѣ назвать нельзя, потому что она содержитъ въ себѣ 192 страницы далеко не малаго размѣра. Особенно подробно изложено отдѣлъ о глаголахъ: ему посвящены цѣлыхъ 3 главы, которыя занимаютъ болѣе 100 страницъ. Такая обстоятельность, какъ кажется намъ, едва ли можетъ считаться цѣлесообразной; правда, г. Каннъ правильно считаетъ изученіе употребленія временъ и наклоненій французскаго глагола наиболѣе труднымъ для учащихся и не такъ давно посвятилъ этому вопросу отдѣльную брошюру, но и брошюра эта и соответствующія главы въ разсматриваемомъ учебникѣ до такой степени загромождены правилами, что не только примѣнить ихъ къ дѣлу, но и просто запомнить—работа для учащихся совсѣмъ непосильная. Вообще, надо помнить, что грамматическія правила никакимъ образомъ не могутъ замѣнить примѣровъ и живой рѣчи, а практическое изученіе языка есть наиболѣе легкое и наиболѣе совершенное. Нашъ выводъ о грамматикѣ г. Канна сводится, такимъ образомъ, къ тому, что едва ли она представляетъ собой полезный вкладъ въ литературу учебниковъ и, во всякомъ случаѣ, особенно цѣнную считать ее нельзя.

1) Патріотическая хрестоматія и 2) Хрестоматія. Составилъ Валерьянъ Лопатинъ. Изданіе первой хрестоматіи третье, второй—второе. Варшава, 1898 г. Ц. 60 к. + 1 р. (съ перес. 1 р. 25 к.). Первая изъ двухъ составленныхъ г. Лопатинымъ хрестоматій преслѣдуетъ, какъ видно изъ заглавія, патріотическія цѣли, во второй составитель имѣетъ въ виду, что „современный уровень развитія нашего народа настолько повышенъ и потребность къ чтенію у него настолько увеличилась, что произведенія нашихъ великихъ авторовъ и *подходящихъ* (?) иностранныхъ знаменитостей какъ разъ и должны быть въ настоящее время самымъ главнымъ и даже необходимымъ чтеніемъ во всѣхъ солдатскихъ школахъ и народныхъ сельскихъ и городскихъ училищахъ“ (предисловіе). Первая хрестоматія наполнена русской исторіей, русскими людьми, дѣяніями русскихъ угодниковъ и святителей, русскими дѣятелями и писателями и, вообще, всѣмъ русскимъ, во вторую же допущены нѣкоторыя *подходящія* иностранныя знаменитости, подъ которыми г. Лопатинъ разумѣетъ Х. Шмидта, бр. Гриммовъ, Андерсена, Диккенса и Болеслава Пруса. Первая хрестоматія не включаетъ въ себѣ иностранныхъ разъясненій со стороны составителя, во второй, наоборотъ, онъ пробуетъ отъ поры до времени растолковать смыслъ той или иной статьи, причѣмъ входитъ довольно часто въ любопытныя

подробности, вроде той, например, что Тургеневъ описывалъ „русскую погоду“ (стр. 67). Наконецъ, несмотря на весь патріотизмъ первой хрестоматіи, напечатана она на очень плохой бумагѣ, мелко, съ опечатками, а сброшюрована чрезвычайно небрежно, во второй же нѣкоторые комментаріи чрезвычайно поучительны; г. В. Лопатинъ утверждаетъ, напримеръ, что „нашего славнаго писателя“ Григоровича зовутъ Дмитрій *Ивановичъ* (!) (стр. 141).

Уроки русской грамматики. Синтаксисъ. Посobie для родителей и преподавателей элементарныхъ школъ. Составилъ А. Е. Алекторовъ. Третье изданіе. Оренбургъ, 1898 г. Ц. 25 к. У *уроковъ русской грамматики* есть своя исторія: впервые они появились въ Пензѣ въ 1881 году, а съ 1886 года переправались въ Оренбургъ, гдѣ и изданы въ 1898 году въ третій разъ. Несмотря однако на то, что книжка выходитъ 3-мъ изданіемъ, она никакихъ особуихъ достоинствъ не имѣетъ; если же мѣстами доступность изложенія и свободное обсужденіе грамматическаго матеріала являются умѣстными и упрощающими дѣло,—мѣстами, наоборотъ, изложеніе и разсужденія г. Алекторова навны и невѣрны. Вотъ, напримеръ, какъ выясняется въ *Урокахъ русской грамматики* терминъ *предложеніе*: „ну, а для чего же мы говоримъ?—спрашиваетъ составитель и продолжаетъ:—такъ бы все думали и думали... Вотъ хотъ бы я,—для чего бы я сталъ говорить, къ примѣру, хотъ это: туманы чаще всего бываютъ весной и по осени, для чего? Не знаетъ ли кто? А вотъ для чего. *Мнѣ-то извѣстно*, когда чаще всего бываютъ туманы, а вамъ, быть можетъ, не извѣстно; зачѣмъ же знать мнѣ одному, лучше и вамъ сказать,—пусть знаете и вы, когда чаще всего бываютъ туманы. Такимъ образомъ, я передаю вамъ, что знаю о туманахъ, передаю вамъ „свое знаніе“ (стр. 15 и 16). Нельзя не сознаться, что это разсужденіе о *туманахъ* едва ли можно считать яснымъ и вѣрнымъ: положимъ, мнѣ и *не извѣстно*, когда чаще бываютъ туманы, однако я могу понаблести это самъ. Что касается до примѣровъ, приводимыхъ въ книжкѣ г. Алекторова, то особенной выразительностью они не отличаются, и мы встрѣчаемъ среди нихъ, напримеръ, такой: „Иванъ пошелъ рвать ягоды“ (стр. 45). Наконецъ, правила о знакахъ препинанія, которымъ разбираемая книжка посвящена, главнымъ образомъ, и опредѣленіе тѣхъ или иныхъ предложеній и ихъ частей ничѣмъ не лучше обыкновенныхъ, т.-е. выражены запутанно и трудны для пониманія. Вообще, вопреки мнѣнію г. Алекторова, которое ясно изъ заглавія, *Уроки русской грамматики*, какъ намъ кажется, едва ли могутъ явиться хорошимъ „посobieмъ для родителей и преподавателей элементарныхъ школъ“.

Новѣйшая русско-нѣмецкая азбука „самоучитель“ для обученія въ 1 мѣсяцъ нѣмецкому чтенію, письму и разговору съ образцами и картинами. Плято ф.-Рейсснера. XIV изданіе. Варшава, 1898 г. Ц. 20 к. Въ „Библиогр. отдѣлѣ“ *Русской Мысли* за прошлый годъ (1898 г., кн. VІІІ) намъ уже приходилось давать отзывъ о новѣйшей русско-нѣмецкой азбулкѣ, но тогда у насъ въ рукахъ была азбука цѣною въ 10 к.; однако у г. Плято ф.-Рейсснеръ есть еще азбука въ 20 коп., а есть и въ 35 коп. Сейчасъ передъ нами азбука въ 20 коп., и о ней мы можемъ сказать такъ же мало хорошаго, какъ и объ азбулкѣ въ 10 коп. Разница только въ количествѣ рисунковъ и въ болѣе плотной бумагѣ, во всемъ же прочемъ 20-копѣчная азбука ничѣмъ не лучше 10-копѣчной. Г. Плято ф.-Рейсснеръ по-старому безграмотно выражаетъ свои мысли (см. его „наставленіе“), по-старому

нѣмецкія слова въ его азбукѣ коверкаются, будучи напечатаны русскими буквами (хэрэнтъ—högen, вэгъ—weg и пр.), по-старому книжку благополучно украшаютъ фразы, вродѣ слѣдующихъ: „приносите ли вы мѣ очень много муки?“ „Я приношу вамъ много муки, но я приношу вамъ очень мало каши“ (стр. 31) и т. д. Однимъ словомъ, распространенія книжки Плято ф.-Рейсснера желать никоимъ образомъ нельзя.

Систематическій диктантъ. В. Н. Сатарова. Учебное пособие для учениковъ народныхъ и церковно-приходскихъ школъ. 1898 г. Ц. 30 к. *Систематическій диктантъ* г. Сатарова представляетъ собой типичный сборникъ диктантовъ, въ которыхъ погоня за грамматическими правилами и различными особенностями русскаго правописанія стоитъ на первомъ планѣ, а смыслъ диктуемаго находится въ полномъ пренебреженіи. Какъ ни малоцѣнны такіе сборники, они выходятъ почти постоянно, и г. Сатаровъ увеличилъ ихъ количество еще на одинъ экземпляръ. Въ его *Систематическомъ диктантѣ* сначала идутъ отдѣльные слова, потомъ парныя слова, потомъ рѣдкостныя фразы, вродѣ, напримѣръ, слѣдующей: „въ домѣ была передѣлка кухонь?“ (стр. 25), а наконецъ, и статьи для повторенія, какъ озаглавливаютъ ихъ составитель, хотя неизвѣстно, что именно разумѣется тутъ подъ повтореніемъ. Все это въ томъ или другомъ видѣ мы встрѣчаемъ въ каждомъ сборникѣ, и разница между ними состоитъ только въ томъ, что одинъ изъ нихъ предназначается для низшихъ школъ, другой—для среднихъ, третій—еще для какихъ-нибудь, а вотъ г. Сатаровъ своимъ *Систематическимъ диктантомъ* имѣетъ въ виду народныя и церковно-приходскія школы. Впрочемъ, въ диктантахъ г. Сатарова есть и еще одна особенность: онъ такъ увлеченъ русскимъ правописаніемъ и грамматическими правилами, что забываетъ отдѣлять какъ-нибудь замѣтно одно предложеніе отъ другого, отчего временами получаютъ курьезы, въ которыхъ нельзя не отнести двухъ слѣдующихъ, напримѣръ, фразъ, стоящихъ рядомъ и не отдѣленныхъ другъ отъ друга: „Гдѣ бы тутъ напитокъ?“—спрашиваете вы у косара. „Занимайте скорѣе,—кричалъ онъ,—юрку, что за мѣсомъ“ (стр. 81). Вообще, *Систематическій диктантъ* г. Сатарова принадлежитъ къ числу не просто бесполезныхъ, а и вовсе вредныхъ учебныхъ пособій.

Родная рѣчь. Русская хрестоматія для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть I (изданіе пятое) и часть II (изданіе второе). Составилъ В. Соколовъ. М., 1898 г. Ц. 1 р. + 1 р. 50 к. Двѣ части *Родной рѣчи* г. Соколова знакомы съ хорошей стороны учителямъ и учительницамъ русскаго языка среднихъ учебныхъ заведеній, такъ какъ составитель названной хрестоматіи сумѣлъ удовлетворить требованіямъ, предъявляемымъ обыкновенно къ книгѣ для класснаго чтенія. Въ первой части *Родной рѣчи* собрано много содержательнаго матеріала для дѣтей младшаго возраста, во второй—для средняго. Такъ какъ матеріалъ этотъ въ большинствѣ случаевъ взятъ изъ образцовыхъ писателей русскихъ не только новыхъ, но и новѣйшихъ, хрестоматія имѣетъ, такъ сказать, двойную цѣнность. Такимъ образомъ, мы признаемъ вполне естественнымъ довольно широкое распространеніе *Родной рѣчи* и желаемъ ей того же и въ будущемъ.

Сборникъ образцовъ диктанта, выбранныхъ изъ произведеній русскихъ писателей. Составилъ Б. Б. Рига, 1898 г. Ц. 80 к., съ терес. 1 р. Трудно сказать, что ставилъ себѣ задачей г. Б. Б. во время составленія своего сборника. Его образцы диктанта выбраны изъ произведеній русскихъ писателей, но съ какою цѣлью? Далѣе, сбор-

никъ дѣлится на три части: въ первую входитъ этимологія, во вторую синтаксисъ, а въ третью статьи,—что же это за дѣленіе? Еще далѣе: къ заголовку первой части прибавлено: *вступительныя диктовки*,—въ какомъ смыслѣ надо понимать такое прибавленіе? Наконецъ, на первыхъ четырехъ страницахъ находимъ, какъ замѣчаетъ самъ составитель, пословицы и краткія предложенія,—кому и чему нужны эти пословицы и краткія предложенія? Такимъ образомъ, рассматриваемый *сборникъ образцовъ диктанта* представляетъ собою нѣчто непонятное, и нельзя не пожалѣть, что г. Б. Б. не предпослалъ своему сборнику никакого вступленія или предисловія. Впрочемъ, каково бы ни было это предполагаемое предисловіе, на произведеніе г. Б. Б. едва ли можно было бы взглянуть иначе, какъ на что-то крайне шаблонное: это одинъ изъ тѣхъ безчисленныхъ сборниковъ, диктантовъ, которыхъ такъ много въ нашей учебной литературѣ, которые всѣ спѣшатъ согласовать свое правописаніе съ правописаніемъ руководства академіи наукъ, которые преслѣдуютъ слишкомъ узкую грамотность и въ которыхъ, съ нашей точки зрѣнія, очень мало толку и пользы.

Изданія А. Ф. Девриена. 1) *Черная птица и Орелъ снѣговыхъ вершинъ. Повѣсть изъ жизни мексиканскихъ пустынь. По Габріелю Ферри обработала для русскаго юношества Е. Петри. Спб., 1898 г.* 2) *Русскіе путешественники-исслѣдователи. Русскіе мореплаватели. Арктическіе и кругосвѣтные. М. А. Лялиной. Второе изданіе. Спб., 1898 г.* Чего только нѣтъ въ книжкѣ г-жи Петри „для русскаго юношества“: Тутъ читатель найдетъ массу разнообразнѣйшихъ приключеній и походовъ: и всевозможныя козни, и интриги, и стычки съ разъяренными тиграми, и битвы съ не менѣе разъяренными индѣйцами, носящими соответствующія страшныя прозвища, вродѣ „Черной птицы“, „Кровавой руки“ и т. п.; чуть не на каждой страницѣ тутъ встрѣчаются смертоубійства, скальпированья и прочіе ужасы. Однако „русскій юноша“, хотя бы даже и весьма падкій до Густава Эмара и Майнъ-Рида, все-таки не увлечется повѣствованіями г-жи Петри. Событія нагромождены здѣсь безъ всякой связи, дѣйствующія лица являются на сцену и исчезаютъ внезапно и также безъ всякихъ причинъ, а фабула, составляющая въ произведеніяхъ подобнаго рода главный притягательный центръ, на которомъ сосредоточивается все вниманіе, то и дѣло затемняется или же совсѣмъ ускользаетъ куда-то, такъ что поймать ее невозможно. Мы не знакомы съ матеріаломъ, по которому „обработывала“ г-жа Петри свою „повѣсть изъ жизни американскихъ пустынь“, и въ недостаткахъ ея быть можетъ виновать также и Габріель Ферри, но и въ такомъ случаѣ можно только сказать, что г-жа Петри плохо выбрала сюжетъ для работы.

Книжка г-жи Лялиной содержитъ въ себѣ описанія путешествій Беринга, Сарычева, Врангеля и другихъ русскихъ путешественниковъ. Она составлена по ихъ собственнымъ произведеніямъ и прочтется не безъ интереса и пользы, хотя изложеніе суховато. Въ концѣ приложена карта арктическихъ путешествій. Рисунки выбраны и исполнены неровно, но нѣкоторые удачны. Изданы обѣ книги, какъ и всѣ изданія Девриена, съ внѣшней стороны очень хорошо.

Библіотека маленькаго читателя. Изданіе В. С. Спиридонова № 5. Въ городѣ и деревнѣ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей составилъ А. Ивинъ. Изданіе второе. Москва, 1898 г. Ц. 30 к., въ папкѣ 40 к. № 6. Новая звѣздочка. Три разсказа. А. В. Круг

лова. Изданіе второе. Москва, 1898 г. Ц. 25 к., въ папкѣ 35 к. Оба выпуска „Библиотеки нашего читателя“ выходятъ вторымъ изданіемъ очень быстро вслѣдъ за первымъ. Такой успѣхъ книжекъ показываетъ, насколько удачна и удобна самая форма изданія небольшихъ сборниковъ для дѣтскаго чтенія. Въ видахъ большаго распространенія подобныхъ книжекъ, желательно, чтобы цѣна ихъ была по возможности дешевле.

Библиотека „Всходовъ“. Голодовка у Сѣвернаго полюса. Исторія одной полярной экспедиціи. Составлено по Фонвіеллю. Э. Пименовой. Цѣна 25 к. Спб., 1896 г. Книжка г-жи Пименовой составлена очень хорошо, и интересъ, съ которымъ она читается, не ослабѣваетъ до самаго конца. Чтеніе путешествій—и полезная, и пріятная вещь для дѣтей, если только изложеніе не слишкомъ сухо. Разбираемая книжка не только не страдаетъ сухостью, но, напротивъ, содержитъ въ себѣ подборъ фактовъ и приключеній, вполне понятныхъ и занимательныхъ для дѣтей. Языкъ вездѣ хорошъ, и въ разсказѣ не чувствуется растянутости.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Книжныя Новости“. Ежемѣсячный библиографическій журналъ. Годъ 1. Спб., 1889 г.

„Книжныя Новости“. Ежемѣсячный библиографическій журналъ. Годъ 1-й, № 1. Спб., 1899 г. Передъ нами первая книжка новаго періодическаго органа, посвященнаго интересамъ книжнаго дѣла. Потребность въ такомъ органѣ чувствуется у насъ уже давно, такъ какъ два-три аналогичныя изданія, выходяшія до сихъ поръ, не удовлетворяли вполне нуждамъ развивающагося у насъ съ каждымъ годомъ издательскаго, библиотечнаго и книгопродавческаго дѣла. *Книжныя Новости*, какъ видно изъ программы редакціи, ставитъ своею цѣлью, во-первыхъ, своевременно извѣщать читателей, библиотекарей, книгопродавцевъ и вообще лицъ, интересующихся книгами и книжнымъ дѣломъ о выходѣ въ свѣтъ новыхъ изданій—русскихъ и иностранныхъ; во-вторыхъ, помѣщать о наиболѣе выдающихся произведеніяхъ печати по возможности подробныя отзывы и рецензіи и приводить содержаніе выдающихся періодическихъ изданій съ указаніемъ и разборомъ наиболѣе замѣчательныхъ литературныхъ произведеній и научныхъ статей; далѣе,—приходить на помощь читателямъ путемъ разныхъ библиографическихъ справокъ и указаній и, наконецъ,—печатать каталоги издательскихъ фирмъ и опредѣленія учреждений, вѣдающихъ вопросы допущенія книгъ въ читальни, школы и т. п. Первая книжка составлена разнообразно и даетъ не мало цѣнныхъ свѣдѣній изъ области книжнаго дѣла: помимо правительственныхъ распоряженій, въ нее вошло 37 подробныхъ и обстоятельныхъ отзывовъ и разборовъ различныхъ книгъ и періодическихъ изданій; затѣмъ слѣдуетъ перечень книгъ, вышедшихъ съ 1 января 1899 года, и подробный каталогъ народныхъ книгъ, составленный редакціей изданій книжнаго магазина „Знаніе“. Въ отдѣлѣ „Хроника книгопродавческаго и издательскаго дѣла“ редакція даетъ рѣзкую отвѣдь московскимъ книгопродавцамъ и издателямъ на ихъ пресловутую программу вопросовъ, выработанную съ цѣлю *урегулировать книжное дѣло* (конечно, въ интересахъ гг. книгопродавцевъ, а не потребителей). Въ общемъ первая книжка новаго журнала оставляетъ хорошее впечатлѣніе и можно надѣяться, что жур-

наль получить широкое распространение, чему въ значительной степени можетъ способствовать низкая цѣна, назначенная за него издателями: одинъ рубль за 12 книжекъ съ доставкой и пересылкой.

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНИЯ.

„Вѣстникъ Европы, июль.—„Миръ Божій“, июль.—„Русскій Вѣстникъ“, июль.—„Дѣтское Чтеніе“.—„Родникъ“.—„Дѣтскій Отдыхъ“.—„Всходы“.—„Майскія Пушкинскія книжки“.

Въ июльской книгѣ *Вѣстника Европы* кончена повѣсть г. Головина *Второе поколѣніе*. Нельзя сказать, чтобы повѣсть эта была очень коротка: она тянется въ трехъ книгахъ, и совершенно напрасно. О томъ, что могло бы представить значительный интересъ, г. Головинъ вовсе умалчиваетъ, наоборотъ, на томъ, что затягиваетъ повѣсть, онъ останавливается весьма подробно. Между тѣмъ самая тема заслуживаетъ вниманія; во всякомъ случаѣ, изображеніе перемѣнъ, которыя обязаны своимъ появленіемъ „второму поколѣнію“, могло бы показаться читателю любопытнымъ, если бы перемѣны были очерчены ясно, а дѣйствующія лица нарисованы живо. Къ сожалѣнію, ни этой ясности, ни этой живости въ повѣсти г. Головина нѣтъ. Такимъ образомъ, повѣсть растянута, фигуры, изображенныя въ ней, не вполне жизненны, картины, ее наполняющія, отличаются туманностью, и все это объясняется придуманностью, которая въ повѣсти слишкомъ замѣтна и обнаруживается совсѣмъ просто. Вотъ, напримѣръ, Алеша Макшеевъ, одинъ изъ представителей „второго поколѣнія“, около котораго сосредоточенъ главный интересъ повѣсти. Что это за человекъ? Вполнѣ опредѣленно отвѣтить довольно трудно. На его подвижномъ лицѣ, — какъ увѣряетъ авторъ, — читалось какъ будто двойственное выраженіе: „съ беззаботною свѣжестью юности спорила какъ бы засѣвшая на немъ упрямая, докучливая, совсѣмъ не юношеская забота“. Эта забота существовала дѣйствительно и была такъ велика въ Алешѣ, что дѣлала изъ него „аскета и отшельника“ въ глазахъ всѣхъ, кто имѣлъ къ нему какое-нибудь отношеніе. Чѣмъ же озабоченъ былъ онъ? Разоблаченіемъ той загадки, которую представлялъ собою для него отецъ; эту загадку Алеша „тщетно старался разгадать, въ то же время какъ бы пугаясь разгадать ее. Молодой человекъ не то, чтобы не любилъ отца, — онъ страстно желалъ полюбить его, и все-таки онъ не могъ освободиться отъ тайнаго нехорошаго чувства, словно отчуждавашаго его отъ полной довѣрчивой привязанности къ отцу“. На самомъ дѣлѣ отецъ его состоялъ нѣкогда приказчикомъ въ имѣніи дворянина Владиміра Семеновича Богушевскаго и совершенно ограбилъ не только его самого, но и отца его, воспользовавшись слѣпымъ довѣріемъ господъ. Разумѣется, узнай Алеша отцовскую тайну раньше, онъ былъ бы совсѣмъ другой, и, главное, г. Головину, можетъ быть, и не зачѣмъ было бы писать повѣсть. Такимъ образомъ, тайна остается тайной до самыхъ послѣднихъ страницъ. Во всякомъ случаѣ, г. Головинъ нѣсколько разъ въ повѣсти совсѣмъ подведетъ къ развязкѣ, но вдругъ, что называется, вильнетъ въ сторону, и опять ничего не разъяснится. Вотъ Алеша знакомится съ дочерью Богушевскаго, Наталіей, и они постепенно начинаютъ любить другъ друга. Такъ какъ отецъ Наташи смертельно ненавидитъ „Оедьку-мерзавца“, какъ онъ называетъ отца Алешы, то, повидимому,

развязка близка; но, по волю автора, о знакомствѣ съ Алешей Наташи отецъ ея долгое время и не догадывается, и повѣсть тянется. Далѣе, Алеша вступаетъ почти въ дружескія сношенія съ Левой, братомъ Наташи, а тотъ объ исторіи своего отца съ Макшеевымъ освѣдомленъ очень обстоятельно; ужь, кажется, долженъ бы Алеша узнать о воровствѣ своего отца, но Лева почему-то все скрываетъ отъ молодого Макшеева, и развязка опять откладывается. Мало того: увидавъ въ первый разъ Алешу совершенно неожиданно, Лева, противъ всякихъ законовъ природы, выражаетъ только мимолетное удивленіе, а потомъ говоритъ сестрѣ, которая это мимолетное удивленіе все-таки замѣтила: „на что тебѣ про это знать? Лучше буду наслаждаться (?) зрѣлищемъ вашей растущей близости. Это будетъ забавно. А узнаешь, кто онъ такой, пожалуй, будешь держать себя неестественно. Только, въ самомъ дѣлѣ, я очень радъ познакомиться съ этимъ Макшеевымъ. И будь съ нимъ какъ можно любезнѣе, пожалуйста. Пусть онъ клюетъ, какъ рыба, и попадаетъ на удочку“. Еще далѣе, когда Лева, „наслаждаясь зрѣлищемъ растущей близости“ Наташи съ Алешей, приглашаетъ послѣдняго къ себѣ, а съ нимъ вмѣстѣ хоть не живетъ отецъ, но живетъ мать, которая тоже не забыла грабежа Макшеева, мать эта возмущается и не желаетъ видѣть въ своемъ домѣ сына своего грабителя; но Лева, — по желанію г. Головина, — уговариваетъ ее принимать Алешу. Тетка, женщина „дворянской породы“, у которой живетъ Алеша, и которая приходится родной сестрой его матери, тщательно скрываетъ отъ племянника тайну, и Алеша временами совсѣмъ теряется въ загадкахъ и мучается. Словомъ сказать, каждое лицо, имѣющее то или иное соприкосновеніе съ Алешей, изо всѣхъ силъ старается для г. Головина не раскрывать загадки, и этимъ позволяеть автору растянуть повѣсть на три книги. Такимъ образомъ, неестественность всѣхъ условій, окружающихъ Алешу, раскрывается передъ читателемъ очень ясно, и читатель весьма скоро задается вопросомъ: да гдѣ же и когда же все это могло быть и, главное, что сдѣлало Алешу человѣкомъ, который, несмотря на свой студенческій возрастъ, ни о чемъ не догадывается до тѣхъ поръ, пока Богушевскій на праздникъ въ Корсовѣ, имѣннiи одного помѣщика, не назвалъ его отца въ глаза „мошенникомъ, подлецомъ и мазурикомъ“. Оказывается, что Алеша, не въ примѣръ своимъ братьямъ и сестрамъ, вышелъ въ свою мать, которая, какъ сказано, была дворянскаго происхожденія, и этимъ объяснялась честная, прямая и деликатная натура его, сдѣлавшая его близорукимъ относительно отца и отцовскаго поведенія. Такъ рѣшаетъ вопросъ г. Головинъ, но удовлетвориться этимъ рѣшеніемъ очень мудрено. Правда, Алеша съ 12 лѣтъ былъ отданъ въ петербургскую гимназію и жилъ вдали отъ отца на попеченіи тетки, а на каникулы къ отцу ѣздилъ не всегда; но очень странно, что исторію старика Макшеева съ Богушевскимъ знали всѣ и каждый кругомъ Алешы, самъ же Алеша пребывалъ въ полномъ невѣдѣннiи. Именно „въ полномъ невѣдѣннiи“, потому что, когда передъ нимъ раскрылась истина, она была такъ страшна для него, что, несмотря на взаимную любовь это и Наташи, несмотря на его вѣру въ прогрессъ и книги, онъ застрѣливается. Вотъ каковъ одинъ изъ представителей „второго поколѣнія“, конечно, чрезвычайно мало правдоподобный, хотя, по повѣсти, самый отвѣтственный. Есть и другой: это — Лева Богушевскій. Таково ужь время, которое переживается нами, съ точки зрѣннiя автора повѣсти *Второе поколѣнiе*, что все пережилось, и если у приказчика-

вора Федора Степановича Макшеева появился сын-идеалист Алеша, благодаря матери, на которой въ прежнюю пору Макшеевъ не могъ бы жениться, то у Владимира Семеновича Богущевскаго, этого дворянина съ головы до ногъ, долженъ вырости сынъ Лева, человекъ крайне практичный. Онъ путеецъ, на науку смотритъ какъ на средство, прямо идетъ къ цѣли наживы, держится здравыхъ понятій, называетъ старика Макшеева умнымъ человекомъ въ глаза и заставляетъ этого старика прійти къ заключенію, что „дворянское отродье за умъ, должно быть, взялось“. Лева же, какъ путеецъ, добивается, чтобы желѣзная дорога шла мимо завода Макшеева, чѣмъ, по выраженію одного изъ второстепенныхъ лицъ повѣсти, „приманиваетъ къ себѣ кулацкую породу“ отца Алеши, чтобы получить отъ того пользу, подѣйствовать на его слабую сторону, тщеславіе. Разумѣется, и здѣсь не совсѣмъ ясно, какимъ образомъ могъ выработаться Лева около широкой дворянской натуры отца, слабохарактерной матери и благородной сестры Наташи, дѣвушки съ честными стремленіями; но у г. Головина многое дѣлается, какъ уже это было показано, по шучьему велѣнію, и его, повидимому, занимаетъ только несходство „второго поколѣнія“ съ предшествующимъ: сынъ дворянина превратился въ кулака, сынъ кулака воспринялъ въ себя брезгливость и неподкупность дворянина. Что касается до дѣвицъ, то и онѣ очень мало похожи на прежнихъ, по крайней мѣрѣ, Наташа Богущевская стремится на медицинскіе курсы, не раздѣляетъ предрасудковъ отца, готоваго перенести ненависть къ отцу Макшеева и на его сына, и признается, наоборотъ, что любить Алешу „на всю жизнь“. Впрочемъ, Наташа гораздо больше удалась г. Головину, какъ удался ему и представители стараго поколѣнія: Богущевскій и Макшеевъ нарисованы вѣрно, но и ихъ авторъ заставляетъ продѣлывать много совершенно непонятнаго. Тутъ однако дѣло касается уже другой стороны, т.-е. не столько лицъ, сколько фабулы, которая, какъ и было сказано раньше, полна ненужныхъ и излишнихъ подробностей и отличается искусственностью. За чѣмъ, напримѣръ, введена подъ конецъ повѣсти семья Асаниныхъ, которой авторъ отводитъ очень много мѣста? Ничего новаго для обрисовки главныхъ дѣйствующихъ лицъ и сюжета повѣсти эти Асанины не даютъ. Точно также не искусственно ли положеніе въ повѣсти Владимира Сем. Богущевскаго, котораго авторъ все время держитъ про запасъ, пока, по его мнѣнію, не наступилъ моментъ, когда старикъ Макшеевъ долженъ быть посрамленъ въ присутствіи Алеши, а Алеша долженъ застрѣлиться. Сверхъ всего, въ повѣсти встрѣчаются противорѣчія и неудовлетворительны нѣкоторыя мелочи. Такъ, Владимиръ Семеновичъ Богущевскій, по увѣренію г. Головина, „къ самовольной расправѣ прибѣгать не любилъ“, а нѣсколько ниже тотъ же авторъ рассказываетъ, какъ Богущевскій „осыпалъ бранью слугу и позволилъ себѣ, даже несмотря на судебныя уставы, собственноручное назиданіе“ приказчику. Еще примѣръ: тетка Алеши, по заявленію автора повѣсти *Второе поколѣніе*, имѣла сердце „необыкновенно доброе, отзывчивое и мягкое, совсѣмъ не научное (!) и не современное (!)“. Любопытно бы знать, что хочетъ сказать г. Головинъ такимъ утверженіемъ, и ужели онъ серьезно полагаетъ, что наука и отзывчивость находятся антагонизмъ, а современные люди всѣ безсердечны, потому что всѣ нимаются наукой?

Перемѣнъ, происшедшихъ и происходящихъ въ дворянскомъ сс. вѣн, касается въ іюлѣ *Вѣстника Европы* и рассказъ г. Авсѣенка *1 ятели*. Здѣсь выводится нѣкто Хохоревъ, представитель дворянск

принципа, бывший предводитель дворянства и когда-то помѣщикъ. Онъ „пострадалъ отъ земледѣльческаго кризиса“, и изъ милости князь Сосницкій сдѣлалъ его управляющимъ своей дачи. У Хохорева нѣтъ недостатка въ пріятеляхъ. Таковы: Колотыгинъ, отставной кавалеристъ, Клевцовъ, по словамъ Хохорева, „извѣстнѣйшій экономистъ и дѣлецъ, какихъ мало“, и Букинъ, домовладѣлецъ Петербургской Стороны, чрезвычайно выдающаяся личность, какъ опять-таки рекомендуетъ его Хохоревъ. Всѣ они проводятъ цѣлыя дни у Хохорева, заинтересованы „экономическими“ вопросами и озабочены въ разговорѣ тѣмъ, какъ бы повыгоднѣе продать дачу, по порученію княгини Сосницкой, и какъ бы получить за продажу соответствующій процентъ. Разсуждаютъ они объ этомъ, каждый на свой ладъ, очень настойчиво, но для Хохорева выходитъ все совершенно неожиданно. Княгиня Дарья Владиміровна Сосницкая воспользовалась намѣреніемъ князя продать дачу чрезвычайно своеобразно: она стала назначать на дачѣ свиданія нѣкому офицеру Ерлицкому, котораго выдавала за покупателя. Князь узнаетъ объ этомъ, является на дачу въ часъ свиданія и, замѣтивъ будто бы безпорядокъ въ хозяйствѣ, а на самомъ дѣлѣ предположивъ участіе Хохорева въ устройствѣ свиданій княгини съ Ерлицкимъ, отказываетъ управляющему отъ мѣста. Хохоревъ не можетъ не сознать свою „неумѣлость, негодность и беспомощность“. Въ этой „неумѣлости, негодности и беспомощности“ бывшаго предводителя дворянства“ и помѣщика не остается сомнѣнія и у читателя разсказа г. Авсѣнка.

Въ противоположность неумѣлымъ, негоднымъ и беспомощнымъ дворянамъ, каковъ Хохоревъ, и празднымъ дворянкамъ, какова княгиня Сосницкая, среди человѣчества за послѣднее время не мало людей, искренне преданныхъ дѣлу, любви къ ближнему и наукѣ. Въ этомъ отношеніи замѣтной является повѣсть В. Сѣрошевскаго *Риштау*, закончившаяся въ іюлѣ *Мира Божьяго*. Здѣсь выводится польская семья Страсевичей, переселившаяся изъ Сибири на Кавказъ, гдѣ она обрабатываетъ участокъ земли близъ горы *Риштау* и кормится съ него. Въ Сибири Страсевичи прихватили съ собой сиротку, Елену Ивановну Рудзкую, которая успѣла уже превратиться во взрослую дѣвушку и работаетъ не меньше молодыхъ братьевъ Страсевичей, Семена и Юрія. Оба любятъ дѣвушку, но ей еще не пришло время любить. Случилось, что младшій изъ братьевъ Юрій, смѣлый человѣкъ и ловкій стрѣлокъ, отправившись ночью на охоту на медвѣдя, подстрѣлил живого человѣка, который оказался Станиславомъ Вихлицкимъ. Рана Вихлицкаго была тяжела, но онъ выздоравливаетъ, благодаря уходу въ семьѣ Страсевичей. Этотъ Вихлицкій попалъ на Кавказъ „послѣ многихъ мытарствъ“ отъ безденежья, когда „нашлись благодѣтели, которые за умѣренную плату послали его дѣлать открытія, собирать растенія и насѣкомыхъ на альпійскіе луга Кавказа, къ вѣчнымъ снѣгамъ, въ мѣста, куда другіе идти не хотятъ и не могутъ“. Вихлицкій любитъ науку, вѣрить въ дѣло и очень доволенъ, по его признанію, что близъ Риштау онъ попалъ, повидимому, на слѣдъ, который можетъ раскрыть „гадку“ одной значительной геологической проблемы“. Елена Рудзкая сразу обращаетъ вниманіе на Вихлицкаго. Много и часто разговариваютъ Вихлицкій съ Еленой. Онъ доказываетъ ей, что работа ея, какъ и Страсевичей, близъ горы Риштау есть „работа лошадей и быковъ—не зльше“, что „работать для будущаго, для человѣчества можно только реди своего народа и при его посредствѣ“, и развиваетъ ей мысли „объязанностяхъ человѣка по отношенію къ обществу“ она жадно слушаетъ

его, выспрашиваетъ, раздумываетъ надъ его словами, и въ концѣ концовъ всё ея мысли сосредоточены на немъ одномъ. Время идетъ, Вихлицкій совсѣмъ излѣчивается отъ раны, но хоть и полюбилъ онъ Елену, хоть и увидалъ въ ней „матеріалъ на человѣка“ въ полномъ смыслѣ этого выраженія, однако ради нея не забываетъ о служеніи наукѣ и, обмѣнявшись съ Еленой признаніемъ въ любви, задумываетъ взобраться на вершину Риштау, гдѣ еще никто не бывалъ, а если это не удастся, хотеть „ислѣдовать ледники и геологическія формации со стороны истоковъ Уруха, одной изъ быстрѣйшихъ рѣкъ Кавказа. Словно въ награду за такой подвигъ, если онъ будетъ выполненъ, Вихлицкій собирается въ будущемъ пойти въ жизни вмѣстѣ съ Еленой. По уходѣ его, Елена ждетъ. Вдругъ приходитъ извѣстіе, что около Уруха произошелъ обвалъ, рѣка наводнила окружающую мѣстность, и Вихлицкій, по всѣмъ даннымъ, долженъ погибнуть. Елена въ отчаяніи, но въ ея горячей головѣ создается планъ, на который могла рѣшиться только самая отважная, пылкая и самоотверженная натура. Она упрашиваетъ Юрія Страсевича, для котораго тоже не существуетъ страха, ѣхать на поиски Вихлицкаго: вѣдь, можетъ быть, тотъ еще спасся. Они отправляются и узнаютъ, что къ случившемуся обвалу, кромѣ дороги, по которой шелъ Вихлицкій и которая теперь завалена, есть еще другая, почти непроходимая; съ громаднымъ трудомъ отыскиваютъ Елена съ Юріемъ проводника по этой дорогѣ и ѣдутъ къ обвалу. Вихлицкій въ это время борется со смертью. Благодаря обвалу, рѣка Урухъ разливается, на нѣкоторое время Вихлицкій и его проводникъ избѣгаютъ опасности; но наводненіе становится все шире, ихъ окружаютъ неприступныя скалы, имъ нѣтъ спасенія. Вотъ уже они въ водѣ, вотъ вода покрываетъ часть ногъ, подымается выше, вотъ остается одна голова Вихлицкаго, онъ теряетъ сознаніе, проводникъ его прощается съ жизнью, какъ вдругъ по другой дорогѣ и съ другой стороны появляются спасители Вихлицкаго, Елена Рудзкая и Юрій Страсевичъ. Со скалъ при помощи веревокъ и на маленькомъ плотикѣ въ воду спускается Юрій и добирается кое-какъ до Вихлицкаго, который, благодаря этому, остается живъ. Все прекрасно въ изложенной повѣсти. Въ Еленѣ хороша живая душа, мощная сила, полезный человѣкъ. Въ изображеніи ея нѣтъ и тѣни фальши, и читатель живетъ ея любовью и ея страданіями. Но и Вихлицкій привлекателенъ: его твердая вѣра въ науку и жажда послужить человѣчеству, его умѣнье разглядѣть въ Еленѣ „матеріалъ на человѣка“, его честныя отношенія къ дѣвушкамъ не могутъ не возбуждать живѣйшаго участія къ нему и интереса. Наконецъ, производитъ трогательное впечатлѣніе и Юрій со своей непосредственностью и неспорченностью: онъ самъ страстно любитъ Елену и знаетъ, что Вихлицкій—его соперникъ, но случайно онъ когда-то подстрѣлилъ Вихлицкаго и теперь, чувствуя себя виноватымъ передъ нимъ, по-рыцарски идетъ спасать того, кому всей душой предана Елена. Вообще, повѣсть В. Сѣрошевскаго полна изображенія живой жизни и живыхъ людей, которые сохраняютъ образъ и подобіе Божіе и живутъ дѣйствительно по-человѣчески.

Сверхъ всякаго ожиданія, появились въ юлѣ живые люди и живая жизнь и въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Чѣмъ объяснить это, сказать довольно трудно, но фактъ на-лицо: набросокъ г. Садовскаго *Последній путь* совсѣмъ не похожъ на ту тенденціозную беллетристику со всякими извращеніями дѣйствительности, которая переполняетъ обыкновенно названный журналъ. Въ наброскѣ своемъ г. Садовскій рассказываетъ

послѣдній путь бездомнаго скитальца, нищаго изъ крестьянъ. Около 8 лѣтъ странствовалъ нищій, а когда больше не стало силы ходить, не стало и „дыханія настоящаго“, онъ совершилъ свой *послѣдній путь* и повѣсилъ на деревѣ. Во время своего *послѣдняго пути* скиталецъ ведетъ длинный разговоръ съ деревенскимъ пастухомъ, и передъ читателемъ правдиво обрисовывается весь произволъ деревенской беззащитной жизни, вся темнота крестьянскаго люда, вся незаконная расправа „неправедныхъ судей“. Отбилъ онъ отъ деревни, по его словамъ, „по причинѣ жены“, которая убѣжала отъ него къ становому, давно сманивавшему ее къ себѣ. Пробовалъ обиженный мужъ заступиться за себя, но становой крикнулъ на него: „вонъ, мерзавецъ! Въ острогъ сгною тебя, подлеца!“, а немного спустя „мерзавца и подлеца“ потребовали въ волость, чтобы, по закону, онъ выдалъ женѣ отдѣльный паспортъ. Возмутился мужъ, а его, чтобы „не невѣжничалъ“, старшина „по мордѣ“ ударилъ. Рассказывая объ этомъ пастуху, скиталецъ не выражаетъ удивленія: гибъ же у нихъ въ деревнѣ одинъ мужикъ, заподозрѣнный въ конокрадствѣ, хотя настоящій конокрадъ скоро выискался. И вотъ началась для странника-нищаго бездомная жизнь: выдавъ женѣ отдѣльный паспортъ, дома онъ не могъ болѣе оставаться: его „тоска заѣла“. Попалъ онъ въ Москву, служилъ въ дровоколахъ, въ сторожахъ, въ метельщикахъ, въ мусорщикахъ; временами жутко ему приходилось. Разъ случилось ему попасть въ артель землекоповъ, работавшихъ у купца, большого милліонщика, а у того произошла кража. Явилась полиція, начали обыскивать артель, но воръ успѣлъ скрыться. Дошло дѣло до странника, потребовали у него паспортъ. Паспортъ у странника былъ спрятанъ въ кошель, за пазухой, онъ и сталъ было доставать кошель; сморить, а кошель украденъ. Разумѣется, странникъ былъ отправленъ въ острогъ, а послѣ на родину, для удостовѣренія личности. Не хотѣлось однако ему очутиться на родинѣ, и потому онъ убѣжалъ ночью отъ провожатыхъ, послѣ чего превратился въ безпаспортнаго бродягу. Теперь надо было постоянно опасаться, и жизнь стала еще хуже. Однажды кто-то „сжалился“ надъ странникомъ и далъ ему за пѣлковый чужой паспортъ будто какого-то Онисима Ѳедорова, но скоро обозначилось, что паспортъ этотъ на самомъ дѣлѣ принадлежалъ бабѣ, которую звали Анисейей. Опять пришлось потерпѣть страннику. Вообще мигтарства его безконечны и, уже рѣшивъ повѣситься, онъ высказываетъ очень горькое заключеніе: „ежели бы пришлось въ острогъ свѣговать, это чего лучше!“.

Весьма вѣроятно, что онъ и направился бы по начальству, чтобы „объявиться и попасть въ острогъ“, но „силъ у него не хватаетъ попрежнему“, „дыханія настоящаго“ тоже, и онъ жаждетъ конца. Нельзя не согласиться, что столь правдивое разоблаченіе неправды человѣческой совѣтъ не къ лицу *Русскому Вѣстнику*, и набросокъ г. Садовскаго, написанный, помимо всего другаго, чрезвычайно задушевно, хотя иногда и нѣсколько искусственнымъ языкомъ, попалъ сюда по недоразумѣнію.

Однако, въ июльской книгѣ *Русскаго Вѣстника* набросокъ г. Садовскаго не единственное недоразумѣніе. Еще невѣроятнѣе для журнала является дневникъ Ѳ. Э. Ромера, подъ названіемъ *На сѣтомъ положеніи*. Живо, ярко и талантливо написано это произведеніе, сюжетомъ же его служить довольно безпощадное осмѣяніе одного земскаго начальника, а равно и тѣхъ порядковъ, при которыхъ возможно утвержденіе въ столь отвѣтственной должности „двадцатипятилѣтняго поручика“. Въ губерніи, въ которой голодъ не подлежитъ сомнѣнію, а признавать его не приказано, онъ ведетъ себя, согласно съ предписа-

ниями высшего начальства, неукоснительно-строго. Онъ собирается доказать, что „при умномъ, дѣятельномъ и рѣшительномъ губернаторѣ никакихъ неурожаевъ въ интересѣ казны существовать не можетъ“. Впрочемъ, ему въ сущности нѣтъ никакого дѣла ни до крестьянъ, ни до голода: ему нужно „только показать себя начальству“, вслѣдствіе чего онъ общается „зубами ухватить, а не упустить“. За это та самая Соня, или Софья Федоровна, которую онъ намѣтилъ было себѣ въ невѣсты, какъ сердечная и честная дѣвушка, называетъ его „губернаторскимъ лакеемъ либо прихвостнемъ“. Въ концѣ концовъ поручикъ земскій начальникъ попадаетъ въ трагикомическое положеніе: „губернія официально причислена къ потерпѣвшимъ отъ неурожая“, а самъ онъ получилъ отъ губернатора нагоняй, такъ какъ, по словамъ послѣдняго, „чрезмѣрное упорство земскаго начальника свидѣтельствуетъ объ явномъ недостаткѣ у него служебнаго такта и можетъ быть засчитано ему въ число ошибочныхъ распоряженій по должности“. Такимъ образомъ, кромѣ земскаго начальника, въ несовсѣмъ привлекательномъ видѣ выставляется и губернаторъ, который сначала требуетъ неукоснительной строгости, а потомъ за эту самую строгость взъясняется; спрашивается, однако, какъ же можетъ допустить *Русскій Вѣстникъ* самое существованіе такихъ губернаторовъ?

Нельзя не признать, что всѣ эти жизненные картинки просто дико читать на страницахъ *Русскаго Вѣстника*, и журналъ рѣшительно, какъ кажется, не вѣдаетъ, что творить. Вѣдь на-ряду съ *Последнимъ путемъ* и *На сѣтомъ положеніи* въ томъ же юлѣ *Русскаго Вѣстника* помѣщены изъ той же беллетристики *Паводокъ* г. Бриллиантова, гдѣ, по обычному шаблону журнала, изображается будто бы совсѣмъ невинно пострадавшій баринъ, котораго неизвѣстно по какимъ причинамъ жметъ и тѣснить мужикъ, — *Вѣщее сердце* г. Бѣломора, гдѣ гардемаринъ Безшабашный оборвался съ корабля и погибъ въ морѣ только по той причинѣ, чтобы сбылся вѣщій сонъ его матери, а ей приснилось, что она „наткнулась на обезображенный трупъ своего сына, выброшенный морскою волной“, — *Девятая сказка для взрослыхъ* г. Яроша, въ которой имѣется въ виду доказать, что при эгоизмѣ современныхъ дѣтей и при безнравственномъ ихъ направленіи счастливѣе всѣхъ холостые люди, — и прочія характерныя для *Русскаго Вѣстника* „литературныя“ произведенія. Въ другихъ отдѣлахъ июльской книги журнала также все обстоитъ попрежнему, т.-е. отдѣлы эти полны тенденціозности. Такимъ образомъ, набросокъ г. Садовскаго и дневникъ Э. Э. Ромера совсѣмъ сбиваютъ читателя съ толку.

А Пушкинъ продолжаетъ занимать наши журналы. *Миръ Божій* даетъ прекрасную оцѣнку книги о Пушкинѣ г. Якушкина, *Вѣстникъ Европы* въ своемъ литературномъ обзорѣни довольно полно характеризуетъ появившуюся въ маѣ пушкинскую литературу, а въ отдѣлѣ подъ заглавіемъ „Изъ общественной хроники“ чрезвычайно выразительно и остроумно разбирается въ „шумѣ, поднятомъ по поводу мнимо-„клеветы“ на Пушкина“. Приходя въ концѣ концовъ къ заключенію, что попытку отнести г. Якушкина къ числу замаскированныхъ отрицателей Пушкина слѣдуетъ назвать смѣшной, авторъ дѣла „Изъ общественной хроники“ продолжаетъ: „Другая комическая сцена, также разыгранная на страницахъ *Московскихъ Вѣдомостъ* это — попытка связать съ именемъ Пушкина имя... Каткова, „величавъ образъ котораго вполне достоинъ стать на-ряду съ гениальнымъ и томъ“. Съ точки зрѣнія *московской газеты*, Пушкинъ и Катковъ „г

ственны по духу и по генію“, „равно близки и дороги сердцу русскаго челоѣка, какъ носители русскихъ идеаловъ народа, какъ выразители его завѣтнѣйшихъ думъ и желаній“. Глубоко-возмутительны были бы эти слова, еслибъ они не были такъ смѣшны. Авторъ забавной параллели, г. А. Шевелевъ, не въ первый разъ уже грѣшитъ избыткомъ усердія, вызываемаго преклоненіемъ передъ памятью Каткова. Лѣтъ восемь тому назадъ онъ предлагалъ поставить памятникъ Каткову въ Москвѣ, на Страстномъ бульварѣ, т.-е. въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ памятникомъ Пушкина. „Пушкинъ,—замѣтили мы тогда, разбирая эту затѣю,—Пушкинъ любезенъ народу тѣмъ, что пробуждалъ добрыя чувства и призывалъ милость къ падшимъ. И насъ хотѣть увѣрить, что рядомъ съ Пушкинымъ есть мѣсто для писателя, безжалостнаго къ побѣжденнымъ, полжизни посвятившаго возбужденію враждебныхъ чувствъ въ одной части русскаго общества противъ другой, въ русскихъ противъ всего не-русскаго, въ приверженцахъ извѣстныхъ взглядовъ—противъ всѣхъ несогласно-мыслящихъ“. Ужъ если кто заслуживаетъ названія „клеветниковъ Пушкина“, такъ именно тѣ, которые стараются приравнять его къ Каткову...“ (*Вѣстн. Евр.*, іюль, стр. 463—464).

Желаніе приравнять Пушкина къ Каткову само по себѣ, но относительно пушкинскихъ (майскихъ) торжествъ не обошлось дѣло и безъ другого крупнаго курьеза въ печатномъ мірѣ. Этого курьеза касается г. Влад. Соловьевъ въ своемъ письмѣ въ редакцію *Вѣстника Европы*, помѣщенномъ въ іюльской книгѣ и озаглавленномъ *Особое чествованіе Пушкина*. Въ письмѣ этомъ г. Соловьевъ излагаетъ замѣтку о Пушкинѣ г. Розанова,—замѣтку, напечатанную въ художественномъ журналѣ *Міръ искусства*. Г. Розановъ объявляетъ Пушкина поэтомъ безсодержательнымъ, ненужнымъ для насъ и ничего болѣе намъ не говорящимъ“, и это поясняется черезъ противопоставленіе ему Гоголя, Лермонтова, Достоевскаго и Л. Толстого. Любопытно, что г. Розановъ, говоря о всѣхъ четырехъ писателяхъ, считаетъ ихъ почему-то тремя: „эти три“, „тѣ три“. Но не въ томъ дѣло; особенно интересно, чѣмъ перечисленные—не то три, не то четыре—писателя непохожи на Пушкина и лучше его. „Три новыхъ писателя, —растолковываетъ г. Розановъ,—суть *орнасты* въ томъ значеніи и, кажется, съ тѣмъ же родникомъ, какъ и Пнеія, когда она садилась на треножникъ. „Въ расщелинѣ скалы была дыра, въ которую выходили сѣрные одуряющіе пары“, записано о дельфійской пророчицѣ. И они всѣ, т.-е. эти три писателя, побывали въ Дельфахъ и принесли намъ существенно древнее, но и вѣчно новое, каждому поколѣнію нужное, языческое пророчество. Есть нѣкоторый всемірный *пнеизмъ*, не какъ особенность Дельфъ, но какъ принадлежность исторіи и, можетъ быть, какъ существенное качество міра, космоса“. „Онъ исчезъ, испарился, выдохся у Пушкина“; во всякомъ случаѣ, „*пнеійской расщелины въ немъ не было*“. Этими, т.-е. отсутствіемъ пнеизма у Пушкина, г. Розановъ объясняетъ, что всю ночь, послѣ которой Гоголь въ первый разъ пришелъ къ Пушкину, по словамъ слуги послѣдняго, „баринъ проигралъ въ карты“. Тутъ же г. Розановъ спрашиваетъ, т.-е. догадывается въ вопросительной формѣ: „кто знаетъ, не въ эту ли и не объ этой ли самой ночи Лермонтовъ написалъ: „Ночь тиха. Пустыня внемлетъ Богу“ и т. д. Г. Соловьевъ, приводя изложенное мѣсто изъ замѣтки г. Розанова, замѣчаетъ: „Да вѣдь *всякій* если не знаетъ, то по надлежащей справкѣ легко можетъ

узнать, когда именно Гоголь познакомился съ Пушкинымъ, и къ какому именно времени относится лермонтовское стихотвореніе, а узнавши это, *всякій* можетъ видѣть, что дѣло идетъ о двухъ фактахъ, раздѣленныхъ долгими годами, и что осенняя петербургская ночь, которую Пушкинъ просидѣлъ за картами, никакъ не могла быть той самой сіяющей ночью, которая много спустя послѣ смерти Пушкина вдохновила Лермонтова среди кавказской пустыни“. Вообще, надо сознаться, что большаго вздора, чѣмъ тотъ, до котораго договаривается г. Розановъ по поводу Пушкина, кажется, и представить себѣ невозможно.

Что касается *Записокъ изъ эпохи голода въ 1891—92 годахъ* гр. Л. Толстого-сына, о которыхъ шла рѣчь въ прошломъ журнальномъ обзорѣни *Русской Мысли* и которыя въ іюлѣ *Вѣстника Европы* приводятся къ концу, то необходимо указать, что онѣ продолжаютъ оставаться чрезвычайно интересными, а заключительный выводъ свой авторъ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Отсутствие свободы личности, незнаніе своихъ правъ и законовъ, община съ ея порядками, всѣ внѣшнія тяжелыя условія нашего крестьянства — представляютъ, конечно, матеріальныя, а не духовныя причины, держащія его въ постоянной нуждѣ и косности. На эти-то условія и надо обратить вниманіе. Тогда и духъ народа поднимется, и проснется его энергія. Дайте, кромѣ свободы, еще одно великое орудіе культуры въ руки народу, дайте его вволю, щедро и не скупясь,—просвѣщеніе, и вамъ не придется больше заботиться о крестьянинѣ“.

Майская книжка *Дѣтскаго Читенія* въ семнадцать печатныхъ листовъ (270 страницъ) полностью посвящена Пушкину; въ первомъ отдѣлѣ ея: изъ произведеній нашего гениальнаго народнаго поэта въ извлеченіи помѣщены—*Арапъ Петра Великаго, Родословная, Исторія села Горохина, Письмо о Вѣщемъ Олеть, Живая голова* (Изъ „Руслана и Людмилы“), *Скупой рыцарь, Бахчисарайскій фонтанъ, Борисъ Годуновъ* (сцены изъ драмы), *Кавказскій пленникъ, Святочинныя загадки*, (изъ поэмы „Евгеній Онѣгинъ), *Петръ Великій, Москва, Отрокъ, Поэтъ, Пророкъ, Памятникъ*. Такой подборъ и такая группировка, взятые изъ всѣхъ родовъ безсмертныхъ произведеній Пушкина, ясно и опредѣленно обрисовываютъ дѣтямъ творчество нашего поэта и знакомятъ всесторонне со всеобъемлющимъ духомъ его, отзывчивымъ, мощнымъ и тѣмъ особымъ даромъ, какимъ владѣлъ поэтъ это—простотой, глубиной и плѣнительнымъ стихомъ, равно доступными уму и сердцу ребенка и взрослого. Во второмъ отдѣлѣ идутъ статьи о Пушкинѣ, это—„Пушкинъ“ *Ив. Ив. Иванова* обстоятельно, талантливо написанная біографія поэта; „Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ“ *В. П. Авенариуса*,—живой, содержательный очеркъ, написанный беллетристически, рисующій Пушкина и какъ друга при встрѣчѣ съ другомъ-лицейстомъ Пушкинымъ, и какъ поэта въ бесѣдѣ со своимъ одноклассникомъ—простотой, теплотой, свѣжестью и правдою вѣетъ отъ этого очерка „Скромный уголокъ“ *Н. А. Соловьева-Несмѣлова*: здѣсь изображенъ по сохранившимся воспоминаніямъ лицъ окружавшихъ Пушкина, 1825 г. его жизни въ селѣ Михайловскомъ—его томленіе въ одиночествѣ, его творческія работы, его трогательныя отношенія къ нянѣ Аринѣ Родіоновнѣ, къ сосѣдямъ—семѣ Осиповой, его любовь къ природѣ и къ простымъ людямъ—къ народу, слѣпцамъ-нищимъ; „Лицейсты“. Лирико-драматическія сцены *Л. М. Медвѣдева*, гдѣ живо очерченъ Пушкинъ, какъ лицеистъ среди своихъ талантливыхъ товарищей—барона

Дельвига, князя Горчакова, Кюхельбекера и друг.; далѣе идетъ рядъ стихотвореній, посвященныхъ памяти Пушкина нашихъ современныхъ стихотворцевъ — *В. Н. Ладъженскаго* „Слава“, *Т. Л. Щеткиной-Куперникъ* — „Памяти Пушкина“, *А. А. Ѳедорова-Давыдова* — „Одинъ“, *И. А. Бьлюсова* — „Прерванная пѣснь“, — всѣ эти стихотворенія звучны, проникнуты любовью къ гениальному поэту; но особенно выдаются содержательностью, искренностью и теплотой „Одинъ“ *А. А. Ѳедорова-Давыдова* и „Памяти Пушкина“ *Т. Л. Щеткиной-Куперникъ*. Въ третьемъ отдѣлѣ помѣщены: „Путешествіе въ Арзрумъ“ и „Рыбная ловля на Уралѣ“ Пушкина; въ заключеніе въ отдѣлѣ „Смѣхъ не грѣхъ“ — собраны анекдоты Пушкина и о Пушкинѣ очень остроумные и характерные, изъ нихъ особенно интересны — „День Петра и Павла“, „Пушкинъ и Крыловъ“ и „Сахарный Пушкинъ“, а также рядъ оригинальных рисунковъ и каррикатуръ Пушкина. Такимъ образомъ пушкинская книжка *Дѣтскаго Чтенія* представила Пушкина очень всесторонне, полно, и дѣти ее прочитаютъ съ большимъ интересомъ.

Заботливо отнесся къ Пушкину и журналъ *Родникъ* въ своей майской книжкѣ, — редакція его въ первой половинѣ книжки на 37 страницахъ въ два плотныхъ столбца дала своимъ читателямъ: 1) на двухъ страницахъ сжатый перечень событій и дѣлъ, начиная съ рожденія и кончая смертью Пушкина по годамъ, мѣсяцамъ и числамъ: это — сухой, краткій, какъ бы чиновничій формуляръ, составляющійся о службѣ гражданского или военнаго вѣдомства русскаго служилаго челоука, — тутъ, конечно, все вѣрно, все на мѣстѣ — и *четвергъ* — день рожденія поэта Пушкина, и „съ августа 1811 по июнь 1817 года Пушкинъ учился въ Царскосельскомъ лицѣѣ“ и т. д.; но въ третьей же строкѣ этого сухого чиновничьяго формуляра, встрѣчаемъ такую странность: „*Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ* родился 26 мая 1799 г., въ четвергъ, въ Москвѣ на *Молчановскъ, въ домъ (?) на Нѣмецкой улицѣ*“ — *Молчановка, улица*, находящаяся въ одной сторонѣ Москвы, и *Нѣмецкая улица*, лежащая совсѣмъ въ противоположной сторонѣ Москвы, — разстояніе между ними на $\frac{3}{4}$ часа переѣзда на хорошемъ возчикѣ, къ тому же на Нѣмецкой улицѣ не одинъ домъ, чтобы можно было сказать „*въ домъ*“ на Нѣмецкой улицѣ, — думаемъ, и читатель-подростокъ будетъ недоумѣвать, читая эту странную, по меньшей мѣрѣ, строку о мѣстѣ рожденія поэта. „А. С. Пушкинъ скончался отъ раны, полученной на дуэли, въ Петербургѣ, на Мойкѣ, *въ домъ (?) у Пѣвческаго моста*“. 2) „26 мая 1899 г.“ — маленькая статейка, въ видѣ замѣтки съ прелюдіей о днѣ чествованія столѣтія рожденія поэта и далѣе идетъ объясненіе понятій „національный“ и „народный“ поэтъ по В. Г. Бѣлинскому, и потомъ выдержки изъ Бѣлинскаго и Гоголя о сущности и значеніи поэзіи Пушкина, въ заключеніе сравненіе Пушкина съ Петромъ Великимъ, — скомпилировано все это живо, хотя мѣстами очень фразисто и не совсѣмъ доступно пониманію дѣтей. 3) „Отношеніе Пушкина къ народу, дѣтямъ и деревнѣ“ *С. Орловскаго*. Бойко, живо написанный очеркъ; картинно, беллетристически, бѣгло рисуетъ онъ Пушкина, съ дѣтства въ барской обстановкѣ начала нынѣшняго вѣка, гдѣ дается много мѣста янѣ Аринѣ Родіоновнѣ, по произведеніямъ поэта обрисовано его отношеніе къ крѣпостнымъ, къ народу, по выдержкамъ изъ воспоминаній князя Павла Вяземскаго, показано отношеніе Пушкина къ дѣтямъ, стихами поэта иллюстрирована его любовь къ природѣ. Очеркъ очень интересъ и даетъ занимательное и

поучительное чтеніе, жаль только, что мѣстами страдает онъ много-словіемъ. 4) „Петербургъ и Москва во время Пушкина“ С. О. Судя по манерѣ письма, этотъ очеркъ принадлежит перу того же автора, что и выше названный, такъ какъ отличается тѣми же достоинствами и страдаетъ именно тѣми же недостатками, т.-е. болтливостью, отчасти вредящей правдѣ, что и отмѣтимъ далѣе. Въ этомъ очеркѣ авторъ даетъ довольно подробное описаніе города Петербурга 1800—1832 г., уличной жизни, зданій; стоимости провизіи—„курица стоила пятачокъ, а десятокъ яицъ—двѣ копѣйки; (тутъ же идетъ и цѣна сѣна)—можно было купить *цѣлый* (!) пудъ сѣна на три копѣйки и т. д., потомъ идутъ свѣдѣнія о выѣздахъ—лошадяхъ, экипажахъ, гуляньяхъ лѣтомъ и зимой,—все тутъ есть; также говорится и о Москвѣ, съ тою только разницей, что здѣсь авторъ съ особенною любовью занялся барствомъ и его крѣпостничествомъ, тутъ сообщается о мотовствѣ московскаго барства, о проигрываніи крѣпостныхъ въ карты, о платѣ крѣпостными врачамъ, о подаркахъ крѣпостныхъ для „умилостивленія“ „могущественною вельможою“, о продажѣ „крѣпостного человѣка, парикмахера и лучшей породы коровы“, „лучшія москѣ продаются и семья людей, за сходную цѣну“. Почему авторъ приурочилъ свѣдѣнія до мелочей о крѣпостныхъ и крѣпостничествѣ исключительно къ Москвѣ, не понимаемъ,—вѣдь всѣ хорошо знаютъ и многіе еще помнятъ, что область крѣпостниковъ и крѣпостничества занимала обширную площадь по всей Россіи, — широко раскинулъ крѣпостничество собственно Петербургъ, особенно въ блестящій вѣкъ Екатерины II. Москву авторъ очерка рисуетъ грязной и зловонной клоакой, хотя говоритъ о ея „бульварахъ“, гуляньяхъ Подновинскомъ и въ другихъ мѣстахъ, о забавахъ народническихъ и барскихъ. Свой очеркъ авторъ заканчиваетъ совсѣмъ неожиданнымъ выводомъ: „Пушкинъ, вообще не любившій городской жизни, въ особенности (?) не любилъ (?) Москву и предпочиталъ ей Петербургъ съ его „блѣдно-зелеными небесами“. „Не любившій городской жизни—не любилъ Москвы, любилъ Петербургъ“ (!). Петербургъ болѣе европейскій шумный городъ, чѣмъ Москва-деревенщина, какъ рисуетъ эти города самъ авторъ. Пушкинъ любилъ уединеніе, тишину, деревню, какъ же онъ могъ любить или „предпочитать“ Петербургъ Москвѣ,—тутъ логика, согласитесь, совсѣмъ хромаетъ, какъ говорится, на обѣ ноги. Ко всему этому надо прибавить, что всѣ, кто внимательно будетъ читать—и дѣти даже,—все, что написано Пушкинымъ о Москвѣ, которую онъ прямо называетъ „моя Москва“, непременно скажетъ, что напрасно талантливый авторъ свое сердце, т.-е. *сердитость* на Москву, срываетъ за счетъ Пушкина,—поэтъ нашъ этого не можетъ взять на себя, онъ былъ широко гуманнымъ и глубоко-человѣчнымъ и любилъ родину, болѣлъ о ней, страдалъ за нее, но *любилъ*. Очеркъ этотъ обильно иллюстрированъ очень хорошими рисунками. 5) „Дождевая туча“ (Памяти Пушкина). Стихи А. Федорова-Давыдова,—хорошіе образные стихи, проникнутые мыслью, не звучатъ они кимваломъ бряцающимъ, а говорятъ нѣчто уму и сердцу читателя. 6) „О Пушкинѣ русскіе поэты“, — по разуму очеркъ этотъ долженъ бы дать нѣчто цѣлостное, интересно скомпанованъ онъ крайне неудачно, видимо, спѣшно и, именъ безъ того чутья и мѣры, которыя могли бы его автору подсказать, что надо было дать и чего ненужно было давать дѣтямъ. Авторъ, обладая этимъ чутьемъ и этою мѣрой, и далъ среди прекрасныхъ стиховъ, какъ, напримѣръ, Полонскаго, Плещеева, Майкова,—истиннѣ

поэтовъ, много стиховъ риторичныхъ, мѣстами напоминающихъ кимваль звучащій, а мѣстами даже неудобныхъ для чтенія дѣтямъ, или мало понятныхъ имъ,—хотя бы, напримѣръ, *Жуана тщетнсе исканье красоты*“, „*Цыгана дикаго разнузданную кровь*“, „*Что гармоническій выковалъ языкъ*“, „*Что въ жизни создавалъ своей легко и просто всѣ формы новыя для русской мысли роста*“ „...Русскій стихъ отравой яркою сталъ лучшихъ чувствъ людскихъ“, „*Ты овладѣлъ моей лепечущей душою и, въ высь ее маня отъ пошлыхъ золь вседневныхъ*“, „*И были любви мнѣ лишь тѣ младыя дѣвы, кто въ сердцѣ выноситъ твой свѣтлый идеаль*“, „*Когда одолѣвалъ меня порывъ страстей и увлекалъ на путь порочный и ничтожный, и низко падалъ я въ безмолвіи ночей*“ и т. д. Думаемъ, все это дѣтямъ-подросткамъ непригодно для чтенія, все это ничего не говоритъ ихъ уму и сердцу, ихъ пониманію,—и все это, понятно, какъ пережитое, взрослымъ, могло быть обойдено и не включено въ очеркъ, а могло быть взято иное, что опущено, хотя бы, напริม., ничего не взято изъ стихотвореній талантливыхъ покойныхъ поэтовъ—Полежаева; Садовникова,—надѣемся, автору очерка извѣстныхъ,—покойныхъ нельзя забывать и слѣдуетъ при случаѣ даже о нихъ напоминать нашему крайне забывчивому читателю,—живущихъ и здравствующихъ стихотворцевъ онъ и такъ видитъ на страницахъ журналовъ и столбахъ газетъ, и они ему при крохотной ихъ величинѣ болѣе извѣстны, чѣмъ Полежаевы, А. Толстые, Меи и многіе другіе болѣе яркіе и талантливыя, ушедшіе въ вѣчность.

Журналъ *Дѣтскій Отдыхъ*, перекочевавшій съ апрѣля нынѣшняго года изъ Москвы въ Петербургъ, началъ съ январской книжки печатать „А. С. Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ“ *Ив. Казанскаго*. Очень обстоятельный очеркъ, законченный въ июньской книжкѣ. Авторъ изучилъ, видимо, всѣ матеріалы старательно, обработалъ ихъ заботливо и далъ интересное и мѣстами живое чтеніе,—мѣстами онъ пользуется и беллетристическимъ приемомъ.

Журналъ *Всходы* о Пушкинѣ далъ только въ июньской тетрадкѣ статейку „Пушкинскіе дни“ *Н. Демидова*: это—краткій отчетъ на пяти страничкахъ о празднованіи 26 мая въ Петербургѣ и Москвѣ дня рожденія Пушкина, — столѣтней годовщины. Очеркъ этотъ очень сжатъ и не рисуетъ читателямъ всей картины широкихъ пушкинскихъ празднествъ на Руси. Редакція дѣлаетъ своимъ читателямъ указаніе напоминаніе: „См. „А. С. Пушкинъ. Его жизнь и творчество“, *Н. Демидова*“, — книжку, приложение къ журналу, носящую тоже общее названіе *Всходы* и продающуюся отдѣльно за 25 к. Кратко можемъ сказать и объ этомъ произведеніи здѣсь. По сравненію, что дали о Пушкинѣ другіе дѣтскіе журналы, вкладъ это не богатый въ дѣтскую журнальную кошицу. Что можно сказать о такихъ книгахъ?—То же, что говорить о людяхъ толпы: ихъ много, нѣтъ у нихъ своей типичной характерной фizioноміи,—это все общіе Иваны, все общіе Петры, гдѣ одинъ Иванъ кончается, гдѣ другой Иванъ начинается, не разберешь, они другъ съ другомъ въ толпѣ слиты,—такъ и подобныя книги, какъ „А. С. Пушкинъ. Его жизнь и творчество“. Ихъ вышло нѣсколько и всѣ онѣ, кромѣ двухъ-трехъ, какъ „Пушкинъ“ *Ив. Иванова* и „А. С. Пушкинъ. Чтеніе для школъ и народа“ *Д. И. Тихомирова*, которыя отличаются оригинальностью и талантливостью, всѣ сливаются воедино: всѣ онѣ составлены старательно, — во всѣхъ года, событія на мѣстѣ,—всѣ онѣ дѣловиты, написаны грамотно, педагогично,—

о такихъ работахъ говорить обыкновенно: все въ нихъ есть, души только не видно, огонька нѣтъ. Не желая огорчать г. Н. Демидова, скажемъ, что книжка его полезна, она дастъ читателямъ много свѣдѣній; но она не зажжетъ огонька въ душѣ юнаго читателя, какой зажигаетъ руководитель и учитель его Викторъ Острогорскій. Насколько мы знаемъ по старательнымъ трудамъ г. Демидова, онъ является у насъ продолжателемъ и, такъ сказать, замѣстителемъ В. П. Острогорскаго. Добросовѣстный трудъ и продолжателя, и начинателя желателенъ и полезенъ, но будемъ повторять десятки разъ, трудъ этотъ нуженъ, именно, согрѣтый пламенемъ живой души, тогда онъ дастъ плодъ свой сторицею.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію жур- нала „Русская Мысль“ съ 1 іюля по 1 августа 1899 г.

- Album de statistique graphique des écoles primaires dans la principauté de Bulgarie pendant l'année scolaire 1894—1895. Sophia, 1899 г.
- Алларъ, Ольга.** Та самая. Москва, 1899 г. Ц. 40 к.
- Аничковъ, И. В.** Присяга киргизъ передъ русскимъ судомъ. Ташкентъ, 1899 г.
- Бубновъ, Борисъ.** Стихотворенія. Кіевъ, 1899 г. Ц. 1 р.
- Вороновъ, И.** Матеріалы по народному образованію въ Воронежской губерніи. Воронежъ, 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Гиббинсъ, Г. В.** Очеркъ исторіи англійской торговли и колоній. Перев. съ англійскаго А. В. Каменскаго. Изд. Половой. Спб., 1899 г. Ц. 50 к.
- Гречушкинъ, С. 1)** Планы для письменныхъ изложеній и сочиненій. Ц. 10 к. **2)** Матеріалы для изложеній и сочиненій ученикамъ начальныхъ и двухклассныхъ училищъ. М., 1899 г. Ц. 50 к.
- Гулишамбаровъ, Ст.** Международная торговля птицей и птичьими продуктами. Спб., 1899 г. Ц. 1 р.
- Десятовъ, Г. С.** Башкирскіе припущенники и ихъ выкупные платежи въ Красноуфимскомъ и Осинскомъ уѣздахъ, Пермской губ. Пермь, 1899 г.
- Ежегодникъ Императорскихъ театровъ.** Сезонъ 1897—1898 гг. Приложенія книга II. Спб., 1899 г.
- Журналы орловскаго, Вятской губерніи, уѣзднаго земскаго собранія XXXII очередной сессіи и доклады орловской уѣздной земской управы съ разными приложеніями.** Вятка, 1899 г.
- Журналы лохвицкаго очереднаго уѣзднаго земскаго собранія XXXIV созыва 5, 6, 7, 8 и 9 октября.** Лохвица, 1899 г.
- Иностранные университеты.** Вып. II. Университеты Германіи и годы студенчества ея знаменитыхъ людей. Составлено подъ редакціей Л. А. Богдановича.
- Кедровъ, П. И.** Санитарныя условія труда и жизни рабочихъ на кирпичныхъ заводахъ. М., 1899 г. Ц. 50 к.
- къ вопросу о вліяніи занятія экономическаго положенія и грамотности сельскаго населенія на нѣкоторыя стороны начального народнаго образованія. Александрія, 1899 г.
- Левитскій, В. Ф.** Сельско-хозяйственный кризисъ во Франціи. Харьковъ, 1899 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Леманнъ, д-ръ.** Иллюстрированная исторія суевѣрій и волшебства отъ древности до нашихъ дней. Вып. III. Перев. съ нѣм. М., 1899 г.
- Мейеръ, Эдуардъ.** Рабство въ древности. Пер. съ нѣм. Е. Н. Каменецкой. Спб., 1899 г. Ц. 40 к.
- Москвичъ, Григорій.** 1) Практическій путеводитель по Кавказу. 2) Практическій путеводитель по Крыму. Одесса, 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Осиповъ, Н. О.** Винная монополія, ея основныя начала, организація и нѣкоторыя послѣдствія. Спб., 1899 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Отчетъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ за 1897 годъ.** Спб.
- Отчетъ дирекціи херсонской общественной бібліотеки за 1898 годъ.** Херсонъ, 1899 г.
- Попвель, С. А.** Мотивы жизни. Одесса, 1899 г. Ц. 35 к.
- Печковский, И. И.** Особенности новаго промышленнаго налога. Ростовъ на Дону, 1899 г. Ц. 1 р.
- Сборникъ свѣдѣній по плодоводству въ Закавказскомъ краѣ.** Вып. II. Тифлисъ, 1899 г.
- Смѣты доходовъ и расходовъ и раскладка орловскаго уѣзднаго земства на 1899 г.** Вятка, 1899 г.
- Statistique du recrutement militaire régulier pendant l'année 1897.** Sophia, 1899 г.
- Труды Троицкосавско-Кяхтинскаго отдѣленія Приамурскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго общества.** Т. I, вып. I и II. М., 1899 г.
- Чистовичъ, И. А.** Исторія перевода Библіи на русскій языкъ. Спб., 1899 г. Ц. 2 р.
- Ячевскій, А. А.** Грибыя паразитныя болѣзни винограднои лозы. Спб., 1899 г. Ц. 50 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: „Этико-художественная библиотечка“. Вып. I. — „Кобылка въ пути“. Разсказъ изъ жизни ссыльныхъ. *Л. Мельнича*. М., 98 г. Ц. 25 коп. Вып. II. — I. „Хлѣбъ насущный“. П. „Ржаной хлѣбушка — калачу хлѣдушка“. *Ө. Тищенко*. М., 98 г. Ц. 20 коп. Вып. III. „Воспитаніе“. „Книга“. „Женщина“. *Джона Рѣскина*. Вып. IV. — „О равноправности женщинъ“. *Э. Ожешковой*. 273

Публицистика: „Общественные очерки Испаніи“. *Ларра*. — Мусульманство и его будущность“. *А. Крымскаго*. — „Народный домъ и его общественно-воспитательное значеніе“. Докладъ *Данилевскаго*. — „Очерки народного образованія во Франціи“. *А. Д. Италинскаго*. — „Одно изъ нашихъ центральныхъ просвѣтительныхъ учреждений“. *Е. Варба*. 275

Философія, логика: „Система логики силлогистической и индуктивной“. *Д. С. Милля*. — „Исторія новой философіи въ сжатомъ очеркѣ“. *Иберегей-Гейнце*. — „Библиотечка философовъ. IV. Иммануилъ Кантъ, его жизнь и ученіе“. *Фр. Паульсена*. 278

Исторія, мемуары, биографіи: „Исторія Италіи отъ 1815 г. до смерти Виктора-Эммануила“. *Эми Сорена*. — „Рабство въ древнемъ мірѣ“. *Эдуарда Мейера*. — „Старина и новизна“. Историческій сборникъ. — „Заслуги грузинскаго монашества и монастырей“. *Е. Е.* — „Изданія общества распространенія полезныхъ книгъ“. Сост. подъ редакціей *Л. А. Богдановича*. — „Маркивъ Лафайеть“. *Боучарскаго*. 280

Политическая экономія, статистика: „Экономическіе этюды и статьи“. *Вл. Ильина*. — „Жизнь нѣмецкихъ рабочихъ“. *Э. Вурма*. „Высочайше учрежденная подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Куломзина коммиссія для изслѣдованія землевладѣнія и землепользованія въ Забайкальской области“. 291

Юридическія книги: „Тѣлесныя наказанія въ настоящее время“. *Д. Н. Жбанкова и Вл. И. Яковенка*. 295

Сельское хозяйство: „Организація хозяйства“. Сост. *В. Варинъ*. — „Значеніе казенныхъ лѣсовъ для крестьянскаго населенія привислянскихъ губерній“. *І. Яницкаго*. — „Кормовыя травы“. Сост. *Ф. Г. Штеблеръ и К. Шретеръ*. — „Шелковица, ея разведеніе и пользованіе ею“. Сост. *Н. Павровъ*. 297

Учебники, пособія, дѣтскія книги: „Краткая систематическая грамматика французскаго языка“. Сост. *В. Канжъ*. — „Патріотическая хрестоматія“ и „хрестоматія“. Сост. *В. Лопатинъ*. — „Уроки русской грамматикъ“. Сост. *А. Е. Александровъ*. — „Новѣйшая русско-нѣмецкая азбука“. *Плато Ф. Рейсснера*. — „Систематическій диктантъ“. *В. Н. Сатарова*. — „Родная рѣчь“. Сост. *В. Солоколовъ*. — „Сборникъ образцовъ диктанта“. Сост. *В. В. Риге*. — „Изданія А. Ф. Девриена“. — „Библиотечка маленькаго читателя“. Изданіе *В. С. Спиридонова*. — Библиотечка „Всходовъ“. Составлено по Фонвизелю. *Э. Пименовой*. 299

Справочныя книги: „Книжныя новости“. Ежемѣсячный библиографическій журналъ. Годъ I. Сиб., 1899 г. 303

II. Периодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы“, июль. — „Миръ Божій“, июль. — „Русскій Вѣстникъ“, июль. — „Дѣтское Чтеніе“. — „Родникъ“. — „Дѣтскій Отдыхъ“. — „Всходы“. — „Майскія пушкинскія книжки“.

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 іюля по 1 августа 1899 г.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ журнала Русская Мысль

(Москва, Большая Никитская, домъ Вельтищевой)

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

- Анютинъ, М.** (М. Н. Ремезовъ). Нашихъ полей ягоды. Романъ. Ц. 1 р.
- Астыревъ, Н. М.** Въ волостныхъ писаряхъ. Ц. 1 р. 50 к.
- Бобрищевъ - Пушкинъ, А. М.** Эмпирическіе законы дѣятельности русс. суда присяжныхъ (съ атласомъ). Ц. 4 р.
- Богословскій, В. С., проф.** Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Ц. 1 р. 50 к.
- Бурже, Поль.** Трагическая идиллія. (Космополитическіе нравы). Пер. М. Н. Ремезова. М., 1896 г. Ц. 1 р.
- Въ пользу воскрес. школъ.** Сборникъ. Ц. 75 к.
- Гольцевъ, В. А.** Вопросы дня и жизни. Ц. 1 р.
- Литературныя очерки. Ц. 1 р.
- Де-Моппассанъ, Гюи.** Наше сердце. Романъ. Пер. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.
- Додэ, Альфонсъ.** Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключ. знаменит. Таргарена). Переводъ М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.
- Маленькій приходъ. Перев. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.
- Женщина.** Статьи: Э. Ожешковой, М-ше А. Доде, Шарло Базанъ, Лауры Маргольмъ, Карменъ Сильва, D. Мелант. Ц. 40 к.
- Козловъ, П. А.** Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ т. Ц. 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к.
- Корелинъ, М. С., проф.** Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Вып. I: Египетскіе боги. Ц. 50 коп. Вып. II: Средневѣковая церковная готика. Ц. 30 коп. Вып. III: Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Ц. 30 к. Вып. IV: Ассирійскій народъ и его боги покровители. Ц. 30 к. Выпуски II и III рекомендов. уч. ком. нар. просв. для ученическихъ старш. возр. библ. средн. учеб. заведеній муж. и женск.
- Короленко, Влад.** Очерки и рассказы. Книга первая. 6-ое изд. Ц. 1 р. 50 к.
- Очерки и рассказы. Книга вторая. (Второе изданіе). Ц. 1 р. 50 к.
- Ладыженскій, В. и Орелкинъ, П.** Бесѣды во вопросамъ воспитанія и обученія въ народныхъ школахъ. Ц. 75 к.
- Мачтетъ, Григорій.** Силуэты. Т. II. Ц. 1 р. 50 к.
- Ожешкова, Элиза.** Повѣсти и рассказы. Пер. съ польскаго В. М. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Надъ Нѣманомъ. Ром. въ 3 ч. Ц. 1 р. 50 к.
- Сильвекъ. Ром. въ 2-хъ част. Ц. 1 р.
- Послѣ Пушкина.** Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціей журнала „Русская Мысль“. Ц. 2 р.
- Сенкевичъ, Генрикъ.** Повѣсти и рассказы. Пер. В. М. Лаврова, съ 2 предисловіями В. А. Гольцева. 2-е дополненное и удешевленное изд. Ц. 1 р.
- Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. 4-е удешевлен. изд. Ц. 1 р.
- Путевыя очерки. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.
- Потопъ. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.
- Семья Полавецкихъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.
- Камо грядеши? Ром. изъ временъ Нерона. Переводъ В. М. Лаврова. 2-е изд. Ц. 1 р.
- На ясномъ берегу. Повѣсть. Переводъ В. М. Лаврова. Ц. 30 к.
- Столтѣвъ, А. Г.** Общедоступныя лекціи и рѣчи. Ц. 1 р. 50 к.
- Чеховъ, Мих.** Закрокъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Ц. 1 р.
- Чеховъ, Ан.** Островъ Сахалинъ. (Изъ путевыхъ записокъ). Ц. 2 р.
- Эртель, А. И.** Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ. Ц. 2 р.
- Юнбша, Клеменсъ.** Сизифъ. Картины деревенской жизни. Перев. съ пол. В. М. Лаврова. Ц. 50 к.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

- Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? (3-е изданіе). Ц. 1 к.
- Сенкевичъ, Генрикъ.** Янко музыкантъ. Ц. 1 к.
- Пойдемъ за нимъ! Переводъ В. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 4 к.

- Рассказъ про смутное время на Руси. Ц. 1½ к.
- Короленко, В. Г.** Убивецъ. Ц. ½ к.
- Народный поэтъ Иванъ Саввичъ Никитинъ. Изд. 2-е. Ц. 1½ к.

Подписчики „Русской Мысли“ на всѣ изданія редакціи, кромѣ народныхъ, пользуются уступкой 10%.

Библиотека „Русской Мысли“.

- Сенкевичъ, Г. Черезъ степи. Ц. 40 к.
 Ремезовъ, М. Клеопатра. Ц. 40 к.
 — Иудея и Римъ. М., 1896 г. Ц. 50 к.
 Ремезовъ, М. Картины жизни Византии въ X-мъ вѣкѣ. Ц. 50 к.
 — Византия и Византийцы конца X-го вѣка. Ц. 50 к.
 — Эпиплоги византийскихъ драмъ. Ц. 50 к.
 Альбовъ, М. Юбилей. Ц. 1 р.
 Баранцевичъ, К. Победа. На сѣверѣ дикомъ. Ц. 1 р.
 Ожешкова, Э. Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к.
 — Пана Роза. Великій. Среди цвѣтовъ. Ц. 50 к.
 Корелингъ, М. С., проф. Очерки Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р.
 Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Братья Гордѣвы. Охонинъ брови. Ц. 1 р.
 Немировичъ - Данченко, Вл. Драма за спеной. Ц. 1 р.
 Немировичъ - Данченко, Вас. И. Лявка. Изъ сказокъ дѣйствительности. М., 1896 г. Ц. 60 к.
 Ладыженскій, В. Н. Стихотворенія. Ц. 25 к.

Научно-популярная библиотечка „Русской Мысли“.

(подъ редакціей К. А. Тимирязева и В. А. Голмичева).

- Нассе, Э. и Лексисъ, В. Металлическія деньги и валюта, М., 97 г., 192 стр. Ц. 60 к.
 Пере, В. Умственное воспитаніе ребенка. М., 97 г. Ц. 60 к.
 Дюкло, Э. Пастёръ. Броженіе и самозароженіе. Ц. 40 к.
 Дюкло. Пастёръ. Заразные болѣзни и ихъ прививка. Ц. 40 к.
 Вартъ, А. Религін Индіи. Ц. 1 руб.
 Гауппъ, Отто. Гербертъ Спенсеръ. Ц. 50 коп.
 Шериданъ. Школа злословія. А. В. Лотожска. Біографическій очеркъ Шеридана. Ц. 60 коп.
 Проф. П. Гиро. Фюстель де-Куланжъ. Ц. 50 к.
 Андре Галле. Бомарше. Ц. 40 к.
 Бергло. Наука и нравственность. Съ предисловіемъ К. А. Тимирязева. Ц. 60 коп.
 Геккель, Э. Натуралистъ нождъ трипиками. Ц. 60 к.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ книжный магазинъ журнала «Русская Мысль» съ 1 іюня по 1 августа 1899 г.

- Андерсенъ. Избранныя сказки. Спб., 1899 г. Ц. 3 р.
 Богдановъ. Бесѣды о жизни растений. Спб., 1899 г. Ц. 40 к.
 Богословскій. Пятигорскія минеральныя воды. М., 1899 г. Ц. 1 р.
 Бруттанъ. Зоологія. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.
 Варгинъ. Почвовѣдѣніе. Спб., 1897 г. Ц. 20 к.
 — Питаніе и размноженіе растений. Спб., 1897 г. Ц. 20 к.
 Вортманъ. Дѣйствіе чистыхъ дрожжей въ винодѣліи. Спб., 1898 г. Ц. 50 к.
 Горлицкій. Краткій учебникъ химіи. Спб., 1898 г. Ц. 30 к.
 Гаршинъ. Дѣти крестоносцы, въ перепл. Спб., 1898 г. Ц. 85 к.
 Гобсонъ. Джонъ Рёскинъ. М., 1899 г. Ц. 1 р.
 Гримъ. Бесѣды о прудевомъ хозяйствѣ. Спб., 1899 г. Ц. 75 к.
 Джемисонъ. Леди Джэвъ. Спб., 1899 г. Ц. 2 р.
 Долбинъ. Курсъ законовѣдѣнія. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.
 Елагинъ. Практическое птицеводство. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.
 — Куръ, индейка, гусь, утка и уходъ за ними. Спб., 1897 г. Ц. 25 к.
 Желиховская. Князь Илко. Спб., 1899 г. Ц. 2 р.
 — Какъ я была маленькой. Спб., 1899 г. Ц. 1 р.
 — Изъ тѣмъ къ свѣту. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
 — Въ татарскомъ захоуствѣ. Спб., 1895 года. Ц. 1 р. 75 к.
 — За приключеніями. Спб., 1898 г. Ц. 2 р.
 — Кавказскіе рассказы. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
 Живое слово, I т. Спб., 1899 г. Ц. 4 р.
 Зацѣпина. Приключенія маленькаго Коли. Спб., 1896 г. Ц. 30 к., въ пап. 45 коп.
 Ильинъ. Развитие капитализма. Спб., 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.
 Кабештовъ. Практическіе совѣты по свиноводству. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
 Котельниковъ. О воздѣлываніи широкоственныхъ мучнистыхъ растений Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
 — Скотоводство. Спб. Ц. 40 к.
 Крепелинъ. Природа въ комнѣ. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к., въ перепл. 2
 Кривцовъ. Физика. Спб., 1899 г. Ц. 50 к.
 Кругловъ. Счастье. Спб., 1896 г. 80 к., въ пап. 1 р.

- Картины русской жизни. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.
- Кукъ.** Спутникъ пчеловода. Спб. Ц. 2 р.
- Кулешовъ.** Овца. Спб. Ц. 2 р.
- Кулжинскій.** Описание коллекцій народныхъ писанокъ. Вып. I-й. М., 1899 г. Ц. 5 р.
- Лодыгинъ.** Разказы о лошади-кормилцѣ. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
- Любанскій.** Культура ячменя. Спб., 1898 г. Ц. 60 к.
- Лялина.** Русскіе мореплаватели. Спб., 1898 г. Ц. 2 р. 75 к.
- Самородокъ. Спб., 1894 г. Ц. 25 к., въ пап. 40 к.
- Путешествіе по Туркестану. Спб., 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Марковъ.** Грозная туча. Спб., 1898 г. Ц. 3 р. 75 к.
- Мейеръ.** Рабство въ древности. Спб., 1899 г. Ц. 40 к.
- Нейштубе.** Практическое руководство для производства кастрати свиней. Спб., 1890 г. Ц. 40 к.
- Петерсонъ.** Краткое наставленіе къ разведенію плодовыхъ деревьевъ. Спб., 1898 г. Ц. 35 к.
- Позняковъ.** Басни Эзопа. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Потъхинъ.** Переходъ къ рамочнымъ ульямъ. Спб. 1897 г. Ц. 30 к.
- Пушкинъ.** Бахчисарайскій фонтанъ. М., 1899 г. Ц. 6 р.
- Роговъ.** Ландышь. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Рытовъ.** Русскія капуста. Спб., 1890 г. Ц. 75 к.
- Самборекій.** Корова. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Скворцовъ.** Приключенія муравья. Спб., Ц. 30 к. въ пап. 45.
- Сысоева.** Исторія маленькой дѣвочки. Спб., 1897 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Творенія Платона.** Т. I-й. М., 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Трайль.** Общественная жизнь Англи. Т. VI-й. М., 1899 г. Ц. 3 р.
- Утѣхинъ.** Сельскохозяйственное счетоводство. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Хвольсонъ.** Среди цвѣтовъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Цабель.** Сушеніе плодовъ. Спб., 1893 г. Ц. 25 к.
- Четвертинская.** Сборникъ стихотвореній. Спб. Ц. 2 р.
- Шавровъ.** Шелковица, ея разведеніе и пользованіе ею. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шимановскій.** Сады при народной школѣ. Спб., 1896 г. Ц. 30 к.
- Пасѣка при народной школѣ. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
- Штеблеръ.** Кормовыя травы. Т. I-й. Спб. 1898 г. Ц. 4 р. 50 к.
- Юнкеръ.** Путешествія по Африкѣ. Спб., 1898 г. Ц. 2 р.

НОВЫЯ КНИГИ:

Карлъ Каутскій,

„АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ.“

(„Вопр. Современ.“. Вып. II).

VIII + 375 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

„Вопросы Современ.“ Вып. I. „Великая Сибирская жел. дор.“, *Леруа-Болье* и „Основн. черт. совр. цивил.“, *Конингтама*. Цѣна 40 к.
 „Соврем. Европ. Беллетр.“. Вып. I. *Разказы Шнитцлера, Джерома, Маргеритъ, Конопницкой* и друг. Цѣна 40 коп.

Складъ изданій у В. Головкина (Харьковъ, Мирносицкая ул., д. № 32).
 Выписывающіе отъ издат. за пересылку не платятъ. Книгопродавцамъ — скидка.

„Отъ редакціи журнала Русская Мысль“.

Редакція *Русской Мысли* издаетъ, въ переводѣ или въ изложеніи, научныя и литературныя произведенія западно-европейскихъ и американскихъ писателей. Общую редакцію этихъ изданій взяли на себя

Н. А. Тимирязевъ и В. А. Гольцевъ.

ВЫШЛИ СЛѢДУЮЩІЯ КНИЖКИ:

Нассе и Лексисъ: „Металлическія деньги и валюта“. Цѣна 60 к.

Пере: „Умственное воспитаніе ребенка“. Цѣна 60 к.

Дюкло. Пастёръ: I. „Исслѣдованіе о броженіи и самозарожденіи“. Цѣна 40 к.

Бартъ: „Религія Индіи“. Цѣна 1 руб.

Гаупшгъ: „Гербертъ Спенсеръ“. Цѣна 50 к.

Шериданъ: „Школа злословія“. *Погожева*: Биографическій очеркъ Шеридана. Цѣна 60 коп.

Проф. П. Гиро: „Фюстель-де-Куланжъ“ Цѣна 50 к.

Дюкло. Пастёръ: II. „Заразныя болѣзни и ихъ прививка“. Цѣна 40 к.

Андре Галле. „Бомарше“. Ц. 40 коп.

Бертло. Наука и нравственность. Ц. 60 к.

Геккель, Э. Натуралистъ подъ тропиками. Ц. 60 к.

Вышла іюньская книжка научнаго, литературнаго и политическаго журнала

ЖИЗНЬ.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Чужестранцы. Повѣсть *Е. Н. Чурикова*. 2) Весенняго тепла обвѣянный дыханьемъ... Стихотвореніе *И. С.* 3) Высшая форма органической жизни. Проф. *В. Феттера*. 4) Разбитая ваза. Стихотвореніе *С. Яхонтова*. 5) Всѣ цвѣта радуги. Разсказъ *В. Я. Святлова*. 6) Водопадъ. Очеркъ *Е. З.* 7) Кто? Стих. *Тана*. 8) Афоризмы. *Фр. Ницше*. 9) Стихотворенія въ прозѣ. *Андрея Ньомескаго*. 10) Русскіе на рѣкѣ Колымѣ. *В. Г. Бюлораза*. 11) Майская ночь. Стихотвореніе *А. Королева*. 12) Умирающая земля. Романъ *Рена Базенъ*. 13) „Подъ бременемъ горькой невзгоды...“ Стихотвореніе *Л. Медвѣдева*. 14) „Утромъ зорька молодая...“ Стихотв. *С. Петрова*. 15) Амниѣ и Целистиянѣ. Разсказъ *Анатолія Франса*. 16) Соціологическіе взгляды Георга Зиммеля. *С. Штейнберга*. 17) Ома Гордѣевъ. Повѣсть *М. Горькаго*. 18) Семидесятые годы (М. Е. Салтыковъ). *Е. А. Соловьева*. 19) Аграрный вопросъ въ Бельгіи. *И. Андреева*. 20) Трудовая теорія цѣнности и законъ равной нормы прибыли. *П. Нежданова*. 21) Антропологическіе эскизы. *Л. Ф. Кржишницкаго*. 22) На одномъ диспутѣ въ Москвѣ. *П. Н.* 23) Происхожденіе современнаго сельскаго хозяйства. *П. Ф. Теплова*. 24) Къ вопросу о роли земства въ современной экономической эволюціи Россіи. *Г. Г. Дроздова*. 25) Изъ исторіи читателя. *А. В. Плигасова*. 26) Малоцѣнныя ремесленные ученики въ Пермѣ. *В. Уральскаго*. 27) Нѣмецкіе памфлетисты. *А. Коврова*. 28) Письмо со стороны. *А. С. Изюгова*. 29) Библиографія. 30) Иностранное обозрѣніе. 31) Хроника внутренней жизни. 32) Правительственныя сообщенія. 33) Письмо въ редакцію. *А. Пругавина*. 34) Отчетъ конторы редакціи „Живни“ по сбору пожертвованій въ пользу голодающихъ. 35) Новыя книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

Картины: Село Протасово, Лукояновскаго уѣзда.—Тифозная больница въ с. Новой слободѣ.—Рейсскій водопадъ.—Типы русскяхъ на Колымѣ.

Открыта полугодичная подписка съ 1 іюля 1899 г. по 1 января 1900 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

На годъ 7 руб. | На 1/2 года 4 руб.

Главная контора: Спб., Бассейная, 14.

Международный Органъ
ИСКУССТВО
И

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Ежемесячное иллюстрированное издание
ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖЕСТВЪ,
безъ предварительной цензуры,
подъ редакціей Н. П. Собко,

съ фотогравюрами, хромотипіями, офортами, конюграфіями, исполненными въ перво-
классныхъ заведеніяхъ, подъ руководствомъ лучшихъ мастеровъ.

С.-Петербургъ, Мойка, 83.

Подписная цѣна: 6 р. безъ доставки, 7 р. съ доставкой, 8 р. съ пересылкой, 10 руб.
за границу. Подписка въ разсрочку прекращена.

Наложнымъ платежомъ журналъ посылается лишь по полученіи 2 руб. задатка.

Программа: 1) Правительственныя распоряженія по художественной и художественно-
промышленной части. 2) Художественная хроника. 3) Обзоры русскихъ и иностран-
ныхъ художественныхъ и художественно-промышленныхъ выставокъ, музеевъ, школь.
4) Описанія художественно-промышленныхъ заводовъ, фабрикъ, мастерскихъ. 5) Исто-
рическіе очерки различныхъ художественныхъ и вустарныхъ производствъ. 6) Очерки
дѣятельности отдѣльныхъ художниковъ. 7) Отчеты о дѣятельности разныхъ художе-
ственныхъ учрежденій. 8) Обзоры отечественной и иностранной литературы по искус-
ствамъ, художественной промышленности, археологіи. 9) Общія статьи по искусствамъ,
художественной промышленности, художественному образованію, археологіи и белле-
тристическія произведенія изъ художественной жизни. 10) Корреспонденціи и разныя
извѣстія въ предѣлахъ программы. 11) Объявленія и отчеты о художественныхъ и
художественно-промышленныхъ конкурсахъ. 12) Объявленія промышленныхъ и торго-
выхъ фирмъ.

Сотрудники: извѣстѣйшіе художники и писатели по художественной части, русскіе
и иностранные; профессора исторіи искусствъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ
Россіи и Западной Европы; директора и хранители разныхъ художественныхъ учре-
жденій въ Имперіи и за границей.

Художественныя приложенія будутъ исполняться въ лучшихъ мастерскихъ Петербурга,
Москвы, Кіева, Одессы, Варшавы и Гельсингфорса.

Сроки выхода книжекъ—20-е число каждаго мѣсяца.

Въ вышедшихъ 10 №№ (за октябрь 1898 г.—июль 1899 г.) помѣщены статьи: проф.
М. М. Антокольскаго, художн. А. А. Борисова, художн. В. В. Верещагина, Д. В. Григо-
ровича, акад. Н. П. Кондякова, Е. М. Маковского, А. И. Маркова, П. П. Марсеру, проф.
А. А. Павловскаго (изъ Одессы), художн. Д. А. Пахомова, художн. Н. К. Рериха, проф.
Е. К. Рѣдина (изъ Харькова), В. И. Сизова, Н. Ф. Селванова, Н. П. Собко, А. И. Со-
мова, В. В. Стасова, княг. М. С. Урусовой, Н. Л. Шабельской, иностранныхъ писате-
лей: Марюса Вашена, Бенжамена Констана, Фернанда Кнопфа, Жака Сорреза и др., объ-
нимающія собою 850 странъ въ большую 4-ку и иллюстрированные снимками въ чер-
номъ видѣ и въ краскахъ, какъ въ текстѣ, такъ и на отдѣльныхъ листахъ, въ общемъ
въ количествѣ 545 иллюстрацій (510 первыхъ и 35—вторыхъ), исполненныхъ въ луч-
шихъ художественныхъ заведеніяхъ Россіи съ оригиналовъ наиболѣе извѣстныхъ ху-
дожниковъ и декораторовъ, русскихъ и иностранныхъ.

Цѣна въ отдѣльной продажѣ: вып I, III и VII (№№ 1—2, 4—5, 9—10) по 2 руб., а
вып. II, IV, V и VI (№№ 3, 6, 7 и 8)—по 1 руб. 50 коп., за всѣ вмѣстѣ—12 руб.

Контора журнала „Русская Мысль“ (Москва, Бол. Никитская ул., Шереметевский пер., д. Шереметева) принимает объявления, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу экз. прикладываемыхъ къ журналу объявленій взимается за 1 лоть вѣса 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 р. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы къ журналу.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1887, 1888, 1890, 1894, 1895 гг., цѣна которымъ по 5 руб. за экземпляръ. 1896 г. за 10 руб. Цѣна за пересылку— по разстоянію.

Полные годовые экземпляры журнала высылаются съ налож. плат. по полученіи задатка не менѣе двухъ рублей. При выпискѣ отдѣльныхъ номеровъ журнала съ налож. плат. гг. подписчики благоволятъ прилагать при заявленіи 35 коп. (почтовыми марками) за каждый выписываемый номеръ журнала.

**HOME USE
CIRCULATION DEPARTMENT
MAIN LIBRARY**

This book is due on the last date stamped below.
1-month loans may be renewed by calling 642-3405.
6-month loans may be recharged by bringing books
to Circulation Desk.

Renewals and recharges may be made 4 days prior
to due date.

**ALL BOOKS ARE SUBJECT TO RECALL 7 DAYS
AFTER DATE CHECKED OUT.**

SEP 25 1975

LIBRARY USE APR 1 '86

SEP 12 2002

JAN 8 1991

NOV 05 1991

AUTO DISC OCT 16 '91

MAY 23 2000

LD21—A—40m—12,'74
(S2700L)

General Library
University of California
Berkeley